Илья Рудяк

ПАНА-СОННИК

Сны,
записанные за 30 лет
пребывания в Америке

ЧикагОдесса

Содержание

K02.12 4
K02.11 13
K02.10 30
K02.8 54
K2002 64
K03.7.1 66
K03.9 81
K03.6 92
Dreams87 – двойник 87-Oc 116
Dreams99.9 172
K000.1 174
K000.2 179
K02.12-1 190
K02.12-2 203
K02.6 217
K02.10 233
K03.1 240
K03.2 253
K03.2.14 264
K03.7 268
K03.08 273
K03.04 292
K03.03 307
K03.9-2 332
K03.10 344
K03.12 359
K04.1 383
K04.12 383
K05.10 430
K05.4 446
K05.7 470
K05.7i 483
K05.8 500
K05.10 513
K05.12 523
Mix 52337
K07.1 523

ПанаСонник

Сны за 30 лет
1981 - 2010

K02.12

Сегодня снились разные сны, но вот один из них мне запомнился. Он необычный тем, что объект частый и в тоже время новые ню. Я нахожусь в школьном саду. И Валентина Ивановна, директриса, в которую мы все были влюблены, особенно еврейские мальчики, по причине того, что она была крашеной блондинкой, а мы не очень тогда понимали, как это делается. И она была голубоглазая, курносая, и это как-то привлекало, хотя потом, когда я вырос, когда я видел ее уже взрослым, повзрослее, она была обыкновенная “гапка” . Муж ее Наум, Наум... Борисович, бывший летчик, еврейский парень, симпатичный , но нервный. И вообще-то, этот брак оказался такой совершенно неясный. И мы даже подозревали, что она там с одним юношей была близка. Но это все могли быть и домыслы и фантазии джуринские, где вообще сексуальные задержки были кошмарные. Короче, снится мне, что она... Я ее не вижу, правда, но ее комната там открыта, а их квартира примыкала прямо к школьному зданию. И там как будто даже сарай или подвальное помещение, но его в действительности не было. Но это уже, так сказать, перенос на наш бейсмент, американский такой образ. И там как будто идет распродажа всего, что есть в этом доме их, включая какие-то картины. И вот люди выносят оттуда всякие вещи и уходят через ворота, которые открыты, или в школьный двор. И я так смотрю и думаю:
- Может быть там есть что-то интересное? И во-первых, связанное с Джурином. А я вот как-то... мне даже стыдно как-то придти, как бы говоря, там торговаться и покупать.
И я так иду вдоль сада и думаю... И вижу, что растут необычайно красивые деревья с большими-большими цветами. Именно деревья, и они... ну, типа может быть, как каштаны или... И там цветы и листья, ну просто поразительные. И я думаю:
- Вот было бы неплохо вот такой букет цветов нарвать на память о Джурине.
И потом по дороге ко мне кто-то еще там из джуринских подходят, значит... и говорят:
- Вот теперь она половину этого участка решила продать.
И вот любопытная такая... откуда растет вся эта история? Притом, что естественно, в Джурине это было исключено, чтобы кто-то мог продать половину принадлежащего школе участка. Но все это связано с моим, с нашим домом здесь, в Америке, в Норсбруке. У нас очень большой участок, но не хватает совсем немножечко, чтобы его разделить на два допущенных законом размеров, чтобы построить еще один дом. И таким образом, имея два дома, можно было бы просто немедленно выиграть миллион. Но этого

кусочка не хватает, вот поэтому мы не получим столько денег. Иногда мы думаем об этом, а иногда я просто гляжу на эту красоту, на ширь вот эту нашего участка с деревьями, кустами, цветами, радуюсь и думаю:
- Бог с ним, с миллионом!
Мы как-то не задумывались о денежном выигрыше в этом вопросе.
А то, что там выносили картины, это скорее всего... тут есть такой русский... очень такой “порхатый”, как говорят. И он собирает с разных сейлов, что-то покупает очень дешевое и заносит к себе в гараж и там тоже продает. Но у него я когда-то одну картину, действительно, взял. И вот, это скорей похоже на вот эту ситуацию, где оттуда выходили с картинами. И еще, недавно я тоже купил две картины, таким же как бы образом. Поэтому, может быть, оно в этот сон ушло.

***

Из многих событий... да боже мой, я уже давно не записывал мои впечатления, кроме снов. Потому что очень много было прочитано и продумано. На днях я начал читать Бориса Носика “Рассказы” его. Не его парижские, такие культотрегерские издания типа “Берег правый, берег левый Сены” о русских, корнях в Париже или там о клабище, где похоронены все русские. Но это, это интересные книжки, безусловно. К сожалению, когда мы были в Париже, я ему позвонил немедленно. Причем у меня предчувствие было, что он очень интересный человек в любом случае. Я его не знал и не видел. А у него в это время был инсульт. Ему где-то лет семьдесят. И мы ему пару раз звонили и оказалось, что там в эти дни был отключен телефон, потому что... чтобы не беспокоить его. Так что не удалось мне его увидеть. А вот эту книжку, плохую книжку он написал “Анна и Амадео”, о Модильяни и Ахматовой. А теперь просто его рассказы, это художественные вещи. Он прекрасно владеет словом и намного интереснее и лучше пишет, чем другие. Это без какого-то стеба, хотя он позволяет себе быть очень раскованным. И пару рассказов, опять же, которые от первого лица, очень как-то живо и интересно написаны. И поэтому я был рад встретиться с ним таким образом. В это же время было просмотрено и прочитано очень много интересного в “Караване” – такой есть журнал, издается в Москве. Блестящий. И там бывают интересные эссе, биографического характера, с великолепными фотографиями. Ну, просто такое полиграфическое мастерство я давно не видел. Я бы мечтал бы сделать такой альбом, где вот такие ясные, четкие фотографии могли бы быть. И вот, там было очень хорошее эссе о Симоне Дебувуар и Жан-Поль Сартре. Ну, что ж, это для меня, так сказать, и новые какие-то сюжеты и ситуации, которые я не знал о них. Но, в принципе, это могло и

предполагаться. Это, конечно, две такие совершенно уникальные фигуры и не сочетающиеся, казалось бы, но вот прожили очень долгую жизнь вместе. И в тоже время стремились и как бы уйти в разные стороны. Но там некоторые интересные детали, которые для меня просто были на “Вы”. И очень интересная такая история наглого внука Григория Александрова, тоже Григория, который написал о своем дедушке, точнее дал интервью. Но чувствуется, парень такой не промах, как и был сам Григорий Васильевич. И там есть детали любопытные о характере С.М., о взаимоотношениях между Александровым и Эйзенштейном. И Эйзенштейн показывается каким-то трусливым, скабрезным, каким-то странным, с большими комплексами. И очень живой, здоровый и скрытный Александров. И в тоже время детали их жизни с Любовь Петровной Орловой, которая тоже оказалась в этом интервью во всей неприглядной красоте, хотя и легендарной, но в чем-то и несправедливой. И это... это, в целом, хорошее эссе. Чтение легкое.

2-ое декабря

2-ое декабря. Вчера я как-то не записывал ничего, хотя что-то и снилось. Сегодня более такие масштабные сны. Любопытный один сон, который повторяется, но все в новых каких-то вариациях. Я в Одессе, и магазин “Дом Книги” находится тоже в Одессе. С одной стороны, он как будто должен выходить на Дерибасовскую, лицо его. А я вот прохожу мимо “Золотого Ключика” – конфетного магазина – и думаю, что можно заглянуть. И вот меня спрашивают:

- А когда вы откроете? – какие-то люди, которые меня видят.

Я говорю:

- Скоро.

И иду. А оказывается, что он не выходит на Дерибасовскую, а на Греческую площадь, где трамвайная была когда-то остановка, или троллейбусная, вернее... Но оказывается... я туда подхожу, а там как будто все ремонтируют. И я выхожу снова на Дерибасовскую, и она вся разрыта. И какие-то громадные, но почему-то очень черные, из черного чуть ли не гранита, такого вот черного... строятся, ну, необычайно высокие такие, Вавилонские башни. И это все на серьезе, то есть, там будут и жить. И я думаю:

- Боже! Какой размах!

Но все разрыто. И вот эта разрытость мне столько раз уже снится, что Одесса вся в рытвинах, вся в каких-то стройках, то есть, все, что было раньше, все дома светлые – все это исчезло. И на месте этого будет

построен совершенно другой какой-то город. Но именно вот странно, вот преобладание этого черного цвета, гранита как бы.

***

Потом мне снился какой-то дом, в котором мы находимся с Олей. И она... Там какое-то переодевание было очень смешное. Она одела какое-то платье, неожиданное... Но это мне понятно почему. Это вчера она одела, когда были Марджори и Эрик, она одела очень такое красивое платье. Но в этом сне она как будто набросила на себя хозяйки платье.

И оно какое-то с перьями, и такое вообще... такое экзотическое. А я нахожусь... но там все или уезжают или приезжают. И много еды, которая нам как-то не подабает по макробиотике. И это все в таком круговороте. Но самое интересное, там был еще один маленький такой эпизодик – какая-то женщина или девушка какая-то, очень ко мне ласкающаяся, настолько возбудила меня... А я почему-то оказался в халате таком, без трусов, что когда я как-то так неожиданно развернул его... оказался, что огурец стоит на двенадцать часов. И он такой острый, именно как даже... как морковка такая, но такая острая и эрекция такая полная. И мне, конечно, как-то так стало стыдно, потому что это заметили. И Оля заметила, и все, и я думаю:
- Вот тебе на! Вот так я попался.

***

Поразительный сон, поразительный сон. Не могу даже поверить, что такое может быть. Снится мне,что я где-то нахожусь, как бы в Староконстантинове. И в это время у Семы ... или это у него в квартире, или где-то в Доме культуры. Я вижу какую-то выставку, и там очень красивые рисунки. И художник, оказывается, тоже тут присутствует. И он такой оригинал, какой-то такой, восточного типа, армянин или грузин. И зовут его Гаргел или Гаргелов, скорей, его фамилия. И я подхожу к нему и говорю:
- Мне очень нравятся ваши рисунки. И мне бы хотелось, чтобы вы, может быть, сделали вот какой-то рисуночек для “Чикаголы”…
Он говорит:
- Чего-чего?
И Сема говорит:
- Ну, Чикаго, как Чукоккала.
- А-а-а, – он так не очень сразу врубился, а может быть даже, он не понял о Чукоккале.
А моя мысль была, чтобы, может быть.... чтобы он сделал набросок такой для альбома. И я ему начал так вспоминать, кто же меня рисовал. Что и

Борис Мессерер, и Владимир Войнович, и Осик Островский, Наумец, Лянглебен, там еще какие-то... И он как-то так слушал меня, и видно: все это как-то мимо... И он быстро собирается и начинает как бы уходить. И мне не хочется упустить его, и тем более, что я... мне куда-то... надо доехать до города. И я думаю:
“Если у него есть машина, а у него должна быть машина, может быть, где-то есть... как запасной вариант”.

5-ое декабря
Это продолжение за 5-ое декабря. И вот этот художник выходит во двор, и я иду за ним и говорю:
- У вас машина есть?
Он даже удивился... И он в такой громадной шляпе красивой. И я иду рядом, а у меня даже нету зонта. И я думаю:
- Ну, зонт-то у него должен быть, чтобы я...
Он говорит:
- Машины у меня нет, у меня есть конь. Кстати, – он говорит, – вы его можете оседлать, если вам подходит...
Я вижу великолепную, красивую, белую лошадь, такой красоты невиданной. И я беру ее за поводок. Она на длинном-длинном таком... ну, уздцы такие длинные, с длинным поводком. И я стою с ней, а он исчезает. Боже мой! Такая лошадь, ну прямо просто, как в сказке. И я иду с ней, как будто... она, действительно, как будто как собачка для меня.... Но она настолько высокая и красивая. И вот мы идем с ней и попадаем на какой-то такой базарчик. И там сидят очень такие прожженные торгаши, несколько еврейских типов. Вначале они как-то просто так сидели, а потом вдруг – раз! – и преображаются, и они все увешаны орденами. И я думаю:
- Это - ветераны?
Нет, они их продают, причем за остекленной такой, как бы провинциальной витриной такой, как бы под стеклом. И вот один выходит как-то из-за этого стекла и говорит:
- Ну, так что?
Я говорю:
- Вот это вот, мне нравится.
А там я вижу какую-то медаль, и сверху написано “За дело Сталина” и прочее... Я такой медали никогда не видел, она как бы даже квадратная. Но там очень ясно написано “За дело Сталина”, “За Родину”, короче, что-то такое. И я его... и я говорю:
- Вот эта медаль меня интересует.
Он говорит:

- Ну, это сорок долларов, я, – говорит, – за меньше не отдам. Сорок, сорок, сороковник – вот так.
И я начинаю рассматривать, но, в принципе, за сорок доларов ее стоит взять. Я ее просматриваю с другой стороны, а там выгравирован, так от руки еще какой-то такой... Ленина еще портретик, и написано конкретно какому-то человеку... И написано, и расписано еще тоже “и много товарищей по оружию”, что ли... Они так расписались тоже на этом... на медной такой... кругу, и... выгравированы их подписи. И это ему как бы так подарили. И он получил ее, и они еще расписались. И я думаю:
- Что ее надо взять, но у меня лошадь на поводке, и она как-то стала беспокоиться.
И я думаю:
- Что же делать?
Я забыл уже о ней, и она как-то обиделась, как бы обижена. И вот она, я с ней чуть-чуть прохожу, и она стала так кататься по траве, там трава. Меня это как-то очень огорчило, что я вот так забыл ее как бы из-за увлечения этой медалью. И вот она... мечется так, по траве катается, и так чуть ли не подминает меня под себя. Но потом она встряхнулась, встала. И я как-то так думаю:
- Ну, надо ее как-то приласкать...
И я ее хотел погладить по голове, но она как-то отпрянула. Но потом я все-таки смотрю, а она на траве... она нашла какой-то островочек травы и стала щипать ее. И я думаю:
- Ну, это уже лучше, уже какое-то чувство облегчения, что ли.
И вот я еще раз подхожу к этому человеку и говорю:
- Ну ладно, тридцать пять я вам дам.
А он так:
- Сколько ты даешь мне?
Я говорю:
- Тридцать пять.
- Нет, нет, сколько ты даешь?
Я говорю:
- Трицать пять.
И он понимает.
- Ты даешь, сколько ты даешь?
И как-то все время играет этим. Потом подходит там к этой девке, которая там тоже продавщица, и как-то так иронично:
- Тридцать пять он дает.
Или вообще, не называет цифру, так, мол... И я все время думаю:
- Ох, какой мастер, какой арап!

И я все-таки думаю:
“Надо ее взять эту медаль”.
И я говорю:
- Вот вам тридцать пять долларов.
И я понимаю, что он хочет взять...
Но потом все это как-то исчезает, и я проснулся.

***

Да, прекрасна, прекрасна жизнь подсознательная, разнообразна. И снится мне... почему-то я должен попасть в Эрмитаж в Ленинграде. Но пройти туда не просто. Я прихожу к открытию. И там стоит у входа женщина. Мужчины стоят на дверях. И они знают, что я ментально нездоров, что ли. И для того, чтобы я туда попал, они должны дать какое-то разрешение. Потом я слышу, они рассказывают анекдоты. И я думаю:
- Ах вы, я вам сейчас расскажу анекдот.
И вспомнил про Брежнева в Третьяковке. С бородой, но к месту.
Вот я сейчас подойду, тем более, что голос Брежнева я имитирую классно, поздороваюсь с покашливанием и начну.
Стоит Л.И. перед картиной Врубеля:
- Что это за художник?
И ему говорят:
- Это Врубель.
- Неплохой художник и недорогой. Всего рубль
И я, действительно, расположил их к себе, и они меня пропускают туда. Вот, такая какая-то совершенно несуразная ситуация, которую я испытал во сне.

***

Потом я перебрасываюсь в какой-то... в какой-то пейзаж... долина, горы, красивый пейзаж, как будто ожил с какой-то картины старой. И появляется, где-то наверху появляется .... Я стою на горе какой-то, и как будто вижу все крупным планом... И появляется там громадная собака. И она меня как увидела и мчится прямо на меня. . И я не понимаю, что делать – бежать или как-то защищаться. И вдруг оказывается, возле меня оказывается какая-то доска, или типа дверь какая-то даже целая. И я ее так держу и думаю:
- Если она прыгнет...
Но собака увидела, что я с дверью, и для нее это, как бы говоря, знак такой:
- Не надо, не надо.

И она пробегает мимо. Но громадная такая, с оскалом, как будто это не собака, а волк. И вот она прошла мимо. И я думаю:
- Ну , пронесло.
И я вот так иду с этой дверью, дальше вниз прохожу по этому лугу. И вдруг вижу, что издали... мчатся тигры. Хрен редьки не слаще. Я как бы стою у склона какого-то пригорка, горы, а они – их три – два проскакивают с другой стороны этого пригорка, вот этой возвышенности, холма, пускай будет так... А один, третий, он как бы тоже туда направился, но вдруг он меня заметил. И я подумал:
- Ну все. И вот это конец.
И я даже настолько как-то сник, ну держу вот эту доску и думаю:
- Конечно, если он захочет прыгнуть и если у меня хватит сил поднять эту доску и ударить его по голове или каким-то образом встретить его прыжок, тогда, может быть и спасусь. Посмотрим.
Но силы такой я в себе не чувствую. Притом, что я закрыл глаза и жду вот этого момента, когда меня просто разгрызет этот тигр...
И просыпаюсь. Вот такие тигры. И тигры снятся мне не впервые. Уже очень часто были, и я уже об этом рассказывал. И в данном случае, эти тоже вот так могли и разорвать меня, но спасает, что я просыпаюсь от безысходности этой ситуации. Почему тигры? Собака... и волк... Во-первых, я вспомнил, в Д.К. пришла женщина и искала подарок одному “новому русскому”, который здесь оказался, В смысле русский парень, здоровый, пьет, видно, много и крепкий, как боров.
А она уже здесь живет, у нее ребенок уже большой. И вот она говорит:
- А он собирает все про волков. Нет ли у вас картины, или бюстика, или что другое?
И я говорю:
- Да, да, у нас есть такой волк, хорошая такая статуэтка.
И мы начали искать, но я ее не нашел.
Может быть – я даже подумал – может быть, она даже у нас осталась дома.
Короче, этот волк или собака меня как бы заинтриговали. Да, и я подумал, что это была собака, но потом я думаю, что это была статуэтка волка.
А вчера еще я пролистывал книги и нашел, значит, нашел книжку “Между собакой и волком” Саши Соколова. Думал, может, еще разочек взглянуть, я ее когда-то читал, и она мне меньше понравилась, чем “Школа дураков”, хотя я понимал, что это тоже очень сильная вещь. И вот эта ассоциация с этой собакой, которая бежит на меня или как волк, собака, могла возникнуть. Тигры? Ну, тут, трудно мне сказать, это уже какая-то... здесь уже есть какой-то символ, который я не могу сразу разрешить. Но думаю: почему все-таки тигры?

И я не знаю, это я не могу сразу сказать, потому что это уже повторяется несколько раз и именно вот в одном и том же варианте, что в последнюю секунду я просыпаюсь и сдаюсь на волю случая. И вот это мне снится не один, уже не один раз.

***

Да, эти сны, которые я записал, я не прокомментировал, но там есть, конечно, объяснимые моменты, но бывают и не подвластные, например – почему мне снятся тигры, которые должны меня загрызть ? И я просыпаюсь. И вот этого я не могу понять, почему именно тигры. Не знаю. К психоаналитику я не хочу обращаться. А вот просто в своей жизни покопаться надо... Был ли какой-то такой момент? Не знаю, не могу вспомнить. И это частый такой мотив, не впервые. Притом, что я же вырос в краю, где, конечно, тигры не водились, и я не мог бы ничего такого вспомнить ассоциативного.
Да, а до этого там был даже какой-то кинотеатр, кажется. Ну, это естественно, эти ассоциации возникают немедленно. Так что я сейчас... сегодня мне тоже снились два поразительных... параллельно шли два сна, один за другим. И конечно, это очень-очень любопытно.

***

Прочел вчера блестящий рассказ “Друг Кафки” Зингера. Да, он мне все больше и больше нравится, конечно. Это просто мастер, а внешность его простовата, провинциальная, вид бухгалтерский, не вяжется с такой тонкостью.

K02.11

****

18-ое ноября

Похоже, что сегодня 18-ое ноября, а может, 20-ое или 19-ое, надо будет проверить. Вчера мне снился очень любопытный сон.

Я и Оля находимся на катере, не очень большом, такой плоскодонный какой-то... Широкое и очень большое днище, речной или морской какой-то... такой типа ну, не знаю, не произведение корабельного искусства. Но, во всяком случае, очень большая такая плоская большая на большом пространстве. И вот мы находимся как бы на этой палубе, на громадной, большой палубе. Но она очень плоская, она близко к воде почти. И вот мы должны причалить к берегу. И что-то получается, что он не может как бы причалить. И он кружит, этот пароходик, или это лодка, или не лодка, она кружит. Она не весельная, а металлическая с каким-то мотором. И она кружит для того, чтобы там, как я понимаю, хотя это нонсенс для водной машины, чтобы бензин вышел. Как бы самолет кружит для того, чтобы у пилота закончился бензин. Тоже не знаю, для чего, чтобы не было взрыва, что ли.? Но, во всяком случае, при падении, при посадке. Вот то же самое здесь. Он, значит, кружит и... Но так, пока еще все нормально. Я в какой-то очень белой такой светлой одежде. И вдруг он так накренился, и вода хлынула, большая волна. И я отпрыгиваю и убегаю от этой волны по этой палубе. И вот, и вот он, наконец, он как-то очень неаккуратно, что ли, все-таки приплывает к берегу. И я прямо схожу с этой платформы, прямо схожу на какой-то бордвок. И так все благополучно как бы закончилось.

***

Сегодня мне снилось несколько снов. Пожалуй, один совершенно уникальный. Снился мне такой сон, что я, не знаю, куда я попадаю, в какой-то... в какое-то место, где сидит женщина, и у нее на руках ребенок. и он явно болен. И я присматриваюсь и вижу, что у него, в принципе, на лбу один глаз, громадный такой глаз, и в нем крутится зрачок внутри. А потом, когда я подхожу ближе, я вижу, что там еще по бокам есть какие-то два небольших отверстия, типа глаз. И вот она его держит как-то на коленях. И я думаю:

- Да, несчастный ребенок ...

А потом вдруг из этих орбит и изо рта начинает выходить какая-то слизь очень обильная. И я думаю:

- Это же надо, чтобы внутри образовалось вот такая слизь, для того чтобы она в таком количестве могла выйти оттуда.

Это очень как-то неприятно, и я или проснулся и дальше сон шел, я уже не помню.
Затем... да, этот сон связан с тем, что я вчера смотрел очень примечательный, такой простой по своей режиссуре и по построению, фильм о Марке Твене. То есть, последовательно по фотографиям и каким-то добавкам из чисто таких перебивок с рекой Миссиссипи и с его домами. Ну, построенный на... на фотографиях, рассказах и комментариях писателей... Артур Милер и еще там пару человек. Короче, там есть эпизод, когда первый сын родился у них, у красавицы жены его и Твена, но он оказался болезненным. И у него были какие-то и ментальные проблемы, и прочее... И он скончался. И там показан он в таком возрасте самом раннем, где видно, чувствуется, что это болезненный ребенок. И вот отсюда у меня родился вот этот сон. Только отсюда, потому что я по-другому и не думал. Тем более, что там тоже, она его держит на коленях.
Это было очень похоже. Но вот эти глаза внутри, и два по бокам, на лбу и два по бокам – это, конечно, какая-то фантасмагория пикассовская такая...

***

Затем мне снится сон, что я, ну, в общежитии... Тоже это стало как-то в последнее время все больше и чаще повторяться. Какая-то очень красивая женщина, необычайно милая и очень интеллигентная, спокойная, тихая такая, для меня это определение очень важно, встречается со мной, и мы как-то так нежно относимся друг к другу. И я думаю, что мы должны где-то быть вместе в каком-то уютном, уединенном месте. И я вспомнил, что в общежитии у меня есть комната. И я думаю, что надо туда пойти. И по дороге как-то... я ее теряю, или она исчезает как бы ... И я думаю, что, может быть, она сама пошла туда, или она слышала, или она знает, что там у меня комната. И я прохожу в это общежитие и ищу мою дверь. Там их несколько дверей, как бы такой именно... архитектура общежитейская. И я вдруг теряюсь. Открываю дверь, думаю, что, кажется, предпоследняя в конце, я открываю, и там... А вижу: спят там мужики, студенты... Мужики, вонь кошмарная такая обычная, воздух спертый. И я подхожу к последней... там к окну, где моя была как бы кровать. Там тоже лежит какой-то человек. Никто ничего мне не говорит, и я тихонечко выхожу и думаю:
- Может быть, следующая комната?
И в следующей комнате та же самая картина – полно набито каких-то студентов, какие-то студентки тоже там. Какой-то семинар, видно, был, они там или приехали, вот такого типа это все.
И вот , я так и не достиг желаемого.

***

А вот дальше снится тоже любопытнейший сон. Я с Шуриком моим, который сейчас в Израиле, нахожусь в каком-то месте, где я помогаю ему, что ли, выиграть какой-то спор. И это всего-навсего заключается в смысле рыбки, небольшой рыбки. Может, имеется ввиду, подразумевается в подсознании, что это золотая рыбка. Но, во всяком случае, это рыбка, которую я ему как бы отсуживаю. И вот я ее несу в такой кастрюле, не кастрюле, а очень такой невысокой, плоскодонной такой кастрюльке. И там немножко воды есть, и она там так плавает и барахтается. И я хочу ее донести домой, чтобы пустить в аквариум. И я иду с ним. И самое интересное, что у него та же проблема, что в предыдущем сне была у ребенка: тот же самый глаз у него находится где-то на лбу. Короче, в лице есть... такая деталь. И вот мы идем по улице, и впереди – школа, наша Джуринская школа. И в окне я вижу учительницу, которая... в которую я был даже влюблен и которая преподавала у Шурика потом тоже. И она так смотрит, и я так думаю:
- О, вот теперь она поймет, что я вот все-таки помог ему и что мы... умеем постоять за себя, как бы так.
И я думаю, что:
- Может она даже рассказывает сейчас ученикам:
– Вот видите, идет там Люсик Рудяк и Шурик Кац, вот он как-то помог ему так... И вот какой прекрасный пример.
Вот в таком плане. И я продолжаю идти... вода выплескалась вся, и рыбка осталась на дне, и она стала как бы биться в этой посудинке и вот-вот может вылететь. И я ее как-то прикрываю рукой и в тоже время боюсь, что у нее там может что-то нарушиться, если брать ее руками, она может погибнуть – это не рекомендуется. Вот такая вот мысль. Хотя есть какая-то теория, я не знаю, по поводу рыбок или чего-то другого... И вот я иду с ней, я так уже чувствую: вот-вот она выскочит из этого... из этой кастрюльки. И я ее как-то так держу и за хвостик, и она все время телепается и вырвалась опять. И я спешу. И вот мы подбегаем к нашему подъезду в Одессе, уже в Одессе. И я звоню и кричу:
- Оля! Открой! Оля! Открой!
И никто не открывает. И очень длится это долго. И я думаю:
- Вот она, вот, вот, вот она сейчас выскочит, и она упадет на пол, и я ничего не смогу сделать.

И это страшно почему-то для меня важно и очень обидно. И я думаю:
- Нет, лучше проснуться.

Вот это точно такая мысль в голове проскочила. Я просыпаюсь, и сон заканчивается.

***

Этот сон я не могу не записать, потому что он очень необычный. И я даже не знаю, как говорится, откуда он вырос. Значит, ситуация такая там. Я, о, боже мой, боже, как я жалею, не то, что жалею и как я считаю, хотя бы что каждый день придумываются такие вещи, но еще не придуман записывающий аппарат. То есть, это была бы полная... полный переворот – никакие документальные фильмы не могли бы сравнится со снами. Это был бы просто совершеннейший переворот в изображении, вот если бы записывать сны.

Итак, снится мне, что я попадаю... что я где-то в какой-то школе. И я тот, который есть сейчас. И там целый класс выбрали для полета в космос. И меня в том числе туда как бы тоже включили, подключили. И кроме этого, там еще один наш, мой знакомый эмигрант, которому за семьдесят лет. Он такой не очень здоровый человек, но он мечтает полететь в космос тоже. И его подключили. И вот эта группа, мы находимся в помещении, типа школьного зала, спортивного. И как бы проходит ожидание подготовки Мы, то есть, нас не тренируют, никто, а просто мы ждем, когда нас поведут вот в этот космический аппарат и нас запустят в космос. Но никто к нам не заходит. Нет никакого, какого-то начальства, которое занимается этим, нет профессиональных людей, которые готовили к этому. Вот просто мы все должны полететь в космос. Сколько там надо пробыть и что делать, я не знаю . Но сам факт – очень любопытный. И я думаю :

- Вообще, в принципе, посмотреть Землю с высоты стоит. И потом, это ж событие необычайное такое. Переживать невесомость, уже одно это здорово!

И вот какое-то идет тянучее время, и нас никто не вызывает, нас никто не организовывает, строем не ведут в этот космический аппарат. И я даже не думаю, большой он или малый. Но если, так сказать, это целый класс, значит, это возможно. И это человек тридцать, как минимум. И там находится какая-то очень милая девочка, с которой я из-за того, что ожидание тянучее и даже беспокойное, завожу разговор. И она страшно заинтересовалась, что я вот пишу, что я ставил спектакли, фильмы… Я вдруг вспоминаю, что у меня нет с собой даже книжки своей, я не взял для того, чтобы, например, там подарить или показать инопланетянам. И я так думаю:

- Что же это такое? Это обычная история, что я вот не имею при себе моей книжки или рассказов, или газетные вырезки.
Но она очень заинтересовалась и заинтриговалась так, как могут американцы. И трудно сказать, она русская или американская девочка? Я во сне - это не определил. Но ее интерес очень большой, и даже завязывается какое-то такое романтическое начало. Хотя у меня к этому нету повода... Я вижу, что она совсем ребенок. Если я шестидесятитрехлетний, так ей, видно, лет где-то восемнадцать, семнадцать. То есть, я не думаю о таком, но есть какой-то, такие... флюиды какие-то передаются. И вот я все время жду, жду и думаю. А потом вдруг я как бы вспоминаю, что:
- Подожди! Ведь я фактически... У меня сейчас довольно сложная ситуация. Я после одной операции и потом после... И все-таки, этот самый... простатная операция, теперь грыжа меня тоже мучает.
И я думаю:
- Как же я это все-таки вынесу там?
И самое главное, что меня же никто не проверяет. Например, должна же была быть какая-то медицинская комиссия. И я думаю:
- Может, она еще предстоит перед тем, как мы войдем в корабль.
Однако, никто не приходит. И я думаю:
- Я подожду, я им все расскажу там, в комиссии этой. И если они сочтут, что я не подхожу, значит, тогда ничего страшного, я ничего не потеряю.
И вот этот эмигрант, который меня хорошо знает, и я его тоже знаю, он говорит :
- А что мне. – говорит, – терять. Я все равно, – говорит, – уже старый человек, больной притом. Так я хотя бы, – говорит, – получу вот такое удовольствие или такой возвышающий обман.
И я как-то поддерживаю его и говорю:
- Да, в принципе, это так, но комиссия какая-то должна прийти.
Он говорит:
- Да, я тоже вот думаю об этом.
И вот... и я в тоже время, как-то начинаю сомневаться вообще в этой всей затее. Хотя это настолько уже решено кем-то и где-то, что мы должны лететь в космос. И весь этот класс... А дети, как дети, они шумят, бегают и там общаются и что-то делают. И для них это, так сказать, они не думают о тех вещах, о которых думаю я. И в конце концов надо как-то просто понять: что же происходит?
И я пытаюсь выйти - дверь открыта. И я выхожу и попадаю, попадаю домой или в Джурин или в Одессу - не помню. Там Костя есть и еще кто-то есть из наших... Сема, что ли. И я говорю, вот рассказываю им:

- Что, ребята, слушайте! Меня должны были, меня это самое... я засомневался даже, я вообще вынужден был пойти узнать и вот я вышел к вам, прямо к вам.
И я продолжаю:
- Что, конечно, было бы очень приятно посмотреть сверху эту красоту и вот наш эмигрант, он старше меня намного, ему где-то за семьдесят с лишним, и он тоже решился на это.
А Костя говорит:
- Никакой голубизны там нет, так что ты себя... вы себя не должны были тешить такими мыслями. И ты ничего не потерял из-за того, что... Ты не думай, что ты там увидишь с высоты, если вас запустят в космос, что ты увидишь такую голубизну и такое чудо, что ты, мол, никогда этого не видел и никогда себе не представлял. Увидишь такое же, как будто ты в самолете, или где-то...
Ну, я говорю:
- Ну, вы лучше знаете. Я в принципе не знаю, может я ничего не потерял, кроме того, что я спас себе жизнь. Потом это же еще надо, чтобы он потом здесь приземлился благополучно. И чтобы он поднялся благополучно.
То есть, у меня лишь сейчас возникли вот эти, как бы сказать, доводы и сомнения. И вот такой вот сон. Кафкианский с одной стороны. Это ты не думаешь, тебя взяли и хотят запустить. А ты даже не участвуешь в этом. Согласие или несогласие, то есть, тебя уже подготовили. Это готовый хороший рассказ, который может быть я и напишу. Вот, вот такой вот сон. Потом разные другие, конечно, сцепления, но то, что вот такие вот сны – это действительно любопытно.

***

Продолжаются, конечно, фантасмагорические ситуации. И сегодня снился сон, снился сон, что я должен поехать в Иерусалим, даже не в Иерусалим, а в Израиль. И вот я как бы туда прилетаю и ищу квартиру Левы. И попадаю в какой-то такой как бы коридор и мы стучимся. там был какой-то инструктор... я вот сейчас не могу вспомнить. Потом я сажусь как бы на пол что ли там какой-то и жду. И вот наконец Лева меня застает в этом положении . Ну вообщем поднимает меня и приглашает к себе. И мы попадаем в его комнату. И там еще два или три его товарища... И мы почему-то все лежим и отдыхаем. Не сидим за столом, а лежим на каких-то... Как я на какой-то кушетке, то ли в кровати там два человека рядышком. И идет беседа о литературе, о философии, о жизни, о любви. И я молчу и жду, как говорится своего, своего момента, когда я смогу что-то

сказать. Это интересно, я об этом думаю. И вот они ждут, что же я скажу по этому поводу... Какая-то тирада такая:
- Что сейчас к сожалению очень много развелось филологов, философов доморощенных, которые... ну их так печатают, и прочее... И таким образом, все это вообще теряется и вряд ли что-то можно из этого новое и хорошее найти. И нету просто сейчас такого философа или художника, который мог кратко и ясно, не затуманивая мозги, выявить те проблемы, те мысли, те чувства, которые сейчас волнуют человечество.
Вот такая какая-то тирада. Вообщем, я говорю это как-то красиво, уверенно и все в это... И в тоже время, в этом есть неудовлетворение. И я сижу...
А потом вдруг я попадаю в какую-то небольшую комнату, но рядом там другая комната... И там лежит Валя и по-моему это родственница Левы. И они лежат там, что-то шепчутся и говорят, а я сижу и латаю мои старые кальсоны, я ношу типа такое белье зимой, когда уже холодно. Но там какие-то есть прорехи и я их очень аккуратно зашиваю.Потом значит мне Валя оттуда говорит:
- Илья, я все-таки думаю, что вам надо из Иерусалима обязательно попасть в Хайфу. Вы уже здесь, так что вы попали в Иерусалим на пару дней.
И я подумал:
- Да, вообще в принципе, конечно надо.
Но я ведь не готов абсолютно, я не взял с собой никакого белья – я про себя думаю – я не взял ни белый костюм. А мне почему-то казалось, что в Иерусалим, обязательно надо быть в Иерусалиме в белом костюме моем, итальянском. Он ведь такой как бы легкий, как перышко, костюм. И я не взял белых туфель и вообще я даже не подготовлен. И я думаю:
- Как же это все я не продумал? Вот взял вдруг и прилетел. Попал сюда и – ничего.
И вот... и я вот думаю:
- Хорошо, но вот деньги есть еще со мной, деньги, я все это смогу еще купить.
Но я так как бы успокаиваюсь и думаю:
- Ну что ж надо взять еще все адреса, надо Губермана адрес вспомнить. Ну и там можно будет зайти к Нехаме Лифшицайте. И Ханночку хотелось бы увидеть и моих всех родственников, которые здесь живут.
Вообщем, я как-то не подготовлен и думаю:
- Ну как же это вдруг, взял вылетел и ничего с собой... А подарки, которые мне хотелось бы всем подарить ? И ничего с собой не взял.
Вот такое вот состояние не очень приятное.

***

Потом вдруг сон перебрасывается опять или на станцию Жмеринка или где-то другую, как бы, так сказать, станцию, которых в моей жизни было очень много. И я стою на перроне с каким-то моим человеком... ну, с каким-то человеком, который со мной сейчас... Это, может быть, Эдик. И мы ждем какой-то поезд, который должен быть... Но его почему-то нет долго. И я думаю:
- О, я может пойду сейчас... там есть какой-то базарчик. Может я там сливы наберу... Ну вот такое что-то, чтобы перекусить.
И я ухожу и попадаю на такой толчок, прямо перед вокзалом Одесским, Одесским вокзалом. Вот такой был... И там очень много крутится разных людей. И я тоже подхожу и вижу там какие-то овощи, то есть, помидоры... и еще все-таки сливы, сливы лежат на прилавке этом. И я значит туда направляюсь, там очень много людей вокруг. И я чувствую, как ко мне в карман залазит рука. И я схватил ее – и бах – и говорю:
- Ну что, дорогой мой?
Но у меня там во-первых, ничего нет почти. И во-вторых, мне надо чтобы я сумел купить сливы. Я его как бы... усовестил, но он как-то так ушел и я чувствую, что здесь какая-то такая атмосфера опасная и тревожная. И я уже кажется ничего не покупаю и иду обратно на вокзал. Но Эдика там нету уже и поезда тоже. И вот я стою в каком-то таком тревожном состоянии. Вот такой сон тоже снится, он не редок.
Ну, в отношении Иерусалима, я недавно, буквально два дня тому видел по телевидению терракт. Я очень переживал, сочувствовал... и действительно какое-то совершенно безысходное было состояние . Школа, дети, и вдруг там взрыв и погибают все... А, а потом мне еще позвонили из Иерусалима, Теплицкий, шахматист и я его спросил:
- Как?
И он тоже, в принципе говорит, что очень – очень опасно, и состояние нехорошее. Поэтому вот этот сон мог сниться мне. Но Лева, брат Левы, живет в Иерусалиме. И я всегда связываю... ну, Израиль, я всегда связываю с Левой, он там, как бы сказать, свой , родной. И поэтому я как бы к нему приехал и они меня так приняли. Потому что мы недавно были во Флориде и жили в их доме. А вот насчет того, как я чинил свои кальсоны... Это просто вчера я подшивал пододеяльник. Хотя Оля это делает лучше, но я просто люблю сам это делать. Оно как-то и успокаивает и мне надо было длинную стежку такую сделать....

***

...снится киностудия. И любопытно, что я хожу в каком-то там... в павильоне. И там мои студийцы все снимаются. Но они меня как бы тепло

там встретили. Там висит афиша спектакля моего или фильма, и они написали кремом от торта какую-то очень такую теплую и смешную надпись. Но она еще не высохла, и я говорю:
- Пусть она высохнет, и я ее возьму с собой домой, в Америку.
И прохожу... да и еще какой-то там павильон и Вильен, снимает еще какой-то фильм. Он меня увидел и поздоровался так, рукой махнул очень приветливо. И я думаю:
- Вот действительно, здесь меня еще помнят и может надо зайти к Збандату и сказать ему, что я вот приехал и есть смысл возродить студию Киноактера, которую я вел. И без меня она все-таки как-то заглохла.
А потом я вспоминаю:
- Подожди, он же ведь умер.Я ведь видел барельеф на фронтоне.
И я начинаю искать выход как бы из этой киностудии, хочу уйти из нее. И я хочу выйти из нее и не знаю куда. Прохожу мимо... Вижу стоит... ну, дежурная... И я думаю, что если я пройду мимо, она остановит меня. Видно тут, когда ты выходишь, тоже надо что-то предъявить. И я ей так вежливо машу рукой.. И она так как-то здоровается и я прохожу и вижу, что какая-то стайка, струйка людей выходит по какому-то коридору. И я думаю, что это может быть после рабочего дня идут домой. Однако, они куда –то устремляются, а я не вижу опять выхода с киностудии. И я брожу и не могу найти выход на Пролетарский бульвар. Вот такой сон.

***

А потом я вдруг оказываюсь прямо на берегу моря, большое пространство. но самое главное, что это очень мелкое, мелкое, долго – долго мелкое море И там я вижу лежат рыбы. Они просто как бы отдыхают. Мне захотелось зайти в воду, чтобы остудить тело, жарко как-то. И я так ложусь прямо вот в эту воду, в одежде даже. И вот рыба и хвост ее прямо недалеко от меня. И я ее так беру и подхватываю.
Но она встрепенулась рыба большая, метр примерно в длину, и уплыла. Вот там что-то тоже было, связанное с этой студией, но я уже не помню что.

***

Потом снится мне, что я попадаю в магазин, в мой Дом Книги. И сперва, я попадаю еще... Да, попадаю в Дом Книги, но это на Дерибасовской он. Громадное пространство и большой зал. И я когда захожу со стороны Дерибасовской, прямо захожу во внутрь, я вижу очень большое количество молодых людей, которые туда заходят и кишит магазин людьми. А на кассах всего два мальчишки. И один типа... И это видно он был там...

армянский мальчишка, который у нас здесь, заходит ко мне. И еще какой-то... И я смотрю, они как-то так небрежно все это стоят за кассой. И я подхожу к одному из них и говорю:
- Что это там у вас с кассой? Давай, дай, отдай мне... ну то, что в кассе.
Он как-то так неохотно, но потом он как-то скручивает денежки вместе с чеками и все-такое вот и говорит:
- Вот.
Ну я забираю их... И в это время меня зовут там со стороны выхода. Привезли какие-то там... И вот это тоже интересно. Это эмигрант вот этот, который это... сэйлами занимается с дочерью, они привезли на двух машинах, какие-то остатки мебели, вырванные куски этого... и сбросили их прямо... это самое... И я думаю:
- А зачем они нам нужны? Потом можно выбрать какие-то детали, но ножки какие-то там такие или что-то такое. Но зачем это такое громадное количество?
Потом они еще привезли и еще одна машина набита какими-то еще такого же типа,
хламом. И я думаю:
- Что вообще, в принципе, деталей достаточно много и притом они еще торгуются.
И я говорю:
- Мне это все не нужно.
И захожу в этот магазин и говорю ребятам:
- Так что? Какой еще сегодня, что еще было в смысле... вот вы тогда?

Ну они как-то так мнутся и говорят:
- Ну мы себе купили зайца жареного и мы съели в этот самый...
Но я подумал:
- Ну бог с ними, заяц, это не так страшно – но думаю – что комнату надо привести в порядок и найти людей, которые будут заниматься этим намного лучше.
Ну вот этот сон. Он, конечно, так очень актуален с точки зрения сегодняшнего, так сказать, ситуации, потому что пришел новый человек, пришла Надежда Ивановна, которая, кстати, там как будто прекрасно это делает. И я подумываю о том, насколько надо изменить состав, в смысле... сделать ну, меньше дней, чтобы она там была. И я даже подумал о таком варианте, что я вот как-нибудь приеду и зайду не с задней стороны, когда надо стучать и они уже знают, что это я иду. А зайду прямо с передней стороны, зайду прямо и подойду к кассе и сверю, что же там в кассе и что же заперто. И вот такая мысль была и вот она в этом... А в отношении вот

этого, то, что они купили зайца ребята вот в этом самом... Это я всегда понимаю, что когда они идут обедать, так деньги идут, конечно, за счет магазина. Вот отсюда родилась вот эта... такой сон, с такими... ну вот определениями и перетурбациями.

***

И снова, и снова эмиграция, которая, вообще, конечно, страшная как бы зараза , которую трудно вылечить или починить. На этот раз очень много просто интересных таких деталей. Не все запомнилось, но кое-что... Я в квартире в Одессе... такой мандраж чувствуется... Я... я в тревоге такой... И вот это один из таких эпизодов... Абсолютно пустая квартира, какие-то чемоданы под дверью... И потом я вдруг, очутился в каком-то одном месте, где находится какой-то эмигрант такой знакомый. И это уже здесь, это уже здесь в Америке как бы... Такой перенос просто фантастический, но я еду из Одессы в Америку. Но вдруг такое, что я еду так... И что у меня осталось мало каких-то порошков, связанных с простатой. И я в такой тревоге и думаю:
- Как же я смогу туда поехать? В поезде , в самолете .
И вот этот человек очень такой знакомый как бы такой знающий всех этих эмигрантов говорит:
- А у меня есть такие таблетки, которые я тоже принимаю и порошки, которые вы принимаете.
И он называет какие-то таблетки, совсем не такие, которые я принимаю.
Я говорю:

- Что?
Он говорит:
- Они помогают очень, хорошие. Я могу немножко с вами поделиться, но у меня их немного.
И он говорит:
- Если вы хотите, у меня есть рецепт. И вы можете зайти в аптеку и получить их дальше и больше, чем это.
Я думаю:
- А как же это по его документам что ли, как я могу это получить?
Он говорит:
- Вот вам, пожалуйста...
И дает мне полностью весь свой такой бумажник, в котором лежат всякие там как бы его карточки и его документы и это право получать вот эти...
А я говорю:
- А вы имеете право получать это каждый месяц?

Он говорит:
- Да, никто на это не обратит внимание. Вы пойдите и вы получите.
Я думаю:
- Это уж очень благородно и прекрасно как-то это звучит.
И я думаю:
- Но меня ж ведь там знают. Потому что, к сожалению, так сказать, каждая эмигрантская собака меня тоже знает.
И я думаю:
- Нет, это ж неправильно. Вот пришел Рудяк получать на чужое имя, получать какие-то эти самые...
И в это время я говорю:
- Вы не можете...?
Он говорит:
- Нет, я чувствую себя очень неважно и не могу туда даже и пойти...
Как-то я у него дома или... И он тогда... появляется еще один какой-то человек и я прошу его туда зайти. Он как бы пошел и возвращается ни с чем, там не получилось как бы это все. И я тогда, конечно, все документы отдаю ему и говорю:
- Спасибо, я прошу прощения, что я так задержал вас и вообще это все очень с вашей стороны как-то... внимание ваше для меня это очень просто дорого и я вам просто очень благодарен.
Вот какой –то такой... и возвращаюсь в этот самый... Иду по дороге в Одессе, это опять в Одессе. Иду по дороге и думаю:
- Да, подожди, это пройдет – думаю – а почему же я – что же там получилось?
И я иду домой и думаю:
- А где же я... вот эту последнюю ночь не спал с Олей. Она куда-то ушла, а я, так сказать, а я так даже не знаю... И Эрика нет, и она куда-то ушла и где она ночует? Или у Мишки, или у кого-то из своих...
А я вот брожу по городу. Но вот я прихожу опять домой, уже поднимаюсь по лестнице туда. Везде пусто и это как-то так... Захожу в комнату и там молодой человек и я говорю:
- Слушай, а вот там чемоданы еще наверху, там видно нужна еще лестница, чтобы достать там ... высочайшая... Хотя там был высокий потолок, но в этой ситуации, это просто очень высоко и на этих.... на шкафах стоят еще чемоданы. Но я говорю:
- Надо все это оставить, что мы будем... Надо все оставить и уехать.
И в это время я захожу в комнату и появляется, появляется громадная стена, точно, как в моем рассказе “Обход”... Держит на руках ребенка маленького,

потом еще двое, потом еще двое. И муж там, такой какой-то очень замухрышистый и я думаю:
- Кто ж он такой, должно быть милицейский какой-то чин должно быть, какое же это должно быть, что он сумел добиться, что ему дали вот такую квартиру?
И я говорю:
- Слушайте, ну вам нравится эта квартира.?
Но он так говорит:
- Да, ничего. Ничего - говорит себе – ничего, это шикарная квартира.
И я еще думаю:
- Надо же еще пойти с кем-то попрощаться, я не знаю.
И что интересно, что интересно, что я вхожу в какой-то дом. И там вдруг находится такой черный. И я думаю:
- Боже мой! Вот тебе, пожалуйста, я еще не смогу еще...
И он очень такой лощенный весь. В хорошей такой одежде вот такой. И там какая-то комната и там находится какая-то женщина. Женщина такого... возраста и я думаю, что это Маргарита Арестовна или кто-то из моих старых знакомых. Ну вообщем такая импозантная. И она выходит и он как бы говорит:
- Мне сейчас очень не хотелось иметь бы... как-то... я из Америки секс.
Но она как бы... пожилая женщина, но она когда... она как-то... Пошла с ...
Она с кофейником маленьким, говорит:
- Я вам сделаю кофе.
И она уходит в маленькую комнатку, которую я посещаю у Чена, у Дерсу-Узала. И я думаю:
- Боже мой! Там же видно такой беспорядок.
Но он так начинает снимать сапоги, здесь такой... где мы находимся, в передней как будто перед входом в ту комнату. Но он тяжело их так... снимается и он в раздумье – стоит ли идти туда или нет. А мне еще казалось, что я где-то нахожусь еще как-то... какой-то параллельный сон был, что я нахожусь в какой-то... или даже в Одессе и приходит мама. Вообщем, очень какая-то такая приветливая и даже пышная какая-то и приятная. И я думаю:
- Боже! Как чудно, что...
И у меня именно возникает чувство такое эротическое. И я, как всегда представляю, как я буду счастлив, будучи вместе с мамой. Но потом я думаю:
- Это все-таки не очень, ну как бы сказать, здорово и как бы уж и бывало и для меня это будет просто необычайно радостно.

И я это... с такими вот чувствами направляюсь к маме. И все-таки, когда... и она в длинной какой-то рубашке там... и она спиной как-то поворачивается и расчесывает волосы. И когда она поворачивается – это Оля. И я думаю:
- Ну вот! Как чудно и как всегда я как бы связываю это с какой-то такой... чувствую, что это мама.
Вот. Вот такой вот сон. И это все в один вечер, вернее за одну ночь.

***

А потом снится, что я прихожу к какой-то... Я сижу в редакции “Нового Слова” и ко мне... “Нового Света” и ко мне... И заходит Наум Коржавин. Он принес какие-то стихи, такую большую... разворот какой-то такой, на целую...
- Ой – говорю – чудно, надо обязательно это самое... надо обязательно это поместить. Может быть даже и на два разворота.
Это может быть с Андреем даже... там я его так не вижу. А он говорит, так шепелявит, говорит:
- Да, было бы хорошо.
И потом мы переносимся буквально через какое-то мгновение переносимся на какой-то... на какой-то, по-моему это за Оперным театром что ли, или где-то на какой-то пригорок. Вот там в Оперном театре, есть там перед Оперным с какой... стороны к морю, есть такой пригорок. И он там... есть всегда какие-то цветы, разворот какой-то. Но он похож на такой пригорочек. И Наум... да, и Наум вынимает из пиджака такого, вынимает сложенную, так очень погрызанную какую-то газету и говорит:

- Вот, Илья, вот она... вот напечатанно про то, что это самое...
Я говорю:
- Дай, я посмотрю.
Он садится прямо на землю, в траву такую, в пыльную такую, на этот пригорок, садится и мне не остается тоже ничего, как я тоже присаживаюсь возле него. И я начинаю разворачивать газету, но и она как бы вся с его стихами, но я их не вижу. Они как бы... их нету, то есть, я не могу их прочесть. Но он этого, естественно, не замечает, как бы и не думает об этом и говорит:
- Ну как?
Я говорю:
- Да, очень хорошо, но я...
Да, и я его... молчу еще, не могу ему ничего сказать и как бы... А он все говорит и не мог просто видно даже остановиться и не слышит. Я думаю:

- Ну что ж, это тоже неплохо. И во всяком случае, мне не надо будет как-то там лгать ему, что я вот читал и не знаю... а там их нет. И не знаю чего там. А он даже и не слышит и говорит только свое и очень длинно и очень бурно, очень буйно и с пеной у рта. И вот такой вот, вот такой вот эпизод. Но вообщем, что ж сказать? Все это что-то, конечно, поразительно. Есть все сны, которые мне все время снились. И безусловно, безусловно имеют, так сказать, какие-то основания. Я потом это прокомментирую, когда я их... и вспомнится.

29-ое ноября

Сегодня 29-ое, 29-ое ноября. Сегодня мне снился очень цельный такой сон. Я бы его назвал “Университетский городок” или “Университетский Город” даже. Снится мне, что я нахожусь... Ну, действие скорее всего происходит здесь где-то в Америке. Я нахожусь на каком-то... или как говорится, что новый ректор появился в этом университетском городке. И вот он... в честь его там сделан банкет. И люди ходят там... это самое... по городку. И вот сначала мы сидим в этом таком большом зале, где находятся... Люди приходят, все как-то бродят вокруг столов. А я стою... сижу, учитывая, что там все такое невегетарианское, все-таки во сне это все продоллжается, моя вегетарианская диета. И я смотрю и вижу там большой... очень какие-то два таких блюда с салатом, типа винегрета такого. И там большой такой... большие эти блюда и в них втыканы вилка и ложка типа. И я вот эту одну из ложек... ем вот этот, доедаю этот салат. Притом, что больше ничего я не ем, но для меня как бы вкусный такой и все... И я думаю... потом я вдруг как-то... ну, ловлю себя на мысли, что это не очень этично, что я так ем из этого блюда одной и то же ложкой. Но я думаю, что... а с другой стороны, я смотрю, что никто вообще к этому салату никто не прикасается, не то, что я ем где-то с этой... из этой, а просто очевидно, он никого не интересует возможно. Но в тоже время, я понял, что это не очень этично. И приходит этот президент, такой молодой, очень активный. И жена с ним такая же очень какая-то активная, как я называю, с подбородком “молотком”. И они обходят как-то... И вот они подходят к столу или даже не к столу, а к какому-то такому подиуму, на котором стоят зажаренные целиком как бы... телята, коровы, свиньи, то есть, это мясные блюда, мясные блюда. Они как бы так полностью в таком... я не знаю, стоят ли они... назад или в каком-то... Но вот они так подходят и он как-то как бы ножом отрезает как бы кусок, а внутри пустота. То есть, только верхняя часть есть, есть там ребра и кости и кожа, там все это есть, а мяса самого внутри нету. И тогда вызывают человека, который отвечает за это. И он там чуть ли не признается, что:

- Да, мясо пошло на сторону.
Но они только сделали как для себя, а остальное ушло на сторону. Ну и вот, этот начинает его распекать, президент этого университета.
А потом вдруг действие переходит на улицу. Я появляюсь где-то со стороны как бы так похоже на какой-то... знакомое мне место. Где? Я не знаю. Ну, скорей даже где-то там на Украине. Какой-то... а, это похоже на Староконстантинов, да, да, да, да, на Староконстантиновский какой-то пейзаж. Башня там стоит старинная, еще с турецких времен. И я вижу такой пейзаж очень... улица... ну такая... широкий такой, широкая такая улица. И там виднеется еще несколько зданий этого самого... несколько зданий из этого городка. И возвышается такая... здание с верхушкой церкви с колоколом. И так видится, что это такой... и все-таки как бы это католический или христианский такой университет. И я иду и попадаю в такой... там, где я когда-то... типа вот... в этом... в этой башне, которая была в Староконстантинове, был такой еще вход перед ней. И вот это такой... типа такого места... Вот этот президент пришел и там его жена... Все продолжается, сон так идет, развивается так. И они значит стоят и к ним как бы должны придти именитые гости и подарки делать или что... И появляется, появляется Евгений Павлович... актер, вдруг забыл фамилию, господи... Леонов, Евгений Павлович Леонов. Он такой очень, такой... ну, красный, лицо красненькое, кругленькое, маленький и лицо похоже на сосиску почему-то... Такой вот... в шароварах даже... Да, да, он был в шароварах и похож на две сосиски. Шаровары какие-то темные такие, шаровары. И он вот идет к этому президенту и что-то долго вынимает из шаровар и это оказывается конверт с деньгами. И причмокивает и целует его... И вот, как-то смущается долго и он ему дает вот этот конверт с деньгами. И все это аплодируют и что-то там такое веселое настроение. А он такой смешной и добренький. А потом все и я в том числе, я в первую очередь, в конце отправляемся вниз по этой улице и к каким-то другим зданиям этого университета. И там я смотрю... да, и жена вот этого ректора, она вдруг обнаруживает тоже какие-то недостатки. И женщины какие-то там, которые появляются, что-то они ее раздражают. И это вот все, вот такая...
В дальнейшем, я, к сожалению, забыл, что там происходило дальше, но это было очень цельно и очень любопытно. И детали, которые мне понятны, откуда они снились, очень любопытно первое: в отношении церкви, церквушки вот в этом городке или там над какими-то зданиями колокол. Я смотрел фильм о Фрейде, где он... кстати, городок, где он жил... Фрайве... Фрайвер так это он назывался и где он был маленьким... И там тоже была, что-то было такое типа... все-таки это был христианский такой

городочек. И там возвышалась вот такая церковь. И это отмечалось в этом фильме, хотя они, так сказать, такой сугубо еврейской жизни, не соблюдали, но в тоже время, они безусловно были евреями, имеется в виду мать и отец Фрейда. И вот это первое. Потом интересная деталь в отношении Леонова. Это я именно связал совсем... Я вчера читал... такая целая галиматья, но как всегда, есть интересные образы такие, новые стихи Вознесенского. И там есть одно, посвященное это самое... Войновичу, не Леонову. Но они у меня как бы совместились, потому что где-то такой... похожесть есть. И там он написал, что “Леонов – румяный ежик”, румяный ежик. А разговаривает...

K02.10

****

26-ое октября

Сегодня 26-ое, видно 26-ое октября. Насыщенные были дни и с переживаниями. Но я последовательно потом их прокомментирую. Снится мне сон – громадный театр и там были какие-то прекрасные, интересные детали. И там решается какой-то вопрос о том, кто должен режиссировать что ли... И я среди какого-то спектакля нахожусь... И я тоже кандидат. И решать должен кто-то из главных, который режиссер или главный режиссер или там продюсер. И я его так еще не видел. И там интересная такая деталь... И вот зал какой-то громадный, такой холл театральный. И вот он появляется и так смотрит на меня и говорит:

- Вот! Вот вас я искал – как бы вот так.

И я вот тоже чувствовал, что его... меня должен выбрать... вот такой какой-то вариант. И тут еще появляется еще какой-то один человек такой, типа профессорского вида и приносит какую-то, только что снятую с комфорки кастрюльку и говорит:

- Да, вот здесь есть вот этот паук, который нам... который говорит о том, что этот спектакль или вот эта постановка, ну вот типа это все... какой-то мюзикл, вот мы будем делать на какой-то такой...

То есть, это был такой... как магия или какой-то там чародей или человек, который... Вот такая вот, как говорили по-украински, несемитница. Так, абсолютная абракадабра.

Но, это было бы может быть действительно и так абракадаброй и тысячи раз такие сны мне снились в разных вариантах и все, если бы вчера я не сопереживал и не сидел, и не слушал, вообщем, как молодогвардейцы слушали Москву, точно также, я и слушал вчера, сидя у радио и расслабился, хотя расслабиться было очень трудно, репортаж из Москвы из театра, где были заложниками семьсот, восемьсот человек. И тысячи мыслей, конечно, мелькали. И я очень – очень об этом думал много и сопереживал и хотел понять: что же все-таки происходит? И когда в конце концов, в семь часов утром по ихнему времени, уже как будто бы закончилась эта вся драматическая ситуация и я почувствовал какую-то радость и вздохнул об этом, хотя они еще передавали, сколько человек погибло и как спецназ... То есть, они стали... спецназ стал героем дня и прочее... И я вот думаю... А сегодня, когда я проснулся так вот и сон отсюда- то пошел – вот этот театр, вот этот... и все. И вот я... когда это почему – это все было связано с тем, что я как бы поучаствовал в этом... Я просто подумал:

- Если бы я оказался заложником вот в этом... как его... в этом зале, в этом театральном зале, где показывали мюзикл и люди пришли на спектакль – и

я подумал – если бы это возможно было бы с точки зрения разрешения этих там бандитов, которые... и как их можно все-таки сократить, которые там держали зал и чтобы такой... и чтобы поддержать дух. Если бы у меня была бы эта сила и я, как режиссер чем-то хотел помочь этим людям, я бы просто может быть... Мы бы... не знаю, читали стихи, пели какие-то... если бы только это было... То есть, принимали бы какое-то участие, для того чтобы можно было дать людям расслабиться, а не быть в таком напряжении.
Это я просто об этом думал и вот отсюда вот пошел вот этот сон.
Если прокомментировать серьезно все остальное, что я сегодня услышал – 67 человек погибло, громадное количество раненых, отравленных газом, то есть, спецназ пошел на штурм. Они значит пустили туда эти самые... Это где-то было в пять часов вечера, все устали. И чеченцы, которые захватили вот это все, видно потеряли бдительность. Все это было, так сказать, обманным путем, конечно. Опять же, я не говорю об этике и о прочем. То есть, с ними играть в такую игру нельзя, но здесь вопрос очень... И я просто не могу понять - где интеллигенция, где народ? Имперские чувства оказались точно такими же, какими были раньше. Советское, советское чувство. Если действительно можно было одним махом разрешить много вопросов. В первую очередь, выбрать... выйти из этой войны и освободить полностью этих, чтобы не погибло этих 67 человек и пол зала оказалось раненными газом и тем более травмы на всю жизнь будут. Вот этот вопрос я не знаю, будут ли поднимать газеты, будут ли поднимать... или опять же пойдет такая волна советского имперского чувства:
- Вот какие мы, победили, выгнали. Сами все сделали, для того, чтобы доказать, что такое спецназ, и что такое КГБ... У нас председателем страны КГБист.
Я думаю, что... я надеюсь, что люди умные и мудрые будут так думать. Но уже ясно, что вот эта эйфория, которая, так сказать, уже чувствуется, что:
- Вот мы сумели, сумели, у нас это так просто не пройдет – это первое. А теперь это такой... это такая победа для Путина и других, мы не будем сейчас выходить из этого самого... из Чечни, а наоборот, вот сейчас мы их пригвоздим.
То есть, это оказалось победа политики, но не победа морали и не победа этики. И вот это меня... я думал об этом, между прочим, как ни странно, я не считаю себя ни в коем случае, таким мудрецом и тонким политиком, но какая-то интуиция и безусловно, просто разумность существует. И я так хотел, хотел бы другого разрешения. То есть, если бы эти самые даже... они

никого пока не расстреливали и не трогали, а просто была такая акция, я их ни в коем случае... то, что это бандиты или просто там... Но там есть и

какое-то отчаяние было, отчаяние, что может быть такой вот заряд, может быть такой вот момент, мог бы каким-то образом спасти положение. И вторая такая просто...
– Если бы в этом зале сидели бы дети Путина, обе дочери Путина. Решился бы этот человек на этот самый... на штурм?
Вот это, вот вопрос, который должен бы задать каждый русский человек, который там существует, не говоря уже о тех, кто погиб, родственников, которые погибли. Вот это был бы вопрос, больше ничего. Но... это я так думаю, а в действительности, я даже не знаю, если такой вопрос у кого-то возник.

***

Потом мне снился такой традиционный сон, что мы собираемся уезжать уже. И это последние дни. И я что-то тоже собираю всякие вот такие вот... И вдруг, фотографии, конечно, как обычно. Нахожу какой-то целый ворох фотографий где-то в какой-то квартире там. А потом вижу три части фильма “Красное и черное”, старый французский фильм с Дарье и с другими актерами. И я думаю:
- О, вот я еще успею сегодня посмотреть!
И я беру с собой эти три... И какая-то усталость у всех, нервозность. И Наум Израилевич, и Розалия Моисеевна собираются что-то... И вдруг они видят, что... и я говорю:
- А где эти шторы?
- Ты устал и как ты можешь еще думать о том, что ты посмотришь, когда завтра мы должны уехать и надо собраться. И ничего еще...
И это такая очень грустная, частая и повторяемость вот этой эмиграции, вот этого ухода оттуда. И я сейчас вспоминаю и думаю:
- Боже мой! И я не преминул быть таким же, как они. Думали о каких-то мелочах, о каких-то идиотских вещах, вместо того, что может быть душевно, духовно и просто как-то себя подготовить. Но где же мы могли, это просто было невозможно, кроме каких-то может единиц в России, которые это понимали и к этому были готовы. Нищенство духа и нищета конкретно, была просто налицо.

***

И где-то еще все-таки один сон. Я захожу в такой небольшой магазинчик такой, типа в Джурине у нас такой был, как здесь, такие забегаловки,

подвальчики, где были бочки с вином. И вот я захожу туда. И там был Ривчик, работал, который в “Глобусе” в этом... в “Каштане”. И вдруг я

говорю этой там женщине, которая стоит там:
- Боже мой, я не могу поверить в то, что ничего уже нету.
И говорю... и вдруг начинаю страшно рыдать. И так рыдаю и прошу:
- Давайте, я хоть куплю стакан вина.
И она мне наливает какой-то компот, в котором есть яблоки, в котором есть какие-то... И я говорю:
- Нет, я не буду это все...
Она говорит:
- Ну я же вам уже налила, я же другое уже не буду... Вы же пригубили... другой уже не будет...
Я говорю:
- Ну я вам оплачу, вы не беспокойтесь. Единственное, что... ну что вам оставлю это все там, то что...
Но я плачу, рыдаю и пригубил начатое какое-то... кислятина, которую там она налила. И где-то просыпаюсь...
А все дело в том, что вчера похоронили Ривчика, с которым я был очень, конечно, даже и дружен, которому я посвятил рассказ из его жизни “Швейцарский банк в Одесском парке”. Вот не стало еще одного одессита. Он такой был, конечно, одессит, земля ему пухом, в полном смысле слова, со всеми достатками и недостатками. Но вот он ушел и это немедленно отразилось во сне. А дело в том, что я думал вчера пойти к нему на похороны с одной стороны, мне хотелось как-то... Но так, как в принципе, я даже... у меня есть такое... гроб закрыт, лица не видишь. А вот эти волнения и все... мне не хотелось, потому что я себя чувствовал не очень в форме. И появление мое, может быть, и не нужно было так там. И я не в смысле того... для меня это было бы слишком много переживаний. И самое главное, у меня не было машины и значит надо было бы кого-то просить, чтобы туда поехать. И я никогда не был в этом Funeral Home... и не с кем. И таким образом, я как-то так просил прощения у Ривчика и пожелал... я не знаю, чтобы земля была ему пухом. Вот и вся была история и все немедленно отразилось во сне.

***

Снился такой сон, обрывок. Я иду с Семеном вниз по шоссе в Джурине. Впереди нас идут какие-то три человека. И Семен как-то без знакомства, без ничего, так подходит и говорит, что... я не могу понять его... Ну, он как-то так...

Да, вчера я не успел записать кусок сна, который был как мы шли с Семой по шоссе и справа было море, в Одессе или как озеро здесь в Мичигане. И

ну вот это одна из... какая-то была ситуация, которая меня так смутила, почему он так к незнакомым людям как-то так запросто пристал. Был какой-то разговор, который мне как-то не... Он был какой-то нахальный, вот может даже быть, в таком смысле. И это меня смутило. А там... и я все время подумывал о том, что мне жалко почему-то, что он одинок Семен. Вот это вот какая-то... И это уже не в одном сне, как бы казалось, что он не женат, что он одинок. Хотя в жизни оказалось, что он... и двое детей и уже внуков. И в этом смысле, у него... С другой стороны, он может действительно оказался одинок, потому что со всеми пересорился. И поэтому возможно, что вот это, так сказать, такая мысль где-то и возникает.

***

Сегодня же, если из снов и комментариев, сегодня же мне снился совершенно другой сон. Тоже такой не новый по сюжету, но довольно такой активный и бурный. Я еду куда-то, не знаю куда... или это на лекцию куда-то, что ли на выступление, потому что со мной много моих книг и ящики какие-то и чемодан, который расположен на такой каталке... ну, не на каталке, а на... у нас такая есть для подвозки книг... и на колесиках, я забыл, как называется, вдруг выскочило из головы. И вот это так он запакован, перевязан какими-то веревками, чтобы это не падало. И я его катаю впереди себя. И на железнодорожной станции какая-то тоже... чисто советская железнодорожная станция со всякими поездами, старыми какими-то локомотивами, которые там слева и справа. И я... сперва я еду по перрону какому-то, который так медленно спускается к какому-то запасному пути. И вот я должен понять – пустят ли меня на... вот с этой... смогут ли поднять, помочь мне в поезд вот эту мою поклажу вместе с этим... с этой каталкой. И я не имею, у кого спросить это. И вот я вижу... я так катаю впереди себя ее и вижу какие-то... мелькнули какие-то как будто военные, эти офицерские шинели чего-то... где-то там стоят в какой-то... И я подхожу туда. Да, там были пара даже и чинов повыше, они куда-то ушли, в какую-то там дверь и остались два – три парня такого состава солдатского там и принтерские там какие-то такие чины. И я начинаю и говорю, что:
- Я хочу к вам обратиться – и представляюсь.
Они как-то так, для них это было даже лестно, я не знаю, что я им там сказал... или что я там писатель или что... не знаю. Но я чувствую, что они как-то заинтересовались. И я спрашиваю:

- Можно ли это, как это получится?
Они говорят:

- Видно вам помогут, почему же нет.
И я... А... я оставил, я не поднес, я оставил эту коляску, коляску, вот будем так ее называть, я оставил ее. Когда я увидел их, я должен был подбежать и я поставил ее туда... И вот тут начинается второй виток, в поисках этой коляски, которую, я уже не знаю, где она. И я иду, бреду обратно, а потом попадаю на перрон, потом попадаю еще на какие-то... И все это очень тревожно, все это с подозрениями и с какими-то подозрительными лицами. Потом я выхожу за пределы этого перрона и вижу какой-то очень большой дом. И это как будто уже Москва. И я там вижу в окнах, вот там передвигается... как бы там такой верхний этаж. И там вместо, ну как бы это сказать, вместо стен одни окна, одни только окна... и перегородка тоненькая – тоненькая. И вот когда человек идет, он как бы исчезает на секунду, там на тысячную долю секунды и его лицо появляется в другом, в другом окне, в другом окошке, в другом окошке. И вот, в самом последнем окошке стоит своего рода и портрет как будто... Сперва я вижу какие-то портреты, а в действительности, это Плятт Ростислав. А двигается к нему по этим окошкам,... ну, так что ли... ну, не просто двигается спиной или там плечом... Я вижу плечо, а именно она передвигается... только лицо видно, актриса Пельцер. Они видно когда-то играли вместе в Театре Сатиры. Хотя я его всегда, беспрерывно сравниваю с мыслью... у меня моментально возникает, что это Раневская из спектакля “Дальше – тишина”, вот они вместе играли и это был триумф и это было действительно такой высокий шаг в искусстве. И вот, вот такой вот сон. И я теряюсь и так и не знаю, где я, где мой чемодан, где мои книги и эта коляска – все это как бы пропадает. И вот такой сон.

***

Теперь, мы в эти дни... самая главная ситуация, конечно, это была с Московским театром, который был захвачен чеченцами. И вот тут-то я, конечно, очень сопереживал, сочувствовал и хотел быстрейшего освобождения. Тем более, что это просто какой-то такой апокалиптический какой-то случай и вдруг это самое... именно в театре, во время представления появляются... Я просто все это проигрываю перед собой. Это идет спектакль, это второй акт кажется или начало второго акта было. Все это тоже продумано, когда все собрались уже и идет... или в конце первого акта... Вдруг выскакивают на сцену в масках, с автоматами, люди. Это можно вначале как-то подумать, что так оно задумано что ли, а это

оказывается жизнь. Жизнь и театр. И вот тысячи человек становятся заложниками, включая и актеров. Об этом когда-нибудь кто-то и поставит

кино и новые напишет книги. Потому что там столько потом коллизий было. И вот на протяжении нескольких дней их держат, держат двое суток вот этот... они должны сидеть, они не должны двигаться. Хотя им потом разрешают, как говорится, и в туалет сходить. Но в принципе, ходят по сцене автоматчики видно и держат весь этот зал под пристрелом. И вот психологическая... это ужасающий момент - люди должны... вначале еще, это я так думаю, пока они еще как-то... пока они еще не устали, не все восприняли, что может быть и как быть. И любой шаг - это побег, это расстрел. И таким образом эти люди, конечно, там сидят... И вот это уже одно... и дети, и взрослые, и старики, больные, не двигаясь. И вот они вот вынуждены двое суток... И вот весь мир, включая, конечно, в первую очередь, Москву, думает как-то это все освободить. Те всего – навсего требуют... одно требование – освободить, закончить войну в Чечне. И тогда – все в порядке, они их осбождают, вывести войска из Чечни. И с ними ведут переговоры. И туда появляется врач, который, доступен туда... должен... журналисты, еще другие. И эти переговоры все идут, но со стороны России, президента, никакого нету ответа, что:
- Да, мы выведем.
На улицах нет больших демонстраций, где люди, так сказать... Это моя была бы мысль, чтобы требовали и уж коль есть такой вот случай, такой претедент, так может быть, был бы возможен неожиданный вот такой... разрешение вот этой проблемы. Но это мое такое чисто гуманистическое и человеческое желание. А в действительности, там, конечно, замешанно совсем не то. Для них абсолютно неважны, оказывается, были люди. Потому что так, как это показало... последствие. И вот в пять часов утра начались... это после прессы, двое суток прошли, был какой-то выстрел, это была какая-то попытка побега и со стрельбой. И это было повод для пропаганды, конечно, говорит о том, что начинается отсрел этих самых... как их... заложников. В действительности, это все было не так. А в это время принято было решение пойти на штурм. Но на какой штурм? На самый жестокий, который только можно было придумать – газовую атаку. На весь зал, на все помещение это самое... Они подвели там через люк и канализационный и прочее, подвели газовые там специальные... Но это я себе там не представляю, как там в точности. И вот весь этот зал, все это помещение было... напущено туда... паралический какой-то видно газ, потому что он... Все были, как бы сказать, парализованны, включая и этих самых... включая и... тех, кто захватили этот зал и заложников. Этих...

чеченцев жестоко видно убили, без единого, как там сказать, там захвата и ничего не думали об этом. И самое главное, что это был повод для них, всех уложили и там убили. А люди, которые оказались в этом зале, они оказались полностью деморализованны. Пребывали видно и спали в полном непонимании и не знали, что с ними, как с ними... Они как бы заснули. Их стали выводить, их стали уводить из этого зала, выносить фактически, потому что они сами видно не знали, кто они и что они, и куда они должны, и как. И вот этот был один из таких notes, это была эйфория, они были освобождены. И это была победа такая вот. Но она осталась первой победой, потому что сто семнадцать человек официально погибли, десятки просто еще... их не могут найти, даже не знают куда они попали. Полностью весь зал был в больницы отправлен с очень большими и сложными отравлениями. Ну какая-то часть... все зависит и от организма человеческого. Кто-то перенес это более свободно поэтому... Вообщем, короче, это трагедия ужасающая. Она у меня вызывает чуть ли ни ассоциацию с какими-то крематориями фашистскими, потому что там просто тоже загоняли, пускали газ и люди даже не все это понимали. Но когда уже... куда их ведут... и их вели, как бы в баню. А здесь – люди пришли в театр, а оказались в душегубке. Это, конечно, очень жестко, но я по-другому не могу даже и представлять, потому что все эти цуцины – муцины, которые там будут высказывать и высказывают, просто столько деталей – появляются в больницах люди, лежали и никто не мог к ним подойти, потому что их сразу охраняли и КГБшные там или ФСБшные люди, которые даже.. Никто не должен был знать, что это за газ. И до сих пор, так сказать, они не сказали. Поэтому врачи даже не знают, как их вывести из этого состояния. Потому что они не знали каким газом, они были отравлены. То есть, это такая ужасающая, просто бездушная, такая бесчеловечная драма, которая разыгралась там. И это полный, так сказать, огрызок Советской власти. Никто... империя, и никуда это все еще не делось. Вот это мои мысли были, которые были я не знаю, собственно... Я слышал Израиль, но я бы хотел услышать Аксенова, Войновича, Ахмадуллину, Евтушенко, всех интеллигентов, писателей, поэтов, режиссеров, что они думают по этому поводу? Как они восприняли в конце концов эту ситуацию? Потому что борьба с терроризмом это, естественно, это... об этом даже не надо и сомневаться. Никто не говорит, что не надо бороться, но каким методом, каким... ? Вот это... это важно. И стоит ли иметь слезы ребенка? А здесь тысячи слез и погибших сотни были. Вот такая вот ситуация. И поэтому... у меня здесь даже просили просто в газету... Но я понял, что это даже бессмысленно. Я не удивляюсь

политикам, я чисто вижу это, как страшную трагедию, ужасающую трагедию. И при том, что это трагедия не связанная только с терроризмом, а

связана этически, это моральная трагедия. Это трагедия, связанная с властью, нефтью, деньгами. Вот, что тут на первом плане, а не человек.

30-ое октября

Сегодня 30-ое октября. Сон, конечно, один из самых прелестных снов, которые когда-нибудь мне снились. Бывало такое в детстве, здесь даже были какие-то, когда я летаю, даже не знаю, летаю поверх деревьев. Но это были такие прыжки, я как будто бы перепрыгиваю через ров или через какой-то... И я так легко поднимаюсь вверх и там порхаю над облаками, над деревьями в данном случае. Это... как от прыжка и снова приземляюсь.
А здесь мне снится совсем другой сон. Сон – я падаю вниз, это уже второй раз. Но там... тот сон был тоже драматичный такой, потому что я зацепился за... за какую-то башню... Но это... у меня появился рассказ “Раздвоение”. А вот этот сон, это совсем другая ситуация. Я лечу опять же, непонятно, откуда я выпал из самолета... сверху из космоса. Но я уже лечу, нигде надо мной никаких самолетов, там не было ничего... Я просто в воздухе, лечу высоко над землей и лечу вниз. И я понял, что это еще очень далеко до земли... Почему я не чувствую, что я лечу камнем, как бы вниз, а какое-то такое медленное движение. И я думаю:
- А вот надо разнять руки и вот так попробовать, как крылья и попробовать медленно как бы спускаться вниз.
И это действительно так удается. И я чувствую такую радость, такое чувство блаженства и такое... То есть, нету... и в тоже время я думаю:
- Ну хорошо, а как же я приземлюсь, ведь я все-таки могу куда-то упасть... И в океан, в речку, над лесом и как там...
То есть, такая мысль есть. И в тоже время такая... Плавно, плавно я лечу над землей. Я правда не вижу ничего, как бы сказать, еще ничего, кроме облака и какой-то синевы такой вокруг меня. И я вот... И потом уже я не помню, что там было какие-то... Я помню только последний такой.... что я приземляюсь на асфальт в каком-то городе. Притом, я не вижу этих... ну, какой стадион может быть, где-то открытое пространство, то есть, там нету архитектурных никаких там зданий, ничего нету. И я только как парашютист, который приземляется, пробегаю еще несколько вперед... Вот так. И я так смотрю и здесь есть люди, которые, так сказать... И они так спокойно восприняли мое вот это падание сверху или прилет сверху. И я смотрю... хоть и хочу им рассказать, хочу просто поделиться такой необычайной мыслью, что это я из космоса... как бы прилетел. И вот так

благополучно сел и никаких проблем. И потом я еще куда-то попадаю в какой-то дом. И там рассказывают об этом. И там находится Маргарита

Арестовна. И она совсем в другом каком-то как бы возрасте. Она в очень такой... с ней шерстяной какой-то костюм у нее красивый такой обтянутый. И она в восторге от моего рассказа. И она как-то кружится в каком-то таком чуть ли ни танце, приглашая и меня. И тут же рядом Оля сидит. И она говорит о какой-то... произносит какое-то слово... Я его не запомнил, а нет... что ж это такое за слово? И я тут же придумал на него какую-то игру слов. И она так хохочет и кружит... и меня вот так подхватила. И в этом был какой-то даже... ну какой-то эротический вызов такой. И дальше я не помню, какая там была ситуация, но это было очень – очень как-то так приятно, как воспоминание.
Потом в этом же, в этой же... этот же сон он переместился вдруг на улицу, где я еду в машине с каким-то очень знакомым человеком, но я его сейчас не могу вспомнить. И он очень такой, ну как бы сказать, лихач. И он мчится, а его значит... это мы на улице, с улицы какой-то мчимся и он хочет обогнать. И вдруг этот... впереди идущей какой-то машины или что – раз – и перекрыл ему дорогу. И получилось так, что это целая лодка так остановилась как бы. И он тоже должен был застопорить, потому что нет прохода. А оказалось, это длинноносая лодка, которая перекрыла всю улицу. Таким образом, она наказала вот этого человека, чтобы он не мчался.

***

Потом я смотрю интересный такой еще вариант, что... Ага... я оказываюсь в каком-то в общежитии опять. И там Марина из Таллинна, где ее комната что ли там... И я прихожу туда, для того, чтобы взять и поставить чайник. Но там... и я хочу поставить и согреть воду... Но это в сковородку мне наливает чай не Марина, а какая-то другая девушка. И я так с этой сковородкой иду к... где-то искать плиту. И попадаю совершенно неожиданно, я попадаю в какой-то... ближе так, похоже на Одессу, какой-то такой двор. И что же там было, что-то интересно... Но встречаю я там Марту Литас, которая мне говорит там о какой-то своей передаче, о том, как она там выглядела там и все... И она еще раз мне напоминает, что она хочет со мной сделать интервью. И я говорю:
- Что в принципе надо, я ничего не смотрел ни разу. Надо было бы вам посмотреть, может быть, я чисто смогу, как режиссер помочь. Хотя – я говорю – я об этом, так сказать, не очень мечтаю.
Но в это время появляется Лида, ее соперница, ее злейший враг. И я как бы тоже хочу понять... И она сразу говорит что:

- Там идет какая-то подтасовка.
А я говорю:
- Да, давайте не будем ссориться, давайте поставим чай, где тут можно поставить...
И я иду с этой же сковородкой еще. И в это время машина, это Мартина машина или что... Такой высокий и очень какой-то... машина с какими-то очень высокими, на высоких страшно колесах, которые выше... То есть, эти колеса выше, даже выше меня. И это дает шофер, который ее везет, он говорит:
- Ну, давай, я подвезу вас.
Но он так как-то задом ко мне идет и я чуть не оказываюсь под этим кузовом. Вот такая вот какая-то белиберда, будем так говорить по поводу этих Лид и Март и всего этого прочего.
Но вот сон в отношении вот этого полета, я его связываю скорей с Дерсу-Узала, с которым я вот сейчас общаюсь, который меня очень сейчас хорошо как-то так заинтриговал этим, так заинтересовал, потому что он совершенно уникальнейший человек, из другой страны, из другой, как бы сказать, из другого мира. И в тоже время очень мне близок, близок по многим параметрам... параметрам, особенно в смысле там по отношению к миру, там и здоровью. Вообщем, короче, есть какие-то точки соприкосновения, хотя мы совершенно разные люди, но из одного и того же... из одной и той же эпохи, того же самого года и того же самого месяца рождения. Я об этом говорил. Так вот какая-то здесь... он мне говорит:
- Иглоукалывание...

30-ое октября
Комментарий к снам 30-го октября. Я там рассказывал о сне, который был связан с полетом и прочие такие там другие... Но вот этот сон с полетом, это действительно очень необычная ситуация и как раз тут может быть интерес к этому. Во –первых, во-первых, если исходить из Фредистского такого варианта, когда мне снились, что я по дороге прыгал или какие-то... ну, рвы, легко подымался вверх от земли и иногда даже перелетал через деревья, так можно было говорить о какой-то силе потенции о какой-то еще..., о каком-то иступлении, главным образом, если это так можно назвать. Но вот он рассказывал... я даже мог там... о Дерсу-Узала, о моем новом друге... Так вот Дерсу-Узала рассказывал, когда он там делал мне акупунктуру я лежал вот такой... с иголочками и слушал его рассказы. Рассказывает он блестяще, просто настолько проникновенно, остроумно и интересно, и актерски. И он искренен... ну, он такой сумашедший, точно

такой же, как и я. И вот он рассказывал о том, что к нему видно очень обращались и попадали многие люди, которые хотели... И он употребил слово “...” - код, “...”, точно, как говорили на идиш “...”. Это подразумевается такая хорошая... такой... ну, аналогия такая с “....”. Так он говорил “...” и Оля даже не поняла, что он имеет ввиду, что к нему иногда обращались какие-то люди и он мог идти и этот “...” починить, как он так он сказал, двум, а восемь могли оказаться... ну, уже неисправимы. Он меня ни разу не спрашивал о моей... Хотя сам говорил, что ему шестьдесят три, как и мне. Он говорил, что его это не интересует уже. Но он не спрашивал о моих... может быть он стеснялся, потому что при Оле... о моем, так сказать, о моей потенции, о моей сексуальности и все прочее. Хотя он подразумевает, что я как-то так чего-то высказался в чем-то, что я очень юн и тело у меня еще молодое. Это вот так он мне как-то сказал. А потом он мне говорит:

- А вообще, я сделаю так, что ты будешь, как юноша.

Это его вот такое было определение. Вот мне понятно, вот этот сон, по Фрейду может быть, вот этот... падение вниз, это как раз, так сказать, совсем в другом варианте, может быть. А может наоборот, этот полет, это как бы полет какой-то легкости. Ну, не знаю. Когда он меня... да, но в этот же вечер, когда... да, ну это другое дело, что мне снился и такой сон.

***

Эротичный сон, я забыл. Снится мне сон, что я с Олей нахожусь... или это дома на лестнице, там на нашей лестничной площадке, которая вела в подъезд к нашему дому. Она была закрытой и она была нашей территорией. Как будто я нахожусь... она сидит на лестнице и что-то... я не знаю, и перебирает или горох или что-то. И у нее такой... ну, такой... платьице или легкий такой халатик. И она без трусов, и ее лоно такое открытое и такое манящее, что я... Я вот поднимаюсь вверх, я иду, я пришел откуда-то или с киностудии или что... вот пришел и вижу ее и немедленно к ней подхожу. И снимаю с себя все и начинаю... И положил ее как-то так и подстелил под ее голову, что-то там... И вхожу, также, как это было там когда-то и в молодости, с такой радостью, с таким ощущением любви и страсти. Вот. Это было в этот же... в этот... Я забыл, это оказывается вот откуда еще и вот такой сон был. Поэтому, я вот так могу прокомментировать вот эту ситуацию со сном, с падением вниз и прочее...

***

Придется все сначала... Я думал, что это все записывается, а оказывается, все было “на паузе”. Так что придется все повторить сначала. Но уже есть такой... маленькая репетиция была. Я просто хочу сказать, что я пару дней не записывал сны. Почему-то так, какая-то усталость была... Ну, и даже - а зачем это все? Еще столько новых снов, хотя они, так сказать, повторяемые по некоторым, по некоторым таким темам. Но детали, как всегда, новые. И сегодня мне тоже снились несколько снов. Один сон – это как, мы должны улететь в эмиграцию. Вот она не отпускает ни на секунду, ни на день, ни на год, ни на ночь. Она все время сидит как бы в подсознании, как мы эмигровали, как мы уезжали, как это все было. И просто, и не то, что не просто как оно засело, как заноза в сердце и не отпускает. В данном случае, мы как бы уезжаем из Одессы. И вот наша какая-то большая такая квартира, она вся пустая уже почти. И я хожу по комнате и входит Миша, брат Оли и говорит:
- Ну что, вы уже готовы? Или вы уже готовы отсюда уйти?
Я говорю:
- Да. – Я говорю. - А кому же она достанется? Все-таки такая квартира...
Он говорит:
- Да, я своему товарищу или там однокласснику, моему другу... Он как раз будет нуждаться, нуждается сейчас. И мы его тогда попробуем...
А я говорю:
- А ты разве сумеешь его...?
- А где он?
А он говорит:
- В Австралии.
А я говорю:
- А как это, что из Австралии сюда, мы уезжаем, а он приезжает?
А он говорит:
- Да, он приезжает, ему здесь будет хорошо.
Ну вообщем, это какой-то такой разговор, не очень даже такой логичный, с точки зрения ситуации. Но потом появляются Розалия Моисеевна и Наум Израилевич. И они тоже как-то так старенькие такие и очень встревоженные вот с этим отъездом нашим, вот этой подготовкой. Они очень аккуратные в этом смысле и все дожно было быть в порядке. И я говорю или они спрашивают:
- Ну что? Что ты будешь делать?
Я говорю:
- Я отдам это, конечно, устроить страховым агентам – я как-то так... такая шутка.

Потому что я там, конечно, представления даже не имел там, кроме того эпизода, который я потом в комментариях расскажу.
И он так ищет... и я говорю:
- Боже мой, что я же все-таки режиссер и мне так интересно будет где-то, я это понимаю...
Ну вообщем, они как-то так... чего-то перешептываются. Потом они уходят в свою спальню и я слышу очень громкие голоса. Где-то видно они чехвостят меня, что я вот несерьезный такой, вот боже, как он поедет с семьей... И все такое вот. Но я... Оля тут присутствует, я к ней подхожу и говорю, что... Я именно не помню какой разговор, но так как будто все нормально там. В это время они выходят и идут к какому-то там чуланчику, который был там или в другой комнате чего-то там... И вытаскивают из под какого-то там, из чего там... вытаскивают такую завернутую в разные там газеты... или что-то... старые, какой-то типа портрет или типа какой-то там... И я думаю:
- Может он серебрянный или золотой, какая-то пластинка такая...
Такая какая-то мысль у меня такая сразу возникает. И уходят опять в спальню и там разворачивают ее что ли. И я думаю:
- Я никогда не знал, что там есть какое-то такое место, где что-то спрятано.
И после этого я как-то вдруг попадаю... выхожу как бы из комнаты, выхожу в... на лестничную площадку и вижу, что Эрик спускается. И он как-то идет странно, как будто он еще идет.... как сомнамбула. И я... крикнуть... боюсь окликнуть его и я как-то хлопнул тихонечко это... хлопок сделал руками. И он падает по лесенке и несколько лесенок вот так прокатывается.
- Боже!
У меня сердце зажалось и я в слезы и я бегу вниз, подхватываю его и говорю:
- Эринька! Как ты, что ты?
И если... я пока вижу... Он ведь музыкакнт, еще может быть ухо себе повредил. А он какой-то такой... в кепочке и в очень таком дореволюционном каком-то таком одеянии, в таком пальтишке, в брючках таких навыпуск и в чулках. Да... но вообщем, я его подхватываю и он говорит:
- Да ничего, у меня все нормально.
Но я так это... я считал просто себя преступником. Вот.

****

Потом сон еще такой был, что я сижу... в такой полутемной комнате и там сидит теща Костина. И на столе какие-то книжки такие лежат. И детских

очень много. И весь разговор идет о том, что Костя уходит из семьи. И куда-то... и как это так и вот такое вот. И я говорю:
- Но видно, он так решил. У него такое сейчас психическое состояние, что

он не может не уйти.
И он... и его нету. Потом появляется вдруг Костя и так понимает и слышит, о чем мы говорим. Но он хватает какие-то книжки детские и запихивает в сумочку и удаляется, ничего не говоря. Они говорят:
- Как это? Что, он книжки даже забирает?
Я говорю:
- Вы ничего не сделаете. Если он так задумал, то значит, так оно должно быть.
И... ну вот такая идет... Там было где-то больше, конечно, интересных, как говорится, таких... И вот эти сны, очень любопытно, что они имеют под собой, необычайную такую основу, из-за того, что все в реальности почти где-то было так. Но оно, как всегда, во сне, оно перевернулось разными гранями. В данном случае, Миша всегда был как-то не очень... не то, что... он меньше даже в этом понимал, чем Оля в смысле вот покупки дома нашего, советов. Он всегда отговарил:
- А это вам не нужно, это большой участок, это вообщем, далеко от города. И как это вы так далеко забрались?
То есть, вот здесь сказывается вот этот... его отношение к тому, что дом не надо было... мол, так бессмысленно поступать. В отношении Розалии Моисеевны и Наума Израилевича вот этот эпизод - это очень любопытно Я вчера для того, чтобы.... решил портрет Розалии Моисеевны вставить его в новую рамку. Я его открыл, там все сделал, я нашел красивую рамочку. И думаю:
- Вот Оля обрадуется.
Оля действительно пришла, была очень рада и говорит:
- Ой, какая мама красивая.
Я говорю:
- Ты знаешь, кстати, что там фотография не оригинальная, а там она оказывается или ее пересняли и сделали, увеличили, потому что там она не на фотографической даже бумаге.
Она говорит:
- Такого не может быть.
Но я на сто процентов видел, я понимал, что это не так. Потом она...
Да и вот отсюда родился вот этот сон с вот этими... вот этой... то, что они вынимали из чулана какой-то портрет. А я думал, что он... что это пластинка золотая или серебрянная или что... для того, чтобы увезти,

провести это с собой в Америку. Вот это интересно, тем более, что такие... в реальности кое-что такое и было. Они хотели провезти там свои эти самые... провезти свои и... Но об этом я где-то кажется и рассказывал, это как обманули Наума Израилевича, умнейшего такого и мудрого человека и опытного... Его просто провели на мякине, как они забрали все и сказали:
- Да, они положат все в этот... в эти ящики, которые отправляются туда.
А в действительности, они естественно... кто мог их проверить и какие... и почему они должны были это сделать, хотя им оплатили. Ну так еще и забрали все эти там бриллианты и все прочее. Короче, вот такая была ситуация.
А вот в отношении Кости и Эрика – это тоже был эпизодик с очень такой... Когда я ездил прощаться с местечком, я решил Эрика взять с собой и мы приехали туда в местечко. И спали мы у Мани и Маши. И так как там единственное что там было очень как-то неудобно, простыней не было чистых и все... Ну вообщем, Эрику постелили на узенькой – узенькой этой софе, на которой я еще когда-то сидел с... И был даже очень такой эпизод необычный, эротический даже, где я сидел с Анютой. И вот он там спал, она точно стояла также возле печки, узенькая такая... прокрустово ложе... Мне было страшно, но... И там Эрик, значит его было... ему было лет пять. Ему постелили там и он очень, так сказать, конечно, быстро заснул. И ворочался во сне и упал. Ну, высота была не так уж большая, но все равно он упал и ударился головой об... пол. И меня это страшно... Я чувствовал:
- Зачем я сюда с ним поехал? Не дай бог, он себе повредит голову или что...
Вот такая была мысль. И меня это очень долго и часто мучало, что я вот так... такой вот допустил, такое вот... Хотя, что мог знать, что... и как я мог... Но я не учел это. Короче, очень был грустный такой момент. И в этом... вот в этот раз, вот в этом сне, как говорится, откликнулся.
А вот в отношении Кости, у него сейчас, к сожалению, очень грустная такая ситуация. И я себе представляю все его... Но вообщем, то есть, у него очень, как говорится, на... годы, когда он мог бы быть счастлив, спокоен и не было бы никаких, так сказать, проблем... А него полно проблем, Ида заболела, то у нее руки, одну руку, вторую руку... И это привело к каким-то страшным психическим таким... ну отклонениям таким, как всегда. И поэтому, вот этот сон мог только быть, как бы сказать, только подтверждением вот этой ситуации.

9-ое ноября

Удивительный сон, конечно, снился. Сегодня 9-ое ноября. Значит так, что же? Снилось, что я попадаю в такой кинотеатр и он где-то находится... ну так, как бы между Одессой и Чикаго, будем так говорить. Потому что там...

как будто это театр все-таки, кинотеатр в России, но он уже какой-то такой... построен по принципу вот этих... дублекс или как там они называются. И там есть несколько залов. Но они совершенно не похожи на те залы, которые тут в Америке. Они без... не с... анфиладой такой, а просто идут... ну, ровненько построены. И я должен придти, там должны показывать кинофильм что ли про... “Конармия”. И я, конечно, человек, который имел отношение к одной там из первых постановок в Одессе “Конармии”, я решил, меня пригласили как бы даже, чтобы я пришел в этот... на этот просмотр. И я начинаю искать этот зал. Попадаю в один зал и меня там пропускают, да... Но я там вижу совсем... ни одного знакомого лица. Я думаю:
- Что это значит? Что, я не туда попал?
И я как бы спрашиваю кого-то из... Но это там оказалось... американский там мальчик, который там ходит. Он даже не знает, что такое “Конармия” и не слышал. И я понял, что это я не в тот зал попал. Наконец, я попадаю в какой-то другой зал, в третий. И в одном зале сидят люди прямо и за столиками и смотрят, а какая-то часть сидит прямо в креслах. Но на экране пока ничего нет. И вот я попадаю в какой-то еще один кинотеатр, но он как бы на улице, какой-то... как у нас говорили, Зеленый театр. И вот мне кажется, что там и как раз, я вижу какий-то... молодежь и какие-то люди, которые как бы и ждут, чтобы начать, чтобы кто-то представил или выступил. Я думаю:
- Ну, в принципе мне надо и сделать это, потому что я прекрасно и знаю сценарий и все читал, что связано с ним, включая и “Записные книжки” Бабеля и все это есть.
И я думаю, что я об этом расскажу. И выхожу как бы на эстраду и вижу перед собой какое-то... очень узкий такой... зальчик такой и как бы так, даже не зал, а именно я вижу и деревья вокруг и зал. И я начинаю рассказывать вдруг, ничего не предворяя, никакой, так сказать, нет, никакой... не предворяю там показ фильма, а просто сочиняю на ходу так гладко и с таким, я бы сказал, даже хорошим сюжетным таким ходом, сочиняю просто интересные такие... такой рассказ. И подсознательно там же, я себе говорю:
- Боже мой! Как жалко, что я не взял с собой магнитофон, чтобы вот это записать, потому что повторить это вряд ли можно.
И это рассказ именно из... там как бы такой герой, нелепый еврейский человек, который попадает вот в эту Конармию и попадает в этот как бы... Ну, это такой же, как там, ну я не знаю, может быть, парафраз как у Бабеля там “Мой первый гусь” или что-то такое. И вот я это так гладко, с такой и

легкостью, и именно, как рассказ и как просто какой-то там... воспоминание. И вот, и вот такая вот дребедень. Поразительно!
Почему она мне вдруг вспомнилась? Мне даже трудно сказать. Я “Конармию” недавно просматривал, там мне кое-что нужно было. Но в данном случае, мне даже непонятно именно почему. Я вчера еще дочитывал роман, книжку “...” ... Зингера, который вначале вообще безумно понравился, а потом какой-то был такой немножко спад интереса, потому что там много было какого-то такого повествовательного, непохожего, как чаще... А потом вдруг опять все это с блеском, с блесками какими-то... Я думаю, что там очень плохой перевод этой... Хотя это Ривы Бамволь, Рахиль там Вольф. Это с идиш, она там великолепно знает идиш, но русский язык у нее не такой богатый, как идиш. И поэтому тут есть провалы такие. Есть повторы, провалы. Я думаю, что это связано с этим, но с другой стороны, конечно, ее последняя, вторая половина, даже окончание, где уже идет к концу - это блестящие сцены, очень сильные куски. И с таким мастерством и с характерами, и с описаниями и всего прочего. Так что... но этот, пока еще этот роман не вызывал у меня никаких еще сновидений. Но я думаю, что тоже это может быть.

14-ое ноября
Мне придется повторить, потому что там была пауза, а я все рассказывал, а оно все могло быть и не записано. Итак сегодня 13-ое, почти 14-ое ноября. Мне снится очень какой-то милый, красивый сон. Я сижу на открытой веранде, в какой-то приятный день, солнечный. И стоит телевизор и в телевизоре женщина. И такой поясной портрет и необычайно милая, стоит и что-то в ней такое нежное и милое, и еврейское. И глаза, особенно... просто сияют две звездочки. Говорит она как-то очень тихо, спокойно и самое главное.... и еще деталь есть очень привлекающая меня – это на лацкане у нее приколот кусочек зеленого стручка. Это от листьев, от... отросток или там. И я думаю:
- Вот, странно вот это. Я же каждый вечер смотрю и наблюдаю вот такие кусочки, когда я делаю себе ужин.
И вот она говорит, о чем, я не знаю. Но это так мило и так приятно, но я не помню уже просто о чем. И я как-то, с такой нежностью и с таким каким-то приятным чувством, даже эротическим в какой-то мере, гляжу на эту женщину. Потом вдруг она появляется прямо на дорожке возле того... возле этой веранды, где я сижу. И я спускаюсь к ней и подхожу и говорю:
- О, как я рад вас видеть, я только что вас видел...
Она говорит:
- Да, спасибо.

И я ей говорю комплимент такой:
- Что вы так себя прекрасно чувствуете перед экраном, настолько естественно и как-то красиво. И ваша еврейская внешность все-таки, меня очень – очень привлекла. Как вас величать?
Она говорит:
- Наталья Петровна.
И я ей говорю ...но еврейские корни у нее там есть... она говорит. И вот мы идем, прохаживаемся так по улице. Она вынимает вот этот стручочек и начинает его пальцами медленно так как бы разрывать на маленькие... разрывать на части такие. Это то, что я каждый вечер делаю на протяжении трех с половиной лет, делаю, когда готовлю себе ужин, когда готовлю себе листья, которые на пару... я их там варю. А вот эти твердые кусочки я разрываю помельче. Но вот она так делает и мы идем. И я ей говорю:
- Вы знаете, мне было бы очень приятно вам быть и даже полезным, я все-таки профессиональный режиссер и если я вам чем-то могу...
- Да – говорит – вы очень импозантны – говорит - может быть и... может быть что-то и сделаем.
И вот так мы прохаживаемся. Вот этот сон. Он очень был, в отличии от многих других снов, был необычайно приятный, он был как-то необычайно спокоен. Обычно много тревоги в... а тут было какое-то спокойствие.

***

А потом, а потом, я не помню, чем дальше все это закончилось. Но почему это вызвано было, может быть... Вчера у меня был Наум Сагаловский. Мы сидели как-то... и так смотрю на него – маленький, абсолютно седой человек. Один глаз у него косит как-то так при разговоре он уходит как-то в сторону. И вот он, с каким-то подстреленными брючками, так сказать, об одежде он не очень,так сказать, думает. И мы заговорили что-то о любви. И он говорит:
- Какая любовь? О чем ты говоришь? Это все выдумка, никакой любви. Это все секундное чувство... – что-то вот такое вот.
И я подумал:
- Да, может быть он никогда не испытывал вот таких вот упоительных таких, сушедших таких минут, когда ты влюблен, когда ты ревнуешь, когда ты страстен.
Но я ему об этом не говорил, но сам сказал:
- Что нет, я в принципе... любовь это прекрасное чувство, одно из высочайших. И я его испытываю и мне это приятно и я бываю на верху блаженства, потому что я чувствую любовь к человеку, который мне близок, родной. И мне хочется все – все для него сделать только потому,

что это чувство у меня есть.
- Нет, это может быть не чувство любви – говорит он – это чувство там долга, обязанностей.
Когда какие-то такие... я не берусь точно, как он там это сказал, но мысль какая-то такая была, а я...
- Что есть разные любови...
А, да, он просто говорил о своей передаче о... любовь к Родине... Так возникло, что никакой любви к Родине у него вообще нет. А мы заговорили он тогда о любви... ну, не плотской, а о любви такой душевной и вообще... страстной и все... И вот отсюда это все родилось. Может быть отсюда возникла такая... Потому что сейчас... у меня какая-то хорошая такая пора, бабье лето на улице. Деревья оголяются, тысячи – тысячи листьев прямо... шуршат и не... и шуршат под моими подошвами.... И я себя чувствую очень каким-то... во всяком случае, благосным. Вот отсюда, может быть, такой сон.

16 –ое ноября
Сегодня суббота и должно быть 16-ое что ли... И у меня была... Я только что сейчас говорил с Евтушенко. Ну слава богу, он из больницы уже вышел, но это... у него свищ после операции аппендицита. Говорит тихо, даже я ему сказал:
- Что вот так, иногда стоит пережить какие-то моменты, когда меняется даже ритм голоса.
Ну... он о Крас... хотел кое-что узнать... Я ему нашел... Но, страсть осталась, прекрасно.
Теперь вопрос сна, который мне снился, почему я начал с Евтушенко. Он снился позавчера, я не записал этот сон. Как всегда, он именно появляется в каких-то таких... не знаю, залах что ли, апартаментах. Вдруг он – раз! – И появляется и кричит:
- Илюша!
И где-то начинает... обнимает меня. И в этом сне что-то тоже... Я стараюсь его как бы... ну, как бы это сказать, утончить... что ли, какие-то такие... Но так как я, ну, могу себе просто быть искренним, но у меня нет чувства там ни зависти, ни преклонения такого, которое мешает быть таким объективным и искренним, я ему так говорю и считаю, что седобород и так возраст приравнивается. И шутя могу сказать, что я вот старше его. Хотя он, когда мы говорили о вечере, он мне говорит:
- Ни в коем случае не пишите о семидесятилетии, посвященном семидесятилетию. Нет! – он кричал. – Лучше пиши – “Нет лет!”

Ну, я не понимаю этого, а чего там скрывать как бы. Понятно, что ему семьдесят. Но все-таки видно ему не хочется так признаваться уже в этом. Поэтому как-то на фотографии он расплылся и шире стало лицо, шире, стало как бы круглым. И в этом сразу теряется весь его орлинный такой вид. Хотя тот же Войнович сказал ему, что это видно по его лицу, как он грешен и как он... ну все – все, что он делал... Вот такая мысль там была. А в действительности, я думаю, что это правда в чем-то, но у самого Войновича румяное, красноватое лицо, которое тоже соответствует его, как бы так сказать, и его душевной сущности и его здоровью и прочее...
А в этот раз мне снился Высоцкий. И вообщем, он часто мне снится, хотя я не могу понять почему именно он? Это не мой кумир и не то, что я, так сказать, я очень ценю его и его темперамент и актерские работы. Это все мне понятно. И я общался с ним, видел его и все... Но вот просто не знаю, почему он так часто во сне ко мне приходит и какие-то очень несвязанные... Если я подниму когда-нибудь все эти записи – это целая картина какая-то вырисовывается. И вот с ним интересный такой сон вот сейчас был. Он какой-то такой тоже очень спокойный, спокойнее, чем раньше, но любопытный. Он у нас дома, в Америке, в американском доме, где-то у нас. И он как-то ходит, бродит. И какой-то неприкаянный, не в смысле... в доме, а по настроению своему. И я к нему подхожу и говорю:
- Владимир Семенович, а что же вас мучает? Вы мне можете сказать, я как бы теперь старше его на двадцать три года...
Как бы сказать, его прожитой жизни. И ему говорю, я ему как бы так именно по-отечески, по- взрослому. Потому что я в этом сне такой, какой я сегодня, а он молодой. Я его спрашиваю и он говорит:
- А, ничего – говорит и так смотрит на меня.
А потом как-то чего-то или зевнул или открыл рот и я увидел его рот вот таким крупным планом, как бывает, я знаю, там смотришь в аппарат фотографический или в кино-... И ты видишь крупный – крупный план такой. И я там вижу весь рот у него как бы открыт и и красный и усеянный зубами естественно. Но на зубах где-то видны... где-то видна пломба, где-то видна... где-то виден еще какой-то дантистский такой след. И я... но самое интересное, что горло и язычок у него тоже как будто там какая-то, я знаю, какой-то... такой серебрянный какой-то кусочек там виден, металла. И вот это меня... Да, и гениальность этой детали, этого сна, именно только в этом могла даже быть определена, что я думаю:
- Ух ты, черт, а он уже закрыл рот. – Я думаю - Если бы я имел аппарат, я бы его заснял. И это был бы снимок горла Высоцкого.
Вот такая вот все-таки мысль работает даже, даже во сне. И я говорю и все

его спрашиваю:
- Что такое?
Он говорит:
- Да вот, нужны деньги были, нужны сейчас мне деньги. Но я не знаю, где я их сейчас могу получить
Я говорю:
- А сколько же все-таки? Может это и я смогу помочь. То, что я смогу, я смогу, если это возможно.
Он говорит:
- Да, ну, мне надо тысяч десять.
И я говорю:
- Мне все-таки надо подумать – я говорю. – И это возможно, может быть. Или я сам или еще с кем-то мы соберемся, если это только... если дело только в этом.
Он говорит:
- И не только в этом.
И он такой хмурый какой-то и маленький такой, ну, вызывающий сочувствие, я бы так сказал. Жалость, сочувствие. А потом мы уходим куда-то в какую-то, нашу же... типа, я не знаю, комнату такую или зал такой. И я его теряю из вида. И там какие-то студенты пришли. И я смотрю... вот Оля и эти два студента американца и Высоцкий. И они стоят где-то в стороне и о чем-то говорили. И она переводит там видно им... И я когда подхожу тоже... они говорят:
- Ну, вот, мол, вот эти две песни напишите.
А... и они ему как бы, дали деньги. И я не спрашиваю сколько, что и говорю:
- Так адрес и телефон вы у него взяли?
Они говорят:
- А зачем? Мы же знаем вас – они говорят.
– Или receipt вам нужен?
- Нет – они говорят – нет ничего.
И уходят. И я говорю:
- Вот видите, Владимир Семенович, как все легко разрешилось.
Он говорит:
- Да, даже поразительно.
Вот такая вот... вот такой сон. К чему? И почему? Но это мне даже трудно понять. И потом мы сидим... И я сейчас... единственное, единственное, что я могу сейчас вспомнить, это что я сейчас... Да, но я могу... было дело в том, что там очень интересная история, эта достойная совершенно другого

отдельного рассказа. Я... был звонок и женщина одна на украинском языке довольно на неплохом, но все-таки чувствуется, что он такой здесь приобретенный, говорит мне, что у нее библиотека там, очень большая библиотека на украинском, очень много украинских книг.
- И не интересует ли пана Рудяка такая библиотека?
Я на украинской мове говорю ей:
- Да, это будет цикава, а хто... хто владеет этой библиотекой?
А она говорит, что это был ее отец, он был писателем, Юрковский .... И тут где-то он умер несколько лет когда тому назад. И говорит:
- Зараз мама переходит до нас и надо эту библиотеку отдать.
И я говорю:
- Я с удовольствием посмотрю, потому что это старый период жизни и тем более, это украинские романы и мне это интересно. Я посмотрю.
Вообщем, мы договорились. Я приехал туда и увидел первое - вышла босая, на ханок, как говорят на этот самый... вышла босая женщина и оказывается полностью слепая. Боже мой! Меня аж полностью оторопь взяла. И я говорю:
- Вы пана... пани Ольк?
- Да, это я.
И она меня заводит в комнату, а там дети... и мал, мала, больше. И слепой человек, который ее муж, Лэйк. Ну вообщем, мы познакомились.
- Паненка, а хто трэба будет слепыми.
Дети, я не знаю, адаптированные или кто-то из них будет своими. И они меня окружили, маленький там Арон, зовут его, даже еврей, а она украинка американского происхождения. И они меня там обступили, и я их... с седой бородой, как Санта Клаус. Но я так погладил их, пошутил с ними и все... И почувствовал как-то такой... какой-то... ну, и почти жалость какую-то. И это очень меня тронуло как-то, что вот такая семья. И я говорю:
- Боже мой! Да о вас фильм надо было бы сделать, я бы...
А тут вдруг Лэйк говорит:
- О, это было бы неплохо, мол. Давайте...
Он американец, по-русски не говорит, знает немножко иврит. Короче, мы начали просматривать библиотеку. Она, конечно, это все что касается послевоенной такой жизни украинской, эмигрантской. Все издания газетные, журнальные и все, что касалось его... все с дарственными надписями. Он оказывается работал в редакции, в газете, потом он писал... Вообщем, все вот это образовалось вот в этой библиотеке. И я подумал, подумал и решил ее взять, хотя там просто это такое... громадное такое, не знаю, как там это было связано с как бы... Но я их не обидел, все сделал и

действительно, настолько искренне все это было. И вот... да, и вот этот... И вот он мне говорит...

K02.8

****

***

Так, ну что? Два моих рассказа появились в газете. Леплю я их очень легко. Но они нравятся, нравятся публике, безусловно, я все это понимаю, но насколько это нужно - не знаю. Но с другой стороны, любая, как говорится, публикация, тем более работа ума, она полезна. Но сосредоточиться надо совсем на другом. И вот это, как говорится, об этом тоже надо думать, хотя это так смешно, думать о том, что когда тебя уже не будет не все ли равно написал ли ты еще десяток рассказов и может быть не самых худших. Вопрос тот же – в чем смысл, когда впереди смерть, что она может случиться неожиданно в любой день. А сердце напоминает - вдруг, как кольнет - думаю:

- Ну вот все.

Но проносит и я говорю себе : долюби еще. ДОПИШИ ЕЩЕ, дорадуйся еще. И оно иногда действительньно больше помогает, чем валокардин и валидол.

24-ое августа

Сегодня уже 24-ое...24-ое августа и такой очень романтичный, необычный сон, хотя частый старый, с разными ню…ансами. Балетный класс и какое – то я имею к этому отношение... То ли я директор театра, что ли?

Я на репетиции. Большая плоская площадка и как бы на сцене она... И я лежу на диване, перед сценой, смотрю, и делаю какие-то поправки. И хотя это балетный спектакль, но все равно рисунок мне понятен и я добиваюсь выразительности в жвижении. Танцуют одни девушки в пачках, но босые, а самая юная балеринка абсолютно обнаженная. И вот диссонанс срабатывает. Кто придумал это не знаю.

***

А потом, потом это все переносится в дом к приме балерине, необычайно красивой и очень импозантной и какой-то необычайно... воздушной, возвышенной женщине. И дом этот находится на месте дома главврача Джуринской больницы. Построен он очень интересно. В таком американском варианте и с большим – большим living room, в котором паркетный пол, на котором можно танцевать или репетировать. И вот я с этой примой один на один. Я не знаю, кто она мне. С одной стороны, у меня такое впечатление, что это моя жена, с другой – что это женщина, в которую я влюблен, И мы танцуем и я ее партнер как бы даже не просто по

танцу, а партнер по балетному какому-то спектаклю. Но это уже совсем что-то новое, что никогда у меня во сне, никогда не подразумевалость. В реальной жизни, ставаясь дин в пространстве могу позволить себе подурачиться и подвигаться проделывая самые замысловатые па даже с какой-то легкостью. Но в данном случае, я именно ее партнер и мы очень интересно обсуждаем рисунок этого танца. И я с ней рядом и мы танцуем. Потом происходит какая-то... ну, смена... происходит смена... Потом снится... да... что я очень счастлив с этой... в этом сне и я даже не могу сравнить и вспомнить лицо и... этой женщины, настолько она... как будто небесное какое-то и очень лирическое и необычайное и по фигуре, и по голове, и по красоте, и я не могу это запомнить, настолько это было... ну, красиво. И потом вдруг она сменяется как бы картина... Остается этот дом, этот пол паркетный, в смысле, это такая площадка. Особенно один какой-то левел, как говорят на английском... Это чуть – чуть пониже, это есть еще какая-то комната типа гостиной, не гостиной, типа именно такая кухнонная, такая как кухня, но очень большая такая и громадная. И там... вдруг она туда... и там находится... И с ней человек, муж ее что ли там... И она плачет очень как-то так... Но это не трагическая какая-то ситуация... ну что ли... то ли радостная или не радостная... в этой ситуации... И она как бы плачет от... Я не могу вникнуть, в чем там дело. Я как бы со стороны наблюдаю за этим и там... и думаю:
- Что же? В чем же дело?
И у меня мысль приходит, что видно она... этот дом она должна покинуть или они должны покинуть этот дом. И я думаю:
- Может быть, здесь очень большой бейсмент - я смотрю там внутри – и смотрится этот дом... Может быть этот дом все-таки приобрести для того, чтобы в конце концов, жить здесь. Это такой большой громадный и чистый дом.
Но в тоже время я думаю:
- Да, может он напоминает мне дом этого главврача. Он как бы так построен был так, что туда были перенесены какие-то огороды, то есть туда вода могла стекать и это особенно всегда проблема, что вода могла стекать в бейсмент. И я думаю, что в этом смысле это не самое лучшее... вариант. Но вот осталось какое-то необычайно прелестное чувство, что все-таки... искренней как бы... не знаю, присутствие как бы ощущение... рядом с тобой вот такой... величия и притом, что это совсем не просто что-то лирическое, а и духовное и... связано с искусством. И мне это как-то так... оставило какое-то такое... оставило такое приятнейшее впечатление.
Что за этим кроется? Я пока сразу не могу подумать, не могу сразу рассказать что-то об этом... Особенно или... когда она была величественной,

хотя она действительно была необычайно какой-то такой что ли вот именно абсолютно... как бы великой в смысле... Но здесь, это совсем... просто в этом совсем не верится, что это какое-то... великое по-русски... Но это совсем другое, другое лицо, которое я не могу вспомнить, но оно какое-то очень – очень величественное. Но в этом облике, в этом характере было все, что только мне дорого – и какая-то тишина и значит и... воззрение ее, и какое-то превосходство что ли, а просто сама естественность и красота, и величественность. Вот такой вот, такой образ, такой образ.

ВСТАВКА

***

Но в это время были просто более интересные... Я представил “Роман с автографами” Владимира Соловьева, который я в свое время не читал, но какие-то вырезки, которые попадались в “Новом Русском Слове”... Я был почему-то заранее агрессивно... не восприимчивость и видел в этом маленьком коротышке – еврее карикатурные, злобные, ядовитые... И это мне неприятно. Но... его так Захаров издал “Три еврея” называется, так сказать, такая рекламная... рекламное название. Безусловно это “Роман с эпиграфом” никого не интересовали. Три еврея подразумевается этот самый... как его... Бродский, Кушнер и я вот не знаю или он себя имел ввиду, Соловьева или Довлатова. Я так пока еще не дошел до этого. Но едко, очень литературно, язык такой злой, активный и грамотный. И поэтому это... он, правда, слишком самовосхваляется там. Настолько говорится, что это будет событие в литературе.... Но это может быть преувеличенно, во всяком случае, есть такое там в предисловии. Но с другой стороны, он человек литературный и безусловно чувствующий и понимающий литературу, тут нет сомнения. Но я, так сказать... не пойму, что я из этого вынес. А вот про все эти протоколы, допросы и решения заседаний по поводу... настолько безнравственно, настолько пошло, настолько просто... ну, оно даже не влазит ни в какие ворота. Это только мы, я даже не могу представить как когда-нибудь, кто-то прочитает и сумеет понять, что же в действительности происходило. Потому что это на уровне сочинения школьника. И всех этих докладов в ЦК и к Сталину, то есть, это не то, что там все белыми нитками шито, там даже не видно логики никакой, это любой человек... Но вот этим занималась и занимается целая армия людей занималась вот этой ерундистикой для того, чтобы уничтожать и мучить и издеваться. И это решало судьбы людей, включаю Жемчужину, которая вырастает из намного интересной фигуры, чем я раньше себе представлял. И это не смотря на то, что это была жена председателя Совета министров, министра иностранных дел. И это все вокруг свистопляска и пошлых и очень... И я даже думаю, была бы какая-

то, хотя бы за этим крылась и логика элементарная, там элементарной логики там нет. Но вот такая вот штука. А вот эта вот, которая издается сейчас в России, там есть прекрасный рассказ “Иголка”. Это такая притча, великолепно сделанная... Зингером. Очень трогательная и страшно глубоко, умно. Это все, что делал ... Зингер. И вот действительно в этом смысле, все, что он писал и сделал, за этим кроется талант и мудрость. И еврейская, необычайно глубокая душа. И я очень люблю его все рассказы и предвкушаю какой-то приятный момент в чтении.
Что еще?

***

Самые озорные частушки вообще поразительные. Прелесть невероятная. Остроумие, эротичность и... Столько я сейчас все время читаю и думаю, что Игорь Губерман сам должен был просто их читать вместе со своими штучками и это бы вызывало бы еще больший восторг, потому что там есть такое остроумие, такая простота и в тоже время рифмовки удивительные. Это великая поэзия по сравнению с тысячами стихов, которые попадают, попадают в журналы или отдельными книжками сейчас разными... эти самые графоманы издают. Так вот одна, две, три есть шедевры, которые просто одна частушка стоит всех этих стихов. Вот такое у меня просто ощущение. Это поразительно, конечно, еврейский человек, ушедший из России и абсолютно не ностальгический, а чисто, с точки зрения, просто вкуса, познания и любви к поэзии, могу оценить вот такое... с таким вот чувством оценить простую народную частушку. Но может быть, кстати, там могли быть где-то даже частушки придумывали, как я шутя говорил, какие-нибудь это самое... такие евреи, как я, которые любят это все. Но это не имеет значения. Но здесь высокая – высокая... высокий юмор, остроумие очень большое и техника даже тоже прекрасна. Так что, я не знаю, я думаю, что кроме меня, многие могут вот так сказать о русской народной частушке озорной, эротической и матерной и как угодно.

***

Никак не могу отделаться от одного сна, беспрерывно повторяется. На этот раз опять какое-то общежитие, где моя койка, самая крайняя справа. И вот в этом... в этой комнате там еще кто-то лежит. Я не вижу, кто и что там. И там есть какие-то мои вещи. Их не так много, но самое то, что необходимое, больше вообще ничего у меня нет, как говорится, никаких вещей в этой... в этом отрезке жизни. И я... и вдруг в этот, в это общежитие заваливаются

сотни молодых ребят в робах, бушлатах. Это какие-то не ПТУшники, а какого-то морского типа... морское такое училище низшего класса там. И их так много, сотни их. И они заваливаются и в мою комнату. И я как-то в это время я еще хотел пойти в... ну, помыться или как-то собраться. И уже ничего как бы нельзя.... У меня какие-то брюки там должны быть, которые я хотел одеть, белые, чтобы найти... Ничего уже... все переворачивается. И у меня еще, возле моего столика лежит... марки почему-то, альбом с марками. И тут же один пацан, такой меньше всех их, хватает и начинает:
- О! – и искать, и смотреть их.
Я говорю:
- Нет, не надо, это мое.
То есть идет какая-то страшная борьба за сохранение вещей своих, своего угла, своего... Хотя с другой стороны, я чувствую себя здесь как бы старожилом, но масса громадная, без... беспредельная, то есть, никакого чувства, это... И единственное, что я узнаю, что они... это у них временно, они сегодня же должны уходить куда-то в море, в училище, не знаю. Но это меня не очень успокаивает, потому что я полностью деморализирован. И вот такой вот сон, он под самое утро.
А еще что-то, конечно, снилось другое, но я его не запомнил. Но вот это общежитие и эта тумбочка – это все мне продолжается сниться. Здесь тоже любопытно, что я могу сейчас все-таки объяснить это, чего-то раньше я об этом не думал, почему же мне снится этот сон. Почему он повторяется беспрерывно? А почему он бесперывно повторяется? Дело в том, что я когда в общежитии жил в Гомеле, а потом... Я вот единственное, что не могу вспомнить, как развивалось с этой ситуацией – или меня выселили из общежития... Нет, такого не было... Или я ушел из него, ушел, потому что меня как-то, так сказать, соблазнила на это уйти вот эта девушка, которая влюбилась в меня и у нас... И решила найти здесь близкого для себя... комнатку, место... А вот такой был момент... А я... мне было пятнадцать лет и я как-то так... Во мне не было еще чувства такого... реальности, что может это... Хотя это все повлияло очень хорошо на мою будущую жизнь, потому что если бы я закончил это... этот техникум, ну этот Водный техникум, в который я поступил, может быть моя судьба совершенно по-другому бы протекла. Хотя я и там себя проявил в... стал писать стихи, стал печаться в газете. И в пятнадцать лет, я получал гонорары больше, чем я получал стипендию. И это целая история, которую я как-то расскажу и напишу. Но дело... но в тот момент, когда она меня на почте увидела и просто была... влюбилась и я почувствовал, что от нее такой запах молока. И я говорю:
- Что у вас маленький ребенок?

Она была поражена моей такой непроницательностью что ли. И тем более, что я был высокий, с горящими глазами и с большой шапкой волос. И естественно, что это для нее как-то было... Ей было лет восемнадцать и она только была... только родила. А оказалось, что история очень простая. Ее женили, она была на окраине Гомеля еврейская такая... еврейское гетто. И ее женили на человеке, который был очень достойный, я его потом увидел. Но ему было лет тридцать. И он был токарем. И вот это... а она была такая романтичная и когда она меня увидела, она просто решила, что она должна меня к себе приблизить. И вот она мне нашла комнату рядом с ее домом. это был замысел довольно такой, не просто фантастический и рисковый и для ее жизни семейной и все... Она на это пошла. А я по своей неопытности абсолютно, по своей наивности... но в тоже время по жажде любви, я согласился и ушел из общежития. И это, так сказать, предрешило всю мою дальнейшую, может быть, и судьбу. Я ушел из... фактически это училище бросил и во мне... И все-таки, ну здесь если до конца так... когда я пришел однажды к ней, она кормила ребенка и она маму отправила и хотела быть со мной и все...

27-ое августа

Сегодня 27-ое или 28-ое... Сны, конечно, обильные. Один такой сон. Я попадаю в какое-то помещение какое-то.... молодежи, так похоже, как в первых снах... Как будто такое водное, там где-то протекает такой ручей, в подвале каком-то что ли туалетном, такой комнате. И там мужчины и женщины в туалете сидят по своей нужде, делают все. И вот интересно, что там какие-то дети, мальчики и девочки. И там семь – восемь лет школьного такого характера, и женщины, и мужчины тоже. И рядом, где я сижу и сидит какой-то рядом со мной там. И я как-то так взглянул на него... А у него между ног просто такой громадный язык, вот такой типа языкобразной такой формы, пенис. И он висит прямо до, я знаю, до низу. И что-то в этом есть и противное и в тоже время я думаю:

- Смотрят ли там девочки, наблюдают за этим?

Но я не улавливаю никакого взгляда и не вижу, как говорится, что делают

они.

Но этот сон мне понятен, я знаю откуда он растет. Я слышал где-то по радио, что где-то в каком-то тоже... европейской какой-то стране, есть общие туалеты, где мальчики и девочки вместе для того, чтобы их как бы... для того, чтобы потом это было для них естественно, то есть, точно, как у животных. А второе, почему мне это как-то приснилось? Это вчера моя Леди, кошка моя, вдруг пришла близко к дому и стала испражняться. И это

было так любопытно, как она выдавливает из себя кал, что я так видел ее сотни раз, но в данном случае это было просто интересно, что именно такими какими-то кругами живот она подтягивала и выдавливала. И вот отсюда родился вот весь этот сон и ни больше и ни меньше.

***

А потом мне снился еще один сон, тоже такой повторяемый, а с другой стороны, совершенно по-другому... Что папа, как будто должен жениться. И вот он нашел какую-то женщину, у которой дом находится прямо там возле поворотки, там в Джурине за таким еще... за библиотечным каким-то... там было такое зданьице такое и там была тоже библиотека. И вот за этой... и там близко к речке и к дорогам там. И там находится дом вот этой женщины. И мы туда направляемся с ней. Она такая грузная, большая какая-то и не очень... Ну я расцениваю, что это не самый лучший выбор. Но самое главное, что она какая-то там... Вот она там... и что у нее очень большой дом, я слышал и говорят. Но когда мы пришли, я увидел, что это какая-то такая халупа, пристройка какая-то такая, что весь этот, как говорится, миф немедленно развеялся. А папы в это время с нами не было. Это почему-то я пошел как бы на смотрины что ли. И я так прохожу там мимо дома, где сидят, где сидели обычно... Там была семья, я забыл как их фамилия. И они тоже сидели как бы на улице, на какой-то площадке такой. И я пришел с этой женщиной. Она такая большая, грузная. И она пошла туда и тоже как бы присела на какую-то там скамеечку возле этого... близко возле этого домика. А я туда так и не вошел и сон расплылся.

***

Затем мне снился любопытнейший еще один какой-то такой сон, что я еду... Костя везет автобус, наполненный людьми, мы откуда-то едем, возвращаемся с какой-то поездки, типа конференции, типа чего-то такого туристического. И вот он сидит за автобусом и развозит уже людей как бы в обратном варианте. И я говорю, что... И я там стою в этом автобусе. И рядом со мной такая очень элегантная такая женщина. Вот может быть она похожа вот на секретаршу из “Света” из “Нового Света”. И она такая... западного характера, а эта Юрайте тоже из Риги... И вот она... и я ее спрашиваю:

- А где вы будете?

А она мне говорит:

- А вы где сидеть будете? Вы тоже собираетесь выйти?

Я говорю:

- Да, я у Союза журналистов, у Дома Союза журналистов.

И едем мы по Одессе, как будто так, по видимости. И вот мы подъезжаем к дому, он возле нового базара почему-то так получился. А на доме написано “Союз советских журналистов”. И он останавливает... Костя возле этого Союза и она выходит. Но я почему-то остаюсь и не выхожу. И я вижу, как она такая... уходит и оглядывается. Высокая, стройная и такая очень элегантная, красивая женщина.
Потом мне снился... Да, потом я еще думаю:
- Как же Костя водит автобус, когда он вообще машину никогда не водил. Но это... но вот водит. И я думаю:
- Вот хорошо, что я вот и Оля сейчас должна возвратиться, она откуда-то должна возвратиться и мы встретимся в нашем доме. И это будет хорошее такое... хорошее будет ощущение.
Вот такой сон. Непонятный, конечно, абсолютно и не очень объяснимый. Вот.

***

Ну вчера были просто пару событий таких любопытных. Встретил я в магазине вдруг встретил Марту. И она когда увидела меня, так обрадовалась, бросилась ко мне на шею, так поцеловала. Это всегда мне неприятно, эти ядовитые поцелуи. Но она говорит:
- Ой, вы такой худой, Илья! Так как это... занимаетесь...
Я говорю:
- Все легко, сперва надо заболеть, а потом надо сесть на... на диету.
Но вообщем, она так...:
- Я вот тоже никак не могу... это самое... Но сейчас у меня такой период, я вся в...
Но она сейчас в смысле на телевидении... И я говорю:
- Как у вас?
И она начала рассказывать, что у нее один сегмент, второй сегмент, третий сегмент.Одни сегменты, сегменты... Это звучит как-то так... это звучало так смешновато. Потом она говорит:

- Ох, вы знаете, давайте, давай я с тобой сделаю...
Да, она на “ты”, а с ней на “вы”, то есть, пушкинское телевидение мне знакомо, конечно, и поэтому она на “ты” и “вы”. Вот. И я говорю... и она говорит:
- Надо с тобой сделать интервью, такое оригинальное, такое нестандартное не нестандартное, а... (забыл, как это слово сказала). Ты необычный человек и обязательно надо сделать интервью.
Я говорю:

- Ну, посмотрим...
Я ей желаю успеха, во всяком случае, то, что делается, а... вот.
И в этот же вечер мне позвонил Наум Сагаловский, поддерживая с ним мысль о радиочас... ему предложили там из газеты. Ну я подумал там, что в принципе, это не самый плохой был бы вариант, если... Хотя я так загорелся, но постепенно... я понимаю, что это не так просто вдвоем вести целый час и притом, что это надо записывать дома, это надо аппаратуру иметь. Но во всяком случае, в этом нет вот такого... поддержки был. И мне даже порой смешно, что именно он, это говорит о необычайном изменении отношения его, не только ко мне, а вообще, в принципе, что он... Он все-таки не замечает никогда для себя и всегда считает, что кроме него в поэзии есть... но в данном случае, зарубежья, никого нет. В чем-то он прав, я как раз поддерживаю его. Он очень чистый поэт и нету... ни во всем, в каких-то вещах чувствуется просто культура стиха и юмор, и лирика, и все это есть. Вот поэтому я это ценю. Но ершистость такая, иногда просто даже глуповатость, такая провинциальность – это чувствуется. Но посмотрим, может быть такое сочетание моего темперамента и его такой... может быть и может быть, даст какой-то результат.

***

Из чтения вчерашнего... ну что, я что-то я читал, конечно. Стихи Ахмадуллиной. Все это повторы. Там ничего такого нового уже нету. Есть просто очень... есть там этот... в чем-то иногда надуманность, стиль и это приятно среди всего этого... этой простоты и вульгарности. Но... но оно как-то не трогает, ясности мало, легкости тоже. Хотя, конечно, это больше поэзия, чем у кого ни было.

30-ое августа

Это 30-ое августа 2002-го года. Сны повторяющиеся, но, конечно, с совсем другими какими-то оттенками. Один сон – это я нахожусь в какой-то... Мне трудно сказать, где это, в смысле на каком пространстве. Но вокруг меня находятся поразительного цвета и формы какие-то животные. Они голубые, прозрачные и как будто в них... внутри их какая-то... течет какая-то такая жидкость тоже такая голубая. И это... и они имеют головы, они имеют какие-то туловища длинные и стараются меня обхватить. И я оказываюсь где-то стоящим вот как бы по центру какой-то площади, какого-то, может быть, на морском берегу. Это я не видел, что вокруг, я не знаю. Я знаю, что я только окружен вот такой сворой, стаей вот такой, сворой таких вот, этих вот животных. И в руках у меня находится какой-то типа прощас, не знаю и она.... в конце не камень туда заложен, а какой-то как бы... Мы делали

когда-то из шмотья, делали этот самый футбольный мяч, именно вот такой вот. И на такой длинной, как бы веревке такой. И вот он в руках у меня оказался. И вот это единственное, чем я могу защищаться. И я беспощадно, неистово, с какой-то такой громадной силой бью по этим, подбегающим ко мне с одной, то с другой стороны, вот этим животным. И бью их по головам и они как бы раздваиваются и в тоже время это переливается вот это с... туловище. И я опять их... и я за этим... крошу налево, направо, со всех сторон. И я уже думаю:
- Все! У меня на это это не хватит сил защититься и я вынужден буду сдаться на милость вот этим животным.
И все-таки я опять продолжаю до последнего, до последнего издыхания. Но в тоже время, это оказался и последним какой-то из этих животных. И я облегченно как-то так вдруг ощутил, что миновала опасность. И я так смотрю и лежат вместо вот этих животных, которые я видел, ну явно видел, лежат какие-то как бы пустые, пустые туловища как, как будто кокон от бабочки и который остался. И их так много – много вокруг меня. И кажется, что и море где-то плещется. И я почуствовал, что я свободен.
Но сон был поразительно такой красивый, цветастый и опасный.

***

Второй сон, это тоже любопытная такая какая-то ситуация. Мне снится тот же самый, я даже не знаю... Снова общежитие и какой-то очень любопытный, как будто вы знаете, эта комната, в которой я был, она вся завалена тюками белья. Это кастелянша, как будто все туда сложила и я даже не знаю, где.. где там кровать, в которой... на которой я есть и моя тумбочка, которая часто мне снится в этих снах.
А потом, потом я ищу туалетную комнату. И она как-то так там находится в странном как будто... где котельная что ли. И нет свободного места, все загажено. И вбегает еще один какой-то студент, который... Но он такого крохотного, маленького роста и как будто даже и голенький или в какой-то

рубашечке такой. И он это самое... И он себе находит:
- А вот – говорит он – местечко, где оно еще не загажено.
И как бы так залез под умывальник что ли. И там по малой нужде сделал свое дело. А я стою и не знаю как это... справиться с такой задачей, потому что грязно и я не хочу никуда ступить ногой. Но вот тоже это такой... продолжение. Может это взаимосвязано с моими какими-то “простатными” делами. А в остальном, я как-то не очень могу это все, как бы сказать, прокомментировать. Вот.

K2002

****

***

Во-первых, позавчера мне тоже снился сон, я его не записал до конца. Он очень любпытный такой... как я в холодную прорубь вставлял ноги и мыл их и тут же одевал носки.

А потом я спустился по какой-то улочке и там странно... Там и как бы Эрик должен был быть, но только были его туфельки. Одна туфелька и мои и пара моих туфель, чтобы стояла что-то... И я начал искать... и наконец нашел его маленькую тоже туфельку. И я опять вернулся для того, чтобы помыть ноги вот в этой вот проруби. И я смотрю люди проходят и удивляются. А я вот так помыл и сразу опять одел эти носки. Вот это повторилось как бы дважды вот с этими туфлями и с этой водой холодной, в которой я... и как бы не боялся и было приятно. Там было еще очень много деталей, но я все это не запомнил.

***

Сегодня мне снился еще такой сон, в какой-то мере он бывал уже, но в другом совершенно ракурсе. Мне снится, что я попадаю в какое-то кафе или, как бы сказать меня пригласили какие-то “новые русские”... такой мафиозный. И он щедро... заказал какую-то громадную рыбу, целую и порезал ее на три куска. Очень такой кусок головы с небольшим таким отростком мяса или там рыбы. И вторую очень большую... такой кусок... Да... на четыре куска оказывается... и посередине еще и один хвост. И вот он сидит... и там женщина была. И я с ней рядом. И они вот мне дали самый такой жирный и внутренний кусок. И я почему-то подумал, что мне это не нужно, потому что я рыбу почти не ем, за редким исключением. А вот они... взяли эту рыбу. А потом еще туда вошла какая-то еще такая же очень... еще выше его там... что ли такой мафиози. И от так раскланялся и как-то они так... А я сижу и думаю:

- А зачем же мне эта рыба, вот этот жирный кусок изнутри... Мне бы лучше голову, потому что я люблю высасывать там, так сказать, какие-то кусочки и обсасывать косточки.

И я собираюсь поменять его голову, потому что я практически не трогал и не ел, я могу поменять. Они как бы против ничего этого не имеют, но я эту рыбу так и не съел. Вот этот сон. Ну там было очень много каких-то совершенно других вещей, которые... Какое-то число восемнадцать,

которое мне сейчас очень дорого в связи с тем, что оно определяет как бы из древнееврейского “жизнь” - .... И я это самое... и оно как раз как бы совпало во сне почему-то именно восемнадцать, так как я хотел. Но что там было, я вспомнить не могу, не могу. И вот насчет рыбы, это видно, позавчера, когда был день рождения Оли, она привезла рыбу. И интересно, что одного кусочка не хватило. Не хватило именно для нее, она так всем раздала и не хватило именно ей. Я хотел поделиться, но это как обычно, конечно... но она не... Я все-таки этот маленький кусочек рыбы съел. В связи с тем, что я с... давно не ел уже видно, полгода, не ел рыбы, она могла и произвести не очень хорошее... Но это потому, что ночь у меня была... уже на следующий день, очень нехорошая. Я не думаю, что это связано с этим маленьким кусочком рыбы, там больше было связано с тем, что я ел такие... эти острые... с чесноком и борщ, в котором Оля давала... ну, такой томат. Может быть, это меня и подвело и у меня была довольно нехорошая такая “простатная ночь”. Вот. Поэтому эта рыба на меня как бы... потом часто и преследует. И вот оно немедленно, так сказать, появилась во сне в этом. Я вот единственное, что не знаю, записывается это или нет...

K03.7.1

****

1-ое июля

Это 1-ое, это 1-ое июля. Я напишу продолжение, потому что там закончилось на моем рассказе... и вот там, в этом же кинотеатре, где была вся эта живность и все прочее в луче … Потом вдруг появляется парень, украинец, какой-то простоватый такой и с балалайкой. И вот, он стоит тоже в свете этого луча и начинает подкручивать колки на балалайке для того, чтобы сейчас исполнить... ну, какую-то, какую-то мелодию. Откуда выросли вот эти образы, я прекрасно понимаю. Я недавно посмотрел одну сюрреалистическую картину художника, близкого к манере Дали, но она намного живописнее для меня показалась, хотя уже, что можно там нового в этом варианте придумать. Но там есть такое... как бы комната. Стоит девочка, читает книжку на полу, и только ее колени и голова сверху. И это очень красиво выписано так. Дальше идет … корабль идет в окне, громадный такой... как бы дверь, и там корабль идет по волнам, и затекает вся эта вода тоже на этот же пол, но с другой стороны затекает большой-большой такой просвет воды, и как бы корабль войдет вот в эту дверь. Это очень впечатляет, очень, между прочим, мысль изощренная такая, и ситуация необычная.. И вот, отсюда вот, видно, появился вот этот просвет в кинозале, где мы видим, как входят животные и все прочее. Вот в отношении с балалаечником, у меня есть... была бандура, которую я взял в дом и решил сфотографироваться, как лирник старый, сижу с бандурой, и там колки тоже, на которые я положил левую руку, а правой перебираю струны, сижу на пеньке в саду, освещенный солнцем, седой как лунь. Вот, возможно, отсюда появился вот этот украинец с балалайкой. Вот так.

***

Тут бы мне еще хотелось закончить... Я прочитал книжку об Эйнштейне и должен сказать, что я с таким ожиданием каждый вечер знал, что я вот буду дальше входить в жизнь Эйнштейна. Это было для меня просто как какая-то... не знаю, как опьянение такое. Я когда закончил книжку, она меня до слез тронула, когда он уже ушел из жизни, и я его похоронил для себя, я это как бы отметил. И должен сказать, что образ его для меня настолько стал интересней, глубже, я просто понял величие этого человека, его трагизм, его... все, что только может быть, именно человеческое, а не только легенда или миф о гениальном субъекте. И вот я хочу, меня даже сейчас... намного больше заинтересовала фигура Эйнштейна. Я подумал:
- Если бы Спилберг вдруг сделал бы хороший фильм о нем, это было бы

очень значительное явление, возможно, в новой трактовке образа этого человека, гения.
Вот, так что очень меня тронула эта книжка его... его страдания, его человечность, его отрешенность, ну, все то, что только могло сочетаться в одном человеке, сочеталось в этом великом ученом.

***

И вот интересно, что мне снился еще один сон. Это – совершенно из другой оперы. Мне снился сон, связанный с Ченом. Я захожу в комнату, ну, это не похоже на нашу комнату, в той, в которой мы живем сейчас. Это, скорей всего, даже похоже на Одесскую какую-то... Ну, в общем, это такая квадратная комната, широкая. И я вижу: на полу распластана голова и какая-то часть... какие-то части тела... Может, их даже вообще нету, а именно какая-то очень крупная голова с козлиной бородкой. И вот, она распластана, оно, это лицо, искажено какой-то страшной маской боли, гнева. Я такое лицо видел у него, когда он один раз полностью вспылил. И мне почему-то жалко его стало, и я говорю:
- Чен, что с тобой?
И он такой растерянный, как будто ... как будто просит: “Помоги мне!”
И я хочу нагнуться, но вижу вот распластанное, поразительное лицо, уже к расплавленное на полу лицо. Вот, такой вот сон, очень жестокий, очень какой-то сюрный. Как будто тоже с какой-то сюрной картины. И тут мне трудно сказать, что... Ну, вот это искаженное лицо его... А единственное, что я могу подумать...
У меня есть, там, где он спал, на этой... то, что мы ему сделали, ложе деревянное... Я поставил там на окошко такой... для орехов, чтобы колоть, вот такую деревянную как бы скульптурочку. Иногда она бывает просто как женский торс, и там можно как бы положить между ногами орех и расколоть. Ну, такой эротический момент. Бывает, она просто какая-то там птица... Короче, в данном случае, это кореец. И он с... и я его поставил с распятой, с разорванной... с открытым ртом. И вот, там он очень напоминает, как раз напоминает Чена. Может быть, отсюда это пошло.

***

Любопытно, любопытно. Господи, господи! Значит снится мне сон, что я попадаю домой. Я нахожусь в нашем маленьком – маленьком домике, нахожусь в этой комнате. Это все там довольно, довольно там бедно. И я ищу какую-то еду, которую я не могу найти. Мама, мама хозяйничает... Как-то даже она не хозяйничает, а присутствует и все время возле меня. И я

думаю о том, чтобы она мне дала... ну какую-то с собой еду. Я куда-то должен уехать. Но... но как будто ничего там нет. Тем более, что я вспоминаю что... что я ведь только ем макробиотику. А потом так я думаю о том, что было бы, конечно, очень хорошо на прощание побыть с ней близко, совсем близко, как мне часто снится во сне. Получить такую радость, какую я только получаю с ней во сне. Я как-то так... еще не решился, как это сказать, как это сделать, как намекнуть. И опять идет какой-то такой... беспрерывная как бы... прохаживание, движение. И я ничего как бы не могу и получить и не могу решиться на что-то. Вот такой вот сон, но мама рядом со мною. И мне, как всегда, с мыслью, что она жива и что я очень счастлив от этого. Почему вдруг это могло присниться? Ну я, так сказать, я сейчас вспоминаю и думаю о том, что это я вчера звонил Семе, Руфе Мишиной, разговаривал и хотел узнать где же мы будем жить. Я так и не сказал конкретно, что мне не хотелось бы, чтобы мы были бы в одной квартире вместе с Идой, которая приедет раньше нас. Вот так, я поэтому вот то, что я не мог сказать им, так прямо упрямо. И я намекнул и говорю:

- А нельзя ли было бы может утром там у Риты?

- Нет – он сказал. – Там ко мне приезжает Саша. И у них там нет лишних комнат.

И в этом смысле, я думаю, что сон именно вот так все это преобразил, что я мыкаюсь и не имею как бы... там... куда попасть. Вот такой вот сон, это связанный с мамой.

***

Потом снится мне, что я иду... Я оставил свои одежды, оставил где-то, в каком-то доме... я не знаю где. И иду с двумя пожилыми эмигрантами, я иду, я иду в... к этому самому... иду к... Мы идем как бы к морю, в каком-то городке. Я думаю:

- А где же мой...

Я никогда там не был. И вот мы подходим и они говорят:

- Да, вот тут недалеко море...

И мы подходим к какой-то такой... ограда, чуть ли ни Летнего сада такая, но не с частыми такими кольями, а реже. И над ними есть какие-то верхние просветы такие. И вообщем, мы заходим в этот... на берег. И я говорю:

- Слушайте, так ведь может быть можно будет даже... можно купаться.

Но говорит:

- Вообще-то, я не знаю. Мы не знаем, вода, кажется, еще холодная. Еще надо подождать, к обеду где-то ближе.

Но я говорю:
- Нет, мне интересно.
И я почему-то даже оказываюсь что ли босой. И я... а там оно суживается и там как устье какое-то, залив какой-то морской. И я захожу в воду. И она уже в самом начале просто теплая, прекрасная. И я говорю:
- О, так это обязательно надо искупаться, даже... самое главное.
Они говорят:
- Да, но слушайте, я не взял ни переодеться во что, ни полотенце, нету ничего.
Но я говорю:
- Но мне надо было бы мне купить. Но, кстати, я оставил там же у вас все мои документы и все деньги и доллары. Вы мне можете одолжить там десять долларов или сколько и я пойду и куплю полотенце?
Он говорит:
- Да.
И вообщем, я беру у них как бы взаймы и говорю:
- А где?
- Да вот – говорит – за оградой есть какие-то магазинчики и можно купить.
И вот я начинаю пробираться через эти ограды и оказывается, что это не так просто там. Это надо еще суметь, как просунуть тело между двумя какими-то там еще балками с просветами, для того, чтобы... Во-первых, можно порвать и руки, и ноги, и черт его знает что... И я... попытка у меня есть, но я думаю:
- Что как же обратно? А обратно можно вообще не залезть.
И вот тут у меня сомнение – а могу ли я это себе позволить? А хотелось, конечно, очень хочется искупаться, поплавать.
И вот любопытно, что вот этот сон тоже имеет свою... Я спросил вчера у Миши:
- А где? Будут ли они возле жить?
Нет – он говорит – они поедут на Кемпкоут.
И мне сразу вспомнилось море, конечно, я подумал:
- Что да, мы... Они к двенадцатому уже вернутся оттуда.
Таким образом, мы как бы... ну что ли... Мы не можем попасть на этот Кемпкоут и поэтому, и поэтому я подумал, что они правильно... Да, что так и не удастся видно, искупаться, покупаться в море. Это очень такой вот сон, вот такой сон. Конечно, это любопытно, ну я думаю, что отсюда вот появилось вот это море, в котором я не могу искупаться.

***

И третий сон – это уже был такой целый.... фарс. Значит, на какой-то... это метро. И там такой закоулок, в котором сидит старуха – дежурная. И она значит, она... возле нее стоит... коляска... Она... такая обрубленная скульптура, на которой находится женщина или какая-то девушка... Это скульптура такая. Она ее что ли охраняет, не знаю. И вот я попадаю вот в этот... в ожидании поезда. И жду... и нету, поезда нету. Но вот она охраняет это. Потом появляются во сне два молодых человека, которые где-то рядом так находятся. И они наблюдают эту старуху и что-то там шепчутся. И вот она там куда-то на минуту там, куда-то уходит. Они быстро там берут какую-то коляску, типа повозку такую, электрическую, которая сама ездит, ставят на нее по центру между собой вот эту скульптуру и садятся с двух сторон. И отправляют, катят ее, выезжают на ней по перрону. Старуха прибегает в это... в свой закуток и вдруг - нет скульптуры.
- Ай – она с криком...
И это как будто происходит в Америке, но такая русская, типажная эта старуха. И она бежит за этими пацанами. Но она вначале не видит эту скульптуру, потому что ее как бы прикрывают. Она бежит с правой стороны, а тот выпрямляется и они как бы, одна линия между с этой скульптурой. Она влево, а те вправо, то есть, таким образом, они как бы прячут ее. А она не понимает – куда же делась скульптура? И это очень смешно, ну, такое... фарс такой, при том, что разыгранный и весело так он отпечатался в сне, как мне это снилось. Это было очень и смешно, и в тоже время, киношно. Но оказывается, так не бывает.
Почему вдруг мне снилась эта штука? Да, я даже так думаю и теперь я понимаю. У меня... я сейчас разобрал там мои рассказы. И на самом верхнем слое в моих этих публикациях, полный лист газеты, была... был рассказ “Голова”, где фактически ситуация именно о скульптуре, которую все время сбивает родной брат скульптора, голову снимает. И вот я подумал, что вот надо дать почитать это Рассу, который вчера был у меня там. Это с одной стороны. А с другой стороны, я подумал, что она осталась у меня пока в оригинале. Я когда отпечатаю, я ему дам. Я думаю, что вот это отголосок очень касательно, он не совсем связан и не взаимосвязанный. Но в тоже время, взаимосвязанный потому, что иначе, почему бы мне приснился такой сон. Вот такие вот пироги.

***

Да, здесь совсем другой сон. кроме всего, кроме всего слабо что-то крутится... Значит первый сон – мне снится, что я на какой-то площади. И

как-то это ясно, большая площадь и... У меня в руках какая-то стеганая такая плетка и я ею хлещу по телу, по лицу Куприна и почему-то Бунина, он что ли там рядом. И особенно, Виктора Некрасова, который... мы там с ним были в хороших отношениях и он здесь жил у меня и все... И я как-то так, даже не понимаю почему, с таким рвением... И почему-то именно в связи с какими-то антисемитскими высказываниями. И я все время хлещу этого... ну, их... И оказывается... потом, как бы сдвигается такая панорама и это все на фоне Кремля, ну так... Кремлевской площади. И вдруг, я там вижу слева возле... на этой площади ворота и появляется мячик, кто-то мне его побрасывает. И я хочу тоже... я его так как бы поднимаю... И в это время появляется Владимир Ильич. Маленький, очень аккуратно одетый, такой быстрый, становится в ворота и как бы просит:
- Ну, давай! Забивай в меня мяч!
И у него такие... я обращаю внимание, очень чистые, красивые ботиночки такие, именно ботиночки. И когда я ударяю мяч, он попадает ему точно в ногу и он очень точно и сильно ударяет обратно мяч. Вот такая белиберда, казалось бы, казалось бы...
Но в этой белиберде есть все-таки какие-то... какая-то не то что логика, но мои прожитые пару дней. Первое – я... все время попадается материал о том, что... о писателях и об антисемитизме там... “Чехов и евреи”, Бунин, этот Куприн. А о Бунине и этом... этом... о Некрасове, я материалов таких не видел вот... Но почему именно они? Потому что я складывал альбом фотографий последних... которые я там получил, которые я сам делал. И мне попались могилы, могилы во Франции, на кладбище, именно как раз Некрасова, Бунина и кого-то еще... Лефаря. А Куприн уехал же обратно. Но во всяком случае, у меня вот этот... вот такая взаимосвязь в этом есть. Но тут... но самое главное, момент в этом... А Ленина... я просматриваю просто материалы, я там нашел кое-то новое. Там Ленин в последние годы жизни. И там просто такой сумашедший взгляд. Но я обратил внимание, что он сидит в кресле вот этом таком и ботиночки у него завязаны крепко и он... то есть, как у ребеночка. Вот это, вот отсюда могла появиться вот эта вся картинка. Дальше, да... А появилось все это потому что, что-то шел разговор по радио об антисемитизме. И один какой-то мой доброжелатель, я вот теперь понимаю, откуда ноги растут, он значит сказал:
- Что вот в Доме русской книги Ильи Рудяка продаются антисемитские книги, значит, он пропагандирует антисемитизм. Он, бежавший от антисемитизма, пропогандирует антисемитизм.
Это вызвало очень какое-то такое даже ироническое отношение там... ведущего. И потом мне звонили и говорили, что это вообще возмутительно

и все прочее... И в это можно и не верить. Люди всегда счастливы и рады, когда кого-то могут утопить в ложке воды. И в данном случае... но это такой нонсенс, что я пропагандирую антисемитизм. И вот отсюда могла... Вначале, меня это не тронуло, но когда ко мне пришел редактор газеты “Шалом” Евсей Цейтлиин и говорит:
- Давай, этим дадим опровержение или давайте, я дам любой материал, который вы хотите.
Я... меня это даже не то что... ну, я ему сказал:
- Спасибо, я очень так благодарен за ваш такой порыв, но я не думаю, что надо отвечать этому идиоту или он просто явный какой-то человек, который хотел сделать мне бяку. Но нужно ли ввязываться в это и об этом говорить? Это по-моему недостойно.
Ну, а потом, все-таки что-то где-то меня вот так... Да... и он написал антидезформационную .... комиссию, я забыл там... как... липу, для того чтобы изъять как бы эти книги, чтобы... Такое было письмо, но я не знал откуда ноги растут. Почему вдруг они так сказать... Вот такие есть еврейцы – бойцы с антисемитизмом. В каких-то советских книгах, русских, которые... сейчас то, конечно, их полно, и я попробую их просмотреть и попробую их... Узнаю что в какой книжке, о чем. Но вообщем вот такая вот... такой сон приснился мне с этим.

***

Вчера я еще как-то прочитал Киплинга, завещание его. И опять утвердился в мысли, что ввязываться мне не ввязываться с идиотами и с людьми, которые, так сказать, недостойны того, чтобы даже им отвечать. Это в подтверждение того, что не надо заниматься суетой такой, хотя это грустно.

***

Дальше... Второй сон он более такой... Я... он эротический и тоже не новый в плане лиц. Мне снилась Жукова, наша преподавательница в начальной школе и жена директора нашего Наумова, Наумчика, как мы его называли. Она была русская баба, русская женщина, которая, так сказать, очень такая яркая, крашенная блондинка. Для нас это было тоже внове. И она привлекала именно вот этой своей такой “крашенностью”. Цвет белый, женщина такая... И она была и белая, и такая широколицая, правда, русская такая баба, с голубыми глазами и с носом курносым. И все это я вспоминал, вспоминаю даже иногда сейчас. Но я тоже был влюблен и все остальные были влюблены. И вообщем вот такая была возня вокруг этой Жуковой.
И вот это мне снится, что она со мной сейчас все-таки в очень таких

амурных отношениях. Но ее муж не директор школы, а главный врач больницы. И какая-то идет... какой-то... party, как здесь говорят. И я должен... и я туда прихожу и я хочу ее увидеть. Но одет в моей ночной рубашке, как я сейчас вот сплю, такая женская ночная рубашка. Она мне очень удобная. Я понимаю почему когда-то спали в таких рубашках там аристократы и барины и прочие, потому что она очень удобна для всех, так сказать, случаев. И я прихожу именно в ней и считаю, что это вполне нормально. На меня смотрят, конечно, дико. Но я думаю, что мне все позволено в связи с тем, что я вот так себя чувствую искренне, естественно в этом, даже в этом. И она как-то так... Потом идет какой-то... Что ж там было? Господи, такая была... Потом она отсылает меня в какую-то... Я забыл, я вчера не записал. Во всяком случае, там много было интересного... Джуринский пейзаж и вот такие любовные какие-то мечты... Во всяком случае, в этом действительно сон моего детства. Все надо записывать. Проходит время, я становлюсь сейчас как-то... не держу это в памяти.

6-ое июля

Сегодня уже 6-ое июля. Ну что? Сон был такой необычный, сразу какой-то... какие-то события. Мне снится, что нас пригласили на свадьбу. И эта женщина, не то американка, которая как-то со мной в дружбе, не то это из России кто-то, но очень давным - давно уже знаем. И я должен иметь... что пригласили. А должен с ней как бы встретиться... что-то в какой-то момент... Но в это время у нее свадьба. Притом, как-то даже... что похоже как будто это в России...

И вот я должен встретиться с какой-то женщиной, которую я как бы знаю, но в тоже время, я узнаю, что у нее свадьба, но меня она не пригласила, она ушла. И я ... я еду на велосипеде по улице, по... это в Чикаго, по этой улице мы часто едем в Дом Книги. И я.... в сторону Jewish Community Center. И вот мы... я еду и вижу... И в тоже время, я как бы и иду, потому что здесь все что-то перемежается, что я еду, поездка на велосипеде и то, что я иду. И очень много едут, идут людей, приглашенных на свадьбу. Они все одеты в такой... ну в такой... как свадебные одежды и как будто... что как будто мелькает и невеста в фате и прочее... И вот идут... и это очень большой такой.... скопление народа и все туда направляются. И я думаю:

- Что даже неудобно было бы, чтобы меня встретили. И вдруг они забыли... или пригласят ли. Я бы даже не хотел, потому что на свадьбах, я как-то не очень себя чувствую уютно, тем более, что почти давно не был, кроме там... у Эрика. Но это совсем другое дело, так сказать, повод и другая обстановка. А тут, я не ем ничего и там ничего...

И вот я иду.... Да, а они идут в противоположную сторону... а вот в чем дело. Я еду в сторону в это.... а они идут от... И даже думаю:
- Что ж такое, свадьба собирается как бы быть там...
И вот я попадаю там на паркинг, где он пустой и весь заставлен столами и там уже все стоит – явства разные стоят на столах. И вот там видно будет эта свадьба, но люди идут совершенно в другую сторону. Вот это меня как-то... Я не могу понять этого, куда они идут и почему они именно идут не сюда. А я пришел вот один как бы, стою. И потом все ударяется в дождик и я без плаща. Это меня очень как-то смущает и я... И сон как-то прекратился и я забыл, что там происходило дальше.

***

И последний какой-то, вторая часть или второй сон, который уже под утро мне снился, был связан с какой-то выставкой, с какими-то картинами. Но что там было, я должен сейчас вспомнить. Только недавно я все помнил и все это куда-то улетучилось, все это улетучилось, все.
Сомнения душу тревожат, конечно. Конечно, с одной стороны – громадный, громадный материал, завал, который, я не знаю, смогу ли я когда-то даже поднять. С другой стороны, как говорится, до последней секунды, я остаюсь, думаю, что... думающим, что я смогу и что это еще кому-то пригодится или это нужно. То есть, мне нужно или мне не нужно от этого уходить. То есть, это как необходимость, как какой-то... ну, какая-то страсть, от которой я не могу отказаться. И я это делаю и в тоже самое время, тоже самое относится и к чтению. Я вот сейчас читаю Майманиди книжку. Ну что ж, почти тысячу лет с лишним тому назад, а очень похоже на какие-то ситуации и очень хорошая мысль там вдруг появилась. Он пишет:
- В поэзии, в первую очередь, должна быть тишина.
Там у Галерия... там очень хорошие такие воспоминания.... Ну, они жили как бы рядышком оказывается в Пордтмоне на одной и той же улице, но он был совсем маленький. И вот конец... Галерий, который был как бы вероотсупник и который был гениальный поэт и врач, и в тоже время, как он пишет: “Распутники жаждал, наслаждений”. Это была его религия – наслаждения. И все-таки к концу жизни он уезжает в Иерусалим и припав к земле, плачет. И в это время какие-то арабские... на арабских лошадях, воины скачут мимо и копытом раздавливает череп этого Галерия. Вообщем, смерть такая и страшная, и в тоже время символическая.
Ну, а вообще, конечно, мысль беспрерывно крутится вокруг того... мысли о смысле. Мне уже казалось, я уже для себя определил это и понял, что здесь

смысла вообще нет. Надо просто жить и быть счастливым, как только ты можешь, для того, чтобы действительно оправдать или перехитрить смерть. Но... но, дай бог, чтобы организм, который чувствует, который знает, что такое радость, что такое страдание и что такое боль, ты же не можешь от этого уйти. И поэтому, уж коль, все это еще присутствует... Ну значит, надо просто вот так и жить, чтобы радоваться, чтобы смеяться, чтобы восторгаться.

***

Вчера мы смотрели два фильма посмотрели, советских фильма. Один фильм - это “Брат – 2”. Ну, это просто смешная клюква и такая клюква, хотя он обаятельный этот парнишка, этот Бодров. Но тут тоже возникает, так сказать, ассоциации самые... в его сторону. Земля ему пухом или ледник ему пухом, он сейчас там погиб. Но в данном случае, его появление в кино было связано с героем, который, так сказать, как бы ищет справедливости. Но это все такая воровская и блатная романтика и прочее... И заканчивалась только одними убийствами и абсолютно не думая, кого, что. И только во имя того, чтобы наказать какое-то... какого-то подлеца, которого перехитрили или обмануть другого подлеца. Это не новое ни в литературе, ни в кино и все прочее. Но в данном случае, это просто по-советски уже, по-русски с таким размахом, с такой безудержностью и абсолютно безконтрольно, что это начинает вызывать реакцию рвотную. А вот его смерть тоже... Вот человек на экране поубивал сотни людей, и вот он сам погибает и еще потянул за собой целую группу, киногруппу людей, которая тоже погибает. В этом есть какой-то, конечно... Но я не думаю, что это какое-то наказание или что, но в этом есть что-то и... эх, символическое. Потому что... а может быть, если бы он не играл вот таких вот... может быть этого и не случилось бы, тем более что он поехал, я не знаю, какой это фильм был, какая там была мысль, сюжет был... Может быть, это тоже были какие-то сплошные убийства и все прочее. Хотя это совершенно в жизни и в искусстве не соответствует. Люди, игравшие, создававшие убийства за убийством, могли долго и спокойно жить. И наоборот, люди, пишущие о доброте, о красоте, могли умереть очень молодыми. Это очень часто. Ну, просто, какая-то такая вот ассоциация возникла.

И вот второй фильм был “Плюмбум”. Это вообще любопытная, конечно, картина, это Абрашитова режиссура и там Рербе, очень хороший оператор. Там последний кадр вообще уникальный о падании девочки с крыши. И этот полет предсмертный, это... И потом лежит, как бы распластанная такая кукла в колодце двора такого. Вообще, это, конечно, очень странный

фильм. Но если они его так задумали, как я его воспринял, что вот этот Плюмбум, мальчишка, который... уродливая какая-то такая... монстроальный какой-то мальчик, в котором сидит желание справедливости и желание только, чтобы... Ну во имя этой справедливости, он сам идет на все, что только можно – и предательства, и издевательства, и все... То есть, это какой-то образ и очень удался. Я считаю, что мальчик просто блестяще играл, но он.... но это монстр. И это вызывает, у меня вызывало... это... бесперерывную... негодование и чувство, что это сволочь страшная, которая хочет мир очистить и сделать его справедливым. То есть, это какой-то такой очень сильный образ, в котором есть даже не чуть ли такой... такой символ - коммунизм, который бродит по этой земле и хочет сделать всех счастливыми или все справедливо, или чтобы все, так сказать, было правильно. А в действительности, это приносит только смерть, огорчения и прочее. И в данном случае, концовка, когда эта девочка тоже, влюбленная в него как бы, погибает бессмысленно, бездумно из-за его каких-то там идей наказания зла, в этом смысле, этот фильм оказался для меня очень любопытным. И ментация его сценария это... во всяком... Я увидел в этом фильме больше, чем может быть они сами хотели заложить. Может быть у них была другая мысль? Может быть они действительно думают, что этот пацан должен вызвать сочувствие или как-то чуть ли не подражание, или вот каким должен быть, так сказать, там... человек, борющийся со злом. Хотя я не думаю, это люди тонкие и умные и тем более, что это 86-ой год. Значит, уже да... перестроечная ситуация. И это было, как бы сказать, разрешено. Но здесь двойное дно. И это еще 86-ой, это еще фактически советская власть еще была в полной силе, это приход только... Но что-то в этом есть. В этом фильме оказался заряд больше, чем во многих других фильмах из-за того, что этот образ необычайно силен, необычайно силен. Характер просто, это такого Уореловского уровня, в смысле такой символики, в смысле там каких-то Замятинских и все прочее... таких фантасмогорий о коммунизме, о братстве и о... и прочее...

***

Потом был, конечно, для меня такой новостью в фильме тоже такой любопытный... это “Любовь и голуби” Меньшова. Это народная комедия, но очень хорошо сделана, так как он умеет это делать, почти без каких-то клюкв, без каких-то ляпов. Кроме, вот как ни странно, это Гурченко, которая, как я считаю, что она настолько раскоряка, настолько кривляка и все это одинаково во всех фильмах. И этот рот неприятный и лицо... И вообще, я, как ни странно, я считаю, что это дутая... Она, конечно, игривая,

в ней есть... если бы она была, оставалась, так сказать, в “Карнавальной ночи” в плане мюзикла и в плане такой... Но это прошло. То обаяние у нее кончилось и прошла фактически женщина, в которой сидит, сидит в основе, то же желание, как бы справедливости, бла – бла – бла... Но в ней злоба, в ней нету такой доброты, в ней нету чувства.... И вот все эти герои у нее вымученные, что-то там есть... даже песни она поет не так, как все другие должны быть, но это не всегда высокое искусство. Хотя она человек, безусловно, одаренный, даже в слове не больше – меньше, чем это там в ее рассказах, там о детстве там... “Аплодисменты”. А все остальное, игра... Юрский вообще блестяще там играл... там Дорошина и несколько других маленьких ролей, все это было очень – очень живо и сентиментально. И меня даже это тронуло и я всплакнул, как... не знаю, как мальчишка, когда там закончилось это все. И появилось какое-то чувство этого самого... греческого... забываю... Кадахсиса. Очищение, хотя в прямом смысле слова, это имеет другое значение. Вообщем, этот фильм, если он у меня вызвал вот такое чувство, я думаю, что это значит, достойно. И Меньшов, человек просто киношный и очень хорошо понимающий это ремесло, он не стремился и не стремится никогда делать что-то такое, как бы сказать, совершенно что-то экспериментаторское. Но вот то ремесло, по которому по правилам делается кино... Ну, он это делает очень здорово, хорошо делает. И там, правда, и находки есть и все это... И вдруг человек открывает дверь из своего дома и едет в этот самый... как его... на море... Он открывает, прощается и уходит как бы из дома и со всеми целуется... И вся такая нежная, очень... душещипательная картинка. И бах! - Он выходит и прямо в море падает, он идет как бы задом – наперед и прямо бухается в море... Очень, так сказать, хороший ход. Там еще пару таких штучек, которые так именно обыгрывают вот такой немедленный... Это и монтажно интересно и просто в кино это позволительно и это читается. Ну вот такие вот пироги. Пока.

***

Любопытная такая ситуация в плане того, что как возникла во в данном случае ассоциация, то что я сейчас расскажу. Снится мне сон, что я нахожусь в доме и в компании Любови Орловой, актрисы, которую, я бы не сказал так, была бы там... ну, любимой актрисой и я в ней видел какую-то красоту, такую необычную, чтобы она могла меня там восхитить и даже в детстве. Она была прекрасной актрисой, это я всегда помню. Но в данном случае, я вот нахожусь у нее и у нас какие-то очень такие теплые отношения. И больше того, я что-то смотрю ее афиши. И она... но она очень

высокая такая, дылдаобразная, чуть ли не вот, как актриса Васильева, которая вот у нас недавно была. И вот я с ней общаюсь... И в... но у меня почему-то... я одет совершенно как-то почти безобразно. У меня нет ничего у меня с собой из моей... И я вспомнил, что я ведь оставил мои два чемодана, оставил в... на... в камере хранения. И думаю:
- Боже мой, это же все, столько времени прошло, видно это все пропало. Надо найти еще какие-то документы...
И я так роюсь в моей... в моих... Нахожу вот эти две квитанции и бегу вот на этот вокзал, еле – еле нахожу его и... Но до этого, мне хочется попасть в туалет. Грязный, невозможно найти нигде чистое место... Столько экстрементов вокруг и грязь. И я просто думаю:
- Нет, лучше я уж подожду, может быть домой успею.
И я начинаю искать вот место, где... какой-то закоулочек, в котором сдавали эти самые... багаж. И так и не мог кажется, в этом сне найти.

***

Потом вдруг меня это все перебросило, перебросилось в совсем другое место, но я забыл. Забыл... сейчас, сейчас, сейчас... не могу вспомнить, то есть, другая была какая-то ситуация. Да, а в отношении, в отношении Любови Орловой... Я вчера на ночь читал совершенно другую историю, историю Людмилы Васильевны Целиковской. Вот в нее то, я был очень влюблен, хотя постепенно понял, что это тоже была такая... особенно уже потом, даже в каких-то фильмах послевоенных, это была с очень такой утолщенной, как бы утолщенным лицом... И вот я сейчас просмотрел фотографии, где там она играет в теннис, с толстыми ногами, которые, конечно, никогда не были видны и там под платьями ее разными... ухищрениями портних и все прочее... в фильмах. Во всяком случае... но она была для меня просто эталоном красоты. И “Сердца четырех”... до сих пор, так сказать, вспоминается. Но из этой... ее сын Алабян, сын академика архитектуры Алабяна, как оказывается я не знал эту историю, что она была фактически вот женой этого академика Алабяна. И я интересную судьбу ее прочел, это до того, у нее было столько браков, включая Михаила Жарова. И вот в конце, она нашла как бы, человека, который действительно был старше намного ее, но в тоже время и как бы хотел создать... был влюблен по-настоящему. И у них родился сын и фактически, это может быть и было самым удачным вариантом. А-а-а-а... потом любовь с любимым двадцать лет и вообщем, жизнь этого человека очень цельного, очень устремленного, очень дисциплинированного оказывается, то есть она при всем при том была человеком логики и умела все и для себя, для семьи, для любимых.

Короче, она не была такой пустышкой или как там она играла в той же “Попрыгуньи”. Поэтому я... я... какой-то другой образ возник во всяком случае после прочтения воспоминаний и интервью с ее сыном Александром Алабяном. А откликнулось это совсем в другую сторону с Любовью Орловой, которую я не так любил. И единственное, что еще какая-то ассоциация, то, что я будучи в Москве попал в 90-м году, попал в ее квартиру. Их уже не было – ни ее... и ни Григория, ее мужа, режиссера известного... уже тоже не было в живых... Григория... вдруг выскочило из... из головы... Как же его все-таки... было... интересно... Ну, вспомню, конечно, потом... А... короче, в доме мне пришлось... Там один такой новый русский еврейского происхождения купил эту квартиру у алкоголика – сына. И их там... и это все уже было, так сказать, все ушло в другую степень.
Вот отсюда и родился этот сон. И какие-то очень... и то что я... Там были какие-то детали очень интересные с Орловой, но я почему-то их упустил вот... То есть, стал не то, что не запоминать по-настоящему, вдруг у меня какое-то появилось... беспечность по отношению к сну, ко сну в смысле записей. И она вот таким образом и не все запоминается.

***

А вчера я еще посмотрел это... “Маленькие трагедии”, которые я и раньше смотрел. Но что-то сегодня, на этот раз, например, “Моцарт и Сальери” даже, где вначале я... меня очень как-то... раздражал этот... Братухин, Говорухин, Золотухин, раздражал меня. А вот вчера почему-то это так как-то оказалось и не так страшно. В нем была какая-то ребячливость, какая-то такая... и оказалось лучше, потому что так, как играл Смоктуновский на этот раз Сальери, он, конечно, очень это все... вычурно, так и с... Можно так и... но оно было очень показательно, как бы показушно. Каждый... руки, голос все это было очень – очень с... Ну так, как это делал Смоктуновский и умел это делать, он, именно он. Во всяком случае, это было достойно и тем более текст великолепный. И... и это было интересно, лучше, чем я когда-то первый раз это смотрел. А “Египетские ночи” с Тараторкиным, ну фактически Юрским, это тоже интересно, но я... Правда первая серия закончилась, я вторую досматривал потом. И потом, я думаю, что это может быть будет интересно. Ну вот, такой какой-то всплеск желаний посмотреть так, как хотя бы каждый вечер какой-то фильм, это не самое худшее. Столько было пропущено, но начинаешь думать:
- Ну и что, а было бы...
Вообщем, короче, жить надо только сегодняшним, как бы сказать, все-таки

днем. Это было бы замечательно. И как и всегда такое успокоение, полное понятие, что планировать и делать большие наперед замыслы, это не самый лучший вариант.

***

Поразительный по красоте сон. Мне снится, что я приезжаю в этот... в Одессу и попадаю в какой-то дом, в котором все... Боже, какие там интересные моменты... в котором, ну как бы, каждый вход в отдельную квартиру необычайно красиво... расположен... Обработан какими-то редкими камнями и скульптурные какие-то выпирают... И это очень необычайно красочно... то есть, каждый вид... Вот например, пускай это будет квартира, подъезд, не подъезд, а такой.... И на нем четыре квартиры и в каждой есть не просто входная дверь, она вся из скульптурных каких-то... И яблоки большого размера, скульптурные такие барельефы, вот такого типа. И они выпирают и это такое красочное... Я думаю:
- Боже мой, так если бы люди жили вот в таких домах, это просто как... как в музее.
И я так восторгаюсь этим.
А потом я попадаю вдруг... попадаю в Джурин, опять к этому дому Сказенецкого. И что-то мимо всегда прохожу, не могу в него попасть. Там тоже интересная была история.
Короче, почему мне приснился этот сон?... С этими такими натюрмортами квартир, и на дверях, и на потолке, и весь этот подъезд. Но он светится, он искрится весь. Дело в том, что я вчера отбирал картины, подарить там Рите одну. Там две груши большие, громадные. И там такой... очень техника на этом холсте такая выпуклая... Там сейчас... и вот...

K03.9

****

29-ое сентября

29-ое сентября. Вчера был юбилей Кости в ресторане “Живаго”. Народу было полно, словословия еще больше. Это все носило какой-то такой характер очень такого... Ну, в принципе, ни одной интересной личности с точки зрения, там присутствующих, там не было. Были какие-то президенты “Земляков”, президенты... То есть, советские, совковые личности, ну такая обывательская публика, очень была рада, так сказать.... посидеть в таком зале и высказать какие-то только сверх... сверх... Костя был как бы очень такой... На него одели красную ленту с таким... это медали. И он ходил и руководил этим всем и был как-то... как-то встревожен... чтоб.... и не было легкости, не было радости, не было... Был какой-то беспрерывный какой-то.... как цензор, как цензор – то можно, то – нельзя. Сема был на удивление... просто даже сопереживал, что вот не первое слово как бы дается братьям, а были какие-то там... председатель какого-то там общества. И читались сперва такие заказные тексты и все прочее... И заслуженный деятель науки, и кандидат медицинских наук Костя, и заслуженный деятель того... И все это как-то резало слух, но не в этом дело. Я был очень рад, при всем при том, такому перемирию, которое состоялось как бы благодаря этому событию. Там и Ида, и Полина, и все, так сказать, и Саша, и Леня. И какое-то было, вот как бы сказать, как будто ничего не было и такое соглашение немое:

- Что все как бы...., давайте начнем сначала

И я был очень, очень этому рад. Я, как никогда, был спокоен. Мне почему-то даже было приятно, что я могу не думать о моем выступлении, производить впечатление или не производить. То есть, такие мысли как бы отсутствовали. И я только сидел и замечал, вот что Сема все-таки переживал. Ну что ж, это мне тоже понятно, понятно его, так сказать, его амбиции, его желание блеснуть, его желание почувствовать себя первым. В данном случае, он выступил... так это все было путано, но, как сказать, пару хохм таких, которые там взбудоражили публику из сексуальной... Костя секс – символ и прочее... Ну он обыграл это все. Потом рассказал такую историю, мамину ситуацию во время гетто и кольнул тихонечко насчет того, что я где-то там это писал, но не настолько... Ну тут, я думаю, что я вообще понял одну истину, которую я сейчас к ней пришел и действительно я себя чувствую прекрасно, когда я понимаю... Ну вот человек, например там, бездарный или не очень умный, или так сказать... И я, если я это... это, как бы говорится, понял и почувствовал, я воспринимаю его, как говорится:

- Да, да, да, да, да да. О’К!
И не больше, то есть, оспаривать глупца, я не собираюсь. И в этом смысле,

даже я подумал, что может быть и не стоило никаких или вот таких устраивать. Это только сопереживание, да и громадное переживание. И не нужно, если ты уже... если ты себе знаешь цену и понимаешь... Если есть какая-то необходимость... там нескольких друзей, там пригласить. А, вообще, лучше всего, конечно, просто в это время уехать и создать себе какой-то праздник, в смысле увиденным чем-то новым, чем снова повторять старые истины. И мне кажется, что это будет намного разумнее. Если я найду еще в себе такие силы, я думаю, что я вот это сделаю к моему 65-летию вот такой с Олей какой-то подарок. Уедем в какой-нибудь, я знаю, в Испанию или куда-нибудь и проведем спокойно какое-то время. Вот, это один момент. Второй момент, что если так сделать, может я был большой такой... Но я спел прекрасно “...”... Все остальное, так сказать, было и пошловато и безграмотно. Но были и приятные моменты, потом мы еще посидели у Полины дома. Ну и здесь тоже как-то такое чувство: вот хотя бы, хотя бы такое перемирие. Костя и тут был как-то так на нерве, хотя чуть – чуть казалось успокоился, но тут тоже проявил свои какие-то опять такие домостроевские, но такие жесткие, иногда даже просто:
– Этого не надо, этого нельзя и это все...
То есть очень - очень неразумно, неразумно и нервически... нервическое состояние. Ну что ж, дай бог ему, выйти из этого победителем.

***

Так, так. А сны снились – это намного, с точки зрения художественности, с точки зрения фантазии, намного даже интереснее. Значит, снится мне Кира Муратова опять молодая, такая улыбчивая. И она страшно ко мне как-то тянется и расположена. И мы идем, как будто я говорю... Она хотела что-то поесть что ли... И я думаю:
- Надо пойти на базарчик.
Но находимся мы в Харькове, я правда не помню, где там базарчик, базар большой я помню, но мы как будто туда собираемся идти. И в это время, между вот этими событиями, что мы туда идем или я... прервался этот сон, а потом он продолжился, мне трудно сказать. но мне кажется, что он прервался.

***

Мне снится, что где-то недалеко находится озеро. И холодное уже время, это уже довольно холодная пора. И Эрик на какой-то.... ну на такой на

дощечке... или там течение такое или что, очень ловко... на доске такой... ловко как-то сидит, он маленький... Лежит, вернее, как на саночках с горки. И оно его заносит как-то так вокруг какого-то там мосточка и потом он падает в воду. Я говорю:
- Боже мой! Он же простудится, это же ужасно холодная пора.
И я бегу к нему, залезаю прямо в воду, вытаскиваю его оттуда и начинаю снимать с него одежду. (Он в одежде). И сбросил эту куртку, потом тяну майку, потом все... И хватаю его к себе и прижимаю, для того чтобы обогреть его и прочее. Потом или я проснулся и это, как сказать, эта ситуация исчезает и я опять с Кирой Муратовой. Но теперь уже Сема рядом и кто-то еще из режиссеров – или Богин, или кто-то другой знакомый. И мы идем. И в первую очередь там состоится концерт в институте Культуры в зале, должен быть концерт какого-то известнейшего пианиста. Я хочу их туда провести. Но думаю:
- Как же я это сделаю, если там очень такая охрана стоит, как всегда, на дверях?
И я думаю:
- Каким образом я смогу их провести?
В это время... да, и мы так вот идем, подходим уже к институту и я говорю:
- Давайте подумаем, я, я, конечно могу....
Да, я еще подошел и посмотрел и увидел – да охрана есть перед дверью и Кира вот так сидит в садике там, в... ну, в этих самых... в спуске, ну такой какой-то... Я уже забыл, как там было вниз... Ну, там были какие-то скамейки и такое вот... И она, и Богин, и Сема... И она так легла, как бы на гравий по этому самому... А я так пришел, тоже лег и голову... И мы как бы целовались и я как бы положил... и она так нежно ко мне прильнула головой к моему плечу. И она в каком-то страшно каком-то просвечивающемся легком платьице таком, весеннем. И я думаю... да и я говорю:
- Слушайте, дело вот в чем, что мой, с... киностудийный билет, пропуск в смысле, мой киностудийный, удостоверение личности режиссерское, оно просрочено. И если они вдруг увидят, что это просрочено, я ничего... Это, это еще возникнет – откуда? что? и поймут, что я из Америки – я говорю.
– Надо было бы... Никого нет из группы, киногруппы, чтобы кто-то со мной туда пошел?
Но никого нету вокруг и еще Кира говорит:
- Что она... и никого с ней тоже нет.
И я говорю:
- Как же?
И я хотел, еще думал, что перед этим, я их поведу в столовую и мы там хотя бы пообедаем. И я очень переживаю, что я не могу... и думаю:

- Все-таки неужели я не смогу убедить их там на проходной, чтобы их провести, тем более сказать, что там вот... здесь вот режиссер такой-то и такой-то...
И я думаю:
- Давай, может я их попрошу, мы вместе пройдем...
Но до этого во сне не доходит и где-то это все улетучивается и все...
Вот такой вот сон. Откуда это все растет? Это все очень легко...
Мы недавно, просто Эрик сопливил или что-то такое вот... И вспомнили о том, что... как Таня возила своего ребенка к Семе на какой-то праздник, они хотели отдохнуть там и, к сожалению, он простудился и умер там в этом Староконстантинове, то есть, это... это была ужасающая трагедия и вообще такой, ну как бы сказать, ощущение трагедии... не то, что вообще какой-то безысходности и переживания Руфы и Семы, что это случилось у них, у них в доме и все... А сейчас Таня и Сема, Сема у них дома с Руфой. Ну, как бы все это как бы забылось или как-то так улетучилось... Но, слава богу! Но в принципе, я говорю какая-то... вот такой сон... мистическая... такая какая-то... круг какой-то. И я об этом вдруг что-то вспомнил, когда мы с Женей...

***

И еще второй сон еще тоже как-то так пока, неприкаянный. И я думал... и Оля мне вдруг вспомнила:
- Но ты помнишь, когда мы были вот с... поехали в этот... в домик лесной для обкомовских работников.
Мы не знали там для кого, но нам туда... там нас туда рекомендовал какой-то... из училища. И короче, я туда приехал и нас принял прекрасно там дядька, который... охотничий домик... Но Эрик в первый же день пошел в озеро и мы там купались и он простудился. И лежал больной вот в этой хате этого лестничего. И там вообщем получилось очень... И Оля, может быть, и права... Мы чуть ли его не прозевали, но потом помчались в больницу, потом поехали все-таки в Одессу и выходили его. Ну вот отсюда вот и родился опять этот сон – холодное озеро и упал... Эрик упал в воду. То есть, тут неоспоримо, что оно вот так засело. С Кирой Муратовой, здесь подсознание какое-то совершенно уникальное, конечно. Я не раз повторяю, что будучи с ней очень в хороших отношениях, не близких, но очень таких дружеских отношениях, я был всегда... я был приглашен там в дом и я мог прийти в любой момент. И она... и всегда был кофе и иногда она была одна и ее вот этот халатик, так сказать, с двумя незастегнутыми пуговицами в самом низу, мог возбуждать какие-то во мне эротические чувства, но я или их... в подсознание загнал, потому что она меня, как женщина в какой-то

мере, и даже не интересовала, а просто как личность, как ум, как умный режиссер, как гонимый режиссер – это было. Но вот эти сны беспрерывные, они вот заканчиваются только какими-то нашими близкими, любовными такими чувствами. Это тоже любопытно, объяснимо, но там явно вот эта загнанная в подсознание мое какой-то... это не сказать, чувство, желание, я бы так сказал. Интересно, что вспомнилось, что я с собой привез мою книжку режиссерскую, которую я как-то использовал потом, приехав через десять лет из Америки в Московский театр. Они никогда не просматривали, какая там дата. И я всегда брал себе спокойно билеты еще потом тоже. Потом... так что, это, так сказать, это тоже деталь. А вообщем, все это очень, очень объяснимо.

***

Сегодня снился, конечно, тоже такой сон, в котором сразу как-то отразились какие-то события последних дней. Мне снится, что мы ждем Евтушенко. И вот он уже вышел за кулисы... вышел... он на сцене, он на сцене. И я сижу или как стою как бы перед сценой. И там люди, зрители и Сема рядом где-то, недалеко от меня. Но когда открылся занавес и Евтушенко сидит... сидел как бы в углу сцены... Но он тут же меня увидел и махнул:

- Иди сюда!

Я подошел и пошел к нему и я как бы ожидал, я чувствовал, что так оно должно быть, он меня обнял и расцеловал. И я... да, и мы пошли как-то так... вышли с кулис, вышли со сцены сошли и прямо очутились в каком-то уже садике, где там же и Сема и кто-то еще из наших. Но я его так подвожу и говорю:

- Вот это мой средний брат.

Он:

- Да...

Он так... и ну, где-то внутри есть чувство, что вот, как бы сказать, что видишь Сема, какое отношение все-таки ко мне. А ты говоришь, что так ты... пренебрежительно, как я знаю... рассказы мои... у меня в этом... Я думаю.... ну, вот такой где-то был... мысль отсюда может быть и появилась, что в этом сне появился Евтушенко, как подтверждение моей... ну, репутации.

***

А вот дальше снится еще какой-то любопытнейший сон. Значит, большой зал теперь уже. Зал, похож даже на Оперный. И я сижу в ложе, близко

очень к сцене. И объявляется какой-то... начинается какой-то спектакль, где Евтушенко объявлен и еще какой-то известный актер, объявлены в главных ролях. Ну, именно театральный спектакль. И вот... и там дети на сцене, ну, типа как “ДокторАйболит”, что-то, я не знаю. И вот это главный герой выходит, а дети что-то его окружают. Или они больны, или что-то требуют какой-то помощи быстрой. И в это время из-за кулис выходит длинный, тощий Евтушенко и без грима. Единственное, что у него это на глазу должна быть повязка, белая какая-то повязка. Или он потерял глаз или что-то такое. И когда он уже поравнялся с... поравнялся как бы с... близко к детям, упала эта повязка. И он так... что-то тоже так чертыхнулся:
- Тоже мне там, не умеют завязывать... – или что-такое.
И у него, глаз как бы залеплен под повязкой все-таки, не знаю для чего, если была повязка. И стекает грим, пот, стекает с него от жары мел от такого эпизода. И я... и он не имеет чем вытереться. И он вот этой... там какая-то типа пленка и он очень хочет этой... И я вдруг, как всегда у меня в карманах есть какие-то салфетки и я... Он проходит мимо и я говорю:
- Женя!
И он говорит:
- О! – и вот радостно я ему протягиваю ему салфетки.
Он говорит:
- Ну вот, другое дело.
И салфеткой вытирает вот этот пот.
Ну вот такой вот сон. Он, конечно, может быть, в какой-то мере именно как подтверждение вот как я нашел слово точно моей литературной и дружеской репутации с поэтом и писателем. Вчера у нас был вечер. Я очень хотел это сделать. И я сделал и сделал по-своему и сделал так, как я хотел, потому что я понимал, как это надо сделать. Ноеха пригласил и там аккордеониста Зарицкого и Павлову Галю, которая пела, оказалась вообще гвоздем этой программы. Потому что она пела идишиские песни с таким блестящим идиш, то есть Ноях ее...

1-ое октября
Сегодня у нас 20-ть... Нет, уже 1-ое октября. Октябрь уж наступил, октябрь уж наступил. Наступил на горло, наступил на деревья, наступил на облака. И вот снится сон, что я нахожусь, нахожусь я... похоже, что в Одессе где-то...
Они не падают, не убегают, а как бы все-таки пытаются ко мне приблизиться, я я еще рьянее, а я еще сильней их.... по ногам. Но чувствую, что каждого взмаха плетью, сердце у меня сжимается и вот, вот, вот я

просто кончусь. И чем ближе они приближаются, чем больше я это делаю, я ощущаю, что у меня не хватает просто сил и я вот, вот, вот уйду из жизни. Я просыпаюсь, я лежу, конечно, на левом боку, сердце вялое, вялое и от этого сна может быть и от того, что я как-то лег так неудобно. Ощущение такое, что я так порелаксировался и так как будто прошло. Но вообще, конечно, это очень как-то симптоматично всегда. С другой стороны, откуда появилась эта плеть? Были вчера когда у нас Ноях и Зарицкий и Галя, и я назвал вот этот вечер “Еврейской поминальной песней” по гетто, хотя она потом перешла в более такой, такой обширной программой еврейской песней на идиш, только на идиш. Я просто закончу, потому что есть полно, как говорится, дел. Значит, и вот когда был этот вечер, он спел песню “...” Галя пела. И там возник... мне просто слова там всегда нравились идишиские. И там есть вот этот, когда... и он рассказывал, что его тоже в школе, когда он только еще в Польше, учился в еврейской такой ... так их учитель все время гонял плеткой такой, “оканчик” как на идиш. А его бил и по рукам и по ногам и вот такой. И вот отсюда вдруг видно этот... родилась вот эта плеть, которой я хлестал вот этих изофобов.

2-ое декабря

2-ое декабря. Сон, конечно, уникальный. Вчера у меня был какой-то криз, в смысле давления. У меня такое было высокое давление, но оно постепенно... я его все-таки снял. Непонятно, правда какая-то такая была... Цейнот времени и потом я ходил трусил грушу и яблоню и собирал яблоки и груши. Может из-за того, что я нагинался. Короче, давление очень подскочило.

Сон был такой. Я не знаю, помогаю, в данном случае, все здесь как-то сместилось в такие метаморфозы. Я нахожу квартиру для Шурика моего, который должен приехать в Москву как бы из Джурина, не знаю... И я нашел квартиру, которая находится прямо возле Кремля, где-то даже внутри чуть ли ни... Но там... это какое-то старое, разбитое здание, но там большой как бы.... как бы сказать, типа на первом этаже в каких-то каменных в бывших палатах, такой мрачный... мрачная такая... Значит, потом как большая такая, я знаю, лежанка или печь русская вот такая... Там находится... я сперва туда прихожу и там громадная значит, семья, не знаю, арабская семья. Много детей и они сидят все как-то рассажены в какие-то как кошелки какие-то. Сидят тихо и послушно и смотрят на меня такими глазами большими, открытыми. И я им так машу рукой приветливо при всем при том, понимая, что это, так сказать, не знаю, как они относятся ко мне. И там мать сидит с ними. И их очень много. Но видно это квартира

как бы, они должны уйти или... Потом я значит иду, выхожу на площадь и там Кремль и там все это видно. И идет женщина такая, пожилая женщина, в таком пальто закутанном таком... У меня такой снимок есть как бы где-то в моем рассказе одном... Из Одессы женщина, сидящая и читающая газету где-то на Соборке и такое старомодное пальто и сверху такая... не шляпка, а такая... типа шляпа. Она.. И вот интересно, что она идет с двумя и говорит:
- Вот здесь надо поставить этот самый столб там.. Вот здесь надо поставить лампы и как бы сказать, такой... такие бра для того, чтобы было светлее.
И те ее спрашивают:
- А зачем? Здесь же и так светло.
- Я сказала, что надо поставить здесь бра.
И вот она идет, это так как бы для ухорашивания Красной площади. Но это так какое-то такое смещение. Я в таких местах бывал там где-то в Кремле и на Красной площади. Я возвращаюсь в этот... в эту квартиру. Иду и смотрю там значит уже находится какая-то другая семья. Это... эти самые... мексиканцы. Той семьи уже нету и там все как бы уже закрыто это пространство. И находятся эти... как их, мексиканцы, семья, небольшая, у них двое и один еще тоже маленький совсем. И ну, я как-то так очень приветливо к ним отношусь и думаю:
- Прекрасно, всем места хватит.
Ну, и в это время, там все-таки получается две... С одной комнаты виден Кремль и вообще, все такое старинное... Все эти здания, старые. Я вхожу... заходят... Да и наконец, приезжают... Шурик, как бы Шурик... с Шурой с ребенком, маленьким ребенком на руках. И я очень радостно их встречаю и говорю:
- Ну вот видите какой... прямо возле Кремля, прямо виден вот... башня, Кремлевская башня.
Но вот так они что-то ходят... Но вместо Шурика, это Леня Танин, а вместо той Шуры - это Полина Костина. Вот такая семья. Но я их воспринимаю как... вижу как Шуру, вижу как Леню и Полину, а воспринимаю как Шурика и Шуру, ту семью. Но они что-то так ходят и Полина – Шура говорит что:
- Да, но мне, мол не очень нравится, что рядом семья вот этих мексиканцев.
И когда там еще какое-то время проходит, я прихожу – и один мексиканец остался. А я говорю:
- А где ваша семья?
А он говорит:
- Они не захотели вместе с нами жить и мы отсюда уходим.
И уходит. И вот я смотрю и остается Шура, остается Полина с... То есть,

она как бы переделала весь этот... Вот такой сон.
Что, к чему? Мне трудно сказать. Дело в том, что, конечно, здесь есть какой-то аналог, что как бы, Семин приезд с Руфой и Полина. И то, что мы пошли впервые за долгие годы, пошли туда к ним, как бы на какой-то такой прием у нее дома. Вернее это был как бы новый... Я никогда, давно уже не был в townhouse и вот... Так что в этом смысле, оно имеет какое-то как... И то, что еще там какое-то недопонимание было между Костей, Семой и Руфой. И что какая-то ревность была такая и что-то такое... целая такая могила была, что даже смешно и трудно себе это представить. Хотя, может быть оно и сыграло негативную даже роль в моем настроении и то, что у меня вот этот... давление поднялось, все тоже могло так как-то отразиться. Оно где-то скрылось, а потом выскочило.

***

Сегодня просто какой-то... ну поразительный... Это становится, конечно, уже скучно, так сказать, каждый раз говорить о поразительности, о необычности, о сверх интересности снов. Но сегодняшний сон, сон тоже, если бы я его так заснял и если бы... Значит, что мне снилось. Снилось мне, первый какой-то вариант был... Мне снилась какая-то собака, которую мы должны там забрать в американском каком-то доме. И там очень много собак. И вот они где-то гуляли и вот мы стоим и ждем. И вот, наконец, их приводят, их десяток. И вот наш, наша собачка, которая очень... собака, которая очень оригинальная и красивая. И вот с ней появлются и говорят:
- Вот это ваша собака.
И я к ней, так сказать, направляюсь, бегу и она как будто меня узнает или как будто так, как бы меня понимает, что именно я ее должен забрать. И я ее как-то так... и она меня просто обхватывает. И я ее держу на руках и ухожу с ней. Но дальше вот этот сон был очень... И я так не знаю, чем это закончилось.

***

Потом я, значит, мы уже отправили багаж. То есть, все, я не знаю что там было, какие были картины или что... мы отправили с кем-то из наших или родителей или кто-то уехали. Какой-то недалеко... очень близко от этого места, где мы даже и живем как бы. Но вот я... А вдруг как-то что-то получилось, что я остался. Я должен добраться туда до этого места. И оказывается, что у меня... значит я сижу... сажусь даже в автобус и Мишка из Москвы со мной и Сема что ли... или Костя, кто-то из них со мной в этом автобусе. Но он почему-то не двигается и оказывается не едет. А у меня

пропали ботинки и вообще были... и предполагается какой-то холодный... Я думаю:
- Что же я могу сделать? Мне же надо каким-то образом это... себя, чтобы не простыть. Без ботинок, это осень и осенняя дождливая погода.
И я думаю что... я смотрю в этом автобусе есть какой-то такой как бы отсек, в котором или люди оставили ботинки или поставили, оставили обувь и всякую такую дребедень. И я думаю:
- Надо может здесь что-то найти, но какую-то обувку найти.
И там я вижу что какая-то простыня там тоже лежит, но обувь... Я подумал:
- Что может связать какие-то анучи такие или содатского типа портянки. И я смогу просто хотя бы перекантоваться на какое-то небольшое время.
И я эту простыню как-то так беру. А потом думаю:
- Да...
И вот все исчезают и все как бы уехали снова и я остался один. И я думаю:
- Что же делать? Куда же мне пойти ночевать? В общежитие? Я не знаю или там есть свободное место. И может быть, к моей хозяйке (это уже как бы в Харькове, перносится в моей хозяйке, где я жил там)?
И думаю:
- Ну это же так поздно ночью и как же я могу так появиться?
И вдруг я вспоминаю, что в этом городе как бы Марина живет, хотя я начинаю сомневаться, как же может... она живет по-моему в Таллинне или в Питере. Но я все-таки как-то вдруг очутился именно в этом... в комнате такой, в комнате... в спальне, где она лежит. И она как-то так хворает или у нее горло болит или что, но она так выпивает какую-то.... это все время. А я лежу на раскладушке, лежу на раскладушке и самое интересное, я думаю надо бы перебраться к ней в постель как бы. Но она меня... как-то болеет и это неудобно. А с моей... из окна, так сделано так окно, как будто эта спальня находится прямо на высоте на каком-то небоскребе и рядом это открыто, то есть, нет окон и такая красивая панорама такого downtown, какого-то с очень стеклянными красивыми очень окнами. Ну, с такими, где все стекает и как бы отражается. И мы тоже там, как будто отражаемся.
Думаю:
- Да, вот это да! Архитектурный интересный такой маневр.
Потом я все-таки думаю:
- Что да, ну мне же нужно будет уехать. И у меня нету ни этой... ни этих ботинок.
И я как-то начинаю просто... Да и я так хочу позвать Марину, но у меня голос как-то почти не слушается и я еле – еле что-то хриплю и говорю:
- Мариша...

Но видно она так как-то даже не глядя на меня протягивает мне стакан с водой, которой она полощет горло как бы и пьет воду. И я беру этот стакан и тоже выпиваю. Но это какая-то такая дрянь, которую я выпиваю. И потом, я думаю, что мне чего-то в туалет хочется. И я спускаюсь в какой-то... брожу по этой... и попадаю в очень такой... странное помещение с разными уровнями и ищу... И вижу, что там какой-то... тоже обилие, обилие каких-то... ну платьев и этих самых... платьев и шапочек. А у меня оказывается и берета нет с собой. И я думаю:
- Вот я найду здесь какую-то шляпу. Бог с ним, даже женскую, но чтобы она прикрыла мне голову. Я очень не люблю, когда я с открытой головой.

K03.6

****

***

Вот значит, это уже июньские сны. Сон снился такой эротический, я бы сказал, совсем неожиданный. Значит сон, мне снится, что я с Олей нахожусь в какой-то комнате, которая где-то близко возле моря. Свет такой ясный, яркий и как будто слышен шум моря. Ну и я лежу спиной вниз, а Оля на мне лежит спиной тоже на мне. И руками упирается вот так... это требует большого искусства и большой силы мышц и гибкости, лежит на мне, как бы чуть – чуть на руках вытянутых и таким образом она... Я имею пространство между... чтобы быть между... заниматься фрикциями и... И я настолько возбужден и мне это так неожиданно. Для меня даже... в Камасутре я такое не видел и не только с утра, но и с вечера. И короче, я так очень рад вот этому такому состоянию. И появляется такая эрекция, которая должна как бы достичь желаемого успеха. И вот эти движения так неожиданны для меня и радостны. И я даже думаю, какое-то такое возрождение в чувстве моей любви или в эротическом таком варианте. Вот такой сон. Ну конечно, это связано безусловно с тем, что все время думаешь о... и о любви, и о, так сказать, потенции, и о возрасте. И это видимо каким-то образом вот так вдруг разрешается.

***

А сегодня снился сон тоже такой, в какой-то мере и повтор... Были вот такого характера, но именно конкретного такого не было. Значит, я попадаю в мастерскую или типа... но вообще в какой-то совершенно такой... театральный, артистический... пустой почти... помещение, где находится, где живет известный какой-то писатель, художник. Там очень красиво все. Большая такая комната, квартира. Она такая расположенная как бы... из одной комнаты ты входишь в другую. И я там вижу такую какую-то очень хорошую выставку, так придуманнную, как в Литературном музее, где-то я видел. И с очень хорошими портретами, с какими-то рукописями, с какими-то фотографиями редкими. Но самого художника или писателя этого нету. И там есть пару человек, которые какие-то знакомые из эмигрантской такой компании. Они тоже как бы готовят и ждут, ждут прихода. И я думаю:
- Вот жаль, что я все-таки не взял с собой фотоаппарат, для того, чтобы отснять для Чикаго эти... вот эту хотя бы самую комнату.
А потом потихонечку они начинают заполняться, заполняться эта квартира. И появляется, как ни странно, появляется Кира Муратова с каким-то... или с ее внуком маленьким. И я хожу и там кто-то щелкает фотоаппаратом,

какие-то... Вообще странно, и какая-то такая атмосфера как бы... И очень реалистическая, реальная и в тоже время, какая-то, какая-то такая

потусторонняя, что-то как-то не так. И я подхожу к одному и спрашиваю:
- У вас аппарат заряжен?
Он говорит:
- Нет.
Он говорит, что у него digital, цифровой какой-то фотоаппарат. И я знаю, что у нету возможности там переписать это или что... И я думаю:
- Ладно, зачем это мне нужно.
И я ухожу. Потом, вообщем этот сон такой повторяющийся, как я говорю. И в тоже время, это главная мысль – аппарат, который я не взял, для того, чтобы запечатлеть то, что тут есть. И в тоже время это ясно для меня, потому что последние дни, когда приходил... когда приехал Осик с театром, на Тютчевской конференции и еще где-то, я все-таки много щелкал и считал, что-нибудь интересное отснимется. И поэтому, вот потеря этого аппарата или то, что я его не взял с собой, всегда во сне присутствует. И вот то, что эта квартира вот такая, это то, что мы ходили на днях смотрели Эрикину квартиру, она была еще полупустая и заброшенная там еще и пока еще там не обжита... И вдруг появилась вот такая какая-то очень красиво обставленная и я имею ввиду, художественно, квартира, которая мне, как бы так, представлялась, вот так стоило бы сделать из той квартиры. Вот может быть такой вот сон мне и приснился.

***

Потом снился тоже интересный, любопытный такой сон еще третий, что я в какой-то тоже... типа как американской семье. И она когда-то типа... ну, какая-то коммунальная атмосфера в тоже время. И я ищу, мне нужно попасть в туалет. И я иду вдоль какой-то такой... типа кухни. И смотрю, там открыта дверь и она даже не то что открыта, она вообще по-моему не имеет никакой двери, а какая-то... только типа занавесочка, она такая, как в ванной и она как бы отходит. И там сидит на стульчаке, сидит красивая женщина такая молодая. И муж ее подходит:
- Ну, что? – как бы спрашивает – Ну что, закончено или что...?
Она говорит:
- Да.
Она встает, не сливая то, что она сделала. И я вижу там большой, так сказать, большого размера кусок экскремента. И я... да, и она тут же снимает лифчик почему-то... и идет к нему. И я думаю:
- Ну все равно, хорошо, что есть туалет и что можно им попользоваться.

И я сливаю воду и как бы облегчаюсь.
А вот интересно, что здесь тоже такие ассоциации, я знаю откуда ноги

растут, потому что я однажды... Я не люблю эту тему, может быть это говноедство, как я говорю, по отношению даже к Сорокину. Но просто интересно, что даже такие вещи заостряются в памяти и вот... этот вот интерес к экскременту, который как бы говоря... ну как интерес, как у Эзопа есть:
“Человек всегда почему-то когда он занимается этим, он обязательно должен посмотреть, что же из него вышло, что же он...”.
У Эзопа есть басня такая. Вот то же самое животное, которое, так сказать, зачищает потом, они должны оглянуться и посмотреть, что вышло. И я вспоминаю, когда я сам зашел как-то в один... в туалет и там наша знакомая, она такая была... очень – очень молодая и фигура такая не крупная и... Но когда я зашел в туалет и она тоже забыла слить воду, я увидел громадного размера кусок... то есть, в виде кукурузины, такие... Я подумал:
- Ого! Какие... какая громадная, так сказать, кишка.
И вот это вот сразу возникло, вот такое даже эротическое понятие, что если бы это была бы лошадь может туда, как говорится, лошадиный, лошадиная кукурузина может туда вместиться. Вот эта мысль такая возникла, то есть, от этого ты никуда не можешь уйти. И поэтому, здесь в данном случае, вот в этом сне, он может быть где-то... Я недавно об этом подумал просто, в связи с чем, я не помню вообще, но что-то... я подумал об этом. И поэтому оно каким-то образом тут же отразилось во сне. То есть, это как подтверждение моих всех, так сказать, мыслей по поводу... по поводу дневной жизни и подсознательной ночной. И как она быстро – быстро реагирует и откликается во сне. Вот о чем я хотел сказать, хотя, если я когда-нибудь переведу это на бумагу, надо будет это более тоньше и сделать.

***

Снился снова такой повторяющийся, но очень любопытный сон. Какой-то громаднейший, то есть, необычайной высоты, ширины и длины Дворец культуры, в котором происходит какой-то фестиваль... (Я попробую записывать на новом...) Ну происходит этот фестиваль. И вот у меня есть такая задача, что я должен подготовить мастер – класс с детской студией. Когда-то у меня была такая студия здесь в Чикакго, когда я только приехал. И вот... я так знаю, что я буду делать, как-то так все... я уверен, что я сумею поразить даже своим профессионализмом. Вот такое вот чувство есть там в

этом сне. Но я хочу посмотреть, что ж собой представляет там и другие какие-то помещения... помещение в этой... в этом Дворце. И начинаю бродить и он настолько величественен и по своей территории, что я вдруг заблудился и не могу попасть обратно вот в ту комнату небольшую, где находится эта студия. И я брожу по всей территории и спрашиваю:
- Вы не знаете, где тут детская студия? Я должен вот там мастер – класс провести, и я никак не могу его найти.
Никто не знает этого. Вижу какую-то типа waitress... ну, из ресторана выходящую официантку и думаю:
- Ну она уж здесь работает, она ж должна знать.
Она тоже не знает. И какой-то человек молодой, американец и я его спрашиваю:
- Где...?
Он тоже не знает. И в такой растерянности и думаю:
- Что же это такое? Вот я готовил, думал, что это будет для нее такой важный момент очень и я не могу найти это помещение.
Ну, здесь трудно комментировать этот сон, он частый. Я даже просто хотел бы понять такой Фрейдистский подход – в чем же дело? Что же это я – уходит поезд – не могу попасть на него, готовлюсь к моему выступлению – нет со мной книг, хочу сфотографировать какой-то очень важный момент или даже не только момент, а сфотографировать там людей, которых... для будущего моего альбома будущего – нет фотоаппарата. То есть, вот этот вот беспрерывный такой вариант, когда ты опаздываешь, забыл, не имеешь... Вот это все время. Это видно одна и та же ситуация, которая видно подсознанием чем-то объяснена. Вот это такой сон.

***

Сегодня очень много снов снилось, снятся. Я их как бы начинал запоминать, но какое-то произошло за последнее время такое как бы... забывание снов. И я стараюсь, если я чувствую, что я не могу его вспомнить, не напрягать мысль и не вспомнить. Сегодня мне только обрывочные кусочки какие-то мне снились. Что-то снилось с Райхельгаузом. Какой-то тоже театр, какие-то выступления и тоже дети, между прочим. И там сидит в жюри какой-то такой функционер, который вдрург вспоминает и говорит:
- Да, у нас еще остались подарки для детей, которые мы не раздали. Давайте мы сейчас...
И начинает читать какой-то список. И подходит какой-то мальчик, он похож... ну на из... Настолько худой и настолько бледный, даже кажется что

ли не в одежде из какого-то концлагеря. И он подходит такой... и тот ему подает какую-то миску с едой и какой-то подарочек еще... И вот такой вот кусочек сна. Я в этом сне должен был что-то тоже подготовить. Но тоже не сделал и так и не вспомнилось что.
Вот это интересно, что вот последнее время, мне вот такие сны голову морочат. И скорей всего, это объяснить может быть можно тем, что я беспрерывно ощущаю, что замыслы мои, которые я, так сказать, я в себе носил, готовил, они интересны, они возможны и все... То есть, можно все – все осуществить, но я не успеваю ни по времени, ни по своему состоянию здоровья и это очень меня мучает. А возможно, отсюда и происходят все вот эти сны. Вот мой замысел сейчас, который я так вынашиваю и он давно... Но он более так образовался и уяснился. Это была бы книжка.

***

Сегодня тоже такое обилие снов и такое разнообразие, что просто черт его разбери, даже просто невозможно отделаться. И я какой-то один хотел вспомнить. Там была ситуация такая, что я и Евтушенко... где-то мы в какой-то... ну что такое... типа деревни и где-то мы находимся. И как будто бы там уже все закончено или его выступление или, так сказать, его отъезд. А я говорю:
- Я еще должен куда-то съездить для того, чтобы привезти...
Что привезти, я не знаю. или это имелось ввиду для его антологии что-то... Не знаю... Я вообщем, так по какой-то... ни за что не мог вспомнить я так... Но это было и тревожно и опять неосуществимо. Я куда-то должен поехать и какие-то поезда не пришли, и я опаздываю, и я не попадаю туда. И короче, это все в тревоге в такой тревожной. Но когда я проснулся и сон, как бы сказать, вот, вот, вот, я должен был его уловить и вспомнить все в деталях его, так сказать, ясность и... И ни за что он не дался. И я подумал:
- Значит так, как бы это сказать, я или кто-то... не запоминать, не пытаться. И все-таки еще где-то были попытки один раз, второй раз – а вдруг... я это все вспомню. Этот сон, как бы так сказать, пропал. А вот пока я включал и хотел понять, что дальше было...

***

И я вот забыл, что ж вот за сон был интересный, там тоже был любопытнейший сон, но я его... А, да, да, да, я вспомнил. Я попадаю в какой-то такой светлый такой зал. И там сидят несколько человек, моих однокурсников по курсу, по режиссерскому факультету. И среди них два Володи. Один Володя – это такой партейный деятель, который, так сказать,

Савицкий. А второй Володя был такой “от сохи” скорей сказать, “от станка”, который заторможенный, никакого актерского дарования не было, ну вот такой культпросветработник. А тот, тоже самое, абсолютно... То есть, ни к режиссуре, ни к этому самому... театру, вообще никакого призвания даже не имел. Я так и не знаю, но я так себе представляю, что он стал каким-то партийным функционером. А потом, может быть, когда Союз распался, он все равно не пропал. Тот, второй человек, был довольно такой... хотя бы просто... более скрытый, но порядочнее. И вот я... так мы сидим и этот мне показывает... Да, я теперь засомневался, звали их Володя... Володя Савицкий – это точно. Короче, он говорит... я говорю:
- А чем же занимается Володя?
Но как-то так... мы за... большой стол какой-то такой и он сидит там очень далеко и он меня не слышит. Он говорит:
- Как? Он создал карту каких-то там морских.... там не знаю, широт или чего-то такое... Это известная карта и вот он этим и занимается.
Я даже просто ошарашен. Я думаю:
- При чем тут....?
А я думал, что он какой-то там занимается вот такой вот партийной работой. А этот мне показывает какие-то эскизы, но я так не запомнил. Но любопытно, что он мне часто снится этот Володя. Потому что он был антисемит, завидовал. Но в тоже время, он понимал мою, как бы сказать, остроту языка и отповедь. Я бы ни дался бы ни за что, на какие там сказать, обиды и поэтому он держался так, как бы со стороны. Когда узнали, что я не в комсомоле, он и Коля Корецкий, все сделали, чтобы... мол, я все-таки получил этот... как это называется... билет и уплатил все деньги, которые я за это время, так сказать, как бы скрыл от государства, получая стипендию. Ну вообщем, короче, это были те ребята, которые как... в любой момент могли тебя толкнуть или сопровождать в Бабий Яр. Вот такое у меня, как бы сказать, осталось ощущение. И вот снится он мне... Ну сейчас давно не было, но вот сейчас вдруг опять приснился. И конечно, это так сказать, мелочные вещи.

***

Я вчера начал, кажется не знаю, записал... Я все-таки думаю вот эту книжку, что больше.... больше мне не нравится слово, что “Не будет этого”, “Этого уже не будет”. Может быть, даже так его лучше: “Этого уже не будет”. Что мне семь – пять лет, что мне уже два года, я вспоминаю как мы с мамой.... я прижался к ее плечу и рыдаю, мы мчались на клабдище. Это был слышен рев, кроме нашего, рев самолетов, рык такой

бомбардировщика немецкого, который медленно направлялся к местечку. И вот услышав этот рев, этот рык, это... это очень до сих пор у меня в ушах это есть. Ну потом еще, я это в фильмах, конечно, видел. Но у меня такое ощущение, что это запомнилось с двухлетнего возраста. И вот любопытная деталь, любопытная деталь для психологии, может быть, еврейской психологии, что схватив детей, матери помчались из своих этих хат, хибар, из вот этих страшных пристроек и все... таких и из домов, помчались на кладбище. Это безумие какое-то с одной стороны, казалось бы, конечно, если бомбили, если бомбили местечко, так там просто даже люди в домах могли прямо погибнуть там под тяжестью и под ... И рассчитывалось, что будут же бомбить дома, а не кладбище. И вот они помчались к кладбищу, к могилам своих предков, к могилам своих родителей, к могилам своих мам, пап, дедушек, бабушек. Этому кладбищу было уже само по себе за сто лет. И там набралось много – много, конечно, умерших. И вот туда помчались вот эти еврейские мамы с детьми на руках, и прижав их, и как бы прося пощады и у своих родителей. Вот такая деталь. И я, конечно, этот рассказ, мне кажется, что я это помню. Но здесь всегда уже можно... Эти рассказы у меня уже были потом известны. И безусловно, что это очень любопытная такая деталь еврейского нашего сознания, быта и ощущения, ощущения, что мы все-таки были не у себя дома, может быть, хотя об этом не думали. Советская власть, как бы сказать, сумела и это как бы внешне вытравить и показать, что все равны. Но в действительности это оказалось не так.

***

Да, интересный момент такой получился сейчас в смысле моих наблюдений за снами днем и ночью. Значит, вчера я позвонил в Таллинн, хотел узнать профессор Лейбов передал ли книжку мою. И я это самое... позвонил и интересно... Ну были просто там.... приятные, так сказать, воспоминания, вопросы, разговоры, приветы и все прочее... И вот тут же... Тут же я уже забыл, а какой сон снился мне?... Хм... Вот тебе пожалуйста, я его как бы и помнил и забыл...

То есть, мне снилось, что Марина и ее подруга в какой-то комнате находятся... А что произошло дальше, я уже забыл. Дело в том, что ее сестра вначале взяла трубку и я подумал, что это она. Хотя голоса, я не очень так различаю, но оказалось, что это была сестра ее и что она пошла прогуливать собачку вдоль моря или что там... И она... я слышу, как она вышла на крыльцо и кричала:

- Марина! Там из Америки или из Чикаго звонят!

Ну и там лай собачки был. И потом пришла Марина и мы разговарили и она рассказывала, что да, передали и она очень была благодарна и поражена и все прочее, прочее... Ну вообщем, такой был... явь. А во сне это все перевелось по-другому, что там вот эта не сестра, а подруга. Дело в том, что они очень живут с сестрой не дружно. И я не знаю, какую роль в этом сне и сыграла подруга. Может быть, она была, так сказать, не подругой, а какой-то... не дружеский такой... Но я забыл, там была какая-то коллизия была, но я ее забыл. Вот, пожалуйста, а мне казалось, что я ее запомнил. Там еще был один сон, который тоже... то есть, надо записывать ключевые слова, иначе все это забывается, иначе все это забывается.
Но если возвратиться к мыслям о смысле и все прочее... конечно, сейчас все более как-то ясно стало, что надо жить так, как ты живешь, до последнего дня, как ты можешь, не... Иначе... все успеть, как я повторял, сделать это – почти исключено. Значит, надо быть, реально смотреть на... и в душе сохранить вот это состояние такой душевно благостной, которая мне все-таки сейчас вот присуща, и к которому я пришел. И радоваться всему, что я могу сделать и что я делаю. А... без суеты, вот так спокойно. Ну, это все-таки большое искусство, это так, так кажется, что я уже добился вот этого состояния. Но вдруг какая-то мелочь может вывести из себя с какими-то людьми, которые мне кажутся... Они, так сказать, ну вдруг недостойно себя ведут или как-то так пушают или что... Я могу тоже вдруг как-то съзвить, выйти из себя. Ну, вообще, совершенно, так сказать, воспринимать все благостно и абсолютно не реагировать бурно на какие-то вещи, которые тебя раздражают или не удовлетворяют, это вообще видно невозможно. Может и не нужно. Но с другой стороны, по моей теории, если я знаю, что передо мной стоит дурак, я должен немедленно переключиться на понятие, что он дурак и больше от него ничего не требовать. Подлец – значит я тоже должен понять, как себя вести с подлецом, совершенно быть к нему равнодушным или его не воспринимать или его просто игнорировать. Или если надо, может быть даже и сделать что-то более конкретное. Во всяком случае, я как бы сказать, мог бы сказать, что я доволен вот таким душевным состоянием, но оно еще не доведено до... до совершенства.
В данном случае, вот ситуация с Чейном... Я поздно, поздно осознал его... он меня, конечно, раздражал, он, конечно, вызывающе себя вел, деспотически. Но я должен был понять, что это человек из джунглей, что он, так сказать, но не только из джунглей и что это человек другой совершенно. Он совершенно... “ментально” - заезженное слово, ну пусть будет, другой ментальности, другого... другой формации, другой страны, другого воспитания – это все в нем сказывалось. Я должен быть понять, хотя мы с ним одногодки и не то, что я себя чувствую старше, но я думаю,

что я себя чувствовал, я был все-таки мудрее в этой ситуации. Но меня раздражала его вот эта заполненность в доме – куда бы я ни пошел – он там присутствовал. И вот это меня, может быть и может это неправильно, если во имя замысла того, что мы были, что в первую очередь... Теперь сомнения в отношении его приемов, я не могу сказать, что они были бесполезны или что они были не нужны, или что они вредили. Этого я не мог бы все-таки утвердить. Что-то есть и улучшения какие-то были и что-то было. Но вот возникла даже передо мной тогда, такая дилемма возникла – а что же важнее – покориться и жить и получить какие-то там силы для продолжения жизни. Но покориться и быть, так сказать, подвластным и чувствовать все время Домоклов меч над собой или человеком, который тебе не очень близок. Или даже медленно умирать, но быть свободным. То есть, вот такая мысль была у меня. И я вот подумал, что как ни странно, вот это чувство свободы, оно намного, намного важнее.
И это уже не первый раз. Вот сейчас, даже вчера, Лидия Андреевна – ну, такой советский продукт эпохи. Была секретарь комсомола в каком-то районе там в Сибири. Потом пошла в институт, потом стала заведующей библиотекой то есть, пошла по такой... А муж – еврей, тоже из таких ранних, как говорится. Тоже был секретарь райкома партии, райкома комсомола. И на этом они подружились, а потом стал ведущий отделом в там... обкоме партии или там... Короче, еврей, которого еще, так сказать, там терпели и все прочее... И они жили, как самая настоящая советская номенклатура такая. Но вот... но в тоже время, она, я не мог бы сказать, она все-таки человек такого русского происхождения и поэтому она может быть, в ней и сохранились какие-то очень сибирские корни такие искренние. И книгу она, так любила и знала, но в тоже время, это такое поверхностное понятие и в тоже.... И вот она счастлива была, чтобы ее в шесть часов утра привозили сюда и она садилась и переписывала сначала с поэзии все. И это всего длилось два дня, потому что я ей сказал:
- Что мы подумаем и решим, что мы вам сможем оплатить за это.
Но в это же самое время, ее там дети, родственники, там дочка и родственники и все, конечно, они быстро ее это самое... ориентировали ее на какую-то конкретную оплату. Но она мне ни слова не сказала, а сказала только, что ей предложили эти же родственники другую... И вдруг мне стало так хорошо, потому что уже два дня, я был зависим. Я был зависим, я должен был вставать в половине шестого, привести себя в порядок, встретить ее для того, чтобы дать, как бы сказать... ну, то есть, все-таки чисто этически было важно, чтобы она ни приехала и оказалась под дверью. Короче, я все это сделал. Но вот когда я сегодня встал и я могу себе ходить,

как хочу и думать, и петь, и прыгать, и все... – это намного оказывается важнее, чем вот такая вот зависимость. Так что, если подвести итог этой... сегодняшнему этому... исповеди или такому монологу, я бы сказал, в первую очередь, что быть свободным, независимым – это важнее, чем быть зависимым и несвободным. Вот такой вот... вот такая вот мысль.

***

Снились еще такие два сна, очень такие и традиционные и в тоже время, как всегда, с такими деталями новыми. Я сижу в каком-то Летнем... типа театре и рассматриваю... Ко мне попали большое количество фотографий. И я их как-то рассматриваю и подходит или сидит рядом или подходит ко мне, Михаил... Юрий Петрович Любимов. А это фотографии театра, актеров, там спектакле театра на Таганке. И это как раз те актеры, которые от него ушли. И он как-то так пренебрежительно смотрит и как-то даже готовит, как бы так, что ли уничтожить их и взглядом и физически. А я что-то еще просматриваю там материалы и вдруг - передо мной книжечка Лема. И я ее вижу... типа как Огоньковская, такого характера. И рисуночек какой-то и написано типа “Птицы” или “Хищные птицы” что-то вот такое вот... Такая... такое название. Я никогда не знал, не видел такое название у Лема, но что-то вот такое вот негативно по отношению к каким-то птицам или что-то в этом роде. И он берет эту книжку и говорит:
- О, вот давай мы сейчас – говорит...
И он расставляет эти фотографии, как бы на столе, на какой-то... на листе бумаги. И они как бы... вот так выпячиваются. И сверху он клеет вот эту обложку этого Лемовского... Лемовской книжечки вот этой “Хищные птицы”. И он очень доволен вот такой находкой, что ты, мол, здесь, как бы... определяет это... сущность вот этих актеров, которые от него отказались. Вот такой вот сон.
Он любопытен с точки зрения деталей, книжечки, которую я никогда не видел. Но это у меня бывало. В связи с чем – это мне трудно сказать. Я давно... я как-то вчера не просматривал ничего, связанное... Но я сейчас просматриваю книжки. И у меня там есть, всегда попадаются совершенно уникальные, новые какие-то названия, книги, которые я давно уже как бы не видел и не просматривал их. И таким образом, это могло как-то так сказаться. И вот это размещение на... фотографий на листе, это то, что я делал буквально несколько дней назад для газеты, для разворота листа. Так что, здесь есть какой-то аналог.

***

А вот следующий сон был такой традиционный, но очень даже для меня и грустный, и в тоже время такой показательный. Я нахожусь в каком-то месте, это не Джурин и в тоже время эмигрантский какой-то район здесь, в Чикаго. И я выхожу из моей какой-то... он как-то такой на первом этаже как бы, в такой, как Джуринской... где-то такая лавка, старая, в которой там и тряпье и все прочее... Но там находится как бы этот книжный магазин. И я иду к базарчику, такой базарчик... Там сидят какие-то люди за столами, что-то продают. И отдельный стол – лежат еще и книги, полно книг. И это мои книги, я знаю, что это мои книги. Но там никого нету и никто за ними не присматривает. И тут же подходит один эмигрант с женой и начинает эти книги упаковывать в какой-то чемодан. Я говорю:
- А почему вы это забираете? Я просто...
Он говорит:
- А тут же никого нет и никто не торгует ими.
Я говорю:
- Да, но если люди покупают, они заходят к нам туда, вот в этот магазин и оплачивают.
Но он как-то так извинился как бы и уходит он. И я начинаю просматривать эти книги. И там какие-то... большая, громадная книжка с атласами, старыми какими-то картами и еще что-то такое. И оно мне, в принципе, я думаю, пожалуй, оно мне все уже не нужно. Что я буду таскаться обратно с этими книжками в этот... А они... я хочу подойти к ним и сказать:
- Что вы их можете забрать.
Но я подхожу к фургончику, где они, так сказать, такой открытый... И там такое творится, всякое барахло они набирали и она так извинительно говорит:
- Ну это мы, так сказать...
Там и сахар какой-то и банки, которые они получают бесплатно и все такое вот. И я как-то так остыл к этому и... Но с другой стороны подумал:
- Боже мой, вот этот такого же типа... но в другом смысле, не в банках и не все... Но я накопил фотографии, накопил афиши, накопил всякого добра. И сейчас для меня это тоже вопрос – как распорядиться этим добром и что я могу успеть сделать?
Вот такая мысль, которая очень грустная и в тоже время показательная была в этом сне. Вот такой вот сон.

***

Сегодня, как из рога изобилия... Ну что ж делать? Жизнь подсоознательная просто кипит. Кипит и богаче иногда даже жизни дневной. Значит, снились мне какие-то очень такие... Они тревожные были, но в тоже время такие

массовые, количество людей. И снился мне сад, как интересно, снился мне сад, школьный наш сад. И там в конце, где бойня была в действительности, там какой-то... какая-то... был какой-то дом. И там, в этом доме был мой коллега по училищу, а вначале мой учитель, режиссер Стротонов Виталий Иванович. И он вот так, как будто бы там, обитает. И вот я иду вниз туда, иду вниз... Там как бы туалет какой-то есть, тоже интересный эпизод. И он меня подхватывает, хотя я спешу, и говорит:
- Я думал, что я чуть ли не как воинская какая-то повинность...
Я даже в испуге, что он вот меня увидел.
- О, - говорит он – Илья Эзравич! Вот еще несколько газет, вам надо будет отвезти их туда-то и туда.
Я думаю:
- Ну черт с ним, газеты – это ничего страшного нет.
И я как бы беру эти газеты и иду вниз, а там вот в этом яре... яр, который внизу возле бойни, громадный яр, который тянулся прямо к речке. Господи, я иногда думаю об этом яре, что там можно было бы расстрелять все местечко, но слава богу, это не случилось в нашем варианте, в нашем гетто. И в этом яре значит, какая-то внизу как бы... тоже там какой-то такой более ухоженный даже какой-то туалет и сидят женщины такие, москвички. Почему-то они такие наглые, очень уверенные какие-то такие. И они сидят на очках вот этих и как-то разговаривают между собой. А два мужика стоят и так смотрят очень внимательно. И те так шутя говорят:
- Чего, чего вы там смотрите?
Ну мне даже неудобно там как-то, это так явно смотреть, хотя мне тоже интересно. Потом я попадаю... или вот там, где жил директор школы и Валентина Ивановна, которая тоже часто во сне. Но ее в этом случае она не присутствовала. Я нахожусь вот как гостиница что ли такая и я нахожусь в одном из номеров. И туда... и лежу себе на широкой такой, большой кровати и туда вбегает такая женщина в очень легкой тунике или в таком даже скорее распахнутом, ну я бы так сказал, распахнутом каком-то легком сарафанчике... Это даже не сарафанчик, а такой... ну... не плащ, а халатик, такой халатик. И она очень такая мощная, большая, красивая большая женщина такая. И я как будто ее, не знаю, любовник или ее жертва, она меня выбрала. И в это время она так заходит и прямо на кровать как бы ко мне должна вот прилечь. И я говорю....

20-ое июня

Сегодня 20-ое июня. Сна вот в отношении этого... и я вот лежу на этой кровати, входит эта женщина в халатике. И вот так она только переносит,

проносит ногу надо мной... И я вижу вот эти ворота великолепные, очень сочные такие губы там. И я говорю:
- Дверь там... Вы не закрыли дверь?
И в это время открывается дверь и входит такой москвич какой-то. Это все москвичи как будто, почему-то и какая-то получается... получился такой вечер у меня, где я в гостинице и где там находятся из Москвы люди, с девочкой маленькой и говорит:
- Слушай, у тебя есть там масло... ну, там коровье масло?
Она говорит:
- Ну...
И подскакивает и я еще раз вот эти... вот это движение ее... Громадная грудь прекрасная и вот это... и срамные губы такие алые – все это еще раз блеснуло передо мной. А я как бы так накрылся, чтобы меня не видели. И вот эта девочка и этот самый... с этим мужчиной, она им дает большой такой кусок... на масленнице такой. И они выгребают полностью все оттуда.
И я говорю:
- Боже мой, да лучше бы все отдать им, чтобы они поскорее ушли.
Но дальше сон не продолжился. Я был готов, а сон не продолжился. Я был готов, а сон не продолжился. Это в отношении вот этого... вот этой страсти – мордасти.

***

А потом еще снился сон с какой-то... Я бродил по какому-то Дворцу опять культуры... Как это меня преследует, какие-то Дворцы культуры. И бродил... и там была какая-то тоже вот типа вечеринка или даже... И я так как бы не участник этой вечеринки, но я вижу, что все подходят. И я тоже думаю, я подойду к этой... ну к этому столу, где люди себе набирали или там давали женщина какая-то стояла типа официантки и нарезала то, что ты хочешь. И я говорю:
- Единственное, что мне нужно это типа что-то вегетарианское, если у вас есть.
Но она говорит:
- Вегетарианского нет, но у нас есть такой рулет, какой-то торт.
Ну вообщем, я его выбрал, но я чувствую, что там очень много жира, может быть, даже и сахара. И таким образом я... меня все-таки это... меня как бы не удовлетворяет и я беру это и так ухожу.
Этот сон явный, имеет свои аналоги. Потому что когда я был на Тютчевской конференции и там я был гостем этой конференции, а не был участником ее, но там в комнате, потом во время перерыва был обед и

принесли большие какие-то подносы с едой и поставили их на стол. Вот женщина как раз раздавала. Но я так ничего не взял, кроме там несколько листиков какой-то травки. А все остальные ели мясные котлеты и какие-то там рулеты и всякое такое прочее. Но это могло быть отсюда, ну, как говорится, и вырасти этот сон. Вот такие вот пироги, которые я так и не съел.

21-ое июня

Сегодня 21-ое июня. Завтра будет день начала войны. Господи, господи, как это все уходит в прошлое, но все-таки помнится. Да, сегодня такой сон, он очень длинный был, но запомнилась какая-то концовка его. Я живу и нахожусь в каком-то доме, это у американцев. Дом длинный, большой. И такое ранчо со всякими... Но он и новый в тоже время, но со всякими закоулками. Куда я не ткнусь – всюду висят какие-то... какие-то травы на... и фрукты сушенные. И вот... и в тоже время как бы здесь как-то так: к чему ни прикоснешься – начинает ломаться – двери, окна и все прочее. И хозяйка его, такая миловидная женщина, но совершенно такая... не хозяйка. И муж ее тоже такой... Вообщем, короче, или они какие-то... им нужно срочно подготовить какую-то пьесу для игры, но для чего это им, я не знаю. Они не актеры, им просто, как самодеятельность или в церкви они должны выступить. Вообщем, я им говорю:

- Ну вы готовы?

- Нет.

Они даже как-то и не подготовились, и не репетировали, ничего. Я говорю:

- Ну если вы знаете роли, давайте я попробую вам быстро хотя бы помочь как-то... Потом и самое главное, вы очень зажаты, я смотрю. Вы вряд ли...

Почему-то так как-то у меня определилось, что она совершенно не раскрепощена и будет себя чувствовать зажато на сцене. Я говорю:

- Давайте, я вам помогу, может быть, раскрепоститься.

А в подсознании у меня там никаких мыслей не было, вот там что-то раскрепоститься. И вот интересно, что мы это самое... она соглашается, а он тоже где-то там. Взяла текст какой-то. И по дороге, когда мы выходим на какую-то... со стороны не центральной двери, а какой-то такой боковой, там, значит, на дверях такие тоже висят большие какие-то мешки, не мешки... И я вижу, что там яблочки и в них... как бы такие сохраняются. И очень притом, такие заманчиво вкусные, потому что похоже на такие естественные яблоки, которые обычно бывают в... ну, бывали в моем опыте жизненном. И я как-то их...

- Я так пару яблочек возьму.

Она говорит:
- Берите, берите, мол.
И мы открываем двери и я думаю, что вообще, они сейчас там поломаются. Но нет, они как бы автоматически еще за нами закрываются. То есть, их нельзя открыть с той стороны, а вот когда мы их распахиваем, они как бы открываются. И муж ее как-то:
- Ну сейчас, сейчас я приду.
И мы с ней идем, вышли на простор какой-то и я ищу какую-то площадку, где можно было бы пристроиться. Но мы почему-то идем дальше, идем к какому-то городку. И видим типа дома, какой-то... И я говорю:
- Может быть, здесь есть какая-то площадка, какой-то зал?
Но она как-то тоже не знает. И все-таки думаю:
- Надо найти просто просторный такой какой-то кусочек, где можно себя... разыграть вот эту пьесу.
Я не знаю, что это за пьеса и даже не читал ее, я не знаю, знакома ли она мне, если она мне расскажет. Но сам факт, что я берусь за это, говорит о моей такой самонадеятельности и самодеятельности, их самодеятельности, а моей самонадеятельности. Но я профессионально знаю, что я мог бы это сделать. Но до этого так и не доходит, до... никакой репетиции, оно не доходит. Мы ходим в поисках этого места, этого зала и так его и не находим. Сам по себе вот даже вот этот... мысль эта тоже интересна... А муж так и не появляется, то есть, в подсознании, может это именно место раскрепощения или раскрепостить, это и есть какой-то секс или какое-то желание полюбить.
Тем более, что я вчера читал Давоские такие... “Давоские страницы о любви”. Очень любопытные, даже, между прочим, какие-то были новые версии вопроса, который когда-то я со смехом рассказывал, а теперь я поверил в то, что говорится вот в этой книжке, больше, чем когда-то в другое... в другие разы. А преамбула такая. В этой книжке, ну я начну... ну в этой книге, давосцы и далы любви, они все-таки считают, эвауляция и частое... выброс семени, это уход энергии и притом, уход не просто физической энергии, но энергии, которая забирает и творческую энергию. И поэтому вот их мысль, что семя надо сохранять, его не надо выбрасывать. Оно там видно возбужденно... я там не дошел до такой мысли, но выброс его не обязателен. И чем больше ты сохраняешь в себе семени, тем больше в тебе есть энергия и здоровье и физическое, и творческое, и душевное. Вот такая мысль.
А вспомнилась совсем другая ситуация, которая так... по этому поводу именно... Когда я был молод и когда я преподавал в училище и был

окружен всегда юными, красивыми девушками и они меня иногда провожали до... до трамвая, и когда я после занятий или шли со мной вдоль... по бульвару, по морскому и мы разговаривали и еще продолжали репетиции спектакля, стихи читали... И я был всего старше их, ну может быть, на шесть – семь лет. А они у меня вот такой стаей участвовать со мной после репетиции, так как их было, например, в группе было тринадцать девочек и всего было двое парней. Значит, что было дальше? Ага... а в это время я общался с одним доктором, доктор Соскин. Он похож был на актера Шпрингфельда или в смысле вот такой... У него был громадный рот, такой рот жабы и очень зубы были такие мелкие и с прорехами какие-то. И был в очках и нос такой, как лапчатый гусь и лысый череп. И ему было тогда всего, может быть, сорок лет. Но я считал его просто уже стариком, он выглядел очень по-старому. Был одинокий, не женат. И скорее всего, уже был импотент. Потому что, так сказать, при моих общениях... И я понял, что женщин... он ищет их, но по-моему его никто так и не оценил, хотя у него была какая-то комнатка такая в коммуналке. Короче, и работал он на протезном заводе. Врач, он был врач, который, ну, определял эти... как протезы, вот у людей, у которых были потеряны ноги или обрез, отрезаны каким-то образом, вот он их... Был врач вот в этой протезной... на протезной этой фарике в Одессе. И я понимал даже, почему он туда устроился. Потому что у него была какая-то тяга к такому... к извращениям каким-то таким. Вот, например, там женщина без ноги, могла быть для него более доступной, чем кто либо другой. И тем более, что надо было ее примерить. То есть, я думал, что он испытывал вот такое... Теперь я больше... я в этом убежден даже. И вот он при моих встречах с ним или когда он меня часто видел, потому что эта фабрика была недалеко от... типа фабрика, это какая-то артель, недалеко от нашего... недалеко от Гоголя, прямо на Преображенской. И он меня часто встречал вот в окружении этих девушек. И однажды он как-то говорил:
- Вы знаете, - и он картавил – Илья Эзгавич, вы знаете – точно как по Островскому – что нам от пригоды дано столько-то и столько-то этой спегмы. И если вы ее изгасходуете больше, чем надо, вы приходите к какому-то раннему пегиоду, когда у вас ее больше не хватает и таким обгазом, вы пгекращаете вот эту свою сексуальную жизнь.
Вот это он мне тогда сказал. Я был настолько... для это было смешно даже думать об этом, когда я был страстен, я был как бык – семинтал и для меня не существовало никакого такого даже и в мыслях. А вот сейчас, когда я прочел давосцев, я подумал, что может они и правы, может быть это действительно так, потому что при... даже и сейчас, когда при извержении и

при оргазме как это все... выброс, я всегда чувствую как будто... я шутя говорю:
- Я выгрузил вагон угля.
И поэтому в этом смысле, то есть, здесь есть правда. Но здесь весь вопрос в том... сохранения и насколько остается еще семя и до какого времени оно будет сущестововать. Если сейчас оно у меня еще в громадном количестве, я не знаю, что будет через полгода или через год. Вот это вот такая мысль возникла у меня после прочтения давосцев.

22-ое июня
Удивительный был сон, но все-таки 22-ое июня, начало войны. Правда о войне, мне ничего не снилось. Но вот папа мне снился и очень любопытно. Дом... так частый такой вариант, ну это уже похожий не на какой-то там, где мы жили в Джурине, а скорей похоже на дачу, где мы снимали напротив института Филатова, на Французском бульваре. Вот какой-то такой дом, мрачный с большими, с разными комнатками, комнатами где-то.... И в тоже время, как будто это даже уже в Норсбруке. Потому что там был как бы гараж. И мне снится такой сон, что мы дома. И мама дома. Но мама – это Оля. То есть, вот в таком вот восприятии часто у меня, что она уже почти в таком возрасте как мама, которую я очень хорошо помню, любил. И вот мы ждем как бы... что-то папы нет. И этот сон часто связан с тем, что его долго не было дома и никто... И мама ни разу как бы не спрашивала, где он, что он. И я и мы не спрашивали, это так как бы сказать, такая игра или такое, так сказать, табу, которое... Но я, я понимал, что папа был где-то на стороне он, куда-то ездил, к какой-то женщине. Там немножко жил, а потом приезжал. И в данном случае, точно такой же вариант здесь снится мне, что вот... И вдруг я слышу, что открывается... как бы подъезжает машина... и гараж. И входит папа, но совершенно другое лицо, он абсолютно не похож на папу. Это совершенно... это такой стройный, высокий человек, седой, с седым бобриком, такой... Но совершенно седой и даже не седой, а скорее, белобрысый, такой немецкий тип лица такой. Голова такая светится от этого. И я так говорю... я слышу как бы гараж закрылся. Папа никогда не водил машину, хотя он, так сказать, часто ездил с шофером то в лес, то за песком там, за глиной. Но сам он машину никогда не водил. И вот он как бы, вот появился. Ну я рад всегда был папе. И в данном случае, даже сейчас, я понимаю эту ситуацию, я все-таки рад, что он приехал. Вот такой вот сон, с такой вот фантазией.

***

Потом снится мне, что я захожу в какую-то типа... даже может быть библиотеку или в магазин книжный. Свой, не свой, это там уже не определяется. И там сидят американцы, которые отбирают какие-то книги. И они их складывают. И когда я захожу, там с ними какой-то один... подходит и сразу с ходу:
- Здравствуйте, господин Рудяк!
Потом я подхожу прямо к этим людям и там еще сидят какие-то... от стола отрывают голову:
- О, добрый день – там – Илья Эзравич!
То есть, я так даже горд, думаю:
- Все меня узнают, все знают.
И это связано с тем, что там отбирают книги. И я вот... вот такой вот просто эпизодик. Для чего, что – я это просто не запомнил.

***

Потом еще, я вот хотел себе, наметил где-то, посмотреть... Как все-таки нельзя доверяться, особенно после сна... Я десяток раз себе повторял и чего-то... А вот что же там было, я не могу вспомнить. Ну может быть, потом вспомню...
Да, любопытно, что последнее время мне снятся сны такие эротические, где я с Олей очень... такой свободный. И она со мной тоже необычайно... Ну здесь есть какие-то, как говорится, аналоги дневной жизни и подсознательной ночной. Она в этот.... в этот раз такая... очень... Ну как бы в Одесской ... кажется там, мы были в Одесской квартире одни и очень любим друг друга и это настолько нетрадиционно. И в тоже время оно ново и просто... Ну, значит, я всегда задавался вопросом, снятся ли в старости или даже в глубокой старости, снятся ли именно... ну как, не только эротические такие сны с точки зрения, я там не знаю, наблюдения или там воспоминания, а именно активная, активная такая эротическая жизнь в таком возрасте. Но я вот не могу, так сказать, вот сейчас вспомнить в этом сне, я молод, юн или такой же вот, как сегодня. Это как-то не запомнилось в этом сне. Но вот то, что я об этом думаю и все оно может быть каким-то образом и возвращается в виде сна.

***

Что еще было интересного за эти дни, а вернее за этот день? Ну я читаю, продолжаю читать “Жизнь Эйнштейна”. Она, конечно, написано намного интереснее, чем разные исследования. Там у нас было Бориса Кузнецова,

Зелика и прочее... Герика или как-то там... даже там был какой-то такой чех, который там писал. Там была все-таки.... такой легендарный Эйнштейн и очень было много связанных с его... с его гуманизмом, с его борьбой за мир и против атомной бомбы и прочее, прочее... То есть, там был совершенно другой портрет его. Здесь, в этой книжке, может она тоже так построена, для того чтобы привлечь очень сильно внимание и как бы, с одной стороны, разрушить вот этот привычный образ. А с другой стороны, он не то, что не разрушается, в данном случае, для меня даже наоборот, он становится более интересней и интересней. И я еще не дочитал до конца, но мне просто сам по себе факт, что я... это меня больше заинтриговало чем какая-нибудь художественная проза. Это говорит о том, что там есть хорошо выстроенное и построенное... материал и он интригует. Он интригует, это как интересный такой детектив о жизни гениального человека и как она развивается. Особенно его взаимоотношения с Милевой. Поэтому это для меня как бы и ново и интересно. Я об этом сделаю такой, как бы анализ. Если будет такое желание, что же там в действительности, чем закончилась эта история.

***

Да, я вспомнил, вспомнил сон, который мне снился. Это вообще поразительный сон. Снится мне, что Альберт Эйнштейн - гость мой в Джурине. И я его вожу по Джурину. И мы спускаемся уже к речке возле помпы и там какой-то что ли паводок какой-то такой. Это мне тоже иногда, не один раз во сне снилось. И вдруг... и нас окружают милиция и КГБ. И забирают нас в какой-то там, даже трудно сказать, или открытое какое-то... веранда или помещение. И они даже в принципе, очень... они еще не знают, что это за гость у меня. Но они наичнают допрашивать и я думаю:
- Ну все! Вот тут, это просто преступление будет кошмарное, что и может быть, я даже в этом виноват, что я вот, его каким-то образом сюда привез. А он очень спокоен и самое интересное, что великолепно отвечает по-русски, общается. И я думаю:
- Вот что значит, гений, все-таки он и русский выучил без лени при том, что никакого акцента нет.
И у меня очень вот эти... И допрашивает его, или как-то так окружили нас женщины в погонах милицейских вот и там КГБистских, вот такие сине – ... по-моему, там какие-то голубые погоны и синие... не помню. И они как-то так не грубо правда, но в тоже время очень... ну, так, по-советски, железно держат нас в кругу и... То есть, атмосфера устрашающая, атмосфера страха и беззакония. И нет, как бы сказать, просвета. И у меня это очень, очень... я

лучше понимаю это, чем, как бы сказал, чем Эйнштейн. Он там не в возрасте таком с... Но в возрасте более среднем, пускай будет, я знаю там... А все дело вот в чем. Я сейчас читаю книжку об Эйнштейне. Это новая, так сказать, книга совершенно, с новым взглядом на этого гениального человека, на этого совершенно уникального человека. И я страшно рад и я ее дочитываю, то есть, не пропускаю ни одной строчки, ни одной естественно страницы. Потому что меня очень заинтриговала судьба его. Я не знал, очень много не знал о жизни Альберта Эйнштейна. Оказывается фактически он был все время... и нуждался в раннем, так сказать, своем возрасте, где имеется ввиду уже после окончания там лицея и после прочее... И женитьба на Милеве, и вся эта история, она на меня необычайно... новая для меня. и облик этого человека совершенно по-другому раскрывается, но не... не стушевывается и не вызывает никаких отрицательных, как говорится, отношений и эмоций. Потому что уникальность его и действительно видно и гениальность, была просто предрешена в его жизни. И он себя вел, мне кажется, во всех случаях довольно блестяще, не смотря, конечно, на какие-то житейские, не смотря на какие-то его абсолютно невоспринимаемые там бытовые ситуации и прочее. Милева не... не настолько, так сказать, никакая ни жертва его. И без Эйнштейна, кто бы знал бы эту женщину, это кануло бы в Лету, как и миллион других. А приписывать ей какие-то там... чуть ли не открытие там теории относительности, это все по-моему очень и очень не имеет под собой основания. А вот этот сон Джуринский с Эйнштейном у нас в местечке, это для меня, конечно, просто следствие того, что я вот сейчас читаю на ночь и я каждый день прочитываю по двадцать – тридцать страниц на ночь и таким образом оно у меня просто засело в сознании и ночью вот приснился вот такой сон, приснился вот такой сон. Там много деталей было, но я сразу забыл на утро, когда я встал. А вот сегодня я вот вдруг вспомнил.

***

Второй сон тоже был любопытный такой. Но он тоже взаимосвязан конкретно с моей... с моими ситуациями, с моей простатой. Я в Джурине как бы оказался. Тоже ищу место, где бы я мог облегчить нужду. Но я нигде как-то не могу найти, я захожу как-то, перед каким-то... не знаю, балконом, не балконом, а каким-то местом, которое у нас там такое похожее было. И наконец, я как-то присаживаюсь, но думаю, что надо было бы все-таки где-то еще более удобнее найти, чтобы меня никто не видел. И в это время там с лестнички, перед которой я как бы сижу и там на лестнице сидит папа и

мама. И она под меня подставляет какую-то газету, чтобы я не пачкал пол или землю даже. И мне это очень как бы и стыдно, а с другой стороны, я так как бы и благодарен, что вот о такой заботе, тем более, что это мама и что она жива. И меня это как-то очень радует. То есть, стыд и какая-то радость. Вот такой вот сон, совершено, конечно, фантасмагорический, но в нем есть и много... Потому что когда у нас был, например, Чейн в квартире и он был в туалете и долго не выходил, я выходил в сад и подстилал газету и тоже делал свою нужду там. То есть, это не придумка, это не какая-то... эта жизненная ситуация, которая потом во сне и именно вот таким образом.... Но то, что мне мама помогает и подставляет, в этом есть какой-то, не знаю, хороший видимо какой-то... чувство. Вот такая вот, такие вот сны.

***

Сон не новый, но детали совершенно другие. Я иду по площади какого-то большого города, похоже, что это Харьков. И я начинаю думать:
- Я ведь окончил институт уже и как бы имею право снова придти и закончить и получить диплом.
Здесь ситуация почти частая и я думаю, что:
- Я все-таки попробую, могу даже на первый курс режиссерского факультета снова попробовать.
И вот я попадаю в театральный институт. И там какая-то такая обстановка суматошная, везде студенты, студентки бегают. И я тоже уже как бы подключен и я чувствую, что я как бы в своей атмосфере, но еще вот этого формального, формального шага или последней точки, я как-то не чувствую, поэтому у меня все это как в тревоге и еще не оформленность. И вот я иду по какому-то коридору и выскакивает... и выходит оттуда ректор, такой невысокий человек, лысоватый и говорит мне:
- Илья – как будто он меня знает, я не знаю, и говорит – вот иди и опусти ключ в этот самый... в секретарскую или ректорскую – я не знаю, вот я...
И я чего-то вдруг заортачился и говорю и подумал:
- А почему я должен так делать это?
И как-то выразил это своим, не знаю, мимикой или как-то... Он посмотрел на меня, мол:
- Что ж ты такой непослушный или такой неподдатливый?
И как бы... ну ищет другого студента, чтобы тот отнес вот этот ключ. И я вдруг сообразил, что это вообще, я видно этим самым могу навредить себе. И я бегу за ним и говорю:
- О, да, давайте, давайте, я пойду и отнесу его.
Но он так, как бы смилостивился и отдал мне ключ. И я бегу и не знаю, где

эта ректорская, где секретарская. И вот в такой вот тревоге и как бы и заканчивается сон и я не знаю, куда отнести этот ключ.
Какая здесь ситуация? Ну, ситуация здесь старая. Я когда поступал в театральный институт, я сдал все экзамены, я был моложе всех и сдал все экзамены. И все было уже как будто на мази, но вдруг... сдал неплохо, но вдруг выяснилось, что вначале, они думали, что я украинец, тем более, что я очень хорошо на украинском говорил и читал по-украински.
-И Тычину, вы знаете...
Это было для них, очень для них нормально. И Рудяк Илья, и внешне я тогда, в детстве, хотя именно у меня была очень большая шевелюра, еврейская такая, все-таки может она могла быть и у украинского хлопца. Но когда кто-то видно заглянул, когда уже решался вопрос о поступлении, они увидели, что отчество мое Эзравич было и вот... Короче, и там была какая-то вот такая... Это мне потом рассказал кто-то из них там, близко там... секретарша какая-то. Вообщем, вот это я тогда и не поступил. То есть, получил на руки, что я все экзамены сдал хорошо там и все, но по конкурсу я не прошел. Вот это один момент, который, так сказать, засел и был в обиде я. Это вообще, подсознательно, так сказать, сидит, сидело. А сама вот эта история с ректором, она все-таки взаимосвязана со вчерашним таким разговором с... Тут мой один customer, зубной врач бывший, очень амбициозный, очень не далекий, вообщем, дело не в этом... И очень... с громадным животом, этакий купец, похож на купца в прошлом. Он вывел меня из себя, хотя я был, может быть, излишне... Я никогда себе не позволял вот такого... с ним особенно. Но вдруг что-то во мне заговорило, такое противоядие как бы, какое-то противоречие: почему я должен все время быть с ним каким-то... выслушивать его. Во-первых, он соврал в отношении там цен на книги. И я высказал ему это. Еще отдал ему три доллара, всунул ему:
- Мне не нужны твои деньги.
И это его оскорбило, обидело, хотя он не показал вначале. Он потом все это продумал и вчера, когда я взял трубку там в магазине, он позвонил, он, так сказать, не мог со мной говорить, я думаю, трудно мне сказать, почему. Вообщем, короче, я потом проанализировал и подумал по моей теории, мыслей и отношений, я просто... я же понимал, что он не далек, что в нем нет тонкости и этого всего, и я не должен был даже и показывать своего такого отношения. Это моя была, так сказать, такой вывод. Ну вот может быть вот это с этим ректором, оно как бы таким образом вдруг преобразилось.

***

Второй сон был какой-то очень, как я на каком-то поле, большое поле такое. И какая-то... и огород что ли и надо оросить и полить это самое... И вдруг вот этот шланг, это связано было со шлангом... И мои соседи и мои люди, которые там тоже рядом, это греки. И они как-то или перекрыли воду, или забрали этот шланг. И я в таком... тоже очень нервном как бы возбуждении я говорю:
- Что это за такое? Как они вообще могут? Это же наш огород, наш шланг. Почему они должны были его перекрыть или забрать?
И я говорю:
- Да я им этот фиговый листок с их яиц сорву...
Ну вообщем, короче, ну вот такой очень смешной и в тоже время возбудимый случай, который тоже мог быть взаимосвязан даже вот с этим вчерашним раздумьем о том, что не надо кипятиться и особенно, если ты знаешь, кто перед тобой стоит. Вот такой... такой ход.

***

Господи, господи! Что творится в моем подсознании! Значит, сны, сны, сны, сны. Снился мне такой странный сон. Зима, я в Джурине. И вот иду в сторону кладбища вот крестьянского. И вот когда я подхожу уже к школе и заворачиваю в калитку там, где начинается кладбище, впереди меня идет женщина, такая молодая и катает по снегу, по дорожке ребенка, который просто он запеленатый как-то... Это еще какой-то младенец. И она его просто так катает то рукой, то ногой. И он катится прямо как... как... ну, как бревно такое. Я так с одной стороны, думаю, что может быть это даже хорошо для здоровья или там, я знаю, для закалки ребенка. А с другой стороны, я думаю, что он же носом или этими самыми глазками могут... может себе что-то проколоть или что. И я ей как-то так пытаюсь как-то это внушить, а она говорит:
- Нет, нет, это все хорошо так.
С одной стороны, я не знаю, кто это. А с другой стороны, я чего-то подумал, что это... это самое... Эдика жена, его ребенок. И вот она так его катит и для меня это просто поразительно странно.

***

Потом, потом мне снился.... а, да, потом мне снился очень интересный такой театральный зал. Я сижу в театральном зале... это кинозал, но большой какой-то кинозал. И показывается... и показывается там так... Но я проанализирую первый сон. Дело в том, что Эдика жена Сюзанна, она

безусловно, со своими такими странностями и она все время сама лечится и вот ребенок, не дай бог, у нее тоже вот заболел. У нее несколько раз он падал в такой обморок, закатывал глаза и они поместили его в больницу на несколько дней. Это было... я очень сам был встревожен и спрашивал все время Эдика:
- Как у него? И что у него?
Они, конечно, ничего у него не нашли. И это большие затраты были. И конечно, это очень обидно и жалко: помучили ребенка, сдали все тесты, сделали много там анализов – никакого результата. Все как бы нормально, нормально, но определить, что ж это такое так они и не смогли. Отсюда родился этот сон, что вот как-то она его сама катит вот по... по... по холодному... заснеженной дороге и это может быть, своего рода и лечение или закалка. Не знаю вот, только так я мог бы объяснить.

***

Второй сон тоже имеет любопытную, так сказать, я это потом прокомментирую. Снится мне вот этот кинотеатр этот. Он очень большой. И на экране возникает какая-то там... пейзаж какой-то. Но, но до того как, как бы должен произойти этот... сам показ фильма, из экрана выходят вся живность, как в Ноевом ковчеге. И появляется как бы в самом зале и они идут вот такой... такая как бы струя... волна такая, морская волна их как бы выкатывает и они проходят по всему залу. И мы видим как в зале слоны, бегемоты, какие-то... ну все – все, что только есть в природе, оно как бы движется в самом зале, но не задевает никого. Это такая иллюзия. И я думаю:
- Боже мой, это ж просто небычайно фантасмагорично.
И я сам, и я поднимаюсь как бы со своего кресла и хочу понять это правда или это иллюзия только. И возникает моя тень на экране и какие-то шумы в зале. Значит, это все-таки какая-то иллюзия, но в тоже время, это живые настоящие звери, животные. И вот они идут, идут вот таким сплошным потоком большим. В зале как бы высвечивается такой... такой луч такая как будто море разверзлось и они идут по вот этой линии. И вот такой вот сон. И я, конечно, просто не могу поверить в это. Но самое интересное, конечно, конечно, вариант это было то, что я думаю, что я думаю, что я думаю, что это был... так что-то еще тут интересное... Балалаечник в фойе....

Dreams87 – двойник: 87-Ос.

17-19 января
Меня позвали со двора. Спускаюсь вниз по лестнице в Овчинниковском переулке и попадаю на улицу в Джурине. Дверь в погреб закрыта. Меня продолжают звать оттуда. Пытаюсь открыть дверь, но в это время, в темноте вижу серую красивую кошку. Она возле стены. Вторая рыжая кошка, висит прямо надо мной, на стенке и вытягивается, чтобы зайти вместе со мной в погреб.
В Кремле встречаюсь во дворике с Горбачевым. Он в тужурке грязноватой. Думаю, что вот уже в третий или четвертый раз вижу его в одном и том же у него переодеться или это грязная демократического стиля работа.

20 января
У М.О. в Харькове. Возлежим компанией на кушетках, диванах. Флюиды влюбленности, флирт. Затем я с М.О. одетой в костюм цвета хаки со множеством пуговиц и перепоясанной поясом идем по улочке мимо дома в Джурине.Чувствую, что все смотрят из окон и думают, с какой интересной дамой идет Люсик Рудяк в костюме полковника.
Возле дома Лизы в Джурине сижу на скамейке с девушками. Обнимаемся, балуемся, смеемся.

***

В Роянах идем по улице возле . Мне нужно сдать экзамен в школе.
Говорит, что надо подготовить шпаргалку.

***

Толстая женщина с лицом Сони , нашей по дому, везет меня на машине. Мы должны попасть в Рахны, к . Машина, в которой возят в Америке посылки останавливается на улице.
в возле дома где я снимал угол с Володей Шадриным. Мысходим и оставив у ворот начинаем прощаться. Соня рукой водит по волосам по голове, затем гладит меня по спине. Рука ее открыла зипер ширинки. Она нежно гладит зизи. В это время кто-то появляется на

улице. Мы уходим вперед. Снова в машине. Ведь надо попасть в Рахны. Мы едем по дороге, но я не уверен по той ли, что нам нужна.

21 января

В Одессе у кого-то из знакомых, сидит на тахте, ноги под себя – Володя Высоцкий. Он много пил – теперь отдыхает. Вид его вызывает у меня жалость. Спрашиваю его:

- Володя, может Вам поджарить картошку и селедочку? – Все же надо и закусывать.
- Нет, нет – говорит он, почти не отрывая губ.
- Тогда минеральной может – заискивающе спрашиваю я.
- А разве у вас есть “Боржоми”?
- Конечно, в русских магазинах – все есть.
- Все равно не надо – говорит он мрачно.
- А что делает сейчас Кира Муратова, Володя – спрашиваю я.
- О, Кира пошла вверх. Продала “Цаплю” - новый сценарий и .....
- За сценарий платят всего 6 тысяч – Володя – поправляю я его – А за фильм она может получила и больше – Я очень рад за нее. Она заслужила это давно уже, но лучше позже – чем никогда. Сколько Кире лет теперь?
- К шестидесяти идет.
- Неужели? – И вдруг я ловлю себя на мысли: “А откуда Высоцкий может это знать, когда он сам уже умер”.

22 января

В Джурине, около заводского клуба полно мальчишек взрослых. В местечко должны войти немцы. Выделяется среди них мальчик лет десяти! Он собрал приемник и налаживает его как

- Вот молодец – думаю я – хоть встречай их взрывом и многие погибнут. Затем улица до самой поворота в Рахны – пустеет. Мальчик и некоторые смельчаки залегли возле спуска в местечко. Вся дорога, как на ладони. Появляются немцы – масса солдат – на шоссе. И вдруг вся улица – по ровным квадратам последовательно один за другим взлетает в воздух – притом в один миг. Тишина. Вижу – квадраты заросшие травой.

***

В консерватории Елка. Оля остается там на встречу Нового года.

- Почему? – спрашиваю ее.

- А там будут давать и угощение – отвечает она. Я уже уплатила. Возвращаюсь со школы в Джурине, через речку. Иду мимо огородов. Со мной еще кто-то из наших. Они поспешили вперед, а я еще любуюсь травой, цветочками. Вдруг передо мной возникают пацаны и среди них негры – подростки. Они явно агрессивно настроены. Убегаю огородами. Они за мной. Добежал до речки. Надо прыгнуть далеко, чтобы не упасть в воду. Прыгаю. Еле-еле – достал другой берег. Негры прыгают тоже. Я схватил большой камень-валун и бросаю его на голову первому. Он сваливается в воду. Хватаю еще больший камень. Попадаю им второму в спину – он валится. Еще один перепрыгнул – из последних сил бросаю и в него глыбу, успеваю заметить, что попал прямо в голову и потекла кровь – красная. Убегаю.

***

В светлой комнате в Джурине глажу на столике рубашку. Рядом мама, молодая, улыбающаясся. Я подхожу к ней, обнимаю ее и начинаю ласкать ее. Чувствую, что не могу сдержать в себе напор плоти. Мама целует меня ... и помогает облегчиться.

***

В Джурине, в воскресенье на базаре. Полным-полно , , людей. Проталкиваюсь через толпу и выхожу на шоссе. У нашего дома тоже много крестьянок. Они что-то обменивают: нитки на яйца, сухофрукты. Поднимаюсь наверх к нам в квартиру. Заметил там у стола красивую, короткостриженную американку. Она вся в улыбке. Рядом сидит папа. Она спрашивает его как пишется имя Эзра – он начинает говорить имя русскими звуками. , а она по-английски. Я спелаю ей имя
E Z R A английскими буквами. Папа вмешиается и говорит, что это не так. В комнате находится Нина - она подтверждает, что я прав. Напоминаю американке, что Эзра Паунд – тоже
Она светленькая, легкая и очень кокетливая – эта американка. Начинаю с ней флиртовать. Папа пошел на кухню ставить чайник. Понимаю все, что она говорит – не зря прожил пять лет в Америе – думаю я. Захожу на кухню – там в красивом чайнике закипела вода. Вижу в фарфоровой посуде два куска вареного мяса – подать их на стол или только чай? Только чай будет Решаю я и несу чайник в комнату.

23 января

Собирается обратно в Одессу какой-то знакомый. Распродает вещи, книги, картины. Прихожу к нему. Богатая квартира. Книг не вижу, а на стенках литографии в рамках. На столе пару картин. Американское ремесло. Лежит и кусок хлеба, вырезанный по контуру рычащего тигра – узнаю “Охоту” Делакруа, но и это подделка. В - сервизы, хрусталь – но я к ним безразличен. Хозяева – тени, почти не вижу их. Захожу еще в одну комнату. Там накрыт стол и за ним сидит Дмитрий , небритый в шортах и рубашке с короткими рукавами. Лицо одутловатое. Сажусь за стол. почему-то нет, открываю бутылку и делаю несколько глотков и передаю . Он возмущен, брезгует и требует новой бутылки водки. В принципе он прав – думаю я – но если б он первый отпил из горла я тем более не стал после него пить. Иду к холодильнику. Ищу другую бутылку водки. Там нет, в шкафчиках – тоже. Хозяева заняты покупателями – спросить не у кого.

24 января.
Вся обстановка Одесской квартиры – находится у нас в доме в Джурине. Утром мы вдруг ощутили, что сегодня последний день пребывания в Союзе.
Вечером мы должны отбыть. Надо было бы отдать всю мебель нашим. Попрощаться со всеми. В первую очередь – позвоню Фире, но с другой стороны, все ли мы успеем сделать сегодня. Что делать? Неожиданно приходит Я обрадовался ей. Она согласна все забрать и Соня ее, ей поможет. Я прошу и тете Сарре и маме кое-что тоже отдать.

25 января
Юрий Любимов, я и странный худой человек из предместья в старомодном пиджаке, очень худой – разговариваем о Михоэлсе. Человек стройно рассказывает, как в этом, христианском доме, где мы недавно сидели за столом и мирно беседовали – совершилось злодеяние – был убит такой , такой человек - и - Михоэлс. Он вынимает из пачки старых журналов один и находит статью по этому поводу.
- Это уже написано много после выхода из лагеря – говорит он заикаясь.
“Кто же это такой” - думаю я , мелькает неожиданно – Николай Эрнес. Эрдман”

25 января
Сема и его товарищ сидят в столовой. Я пробираюсь кним, а они уходят в город. Иду за ними и все не Впереди

Наконец я снова в столовой, где Сема и его товарищи сидят возле стенки, за столиком. Но я почему туда не могу дойти. Сижу на противоположной стороне. Рядом с Семиным столом сидят старушки-эмигрантки хохочат. Я слышу, что Сема и его товарищ говорят о новом фильме по роману Наума
- Разве, что-то может быть интересного в нем, если это Наум - редактор журнала - думаю я.

***

Еду в машине с адвокатом Вайсом Биллом. Вдруг дорога полностью разрушается: камни, ямы, шлак. Мы выходим из машины и идем вперед. Передо мной раскрывается фантастическая картина: беспредельный горизонт – пространство громаднейшее – со всех сторон летят в одно направление десятки, сотни самолетов: истребителей, бомбардировщиков слух на дороге, что в пространство Америки вторгся советский самолет: в и величественную картину – небе и думаю: “А где же среди того самолет?”

27 января

В Джурине, встречаю выходящую из дома, возле двора дома – ковыляющего на деревянной ноге За ним идет не то лама, не то удлиненная до ращмеров ламы – коза. Мордочка вытянутая и глаза без ресниц. Тварь крикливая и пугающая.Я стою на балконе нашего дома. Ицык проходит мимо. Лама-коза поравнялась с балконом и голова ее на уровне перил. Мне хочется ее погладить и в то же время боюсь. Они уходят за угол. Я бегу вниз. Теперь уже на городской улице. Оказываюсь на крыше внутреннего дворика. Рядом много ребят. Они смотрят на чудо ламу-козу. Она тянет шею вверх. Ей бросают еду.

***

В саду-винограднике старый грузин -
четыре куста какого-то редкого сорта винограда. Заворачивает их в тряпки и говорит, идите с Богом – Я ничего не видел, не знаю. Идем по улице. Люди смотрят на нас, но никто ничего не спрашивает. Появляется человек верхом на коне.
- Вот он видно нас задержит – думаю я. Мы поровнялись с ним. Он в чалме на голове. Улыбнулся. Лицо страшно знакомое.
- Отар Иоселиани.

28 января.
Приезжаю в школу забрать сына наших хороших знакомых, попросивших меня об этом. Чтобы найти его в классе надо пройти через другой класс. Учительница там, вежливая, пропускает меня, и я входу к другой. Говорю зачем. Она не против, но еще не закончен урок и я могу подождать в коридоре. В коридоре толпа встречающих детей – большинстов эмигрантов. Пришли и родители. Они недовольны, что я сразу не взял сына – они уже должны уезжать.

***

В большом автобусе еду с Олей в порт, а оттуда на пароходе в
Вдруг , что в первом ряду, возле окна сидит Ляля. Как же это
Я же должен буду Ляля смотрит на меня с укором, но молчит.
“Пароход большой – думаю я – и все же можно будет – отлучиться на часок-два и встретиться”

29 января
Я ждал вас ровно двадцать лет
Но понял я за трое суток
Что вы валет без эполет
А ваша дама из обычных проституток.
- Такую эпиграмму я сказал одному знакомому человеку... во сне.

30 января
В светлой комнате с большими окнами и высокой дверью я и Костя сидим на диване и разговариваем. Я накрылся халатом. Появляется неожиданно Флора
. Она я ее видел в последний раз на выпускном вечере в училище. Быстро-быстро что-то лепечет. Костя показывает мне на . Он оказывается не застегнут и мое хозяйство на виду. Флора уловила этот и отворачивается. Я начинаю лихорадочно натягивать трусы, но как всегда в такой момент не могу попасть ногой в проем. Зизи – маленький, посиневший зажат резинкой и Флора именно в этот момент поворачивается. Я закрылся халатом. Она снова
как ни в чем не бывало. А я все думаю: видела она или не видела – мое уснувшее и непривлекательное в таком виде хозяйство.

***

Иду по московской улице, где-то в районе Полянки. На тротуаре несколько парней загородили путь. Толкают друг друга плечами. Стараюсь пройти мимо. Задел кого-то. Извиняюсь и прохожу дальше. Возникает передо мной тот кого я задел. Снова извиняюсь и ухожу. Слышу, как между собой они говорят:
- Все же он плохо извинился.
Меня догоняет парень, начинает толкать плечами. Я убегаю. Он за мной. Хватает меня за руку. Начинает ее выламывать. Я другой рукой ..... бью его по . Он падает. Остальные увидев это, мчатся за мной. Бегу через улицу, по каким-то дворам. Перебегаю на новую улицу. Забегаю в кафе. Там за баром стоит Марина Ковалева. Она бойко разговаривает по-английски с посетителями. Официантки разносят бокалы с пивом. Входят парни, преследовавшие меня. Они подходят к бару, мимо меня не узнали, но потом все же возвращаются. Начинаю убегать в зал. Увидел там миллиционера в красном . Подбегаю к нему. Парни тут же скрылись. “Моя милиция – меня бережет”.

***

Нахожусь у Арика в Нью-Йорке. Сидим в спальне разглядываем слайды. Говорю ему, что Миша звукооператор – просто тюхля – обещал выслать пленку, и до сих пор телится.
- Да – он всегда занят – говорит Арик и уходит через стеклянную дверь. Вижу, как он поднимается по лестницам женщина. Она входит в спальню, но собирается тут же уйти, так как видно не туда попала. Лицо ее мне знакомо. Спрашиваю ее:
- Вы из Одессы? Она просияла:
- Да.
- Значит вы сюда попали. Снимайте одежду и отдыхайте с дороги.
Она обрадовалась гостеприимству, села на диван. Лицо у нее уставшее, рано постаревшее. В волосах много седых прядей. Я подсаживаюсь к ней. На мне наброшен только зеленый халат. Я погладил ее по плечам. Она склонила ко мне голову. Беру ее руку – темную, , потрескавшуюся от работы – давно уже здесь не видел таких натруженных рук – и кладу ее на мое хозяйство. Оно выросло в кочан кукурузы. Она начинает гладить его, целует – начинаю - слышу как подымаются по лестнице шаги. Вижу двое .....одеты ищут 5 номер квартиры. Это должно быть ее тут и брат – думаю я и вскакиваю. Начинаю натягивать трусы, но
Еле-еле одел, затянулся поясом на халате и пошел их встречать.

***

На уроке русского языка в Джуринской школе, влюбленно смотрю на учительницу – длинную как жердь, тонкую и с желтым лицом. Но она для меня красавица – она преподавательница и к тому же русского языка. Вдруг входят в класс две молодые женщины в широких шляпах с большими полями, в бежевых накидках на плечах с распущенными светлыми волосами. Я открыл рот в восхищении. Учительница заметила это и явно заревновала. И я чтобы сгладить впечатление говорю:
- Это же женщины с картины Рембрандта!

1 февраля

Присутствую в зале на репетиции самодеятельного театра. Похоже, что это ..... за Одессой. С энтузиазмом молодые актеры читают со сцены текст. Затем действие со сцены переносится в танцкласс. По ходу пьесы требуется исполнение . Все разбились по парам. Мое внимание привлекли парень и девушка. Они кружатся медленнно, но в ритме – оба с парализованными руками. Лица у них желтые – слоновой кости цвета. Они серьезно стараются. Потом вся группа выстраивается в какую-то нелепую мизансцену и на ходу . Особенно выделяется среди всех юная, стройная, красивая школьница. Голос у нее звонкий и природно поставленный. Я залюбовался ею – неплохо бы ее в студию взять – мелькнуло.

***

Затем я сижу у больницы в Джурине, прямо на дороге среди лопухов. Возле меня чемодан. Вижу через открытую дверь и в окнах дома ..... Театральную молодежь и ту девушку-красавицу. Ее поздравляют с днем рождения. Очень хочется. Раздумываю: хорошо ли будет если я выйду к ним и сделаю как обычно, режиссерский увиденного. Разобью их в пух и праз, похвалю кое-сто, покажу свою , заставлю их всех влюбиться в меня. Но имею ли я право: и не выхожу. ..... и удивить ее. Вынимаю тетрадь из чемодана и сочиняю ей мадригал по всем канонам с неожиданными рифмами и концовкой. Иду к двери. Волнуюсь. В доме весело и юно. Тихо стучу в дверь. Услышала этот стук младшая сестричка именинницы. Она подошла и увидев меня – убежала к сестре и стала шептаться с ней. Та заулыбалась и пошла к выходу. Я исчез.

***

Я на сцене. Рассказываю анекдоты. Зал полон. Впервые вижу женщин в вечерних туалетах. В перерыве или после представления в зале окружен толпой. Целую руки каким-то дамам-профессоршам славянских кафедр.
- А мне почему вы не целуете руку – говорит коротышка в длинном дополу платье. – Это Дина . Она босая. Я ставлю ее на носок своего правого ботинка, поднимаю на ноге и целую в лоб.

2 февраля

Должно быть я приехал в Джурин навестить могилу мамы. Возле колодца, что перед кладбищем возникло высокое здание с белой стеной. Напротив, чуть выше, где улочка ведет к дому Серебрянников, 4-х этажное здание КГБ – это я знаю точно. По центру белой стены большие серп и молот. Они выпуклые и красные. Я сижу в машине с Олей и еще каким-то пожилым человеком из Чикаго. Мы смотрим из окна на стену и не верим своим глазам. Вокруг серпа и молота антисоветские надписи. Что за смельчаки сумели это написать и когда: ночью? Когда КГБисты спали – думаю я - неслыханная дерзость. И ничем их не закрасили – что-то непонятно. Надо убираться с этого места. Вдруг Оля говорит, что у нее заболела нога и она не может нажать даже на стартер. Мы откидываем сиденья и я начинаю массировать ногу, думая, какой все же лопух: вот в такой ситуации надо было сесть за руль и повести машину, а я не умею. Лопух настоящий. Затем я попадаю в само здание КГБ. По воскресеньям – это музей. Слышу разговор в очереди: здесь 400 камер – 100 на каждом этаже. Осмотр начинается с комнаты № 1. Здесь висит план помещений и стоят молодые солдаты с винтовками. И страшно, и не верю, а посмотреть хочется. Брожу по коридорам, лестницам. Никакого музея нет и страшно. Вижу как несколько человек из посетителей направляются в какой-то зал. Захожу и я. За громадным столом, великолепно сервированным, сидят люди. Оказывается в оплату за вход положен и обед. Я опоздал, но мне пододвигают стул с краешку и я беру ветку с виноградом. Пирожные, торты – не в моей диете, а виноград - - я себе позволю. Сколько ж стоил билет, вспоминаю я – кажется 4 доллара. С таким столом – недорого. Все уходят. Я остаюсь один. Доедаю ветку винограда. Слышу как начальник дает команду официантам: “Собирайте все в холодильник. Для следующих посетителей” - отмечаю я про себя. Иду к выходу и попадаю в комнату, уставленную стеллажами. На них полно книг! Глаза разбегаются. За столом сидит симпатичный парень и рисует что-то на картонке. Он с улыбкой встречает меня, как будто я ему знаком. “Может быть – думаю я –

меня такие книжники знают. Правда он здесь за заведующего или как оформитель”.
Начинаю рыться в книгах – шедевр за шедевром попадаются на каждой полке. Догадываюсь, что это библиотека из конфискованных книг у арестованных им во время обысков у подозреваемых. Парень предлагает мне выбрать для , что я хочу, но надо заполнить анкету.
“Ах вот в чем весь “ - понял я. Снова на удачу. Я благодарю его и ухожу.
У в мастерской рассматриваю рисунки. Там же находится беззубый парень из Одессы – юродивый и диссидент. Он привез..... свои работы. Когда он их разложил на столе – оказалось, что это вырезанные по контуру фигуры, орнаменты из “Огонька”.
Тут же находится Арик. Он улыбается и подмигивает.

***

В купе вагона еду с Олей и двое девушек-подружек. Оля сидит на нижней полке и я на нижней, те наверху. С одной из девушек, хохотушкой и симпатягой перебрасываюсь шутками, каламбурю. Оля давно уже крепко заснула. Ночью хохотушка – ее полка над моей – спускает руку – я взял ее в свою- пальцев - она спускается ко мне на полку – ложится рядом. Я вижу, как подружка ее смотрит на нас с верхней полки. Я перевоплощаюсь в подружку и проносятся мысли: и хороша Полина – уже устроилась с режиссером на нижней полке – как она это все может делать – я бы со стыда умерла бы.
Затем снова я – смотрю на Олю – как ни в чем не бывало спит.
Утром мы сидим все внизу на полках, но вместо хохотушки уже дома в Норсбруке слышу, как кто-то подходит к двери. Вспоминаю, что должен прийти Арик с . Я не одет, подбегаю голый и спрашиваю: “Кто там?”. Дверь не заперта и открывается – убегаю в спальню успев заметить, что появился человек в плаще и с ним ребенок рядом парень. Он говорит мне тихо, что рад нашему знакомству. Он таксист в Чикаго и редко получает такое удовольствие от общения с интересным человеком.

3 февраля

В Рахнах, на станции идут товарняки с танками, орудиями. Начлась война. Я – солдат. Проезжаем на машине возле . Будто только одна крестьянка с черным платком перевязанном на лбу в длинной юбке до земли, стоит и провожает нас взглядом.

10 класс. Сдают экзамены, я совсем не готов. Встречаю в коридоре .....
..... Прошу ее сесть рядом со мной, чтобы она помогла по алгебре решить и мой вариант.
- Хорошо, Люсик – говорит она – я помогу. Смотрю на нее с благодарностью, но вижу перед собой Свету Левченко.

Пробираемся с Олей по камням через водные потоки к кинотеатру Одессы. Пытаюсь прыгать с камня на камень в туфлях. Но когда я замочил уже полностью ноги, снимаю туфли и по колено в воде.

Затем во дворе нашего дома, у угольной кучи складываю горкой водотрубы. Выезжает на траке с прицепом Валерий . Он весь в мазуте, изможден. Предлагаю ему пообедать с нами. Он охотно соглашается.
- По дороге захватим и трубы – предлагаю я.
- О, нет, я устал – говорит он.
- А я сам их погружу. Ты только отвези нас в и посидим за столом. Борщ у меня уже сварен.

4 февраля
Иду по шоссе в Джурине. Дошел до парикмахерской Изи . Прямо под ногами английский словарь, без обложки. Поднимаю его и рассматриваю. Из магазина выходят две девушки. Подходят ко мне. Узнаю своих соучениц по 8 классу. Подаю им руку. Они неумело здороваются кончиками пальцев пожимают мою. Они смущены, должно быть моей бородой. Идем по улице мимо дома Лизы . Я рассказываю им о себе. Об Америки ни слова. Я в одессе – режиссер, ставлю фильмы и спектакли. Книжка в руке мешает мне и я как бы между прочим говорю им, чо начал изучать английский и прячу ее в карман пиджака.

Затем я уже один стою в отдалении на горке от дома . На ее крыше обвившись вокруг в несколько колец развивается громаднейших размеров и толщины – змея. Ее голова свисает с крыши и достает до земли. Она ее тянет вверх и она висит над крышей как .....
Хвост мелькает на другой половине. Люди стоят тихо, возле.....
- подальше от беды – и над людьми змея извивается на крыше. Такого устрашающего и завораживающего зрелища я не видел еще в жизни. И вдруг на крыше рядом со змеей возникают уродцы с плоскими большими лапами и короткими туловищами и широкими головами. Тело их обросло темными волосами и лоснится от жира. Они легко останавливаются на

покатой крыше, у самого краешка и как бы висят, но не падают. Тело змеи продолжает извиваться между ними. Люди заворожены и молчат.

Потом я поднимаюсь на горку и иду к дому дяди Эли. Там построена широкая площадь и и дом с колоннами. В нем поноктимум. Я захожу туда и вижу зал в виде длинного хлева со стойлами. Ъаглядываю в них. Там лежат укутанные в одеяла собаки с двумя головами, кошки и жалобно стонут. В одном стойле рядом с собакой – должно быть уже умирающей, лежит прижавшись к ней мальчик. Он плачет. Я выбегаю на площадь. Навстречу мне идет моя студентка из университета. Она спрашивает:
- Вы меня узнали?
- Конечно – отвечаю я. Вы собираюсь туда – спрашиваю ее – и показываю на здание с колоннами.
- Да – говорит она.
- Не надо – это ужасно типично.
Мы подошли к железной ограде. Стоим на площади. Под нами дорога к ..... Дом ..... Смотрю на крышу - змей по-прежнему извивается – никого вокруг и студентка тоже исчезла.

***

Я в Одессе. Думаю к кому бы съездить в гости. Решил к Алле Правда не помню точно на какой остановке сойти 28 трамваем. Иду по водопроводной и недалеко от тюрьмы из ворот какого-то дома выходит Алла. Лицо не , выпуклые губы – широкая в бедрах (должно быть родила - раздалась – столько времени прошло). Она меня сразу узнала и бросилась на шею. Стала обцеловывать.
- Ты не поверишь – говорю я ей, а я шел к тебе.
Неожиданно к нам подходит человек в костюме, берет нас крепко обеих под руку и ведет в здание – рядышком. Я пытаюсь , но он твердо и
..... говорит:
- Вы – свидетель и не смейте вырываться. Я пытаюсь что-то сказать, но нас уже затянули в зал. Там еще несколько человек сидят на скамейке. Человек в костюме берет Аллу в какую-то комнату, а нам приказывает идите – вас вызовут. Я сел на скамейку, никто не разговаривает. Тихо из комнаты выходят и входят работники суда. Проходит много времени, пока не объявляют – свидетели регистрируйтесь у стола. Мимо проходит человек в костюме. Он даже не обратил внимание на меня. Дверь на улицу приоткрыта. Я начинаю думать: никто меня не зарегистрировал до этого фамилии и что я не знают – почему же тихонько не уйти в дверь. Почему

этого не делают другие? Не знаю, а я уйду. Выхожу тихонько на улицу. Сперва иду не спеша к трамвайной остановке. Затем во всю прыть бегу в сторону вокзала. У кладбища, где остановка автобусов – останавливаюсь. На тротуаре стоят двое мужчин. Один из лысый с зачесом от уха, а второй невероятных размеров
..... Он взъерошивает зачес на голове товарища и посмеивается. Тот аккуратно снова укладывает зачес. Широкоплечий начинает рассказывать:
- Можешь представить себе, что при моей силе я не смог удержать отбойный молоток. Он меня потащил по асфальту, пока не отключили свет. И он стал показывать как его тянуло. Я загляделся на него.

***

Я сижу в общежитиии – Эрик живет со мной. Он начинает хныкать, что голоден. Предлагаю ему все что есть нехитрого в тумбочке. Он не хочет. Ничего другого предложить не могу, а в то же время ему надо есть.

***

Выхожу на территорию базара не то Москвы, не то Харькова. У самого входа молочный лоток. Ко мне спиной стоит мужик в сапогах, в фуфайке поверх которой белый - грязный халат. Когда я зажожу к нему с фронта – вижу бородатого, беззубого старика. Он ложкой хлещет ..... молоко из миски и заедает коркой хлеба. Рядом с ним еще мужики. Он им что-то рассказывает с матом. Иду по базару дальше по бетонному ..... в мясной Там на заасфальтированном полу лежит туша мяса. Вокруг нее скачет обрубок человеческого тела с топором в руках и сходу рубит тушу. Ног у обрубка нет только голова в виде ..... с усами и тело до пояса в майке. Пот льет градом с него. Туша мяса как бы крутится, а обрубок с топором вокруг нее. Теперь обрубок отложил топор и фыркнул громко: у носа, глаз, рта – потекла вода с паром. У второго мясного ларька такой же обрубок, но его голова более нормальная, похожая на украинского казака, ... Он точнее попадает топором в тушу мяса. Но прыгает и ползает возле него как и первый. У них должно быть таким делом занимаются такие инвалиды – думаю я.

5 февраля
Нахожусь на киностудии. Беру себе, притом без оплаты большой .....

жареной печенки и котлет. Иду с ними в цех комбинированных съемок. Там много народу. Конец рабочего дня. Молодые парни стоят у павильона и не расходятся. Предлагаю им по куску печенки. Один взял, а у других тоже .....Они молчат и смотрят отрешенно. Проходит несколько парней и девушек. Сережа подходит ко мне и говорит:
- Вы можете завтра прийти на худсовет. Будут смотреть фильм Киры Муратовой.
- Хорошо – говорю я обрадованно и вспоминаю, что я уже давно не работаю на студии и жил в Америке.

6 февраля
На студии торжественный вечер чему-то посвященный. Беру .....
Бориса Соловьева. Говорю ему, что книга его рассказов очень понравилась мне. Давай сядем вместе и поговорим во время доклада. Занимаю в зале два места и на свободное кладу пальто.
Начинаю вспоминать, что книгу рассказов написал то я, почему же комплименты я отдал Борису?

***

В общежитии, в комнату, где я живу с - подселили большую группу заочников. Они завалились шумной компанией. Аба хочет призвать их к порядку. Они агрессивно на него надвигаются. Я начинаю стыдить их – дипломатично, и где надо и с нажимом. Они постепенно охлаждаются. Затем я ищу на вешалке пальто, среди десятка других кажется нашел. Не могу попасть в рукав. Подходит заочник и помогает мне. Вижу, что это чужое пальто, но шарфик на мне мой.

7 февраля
Вначале, как будто, смотрю фильм на широком экране в цехе звукозаписи. Необъятное поле. На нем церемония приведения к власти русского князя в Болгарии. Сотни тысяч людей стоят на поле. Парад войск готовится к началу. К деревянной трибуне напрвляется высокого роста человек – это и есть русский князь. Затем я сам уже нахожусь в толпе. Вижу князя взобравшегося на трибуну. Начинается парад. Во главе идет старый болгарин, увешанный орденами и медалями. Он сутулится и идет неровно, рука дрожит у козырька фуражки. Вот он поровнялся с трибуной.
- Кто же выше – думаю я – князь или болгарин. Князь сходит к нему и обнимает его. Князь выше на голову – определяю я.

Он снова поднимается на трибуну и говорит:
- Наши солдаты, наши Иваны – рев заглушает его слова.

8 февраля
Иду с Маариком по базару в ....
На деревянном столе я вдруг увидел икону в окладе – ну, конечно. Это та самая, о которой объявляли в “Норсбрук стар”. Подбегаю к столу. Старик с бородой улыбается мне. Икона вся засыпана опилками и древней пылью. Начинаю руками сгребать пыль. Немедленно очищается доска и выявляется лик богоматери с ребенком.
- Сразу видно, что вы разбираетесь – говорит мне старик.
- Что вы, что вы – отвечаю ему – я просто любитель и понимаю, что это драгоценность.
В правом углу вырисовываются отдельные квадраты “жития” - сусальное золото блестит на весь базар. – “Здорово!” - думаю я. Он хочет за нее 10.000 долларов – в принципе может и не так много, но у меня их нет, а здесь он ее вряд ли продаст.
- Возьмите мою карточку – говорю я старику – и позвоните. Может я вам найду покупателя.

***

Площадь Маяковского вся перерыта. Я стою с Юликом и смотрим на экскаваторы. Где же памятник “самому талантливому поэту” - неужели решили поставить памятник Пастернаку – думаю я.

***

В одной кровати спим втроем. Марик, Лина жены звукооператора Миши и я. Лина-Таня начинает нежно ластиться ко мне. Я весь .
Она удобно поворачивается ко мне попой подтягивает ноги к подбородку и я вхожу как болт в гайку. Марик храпит. это нехорошо – думаю я . Но ведь это не только мое желание.

***

В синагоге проходит концерт чудесного актера. Он похож не то на Гердта, не то на Маленький, щуплый с глазами, очень .....
смешной и К сожалению в зале мало людей. Я говорю ему после концерта, что в следующий раз придут больше, что о нем уже будут знать. Какие у вас есть еще программы – спрашиваю его. Он начинает

- Знаете, у меня разные идеи: Вы в роли портняжки, жилет, старые брюки, в руках игла с ниткой и деревянный метр. Действие происходит на протянутых толстых канатах под поотлком. Вы – вот вот можете упасть, но держитесь. Он улыбается. Я иду к кассиру забирать деньги. Приношу их ему уже в зал где ребе с узкой бородой стоит у торы. Я отзываю актера и говорю ему, чтобы не слышали:
- Здесь все деньги за год.

9 февраля
Присутствую в палате лордов. Выступает человек в мантии. Неужели это - думаю я – потому, что все этом - связаны с именем .

10 февраля
На студии выступает Френк Синатра. Сою в дверяз – ничего не видно. Все забито. Неожиданно все раступаются. Из зала выходит человек в белой рубашке и подтяжках. Потный - - думаю я.

13 февраля
У нас большое пари. На диване лежат вповалку, на кровати королевской тоже – все отдыхают до начала пира. Затем очередь стоит в туалет. Много знакомых лиц. Среди них , Лариса, Люда, Зорик. жует грушу и советует это сделать всем – это дезинфицирует от всяких болячек говорит она.
- А как их надо .....? – спринцевать или жевать – спрашиваю я.

***

Затем я с Олей спим в большой машине (это похоже на дом на колесах), вернее в кабине трака.Я стягиваю с нее трусы, поднимаю высоко ей ноги, они упираются о верх кабины и вхожу в нее. Обильно ..... Подсознательно понимаю, что запачкаю простынь и хочу сдержаться, но все это происходит в мгновение секунды, когда еще надо всем.

14 февраля
Смотрю на большую фотографию в раме: голова солдата с ..... у козырька в самом нижнем углу, а всю площадь ..... под наклоном занимает гроб-саркофаг. В нем лежит Сталин в маршальской форме. Правая рука засунута за обшлаг френча. Отмечаю про себя, что нос у него не ровный, а получившийся кадр схвачен интересно. Затем я на другой

стороне Москвы-реки, от Кремля – жду похоронную процессию. Все заснеженно.
Дети на коньках , но одетые в летнюю форму забегают в подъезды, чтобы ..... из окон видеть Сталина – так объясняю я себе этот момент. Процессия подвигается очень медленно. Я попадаю на развилку дорог под горкой со всех сторон мчаться на санках, лыжах ..... и .....
- Страшно – думаю я . Почему же они не присутствуют на похоронах. Или они не знают, что он умер. И почему их никто не заставил встать в ряд и ждать пока его пронесут мимо. Но люди весело мчатся по снегу. Затем я попадаю в склеп, где все изо льда и вокруг снег. Прямо на столе из глыбы льда – летают два замороженных голых тела, в них прорублены нос, рот, глаза – притом, как в скульптуре. Но цвет они имеют живого тела. Неужели в них можно узнать тех, кто умер – думаю я. В это время входят двое пожилых людей – он и она. Подходят к трупам и начинают тихо плакать.

15-19 февраля
В ТЮЗе идет репетиция. Боря Соловьев не то режиссер его, не то играет в нем. На сцене сарай. На соломе сидят актеры и ведут они серьезный длинный разговор. Действия почти нет.
- Это же никуда не годится – думаю я. – Надо обо всем этом сказать – все же я гость – и они меня с удовольствием должны послушать. Выхожу из зала, чтобы попасть на сцену. В коридоре встречает меня Суня Шварц. Мы остановились в дверях ведущих на улицу. Они широкие и полуоткрыты. Вдруг прямо над нами начинают кружить голуби необычайных размеров и с цветными как радуга крыльями с бархатным отливом – Они кружатся и влетают в проем двери.
- Какая красота! – обращаюсь я к Суне, а его уже нет рядом.

***

В Перьми – у здания театра – собачий базар. Кажется наступил момент приобрести собаку – думаю я. Нахожу лохматого крупного щенка – как раз для нашего лата в Норсбруке – решаю я.

***

В Джурине, брожу с Верочкой в поисках места для любви. В саду школьном, когда мы пристроились у дерева – появился .... и молча смотрит на нас. Мы убежали и очутились возле домика тети Сарры. Вспоминаю, что она уже давно умерла, а сейчас там как будто живет Суня, прехавший в отпуск. Подхожу к двери. А из нее выходит Суня,

полуголый. На нем прекрасно выглаженные брюки, а в руках он держит ..... и красивую рубашку.
- Вот хорошо! – думаю я – Он уходит, и мы сумеем зайти к нему домой.
Суня уходит в , а я начинаю вспоминать – что кроватей у них ..... было в доме, а узкие деревянные нары.

***

Сижу у окна в кресле напротив Плятта Ростислава. Старик рассказывает, что-то и смешное. Я весь внимание и покорность. Затем в той же обстановке – входит в комнату Фаина Георгиевна Раневская – в шляпе и молодая. Я усаживаюсь в то же кресло и говорю ей:
- Что совсем недавно вот тут же рядом сидел... и хотел уже сказать Плятт, но понял, что это будет не тактично и вывернулся. Один русский актер, который говорил, что надо все же ему возвратиться домой. Ф.Г. – улыбается и вынимает из радикюля пачку сигарет. Закуривает одну – очень длинную и тоненькую.

***

Живу в общежитии дома творчества. У меня отдельная комната. Вдруг обнаруживаю, что на самом верху стенки окно в другую комнату, где слышны девичьи голоса. Становлюсь на табурет и заглядываю туда, - вижу: Много кроватей и на каждой сидит или лежит девушка в рубашках или в лифчиках и трусах. Все равно интересно. Показалось, что меня заметили – соскакиваю на пол и ползу тихо к двери. У двери замечаю .... от туалета. Заглядываю туда над дыркой в доске – сидит студентка. Вижу ее лобок - треугольник чуть заросший блондинистыми волосами. Охватывает волнение. Встретились глазами. – Она заулыбалась и повела рукой по лобку. Я застенялся и стал уползать.

19 февраля

Я приехал из Америки в Джурин. Со мной ящик с радиоаппаратурой и большой полиэтиленовый мешок с одеждой и рукописями. Возле парикмахерской Изи , встречаю Мойшеле, Изиного сына. Он помогает мне нести поклажу. Неожиданно со стороны ..... появляется устрашающих размеров моечная машина, с трубами, на гусеницах и направляется прямо на нас. Мы сбегаем под навес балкона парикмахерской. Машина выпускает на нас десятки струй пенящейся воды. Ящик выпал из рук и поток воды унес его вниз. Я мчусь с мешком из одного угла в другой, а машина поливает все мощней и мощней. Мешок порвался. Листы выпали на землю и мокрые вода тут же их превратила в

месиво и грязь. Хочу заметить лицо водителя, но вижу только темную громадину с трубами.

***

На подводе, возле нарсуда, лежит разбитый на две половины арбуз гигантских размеров. Это из сорта удлиненных. Спрашиваю ...., сколько он хочет за арбуз побитый. 8 долларов – говорит он. Мы такие выбрасываем в мусор – говорит грек - ..... на диване. – Конечно – подтверждаю я. И все же стоит его за 8 долларов купить – думаю я.

20 февраля

Нахожусь уже долгое время в Джурине. Иду от дома дяди Давида к нам домой. На улице ни одного человека. Пустынно, тихо. Клуб закрыт. Вдруг нахлынуло чувство безысходности. Тут нечего больше делать. Сема прав! Местечко – мертво. Поднимаюсь к нам на балкон. Вижу через окно в спальне
запеленатого ребенка на кровати. Вхожу в переднюю. Там гладит пеленки утюгом горбатая, с плоским лицом женщина. “Да, ребенок для нее – спасение в этой жизни – думаю я. Все же кто-то на нее позарился – вариант смердящей и Федора Карамазова”.

Затем у нас же в доме на кухне, которая вдруг расширилась, стала светлее, за деревянным столом вдоль двух окон, сидит Лазарь Моисеевич Каганович и пьет из блюдца – громадного размера, расписанного сценами из эпизодов Отечественной войны – крепкий чай. Я наклоняясь к нему и заговорчески, хитро говорю ему:

- Лазарь Моисеевич, вот мы уже с Вами знакомы и общаемся два года, так?
- Так? – говорит он.
- А вот, как думаете кто-то об этом знает? Я кому-то хотел похвалиться .....
такому знакомству? Никому. – Вот кроме одному человеку – папе. Но это вы сами понимаете – могила.

Он явно подкуплен этой тирадой и довольный улыбается.

В этот же день у нас в доме на стенах висят десятки картин из моей коллекции. Возле одной стены стоит Каганович и его жена в пальто. Слышу, как она ему что-то шепчет. Мне кажется , что она отговаривает его купить картины. Ухожу в другую комнату. Там Таня Львова и еще одна женщина смотрят работы. говорит что-то восторженное. Подхожу к ним и спрашиваю тихо Таню:

- Вы же знаете .....Каганович действительно собирает живопись.

Она делает удивленный вид – и я понимаю, что она не знает кто такой Каганович.

***

В общежитии девушек, похоже канатного завода – стою в всетибюле и наблюдаю за улицей. Далеко видны жилые дома, промышленный пейзаж! На дворе слякотная зима. Появляются в вестибюле несколько девушек, в легких демисезонных пальто. Среди них одна на протезе. Они собираются идти на танцы в какой-то клуб. Может пойти с ними – думаю я. Все же неплохо бы с кем-то провести вечер. Они проходя мимо меня шушукаются и хихикают. Вижу через стеклянную дверь как они идут по пустырю. Девушка на протезе – идет с ними в ногу. Видимо она тоже будет танцевать – мелькает у меня. – Догнать их может все-таки что ли? Однако я остаюсь и вижу, как девушки уже далеко-далеко впереди.

23 февраля

У какого-то американского дома, вдоль всего лата, вместо забора стоят – через определенные промежутки велосипеды. Колеса на них без спиц, а сплошные из серебристой стали. Я с Олей берем по одному велосипеду. Садимся на них и едем по поднимающимся круто вверх холму. Когда мы въезжали на него перед нами громадный с песчаными насыпями луг, за ними лес. Мы мчимся вниз. Там мы начинаем набирать в полиэтиленовые черные мешки – песок. Грузим его на велосипеды и везем их домой.

Затем повторяется эта же картина с некоторыми изменениями. Оля уехала на велосипеде первая. Я беру велосипед поднимаюсь тяжело на холм. Пейзаж немного изменился. Вместо луга, крутой, холмистый спуск к реке. Оли не вижу. Потом вспоминаю, что не захватил мешки и лопату. Недоволен собой и думаю о разгильдяйстве, что никогда не научусь порядку.

25 февраля

В наш дом, в Джурине приходит высокий человек в темном костюме, в шляпе и я чувствую, что он обладает властной силой и покоряюсь его мыслям. Он берет меня и кого-то еще из нашей семьи не то маму, не то Соню под мышки обкручивет возле себя и собирается взлететь с нами. Я очень уверен, что это у него получится.

***

Прихожу в кино, в заодской клуб. Он просторный, светлый, а чтоб попасть в зал надо пройти через два турникета. Я подхожу и билета контролерше. Пока еще зрителей нет. Она говорит: хорошо, что я пришел, а то некому стать на второй контроль. Хлынула толпа. Я разрываю билеты по порядку и отдаю половинку зрителям, а вторую бросаю в урну. Подходит очередь молодого парнишки. Он дает мне старый использованный билет. Я сразу заметил это. Предлагаю ему уйти тих или выйти. Он не хочет уходить. Упрямо молчит.
- Придеться вызвать миллиционера – говорю ему. Это тоже на него не действует. Мне не очень хочется, чтобы вмешивалась милиция, но и идти на попятную тоже не хочется. Думаю: почему же парень не боится. Он как будто ..... Многие просто всовывают в руки по 4 или по 2 рубля. Я беру их, но смотрю на контролершу – делает ли она тоже самое и видит ли она, что я беру. Пытаюсь засунуть деньги в карман, но это удается с трудом: деньги не лезут и падают на пол.

***

В школьном саду, срываю с яблони, на которой были самые вкусные ..... громадную гроздь винограда.Я нагибаю ветку и ломаю ее. Рядом со мной моя соученица Жанна, белобрысая с жиденькими косичками. Отдаю ей виноград. По дорожке, возле школы появляется человек. Мы убегаем. Затем я уже в Одессе, в нашей квартире роюсь в книгах. Входят два человека в костюмах. Один предъявляет мне красную книжечку, раскрыв ее. Я подумал, что стоило бы все же посмотреть что там написано, но он ее быстро закрыл, не представил себя, что кто-то решился бы удостовериться, что она не действительна. Я покорно жду ареста, понимая, что это из-за сорванного винограда в школьном общественном месте.

26 февраля

Летний театр. На скамейках люди. В центральном проходе сидит человек в белом плаще и кепке на громадной голове. Это поэт Друскин. Он собирается читать стихи. Спрашивает меня: “Может снять кепку?” “Зачем – говорю ему – Вы же еврей, и это вместо кипы” - он улыбается и начинает читать. Смотрю на лица. Молодежь, студенты. Красивая девушка – слушает внимательно и вытирает слезу. Слышу как она говорит подружке:
- Он ведь ходить не может...
Там же, но в другой секции, на пощадке лежит тоненькая жгуче-черная девочка. Подходит к нам Осип Бронштейн, в десятилетнем возрасте. Он без штанишек и у него свисают между ног три тоненьких мальчугановых

пениса. Я говорю ему: - Лучше бы вместо трех маленьких и тоненьких один длинный и толстый. Девочка соскакивает с площадки и обвивается вокруг тела Осика. Она просто прилипла к нему, вклеилась в него и ерзает на нем. Я хочу ее оторвать, но это невозмжно. Думаю: “Как рано эти американские Лолиточки – познают секс”. Она, как будто прочитала мои мысли отвечает:
- А я иначе не могу.

27 февраля
Сижу у Марины на Васильевском острове. Она рассказывает мне, как в последний раз к ней приходил Володя Высоцкий. Теперь я уже как будто со стороны вижу все это наяву.
Высоцкий сидит за столом. Марина суетится возле. Накрывает на стол. Они разговаривают, но я ничего не слышу. Отмечаю про себя, что Высоцкий одет в очень прилегающей к телу рубашке, а на ногах высокие сапоги – выше колен. Кожа сапог настолько мягкая, что лежит на ..... как сукно.
- “Все-таки это для того, чтобы казаться выше - думаю я – наполеоновский .....”.
Высоцкий ест мало, но и пьет. Затем он поднимается подходит к Марине целует ее в губы и уходит. Через открытую дверь я вижу, что он спускается вниз по лестницам. Марина подходит ко мне и говорит:
- Вот так он ушел навсегда.

***

Нахожусь у Семы. Какое-то чувство, что я должен куда уехать. Звонят по междугородному.
- Это тебя, Люсик – Руфины родственники – говорит Семен.
Мужской голос говорит мне, что они меня ждут и очень хотят, чтобы я приехал.
- Куда? – спрашиваю я.
Этого он как будто не слышит и продолжает просить, чтобы я приехал.
- У нас тут очень хорошо .....! Снег, лыжи, санки. Вечером – в театр.
- У вас и театр есть. Я могу там за это время и спектакль поставить? – спрашиваю его. Где находится ваш город?
Человек назвает город, но я не могу разобрать по телефону. Вмешивается Семен и говорит, что это ..... в Белоруссии, и тебе нет смысла туда ехать, недо подготовиться к отъезду в Америку.

***

Затем я разговариваю с группой хорошо по зимнему одетых людей. Это дипломаты – советские и американские. Находимся мы в картинной галерее.

28 февраля

В доме культуры, в Джурине за столом директора сидит Изя , в военной форме, но без погон – только что вернувшийся с войны. Я страшно рад ему. Рядом стоит его сестра Доня. Я хочу им сказать, что недавно в Нью-Йорке нашел их фотографии, у их тети…….. ,но меня зовут в зал. Захожу туда. За столом сидит комиссия. Меня усаживают по центру. Я говорю, что часто проанализировав спектакль, что попадали самодеятельный актеры, но представитель райкома говорит, что надо вручить грамоты всем, а потом прямо за сол и показывает в зал. Вижу торты, фрукты, бутылки с вином и водкой.

***

Нахожусь в доме Токарей, на кухне, узкой до того, что надо по ней передвигаться прижимаясь к стенке. На плите что-то варится. Возле плиты находится дочь Токаря. Лицо у нее…… Блох. Я рассказываю ей, чо готовлю книгу о Джурине и страшно рад, что могу сейчас быть у нее и посмотреть старые фотографии из их семейного альбома. Она сомневается есть ли у них – что-о нужное мне, но я говорю ей, мне главное посмотреть их, а там я точно найду нужное. Я протискиваюсь между ней и стеной. Почувствовал ее тело и весь запылал. Она …….. тоже. Платье на ней летнее, легкое и я как будто уже вошел в нее, как вижу в окно, поднимающегося по ступенькам ее отца, ……. Токаря. Я оторвался от нее и продвигаюсь к двери ведущей из кухни в коридор. Но они такие узкие, чо появляется страх: я вдруг не пройду. Еле-еле протискиваюсь через них.

1 марта

На киностудии идет съемка. Звукооператор вынес на площадку микрофоны. Снимаются студийцы, а руководит ими пожилая седая женщина. Возникает спор между звукооператором и мною. Он явно враждебно настроен. Я обижен и ухожу. Меня догоняет девочка, почти оголенная до пояса и говорит мне: “Вы не хотите забрать с собой стулья”.

- Какие стулья – спрашиаю ее.

- А вот эти – и она показывает на старые плетенные кресла на площадке.

“Они неплохо смотрелись бы у нас на патио” - думаю я. Но как же их завести в Норсбрук?

2 марта
Возле дома нашего, со стороны нарсуда, в садике я готовлюсь к экзаменам. Вижу как поднимается по ступеням каменной лестницы доцент кафедры психологии, высушенная в очках Марья Васильевна и наравляется ко мне. Я ведь еще не готов думаю я, а она пришла принимать экзамен. Я припал к земле и ползком начал уходить через кусты, капустные грядки – к выходу на шоссе. Бегу по нему в огород дяди Давида. Бросился на траву и продолжаю ползти по ней за дом. Боюсь оглянуться, но чувствую, что ……. идет ……за мной. Все же ушел.

***

Моя теща Р.М. сидит в совершенно оголенной квартире – оказывается мы меняем ее на другую. Я вижу знакомую ширму с дыркой в центре – и думаю – это для того, чтобы видно было когда за ней переодеваются женщины. А дырка

3 марта
Лежу на матрасе накрыт простыней у самого входа в Дом творчества. Вижу море, …… мост. Солнце теплое. Во двор начинают съезжаться на грузовых машинах, автобусах лююди. Комендантша требует, чтобы я сдал матрас. Она забирает его и уносит в помещение. Люди заходят в зал, а я в плавках не знаю куда деваться. Ухожу в туалет со двора. В женское общежитие – очередь. Вот где можно покайфовать – думаю я…
Вечер окончился и я иду в зал. Ищу мой матрас и белье. Неужели она его выбросила и я теперь не буду иметь где спать. На сцене среди хлама разного вижу в самом низу мою поклажу. Вытягиваю ее и все что над ней валится. Но я все же достаю матрас.
Именно на уровне лобка у женщины нормального роста. Затем я выхожу на лестничную клетку. Из двери напротив выходит американка-еврейка. Она говорит мне, что мы были хорошими соседями, и что мы уезжаем. А я ей говорю:
- Не хотите ли вы купить у нас русские ковры, которые мои тесть и теща привезли из Одессы. Мы заходим в комнату и я ей показываю ковры.

3 марта
Театр. На сцене идет спектакль. Петр Первый и Екатерина в окружении свиты. Я стою в кармане сцены и наблюдаю. Свита желает царю и царице спокойной ночи и удаляется. Петр – громадный остается в белой нижней солдатской сорочке. Екатерина в рубашке с низким вырезом. Вглядываюсь в нее и узнаю Ларису ……. Петр идет к ней с лампой в руках.

Затем он бромает лампу на пол и стекло катится по сцене. Он хватает Ларису за груди и уводит ее в глубину. Я выхожу из-за кулисы и подбираю стекло. Я понимаю, что меня все эмигранты сразу узнают, но не лежать же стеклу на сцене. А с другой стороны пусть видят – что я все же имею отношение к театру.

***

Сижу за столом в виде буквы Т. На узкой стороне Сталин, женщина, похожая на певицу Давыдову, ноя осохзнаю, что это кто-то из моих знакомых. На соле фрукты, еда, бутылки. Лицо Сталина испещеренное глубокими морщинами, но загорелое и не старое. Он начинает рассказывать анекдот с грубыми словами. Женщина прижимает свою ногу к моей. Затем встает и проходит между мной и столом. Чувствую как она вся мягкая, мягкая втиснулась в меня. Сталин пододвигается ко мне и говорит мне на ухо.

-Не могу ведь я охотиться за ней.

Женщина уже удалилась.

- …… как ее зовут? Ты знаешь.
- Кажется ……. или Лилия – говорю я ему.
- Лилия это в Африке – смеется он сатанински – и становится похож на Каддафи.

4 марта

У Ильи …… в мастерской мы остались ночевать. Я сплю ……к с хозяином, а валетом ко мне ……. Лика. Эрик спит отдельно на маленькой раскладушке. Чуствую как моя нога уперлась о Лику. Нежно пальцами ноги ласкаю крутое бедро. Ее нога – на моем ……. Она медленно стягивает трусы за резинку……..что, где-то даже прореха в этих трусах. Я весь пламенею. Трусы сползли. Она старается взять мой кочан между указательным и вторым пальцем. Я возбужден до предела. Она ласкает пальцами мое хозяйство и я ……..на ее ногу. Вдруг вспоминаю, что уже седьмой час утра, а Эрик еще спит. Бужу его и он спросонья не знает где он. Одеваемся …….. и идем по ……. Спуску в школу. Эрик по дороге говорит, что а где его брекфаст. Заходим на базар. Ничего подходящего для еды не находим. Вижу только у одного грузина виноград. Пробую виноградину. Необычайно вкусен и сладок. Эрик согласен, чтобы ему купить его. Спрашиваю продавца: сколько за паунд?

- 10 копеек!

Думаю: очень дешево. Прошу два паунда. При расчете оказывается, что за паунд – грузин имел ввиду – за грамм. А на – 10 долларов. Мне неудобно перед ……. и соглашаюсь все равно.

***

В Джурине, в нашем доме, лежу на диване. Ко мне подсаживается Лена ……., хромоножка, моя соученица по школе. Я отодвигаюсь к стенке и укладываю ее к себе. Она маленькая, щуплая, но чувствительная. С ней еще никто это не проделывал. Думаю о крови. Слышу Олин голос на балконе. Быстро соскакиваю и начинаю одеваться. Лена только поправила платьице и тоже готова. Выхожу с ней на балкон. Говорю Оле – что это моя соученица – она готова работать секретаршей в нашем бизнесе.
- Хорошо – говорит Оля.
Я иду с Леной за дом. Она заметно прихрамывает на одну ногу и когда поднимает здоровую для шага – виднеются ее трусики. Замечаю на них каплю крови.

***

Возле речки встречаю Раю Кобыленскую на велосипеде. Но ездить на нем не может. Помогаю ей; подсаживаю на седло, но в это время крепко, одной рукой, держу за лобок. Она не сопротивляется, ей нравится эта игра. Потом она исчезает. Я иду в кусты посмотреть может она там. Никого не видно. Возвращаюсь, а велосипед лежит на земле и переднее колесо в нем отсутствует.
- Как же я отдам ей поломанный велосипед – думаю я.
Прихожу в дом к……., но живут там Фима Школьник и я страшно обрадовался ему. Сразу спрашиваю о фотографиях для альбома “Прощание с местечком”. Предвкушаю момент, когда буду разглядывать старый ……. их альбом, или заложенные в книжке фотографии. И тут же оказываюсь за домом Ханочки …… Зима. Дети катаются на санках. Я сажусь на зад, подгибаю под него …….. пальто и мчусь по укатанной дороге, легко, быстро до самого низу – ко двору……. Так повторяется несколько раз.
Снова в доме …….На этот раз там были хозяева.
……вынимает
Из печки печеный хлеб. Две большие крупные буханки. Дает одну мне на дорогу. Переламываю ее пополам. По всей кухне запахло ароматно.
- Да такого хлеба в Чикаго я не найду – думаю я.
- И вот еще котлеты – говорит …….. – и подает мне на тарелку горку …….. котлет.

5 марта
В Одессе каранавал или какой-то другой летний веселый праздник. Евгений Леонов и я одеты в яркие клоунский костюмы. Мы заигрываем с женщинами, балуемся за столом с явствами.
Затем наступает ночь. И я начинаю думать, где я буду спать. На квартиру к хозяйке идти поздно, домой у меня нет ключей, роюсь в карманах и нахожу один ключ с заззубринами. – Отчего он – думаю я. Вместо Леонова со мной рядом оказался Савицкий Толя – Он говорит глядя на ключ:
- Это же от нашей комнаты в общежитии. Облегчало.
Во дворе одесского дома папа в белой майке разговаривет с соседями.
- Слышу! – У меня на карьере – все рабочие говорят: “Читали рассказы твоего сына, Эзра, ну и веселенький он”. Откуда у них в.....Новое русское слово” - мелькает у меня, но не удосуживаюсь в этом разобраться.
Мой больной ноготь – наконец сошел – но когда я посмотрел на палец – я ужаснулся: в нем вырублен треугольник мяса. (деревянный треугольник после среза)

***

В Джурине мне сообщают, что Соня Фукс живет в Нью-Йорке и незамужем. Меня это страшно обрадовало и что Нью-Йорк, и что незамужем. Подумал, как только приеду в Америку зайду к ней, останусь. Конечно, ночевать, найду фотографии из нашего детства и...., хотя интересно как она выглядит сегодня.

7 марта
Джурин. Мои соученики. Говорю умные вещи.
- ..... пред. Писать, а умники – играть в шахматы – говорит .....
Иду с ними по шоссе. По правую сторону, возле дяди Давида сидит на скамейке много женщин. У меня в руках полиэтиленовый мешок. Произношу смешную, в образе .....речь о хромосомах....., поверили. Я рассмеялся.
- О сколько женщин собралось – показывает на скамейку кто-то.
- Ах, мне бы туда – я бы катался как сыр в масле.

8 марта
1. В сарае, в Джурине оставили на ночь грилл. Утром прсыпаюсь и вспоминаю.что угли там были горячими еще. Бегу вниз. Вижу .... в грилле. Угли, как будто выветрились. Никакого следа.

10 марта

Одеваю перед зеркалом в светлой комнате военную лейтенантскую форму. Рядом стоит майор, горбоносый с залысинами. Говорю с ним на идиш. В зеркале не мое лицо, а молодого загорелого парня с короткими черными волосами на голове. Я их аккуратно разделяю на пробор.

- Послушайте – обращаюсь я к майору – а этот парень не будет в претензии, что я взял его .....

- Нет – не беспокойся – теперь я совсем не узнаваем.

Мы идем с ним на склад. Человек в майке, достает с полки две пары высоких резиновых сапог и бросает их нам.

- Бери – говорит майор – пригодится на случай дождя.

***

Стою на берегу океана слева, до самого горизонта - высится заснеженная гора. Вода замерзла. На гору взбираются юноши и девушки и тащат за собой на длинной толстой цепи громадные санки. Вот они дошли до самой вершины. Садятся кататься и с криком, гиком катятся вниз. Снег, как из под колес..... сыпится ..... по обе стороны. Сани заскользили по льду и остановились далеко от берега. Теперь на гору поднялся пацан лет 12-ти. Уселся на свои санки с рулем, подложил под себя веревку и пошел вниз. Мчится он уже по проторенной дорожке и так быстро, что я не успеваю следить за ним. Его сани домчались до моих ног.

- Молодец! – говорю ему – ты побил рекорд. Ты проехал еще дальше парней.

11 марта

Возле папиного дома в Джурине, проходит линия трамвая. На улице метель. Я жду у сарайчика. Со стороны шоссе мчится громадина трамвай. Он проскакивает мимо. И на большой скорости катится вниз с горки вдоль дома .....Бегу за ним. Вижу, как со стороны маслобойки разворачивается такой громадный монстр с тремя вагонами. Очень быстро и плавно он лавирует между домами ..... и Винокуров. Кажется, что вот-вот провалится, но нет – вижу уже только хвост уходящий вниз по брусчатке к больнице.

- У маслобойки у них круг для разворота – думаю я.

***

У белой стены, освещенной солнцем стоят две девушки. Одна блондинка с пунцовыми красиво очерченными губками. Вторая смуглая. Она прощается с блондинкой и целует ее прямо в губы. Целует долго, прерывается и снова

припадает к губам. Блондинка, мне кажется со стороны, не очень рада, но не препятствует. Наконец последний поцелуй и они расходятся. Блондинка вдоль дома, а смуглая в мою сторону. Я лишь теперь замечаю, что у нее одна нога обута в протез. Смотрю ей вслед, но она не оглянулась.

12 марта
Марик дал мне пользоваться своим стереофоническим комбайном. Я поставил его возле конюшни, за нашим домом и готовлюсь слушать музыку. Суня ..... мне помогает. Я ищу пластинку с танго. Вдруг вижу, что Суня сел на проигрыватель. Кричу: - Как ты смел, это же не мой. Ты хочешь его испортить. Он встал. Я поставил пластинку с танго. Звучит на весь двор музыка.

13 марта
Ищу мою чашку, в которой выгреваю палец от нарыва. Вспомнил, что Оля мыла на ночь посуду. В умывальнике чисто, в дишвошере – пусто. Иду в ванную. Не успев открыть дверцу – вижу в ванной, полной воды плавают ..... чашки, стаканы. А в моей, именно, чашке, она прозрачная, лежит кусок ..... Над ванной множество мелких труб, в сочетании – составляющие целый агрегат. Неожиданно моя чашка переворачивается и желтый кусок ..... плавно выскальзывает из нее уплывает по поверхности. Надо его ..... отсюда – думаю я. Начинаю той же чашкой, не начинать же другую новую посуду, вылавлиать ..... Но вода
.........., несмотря на прозрачность, тяжелая, густая. Неужели это ..... вода, для атомных реакторов – думаю я?

17 марта
У плиты на нашей кухне стоит Белла Ахмадулина. Она греет на комфорке воду или молоко. Она смотрит на кастрюльку, как бы помогая скорее вскипятиться жидкости. Я подхожу к ней. Отмечаю еще раз про себя складки на шее, вокруг рта, глаз. Думаю:....., но но все же женственна и обаятельна.
Потом я вижу, что она не выключила плиту и кастрюлька .....**.....** все время не грелась.

18 марта
Не то ..... Титова, не то ..... Моисеевна устраивает выставку картин умершего известного художника, их бывшего супруга. Я как друг, помогаю им. В зале, вернее большой комнате в квартире, много народу.

Среди них Коробовы и Белла..... держит в руках холсты и приглашает всех к себе – мол, у них – рядом с этой квартирой – тоже выставка. Белла ..... открывают двери и ведут за собой людей. Я обращаюсь ко всем со страстной, полной сарказма и хохм речью. Все остаются здесь.....счастлива и обнимает меня. А сейчас, как раз – время, думаю я и почитать им свои рассказы. Приходят еще люди. С одной парой пришли две девочки. Одеты они в рейтузы и платьица. Одна из них все время вертит худенькой попкой – очень ритмично и ловко.

20 марта

Пробираюсь через холмистый луг с миловидной женщиной. Идем долго. Я держу ее за руку. Наконец мы приходим домой. Она угощает меня вкусными сладкими коржиками. Приходит ее муж, уставший, подозрительный. Она растилает постель. Мы ложимся спать. Я замер, делаю вид, что заснул. По настоящему заснул муж. Чувствую, как рука ее ищет мой кочан. Она стала его нежно гладить. Я горю. Моя рука очутилась под ее ягодицами, она легко приподнимает зад и я вхожу в райские кущи. Ворочается муж. Я .....
снова. Он просыпаясь говорит:

- Неужели его надо было укладывать с нами.
- Тише! - говорит она ему – Ты разбудишь его – а сама не перестает гладить кочан. Затем мы все .....одевется в ..... тройку, а поверх пиджака набрасывает еще один, более свободный. Я присматриаюсь к нему. Он выглядит довольно красиво, даже очень. ..... с седым ..... Почему же она предпочла меня ему. Может он плох в постели или приелся – думаю я.

Я ухожу от них, по той же холмистой дороге. Попадаю в здание с большими окнами и множеством комнат. В одной на столе лежит громадный чемодан. Открываю его В нем находятся несколько красивых досок – для игры в карты. Я не успеваю застегнуть змейку чемодана обратно, как слышу голоса людей направляющихся в комнату. Входит высокий военный чин со свитой. Они проходят мимо меня, на дверях остается стоять постовой.

- Как уйти .....отсюда – думаю я. Мимо проходят военные. Слышу разговор о таможенных делах. Пытаюсь остановить одного, он машет рукой. Постового уже давно нет на дверях. Я выхожу. Схожу по каменной широкой лестнице. Внизу на скамейке сидит.....
- Ну что – спрашивает он.
- Что вы там делали? –
- Я хотел попросить у них разрешение на съемку в зале – говорю я ему.

21 марта

Сначала я попадаю в одессу на книжный базар. Но среди столиков с книгами вижу протектор на батарейках для вытягивания воды из бейсмента. Только вчера видел такой на рекламе. Спрашиваю товарища пришедшего со мной базар:

- А наша труба сюда подойдет?

- В Америке – все стандартизировано – должна подойти.

Я прошу девушку показать аппарат. Она улыбается во всю и приносит мне коробку.

- Сколько он стоит? – спрашиваю ее.

- ..... – говорит она продолжая улыбаться.

Я открываю коробку, а там наш старый .....

***

Затем у дяди Давида в Джурине. Они все уезжают не то на свадьбу, не то на день рождения к кому-то. Просят меня остаться дома. Я обхожу хозяйство – закрываю курятник возле туалета и ухожу по улице в шумный город. Встречаю по дороге веселящихся людей, парней, девиц. В одном из переулков вижу мою студентку, школьницу, красотку. Возникает мысль о ..... с ней. Навстречу идут еще две ее подружки. Можно и их пригласить. Предлагаю им всем пойти к дяде Давиду, там никого нет, потанцевать, выпить вино, послушать музыку. У одной из подружек, русоголовой пышечки – загорелись глаза. Они нашу ..... , посмеялись и согласились.

- Я пойду вперед, а вы пойдете за мной – наказываю им в предчувствии приятных моментов. Захожу в дом дяди Давида ..... В кухне протекает вода с крыши. окрыт, раскардаш. Неужели ..... Воды, пока я гулял по городу. Могли ..... все фотографии собранные мною за долгие годы. Бегу в спальню. Там сидит на горшке маленькая девочка. Нежная струйка ударяет об эмалированную стенку. Сразу забыл зачем пришел.

22 марта

В мединституте в Одессе прихожу к зубному. Миловидная женщина, которая мне нравится, усаживает меня в кресло у стены. Затягиает ширму на всю комнату. Стало сумрачно и интимно. Она подходит ко мне и нежно

целует в губы. Отрывается, смотрит на кочан с улыбкой. Рот у нее пухлый, влажный.

23 марта

Брожу по зимнему Джурину. Пусто. Ни одного человека. Возле дедушкиного домика – сугробы. Надо достать ..... самому отснять все объекты, успеть сходить на кладбище – попрощаться с могилой мамы и уехать обратно в Америку – думаю я.

***

В клубе на сцене и в зале идет сьемка фильма. Режиссер, группа – суетятся, готовятся к новому кадру. Я сижу с ..... среди джуринских моих знакомых и наблюдаю. Видим на экране крупным планом знакомого актера. Он напомаживает долго усы. Вот он преобразился и камера отъезжает и мы видим ..... в образе начальника за столом в кабинете.

- Неплохое начало – говорю я Сереже. Он соглашается. Затем долго и нудно идет какой-то производственный разговор.
- Все загублено – говорит Сережа.

В зале появляется рыжая молодая актриса. Она вся в веснушках и на лице пушок, но это ее даже красит. Она ..... подросток-девчонка. Она напялила на головку ушанку. Ее обступили наши ребята – мои одноклассники. Среди них вижу Соню Фукс..... и с радостью говорю ей:

- Как хорошо, что я тебя наконец встретил. Мне Рая..... дала твой ..... телефон и я думал позвонить в очередной мой приезд. Она смущена и не говорит ни слова. Замечаю, что Соня ничуть не изменилась с того дня, как я ее видел лет тридцать пять тому назад. В зале движение. Нас разъединили. Я оказался без одежды в одних трусах. Начинаю искать свое твидовое пальто среди груды одежды. Не могу найти. Выходу из зала в комнатку. Там стоит Соня тоже в одних трусиках. По линии груди у нее белая полоска от загара. А лифчика нет. Она не стесняется этого – как и положено девочкам такого возраста – думаю я. Хочу все же найти мое пальто. Бегаю по клубу, но найти не могу. Остаюсь один. Соня исчезла.

***

В Норсбрукском доме у нас в бейсменте спит ..... и еще кто-то из студийцев. Спят и на кухне и ливингрумме, как будто вся студия

..... у меня дома. Начинаю вспоминать: курит ли Сережа? Если да, то недалеко до пожара – внизу тысячи книг.
Как будто мои мысли передались ему и я слышу, как он поднимается вверх по лестнице – неужели уже горит – мелькает у меня. Сережа входит в кухню.
- И.Э. – кофейку бы – спрашивает он.
Вспоминаю, что никогда не видел его курящим.

***

..... в военной форме показывает мне отпечатанный на машинке и разграфленный на колонки список.....обкома партии 1941 года.
- Смотри – говорит он – сколько было тогда еврейских фамилий: ....., Серебрянный, Фишман – читаю я.
- Мне удалось спасти этот список – говорит он – молодой с прической на лоб. У меня вопрос – интересно было бы узнать, что сталось с этими людьми – подумал я.
- Кого растреляли, кто погиб, кто остался в живых.

24 марта
В Джурине мрачный день. Скорее даже – бесцветный. Возле парикмахерской Арна проносят на носилках человека с длинной, седой бородой. Долго еще вижу его и двух человек уходящих в сторону синагоги. Затем я в Израиле. Похоже, что у Стены Плача, но я ее не вижу, а только людей группами стоящих, или идущих навстречу. Как будто и знакомые лица, но ни с кем не разговариваю. Вдруг вижу на носилках человека с длинной, седой бородой. Лицо у него розовое. Его уносят вперед.
А я уже сижу в доме Нехама Лифшица. Окно выходит на громадное поле Холламы. Там пасутся тысячи овец - ....., густошерстных. Нехама уловила мой взгляд и говорит:
- Это ..... вывел новый вид овцы и теперь они расплодились настолко, что не знают, что с ними делать. У меня возникает ассоциация – люди – овцы, но расшифровать ее нет желания.

***

Иду по парку, вдоль спускающейся по склону дорожке. Похоже что ведет к ....., но моря не видно. Меня приглашают люди в ермолках с рыжими бородами – зайти к ним в синагогу – и показывают в сторону шахматно-шашечной веранды. Я отказываюсь, но кричит, что иду в свою синагогу. Спускаюсь до самого низу. Никого нет. Пусто. Тревожно. (Происходят какие-то события, которые на запомнил).

Затем я оказываюсь в кузове машины. Там сидит человек в немецкой форме. Лицо у него знакомое. Наконец вспомнил. Это - ..... в молодости. Бросаюсь на него и начинаю сдавливать ему горло. Он не очень сопротивляется. И я все больше – и больше наклоняю его голову над бортом и выбрасываю его вниз.

25 марта

Снова в Джурине, в пустой квартире дяди Давида. Стою на каменной лестнице, примыкающей к дому. По шоссе от школы идут две женщины - эмигрантки. Одна из них очень знакома мне. Она показывает своей спутнице на меня и я слышу:

- Это Рудяк!

Они кивают мне. Я отвечаю наклоном головы. Смотрю им вслед. Они уходят в переулок возле бывшей редакции. Через какое-то время я слышу оттуда тревожные гудки кораблей. Бегу в переулок. Там, где располагался базарчик плещет океан. Большой корабль стоит прямо у берега. Мне никто не сообщает, но я знаю, что несколько человек смыло волной с палубы в грязь и холодную воду и среди них мою знакомую – актрису. Прямо у дома.....

Одевают на крепкого широкоплечего мужчину водолазный костюм. Мужчина вызывает у меня уверенность, что он найдет эту женщину. В это время вытаскивают из воды мужчину – похожего на моего соседа, школьного учителя .....К нему припадает врач в белом халате и выкачивает из него струями воду. Похоже, что это съемки фильма – думаю я. А человек похожий на ..... действительно нахлебался воды – для реальности – А откачать его – для американцев не проблема. Водолаз возвратился из воды. Он держит в руках пальто актрисы. Неужели не нашел ее самую – кошмар какой – тревожусь я. Водолаз разложил пальто на песке, застегнул на все пуговицы и поправил рукава. Отошел и стал, как перед покойником. Значит “погибла” - думаю я.

***

Тоже у океана, но в Нью-Йорке. Я в неудобной позе сижу на заднем сидении в машине и достаю из..... куски льда. На переднем сидении мужчина – американец. – Лед выскользнул из рук и падает на плечи мужчины.

- Я извиняюсь – говорю ему я –

- Ничего, ничего – отвечает он с недовольством, но не двигается с места. Наконец я достал все куски льда и выхожу из машины. Меня останавливает

женщина, хозяйка – машины – Это Таня – жена Эрика из Ленинграда – Рядом с ней две дочери.
- Вы не знаете если мы выйдем по этой дороге мы ..... городок .....
Нам надо там остановиться на время – спрашивает она меня.
- Кажется да – говорю я ей. Извините, я должен отнеси лед моему сыну. Он отравился .....
- О, да лед сразу снимет все – здесь такие продукты, что не оставляет даже следа на одежде.
Бегу к Оле с Эриком. Вижу их у воды. ..... держит его голову к себе.

26 марта
Встречаю во дворе училища группу студенток – библиотечниц. Я у них когда-то, еще до отъезда читал эстетику. Они меня увидели. Сгрудились в кружок. О чем-то шепчутся. Сравнялся с ними. Они обступили меня полукругом. И неожиданно все разом, плача стали обнимать, повисли на мне, целуют.
- Мы вас не забыли И.Э. До сих пор помним. А эта б.... – Света – выругалась
Одна – я всегда подозревал, что курит и ...., что все надо вычеркнуть из памяти. Я сам растерялся и все поглядываю по сторонам нет ли кого из посторонних.

***

Затем тот же двор превратился в аудиторию на воздухе. За столом сидит седой мужчина – духовник и рассказывает студентам духовно- ..... о своих поездках. Каждый сидит за отдельной партой. Много инструментов вокруг. Перебивают учителя, не слушают его. Все действие переносится на одного заносчивого студента. Его задевают, пускают шпильки и уходят все оставив одного. Он садится за старый перекрашенный рояль и начинает импровизировать. Должен признаться совсем не так плохо, так что еще неизвестно правы ли все, а он виноват.

***

Уходя из двора я захватил с собой две маленькие колонки для усиления звука. Хожу по бульвару и не знаю что с ними делать. Наконец принес их к подъезду дома ..... и оставил. Кто-то подберет – думаю я – а мне они в Чикаго совсем не нужны.

***

В библиотеке училища, заставленной кроме книг и посудой и керогазами встречаю …..... Вит. Ив. Он выглядит моложе, чем я его помню. Рассказывает о новом спектакле. Я невпопад отзываюсь о пьесе. Я не читал ее. Вит. Ив. уловил это. Затем он с ехидцей говорит о Ненси Рейган. – Это явно выпад в мой адрес – понимаю я – и начинаю ее защищать – защищая этим самого и себя.
Глядя на керогаз – я вдруг вспомнил, что когда-то будучи .... Разогревал на нем кастрюлю с борщем перелил ее на лицо – отсюда и помолодел - ....

***

Иду по узкой улице. Похоже, что в .....Впереди меня лоток по починке часов. Там сидит знакомый эмигр. часовщик. Рядом с ним кто-то еще из .....-Парка. Направляюсь к ним. Слышу их разговор:
- Это кажется Рудяк!
- Нет – у Рудяка плечи намного шире и он выше ростом. Я подтянулся и вдруг заметил, что совсем голый – в чем мать родила – Прикрываю руками хозяйство и стою в растерянности. Часовщик достает откуда-то старые шорты и дает мне. Шорты явно .....
- Я брезгую одевать их на голое тело. Он заметил это и дает мне длинную такую майку.
- Это хорошо – я ее пропущу между ног – чтобы шорты не прикасались вплотную к хозяйству – думаю я.

27 марта

Оля укладывает Эрика спать. Уже очень поздно. Она долго возится с ним. Слышу их голоса, смех. Я жду ее в постели. Наконец она приходит. Приносит с собой миску с мукой. Высыпает ее на пол и готовится раскатать на нем тесто.
“Нашла где и когда” - думаю я.

***

Эмигрантское парти. Среди многих выделяю двух молодых женщин. Одна небольшого роста, русоволосая, должно быть коренная москвичка – чистый выговор, а другая смуглая даже длиноносая, но привлекательная. Разговор в разнобой. Я выхожу в коридор, оттуда на балкон. Передо мной шумная площадь. За ней горы и сакля на сакля. Я в Абхазии. Сразу чувствуется

другой пейзаж, другой аромат. В центре площади – помост. На нем выступают певцы. Музыка и ритм западный. По улице ведущей от площади, у аптеки стоят абхазцы в овечьих накидках – старые с пергаментными лицами.
Спускаюсь по лестнице вниз. На уровне второго этажа меня догоняют молодые парни и среди них Марк Ройтман. В фуражке-аэродроме на голове – худой, высокий и без очков. Я ожидаю, что он бросится на меня, ведь мы не виделись уже давно, но он как-то небрежно кивнул мне и побежал на площадь. Я очень огорчен и поднимаюсь обратно в комнату. Там уже сидят Оля с Эриком и только одна женщина – длиноносая и ее мама. Мама спрашивает Эрика показывая на портрет Ленина:
- Ты знаешь кто это такой?
- Володя – говорит Эрик.
- Надо говорить – Владимир Ильич.
- Владимир Ильич – повторяет Эрик смущаясь.
Затем возникает в комнате небольшая эстрада и на ней стоит девочка – копия длиноносой женщины. Бабушка садится за фортепьяно и девочка начинает петь. Голосок у нее чудный, чистый – даже уже взрослый. Длиноносая – она сидит рядом со мной. Вдруг наклонилась и улеглась на колени ко мне. Начинает массировать себе сердце. Грудь у нее вялая – и вижу как под кофточкой – она расплывается в желе. Затем она берет мою руку и начинает ею водить по груди. Это не вызывает у меня никаких эротических позывов, а только неудобство перед Олей и Эриком.

28 марта
День рождения Ляли
Нахожусь в Кремле. В фойе большого зала. Там открывается дверь. Возле нее кроме меня много других людей. Стоит человек, с квадратным подбородком в кителе без погон – это комендант. Слышу голос Сталина из зала:
- Вот в первом ряду сыдыт скромная женщина Этель Ароновна. А она настоящая героиня. Встаньте Этель Ароновна. Овация.
У меня возникают мысли! Голос у него все же старый. Правда ему и за 70. А вот, то что он назвал Этель Ароновну еврейку, героиней – ему нужно, чтобы оправдать себя, что не антисемит. И что будет ..... завтра: все газеты, журналы поднимут на щит эту Этель Ароновну..... что я же вижу
.....

***

Затем в том же Кремле группа людей и я среди них сидим за длинным столом.
Комендант рассказывает что-то и ..... (Это о Сталине)
- Он уже доживает последние дни. Его можно было бы даже и убить, но этого уже не нужно.
- Который час? – спрашивает он вдруг. Я вынимаю из кармана часы американские, он заметил их, протянул руку. Я отдал их. Затем я спускаюсь по лестнице. Наверху идут две женщины – эмигрантки. Спрашивают меня:
- Вы не знаете где можно найти коменданта. Я веду их наверх. В фойе никого нет. Вдруг открывается дверца в стенке и оттуда выходит комендант. Это его каморка.
- Я забыл свои часы у вас – говорю ему. Он вынимает их из френча и отдает мне.

29 марта
Мы в ресторане. Я с Олей заказываем еду. Когда мы уже пообедали к нам подсел знакомый из ЭМИ.
- Я люблю этот испанский ресторан – говорит он.
- А разве это испанский – спрашиваю я.
- Конечно – говорит он усаживаясь за стол. Мы идем к кассе расплачиваться. Там сидит Галя ..... Оля дает 2 доллара и 10 центов – точно по прейскуранту. Я не ожидал такого расчета и ..... два доллара – это за меня – Мы в ресторанах расплачиваемся отдельно – шучу я. Галя довольна.
- Пойдемте я вам покажу – небольшой зальчик – говорит она. Я с ней ухожу по коридору. Входим в зальчик там небольшая сцена. Зазвучала музыка фламенко. Я стал шутя щелкать пальцами и подтанцовывать, но обнаруживаю, что я только в трусах. И когда Галя оглянулась на меня они поднялись .....

***

В Джурине, около нашего дома толпа людей. Они только вышли из дома ..... в Одессе, где происходит какой-то семинар культпросвет-работников. Среди них ..... – организатор сеимнара. Я подхожу и говорю, что неплохо было бы организовать лекцию “Духовные гиганты России”.
- Я уже ее видела – говорит стоящая рядом с ним, в..... Анжелы Дэвис Генриетта из JCC. Почему там так звучит “Р” – картаво.
- Должно быть запись искажена – говорю я. Они растворились среди толпы.
- Суки – думаю я – в чьих руках организация культуры находится.

***

Затем я поднимаюсь по лестнице в дом . На балконе меня встречают два ..... Один совсем крохотный, другой побольше. Трутся у ног, голодные. Выношу им из кухни кусок жира от курицы. Кладу на тарелочку возле двери. Лишь теперь замечаю, что дверь вся в дырах. Закрываю ее. Вижу через дыру, как маленькая кошечка все ловчее и схватила кусок жира и жует его. Надо все же починить двери - ..... у меня есть в гараже материал и электропила.

***

На киностудии просмотр новых работ. Покажут ли мой фильм – думаю я. Подхожу к ..... за поддержкой. Он смотрит на меня отчуждено. Значит, не покажут .....

***

Не пошел в школу. Держу под мышкой альбом, серый большой и иду к .....Вдруг слышу как по улочке идущей к почте движется автобус. Так и есть – это желтый школьный автобус. В одном и за ..... Замечаю Ханочку ....Они меня тоже увидели. Автобус остановился. Из него вышла Поля и Рая..... Они побежали ко мне. – Давай садись, а то ты не попадешь в школу. Я говорю им, что в ..... просмотр советских фильмов – у меня есть приглашение и я хочу пойти туда. Приглашаю их тоже. Они остаются со мной. Просматриваем программу показа. Надо пойти на “Зло” - хорошая картина я слышал. А “Двое в песках” - это старый фильм “Сорок первый” - просто дали другое название более привлекательное – объясняю я. Начало первого фильма в 3:30, а сейча два. Я возьму ..... и мы успеем – говорю им. А сам думаю, хорошо, что у меня есть 15 долларов – и я с удовольствием расплачусь за .....

30 марта

В школьном саду в Джурине стоят столики. За ними сидят банковские работники. Оля с Мариком держат в руках чековые книжки. Молодой парень – советует им что-то новое и выгодное. Все же важно еще попался на порядочного знающего работника – думаю я. Этот явно такой и может помочь правильно вложить деньги.

31 марта
Я попадаю в дом моей сокурсницы по училищу. Она круглолицая, светлая и непривлекательная. Сейчас она выходит замуж за Колю Степанова моего студента. Я рассказываю ей о моем замысле – об Одессе и прошу ее посмотреть альбом с фотографиями. Она вынимает пакетик с маленькими паспортными снимками и другой – фотографиями разных размеров. На одной я вижу себя, Лору Ляхову и “невесту” сидящими на низком заборе и среди нас, очень ясно, как на ладони – панорама – Одессы и порт и Воронцовский дворец – Потемкинская лестница и Пересыпь у берега. Должно быть снимал кто-то из ребят – аппаратом ..... думаю я.

1 апреля
На балконе Джуринского дома медленно едет на меня громадный трак. Я стою уже у узкой перекладины – машу рукой водителю – остановись. Трак затомозил. Я поставил ногу перед колесом. Озорной парень машет и мне: отойди, мол, я все равно поеду. Мне не верится – ведь он грохнет вниз – но опускает тормоз и машина пошла вперед. Я успел отскочить, а трак свалился вниз, перевернулся у дома Бурыха Антоновича – стал на колеса и парень как ни в чем не бывало вышел целехонький из кабины. Я кричу ему сверху, что он поломал балкон – я записываю его номер машины или он должен заплатить за поломку. Ищу карандаш или ручку. Он подходит и самое странное – перила почти не тронуты и только выскочили пружинки соединяющие доски. – Возьми четыре рубля и купишь эти пружинки – говорит парень – к нему подходит его напарник, он оказывается отъехал за машиной и я его не видел.
- Дай ему два еще два доллара – говорит он – ты выиграл пари.

***

Возле той самой машины, что съехала с балкона, разбросанны на земле кипы книг. Я начинаю рыться в них. Есть редкие книги.
- Я вижу тематика книг – философия и эстетика – говорю я .....
- Да, я собрал книги по философии и эстетике.
- Странно – думаю я – на него совсем не похоже. Значит никогда не надо делать преждевременных выводов.

3 апреля

Выхожу рано утром на бекярд. Все там покрыто инеем, точнее изморозью. У соседа, учителя ..... – засажен огород и вышли буряки, капуста, высокие стебли гороха и огурцов. Когда же он успел, а мы даже и думали еще. Но может это и к лучшему – сегодняшний мороз может все уничтожить, а мы подождем тепла и все засадим.

4 апреля
Джурин оккупирован немцами. Пробираюсь от Ханочки к дому. На лестничках у сберкассы стоят и сидят солдаты, молодые парни в советской форме. Во дворе начальника милиции тоже солдаты. Воздух прозрачный, серебристый, состояние, как перед грозой. “Неужели они идут пока я поднимусь по лестницам на балкон, и тогда лишь выстрелят”. Прямо у перил стоит красивое старинное кресло. “Не ..... всю” - отмечаю про себя и осторожно обхожу его. Иду по лестницам медленно, чобы не показать страх, хотя дрожу. - Это как с драчливой собакой – мелькает у меня. Наконец я дома. Мама полулежит у печки. Она бледная. Говорит мне:
- Проживу я еще года три.

8 апреля
Прихожу в новое здание общежития училища. В коридоре, как в некоторых помещениях сидят дежурные. Я думаю прямо пройти в комнаты не останавлиаясь возле них. Одна меня заметила и спрашиает к кому я.
- Я хочу увидеть своих студентов – говорю я.
- О, пожалуйста – отвечает одна из них – проходите. Захожу в просторную комнату. Необычайно чистую и убранную. Мои студенты сидят на полу. Выделяю среди всех Марину Она в красивом спортивном костюме. Они не обрадовались, не удивились, как будто я не узнал. Но чувствую сдержанность. Затем я стою с несколькими студентами в Джурине на шоссе. Я собираюсь проводить учительницу немецкого языка. Она уже пошла вниз к больнице. Один из студентов говорит мне:
- Вы знаете, что у нее повесился муж недавно.
- Нет, я не знал этого.

9 апреля
Идет съемка фильма. Это картина Левина Василия Николаевича. Он сам в ней играет и роль. На съемочной площадке я сижу с Семой и кажется .....
тоже присутствует. Комментирую Семе происходящее.

- Левин – плохой актер. Видишь, как он весь напыщен и зажат. Снимается он в том же самом костюме – кремовом – с хлястиком на спине, что и год назад в другом фильме. Затем вдруг действие переносится в другой павильон. Из двери появляется красавица женщина. Яркое платье и лицо ангельское. Она становится у колонны улыбается белоснежными зубами, а затем снимает жечужное ожерелье с шеи и показывает в камеру. Параллель – банальная – но женщина такая – и притом очень знакомое лицо. Долго вспоминаю ... конечно это Ляля .....
Вот здорово! Я все же сумею ее поздравить с днем рождения. А то в Харьков посылать письма невозможно – она работает в областной прокуратуре.

***

Опаздываю на госэкзамен в институте. В дверях нашего корпуса спотыкаюсь о торчащий кусок дерева. Вытаскиаю его из меня и .....Оказывается это голова коня – очень ..... выточенная. Поднимаю голову и вижу лицо Люды ..... из Севастополя. Улыбался во весь мой полный рот.
- Может быть этот конь из древних поселений в Крыму? – Она молчит. Я откладываю скульптуру за дверь с мыслью, что на обратном пути обязательно заберу ее.
- Экзамен еще идет – спрашиваю Люду.
- Уже все сдали – кроме тебя – беги – может успеешь.
Убегаю в лабиринт коридоров.

10 апреля

На берегу океана. Прозрачный воздух. Леонид Брежнев сидит в шезлонге, но одетый в курточку. Я стою рядом. Он как ребенок играется большой надувной свиньей – очень доволен. Говорит, что любит такие ..... игрушки, но в детстве их никогда не имел. Затем я иду возле базарчика в Джурине и там лежат надувные свиньи, но уже выдохшиеся – спущенные.

***

Возле ..... в Джурине – стоит грузовая машина. ..... и еще двух очень знакомых мне людей с ..... посылают ..... кого-то срочно. Провожает нас хозяин, так – это Арманд Хаммер. Он обнимает меня и целует – желает счастливого исхода. Двое знакомых обиделись, что мы отказались ехать. Это из-за того, что он только поцеловал меня – понял я.

11 апреля
Эрик маленький, голенький бутуз, только что искупанный, вытертый. Я захожу с улицы. Беру его на руки подбрасываю вверх – ему неприятно – у меня холодные руки.
- Простудите ребенка – говорит мне моя хозяйка из ..... – стоящая рядом – совершенно голая – с крепким еще телом. От нее идет пар – она тоже искупалась в ванной.

12 апреля
Где-то у моря или на красивом берегу реки мы целой компанией сидим и отдыхаем. Арика Таня рядом со мной в сером с вырезами купальнике. Тоненькая шлейка врезается в попу. Она как-то незаметно придвигается ко мне и садится на колени, затем ..... ноги ..... для других, ездить на мне. Кочан уперся между ягодицами и готов ..... При этом идет ..... разговор. Оля ..... загорает. До ..... не доходит, но игра продолжается долго.

13 апреля
Остановился я у ..... в Москве возле Даниловского рынка. Зима. Очутился в районе Кремля В руках ношу американские санки. Хочу добраться домой, но не знаю как. Подымаюсь с санками на темную конструкцию ведущую наверх. Впереди меня сзади идут москвичи. Боюсь, что чем выше поднимусь, тем меньше шансов найти дорогу к Даниловскому рынку. Смотрю по сторонам. Вижу вдали памятник: человек на коне – это Юрий Долгорукий – думаю я. Хотя памятник в серой дымке воздуха и меньше по размерам –
значит..... сзади, а там Борис – уже легче.

***

Прихожу в московский ресторан. Кассирша сидит за стойкой. Вижу ..... в окружении двух дам. Без особого восторга мы здороваемся. Затем начинается проблема выбора еды. Кроме салата мне ничего не хочется.
..... я ..... собираюсь заказать и в то же время неудобно: подумают что скаредничаю, но я ведь действительно не люблю все эти кушанья. Пожалуй можно всех ..... вкусно .... решаю я. Потом я ухожу в туалет. По дороге обратно встречаю красивую женщину из Одессы. В зале уже звучит музыка. Приглашаю ее танцевать.

..... смотрит во все глаза – ну мол отхватил: все же не уронил свой авторитет сердцееда. После танца все берут свои стулья, а кассирша свою стойку и уходит в другой зал

14 апреля

В американском университете из разговора с кем-то, узнаю, что старый русский одессит..... Я не верю своим ушам. Это значит . что можно узнать из первых уст о ....., Михоэлсе, о съемках фильма “Еврейское счастье” - какая удача! Бегу по разным залам, комнатам в поисках .....В просторном холле – еще издали вижу – рыжеватого, даже блондинистого человека на корточках, рассматривающего на паркете фотографии. Он их складывает по темам. Аккуратные стопочки – и в каждой я уже вижу старая Одесса. Это все мы используем с ним. Я ему расскажу мои идеи. Он должен согласиться ..... меня еще не видит, я стою сзади, и чтобы не испугать его появляюсь перед ним и здороваюсь. Говорю кто я, что страшно рад видеть его. Страстно рассказываю о замысле альбома “Быт и нравы Одессы”. Он улыбается и меня единственное, что смущает, что по возрасту он не настолько стар, как должен был бы быть. Он поднимается и говорит, что рядом в комнате находится сотни негативов. Я иду в комнату. Большие .....висят на веревках приклепленные защепками для белья. Просматриваю на свет первый попавшийся негатив: Боже! – Это Одесса – 20-х годов, с трамваями, людная, солнечная, все в белом. ..... от одного к другому негативу, их много одинаковых. Надо себе взять по одному. Начинаю скручивать один, но как назло это не получается. Слышу шаги людей направляющихся в комнату. Запихиваю пленку под пиджак, но она большая и приходиться прижать ее, чтобы не выпирала. Люди проходят и я слышу все ..... Все же , какой я подлец, испортил пленку под пиджаком – думаю я о себе.

***

В библиотеке Дома творчества мне сообщила ....., что книги библиофила и собирателя Федорченко, умершего недавно – выставили на продажу. Не дослушав даже до конца мчусь к Федорченко. Сперва попадаю в тунель, знакомого московского метро. Пробираюсь долго, тунель ..... – со стен капает вода – еще какие-то люди рядом. Наконец я вырываюсь в светлое пространство и попадаю в зал. На дверях стоят контролеры. Бегу и там же мне говорят, что это уже остатки и очень дорого оцениваются. Ничего не нахожу и спешу скорее выбраться из тунеля. Со мной теперь Марик и студентка из .....Мы пробираемся

вверх по тунелю. Идем долго. Балерина начинает ластиться ко мне. Садимся на какой-то .....
отдохнуть. Она садится на колени ко мне. Открывает зипер на брюках и достает зизи. ..... на землю и начинает целовать. Марик стыдливо отворачивается Я и сам в неловкости, но предвкушение удовольствия выше.

15 апреля
В заводском клубе – он же и рабочая столовая. Сижу в кабинете у начальника. Человек он здесь новый и наводит порядок. Мне он – благоволит. Дал какие-то распоряжения и уходит. Смотрю как едят люди. Вспомнилась столовая на Чкалова – все же она была не самая худшая.

***

Прохожу по двору того же завода. На площадке машины с открытыми кузовом стоит парень в белом спортивном костюме и держит на согнутых руках толстую девушку. Она шатается вниз головой и читает стихи:
.....- корова
И идет сатирический текст.
“Готовятся к Первомаю” - мелькает у меня мысль.

17 апреля
Пришел на вокзал, скорее всего в Одессе. В руках два тяжелых чемодана. Два поезда стоят на платформе. Мечусь между ними, чтобы узнать какой из них на Москву. Кто-то говорит, что один из них точно в Черновцы. Ни одного кондуктора не видать. Прохожу вперед на ..... вагон. Поезд, что справа начинает уходить. Бегу к чемоданам – я их оставил в хвосте. Поезд набрал скорость и ушел. Прибегаю к чемоданам. Возле них стоит носильщики.
- Какой ушел поезд – спрашиваю их.
- На Москву! – отвечают они.
- Что же это за безобразие – кричу я – нигде не было знака – и на вагонах тоже. Они пожимают плечами. А может поехать в Черновцы – думаю я – ведь я там никогда не бывал. – Перед отъездом в Америку - ..... бы туда съездить. А как с билетом – надо же его поменять или сдать – бегу к кассам – в них никого нет. Возвращаюсь на платформу. Вижу как поезд уже ушел. “.....”

***

Собрался ехать из Чикаго в Союз. Отвозит меня в аэропорт ..... таксист из Нью-Йорка. Мы загрузили чемоданы и выехали из Бронкса, где

затем он подъезжает на ул. ..... в Одессе и говорит, что здесь он подождет меня, пока я зайду в художественное училище. Ухожу в училище. Брожу по коридорам. Ищу проход в зал. Но не могу его найти. Возвращаюсь на ..... Такси не видно. Должно быть решил подхалтурить. Из кукольного театра выходит режиссер ..... – увидел меня и с распростертыми руками идет ко мне.
- Илюша! Пойдем, пойдем в Дом творчества. Покажу тебя всем. Проходим по Гоголя. Все знакомо и немного ..... Арка у ..... похоже на подъезд оперного театра. Там много молодежи сидит на парапете и лестнице. Один молодой парень с крашенными волосами – и сюда это уже дошло – думаю я. И вдруг острая беспокойна мысль – ведь чемодана с подарками нет – они остались в машине в Нью-Йорке – какой .....
..... Как же я пойду к Яне, Сане, Боре, Фире Евсеевне, Марику – мелькают лица передо мной – и я впадаю в панику. Ну хорошо – думаю я – я им оставлю всю одежду , что на мне, но это же мало. – На голове у меня ..... капитанская фуражка – с американской надписью. Вдруг появляется Оля и говорит, как будто она в курсе всего.
- Хороший будет подарок для Саши – ведь он .....!

17 апреля
В Одессе, на площади Толстого прогуливаюсь с Эриком.
“Помнишь – говорю ему – вот здесь в этом магазинчике мы с тобой покупали пряники - помнишь?”
- Да – говорит Эрик.
- А интересно, что там теперь?
Мы идем в магазин. Он уже не на первом этаже, а с лестницей вниз – в полуподвале. Там расставлены мешки, а в них орехи, крупы, горох в стручках, изюм накрученный на палочки. Два одессита еврея расфасовывают еще что-то на весах.
- Значит все-таки разрешили им мелкой торговлей заниматься - думаю я. Напротив этого магазина – другой. Заглядываю туда. Это здесь – овощи. Знакомая продавщица с .....Иду по переулку к ..... улице. Там на скамейке сидят две женщины.. Очень похожие друг на друга – сестры. Одна из них постарше, с помятым лицом, ..., с прической – косой вокруг головы – встает и направляется на противоположную сторону к скамейке, где сидит девушка. Она подсаживается к ней и начинает обнимать ее. Сестра улыбаясь – поддерживает ее – давай, давай моя.
- Лесбиянки – мелькнуло у меня и я прошел мимо.

***

Затем я где-то рядом нахожу повозку для листьев – очень пригодится для нашего лата – подумал я – надо ее только починить. На повозке выросли целые кустики мха. Начинаю их счищать. Они легко сходят. Но под ними ..... маленькие деревца.
- Чтобы не замерзли они приспособились ко всему – думаю я . И вдруг вспоминаю, что Эрика нет рядом. Бегу к магазинам – там его нет. Звоню по телефону домой – в ..... – Трубку поднимает мой папа – Он здесь – сам домой пришел. – Отлегло сразу.

***

Нахожусь среди песчанных холмов. На одном из – женщины и кажется Ляля ..... Я недалеко на другом чувствую себя неловко. Неожиданно решаю спуститься вниз по нему. Сажусь и как на санках мчусь вниз. Слышу смех женщин. Когда добрался до самого низа – штаны все в песке и довольно потрепаны. Снимаю их, чтобы встряхнуть. Хорошо что под ними у меня оказались спортивные синие рейтузы. Снова смех женщин.
- Они смеются из-за того, что летом я ношу под брюками рейтузы – ну и пусть. Ухожу яром – не оглядываясь. И все же жалко брюки. Особенно пояс. Надо вернуться и забрать его. Но стыдно.

***

На шоссе возле украинского кладбища – встреча своего сокурсника – Володю Савицкого. Он идет ко мне навстречу. Но в это время появляется громадная сенокосилка и вот-вот заденет его. Кричу:
- В сторону, в сторону!
Он успевает отскочить, а иначе она его перемолола бы.
- А может это было бы лучше – ведь ..... антисемит – вспоминаю я.

19 апреля
Встречаю возле почты на Гоголя в Одессе Льва Яковлевича ..... с
.....Они выглядят такими, как я их запомнил по школе.
- Значит она не умерла ..... – думаю я.
Лев Яковлевич вынимает из портфеля фотографии.

- Ты меня как-то просил показать фотографии, Люсик – говорит он – Вот я нашел где ты снят в школе.
Беру фотографии. Вижу себя среди класса – а на другой как на ладони весь Джурин снятый со стороны больницы. Радости моей не скрываю. Теперь когда ..... Львовна оказалась жива я попрошу у них порыться в альбоме где явно есть много интересного – подумал я.

***

В клубе “Пегас” встреча с каким-то старым поэтом, может быть Игорем ..... Небольшой зал. Вхожу и вижу, что сам ..... сидит среди зрителей. Шея обвязана шарфом. Сажусь подальше. Рядом со мной .....Анюта Рудяк и Марина. “ Она в положении – шепчет мне Анюта – У тебя будет еще один ребенок” Присматриваюськ животу Марины. Еще не совсем видно, но если говорят, значит знают. Не знаю, правда, мой ли это ребенок, но для Мариночки иметь его – будет неплохо. На экране возникают слайды. Появляется лицо Ивана – я его никогда не видел на портретах.
- Это ..... – слышу голос ..... “Должно быть они все-таки любили друг друга” - подумал я об .....

***

Затем появляется какой-то родственник Анюты из Молдавии. Он продает ..... для очистки воды. Просит меня объявить об этом зрителям. Предлагаю сделать это ему самому –
- У вас это хорошо получится. Вы ведь знаете все подробно об этом деле.

21 апреля

Я как будто в больнице в Джурине, но не как пациент, а как посетитель. Сижу в кабинете врача – красавицы – блондинки. Между нами быстро возникают приятные чувства. Я страшно горд, что она моя, что она оценила меня. Мы нежно прощаемся и я счатливый ухожу к реке. Затем я уже вместе со ..... идем в ту же больницу. У него на поводке собака – не то
..... не то Долли. ..... говоит мне, что влюблен в эту врачиху и готов на ней жениться.
- Я ей сейчас позвоню и скажу об этом. Он идет в телефонную будку, что на ..... возле Дворца культуры и набирает номер. Я захожу в кабинет. В белом халате ..... Не удивляюсь. Звонит телефон. На звонок появляется красавица – блондинка. Она в положении. Берет трубку:
- Доктор ..... слушает.

- ..... – русская фамилия – но это и ..... блондинка явно русская женщина.Она слушает, что ей говорит ..... и улыбаясь согласилась стать его женой. Мы выходим с .....из кабинета.
- Боже мой! Она же проститутка – говорит ..... – и он хочет на ней жениться. Ничего не понимаю.
- Страсть .....! Страсть владычит над миром.
Как говорил ..... На улице меня ждет .....
- Илюша, она согласилась.
- Я знаю. А что она беременна тебя не смущает.
- Нет. Эта та баба, что мне нужна. Я раньше таких не встречал.
- Может быть. А где Долли? – спрашиваю я не видя собаки.
- Она побежала к речке.
Я в беспокойстве бегу вниз по дороге к речке. Еще издали вижу резвящуюся Долли. Отлегло.

22 апреля

В каком-то дворе эмигрантском колодце – русско-еврейские ребята и среди них один черный поют, притом очень слаженно – песню, которую только что сочинили. Посвящена дню советского строителя – 4 июля. Но припев в песне – Америка, Америка. - Один из парней спрашивает меня:
- Эту песню можно продать на телевидении?
- Не знаю – говорю я. – Но на 11 канале – могут ее показать.
- А - ну ка, спойте еще раз – прошу я. – Может я чем-то помогу, как постановщик.
Они с удовольствием поют снова и особенно залихватски “Америка, Америка”

***

Брожу по Харькову. И вдруг вспоминаю, что задержался, что срок отъезда кончается и надо было бы зайти в библиотеку попращаться с Тамарой .....
Она конечно как всегда, на ..... месте, позвонить Ляле, зайти к ..... Но я не успею. Бегу в общежитие. Мои бумаги, книги на месте. Надо скорее сделать бандероли и отправить их на почте.

***

В Джурине, за маслобойкой на жаровне готовлю куринные битки. Рядом со мной тетя..... Когда я их доставал длинной вилкой с жаровни они упали в ров на куст. Начинаю их оттуда вылавливать той же вилкой – все

жалко – тем более в Джурине это дефицит – но на вилке оказывается большой тоненький кусок телятины. Она тонкая и свисает – вот-вот упадет.
- Тетя, посмотри – это же не биток – спрашиваю ее. Но слышу как тоненькая струйка журчит за мной. Поворачиваюсь. Тетя сидит на корточках и делает по-маленькому. Жадно смотрю на алые огромные губы, по которым стекает моча.

23 апреля
С Шуриком из .....города спешим добраться до Джурина. Входим в автобус. Там никого нет. Ключи ..... на месте. Начинаю заводить машину, не получается. Нажимаю на педальку у сидения. Из какой-то трубки – фонтанчиком брызнул бензин на руль – “Может это .....” - думаю я. Шурик просит повторить с фонтанчиком. Снова нажимаю на педальку – брызжит бензин. Шурик доволен.
“Не большой ..... – думаю о нем. – Но как все-таки уехать”. В автобус входит шофер. Вот и покатались. – Он ..... и улыбается. Спрашиваю его:
- Этот автобус идет до Джурина?
- О, нет – говорит он по-английски – это локальный маршрут. В автобус входят люди – рабочие с Молдованки. Я выхожу. Шурик еще что-то расспрашивает у рабочих, а мне все ясно: перемешалось все в голове Америка с Россией, Джурин с Чикаго и не уйти от этого уже никогда.

***

На киностудии торжество. Все нарядные, кое-кто на веселе. Сидят во дворе старого административного корпуса. Я прохожу через арку. Чувствую себя неловко. Много знакомых лиц – а подойти не могу. Ко мне подбегает студентка, русоволосая с кепочкой на голове, озорная .....
- Как хорошо, что вы тут И.Э. – говорит она и уводит меня в аллею.
- После Вас – я занималась у Виктора Стрельченко.
- Ну и как? – я конечно хотел услышать, что нет и сравнений – но она быстро протараторила .....
- Очень интересно, но мы не снимались в фильмах. Вы возвратились в студию? Будете что-то делать?
- Не знаю – и покраснел.
Неожиданно у нее отделяется голова и она улетает – успевая крикнуть –
- Я скоро вернусь!
Туловище же осталось стоять возле меня. Я заглядываю в прореху на месте головы и вижу, что все внутренности - полые и состоят из розовых бутонов очень амурных и легковесных.

- Что же мне с ними делать? – Если меня увидят с телом девушки – без головы – сразу заподозрят в убийстве, да еще вернулся из Америки – ужас! Какой ужас! Я стал вынимать бутон за бутоном и аккуратно складывать в большую сумку – они ведь не испортятся – успокаивал я себя – я их соберу потом в той же последовательности.
Иду с сумкой в руках мимо людской толпы через двор ..... выйдя из ворот попадаю на наш балкон джуринского дома и теперь уже никто не найдет следов – думаю я. – А все же "Голова" - ..... - ..... возвратится к телу – спрашиваю себя.

26 апреля
На задворках города – строительная площадка – прямо на улице стоит огромная кровать. Я с Олей лежим на ней. Вокруг куски щебня, трубы, кирпичи. Приходит человек, как будто Коля ..... и вынуждает меня вступить с ним в борьбу за Олю. Я хватаю с земли коленчатый вал от машины и начинаю прижимать им голову ..... к кровати. Он ..... и ....
Я подхожу к Оле и кладу мою голову ей на плечо. Подступают слезы.
Я говорю ей – Я никогда в жизни не сделал ничего такого – почему же так тревожно, так грустно на душе?
Мы плачем вместе горько и долго.

29 апреля
Мы собираемся ехать в город. Машина наша находится не в гараже, а в комнате общежития. Оля хочет аккуратно ее вывести в коридор, а оттуда уже выехать на улицу. Неожиданно появляется ..... с зятем и говорит, что он это сделает лучше. Мы садимся с Олей на заднее сиденье и ..... за руль. Он резко нажимает на газ и мы почти ударяемся в стенку. Кое-как, по коридору мы выезжаем сразу на ..... в Одессе. ..... притормозил у университета и говорит, что он решил выступать с концертами по всей Америки: - В день по концерту – объясняет он.
- Можно и по два – иронизирую я.
Он не ..... этого и соглашается:
- Да, можно и по два.

***

Мы живем с Олей в общежитии. Кроме меня – ни одного мужчины – только девушки – студентки. Утром я иду в умывалку. Там у раковин вдоль стены – умываются девчата. Все они по пояс нагие. Мое появление их не смущает.

Прикрываются только полотенцами – продолжая смеяться и болтать. Приходит Оля и тоже моет тугие, пышные груди под краном. Она совершенно не выглядят их старше – хотя вчера ей исполнилось 38 – думаю я.

***

Спускаюсь по лестнице дома на Энгельса, где живет Фира Ис. Впереди меня идет Таня Львова. Она удаляется очень быстро. На уровне второго этажа замечаю на площадке полного грязного мужчину. Он посадил на подоконник совсем молоденьку девушку и мусолится возле нее.
- Таня – кричу я – подожди меня. Это для того, чтобы ее не трогали, мол недалеко есть защитник. – Поровнялся с пьяным. Он даже не реагирует на мое появление и продолжает тискать девчонку. Слышу шум и голоса у подъезда. Быстро спускаюсь туда. Там стоят несколько человек и говорят интересному седому мужчине, что его дочь там наверху, на площадке. Он берет за руку младшего сына и направляется на лестницу. Я наблюдаю за ним. Он нерешителен.
- Она всего в восьмом классе – говорит он поворачиваясь ко мне. Затем он медленно поднимается держа за руку малыша.

***

Нахожусь скорее всего в Харькове, а может в ..... Зимний, солнечный день. Выношу матрас, одеяло, подушку на улицу и укладываюсь на пригорке. Накрылся ..... одеялом, только одна голова торчит. Недалеко от пригорка - ..... завод. Люди проходят мимо и ..... смотрят думая: “Что за чудак, не нашел другого места, а именно здесь где проходят тысячу рабочих”.
Слышу как говорят женщины жалеют меня:
“Бедненький какой, негде спать ему”. Действительно, а почему я выбрал это место. Ведь можно на менее людном постелить себе.
Беру свои причиндалы и иду на .....

30 апреля

Я служащий в клубе. Там в кинозале показывают какой-то новый, нашумевший фильм. У меня есть бесплатный билет. Иду с группой знакомых. Я надеюсь что контролер на дверь не будет требовать у меня и я его сумею еще раз его использовать или продать кому-то. Но когда я подошел к двери я засомневался узнали ли меня конролерши. Я держу билет в руке и улыбаюсь ей. Она ничего не выражает – ни восторга, ни отчуждения. И все-таки надо ей показать билет. Отдаю ей бумажку она рвет

ее пополам и я ухожу в зал. Людей набито битком. Все стоят. Стульев нет. На экране уже идет фильм. Хорошо бы пристроиться сзади красивой , молодой женщины – думаю я.
Начинаю смотреть на экран и меня захватывает действие. Казалось бы и несвязное, но благодаря какому-то необычному сочетанию музыки, звуков и изображения – экран притягивает. Потом я вдруг я заинтересовался откуда же направлен луч прожектора. Я его вообще не замечаю. Открывается ..... зала стоит видеомагнитофон и Леня ..... нажимает ..... на кнопки. “ И сюда добралась электроника”.

***

Готовлюсь к поездке не то на выступление, не то в гости. Хочу привезти с собой подарки.
Сидим с Олей на возвышенности. Под нами дома. Вижу магазин. Он без вывески но туда заходят люди по одному. Двери закрываются, а когда человек выходит .... Я все обсуждаю с Олей, что взять. Дверь магазина снова открылась и я вижу, что пол внутри влажный. Значит уже моют полы ..... закрываются. Я же остался без подарков – это ..... – кричу я Оле. – Дождались. Попробую уговорить девочек на ломаном английском, что мне срочно надо купить подарки.
С возвышенности вниз ведет лестница с перилами из труб. Я ловко съезжаю вниз, думая при этом, что Оля должна оценить это. По лестнице поднимаются дети. Когда я с ними поровнялся ..... благополучно с перил. Бегу в магазин. Двери полуоткрыты. Заглядываю туда. Вижу зал – расположенный глубоко под землей. Туда ведет тоже лестница – цементная. Внизу продолжает мыть пол девочка лет 13-14. В чане для мусора стоит ее братик, мальчик лет 7-8. Когда они меня увидели, а еще не успел открыть рта – девочка спряталась за чан, а мальчик ..... и стал зарываться в мусор, чтобы его не видно было.
Неужели я так страшно выгляжу – подумал я – вполне возможно. Седые космы, длинная борода – да еще запыхался от бега – о подарках уже забыл.

1 мая
В предбаннике идет горячий спор, кто в какую газовую камеру назначен.

2 мая
В Кремле хожу между красивыми зданиями, со вторым человеком в стране, профессором из Вермонта. Он всевластен, как я понимаю. Люди получают от него распоряжения и разбегаются исполнять. Им оказался нужен такой интеллектуал и организатор – думаю я о нем. Он вдруг вспоминает, что

хотел бы посмотреть квартиру, которую переоборудовали для его тещи. Несколько человек соглашаются пойти с ним. Я замешкался и отстал. Потом мне все же хочется посмотреть тоже – как отделали интерьер на самом высоком уровне. Ищу подъезд куда ушли все. Нахожу дом с колоннами, с красивыми, белыми
...., красивая радующий ..... своей дом. Поднимаюсь по мраморной лестнице. Меня догоняет молодая женщина, она родственница профессора. Она успевает мне сказать, что опаздала и что хочет присутствовать когда дядя будет осматривать квартиру. Я иду за ней и отмечаю про себя, что у нее слишком длинное и безвкусное платье. Должно быть у нее кривые ноги.

3 мая
Сумбур. Марина Ромашина и Марина Емельянова сливались в одно лицо. Как будто они мне жены , и в то же время я хорошо знаю, что это не так. Беременны. Не отвергаю их – но остаюсь свободен.

4 мая
Сидим на лекции по физкультуре. Полутемная аудитория. Преподаватель из культпросвета. Недалеко от меня ..... Я занимаюсь совсем другим – делаю вид, что слушаю лекцию, а записываю совсем другое. Потом все студенты засыпают. Преподаватель уходит в другую комнату. Я за ним. Разговариваем тихо, чтобы не разбудить ребят. Он приглашает после 4-х сдавать экзамен. В комнате, это его жилье, на столе у окна стоит на ножках бинокль. На нем много ..... Я заглядываю в окуляры. Вижу Тираспольскую улицу. Много людей, дети в цветастых одеждах.....
..... Задаю философский вопрос учителю:
- Скажите, пожалуйста, чтобы вы предпочли: заполненную всегда людьми улицу или ..... без людей, ну может быть один, два человека в день.
- Я люблю, чтобы улица была полна людей – отвечает он.
- А я люблю белые дома, покрашенные известкой и чтобы и чтобы ни одного человека вокруг – говорю ему я, продолжая смотреть в бинокль. – Поэтому мне более близки сюрреалисты.
Входит заспанный .....
- Почему ты так громко разговариваешь – спрашивает он с .....
- А мы обсуждаем смысл жизни – говорю ему улыбаясь. – А о смысле жизни нельзя говорить шепотом.

***

Пришел в ЖЭК – должен сдать две справки на получение квартиры. Захожу в комнату начальника. Там много народу. За столом сидит Аркадий .....
Я не удивляюсь этому. Обрадовался. Подхожу прямо к столу. Говорю ему:
- Аркадий я должен сдать две справки – возьми их.
Он поправляет скатерть на столе и говорит
- Я только начал прием. Приходи к 4-м и поговорим.
- В четыре я должен быть у преподавателя физкультуры – может попозже.
- А когда ты собираешься в Нью-Йорк – спрашивает он.
- В конце июня – начале июля. Но тогда это будет поздно – говорю я и оставляю справки.

5 мая

Я жених. Моя невеста смесь ..... и нашей Мани. Я одет в американский костюм, хороших ботинках. Она дебильная, мне жалко ее. Рядом Марина Ромашина и еще кто-то из них, встречаются и эмигрантские лица. Вначале, как будто пейзаж ..... , но потом он расплывается в полу Одессу, в полу Норсбрук.
Мне стыдно, что я пошел на такой шаг, на такой брак, но должно быть это из-за материальных соображений. А с другой стороны не могу припомнить когда я предложил руку и как вообще все это случилось. Держу себя свободно, но вдруг стало противно. Смотреть на .....-Маню и думаю на чем же оно .....Надо оставаться благородным. Конечно все вокруг будут говорить, чо я продам за ..... деньги и мне это не безразлично, что говорят. А как подумаю, что с .....-Маней надо будет и спать – вообще становится тошно но отказываться нехорошо.
Стои компанией на нашем драйвее. Вижу как из-за гаража выезжает машина и останавливается возле баков с мусором. Из машины выходит громадный старик. Он подходит ко мне, берет под руку и я чувствую, что теперь мне точно некуда деться. Он говорит тихо о свадьбе, о доме, где мы будем жить. Мы идем между деревьев и выходим на улочку возле джуринского клуба. Там он исчезает и я остаюсь с Мариной Ромашиной. Она говорит мне, что стоит устроить прощальную встречу в ресторане.
- Конечно – с радостью соглашаюсь я и думаю, что хорошо что со мной есть портмоне с долларами. Но куда мы пойдем – неужели к Фриме в буфет. А что? Там должно быть вкусная ..... и вино и водка всегда найдется. Мы спускаемся по улочке вниз и попадаем в кинотеатр. На экране мелодрама раздирающая душу. Многие плачут. Фильм

заканчивается. Мы выходим на ..... площадку. Меня окружают мои студенты из училища:
- И.Э. – какой прекрасный фильм. А вам он тоже понравился?
- Давайте на следующем занятии обсудим его – предлагаю я.
.....- Мани рядом нет. Неужели я отделался от нее? – думаю я.

***

Зима. Подхожу к дому. Заглядываю в окно. Там сидят старик и старуха на кровати. Вдруг старуха подходит к окну и одним движением срывает всю стенку с окном. Это оказывается нарисованный пейзаж. Я говорю ей, что вы простудитесь – надо что-то сделать, чтобы закрыть эту прореху.
- Нет! Нам не холодно – говорят старики – садитесь мы напоим вас чаем с малиной.
- Малина у них точно должна быть натуральная – поэтому они не замерзают!

Dreams99.9

23 сентября
Оля сидит напротив нашего дома в Джурине. На ней длинная юбка, прикрывающая щиколотки. Вокруг трава. Я стою напротив. Она поднимает юбку выше колен и манит меня пальцем. Я ожидаю ее увидеть без трусов с ..... междуножья. Однако вместо этого вижу стоящего на земле ручного голубя. Я подхожу беру его в руки и отношу в хлев рлд нашим домом. там на дровах пустой ящик – кладу туда голубя. Замечаю, что ..... его ящиком и видна широкая дыра – влагалище. Я хочу уже уйти и закрыть дверь сарая, как откуда ни возьмись влетает уродливая птица, с длинной тонкой шеей и начинает летать над голубихой. Вначале я испугался, но понял, что объект ее внимания не я.
Голубиха подняла свой общипанный зад, нагнув голову с клювом до самого низу ящика, а уродливый самец стал выпускать свой пенис, которому, казалось, нет конца, и направил прямо в разверзшуюся дыру голубихи. Уродливый самец то опускает, то поднимался, а я стою рядом и вижу эту эротическую картину, забыв обо всем....

***

Поездка с Семой – магазин не закрыт на месте, где был универмаг. Возвращаюсь.

***

Похороны Ахматовой – со школьного двора – до кладбища на ..... Не одет тепло – боюсь простуда. Несу в главной четвверке – устал. ..... – ухожу в башню возле почты. Леня художник –

Октябрь 28
Снится что я в соитии с Ханочкой. Она такая же маленькая, щуплая. После ..... вижу ее грудь – сосок вишенкой, а вокруг слива. К чему это? – думаю я.
Затем я иду по Джурину. Меня догоняет ее муж – на этот раз это человек в обличии ее брата Суни. Он начинает меня задевать. Я хотел бы уйти, но он настойчиво вызывает меня на бой. Я хватаю го за руку – она вырывается из плеча, но не окровавленная, а с ....., как в медицинском атласе и валится на землю. Все к чему я дотрагиваюсь отрывается от тела и без ..... – отваливается. Какой ужас – думаю я – ведь он все муж, он прав, но хочет

держать ее чем, а я его еще и раздираю на части. Если бы он остал я бы ушел своей дорогой – но он уже весь разобранный все еще пытается меня ухватить за голову. Ему удается дотронуться до моего плеча и вытянуть длинную тонкую кость – как будто из пульки гусиной. ..... и я разлагаюсь – мелькает мысль. Но просыпаюсь....

31 октября

В одесской квартире. Она имеет еще несколько комнат на разных уровнях – я заглядываю в ванную. Там лежит Ленин и моется. – Я знаю, что он род. ..... – моей тещи – и поэтому не удивляюсь. Но то, что она его скрывала от меня и ни разу не показала, меня удивляет. Она же захлопывает дверь. Снаружи - и я только замечаю, как Владимир Ильич повернул голову – довольно крепкую, как на рисунке скульптора Андреева. Затем я брожу по квартире – попадаю в другую половину – там на лестничной площадке обнаруживаю полно тараканов. Неужели Р.М. не видела ..... их – это долно быть осьалосьпосле обмена квартиры – думаю я. и вхожу в нашу гостиную. Она ..... но не изменилась. Подхожу к окну. Раннее утро. По переулку идут мама с дочкой. Они несут кипу книг – и радостно разглядывают ее. Вижу, что они купили ..... – 4 шт. в одной папке. Затем мой взгляд уловил возле дворца Леси Украинки – человека раскладывающего на столе свой книжный скарб.

- Неплохо! – Пойду пороюсь и отправлю сразу в Америку.

Снова заглядываю в ванную там парно, а Владимир Ильич накрыт с головой махровой простыней – париться. На мой скрип дверью он приоткрывает простынь – и я снова вижу его крепкую голову. Р.М. тут захлопывает дверь. Она все время с ним. Будет видно вытирать и готовить на работу – решаю я.

***

Затем в гостиной полно народу. Выступает какой-то ..... Он плохо держит зал.

На тахте сидят: ..... и я. Предлагаю ..... симпровизировать беседу Ленин – и – я – спрашивает он, ... Сталин – он хочет, но не дают. Шум детей.

Затем на диване появляются девушки – подростки, в шерстянных колготках!

Со мной играйте - .....

K000.1

5-ое января

5-ое января. Я чего-то так не слежу за днями. Снился мне сон просто достойный того, чтобы его записать из-за его повторяемости с одной стороны, как доказательство того, что не смотря на то, что я понимаю, почему это снится, я не могу снять этот сон из своего подсознания. Отъезд из Одессы в эмиграцию. Совершенейшая ужасающая и унизительная ситуация – надо отдать все, распродать все, что взять с собой. И какое-то недовольство громадное самим собой и вообще, всей этой ситуацией. Большой радости и чувства освобождения все-таки нет, но это уже потекло по–весеннему... законам и ты ничего не можешь сделать. Я... я тоже участвую в ней, хотя понимаю, что это абсолютно бессмысленно – что-то еще взять, что-то еще оставить и кому оставить. Короче, тут все как бы это разбой, это полнейшая такая ситуация, где ты чувствуешь себя не в... не хозяином этой ситуации. Наум Израилевич и Розалия Моисеевна вместе с нами едут, хотя в действительности, это было не так. И вот они как бы на себя берут вот эту функцию отъезда. Я непосилен, но в тоже время я... И вот билеты у них и мы уже как бы все... едем. У нас уже есть точное время и мы проходим через большую толпу, которая там возле вокзала. Это не люди, которые отъезжают, просто там люди собираются на площади, что-то такое, типа... Правда, одни почти еврейские типы, лица. И вот... и я вдруг теряю их, они уходят вместе – Оля, Эрик, Наум Израилевич и Розалия Моисеевна – уходят в сторону вокзала. И я вот среди этой толпы их вдруг теряю и даже не знаю куда... куда мчаться. И состояние кошмарное и я остаюсь. Квартира сдана, что со мной будет – непонятно. Если они уедут и я остаюсь один, как перст. Состояние не веселое. И я все-таки думаю – надо пробиваться. И я не знаю какой поезд, я не знаю какой... Я не знаю какое время даже и ничего не знаю. Но и в действительности, если я даже попал на вокзал, я бы мог их найти. Но в этом сне, это совершенно исключено. Я как бы пропал. И в тоже время думаю:

- Ну, черт с ним, как-нибудь,... что-то должно... что-то должно... ну как бы придти на помощь или какая-то должна быть... какой-то выход есть все-таки...

И вдруг меня видит какой-то один из эмигрантов уже и кричит:

- Господин Рудяк, господин Рудяк, вас тут ищут, вас тут ищут мужчина с ребенком.

И я понял, что это Наум Израилевич с Эриком. Я говорю:

- Где, где?

- А они ходили вот здесь вот и спрашивали:
- Вы не видели Рудяка? Вы не видели Рудяка? - и вот я вас увидел и об

этом я вам говорю.
Я начинаю искать, бегу и кричу:
- Наум Израилевич, Эрик!
Никакого ответа и никто меня не видит. Короче, я совершенно растерян, на душе кисло и я понимаю, что я остаюсь – “А я остаюся с тобою навеки родня земля” - как пелось в песне.

***

Сегодня уже тоже обилие снов было. Один из них такой – я иду по какой-то... с Лешой. Он сейчас в Израиле живет. Я с ним и раньше был знаком и он очень изветный врач какой-то.. И я в очень солидных отношениях... несколько лет. И вот таким он был, кстати, будучи совсем еще школьником, я вспоминаю его. И вот я иду, и с ним какие-то его дети как будто. И он меня обвиняет в том, что я его... что я не религиозный, как бы сказать, человек. И я его понимаю и я хочу выяснить что это за понимание – или это какой-то религиозный фанатизм, или это связанное с каким-то движением Любавическим или что... И я как-то... не проясняется это. И дети его... ну такие подростки, они как бы так и участвуют в этом споре, но и чувствуется, что если папа, как говорится, не принимает, значит, они тоже как бы на его стороне. И вот тогда у меня взрывается такой ... об иудаизме, об отношении вот к этому. И я с таким жаром и пылом говорю что:
- В принцие, я себя чувствую, может быть, поистине еще большим евреем, чем вы все вместе взятые. Потому что я это ношу в себе, это есть в каждом моем рассказе, это есть в каждом моем движении, в каждом моем поступке. Но я об этом не говорю и я это не аннотирую. А вопросов много по отношению вообще религиозного отношения... религиозного... “Я”, как говорится, в каждом из нас. И безусловно, я понимаю, что... иудаизм спас в какой-то мере самую нацию, но в тоже время, оно... и погиб.. и многие и погибли из-за того, что придерживались вот такой негибкой философии, негибкого отношения.
Вообщем, вот это такой спор не в первый раз и не внове для меня. Но я просто вчера разговарил с Леней Пархомовым, небольшим философом, но очень чистым, в этом отношении, человеком. Но сам повод о том, о чем мы говорим, возбудил во мне, конечно, такие мысли и вот приснился вот этот сон.

***

А потом мне снится, что я иду по Одессе возле Старо... возле нового рынка. И там какой-то такой киоск. И я просматриваю открытки и что-то так... не

знаю... И там женщина такая, очень миленькая так... и она говорит:
- Так вы идете... Куда вы идете? На базар?
Я говорю:
- Да, я думаю, пойти семечек купить.... тыквенные, они, конечно... они мне очень нужны.
- Ой – она говорит – если вы купите мне, вы мне тоже... возьмите... вот там деньги...
- Ой, ну что вы – я говорю – я вам с удовольствием куплю и принесу.
И я начинаю идти по этому рынку и чего-то никак не могу его найти, потому что я знаю, что он был почти рядом вот с этим... недалеко от Почтамта, где был вот этот киоск, куда я подошел. И женщина эта видно ждет. И я думаю:
- Что за ерунда, я обещал принести семечек и не могу их найти.
А вся штука в этом сне с семечками, что я сейчас принимаю... ну такой supplement, как я говорю, соплимент, я... от простаты... Пидиом, где именно часть ингредиентов, которые находятся в этом, ну в этом... природном лекарстве – это тыквенные семечки. И вот я об этом как-то начал читать внимательно и вчера еще раз убедился... И вот сегодня вот такой вот сон, с этими тыквенными семечками. Но здесь очень разумно, потому что у женщин простаты нет. И какой смысл был ей заказывать мне вот эти семечки, тем более, что она бы может быть бы могла купить их и сама. Но вот такой... но сон так и выявился. Во сне нет никаких... нет уж объяснения, точнее, идет все по законам сна, как и любое произведение искусства и идет... имеет свои, свои законы и по этим законам надо его судить.

***

А дальше еще один сон, который меня совершенно тоже потряс. Я нахожусь в Джурине. И в клубе у нас идет спектакль, который поставила Анжела Шенкевич, бывшая моя студентка и бывший мой ассистент режиссера и вообще, штучка невероятнейшая. Она соблазнила моего студента и он женился на ней. Потом и ребенок у него родился. Она соблазнила и Сережу Попова. Но это была, конечно, пара, достойная друг друга. Она больше того, она соблазнила Збандута, директора киностудии. Но единственное что, что он все-таки не женился на ней, но она была его любовницей долгое время и, к сожалению, он рано умер. Так вот она поставила вот этот спектакль. Она была очень ко мне привязана и самое главное, что она меня не соблазнила, потому что я... ну, слишком хорошо ее

знал. И когда ты знаешь все, так сказать, все недостатки, ты... я бы никогда не позволил себе к ней даже и приблизиться, в смысле близости, в

отношении там секса или что там такого... Поэтому... И вот она ставит этот спектакль. И это какая-то композиция по Пушкину что ли. И здесь, я тоже понимаю, почему вот это приснилось, потому что сейчас тут находится Артур Офенгейм и я ему рассказывал, что он поставил во МХАТе... ну с такой молодежью... еще при Ефремове, какой-то тоже... композицию, как бы стихов... может быть все-таки... или Бродского... А, да, да – Бродского. И отсюда у меня видно... И вот я... Но самое интересное, что я в зал не захожу. я стою в предбаннике, в котором когда-то стоял билиард. Он абсолютно пуст, светел, больше, чем это было раньше. Предбанник, это имеется в виду, этого клуба. Но дверь чуть – чуть полуоткрыта. И я слышу такие самодеятельные голоса, слышу какую-то такую музычку, которая там... подобрали... Но по всем законам жанра, как говорится, как это было в шестидесятых годах, это такие музыкально - литературные композиции. Но в тоже время, я, конечно, грызет, что вот я, как бы в стороне. И в тоже время, я, как бы человек, который взрастил это все, а вот я... еще больше того. И вот кончается как бы спектакль и я говорю, я ощущаю, что я как бы без брюк, стою вот в этом самом... И люди сейчас начнут выходить, я должен быстро одеть эти брюки, которых... я их сразу не могу найти. И наконец, они где-то там лежали в углу чуть ли не... И я натягиваю эти брюки и слава богу, так сказать, нет позора и все, потому что люди стали позже выходить. И потом я захожу... как бы там еще одна комната, там где был кабинет, я туда подхожу. А там уже сидит Сережа Попов и еще какие-то несколько человек.
- О, - говорит – Илья Эзравич! А вы смотрели, а вы смотрели?
- Я говорю:
- К сожалению, я так не успел, я кое - что так слышал.
Но они как-то так с большим уважением... Но я говорю, что:
- Ребята, надо уходить, я... надо закрыть Дом культуры.
Но вот это то, что я еще как бы являюсь... ну как бы директором этого Дома культуры, вдруг возникло. Когда-то там был Сема директором... наш. Вот такие, так сказать, пироги в плане сна и реальности.

***

Потом я выхожу в этот... в этом... в Джурин... Я выхожу из клуба... или перерыв какой-то во сне... И я иду по низу, иду вниз, иду со стороны помпы, иду со стороны больницы. Поднимаюсь вверх и навстречу идет мне Аркадий. И это такой здесь молодой человек, но не молодой уже, а в

возрасте. Он тоже оказывается окончил какие-то... ну не знаю, какой-то институт в... Может быть, даже и в Москве, какой-то факультет режиссуры. Но так, и как сказать, и не сумел пристроиться ни к чему и вот живет... Но вот встречаю я его в Джурине, а живет он в действительности в Чикаго. Потом там еще один такой неудачник – режиссер.... парень, которого я тоже тут знаю, живет тоже в Чикаго. А третий едет на машине, правда не на такой современной, а на каком-то джипе. С усами, какой-то человек, которого я как бы и знаю по Одессе, что он, но... Но он действительно, он ставил... ставил и спектакли, и фильм какой-то сделал. То есть, он более... но как-то так, ну уж... оставливается, здоровается, но чувствуется его какое-то как бы вот пренебрежение. И я подумал:

- Слушайте, в одном маленьком Джурине и вдруг оказалось четыре режиссера, включая и меня.

Вот событие, вот эта мысль меня... - это же надо. Это похоже было на Шолом-Алейхемовское пиво, которое... развел цистерну чернил, для того чтобы покупали чернила в местечке, где было очень мало грамотных. Вот такая вот история, но вот так я ее вывернул в плане восприятия.

K000.2

Вот сегодня я просто поражен, поражен этому сну, этому вообще продолжению, этому... беспрерывности этой темы, которая не уходит. Снится мне такой сон, что я в... ну приезжаю, это трудно сказать, что я уже тут в эмиграции, так сказать, как будто и в Одессе в одно и тоже время. И в то же время, лица, которые участвуют, они... они эмигранты.
Снится мне такой сон, что к нам приезжает извеснейший какой-то музыкант Джон Гилевский. Я должен посмотреть в... в этом самом... в какой-то словарь, есть ли вообще такой джазовый музыкант или вообще музыкант – Джон Гилевский. И вот снится мне такой поразительный, поразительный сон. Я прихожу... это один из первых на этот... на эту как бы встречу. И она происходит каким-то образом очень странно на берегу моря, с одной стороны. И какой-то такой зал... Это не... не зал, как обычно, как бывает зал, а вот какой-то дом высочайший... Высотный дом такой. И в нем вот... заходят туда люди и они как бы усаживаются на балконе или на какие-то такие специальные... И таким образом... А сам этот певец и музыкант, он находится как бы перед ними, ну, как бы выступает, я не знаю, как перед Белым Домом, какая-то там... или есть какой-то там... такая... как они там... лужайка. Вот один на это похожий... Вот на этом вот... устанавливается микрофон и какая-то маленькая такая трибунка и вот он выступает там Президент или кто-то другой. И вот здесь такая же... как бы такой же вариант. А люди находятся над этим концертантом. И вот этот... это очень интересный такой вот момент, что вот этот Джон Гилевский, известнейший как бы, я знаю, музыкант приезжает и он останавливается... И он маленького роста, ребенок. Худенький, совершенно просто... но уже в возрасте...
Я записываю сейчас сон... продолжение, потому что у меня прерывается, я прервался. Я сейчас, может быть, все, конечно... надо записывать немедленно, потому что потом угасает очень много красок, очень много нюансов. И вот в данном случае, вот этот Джон Гилевский, которого я не знаю, существует ли он в действительности. И вот этот маленький какой-то такой, ну совершенно коротышка, худенький старичок, только не мальчик, подходит к этому микрофону или он уже стоит у микрофона... И вот он должен... И все так стоят в этих окнах, на балконах и вокруг видно как-тот так. И он ничего не поет, а только какой-то ритм отбивает, как какой-то знакомой, как бы песни. Я подхожу к нему и... И он как-то так сразу обратил на меня внимание и он мне как-то чуть ли не по... я знаю там, ниже

плеча еще... Он меня как-то так обнял... Я подошел ближе, он меня как-то обнял. Я думаю:
- Боже мой, ниже меня даже фотографию его снять, аппарата нет.
И в это время подходит... ну подходит Рита из радио, вся такая губастая, зубастая. И она щелкает каким-то аппаратиком. И оттуда, как конфетка, как называли фантики, выскакивают две фотографии. И я как будто так посмотрел, как будто там что-то есть на этих фотографиях. Но я так и ничего не увидел.
И вот... и вот этот сон с Джоном Гилевским, он был очень продолжительный. Он не то, что был какой-то короткий вот такой. Там было очень много таких нюансов, которые я сейчас, к сожалению, забыл. А вот настроение общее было как будто на фоне какого-то... И вот что мне... Какие у меня ассоциации возникают. Я когда смотрел спектакль “Ромео и Джульетта” в театре “Сатирикон”, художник как-то там очень остроумно построил вот десятки... как будто такой жилой громадный дом, там в Вероне. И из каждого окна... как бы еще, где-то в каком-то были в театральных таких вот вещах, где из каждого окна или на балконах стоят люди. Вот такая вот ассоциация могла и у меня возникнуть. Насчет вот этого вот маленького человечка, здесь больше. Но я как-то недавно вспоминал Круген...., который был маленький. Вообще, говорили о том, что изменилось понятие героя даже, что Дастин Хоффман тоже коротышка, играя в “Соломенных псах” играет героя, играет именно человека, который защищается, который побеждает и прочее. То есть, вот это вот понятие, как ни странно даже, именно еврейские актеры почему-то в Голливуде этим... Дрейфус тоже не очень такого мощного роста. И он тоже играл каких-то героев. И тоже самое Вуди Аллен. Он не играет Самсона, но в тоже время каких-то людей, которые интеллектом или юмором или все... тоже побеждают. Вот такая какая-то другая совершенно порода, вместо таких, как тоже крепких актеров Голливуда, как Дуглас, как Грегори Пек, между прочим тоже, два оба еврея. И те же самые Питер О'Тулл и многие другие. Это были высокие красавцы, которые были все очень импозантны, красивы, сильны. И вот появляется совсем другая, так сказать, порода людей, включая там Леонардо де Каприо. Короче, вот эта могла вот такая ассоциация возникнуть с этим маленьким каким-то человечком, который... Но еще больше всего в этой ассоциации, есть возможно, что я смотрел журналы и там наш один корреспондент, которого я хорошо знаю, Сержа из России, он что-то тоже какому-то... Я думаю, что это, больше всего отсюда ассоциация. Там есть вариант, когда он дает какой-то репортаж о музыкальных новостях и там есть фотография в этом журнале, где он обнимает коротышку... Он высокий правда, выше меня ростом, где-то метр

восемьдесят пять, возможно, этот Серж. А тот – ну, просто ему по пояс. И вот эта фотография, вот она как-то так и снята, она несуразно, это видно там. И это тоже известный какой-то джазист. Вот я думаю, что отсюда оно и возникло. И меня это как-то так смутило, не смутило, я думаю, что вот какая фотография.

***

Дальше, в это же время мне снится совершенно другой сон, абсолютно другой. Я нахожусь в Одессе тоже, это все-таки в Одессе. И какая-то ситуация, в которой меня очень что-то огорчило. Или что-то... кто-то умер, какая-то... Я очень и очень огорчен. И входит Володя Мальцев с каким-то своим другом. И у него талия осинная, у этого друга. И как... он весь какой-то такой на шарнирах и такой какой-то актеристый и в тоже время какой-то такой, может быть даже педарастичен, вот так. И он оказывается, это такой чуть ли не главный мафиози в городе. И они вот заходят ко мне и там начинается какая-то очень и.... И вдруг я бросаюсь Володе или на шею, или на что... и начинаю так рыдать, так рыдать, что просто не могу остановиться по поводу какой-то потери близкого или что... Мне даже трудно понять, что же там происходило во сне и почему я так рыдал. И я искал помощи, я искал, как бы защиты именно у Володи, тем более, что у него такой вот товарищ есть. Вот это. А ситуация продолжается в этом же как бы доме. Дело в том, что весь мой архив, ну как бы открыт для всех и его разворовали. И среди них, я смотрю, Женя Белецкий, мой студиец, тоже взял с собой что-то, какую-то реликвию из моего архива. И я прошу их оставить все, положить все на место может быть это какой-то потом.... А последовательность была именно, что после того, что плакал. Но я... меня это очень, очень так как-то огорчает и я думаю:
- Ну вот, все это будет разворованно.
Здесь то, уж точно какие-то... Я сейчас занимаюсь архивом своим и поражаюсь, во-первых, что я собрал и какие интересные вещи и все... А с другой стороны, я чувствую, что я не имею времени, ни остается, мало, даже о чем может быть... и не будет времени все это привести в порядок. И я тону, я... и меня это все огорчает, что я не смогу успеть что-то сделать. Для чего, мне трудно так сказать. Я все понимаю, что в принципе нет смысла огород городить, если ты не можешь уже, не успеваешь. А с другой стороны, мой характер, мой.... моя звезда или под той звездой, под которой я родился, как бы корм мой, двигает мной и жаждет закончить то, что ты начал и то, что ты задумал. Вот такой вот, вот такая вот ситуация.

10-ое февраля

10-ое февраля. Я стою у реки такой, может это даже и не река, а берег моря, но я как-то не вижу весь там океан или море, а вижу там какую-то часть. И вот так вдруг в брюках и.... плывет мальчик. А за ним, рядом с ним плывет женщина, которая его как бы, как бы оберегает. И как бы плывет как бы в платье каком-то и платке. А он так по грудь, виден голый и очень такой крепкий мальчишка лет семи – восьми, вот такой мальчишка. И он очень так плывет, а рядом, я так смотрю, на плоту или где-то на мостике каком-то, возле этого же, на этом же... стоит Сталин. И во весь такой рост и наблюдает за этим самым... и очень хмуро так смотрит - “Как же это он мог этот мальчишка вот так уплыть и как бы он безопасный, он в опасности”.
А я это самое... да, значит, теперь вижу, что мальчик очень похож на него, в таком именно таком зрелом как будто сталинском варианте. Не тот маленький Иосиф, Сосо, который на фотографиях обведен таким кружочком и он даже какой-то... женственное такое личико было у него, когда он там в духовной семинарии и до этого в школе, вот эти две фотографии, нет, он такой... Волосы у него, как у Сталина причесаны... причесаны всеми ретушерами... Вот такого плана он. Я... я тут же вплавь подплываю к Сталину и он как-то так увидел меня и я ему говорю:
- Иосиф Виссарионович, а мальчик этот из всех ваших, сам, больше всего похож на вас.
Его это как бы так обрадовало и он ко мне так очень, так улыбнулся как бы:
- Да, мол, похож...
И в это время, в это время я смотрю мчится к нам какой-то типа катер, на котором люди тут же готовы меня схватить и... Но Сталин так, каким-то кивком таким, который для них это как бы знак, что это его друг и его человек, которого не надо трогать, они так подходят ко мне, подъезжают. Это уже, как бы на этом мостике, это уже не в воде. Они не... а меня вдруг оказывается... я уже здесь не в такой рубашке типа таком кителе каком-то и они меня туда прицепляют... к лацкану рубашки или того же кителя четыре каких-то таких знака, типа флажок, серп и молот какой-то вот такой... И они как бы туда... и они длинные. И они как бы одевают на лацканы и таким образом они там держатся. В это время появляется на этой же стороне, появляется Евтушенко. Высокий такой, подходит... худой. И я говорю:
- О, а вот – говорю – известный поэт Евтушенко.
То есть, я именно представляю для них таким образом, что они его... ну, что они о нем мало слышали. И потому что так по времени, это я теперь могу понять, почему у меня такое, что они то его ... 63-й, пятьдесят...Это где-то до 53-го пускай будет, они его не знают. И так Сталин тоже на него посмотрел, так со стороны. А и они ему... один, он так очень хочет, что-то подойти и сказать. Но они ему такой знак как бы дали. И он стоит и хочет

тоже какой-то значок. Они ему прицепляют один значок такой. Вот. И я... да, а я все думаю вот это самое... фотографии взять, конечно, надо фотографии и вспоминаю, что Евтушенко ведь фотограф. И говорю:
- Женя, у тебя аппарата нет?
Он говорит:
- Нет, не захватил.
А Сталин так стоит все смотрит на мальчишку, который уже плывет как бы обратно и очень так ухмыляется и что-то есть какое-то человеческое что-то такое мелькнуло в его взгляде. А вот эта женщина похоже как бы на его маму, это его бабушка этого... или там уже прабабушка уже этого мальчика. Чей он, что – я не задумываюсь в это время, но вот такой эпизод мне как бы приснился.
Ну причины здесь... Я все время собираю Сталина, все время просматриваю и сотни фотографий и картин. И таким образом он у меня беспрерывно где-то в подсознании есть, что я еще должен сделать эту книжку “Иконография тирана”. И она у меня все время, как бы так сказать, движется. И поэтому это могло быть. Евтушенко здесь в связи с тем, что я вот сейчас думаю ему готовить вечер, поэтому он тоже как-то возник и именно рядом, хотя там его пару стихов, там обличающих Сталина и прочее не говорят о том, что он его лично сам может быть там, не любил. Думаю, что и как все остальные, он может быть его любил, хотя я как-то никогда не спрашивал его об этом. Может быть придется, вот сейчас, когда мы встретимся, может возникнуть такой разговор.
Потом сон продолжается и продолжается вот каким образом.
Я в гостинице в какой-то сижу и... и приходит Евтушенко в носках и такой уже современный, грузный даже и говорит:
- Илюша, где мои ботинки?
Я говорю:
- Женя, я их не видел и не брал. И зачем мне твои ботинки, когда у тетя где-то 45-й размер, а у меня 42 с половиной?
Он говорит:
- Да, я вот не могу найти мои ботинки.
И он какой-то такой смешной в этой позе. И я тоже не могу ему ничем помочь, говорю:
- Вот пожалуйста, возьми мои, но ты ж их не оденешь.
Я его... Вот такой сон. Там какие-то еще были нюансы, которые я не помню. И вот интересно что... почему вдруг вообще... Ну то, что я сейчас думаю, что я ему должен позвонить там, где-то договориться насчет зала и все... здесь безусловно возникает из этого в подсознании, он чаще. Насчет

ботинок и этого..., я всегда с радостью что-то такое, если оно экзотичное в плане... Я ему подарил какой-то... этот самый.... очень разрисованный красиво, разрисованный жилет – это то, что он любит такие. Когда он у нас ночевал, какую-то шапочка, которая... которая ему очень, так сказать, понравилась... И у меня всегда есть такое желание одарить. И поэтому я вот... и может быть в отношении этих туфель, ботинок. Но у меня таких больших ботинок просто не было. Может быть здесь какой-то, любопытный подсознательный какой-то....

***

... февраля, но вот какого? Новая какая-то пора. Как и этот сон снится на протяжении всей ночи с продолжениями, не выходя из сюжета. Такого у меня раньше не бывало, чтобы перескакивало, переходило... А сейчас идет полностью как бы сюжет, не прекращается сон.

Да, я оказывается все – все тут... что ж это такое? Почему у меня этот... Я делаю паузы и все, что я рассказывал, оно... Но я сейчас постараюсь, теперь уже во второй раз рассказать. И вот снится, что вот Авербух Лев Яковлевич, это учитель еврейской школы, дает поручение, чтобы его сыну передать какой-то... какой-то пакет. Там бутылка или вина, или коньяка, или лечебное какое-то... жидкость. И я говорю:

- Конечно, мы... я ее передам.

И вот мы с Сашей Черным, моим кинооператором, как бы идем для того, чтобы отправиться в порт на корабль, потому что только мы должны уплыть на корабле для того, чтобы уехать из этого города и приехать туда, куда мы как-то должны приехать. Но куда и что, это абсолютно в этом сне не присутствует. Мы должны уехать. И вот надо добраться до этого города. И вот, в первую очередь, мы попадаем на какой-то поезд, который везет нас... Ну, это может быть и метро, но очень его салон необычный такой узкий, может там две скамейки друг против друга, а наверху нары, громадные какие-то нары и он очень широкий этот салон. И вот в этом салоне, где мы... он просто черный, он весь какой-то, как после пожара. И там находится именно и черные... и находятся негры, которые совокупляются, которые орут, кричат. И главное, что я не вижу... Саша куда-то пропал, а я, так сказать, сижу и они все время на меня смотрят, как будто вот сейчас захотят изнасиловать или черт его знает что... Но я так как-то... стараюсь, не знаю, мысленно отводить их от этих намерений. И я... и когда мы вдруг вместе с уже Сашей выскакиваем где-то в каком-то... в каком-то месте и это очень узкий какой-то проход, улочка такая. Она тоже темная, это возможно такое предутреннее состояние и мы только видим

где-то очень далеко – далеко, между двумя вот этими рядами домом и каких деревьев очень таких... без листьев, без ничего, мы видим какой-то просвет, есть какой-то. И мы почему-то очень уверенно идем туда, считая, что там должен быть, должен быть порт. И действительно, вдруг выясняется, вдруг проясняется и мы смотрим, что море, море впереди. Ну это такое ощущение радостное, что вот все-таки мы правильно идем и мы попадем туда, куда мы хотели. И рядом пароход, недалеко и трап там такой. Но трап не так, что поднимается наверх парохода, а просто, как мостик такой, прямо идет к тому пароходу. И я так обрадовался и говорю:
- Значит мы, Саша, правильно попали. И – говорю - надо вот занести, быстро попробовать занести...
Да, появляются у нас в руках чемоданы, которых не видно было, до этого не было. И я говорю:
- И в первую такую попавшуюся каюту надо их поставить и таким образом, мы как бы забьем места.
И там женщина какая-то появляется, так мило, да, считает, что мы как пассажиры, как положено. И мы туда заходим, я в каюту сам не захожу, но там, как бы уже положили туда чемоданы. И вот мы выходим, мы на берегу, а там очень так идет какая-то подготовка к отплытию. Но это все на втором – третьем плане. А на крупном, так, как бы, если появляется, стоит капитан или боцман и еще какие-то пару человек. И я говорю и стараюсь их обаять и рассказать им, кто мы такие.
- И что вот он кинооператор, я режиссер и мы сделали много фильмов и может мы вам будем полезны на пароходе что-то тоже сделать для вас.
И таким образом мы как бы для себя... заявляем о себе.
И он:
- Да, да, да - и есть какие-то такие ощущения, что они согласны на это.
И я думаю:
- Вот здорово! Значит мы сумеем, может быть действительно спокойно доплыть, куда мы должны доплыть. Хотя не ясно куда и в какое это место.
И в это время появляются два молодых человека, которые сходят с парохода или куда-то идут в город или должны... Они одеты очень так ярко в морские одежды. Но вот они... они с иронией как-то смотрят на нас, глядя как будто:
– Ну что это за моряки или что вы там сумеете делать на пароходе.
Они не слышали нашего разговора, но поняли, что мы как бы нанимаемся или что. И они говорят:
- Вот что надо уметь делать.
И вдруг они с какого-то... как бы подпрыгивают и ныряют в море. И это не

просто, как море возле берега, а как мы появляемся как бы далеко от берега. и они как дельфины подпрыгивают оттуда, делают сальто – мортале разные в воздухе. И снова высокий такой... с высоты прыгают вниз и выделывают такие фигуры какие-то высшего пилотажа над водой и в воде. И естественно, что мы как-то посрамлены и я думаю:
- Боже мой, о какой морской службе или о каком морском содружестве можно было говорить, когда вот что надо уметь вытворять.
И они потом как бы так... тут же снова в одежде, а там они были без одежды, этот процесс там неясен был, не виден был. И вот они так удаляются, так ухмыляясь:
– Вот, мол, так надо уметь, чтобы служить во флоте.
Да, это такой очень убийственный момент, но я думаю, что все-таки нам надо, нам надо быть на пароходе и поэтому мы сделаем все, чтобы быть там.
Потом вдруг появляется... что я с Олей на пароходе. И как будто сцена там есть какая-то. И там все – все, что-то какое-то там... разрушено на этой сцене. Ее надо привести в порядок и она как бы что-то там занимается занавесом. И я... во-первых, Оле... нам надо, как бы сказать, с этой женщиной договориться, чтобы уплатить свыше там нормы и чтобы она знала, что мы уже едем с ними и это очень важно. А потом там как бы готовится оперетта или Дунаевского оперетта или “Вольный ветер”, или об Одессе “Белая акация”. И я начинаю готовить, петь эти все знакомые арии. И голос как-то звучит довольно хорошо. И я так уверенно думаю, что я сумею это все сделать для того, чтобы опять все-таки быть уверенным, что мы уедем на этом пароходе. Затем вдруг я появлясь... вдруг я... мы опять почему-то на берегу моря уже теперь с Сашей Черным. И мы в каких-то там плащах модных и в шляпах и вот прохаживаемся по берегу и видим впереди там город какой-то маячит. И прохаживается милиционер там вдоль парапета, как-то так. И он подозрительно смотрит на нас и я думаю:
- Ну все. Если он сейчас подойдет и скажет:
- А где ваши документы? – мы пропали, потому что ни driver license, ничего нету.
И я так нарочито, с какой-то такой очень..., с юмором, с улыбкой, со смехом даже, начинаю говорить по-русски, чтобы он понял, что мы не иностранцы. И так артистично это все, чтобы он подумал, что мы актеры или что-то там. И действительно, он как-то так посмотрел на нас, а потом я так понял, что мой замысел как бы удался, и он уходит. И я думаю:
- Ну вот, пронесло.
И опять говорю Саше:

- Нам надо сейчас точно уже утвердиться, что мы на пароходе и что нас никто оттуда не выбросит. Я понимаю, что во время парохода, если он отплывет и мы там будем, никакой проверки уже в самом море не может быть. Но по прибытии куда-то, явно может быть, нас могут ждать или там будет какая-то проверка, и тогда мы опять погорим. Надо с этой женщиной договориться, чтобы мы могли себя чувствовать там более спокойно.
Но если так честно говорить, так этот рассказ мой, это бледная копия того, что приснилось, что было со мной и, что я видел. И цельность этого сна, который продолжался видимо на протяжении всего все-таки вечера, ночи всей. Потому что я вставал, а он продолжался, потом я ложился, говорит просто о какой-то фантастической силе сна и воображения и всего, всего, всего, всего...

***

Такой, тоже такой кусочек, как новеллочка небольшая. Снится, что я нахожусь в доме или как-то это на улице происходит. Скорее даже на улице, на какой-то скамеечке как бы приусадебной, такой, возле садика. Девочка, совсем юная, ну просто 12 – 13 лет и такая, как кукла. Даже не то, что она красивая именно, какая-то страшно обаятельная. И вот она... и там значит она сидит, потом еще одна девочка сидит рядом с ней. Очень тоже красивая, но очень спокойная такая. И эта... и ребе какой-то рядом стоит и его сын мальчик, тоже совсем еще юный. Вообщем, вот эта девочка, она... она своего рода, как бухгалтер что ли или ведет дела его. И она так быстро в уме все это подсчитывает и настолько как-то это легко и... легко и приятно это все. То есть, она ему не какое-то там засушенное... будущая бухгалтерша. В ней есть какое-то обаяние и умение быстро все привести в порядок в уме. И вот она что-то подсчитывает и я не знаю, какое я имею к этому отношение. Или я его customer, или его... Во всяком случае, она это делает очень легко. И потом мы идем... Да и потом мы как-то все вместе прохаживаемся к какому-то... идем по улице. Справа, какой-то очень обширный такой... поле. И мы идем к какому-то небольшому такому домику и по дороге, как бы решается вопрос о выборе невесты для этого мальчика. И этот ребе говорит:
- Что я согласен, чтобы ты стала женой моего сына.
Но оказывается, но оказывается, что это предложение не вот этой девочке... Или наоборот, та девочка, вторая была очень как бы огорчена, потому что видно какие-то надежды были у нее. И вот мы идем вот так, летней какой-то, такой весенней, скорее даже какой-то такой пейзаж. И мы идем к этому домику, это как молебный домик, я не знаю там. И спускаемся в... как бы в

такой зал, зальчик это скорее всего даже, как бейсмент. И там еще какие-то службы, служит какой-то молодой такой тоже, ментально, это по-моему, нездоровый. И я так присутствую, как бы при этой помолвке. А потом этот ребе куда-то исчезает и мы идем вверх. А там оказывается есть какие-то еще этот самый... есть еще какой-то наверху... я всегда забываю, а вот украинское слово вспоминается, а русское вспомнить не могу. Хебель, ну это наверху, еще есть такое помещение с окошком. И я говорю:
- Вообще-то, неплохо туда зайти посмотреть что там. Может там книги есть или что...
И этот служка как будто согласен, чтобы мы туда пошли. И я в то же время думаю:
- Нет, это будет не очень удобно.
И я отказываюсь от этого. И тем более, мне кажется, что там очень... лаз туда, вход туда очень, очень узкий. И я не знаю, насколько я смогу туда пролезть. И я отказываюсь от этой затеи. А вот эта девочка, а вот этот такой... лицо ее было настолько не... это как бы приятное и так запомнилось необычайно, необычайно.

***

Вчера вот так попался мне на глаза рассказ, рассказ Александра Грина “Акварель”. Я его раньше не читал, хотя так казалось, что я все прочитывал, когда я готовил, готовился к фильму “Комендант порта”. Но в данном случае, рассказик помещен в такой книжечке, в которой... издало издательство “....”. Я сделал на двух языках: на английском и русском. И там выборка, как случайно, там есть несколько писателей, которых я вообще даже не знаю. Усов какой-то и еще какие-то пару... А... но там есть и Бабель, и Грин, и Зощенко, и Аксенов... там еще кто-то из таких более звонких имен. И вот этот “Акварель”, это действительно мастерски написан рассказ. Там такая прекрасная мотивировка, диалог очень точный, без... И потом тоже есть такая бабелевская цветастость, легкость. И так что рассказ этот, в смысле выбора как из советской литературы или что там было хорошего, он как раз очень неплохой. И потом там тот же самый прием у него... как и в “Коменданте порта”, как и все его рассказы, Ассоль или... А здесь какой-то Кессель и Бетси, то есть, это придуманный с одной стороны, как бы мир. Но он, как человек, который плавал, конечно, знал хорошо эти портовые города, эту портовую жизнь, знал их людей, кочегаров, матросов. В этом смысле, у него все это, в каждом рассказе где-то повторяется или мелькает, или об этом говорится. Но самая интересная такая деталь, что фактически, живя уже в советское время, абсолютно, как большинство его

вещей его были написаны и до революции много, но большинство было написано уже после революции, он как бы совершенно отсутствовал в этой стране. У него все было придумано как бы где-то. И это был прекрасный прием, то есть, это спасло его видно и он, как бы так сказать, был и принимаем и признан. И в тоже время, абсолютно не связан с жизнью, современной жизнью советской. Да, он был, конечно, очень большой и оригинальный человек и необычный. Я так вспоминаю сейчас его фотографию, где у него на стоит... ворона... Вот такой интересный типаж Александр Гриновский, Александр Грин. Ой, такие вот пироги.

K02.12-1

Мне снился такой сон, очень странный. Я в театре, в фойе и вдруг вижу, что там у раздевалки примерно, стоит опершись как-то так очень театрально на стенку Остужев, великий актер Остужев. И он играет сегодня в спектакле. А он почему-то стоит еще здесь в фойе и скоро должен быть его выход. Я не верю, что Остужев так просто стоит. Я немедленно так подхожу к нему и говорю:
- Что вы знаете, я потрясен, что я вот тут вас вижу и я очень был бы рад во-первых, я хотел сказать, что о вас мне рассказывала Анастасия Павловна Добруцкая, жена Михоэлса и я счел бы за честь, чтобы вы дали автограф для книги, которую я сейчас готовлю. Пишу такой альбомчик “Чикагола”.
Он так смотрит на меня совершенно странно.
- Да, да – говорит.
И потом как-то так... я знаю, что он заикается в жизни, но там... тут ничего не было, он не заикается, как-то так:
- Да, да - и смотрит как бы сквозь меня и стремительно уходит куда-то вглубь...
Там какой-то есть еще выход. И я как бы иду за ним. Я не знаю, как себя вести, мне неудобно, как будто я чем-то обидел или... И он идет туда и уходит через дверь, сценическую такую комнату, которая выходит... ведет на сцену. И там я вижу большое количество актеров, которое, так сказать, в одеждах и идет спектакль, похоже “Белая гвардия” по Булгакову. И они все вместе, какие-то песни поют там. И потом я думаю, что есть смысл, может просто пройти туда и со стороны как бы сцены, увидеть как все это происходит. Но как-то неудобно и я думаю:
- Нет, я пойду с другой стороны зрительского... со стороны зрительного зала.
И возвращаюсь, иду как бы в то же фойе и иду... И слышу опять как на сцене какой-то очень громкий разговор. И выходит как бы актер, который... мне казалось, что играющий какую-то там роль какого-то офицера, которого я думал должен играть Остужев. И он начал как-то так по-боевому быстро отыгрывает свою эту сцену. И появляется рядом... из зала выходит и направляется ко мне. И я вижу, что это совсем другой человек, это не Остужев, а какой-то... очень такой замухрышка, какой-то актер. Вот такой сон. А почему он снился? Вчера я по радио слышал передачу о проекте новом таком, как это сейчас называют, проекте Фокина, этого очень известного режиссера, который ведет какие-то мастерские Мейерхольда, вот такой... Короче, такой проект у него – поставить все те спектакли,

которые шли при Мейерхольде, самого Мейерхольда... такие спектакли. Но в Ленинградском, бывшем Санкт-Петербургском театре. Вот. И я, конечно,

с интересом слушал, хотя много было такого наносного, какого-то театрального, много... какие-то... Они хотят восстановить и “Грядущий хам”, “Ревизор” - это “Грядущий хам” и там совсем много – много каких-то ассоциаций и болтовни, которая, конечно, грамотна. Но я в этом вижу “от лукавого” больше. Здесь... театр должен радовать, театр должен.... а все эти ассоциации, что “Грядущий хам” - это Ревизор, что так распоясались и тем более, что им давали какие-то кусочки от этого. То есть, здесь принцип такой, тем более у этого Фокина, что как хочу, так и делаю, то есть никаких там запретов или... хочу и так поставлю. Но в свое время и Мейерхольд себе так позволял. Но я не говорю о спектаклях Мейерхольда конкретно, но в тех учебниках и в тех рассказах и все... Но я, конечно, могу себе представить, но для того времени, это видно был действительно какой-то революционный, какой-то новый вариант. А сейчас вот себе позволить то, что позволяется в кино, где нет просто не то что логики, а вот именно какой-то режиссерский диктат и притом не режиссера гения какого-нибудь.... который.... а просто потому, что ему доступнее, не знаю, что он имеет власть, рупор и может командовать. Но почему так, а не так или так, а не так, он не может даже объяснить, включая даже ту же Киру Муратову. Поэтому я, честно даже говоря, так послушал, но отсюда видно и пошел вот этот сон.

***

Второй параллельно с ним был совершенно другой, но он тоже имеет под собой, так сказать, просто прошлое и я был даже очень уж огорчен.
Я стою с несколькими студентками, с моими студийками. И одна из них, просто кажется моя родственница, в смысле, наша родственница с Олиной стороны. И девочка, совсем маленькая, юная, ей там четырнадцать – пятнадцать лет может быть. И со мной, из тех лиц, которые я помню, Чернякова Таня. И вот мы стоим на углу какой-то улицы, это могла быть и Одесса, но в тоже время, может быть уже и Америка, не знаю. И подходит... с другой стороны стоит какая-то стайка мужчин, но уже таких взрослых. И среди них мне показалась как-то даже и морская форма... кто-то там мелькает. И подходит какой-то такой... “шестерка” такая и подходит к нашей этой группке и говорит этой девочке, которая родственница наша как бы, говорит ей:
- Пойдешь с нами?
Она говорит:

- Да, пойду.
И уходит прямо к нему, с ним, туда. Я ошарашен, я себе представляю, что

они могут там делать, они могут ее там изнасиловать, все вместе или.... Но она настолько была счастлива, что она ушла туда, что она может быть с ними, что я просто не мог даже как-то опомниться. Я смотрю на моих девчат:
- А вы, вы тоже пошли бы?
Они как-то помялись и не сказали ни “да”, ни “нет”. И вот это меня просто совсем выбило из какого-то.... И я думаю, что надо... И вот они с этой девочкой уходят туда. И я смотрю, она так весело как-то с ними разговаривает и все... И я себе представляю, а моя фантазия буйная, представляю что может быть. Это ж вообще, целая трагедия. И я вот иду и думаю:
- Но я ж остановить то, я ее не смогу, но что-то делать надо.
И они как увидели, что я иду за ними, они вдруг остановились так... И дальше я не знаю, действий моих никаких там не было, но я просто потом запишу то, что было в действительной жизни.

***

Сон, который совершенно меня, конечно, я... Мне снится, что мы приходим... мы дома, в нашей маленькой комнатке. Вообще то я... так бедно все, серо и холодно. И я сел... и мне кажется, там еще находится кто-то из наших, кажется Сема. И я говорю:
- Сема, мама уехала, а мы даже не взяли ни адрес, ни телефон ее. Зря она уехала. Она что, совсем решила уйти отсюда или из жизни?
Я вдруг понял, что мы допустили громадную ошибку. Она собралась и уехала и уже прошло даже несколько дней. И ее нету, и ни письма, ничего и мы не знаем где она. Но он как-то так спокойно отнесся к этому и говорит:
- Ну я думаю, что ты думаешь, что это как самоубийство, как уход какой-то из жизни, именно уход это из жизни, так тихо, не попрощаясь ничего...
И вот это меня очень тревожит. И такие ситуации мне снились и раньше, но там было связано с папой, что он куда-то уехал на пару дней. И мама абсолютно не волновалась. И я понимаю, что это он просто уехал к какой-то женщине и живет там и наслаждается, радуется и все. А потом опять приезжает домой. И мама совсем его как бы не ругает, никаких к нему претензий не имеет. Значит он вернется, ему надо было там отвлечься на один – два дня. И вот это... Этот сон частый, как бы был, но то, что мама ушла и она как бы ушла и пропала – это у меня впервые, такой сон.

***

Из снов повторился как будто... не могу даже от него отделаться и не знаю

почему. Хотя нет, я знаю почему он снится. Но, например, выбить его из подсознания, я сам лично не могу. Я и не пытался, но я не знаю, нужно ли это сделать. А сон вот какой. Я попадаю в Одессу и на киностудию, но здание совершенно другое, чем в действительности оно было. Там какой-то громадный комплекс современный и в тоже время очень богато обставленный. Каждый этаж имеет свой какой-то зал. И вот я иду на какой-то... иду, попадаю в первый зал, где я вижу там вдали, где-то на сцене или на какой-то подразумеваемой, я ее даже не вижу, есть какие-то выступающие, большое количество там людей. А сидят вот в этом... на каком-то пенале вот таком, сидят очень много молодых девушек, женщин. И я просто даже не знаю, они очень даже похожи на такую фабричную девичью компанию. Ну и у нас тоже ж были там, как бы рабочие должности и там тоже было много женщин. И я думаю:
- Ну вот, они пришли и это очень приятно. Потом может быть будут танцы.
И вот так вот я прохожу дальше и теперь я думаю увидеть кого-то из знакомых. Но ни одного лица знакомого мне не попадается. И я думаю:
- Что же это такое? Значит они... может быть это не наш, не киностудийный зал, а он где-то находится в другом месте.
И вот я поднимаюсь еще на какой-то другой этаж. А там тоже стоят и сидят очень много людей, идет какая-то... кто-то выступает. И даже какой-то... столы уже накрыты. И я думаю:
- Тоже нет и я никого не слышу и не вижу.
И вот я иду по коридору и думаю:
- Ага, вот если я до конца дойду, а там должен быть кабинет главного редактора и директор недалеко... кабинет, может быть там я кого-то увижу.
И вот я иду и тоже попадаю еще в один какой-то зал. И мне кажется, что там – я думаю – может быть там я увижу Бориса Яковлевича Колтунова. И я прохожу так зал, но тоже как-то получается, что я не попадаю в этот зал, то есть, никого нету и моя мысль о том, чтоб я попал на киностудию, отпадает.
И вот это ясно с чего я начал... Нет, безусловно, я здесь абсолютно, как бы говоря, не скучаю и нет у меня такого чувства ностальгии или какого-то сожаления и прочее, что я оказался не в студии и что меня там фактически предали и продали. А потом я должен был покинуть Одессу и я... этого такого чувства, к сожалению, у меня не было. Но видно когда-то, в первые дни и годы, когда я еще был в отказе, я понимаю, что видно оно засело очень глубоко и никак не может из подсознания выйти. И поэтому вдруг, в

какие-то моменты мне снится сон. Именно когда и почему и с чем это связано, я не могу так конкретно сказать.
Ну вчера я там смотрел книги, перебирал. И попалась там книга

Юнгвальда-Хинкевича и я подумал – “Я ее отнесу к Одессе” - потому что там много об Одессе. И может быть отсюда, хотя я же говорю, что это то, что все-таки связано с какой-то обидой, связано с каким-то чувством несправедливости, которое засело. Я думаю, что такие вещи больше всего влияют на такой сон, а не хороший какой-то там... какой-то... хорошее какое-то событие. Вот такой вот сон.

***

А в это время я прочел несколько блестящих рассказов еще раз Бошевица Зингера, которые меня восхитили, особенно “Друг Кафки”. Это прекрасный монолог для актера хорошего. И я бы сам бы читал его на радио где-то. Он остается, безусловно, мастером, мастером и разнообразным при том. От мистических, от очень эротических ситуаций необычных. Вот это все есть в этом человеке, который больше похож на бухгалтера или на какого-то чиновного человека, чем артистичного внешне. А оказалась вот такая глубокая, тонкая и умная, мудрая такая организация в этом теле. Вот это в отношении Бошевица Зингера. Потом у меня... вдруг я открыл для себя необычайно тонкого, умного тоже и просто талантливого человека – это Эдуарда Бабаева. Это литераторовед и писатель. Но больше всего этот человек, с прекрасной памятью сохранивший в себе встречи с интересными людьми, особенно в Ташкенте, в то время, когда он там... а он уроженец этого города. Это когда он жил там и там же были Ахматова и Кузин, Мандельштам. И он так... будучи юношей, мальчишкой, в пятнадцать лет... На протяжении этих лет, когда они пребывали в эвакуации в Ташкенте, он как бы так сказать, был вхож в эти дома. И я даже подозреваю, что даже Надежда Яковлевна имела, может быть, на него даже виды чисто эротические или просто хотя бы там какие-то такие будоражищие. Юноша, красивый, такой восточный мальчик, интересующийся поэзией, блестящее... и верной. И даже Анна Андреевна тоже, приветившая его. Короче, там очень большой интересный круг людей, попавших в Ташкент и в котором он оказался. И память его была настолько прекрасна и все... И даже некоторые стихи, которые ему очень читала Ахматова, он запомнил и потом они были единственным как бы источником. Потому что она забыла их, а он их запомнил. Вот такой интересный человек этот Эдуард Бабаев. И я еще начал и я уже предвкушаю (и она уже лежит у меня прямо у стола), предвкушаю еще и еще раз с ним пообщаться, потому что вот Козина

великолепная книга - письма Мандельштам к нему и его остроумные вещи – все это в той книге его, меня очень покорили так, что это любопытно и даже очень, я бы сказал, это радостная встреча вот с таким человеком.

14-ое декабря

Снился сон, который я не записал, у меня там остались какие-то ошметки от него. Сегодня уже 15-ое декабря или 14-ое декабря, а это где-то было так 13-го декабря. Джурин, стою на балконе и внизу размещены какие-то громадные пространства больше, чем это было в действительности в Джурине. И я стою на балконе нашего этого дома и вижу пространство большое и там какие-то туши или что ли, такие освежеванные, коровьи или что ли типа... ну белые... трудно понять, или там декорация какая-то. И Левин Василий Николаевич, как в простонародьи его называли Вася Левин, снимает какой-то фильм. И я присутствую, мы все-таки были друзья. И очень, так сказать, ну, я бы не сказал друзья, но он недоверчивый человек и наверное, осторжный и очень такой... понял, что я очень искренний, без каких-то там подвохов и ничего, только там занимаюсь, как говорится, процессом творчества. И он был очень счастлив, что наконец, нашел такого человека и как бы какой-то... чувство... ну что ли... я как не консультант, а человек, который желает, чтобы было все хорошо на съемках и в процессе этом творческом.

А потом вдруг раз – и это переносится на берег моря, в Одессу продолжается и он тоже там. И он очень любил покрасоваться и ему это страшно нравилось и как со стороны на него смотрят. То есть, сам по себе как режиссер, ну, он был ну невысокого такого пошиба или как бы сказать, таланта. Но он был очень прилежный, очень такой, как бы сказать, человек, который должен был все продумать до конца. И сложно с ним было работать, потому что он был придирчив, мнителен, подозрителен – вот в этом все самое главное, что... Но в тоже время такая, ну как бы сказать, ремесло он знал и лучше, чем многие другие и легче... культурнее и образованее. Он прекрасно рисовал, очень легко, воздушно и поэтому у него, все эти картины, которые он делал, они были не хуже, ничуть не хуже. Другое дело, они может быть не были лучше, не были выдающимися или становились какими-то признанными, но были, во всяком случае, определенной культуры. И вот он стоит тоже и снимает и красуется так... И я рядом с ним. Когда он ушел из студии Киноактера, вот я занял пост художественного руководителя. Так что в этом смысле, ну как говорится, я себя вел, я бы сказал, очень разумно и не препирался и оно само по себе, директор студии и все остальные поняли, что студия Киноактера, студия Киноактера, что ее, как бы сказать, душой являюсь я. И вот таким образом я

стал тогда художественным руководителем студии Киноактера. Ну вот такой сон, он возвращает меня... Он как бы вроде без... не тревожный и даже в чем-то очень даже такой и успокоительное чувство, что я занимался

тем, что я хотел.

***

Читаю Бабаева Эдуарда – очень любопытная личность, конечно, культура высокая и должно быть порядочный. Потому что все, что он рассказывает или описывает, оно выглядит так интеллигентно, очень интеллигентно. Но вот и во встрече, конечно, и с Мандельштамом, Надеждой Яковлевной и Анной Андреевной Ахматовой – это просто, как говорится, судьбоносно в его жизни. Но он себя... юношей, мальчишкой, и я так думаю, что могли быть даже и какие-то... и я уже об этом говорил, даже могли быть и интересы со стороны Надежды Яковлевны, потому что она была замкнута, с сомнениями. И притом, как потом в этой же книжке были воспоминания о жене этого Бабаева, очень близкой, ну как бы сказать, человека к Надежде Яковлевне. А она, в ее книжке “Воспоминания”, даже так не упомянула, а в чем-то даже, в смысле, очень... и невежливо, и необъективно, и недоброжелательно. То есть, вот прошло какое-то время и многие стали как бы, ну, смотреть на Надежду Яковлевну со стороны по-другому и даже и осуждать ее, и характер ее плохой отличать, и все прочее. Так что портрет, который ее... выглядит довольно так неприятно, но она становится язвенной и человеком, который расстраивает браки, как она пишет и только там это вот... То есть там нету того... той интеллигентности, в которой могла... которая была даже больше и для Ахматовой. Так что это любопытная такая книжка. А все его вот замечания и детали жизни в Ташкенте во время войны, они очень образные, очень богатые. И вот этот Бабаев... во всяком случае, во мне он вызвал какое-то очень пока доброе чувство и желание дочитывать до конца, потому что там целый пласт эпохи, который он там... в которой он участвовал. Ну, а кроме всего то, что другое, кроме этих воспоминаний, я не думаю, что все эти его исследования о Толстом, Лермонтове и о ком-то еще, это, как говорят, тысячи таких же, как и он. Так что вся случайность его просто...

16-ое декабря

Так, сегодня у нас 16-ое декабря. Хочется сказать, что стремительно бежит время и в тоже время, это... и в тоже время это нормально, так оно и было, и будет, и есть. Это кажется, что стремительно летит, а время идет одинаково

во все времена. Итак, сны. Поразительные, конечно, сны, но они очень, очень точно, они точно определяют мое состояние.
Я вчера не записал один сон, он тоже любопытный, любопытно. Идут съемки фильма и нахожусь я в какой-то... это не павильон, а скорей всего какая-то общежительская комната, какая-то большая такая. И там находится... и там актриса, именно в этой комнате актриса. Они почему-то одеты все в таких белых каких-то... типа саван и не саван, но это именно в белом. И лица у них тоже какие-то забеленные. Но они как будто из Литвы или Латвии. И должны быть, должны быть съемки. И вот я как-то так робко стучусь в дверь и захожу туда. И я не помню, слышу ли там я приглашение, но я захожу туда и они как-то так все удивлены, потому что там одни женщины и может быть кто-то там полураздетый и что... И я говорю:
- Что я режиссер, и я тоже просто имею отношение к кино и хотел бы как бы присутствовать и...
И они как-то так смотрят на меня – ну седой человек такой и это их видно не испугало что ли, что я какой-то там молодой насильник, а просто идет какой-то, может быть, странный для них, человек. Во всяком случае, они меня не отторгли и в тоже время я себя чувствую как-то не очень уверенно, потому что я думаю, а может, они все-таки не поверили мне. И в это время появляется какой-то известный актер, похожий... так типа.. может быть, как Кикабидзе и все... которого я знаю и он, так сказать... Я так смотрю на него и он увидел меня и подбегает... ну не подбегает, а так подходит... Ну, он всегда так подходит, высокий такой, элегантный и обнимает меня и говорит:
- О, ты здесь тоже – ну что-то как бы такое вот.
И об этом я сразу:
– Ага, значит – я подумал – просто очень так удачно, во всяком случае, теперь они видят, что я не просто такой как бы обыватель, который вдруг решил зайти и посмотреть, как живут актеры.
А потом... и значит, он пошел в какую-то другую комнату. И вслед за ним немедленно появляется съемочная группа, во главе с режиссером. И это Месхиев такой, который у нас работал в... на киностудии и я с ним тоже общался, естественно. И мы были все вместе... потом начинали. И у него была такая небольшая трехчастевка, которая была его дипломной работой. И я ему помогал, там актеры мои, ребята там снимались у него. И он так встречает меня и говорит:
- Илья, вы – ты, я не знаю, ты или вы – здесь?
И тоже так очень радостно, радостно так ко мне подходит. И я для себя отмечаю, что вот уже полное, как говорится, так сказать, признание, не признание, а подтверждение моего присутствия здесь и обоснованности

этого присутствия. Вообще, конечно, конечно, в этом сне есть какой-то элемент такого... ну мы так говорим часто, что стоило бы все-таки подумать, что может быть мне начать снимать что-то, хотя бы чисто даже так на видео или какую-то... какие-то сюжеты или какой-то... Есть такой зуд. И может быть вот зуд и каким-то образом в этом фильме... в этом сне может и проявился там.

***

А вот сегодня мне тоже снились два сна. И они тоже как-то взаимосвязаны с одной стороны. Сегодня это 16-ое декабря, они связаны в какой-то мере с темой - театр, искусство и вообще жизнь, в которой.... которой я сейчас живу. Значит там, такая большая, большая... ну не комната, зал. Ну такой зал, типа ресторанный или какой-то... такого характера зал, но где есть и зритель. Я его, честно говоря, не вижу, но он присутствует за мной, а я и Оля, мы стоим на сцене. И она очень, я бы сказал, ну, мелодраматично читает и рассказывает какие-то... читает и рассказывает какие-то... какую-то любовную историю. А я присутствую при ней и я вот тот, как возлюбленный, к которому она обращается. Вот такая страшно мелодраматическая ситуация. И она очень медленнно и с глазами, со слезами на глазах и вся такая вот обращается... И я ей шепчу:
- Активнее, более темп, темп...
И она как бы даже не слышит и сама теперь лишь только замечает, что зрители стали вставать и как бы уходить. Но дело в том, что за сценой, которая такая, как в середине зала, вдруг появляется большая, большая такая толпа, разряженных людей. И это оказывается свадьба, невеста и жених там усаживаются... То есть, все скомканно. И зритель, который находится с этой стороны зала, тоже туда направляется, направляется как бы туда. И я как-то так не очень, может быть, этично что-то такое сказал Оле. Но дальше все это как бы пропадает и я, это самое... я думаю, почему этот сон снился?
Я вчера был у Чейна, у моего Дерсу-Узала и Оля сидела и как-то терпеливо просматривала... и мы все время говорили. И я начал, что Оля Star .... по китайскому гороскопу нашел, что она буйволица, в год Буйвола родилась и это очень... и для меня и для нее это необычайно хорошее такое... Козерог я, в год Rabbit, как я шутя говорю, рэбе, Rabbit. Но он так хорошо уже понял мою шутку и он говорит, что это это прекрасное сочетание. Но вот мы все время шутили, что Оля это, это... Он все время спрашивал:
- А ты не хотел сделать из нее киноактрису или там актрису?
Я говорю:

- У нее не было никогда таких, как говорится, комплексов, ну чтобы вот сниматься или что... – и я говорю – что она для меня в любом случае, самая лучшая Star.
И вот это вот отсюда вдруг сразу появился вот этот вот какой-то сон. Хотя я понимал, почему я сказал Star. Я имел ввиду, как звезда, просто не как актриса, а как звезда в жизни или как для меня, как путеводная звезда, будем так говорить. А в данном случае, я конечно, понимал, что как актриса, она никогда не занималась этим и вряд ли она могла бы это делать или там... профессионально. Хотя Оля очень талантливый человек, может все делать и, может быть, и сыграла бы тоже. Вот отсюда и появился вот этот сон.

***

И потом он вдруг продолжается вот в таком варианте, что в каком-то зале совершенно пустом, громадном, очень длинном находится группа людей и я среди них. И какой-то человек, ну как дрессировщик, он нас заставляет, заставляет нас ходить группой друг за дружкой. А я с палкой так... и он еще... у него вдруг тоже палка появляется и он меня, как бы так сказать, поддразнивает и иммитирует, как ходит Рудяк – так как-то звучит вот так.
А я думаю:
- Ах ты, подлец такой, почему вдруг, так сказать, меня, старого человека в данном случае, заставляешь гоняться ну вот за... в этой группе...
То есть, я не понимаю, я не понимаю, как бы сказать, необходимость этого и почему это так. И вот тут как раз я могу сказать...
Любопытно, что я как раз вчера прочел рассказ Кафки “В нашей синагоге”. Я его раньше никогда не читал и вот снова подумал об этом, об этом, не задающем себе вопроса человека и животное, кого угодно, кого бы он не изображал – почему это так должно происходить, почему именно вот этот зверек, который появился в синагоге, почему он там живет и с какой, так сказать, и какая необходимость и все... А это очень тот вопрос, который меня всегда не то, что мучает даже, а просто я понимаю, что его он мучает. И он не думал об этом или думал и понимал и выставлял своих героев именно в такие положения, когда они не задумываются, не спрашивают почему это происходит именно с ними. И в этом... это просто гениальные предвидения, конечно. И Холокоста, и всего прочего... и возможно вот этот сон мне снился.

***

А потом мне снится, что какая-то идет такой же... в этом же зале, что ли соревнование какое-то, на каких-то необычайных каких-то, чуть ли не

цирковых, я не знаю, машинки какие-то очень высокие. И я тоже участвую в этом. И судья, честно говоря, я подумал... вчера он у меня был, давно не был... И может быть вот отсюда... И судья, этот, этот самый Топаз, который как бы с одной стороны, он очень ко мне уважительно, с громадным чувством такого уважения относился, когда мы работали на радио с ним. Но когда его сняли и это вот все, и я оставался. И жена у него, Рита, настолько баба.... это просто поразительньно. И она не могла... и ушел и вынужден был уйти с радио, так... И они вчера заходили и вот он как бы организовывает вот эти соревнования. И как-то так с одной стороны, он меня как бы поддерживает, а с другой стороны, явно какой-то.... враждебно. Ну вот отсюда, эти вот такие сны.

****

Только что просмотрел альбом о Ксинофонтовне, о Ксинофонтовни Тимченко. Поразительной, поразительной красоты чувство, как эти росписи по фарфору, просто рисунки. Что же это такое? Если бы в детстве, когда я рос в Джурине, увидел эти картины... А где-то рядом мы жили фактически и в одно и тоже время, я бы может быть смотрел бы совсем по-другому может даже и на мир, потому что меня в нашей маленькой книжке, букваре, в восторг приводил там рисунок зимы и иллюстрации к сказкам. А здесь – это просто фантастика, которая уводит в красоту, в поднебесье и такой колоритный, великолепный... Короче, это радует сердце и глаз. И вот это детское восприятие жизни и мира и самое интересное, что там много работ начинаются с сорок четвертого года, когда ей было уже двадцать два года, двадцать два года было и в это время была война. И скорее всего, еще может, даже уже освободили этот... село Петрикивцы, где она жила, это в Днепропетровске, это ну, в Днепропетровщине, скорее всего, а может еще нет. А если это, так сказать, какой-то... после войны, то безусловно, она не ощущала того, что ощущали мы, будучи в гетто. При всем при том, может быть, чувствовалась не свобода, но она была у себя дома и немцы не трогали ее, хотя могли и изнасиловать там, все, что угодно могло быть там. Но восприятие вдруг такой... прорвалость... такой красоты и ясности. Цветы, животные, птицы и рыбы – все это выплеснулось. И притом в таких буйных красках, выплеснулось на бумагу. Да, я просто очень счастлив, что я все-таки решился посмотреть вот этот маленький альбомчик от Марфы Тимченко.

18-ое декабря

Такой сон был необычный. Сегодня 18-ое декабря. Сон необычный в смысле, как говорится, такого сюжетного, хотя он и повторяем, уже бывал у

меня, но не в таком вот варианте.
Я сплю у нас в living room, прямо там, где дверь выходит в гараж, стоит это... такая кровать и я сплю там, хотя у нас никогда там кровати не было и я там не спал. И я вот засыпаю и очень крепко заснул – это во сне, мне как бы снится. И в это время я слышу голоса на драйвее, как будто машина какая-то приехала. И люди идут к нам по дорожке, к нашей двери. Я хочу встать и крикнуть или пойти позвонить в полицию, или Олю позвать. Но голос не повинуется, страх обуял всего. И самое главное, что я не могу глаза открыть. Я только стараюсь, как бы проснуться, открыть и я тут же впадаю опять в тяжелый какой-то сон и опасность не ушла и я чувствую ее. И хочу опять же все-таки через силу подняться как-то и крикнуть и никак мне это не удается. Потом я слышу такой очень, ну, не сильный, а такой стук в окно. И я все-таки усилием какой-то воли просыпаюсь и смотрю туда, так, как будто и видно даже... какое-то такое предутреннее время, как бы и видно и там люди какие-то... И я вижу папу. И я так обрадовался. И я думаю... и у меня как-то постепенно оттаивает этот страх. И я хочу встать и побежать, и думаю, что все-таки он пришел, не смотря на то, что так долго его не было. И он приехал или его привезли кто-то из знакомых. Во всяком случае, он опять вернулся домой. И мама, в данном случае, она опять ассоциируется... Оля, мама, она как бы все не... все мелькает такая мысль, что она не, ну как бы не была встревожена что ли этим. И во всяком случае, не приревновала и ничего такого... такая мысль идет. И я думаю:
- Ох, слава богу, что вот он долго где-то отсутствовал, гулял, ходил где-то по другим местам и вернулся домой.
Вот такой вот сон и я просыпаюсь. Конечно, здесь есть реалии жизненные. Этот стук, он немножечко ассоциируется, может быть, когда папа умер в 75-ом году, когда папа умер... Я что-то засомневался, это было не в 75-ом, а да, это было в 75-ом году. Папа умер в 75-ом, мы спали там на даче, где мы сняли тогда квартиру. И вот Наум Израилевич пришел и постучал в окно. Ну так это было под утро, ночь даже была, и сообщил, что умер папа. Позвонили туда, у нас телефона не было там. Это был такой момент, может быть там, какая-то ассоциация. Потом я как-то думал... я часто думаю о папе и маме. Но вот эта вот мысль, что он почему-то уходил на какое-то время и мама совершенно не думала, не беспокоилась и как бы не выражала какого-то как-то возмущения или там... Вот этот сон часто повторяется, хотя в самой реальной жизни папа может быть никак... Но с другой стороны он действительно.... значит, он работал на карьере и там у них он иногда

оставался на несколько дней там, потому что это было в семи километрах, восьми километрах от нашего дома, от Джурина, вот эта Ксенздовка и вот там она была... жил у Явдохи, которая была черней земли, такое у меня ощущение было, такое лицо у нее темное было. Я очень люблю ее, она относилась ко мне страшно хорошо. Я понимал, что там что-то происходит, мне уже было лет десять, одиннадцать может быть. И я ездил с ним, я очень любил ездить с ним, когда у меня были каникулы, я там бывал. И однажды я даже остался там ночевать... и папа. Но он даже не... я где-то был в другом закутке, а он пошел к ней. И это все было, я это понимал. И даже когда она приехала к нам (такой эпизод, редчайший такой), насколько папа, ну так сказать, риск какой-то был. И он, когда она была у нас, спала в той комнате, он все-таки к ней пришел вечером и я это слышал, а мама спала. Ну, вообщем, ну как это сказать, это, как говорится, это жизнь. Это, как говорится, от этого никуда не деться, но в данном случае, в данном случае, вот этот сон, о том что он долго не был, приходит и никаких, так сказать, скандалов, ничего – этот сон у меня несколько раз повторялся.

K02.12-2

18-ое декабря
Это продолжение как бы дневниковых записей, 18-ое декабря. Да, вот эти просмотренные фильмы английские и датские показали такую мерзопакостную жизнь обывателя, что я просто... мне аж удручило это и спал плохо и снились вот эти сны. Но здесь еще кроме этого, конечно... Там были интересные моменты с точки зрения кино, были. Я не могу сказать, что современное кино очень быстро, активно. Монтаж искрометный – все это есть. Но начинаешь задумываться – конечно, это придуманное кино, идеальное кино, кино, которое тебя как-то радует, будоражит – это вообще, это неплохо. Но иногда хочется посмотреть безусловно, хочется увидеть какое-то противоположное этому. Иногда даже видно есть потребность в какой-то жестокости на экране тоже, я понимаю это все. Хотя, хотя, хотя, не знаю, насколько это достойно, насколько это достойно. Обманывать себя тоже не дело, лукавить - тоже не дело. Но в то же время, в то же время увидеть такую жестокость, увидеть такую безысходность, такое безкультурие или нравственность – тоже невысокое искусство. Вот. Позвонил Левушка из Флориды. Ну, он по-прежнему сентиментален, по-прежнему у него такие... Все это случайно, так вот его... то есть, сам он как бы не... не протягивает руку и находит ту книжку, которая, как бы это сказать, нужна ему и поставить ту пластинку, которая действительно, как бы сказать, греет и в ней есть талант. Там Гриша Дикштейн ему сказал о Гончарове и он уже говорит:
- Гениально, прекрасно!
Там то - то.... в этом смысле, есть какая-то странность, при его все-таки умении анализировать и при интеллекте громадном, вот какое-то такое не очень глубокое проникновение в то, что находится рядом и в то, что уже было. Сообщил, что умер Володин Александр - Лившиц. Ну что ж, земля ему пухом, человек он был естественно и умен. Это чувствовалось и во всем - и в поэзии, и в записках, и в его пьесах. Воин, еврей, человек, который любил быт и довольно по-русски... И в тоже время, и в тоже время старался быть как можно, честным и справедливым, честным. И может быть, ему это даже удавалось и удалось. И прожил он 82 года. Ну что ж, 82 года для такого человека и с такими болячками и с такой сложной прожитой жизнью – это ж большой, большой... большое достижение. Толстой тоже прожил 82 года и жил все-таки в роскоши и барстве и в более

спокойном варианте. Так что, ну что ж, это естественно, что самое лучшее в жизни – по ту сторону земли и в земле. Вот так.

***

Да, я еще посмотрел фильм Виталия Мельникова, такого как бы асса советской кинемотографии. Все очень ясно, разумно и не самым худшим образом сделано, у него был полон сад. Что ж, во всяком случае, фильм трогательный. Самое главное, что он действительно трогательный, человечный. Играет прекрасных три актера. И Зинаида Шарко блеснула и это для нее, как подарок к концу ее, может быть, жизни. И Ковальков так здесь как-то так на отца своего больше стал похож своего, на актера тоже, Волкова. И кроме того, так, я бы сказал, просто почти без грима и не скрывая своей старости, они сыграли блестяще старость своих героев. Это очень, так сказать, нормально, так как молодые люди играют себя самих, так и старые актеры играют самих себя. И это довольно хорошо, что есть для них такие роли, или написаны или написали для них такие роли. Так что фильм трогает, до слез некоторые моменты. И этот самый... и Лев Дуров здесь как-то на месте со своим темпераментом, со своей такой импульсивностью - все это есть. Это довольно неплохо сделано и оно достойно. И я даже это как-то сравнивал, думал даже... с фильмом, даже если бы говорить того же Тодоровского. Это в том же ключе, в том же стиле, как “Городской романс” и другие, который и сентиментально, и правдиво, и чисто, и трогательно. Так вот его последний фильм, два фильма, которые я там видел “Ретро втроем” и... это прекрасно играет там одна – это ужасно хуже, чем это он делал раньше. Поэтому стоит ли, если нет сил, если нет чего-то нового, попробовать себя, если ты уже чего-то сделал. Конечно, хочется этого, я это понимаю. Это как человек, который еще хочет влюбиться или влюбиться, уже будучи в пожилом возрасте. Вот. Так что такие дела.

19-ое декабря

19-ое декабря 2001 года. Странный сон. Я только что проснулся. Действие происходит в Джурине, в том кинотеатре, который был возле завода. Я не знаю почему, но там находится какой-то типа... столовой, ресторанчик такой. Со мной кто-то, не знаю, кто-то из моей семьи или совсем другие люди, но я заказываю жирному полному немцу какой-то обед и чтобы его уколоть, говорю ему:

- Битые – говорю ему по-немецки - битые... – я забыл как это я ему по-немецки с хорошим, так сказать, немецким сказал ему:
– Пожалуйста, пожирнее селедку.
И этим самым как бы его уколол, ну его жирность и того Геринга, который у них там... Забыл, как по-немецки, маршал авиации, будем так их называть. И вот когда я уже сказал и мы ждем заказа что ли, там это где-то все у меня там уплыло и память сейчас... И я подумал, да он может из-за того, что я его обидел и так унизил перед другими, там еще люди, кто слышал, он может просто нас всех отравить. Но действие происходит не во время войны, а сейчас где-то уже как бы... Я не знаю, где мы и что мы – или в гостях... в Германии или... а именно в Джурине, сегодняшнее время. Но действие переносится, что-то даже забывается об этом и когда он приносит этот обед, это уже не он, а женщина. Но я уже... я ее воспринимаю как ту, которую... тому, которому я заказал, вот так. Вот, все уплетают то, что принесли на стол. И кажется, я тоже ем что-то очень вегетарианское. И когда я уже поел, я увидел, как бы при выходе, она, вот эта деремша, которая превратилась в она... такая женщина с глазами такими белыми, большими и... Бывают рыбьи глаза, я бы так бы назвал бы, чистит картошку. Я подошел и говорю что:
- Вы знаете, моя шутка была неуместна.
- Да, да, я знаю, я как бы не имею зла на вас.
Вот такая вот ситуация. Вот иди разберись в наших взаимоотношениях, в нашем отношении к прошлому, хотя для меня это даже странно, очень странно, потому что однозначно, абсолютно однозначно у меня никаких нет сомнений, каких-то таких всепрощений, даже в мыслях нету. Я считаю, что то, что произошло в сороковых, то, что произошло во Второй мировой войне, это непростительно немцам. И какой бы там... новое поколение, третье – четвертое не выросло и забыло об этом и не забыло, я забыть не смогу это, да и мир не должен был бы забыть. Интеллигентный мир, культурный мир, прогрессивный мир – об этом даже не должно быть и речи. Может быть, это в связи с тем, что прочитал, что была выставка в Германии по поводу зверств во время Второй мировой войны. И там были некоторые фотографии, уличающие фашистов. И оказалось, что фотографии были... были фотографии, они там... там не связаны с фашистами, а как будто советские Гбшные какие-то фотографии.... И они действительно оказались, когда их проверили – и это вызвало бурю возмущения, вплоть до организации протеста, с большим приездом в Германию всех мастей современных фашиствующих молодчиков. Ошибка есть ошибка, тут нечего делать и признать, я уже не говорю другой, новой... новую выставку, которую уже всю вывезли. Но я думаю:

- Боже мой, во-первых, когда сидят эти и ищут, выискивают, чтобы доказать, что не было Холокоста. Значит, кого-то это тревожит и это еще встают новые и новые люди. Значит это не прошло. Поэтому я считаю что и мы должны абсолютно...
Я устал, поэтому речь у меня такая очень как-то... Мы должны протестовать так...

20 –ое декабря
Да... Сегодня 20 – ое декабря. Что? Сон такой снился, очень любопытно с одной стороны, с другой – традиционный, но вообщем, необычный, такого еще... Мне снилось, что я иду по местечку. Ну это, конечно, Джурин, хотя я конкретно место его не помню, в каком месте я ходил. И вся ситуация в том, что мы знаем, что... все знают, что вот сейчас должны войти немцы. И это уже после, как бы сказать, всего, это после тех событий, которые происходили в мире, как бы в сегодняшний день. А какая-то тревога у меня на сердце. И я иду вдоль какой-то... ну, так по каккой-то улочке и мне встречается мальчик в очках такой, типично “интеллигентный старичок”, как я часто определяю вот такой тип мальчиков. И вот он смотрит на меня и как бы ищет от меня ответа и говорит:
- Вы читали какую-то книжку – или может быть даже он спросил – смотрели ли фильм о Холокосте. Неужели это... – он меня как-то так назвал, я как будто-то... я как будто... я сейчас не могу связать, потому что там была такая мысль, что я ему сказал:
- Так ты почитай это...
Значит, может быть я его спросил. Короче, мысль такая его была все-таки, вопрос скорее:
- Неужели это было точно так же как это было и раньше?
И я вдруг как-то так... хотя знал, что это уже после всего произошло и пустой... пустое местечко, про сквозные пустые улицы, все спрятались и ждут вот-вот прихода на машинах, на мотоциклах, как это обычно воспроизводилось потом в фильмах или в документальных каких-то фильмах и... И я в тоже время вдруг подумал, что нет, не может такого быть, чтобы сейчас, тем более, что уже другая Германия, другая Германия, другая Германия. И эта мысль у меня...
- Этого же не может такого быть.
И я как бы его успокаиваю и себя тоже. А вот если так прокомментировать это – почему вдруг именно сегодня ночью это вот приснилось. Во-первых, я вчера смотрел фильм “Перевал” называется... не “Перевал”, а “Переход”. Там очень такая... как Оля назвала о партизанах, партизанский фильм. Но это вообще, в принципе при всем при том, конечно, что он такой

гиперболизированный, на катурнах и с такими немножечко оперетточными иногда какими-то ситуациями... Там играет Макдоул и Куин. И, конечно, Куин – это блестящий такой актер и ему веришь. И самое главное, что там мысль такая, ну как бы сказать, как Оля назвала это партизанской, а я искренне... для меня это было... то есть, коллизия, ситуация такая, которая вызывает сопереживание – вот как я бы это назвал точнее. Вызывает сопереживание и кроме того, такой... ну, как бы детское восприятие, восторг, от того, что герой побеждает, что “Наши, наши” вот это слово, надо точно его употребить “Наши побеждают”. Это был тот... такого же плана могли быть и советские фильмы, но там мы тогда не задумывались, не знали обо всем, что происходило, не знали всего этого в деталях и поэтому мы искренне верили и готовы были кричать: “Вперед” и “За Сталина, за родину”. И когда там “Секретарь райкома” или “Смелые люди” или другие фильмы, герои наши все-таки побеждали, мы кричали, мы были “за”. В этом фильме есть такая же коллизия, что известного какого-то ученого английского, который оказался в... в этом самом... в Париже и за ним охотится гестапо и его надо вывезти в Испанию, которая, так сказать, соблюдает нейтралитет. И вот находят паска, старого какого-то пастуха, которого играет Куин, который Куин и, который соглашается за какую-то сумму там... в концов, он даже торгуется, потому что он оставляет своих ягнят там, овец без присмотра. И вот они согласны на любую сумму для того, чтобы перевести этого великого ученого. А оказывается, что он с семьей, с тремя... еще две дочки, дочка и сын, и мать. Короче, мысль такая, что этот человек начинает понимать, что это видно достойный человек, которого надо перевести и идет на все, все возможные, которые только... подвиги. Это, как Геракл и всюду он побеждает этот Куин. А они, так сказать, тоже становятся лучше. И там такой подвиг матери, которая уже не может переходить через эти Пиринеи и из-за нее... А по пятам идет гестаповец вот там гестапо, которого играет Макдоул. И они... и она уходит и замерзает и умирает для того, чтобы ее не таскали и таким образом засти семью. Это все и сентиментально и все, но в принципе, я говорю, это такой детсткий фильм, который у меня... Я был счастлив, я был рад, и тем более погибают и цыгане, которые их перевозили, их всех расстреливают, жестокость этого садиста Макдоула. Он и переигрывает, переигрывает, переигрывает, потому что даже по сравнению с теми же той игрой, которой Куин на экране, этот более оперетточный и переигрывает. Вот поэтому я сказал слово “оперетточный”. Но в тоже время это интересно, оно... я ж еще раз говорю, если бы я смотрел это когда мне было бы те же двеннадцать – десять лет, я вообще был в страшном восторге, что все закончилось хорошо и наши победили, наши победили. А в этом случае, конечно, я осознаю и

понимаю всю эту, так сказть, клюкву иногда. Но с другой стороны, во мне вот это детское восприятие всколыхнулось и я опять, я тоже был счастлив, что наши побеждают. Это в этом смысле. И отсюда и сон мой возможно, что вот вернулось к немцам, которые заезжают к нам в местечко.
А второе – это вчера у меня были Эрик и Марджери. Оля начала с ней уроки английского... русского. И она принесла в подарок это как бы за прошлую эту Хануку Оле и мне. Оле она очень колечко, такое с еврейскими какими-то очень.... не колечко, а браслетик с еврейскими... это камешки такие и с еврейскими буквами какими-то... надо посмотреть что там. А мне она принесла компакт диск о детях во время... это из документального фильма... это в смысле, музыкальный трак. И я хотел... я его поставил и слушал его. И там детские голоса поют и дети. И на обложке там ребенок, мальчик и девочка такой. Вот отсюда видно появился вот этот мальчик, который меня спрашивал насчет какой-то книжки или фильма и будет ли это точно также, как это было раньше. Вот какие интересные, как сказать... как мозг работает, как все это воспринимается, как все это переваривается. Еще вчера читал, закончил такие воспоминания... не воспоминания, а записи разговоров разговоры как бы с Гете у Финкельмана, а это... или Экермана... а это... А это разговоры с Кафкой Вулаха. Это очень... просто для меня это открытие, открытие Кафки. Я признаюсь, что я несерьезно, может быть, его как-то все... то есть, я не все перечитываю, особенно письма и дневники. А теперь, вот когда я прочел вот эти разговоры с ним, для открылся просто... Во-первых, тончайшего ума, высочайшего предчувствия катастрофы и очень тонкого, тонкого аналитика и ценителя литературы и знатока искусства. Вот что передо мной... То есть, этот образ еще более и больше вырос как, как, как необычайно талантливого человека.

1-ое января

2002-й год 1-ое января. Да, я даже тогда был еще... во всяком случае молодым человеком в Одессе, я думаю, неужели я доживу до двухтысячного года, мне будет 61 год. А вот и минул двухтысячный и 2001-й и мы это... еще был один громадный опыт, события, жизнь. Ну, во всяком случае, исходя из моего характера, я все-таки счастлив, какого-то плохого не помню, только лучшее. Сегодня мне снились очень разнообразные сны. Снится, что я именно приезжаю в Бахчи и это в России. И я думаю, что было бы неплохо привезти арбуз. Но так как я понимаю, что... И там находится не один сторож, а все начальство. Я думаю, как же к сторожу подойти и это бессмысленно даже, минуя голову, главу хозяйства. И я так подхожу и думаю, что если бы у меня была книжка, чтобы я ему

показал кто я, что я, я имею в виду моя изданная книжка “Только в Одессе”. Но что-то я роюсь и вдруг я нахожу только обложку “Только в Одессе”. И я ему так говорю кто я, что... А он так... как будто не заинтересовался, но его все время теребят со всех сторон, а тут я смотрю тут арбузы – они все крупные, большие. Такие когда были на бахче где-то так под Одессой. И вот я.... и он говорит там человек этому:
- Выберите ему самый большой арбуз на пять рублей.
Но я думаю, так вообще-то, что... и я как бы доволен, что....

1-ое января

Сегодня 1-ое января 2002-й год. Я все-таки не знаю, насколько значительный этот сон, как и любой сон. Но я подумал, что надо с утра встать и как правило, себе завести, чтобы записывать все-таки какие-то события мои подсознательной ночной жизни. Значит арбуз не получил... Второй сон – это я должен подъехать и то ли машина моя испортилась или что ли американец на какой-то машине как будто бы согласился меня взять. Но там все-таки какая-то борьба мнений между женой и мужем и они как бы взяли меня с собой... Но к сожалению, я оказываюсь на дороге один... И даже как будто бы меня подбросили к моей машине, которая стоит на дороге. Это как бы какое-то тревожное состояние и потому что меня должны подвести и то, что я как бы оказываюсь на дороге один и машина...

***

А потом был сон классический для меня. Я поступаю на режиссерский факультет в этот самый... в Харькове в училище... в институте. И вот как бы в первый день занятий... и вот эти студенты, которые здесь ну как бы собрались, они настолько непрофессиональны, а педагог у них женщина одна, как женщина... Но в тоже время я как бы раздваиваюсь. С одной стороны, я как бы тоже поступил в этот курс, а с другой стороны, я уже сложившийся режиссер, я человек, который уже поставил спектакли, фильмы, который как бы даже и живу уже не здесь, а где-то в Америке и все... Я не могу поверить, когда они там что-то говорят какую-то такую дребедень ребята и там очень много девочек. И эта женщина – режиссер настолько как-то так непрофессионально, что я просто не выдерживаю и с большим... страстью, с большой страстью и кроме этого, с очень большим... большой логикой, с такой ясной логикой разбиваю в пух и в прах этот курс, считая, что это просто... это ЖЭК, это не связано ни с каким искусством и что это стыд и срам вот такую вот... и как бы... там известно, что вначале мы были как бы в этом самом... в каком-то помещении, аудитории, а когда я

выхожу, хлопнув дверь, ухожу я... это оказывается пространство, которое вдруг раскрылось и там нету дверей, нету стен, а я прямо выхожу в какой-то большой громадный какой-то... на простор, где поля, где вдали какая-то река, лес... И вот это для меня очень любопытно. Я думаю, что вот здесь такая... театр и жизнь. Может это взаимосвязано с вчерашним просмотром фильма такой, ну на видео записанный, такой “Огонек” посвященный десятилетию программы TV “Театр”, которую вела Катя, забыл ее фамилию, не Румянцева... я ее не знал. Такая симпатичная женщина, очень так шипяще разговаривающая, но неважно. И там была вся элита театральная. Ну не вся, но большинство – там и Захаров был, там был Ширвинд, там был Державин, там был Райкин, там был Лев Дуров, там был Никитин Сергей, там был Фокин Валерий, которого я впервые по-настоящему увидел. И Марина Неелова, и сидела и Волчек, которая ничего не сказала за весь вечер, ни одного слова. Но во всяком случае, там была вся элита и Караченцев Николай пел. Причем, это было интересно, но в чем-то это было настолько грустно... Грустно увидеть и постаревшие лица, и одежда, какие-то помятые, не разнообразные, очень похожие на попугайные какие-то пиджаки. И женщины тоже были помятые и зубы у всех, конечно, тоже не в порядке. Ну в общем, короче, такой быт остался старый. Но и хотя, конечно, какие-то и знакомые и какое-то любимое. Но в общем, в общем, впечатление было какое-то такое грустноватое, хотя там Хазанов хохмил очень, так сказать, рьяно. И самое главное, там как бы под скрипку... пел Виктюк романс... Но честно говоря, по сравнению с помпезными, а со свободными и богатыми... Вот недавно я смотрел по... там... славы, я не помню Паваротти, Эмбрюс и Николсона этот... и показывали весь этот... Это в громадном большом зале и все это очень... В России видно тоже все-таки такие вещи делают. И все-таки вот этого, вот этого богатства, свободности, легкости и широты, безусловно им там видно достичь еще невозможно или вообще невозможно. И дело не в том... оно не застит глаза из-за того, что там оно блестит и шикарный. Здесь что-то кроется в этом другое, здесь все-таки кроится, кроится необычайная свобода и выражение чувств и очень большой профессионализм людей, которые участвуют в этом. Вот в чем тут дело. И в постановческом плане, безусловно. А здесь какой-то очень такой и... ну, не знаю, где это там, в гостинной какой-то там театральной или на TV. Сидят за узкими столиками и все это как-то так... Нет, не то что парадности, а она и не нужна была. Все-таки это такой даже не капустник, а такой “Огонек”, где сидят и это... Но нету... не видно было, что эти люди счастливы, хотя об этом то и шла речь, что здесь они как бы должны были раскрепоститься, что здесь им

давали возможность высказаться, здесь им давали возможность быть самими собой. И театр – это страшная ситуация сложная всегда в жизни и организация не простая такая. А вот здесь вот, она вот вилочка такая, дает возможность актерам почувствовать себя как-то дома. Вот может и отсюда и пошел вот этот, этот набор в театре.
А перед этим я смотрел фильм “Успех”... Худяков такой какой-то, я его так не знаю, Константин, который поставил его. А играет главную роль... играл этот... Филатов. Ну я к этому вернусь, потому что сейчас должны придти Марджери и Эрик и у меня еще не готов...
Пришли Эрик и Марджери, мы встретили первый день Нового года. Я продолжу мои впечатления о фильме “Успех”. Это название, конечно, совсем не киношное, а какое-то... ассоциация с Фейхтвангеровским романом, поэтому все-таки можно было по-другому назвать. Дело в том, что сценарий Анатолия Гритмана не самое, так сказать, худшее, хотя там безусловно есть такие вещи, я бы сказал... инерция стиля советского. Но мне это страшно знакомая тема – театр. И Филатов здесь довольно хорош в этой роли. Фактически, это мысль о режиссере – диктаторе, о режиссере, так сказать, который фанат, который именно скорее всего, фанатизм такой - только делать спектакль, только... любыми силами и любыми средствами в какой-то мере добиться успеха, добиться гениального, как он часто повторяет, спектакля. А жизнь вокруг него проходит как бы мимо. Ни личной жизни, ни в общении, вообще ни с кем... Все как-то мимо. А для того, чтобы добиться успеха, он не идет на компромиссы, может быть такие моральные, эстетические. Он жесткий и казалось бы так, справедлив, казалось бы. Но в принципе, вот вся эта жесткость для него не только разрушение в какой-то мере. И конец очень какой-то такой хороший, точный. Он когда... что спектакль имеет успех и... А он даже не заходит в зал, потому что он только... Он не может смотреть это из зала, а слушает это как бы по радио и подглядывает в щелку. А потом мы видим уже, как он уходит на вокзал со связкой книг какой-то, как будто он какой-то разночинец и с чемоданчиком, за плечами с рюкзаком, рюкзачок. И женщина, которая его сопровождает, как бы его полюбила. Ну и как они... и Фрейдлих, которая играет приму, как бы провожает его взглядом, но он не поворачивается, а идет к следующему такому где-то... То есть, это человек, который нигде не задержится, он будет только таким образом добиваться успеха. В этом смысле, это интересно, это интересный ход и фильм сделан довольно так спокойно и логично. Так что, я еще как бы окунулся вот в такую театральную русскую жизнь, которая мне страшно знакома, со всеми ее тонкостями, со всеми ее сложностями со всеми... И поэтому, вот этот

вчерашний еще фильм о десятилетии TV “Театр”, так и взбудоражил меня с одной стороны, огорчил даже, с другой стороны. И вот сон, который вот с этим курсом, который как бы не соответствует действительности, меня возвратил даже ночью вот в этот мир.
Что еще можно сказать в плане... Многое... Ну как-то с одной стороны, я не в тревоге большой, с другой стороны, вот эта... то что обилие замыслов, обилие вокруг вещей, которые я... и выбросить жалко, потому что это не просто какие-то там бумажки. Это, это письма, это архивы, это фотографии, это автографы, это сотни и сотни... И я вот просто растерялся и, конечно, по своему Козерогскому знаку, упрямо хочу это все сделать. Дай бог, дай бог, я единственное, что действительно как-то... Для меня сейчас есть, существует это желание сделать только хорошее и помочь, если можно... Во всяком случае, состояние душевное хорошее, будем так говорить. И дай бог в дальнейшем такого...

2-ое января
2-ое января. Вчера был такой день, который хотелось начать с работы и закончить работу. Ну что-то удалось сделать, но Авдиевы конюшни громадны, а я все-таки видно не Геркулес. Перед сном почитал Макса Брода, главу из его книжки о Кафке, университетские годы его. Кстати, очень неожиданно, даже для меня, совсем другой образ возникает Кафки, человека спокойного, с юмором таким, очень значительного. Эту значительность ощущали именно все, с кем он общался. И его ум сиял. То есть, в жизни, он был намного светлее, чем даже в его записях по поводу каждого дня, потому что там одни только уничежения себя или просто ужасающее состояние духа, здоровья. А в данных вот воспоминаниях самого близкого его друга... Конечно, тут сказывается какая-то часто использует может быть перевод не такой хороший, но он беспрерывно в преувеличенных каких-то словах говорит о нем... О “незабвенный” там встречается, великие и прочее, прочее. Конечно, здесь, как говорится, я не думаю, что он понял свою незначительность, как писателя сам. И поэтому только рядом с гением такого размаха, как Кафка стоит и имя Макса Брода. Если бы этого не произошло, никто бы об этом не помнил и не знал бы. Та же самая сейчас ситуация произошла с публикациями писем Довлатова к Игорю... к Игорю, забыл его фамилию... не вспомнить... Это понятно... Ефимову, к Игорю Ефимову. Но это просто несоразмерные вообще величины, конечно, и Кафка, и Довлатов и так же Брод, и так же Игорь Ефимов. Игорь Ефимов – это начетчик, это скорей всего, бухгалтер. Брод был личностью творческой, но не такого масштаба, как Довлатов даже

или... хотя я не читал его ничего, кроме вот этих воспоминаний. Вот это... вот так я как бы закончил день.

***

А сны, конечно, обуревали. И один из этих снов такой любопытный. Это где-то происходит в Одессе, в какой-то квартире, такой затемненной на каком-то этаже, который не соответствует нашей квартире в самой Одессе. Это где-то чуть ли не у Фиры Евсеевны, вот в таком доме где-то. И что-то мы опаздываем домой или я дома... И вдруг я вспоминаю, что поставлено молоко на газовой плите, греться, хотя я молоко не пил уже годами. И два... и я прибегаю туда и уже просто почти на донышке, потому что если молоко сгорает, оно просто превращается в ужасающую коричневую такую жженку. Но и там еще как бы вот и в... это большие какие-то кастрюли и вот они не сгорели правда, но... И Олю я как будто жду или как-то... что-то она даже как бы приходит. И я ей говорю:
- Ты знаешь, я все-таки... молоко как бы и не сгорело.
Потом какие-то трамваи снились. И как будто я жду и не могу дождаться. И в прошлом, недавнем сне какой-то... снилось, что я жду именно трамвая или троллейбуса или автобус какой-то. И вот меня спрашивают:
- А ты доволен?...
И везут меня куда-то, это как будто в Москве, я не знаю точно, придут ли туда этот автобус или трамвай или это троллейбус. И я не успеваю и никто не успевает крикнуть из троллейбуса, что это то, что именно мне нужно. И он уходить и опять я жду. И вот такие вот сны.
В отношении вот этих вот двух кастрюль – здесь весьма какие-то такие нюансы... Вчера вечером Оля говорит:
- Выбрось вот крышку от той кастрюли большой, в которой ты варишь рыбу.
И я согласился, потому что там железная какая-то накрутка, которая во время варки может просто дать нехороший привкус и результат. И я подумал, что ее стоит выбросить. Но самою кастрюлю – она из легкого алюминия, и я почему выбросить не решил, она очень большая, она самая большая, в ней удобно варить рыбу. В макробиотической, так сказать, диете, ее варят шесть часов подряд. Точно так же, как варила когда-то Олина мама и возможно моя мама, этот гифелтэ фиш, который варили очень долго. Так что в этом есть какая-то взаимосвязь еврейской кошерной пищи и вот макробиотики. И вот отсюда родился этот сон.

***

Вчера были, конечно, хорошие мысли, мысли хорошие о том, что надо как-то сосредоточиться на самом главном, выделить главное и делать это постепенно, но делать. Желание всем добра и желание всем – всем, без исключения, которое, так сказать, проскальзовало. И это дает какой-то хороший тон, дает хорошее ощущение жизни. Есть много, конечно, сомнений, но это сомнения в отношении надо ли еще этот Дом Книги на себе таскать. И здесь тоже момент не простой. Просто его разбазарить, мне как-то не хочется. В этом смысле я абсолютно не чувствую жадности, во мне открывается...скорее всего какие-то, я не знаю там, накопления, о каких-то деньгах, которые я не считаю и не думаю об этом, хотя... Но не люблю, не люблю потерь, как таковых и тем более, если они зависят от того, что можно еще что-то сделать и это зависит от меня, а я не делаю. И эти потери меня всегда смущают. Не хочется. Но с другой стороны, когда я думаю о тщетности и о том, сколько еще отпущено... И вчера даже с Олей как-то что-то поднял какую-то... большие альбомы я, так сказать, просматривал, поднял и почувствовал, как сердце... такой... перелив какой-то крови или не знаю, как волна через камень там где-то... Она течет ровно – ровно, а вдруг камень - и она должна его преодолеть и другой шум или какой-то другой маленький как бы сдвиг... И я подумал, что из-за такого может быть, что поднимешь что-то... альбом – и сердце перестанет биться или что-нибудь случится и все, и на этом весь вот этот миг я его как-то и понимаю и думаю о том, что и такое ощущение может быть.
Ну тут, я еще прочел такие воспоминания Оклянского. Это известный... ну это какие-то все-таки об Эренбурге и о... там есть о Слуцком. Так вот о Слуцком там, конечно, очень грустная, драматическая даже трагическая ситуация. Я когда-то любил и читал его, но это такая сухая поэзия, хотя она очень и как бы бытовая и в тоже время, там безусловно ведется поиск мысли и поэтому его любили. И как-то он был... но с точки зрения тонкости поэзии, здесь эстетичности ее, я не могу сказать, что этот... это так тонко. Я когда-то читал, со сцены его:
- “Лошади умеют плавать, но недалеко” - такой какой-то еврейский оборот. И кто-то, кажется Сема, когда он это самое услышал и он его на свой лад прочитал – это выглядело ужасно:
- “Лошади могут плавать, но недалеко” - нехорошо, что то в таком духе. Но само стихотворение это, оно как по мысли, как по... маленькая новелла, как маленький такой рассказ, оно само по себе хорошо. Но что-то такая поэтическая строчка, как “Выхожу один я на дорогу”, этого там нет. Но сама трагедия его в том, что вот он был честный человек, прямой, а вот во время травли Пастернака, он выступил и тоже резко осудил его. И вот это

до сих пор, это просто не то что загадка, ревность не ревность, необходимость – тоже не имеет... Он мог уже позволить себе не придти на это собрание, как некоторые другие люди и сделали. Или просто не выступить, но что-то тут сыграло, что страх, боязнь, возраст уже. Мне трудно сейчас судить, потому что я мало знал и знаю его, знал, как бы сказать, лично. Вообще не знал, а просто те все, что... А потом как будто он даже сошел с ума и долгое время лечился в психиатрических больницах и прочее. Вполне возможно, вполне возможно. Вот этот страх, вот это... но не в этом характере казалось оно не должно было бы быть. Потому что были более слабые, более такие компромиссные люди, но они этого не сделали, а он вот совершил это именно по поводу Пастернака, который безусловно рядом просто как... как вершина и маленький холмик по сравнению, в поэзии, я имею в виду, с Борисом Слуцким. Но вот такая вот ситуация. Там вот описывается вот это его постепенное угасание, смерть и все и об этом думаешь, никуда не денешься.

***

Не отпускает, не отпускает никуда старая рана – это война, это фашисты. И снится мне такой сон. Где-то вот по берегу, то ли океана, то ли реки, то ли где-то в Одессе, которая... сходит море... или большой состав и на нем танки, пулеметы, не знаю что, и фашисты, вот как бы началась как бы война или она уже идет. И я понимаю, что сейчас нас там расстреляют из этих пулеметов, из этих орудий. И я не знаю, кто еще со мной где-то рядом. Но я чувствую, что они как бы меня видят, они как бы меня вычислили... И вдруг я как-то ускользнул, но как, не знаю, даже как. И попадаю в Джурин. Ускользнул, ускользнул возле Дома культуры, возле клуба, как у нас его называли. И вижу, как со всех сторон и сверху по шоссе и из переулков идут крестьяне и евреи. А крестьяне идут с какими-то клумками, с какими-то за плечами какими-то там... такими завязанными в платки, что-то там несут, везут. А немцы, немцы как бы стоят вот со стороны клуба и как бы те же пулеметы, те же орудия и те же черт его знает что... И я опять оказался как бы между этими... Думаю как... как же я должен влиться вот незаментно вот в эту толпу и может быть я смогу спастись. Это единственный такой вариант. И думаю, где-то мелькает мысль:

– А не выдадут ли меня эти украинцы, которые идут.

И вот я с этой мыслью куда-то как бы... как бы кадр заполнен, а я как бы ушел в угол кадра. Это так... я так и проснулся в этот самый страшный момент я просыпаюсь.

***

Вторая линия эротическая. Вдруг мне приснилось... Кто? Приснилась мне Маргарита Арестовна, женщина, которая профессор, которая фактически...

K02.6

Итак, значит о Чеботе я еще доскажу, это интересная фигура и мы к нему еще вернемся. Но я сейчас хочу некоторые вспомнить сны, которые были до этого, для того, чтобы не потерять их. Значит, такой был сон. Я в Харькове это происходит. И я нахожусь в той старой квартире, которую я снимал на Бурсацком спуске. И я вот значит, я обнаруживаю, что вся простыня в крови в ужасающем... И нет такого места, где по всем углам такая свежая кровь. И я ужасно... меня это вдруг, так сказать, пугает. И я бегу, бегу почему-то попадаю там, где был каскад воды возле этого самого... возле там... собора и туда.... почему-то там оказываюсь... И там находится моя хозяйка, Полина Ивановна, кажется, ее звали. И она значит... И я стою и говорю:

- Смотрите, что у меня творится и это ужасно... – и рыдаю навзрыд.

И она как-то так сочувственно, но... говорит:

- Ну что ж, тебе надо поехать в это самое... поехать на... домой, потому что это очень, конечно, опасно и ты должен быть в этой... такой, как бы в домашней атмосфере что ли.

И я с этой простыней, я побежал и показал ей простыню. И она это увидела или оставила эту простыню... И я уже оказываюсь на вокзале. И там значит это самое... на вокзале и я с милиционером как-то разговариваю. И он явно, какое-то у него подозрение и я должен как-то доказать, что я, мол, иностранец, что ли даже так. И я стараюсь, думаю:

- Ну что ж, надо от него как бы уйти.

И он... так как-то получается и я от него ухожу. Но в это же время, в каком-то... на том же... на железнодорожных путях, я как-то оказываюсь. И в это время... и там стоит, прямо как-то при... стоит на стенку... какой-то там платформы оперся, опираясь, стоит такой типа... непонятно даже, там какой-то ромб у него или звездочки или типа лейтенант, молодой такой лейтенантик в этих самых... в одежде такой военной и курит. И так как-то очень смотрит на меня. И это меня как-то тоже смутило. И я с ним... заговорил. И он тоже говорит. И вдруг он говорит на таком довольно добротном английском и так подозрительно на меня смотрит и испытующе... А я ему говорю:

- Вы можете со мной говорить по-русски.

А он на это не обращает внимания и опять говорит по-английски. И я ему отвечаю тоже по-английски:

- Да, вы правы, я знаю английский тоже.

И он говорит:

- Вот это я и хотел понять, потому что я понял, подумал, что это самое...

И перед ним проходит рота военных, солдат или милиционеров. И они проходят прямо мимо меня и мимо него. Он меня оставляет на какую-то долю секунды и говорит быстро что-то одному из офицеров или там проходящих, что-то шепчет. А тот возвращается ко мне. И я ему тогда говорю:
- Послушайте, если вы ему шепнули о том, что они должны придти и меня арестовать, почему ж вы это сразу не сделали? Разве у вас какие-то... Почему вы сомневаетесь?
- Да – говорит.
- Я – говорю – я из Америки, но я здесь в гостях, и вот я писатель. И я вам сейчас, если вы хотите, подарю свою книжку даже рассказов.
Он так... его это заинтриговало как бы и он начал смотреть. Я рылся в какой-то сумочке, сумке, портфеле и искал. Но там, где портрет мой такой, рисунок Маши Михайловой, такой абрис с бородой и все такое... где я правда, очень ну, похож во всяком случае, на сегодняшнего себя. И я начинаю искать и не могу сразу это найти. Он подозрительно как-то так смотрит, стоит и ждет. И я наконец, наконец, я нахожу эту книжку и показываю ему ее. И он как бы так... это его как бы, ну, что ли как бы покоряет его и сглаживает эту ситуацию. И дальше я не помню или я просыпаюсь.
И вот это ощущение и опять, ощущение страха, ощущение, что ты не у себя, у меня точно такое же, как было в этом... характеристики замка у Кафки, у Брода, где он связал это, что фактически Кад, герой этого... в этом произведении, это еврейский человек, который нигде не может найти себе место, нигде не может себя чувствовать свободным. И куда бы он ни пришел, он там всегда изгой, он там всегда чужой. И вот это тоже самое обычный частый очень прием, когда я приезжаю в Джурин или я приезжаю в Одессу или куда угодно, уже отсюда как бы, я все время, я ощущаю, что я не у себя.

***

В это же время, мне снится совсем другой какой- то такой сон, тоже ужасающий, кровяной, я бы так сказал. Я нахожусь возле школы, в Джурине. И вот какая-то... и вот перед школой вот эта площадь, она как-то странно построена, как бы какой-то настил над ней, ну как бы такой настил, я знаю, как патио. И у него очень такой большой, прямо перед школой и низкое, такое не очень высокое и вот такое низкое. И я вдруг выхожу из калитки, там была у нас калитка и ворота в этой... откуда мы все входили и выходили. И вот я выхожу из калитки и прохожу видимо мимо этого патио и вдруг вижу, что под ним на протяжении всего – всего пространства,

которое тянется до шоссе и перед ним, лежат громадное количество этих самых... громадное количество окровавленных, разбитых фигур... Ну тела людей, которых только что или расстреляли, или их угнали, уничтожали. Оторванные руки, оторванные головы и все это лежит в каком-то ужасающем беспорядке и крови. И я в таком ужасе, думаю:
- Что же здесь такое? Не может быть!
И я бегу обратно и созываю там людей, учителей или учеников и говорю:
- Посмотрите, надо это убрать. Надо узнать, что это такое и что это за погром.
А... и вдруг оказывается, что это... это все муляжи и что это все какие-то такие... Мне говорит кто-то, что это все не всамделешное. И действительно, вытягивает вот этот самый... из трухи какая-то там... крошки или эти самые стружки или там, где они лежат, вытягивает руку и она какая-то такая именно окрашена, сделана из папье-маше или из чего-то другого. И это кошмарное чувство, которое у меня вот было передо мной.
Что, почему, снился мне вот этот сон? Если говорить о Харькове, то это все ясно, потому что все простыни, которые были у меня и в госпитале, и здесь, и халат, который на мне и все прочее, они все в крови, они все... потому что я кровил и до сих пор еще тоже проявляются эти следы крови, которые... я их тряпочками подвязываю и все такое. Но они где-то проскальзывают. Но там, еще в самой больнице, в госпитале, это все было намного ярче. Поэтому та простыня, вот этот мой плач и желание побежать домой, ну, было ясно. А вот этот сон, с этими самыми оторванными туловищами, головами и все прочее, он совершенно неожиданно был связан с тем, что вчера вечером, прямо перед сном, буквально одиннадцать с чем-то уже было... Я лежал и я вдруг прочел из это модернистской... называется “Современная модернистская литература” книжка. И я прочел одного американского автора, прочел такой... как бы сказать, ну рассказ или скорей всего, фарс. Очень любопытен, любопытный, в театральном смысле, который меня как-то так... Я подумал, я хочу понять до конца, что ж там происходит. А там происходило то, что фокусник вынимал из шляп, которые возникали десятками, так сказать, и кроликов, и потом туда сам попадал, потом вынимал только одни руки, одни головы. Ассистентка, которая была там, красавица и он тоже вынимал только одну попу, одну ее грудь и вторую грудь как-то... Вообщем, там был такой фантасмагорический, он правда с нарастанием с таким, от самых мелких до, до того, как скрывались в этой шляпе. И вызывали из зала людей, которые разрывали этих, так сказать, не могли оторвать шляпу от головы и отрывали с головой шляпу этого же самого фокусника. И все это опять оживало, и все

это опять проходило. И в конце концов, это просто доходило до какой-то... уже до гротеска, когда его разорвали на части и его выбросили за этот самый... за кулисы. И при все при том, они снова все оживали и снова все становились такими, как они были вначале. Вот такая вот... И она, конечно, она просто жестокая, ужасающая, жестокая и в тоже время, какой-то есть фарс, в котором можно и увидеть даже и смысл. И вот такая вот немедленная реакция во сне, где я увидел вот такой... именно в Джурине, перед школой, в этом месте.

***

Я не знаю, записывал ли я раньше это тоже интересный сон. К нам как бы пришли купить наш участок. Однако, в действительности этот не участок наш, а школьный дом и сад, в котором я проводил тысячи дней своих в Джурине и любил очень этот кусочек места. Наша именно в Джурине это сад и школа и там, где жил директор и жила его жена, в которую я тоже был влюблен, как и все остальные мальчишки. И даже говорили, что она с одним из юношей, у нас был там такой, она даже имела какие-то сексуальные отношения. И вот это место мне всегда снится, я его очень часто его вспоминаю. И вот приходят как будто покупать этот участок у нас. Это в Америке, но действие происходит именно там. И приходит американец с громадной собакой, которая ко мне вдруг так подбегает... А,... обхватывает меня лапами и засовывает свой язык ко мне прямо в горло. И самое интересное, ... поцелуй или она зубами не трогает меня, не кусает, ничего и лапами нажимает... Она просто так... язык у меня в горле и я начинаю задыхаться, я начинаю шипеть, я начинаю как бы орать и кричать:
- Оля! – и как бы хрипеть, для того чтобы...
И никакого, так сказать, ни помощи, ничего. И только каким-то усилием громадным или усилием воли, я эту собаку выталкиваю и я даже не помню, что потом происходит – или я ее этим самым как бы убил или задавил. Этого я уже не помню в этом сне. Но это такой поцелуй собаки, я его так бы назвал, именно у меня был.

***

Дальше интересные были сны. Снилось, боже мой, я сейчас их запишу. И вот такой вот, с Гердтом какой-то сон. Вот я сижу на берегу моря в Одессе... Что ж там было? Я сегодня... нет плотника... Я так подхватил и сочинил экспромт... насчет плотника. А что ж я сочинил? Я нахохотал, интересно, я уже не помню, что ж там было с плотником. Я сочинил этот экспромт насчет этого плотника... Это мы были на берегу моря где-то,

ходили во сне, а который там был экспромт, я его не записал.
Поэтому поцелуй собаки, это я вспомнил.

***

Потом книжный магазин... А, вот это тоже интересная такая...
И вдруг мне снится Джурин. И а вот там, там где был... где под мостом у нас были вот эти... мы их называли почему то пали. Но это надо понять, посмотреть, почему вдруг это название так возникло. Это были такие... когда-то там был настоящий большой мост, но его разрушили и остались очень крепкие деревянные такие балки, которые были так параллельно друг к друг, так пять – шесть балок. И они... там была плотина видно раньше, что задерживала их вода, потому что там мельницы были рядом. Все это было разрушено, мы уже это всего не видели и мы только застали вот эти пали. Вот под этими пали, это, во-первых, было и место и как туалет и... Это поразительно, это только в этом таком несчастном местечке, где не было туалетов, где ничего... Свою нужду там справляли и она стекала вместе с водой и прямо шла в эту речку. И такое могло быть. Но там места иногда нельзя было найти живого. И вот на этих пали, вдруг я туда приезжаю как бы в Джурин. И оказывается, что там, когда я туда подхожу, там громадный какой-то новый, это новые русские что ли построили. Оттуда, во-первых, все по-другому выглядит, но эти пали как бы остались, а недалеко от них вдали, построен громадный какой-то комплекс, типа... и книжный магазин. И вот я смотрю.... А что ж там за карлик был какой-то...? И внизу лед, торосы и я смотрю там на развал, книжный развал... И вот я не знаю, почему там что-то со льдом было, с торосами. Но это я уже не помню. Но вот именно там, что книжная... и я хожу среди этих книг. А книги... а, и они в воде, я их вылавливаю из воды... И а... новая, шикарная... да это там постройка, это то, что тогда я об этом думал, с какими-то верхними этажами и много вот этих книг. Но в тоже время, я смотрю, что я был не одет почему-то и у меня нет нижней... или у меня брюк нет, или я ищу, где же мои брюки... Там мы оставляли там одежду, что тоже под этими пали где-то. И я ищу и не могу их найти. Это такой бессмысленный, конечно, сон.

***

Теперь дальше, я еще хочу вспомнить здесь что-то было еще неожиданного очень... С Ариком тоже было интересно. Ко мне когда пришел Арик из Нью-Йорка, вернее я был у него в доме. И он тоже заскочил там по какому-то делу и ушел. И я вижу, что он оставил свои ключи от квартиры, от

машины. И я кричу, бегу без рубашки, без брюк, без ничего, длинная какая-то рубашка, бегу за ним. И это самое... и бегу и прихожу в.... Да, и бегу в рубашке за ним. И он мне говорит:
- Что я вот где-то, вот под этими пали что ли....
И он говорит:
- Что я... Вы зря – говорит - беспокоились, я имею эти ключи тоже имею, так что надо... не беспокойтесь.
Потом я возвращаюсь в комнату и там находится какая-то необычайно очень красивая женщина, девушка, которая начинает меня, так сказать, соблазнять. И я с такой рьяностью, с таким неистовством, я бы сказал, вдруг тоже ее начинаю ласкать и вхожу в нее. И это меня очень радует даже во сне, потому что это как бы какой-то и... ощущение обновления такого. И это для меня было тоже очень приятно.

***

Потом снилась Одесса и снилось... где-то море. И появились на террасе такой, появились очень много знакомых моих. И среди них актеры и режиссеры мне знакомые. И я говорю:
- О, вот сейчас, в связи с тем, что я уже готовлю и “Знаменитые одесситы” альбом и другое, есть смысл их всех снять.
И начинаю, как всегда искать камеру, которую я никак не могу найти. Этот сон повторяется тоже уже не один раз, то есть, это всегда сожаление о том, что я не все успеваю иногда снять или не успевал и таким образом, это меня как бы мучает.

***

Ну, теперь дальше еще из снов, которые....
Но сегодня, такой же сон снился мне, что я нахожусь на площади, какой-то очень такой открытой и идет такой моросящий дождик. Но это все на какой-то на площади, где вот маленькая лестница, так где-то может быть в Одессе, в каком-то таком месте находится. Я смотрю лежат... лежит громадная книжка, ну просто громадной толщины, ну... что ее мне поднять даже будет неудобно, из-за того, что у меня там катетор, я там без катетора, но он мне... сидит в голове мысль о том, что я не имею права ничего поднимать тяжелого сейчас. И я думаю, книжку я эту... потом я думаю, да это похоже на Вебстерн, который у нас есть в магазине. А вот рядом с этой книжкой лежит большой какой-то альбом, но он настолько большой, формат окна примерно. И я... альбом, я как-то так открыл первую страницу. И вижу там на первой странице наклеены вырезки из газет и какие-то

фотографии может быть. Но в принципе, может быть это и нужно брать. Но в это время появляются какие-то пацаны, которые немедленно завладели этим альбомом. Я говорю:
- Подождите, подождите, это мой альбом, это я его увидел – говорю – это я его открыл.
А они, как бы так сказать, хотят уйти, но я все-таки у них этот альбом отбираю. Они понимают, что я прав, потому что я уже стоял возле него и стою практически, они его выхватили из под ног. Я беру этот альбом и спускаюсь по лесенкам и иду в какой-то переулок типа Чайковского в Одессе. И в это время подходит девушка и парень, такие из пацанвы, из такой... шкеты такие и она говорит:
- Это мой альбом, он должен быть у меня.
Я говорю:
- А почему?
И подходит парень:
- Ты что там, мол – он сразу – думаешь еще там торговаться или думаешь, мол, – отдавай альбом.
Я говорю:
- Да, но почему я должен отдавать – я говорю. – Вы что из общества “Родина”? – не знаю, что это такое, но мне это запомнилось.
Когда я сказал – “Из общества “Родина”, она как-то смутилась. Я говорю:
- Вот я теперь буду знать, что вы... это все украдено и ушло в это общество.
А он так подступает сзади и я думаю, что он вот может меня сейчас ножом пырнуть или что. Я говорю:
- Знаете что, давайте сделаем такой компромисс. Я сейчас готовлю книгу и мне нужны там некоторые материалы, связанные с... с парковой скульптурой. Я посмотрю какие-то там есть листы и если там есть эти фотографии парковой скульптуры, я их тогда выдеру.
Но они как бы так и согласились, но... или я проснулся, но до этого, так сказать, не дошло.

***

Ай, боже мой, это, конечно, надо записывать и немедленно, надо, как говориться, начитать, потому что иначе, это фактически бессмысленно. Я вот хотел просто прокомментировать все-таки вещи, которые связаны с тем, что я там за это время прочитал и продумал. Я вот... в первую очередь, меня, конечно, меня восхитила опять же личность, фигура этого... как его... Кафки, Франца Кафки. Даже возникла мысль о том, что по его дневникам, письмам и именно, письмо к отцу, письмам к сестрам о воспитании и

письма, которые сохранились к нему или о нем, они могли бы составить необычайно блестящий такой спектакль о жизни Кафки, об этой.... Тем более, которая вырастает для меня на уровне... во всяком случае, выше легенды, даже если ее записать, в смысле его интеллигентности, его честности, его проницательности, его доброжелательности. То есть, фигура выросла из этих произведений, а записи – это сплошная боль, сплошная грусть, одиночество, желание покончить жизнь самоубийством, то есть, такая противоречивая, конечно, фигура. И в один голос, все, кто с ним общался, кто его знает как бы, хотя бы один, два раза, видели и признавали, что это фигура необычайная. Там уж никто рядом с ним не мог сравниться, в смысле, его такой проницательности, его чистоты, его честности, его...
Я сейчас страшно взволнован даже этим прочтением, но может быть, опять же, если бы... позволит мне здоровье и силы, может быть, я бы все-таки приступлю к такому... к такой вот композиции, чтобы вот все то, что меня взволновало, попробовать сделать спектакль, посмотрим.
Но те .... вещи примечательные, безусловно сказывается, так сказать, испанская грусть Светлова, испанский пейзаж, испанская грусть, испанский его темперамент и умение выстроить вещь такой фантасмагории и в тоже время, реальности. И меня это очень как-то...

***

... страшно много оптимистического, иронического и в тоже время, так сказать, и в чем-то и несчастного с потерями близких и связанная с напоминающими... и бессмысленность. И даже настолько и его оптимизм, так сказать, уходил подальше. А ирония, а мудрость, а остроумие и... просто фонтанирует. И меня очень привлекла его там просто фигура все больше и больше.

***

Дальше, в это время я прочел еще какие-то кусочки из дневников Петра Ильича Чайковского. Особенно, тот момент, когда он был здесь в Америке. Ну что ж, в Америке... можно было бы сейчас напечать для... для русских националистов, чтобы они поняли, какая все-таки мысль великого композитора была сто лет тому назад, даже больше... где-то сто двадцать лет тому назад. И как он тогда, очень верно и точно понял, что собой представляет Америка. А они сейчас сомневаются и считают... только денежной, только агрессивной и т.д и т.п. Где-то так. А потом... но вот там интересно, просто при всем и при том такая интереснейшая деталь, которую я ... Во-первых, он ездит со своим слугой, с которым видно он

сожительствовал. И вот никогда там не проскальзывает ни одной, так сказать... намека даже на это, но скорей всего это так, этот Алеша, этот Алексей. А кроме этого, заканчивается каждая запись или начинается, что я сегодня тоже много плакал. То есть, какой-то такой...

9-ое мая

Сегодня 9-ое мая, День Победы. Пришлось вспомнить, не то что пришлось, а вспоминается для меня, как всегда, этот день... в саду пошел посмотрел на это все и вспомнилось детский сад... детский сад. Но я никогда не был в детском саду, а это я имел в виду сад наш школьный, в котором все протекало... Там было много вишневых деревьев, яблонь. И они все были в цвету, это было просто прелестно и я очень люблю это состояние. И сейчас такие же деревья у нас, прямо возле дома и я побежал туда... по радио объявили День Победы.....

****

Были несколько дней, которые я пропустил, но был вот такой сон. Мне снилось, что я нахожусь... Узкая довольно, современная... может быть современная... комната. Я там... а рядом там лежит удивительно красивый... именно пышка, а рядом... но ребенок лежит без матрасика, а на полу. А она вот в этом, как я употребляю старинное слово – альков, такой... кровать... кровать в алькове. И я вот лежу вот возле этого мальчика, как -то, я не знаю, не могу сказать, или я в гостях, или я сплю, потому что я вот гость в этом доме. А потом я как-то осознаю, что я... женат... И это настолько приятно, настолько... вот эта женщина, в очень таком... возрасте. То есть, аппетитность, красные вишневые губы, лицо тоже сияет улыбкой и очень такое розовощекое. Тело... она как бы видется мне... или голая совсем, что уже очень такое приятное и с прекрасными формами. И я думаю, разве я должен лежать вот там, возле этого мальчика, который... и глядеть на нее. И я как – бы... И я так тихонечко или это, так сказать, появилось желание, или там флюиды какие-то... И я перехожу к ней и начинаю ее ласкать. И я чувствую, что ей тоже это приятно. И она начинает меня притягивать к себе. И я думаю:

- Вот где нужна, вот где нужен... нужно быть в форме, в силе...

А у меня ведь кровит простата и все это где-то крутится. Но в данном случае, там я... там я чувствую себя в силе. И очень как-то приятно это прикосновение все... Потом как будто я просыпаюсь... И я не знаю или я просыпаюсь... Но... и потом я опять засыпаю. И продолжение этого сна где-то такое, что я лежу опять с этим мальчиком, который тихонечко спит. Я

его так прикрыл и он, так сказать, дремлет, спит. И я потом это... как бы ищу ту ренуаровскую женщину, встаю и вижу – обе, ее матрас, кровать как бы скручена постель, я... имеется в виду и одеяло и все и простыня и все, она скручена, как будто там никого уже нет. И с... что мы ушли. И внизу матрас, там где девочка ее лежала, тоже... что они ушли. И я думаю:
- Вот пожалуйста, вот и... вот так закончилась вот эта прекрасное начало, которое было так красиво.
Вот. Если сразу комментарий к этому сну – он любопытен, конечно, хотя с этим... жена Лейка, которую я ее очень хорошо помню, она никакого, так сказать, близко к этому отношения не имеет к такой вот... к такому... к такой типажности, в смысле которая была во сне. И зачем... у меня никогда даже не возникали какие-то там помыслы о ней, это уже для меня, как бы сказать, моего человека, с которым я приятельствовал, во-первых. Во-вторых... но она уже и в возрасте таком уже была, не в самом таком... У нее трое детей было. И это, конечно, не вызывало у меня, так сказать, помыслов. Но тут трудно мне понять, почему это для меня оказалось... Может быть это потому, что я иногда вспоминаю, что я нахожусь в доме, в этом доме, где мы сейчас живем, который должен был купить Лейк. И он его не купил только из-за того, что, так сказать, из-за одной тысячи, которой он, так сказать, торговался. А мы сразу согласились. И таким образом, я бы мог сказать, что я живу в доме Лейка. Так может быть, может быть, отсюда и появился вот этот вот сон.

***

Дальше, второй сон, это, как ни странно, часто повторяемый. И я не знаю, насколько он может быть так интересен, но там есть довольно такая повторяющаяся... что я... Я приезжаю в институт и там идет какая-то репитиция первого курса, которая, так сказать... сдают мастерство актера, экзамен. И я так смотрю и вижу все ошибки и могу немедленно включиться и, так сказать, это самое... Но тут же, я вспоминаю:
- Подожди, но у меня ведь еще... я ведь должен еще этот экзамен сдать по истории театра.
И я иду искать аудиторию, где будут сдавать этот экзамен. Я захожу в какую-то маленькую такую комнатку, которая скорей похожа вот на комнатку в ОРТ- институте, видно какие-то... типа такие кабинки там, в которых стоят компьютеры, стоят какие-то... Ну вот такого типа комната, она даже как-то затемнена. И там сидят две девушки, мои сокурсницы и парень и они листают большие какие-то там шпаргалки и книжки лежат, потому что... И я говорю:

- Ну что уже там сдают?
Они говорят:
- Да, там уже сдают.
Я говорю:
- Да, ребята, а вот есть какие-то... А что за вопросы?
А я не готовился и все думаю, что все это, боже мой, да ерунда. Я историю театра знаю и я зайду и все... сумею выкрутиться и сдать этот экзамен там. И вот они мне дают какой-то большой такой фолиант, в котором вопросы по истории театра. И первый вопрос, который там есть - румынский театр XXII-го века. И я думаю, что я могу даже наврать про румынский театр XXII-го века? Нет, я думаю, это я вряд ли смогу и такое вот громадное количество вопросов... И я почему-то так махнул рукой и вышел из этого состояния, в котором я проснулся, для того, чтобы не заниматься... А нет... и я все-таки думаю:
- Нет, придется мне, может быть, даже возвратиться на первый курс.
И я себе думаю:
- Но как же я буду себя чувствовать, когда я уже ставил столько спектаклей, фильмы и все... Но вот это будет очень громадный опыт и я смогу, может быть, даже там читать, преподавать – вот такая какая-то эта самая...
И... или обычная вторая такая вариация, что я может быть уеду куда-нибудь, в какое-то захолустье и с моей, так сказать, ну, культурой и охватом, и знаниями, и опытом, я просто начну делать там какой-то театр. И это будет и для меня хорошо, и для этого селения. Вот такая вот мысль.

***

В этот же раз снился мне еще сон, связанный... странный, конечно, тоже... Он настолько там, безусловно, такой повторяющийся, но совсем... с тетей Сарой, который где-то я уже как-то записал до этого сон, что я... Вдруг она мне снилась и даже какие-то были намеки в том, что если я его не записал, даже какая-то эротическая ситуация, но это уже вообще, так сказать, “несомыслица”, как говорят на Украине. Но, если покопаться, так тоже может быть какой-то в этом был сенс. Но я расскажу значит сон. Мне снится, что я прихожу в этот маленький домик, который находился недалеко от нас. Но он был как-то совершенно какой-то крохотный и темноватая совершенно одна комната без окна, а вторая была спаленка, в которой было окошко. И кухонька необычайно маленькая. И какой-то сарайчик, в котором было, конечно, какое-то ведро, вместо туалета. И вот это все, мне очень, так сказать... И вот стоит тетя Сара, возле этого как бы домика, не в самом домике, а возле. И там как-то такая площадочка... там в

действительности был огород слева такой, который всегда был... зарос подсолнухами. И я всегда там срывал кусочек там подсолнуха... И я вот смотрю, значит, она тащит в руках, она не стоит, а именно тащит ко мне как бы вот так, к этому бугорку... Там получилось... так получалось, что там какая-то... может когда-то и был в доме после войны, так сказать, был разбомблен и там был пустырь. И там росла трава, и там росли какие-то кустики. И вот она подходит ко мне и в руках она держит десяток маленьких – маленьких котят. Они еще совсем – совсем маленькие, но они как бы так... одна за другой зацепилась, как колбаски такие, как сосиски. И она их держит так в руке, их там десяток. А в остальном... какие-то большие, большие... там тоже где-то мелькнули или у нее на спине, или на плече. И она вот подходит и именно... Я стою вот на этом пустыре и она мне их подбрасывает и говорит:
- Вот тебе, котята твои, которые ты будешь –
Не знаю, что она там имела в виду. И она уходит с теми вот, а тех, она куда-то дальше отбрасывает, больших. И вот эти котята стали немедленно, так сказать... Да, и возникает возле моих ног, недалеко, прямо рядом сухое молоко рассыпалось, которое я каждое утро даю моим кошкам. И оно просто вот на земле это сухое молоко. И эти котята немедленно пошли и начинают так рьяно, так быстро вылизывать это... эти... сухое молоко. И я поражаюсь, думаю:
- Вот тяга к жизни, любовь к жизни.
Итак, комментарий. Первое – в смысле котят, здесь все ясно. В этот... в эту... Леди весну принесла пять котят, еще там несколько... Тут котят у меня много, но так как я еще не определил, где она их взяла сама котят... Она их в этот раз где-то спрятала и я не могу их найти. Но кушать хочется и она приходит и даже под... начинает мяукать, я ей начинаю разводить молоко. И рассыпается, конечно, это сухое молоко, порошок рассыпается вокруг. И я вот наблюдаю, что... и к ней приходят ее дети от прошлой весны – три великолепных красивых рыжих кота. И еще коты, которые там рядом уже, их десяток. И вот они приходят и едят. Она, конечно, дура страшная, Леди моя. Она всем, всех привлекает, они все приходят и пока они все не наедятся, она стоит и с любовью смотрит, как они едят. А потом и сама подходит. И вот этот... и вот эти котята, это скорей всего, отклик того, что мне принесла тетя Сара. Почему именно она? Мне трудно сказать. В отношении... Да, и у меня какое-то... когда я на нее смотрел, был какой-то такой эротический момент. Почему? Дело в том, что ее дочка Соня, моя двоюродная... она даже мне не двоюродная сестра, я как-то видно этот сон рассказывал, первый, еще какой-то. Дело в том, что я когда приходил, к

Дуне, к моему самому близкому другу и родственнику (Я был его дядя, скорей всего). Но он был старше меня где-то года на два, это был самый сильный еврейский парень в местечке. Он привез нас там... и мускулы были естественно, ну побить, ну победить... Но в нем не было, воинственного такого характера не было, но в нем... он был очень силен и я себя чувствовал под его крылом очень прекрасно. А потом он уехал в Казань, потом он поступил в училище танковое. Отец его, Мойша Шварц, погиб, подорвался на мине по Сталинградом, такие были сведения. И вот он стал танкистом. И, к сожалению... Он приезжал, когда мама наша умерла, случайно оказался в нашем... и был в военной форме, был, так сказать, старший лейтенант, дошел до майора и погиб или на учениях, или умер рано от разрыва в сердце. И, к сожалению, это вот только мы знаем. Но я очень его любил, очень любил. И сегодня, вот в день 9-го мая, я вдруг как-то хотел тоже вспомнить о нем, его памяти и поклониться. А к Соне, когда я приходил, то, конечно, возникало... Мы дурачились, мы валялись на кроватях все... Когда моя рука случайно могла там ущипнуть ее или там поддать в интимное место, или грудь, или все... это было страшно приятно, это было так эротично. Ради этого, я готов был приходить, там и проводить там долгое время в воскресенье. И тетя Сара, естественно, была рядом и она, правда, относилась немножечко с таким вызовом в отношении к нам в связи с тем, что она считала, что мама аристократка и страется делать такие... чтобы они учились, чтобы они пошли в университет в университет Костя уже поступил и все прочее... А... и она не имеет возможности, у нее тоже трое детей осталось, а муж погиб. Ну мы дружили и понимали какой-то это... понимали это... Но в данном случае, помочь там, я думаю, конечно, там никто ничего не мог.

***

И вот вчера снился совершенно уникальный сон, которому тоже есть объяснение. Я нахожусь в каком-то громадном, громадном зрительном зале. Летний такой открытый зал, в котором находятся люди, которые сидят на скамейках и ждут какого-то там представления. И я так сижу и Оля вдруг... она говорит... что сидит Эрик рядом или надо к Эрику помчаться, потому что в этот самый... куда, в больницу или что... Она должна отвезти его или должна туда подъехать. И она ищет машину и вот прямо... там получается между рядами большой такой просвет и какая-то машина стоит. И она ее как бы просит... или ей разрешает что ли... ее машина. И она мчится по этой аллее между скамейками и въезжает на дерево. Именно, как бы сказать, выезжает на него и это дерево, как бы проходит под колесами машины и

она взбирается на самый верх этой... этого дерева. А оно как бы выгибается так и под тяжестью машины, под тяжестью машины, оно... машина падает прямо в середину зала, где сидят.... на скамейки, где сидят люди и среди них дети. И я уже вижу окровавленное какое-то месиво. И... боже мой, и в тоже время, Оля... или увозят, или что-то в какой-то госпиталь. И я с таким ужасом смотрю и думаю:
- Боже мой, что же она натворила, что же она натворила...
И я не знаю, что делать и бегу для того, чтобы меня кто-то отвез в этот госпиталь узнать что там у них. И я думаю о погибших этих людях и вижу целый такой кусок этого месива. А потом я вбегаю, возле этого же зала в какое-то помещение и смотрю... и там как будто вот мясо из - под машины, которая упала на этот... на эти скамейки. А она была там оказывается, ну я знаю, типа там такой фургон, в котором были мясные туши. И вот их раскладывают, для того, чтобы отправить с другой машиной. И я кричу и бросаюсь на пол и кричу:
- Дайте мне машину! Я вас умоляю!
И с такой мольбой, с такими слезами. И там стоит наш знакомый один, этот самый... как его... знакомый один наш эмигрант и он говорит:
- Это же Рудяк. Надо, надо ему помочь... Сейчас что-то придумаем, какой-то такой вот...
А я так реву и так кричу...
И вот коммертарий к этому сну. В этот вечер Оля, Эрик и Марджери поехали на встречу с Натанияном, этим Бенджамином Натаниягу в Джуиш Федерейшен. И они были там в зале, где он выступал. И я, конечно, попросил Эрика, чтобы они вместе поехали, и чтобы скорей всего, чтобы поехали на этом... трейне, для того чтобы не попасть в трафик. И думал я, даже больше о том, я думал, чтобы это просто было бы более безопасно. И чтобы Оля сама тоже не ехала. Когда я сказал об этом Эрику, так он говорит:
- А что ты хочешь, чтобы мы вместе поехали и погибли по дороге все вместе? Лучше же, чтобы по отдельности.
И меня это, конечно, очень резануло. Но я действительно всегда думаю о том, чтобы не дай бог, чтобы все было... Чтобы они доехали благополучно и чтобы, не дай бог, не было никаких таких эксцессов. Отсюда, конечно, и мог родиться вот этот сон с этой машиной, если это... Их долго не было, в одиннадцать часов я уже волновался. Когда Оля появилась, я был счастлив. И поэтому вот этот сон мог только вырасти из этого. Но до этого, я уже смотрел телевидение и где показывался взрыв в этом самом... в Израиле. И там тоже были машины и были видны окровавленные там места какие-то...

Это тоже могло вот зайти... Вот это тоже могло быть, как бы сказать, все... с этими тушами и все прочее. Поразительно, страшно, страшно. Второй мир на мир подсознания. Вот как он все преображает и такие бывают просто.... такие...

***

... Конечно, это такое очень забавное и любопытное событие, потому что... Дело в том, что я фактически три года думал, думал,что я смогу это победить... Это о той простате, о которой я неоднократно писал и в каламбурах... простаты... Это действительно оказалось так. И...

Простите, девушки, простите,
Но дело видно в простатите.

Но... но диета макробиотическая как будто многое смогла победить, а вот простату, к сожалению, так, чтобы ее привести в порядок альтернативно я не смог, хотя возможно все-таки можно было, может быть, это и сделать. Я шел, возможно, не тем путем. И я принял решение для того, чтобы чувствовать себя в форме, творить и иметь возможность и двигаться, и ездить далеко, и не думать о том, что неожиданно тебя может захватить, прихватить, Я, конечно, решился на эту операцию... ослаб... И ровно практически через три года... И когда я ушел, это был тоже понедельник, 20-ое число, но только другого месяца и оказалось, что это был четверг. И я тогда считал, что это это было, как сказать, какой-то знак сверху, что... надо не делать этого. Но вот, почти через три года по этому же самому... в этот же самый год и в этот же самый день только в другом месяце, как говорил любимый мой... этого месяца мая... Так я решился и операция была произведена. Не могу сказать, что это оказалось так легко и просто – были и боли и кровило беспрерывно. И сейчас... вот это я уже пятый день после этого, фактически это пятый день или четыре... четверо суток прошло, так сказать, пятеро суток прошло, как я после операции и три дня, как дома. Сны немедленно резко изменились в отношении... в связи с этим событием. И кое-что я записал, кое-что я запомнил. Но это крохи по сравнению с тем, что мне снилось. Значит, я часто пробую их все-таки каким-то образом вспомнить или записать на пленку и сделать комментарий, потому что за это время я, лежа в постели, прочел очень много интересного тоже для себя. И Маркуса, несколько небольших повестюшек, рассказов, которые, безусловно, меня тронули. И в первую очередь, я закончил книжку Макса Брода о Кафке. И это будет отдельный разговор, который просто меня... я имею в виду сам Кафка, как личность, как... Меня он восхитил и особенно письма, ни его к Милене, а Милены к нему, и письма к Броду по поводу... в

какой-то мере, и характеристики самого Кафки. Это просто для меня было откровением, потому... слово, намного выше, чем все остальное. Там было и сказано самим Бродом, который был намного и ближе, и чаще, и дольше и так сказать... с Кафкой.

***

Итак, сегодняшний сон, я сразу нагововарию, чтобы я не забыл. Что-то мне снилась какая-то ситуация такая или... это океан или море. И к сожалению, такой как бы открытый театр, типа Оперный и я... и какие-то люди там это самое ... которые такие... какой-то... там даль и они кричат, что:
- Чёдак, чёдак!
И это как бы протест какой-то. И я не знаю, как во сне я реагировал или положительно или отрицательно. В любом случае, это так немедленно вдруг откликнулось, что как бы между людьми должна была быть... делегация или разоблачение или нет, может быть, а может быть и в хорошем смысле. Но во всяком случае, она отразилась. Я просто дам характеристику, раз мы уже просто заговорили об этом самом... Я дам характеристику этого человека, который мне, конечно, любопытен. Значит, первый раз, когда я ее увидел, такое оригинальное лицо, вытянутое, резкое такое вытянутое такое лицо оно как бы сплющенное как бы, но в тоже время с такими правильными чертами и интересными даже такое, и то есть, даже привлекательное, я бы сказал. И я немедленно отметил, что она все-таки не секретарь, а там ассистентка Джулия, ну такая симпатичная, очень крепко сбитая, она была, правда, в брюках таких. Но ноги крепкие, фигура такая мощная, женственная и эротичная. И я немедленно понял, что между ними идет... есть взаимосвязь такая. И в этом я убедился, когда они забыли обо мне. И я так сидел в кресле минут двадцать или тридцать, а они возились там в другом кабинете. Я, правда, не очень конкретно слышал какие-то вздохи и оргазмотические какие-то там крики и все это... Но я был уверен, что это было именно так. И когда он пришел, я увидел под глазами у него круги. Но он извинился, как бы так. Но в принципе, оказалась, что его история со мной довольно длительная. Ну во-первых, он меня, как бы так сказать, вел меня по аналогии после операции colon cancer и надо сказать, что я, конечно, почему-то инстинктивно, я доверился ему, потому что у него есть сила воли и кроме того, он деловой и никаких объяснений, он, как бы говорят: “Так надо”. То есть, в этом смысле, это такая же, как другие определяют законы и они не объясняют может быть: “Почему нельзя так, а вот так надо”. И кстати...

K02.10

11-ое сентября

11-ое сентября. Есть просто для меня сны, которые не покидают меня на протяжении всей моей такой уже сознательной жизни. Я могу понять откуда они растут, но это, безусловно аналитики правы и в первую очередь Фрейд безусловно, что где-то в подкорку засели какие-то... обида и стресс какой-то и неожиданная какая-то такая... И вот она повторяется в тысячах вариантах и все выходит на одну и ту же, так сказать, ситуацию. Вот в данном случае, мне снилось, я к сожалению, мне почему-то все-таки тяжело говорить. Я попробую так спокойней и тише. Снилось какая-то... что вдоль реки я иду и... А по реке как бы плывут что ли муж и жена или молодые люди какие-то и с которыми я как бы веду беседу вдоль... Они плывут как-то очень медленно. И потом... это очень интересный сон какой-то был как целая новелла какая-то. И я вот с ними переговариваюсь и иду, и иду как-то. Потом такая неожиданная сценка, когда они выходят ко мне на берег и что-то... и как будто они с киностудии. И я с ними... и они говорят:
- Ну вот ты пойдешь с нами как-то...
И я их провожаю, за ними подъезжает машина. И вдруг... и к ней и с чемоданом каким-то подходит Евтушенко и кричит с такой радостью:
- Илюша!
И обнимает меня. Я думаю:
- Вот теперь он наконец поймет по-настоящему кто я.
Он садится с ними в машину, но там полностью заняты все места, как бы получается. А тот говорит:
- А вот мы сейчас стульчики поставим.
И ставит мне какой-то стульчик, такой выдвижной. И это все так ясно, в машине. И я сажусь и мы едем, я не помню, о чем разговор. Но потом он вдруг оказываемся или в вестибюле киностудии или в каком-то кафе или в чем-то. И я голый стою и Евтушенко смотрит на меня с такой какой-то странностью. И я так думаю, когда он смотрит на меня и видит мой детородный орган, он говорит, он так смотрит:
- А что..?
Я так думаю, его смутило и как бы насчет моего обрезания. А потом я понимаю, что он может быть имеет в виду, что в таком вот положении очень такой небольшой отросточек что ли. И я ему говорю, что:

- Женя, это нормально – я говорю – при эрекции он становится нормальным. Я не знаю, как у тебя – говорю – а у меня это все нормально и никто не жалуется.
Но он как-то так все-таки смотрит. И я говорю:
- Потом понимаешь, у высоких людей, ты смотри, ты выше намного ростом,

значит и отросток должен быть длиннее.
Вот такой разговор. Потом это все вдруг смещается, люди начинают идти в просмотровый зал и вот опять возникает вот та обычная ситуация. И я думаю:
- Я давно из Америки, я давно ушел из студии. Фактически меня сняли по письму КГБ и я не работаю там.
Но был такой... сладкопевчий такой... типа редактор, не знаю, кем он там... Я что-то так вспоминаю его на киностудии, человек, который увидел меня и говорит:
- О, - говорит – хорошо, что ты здесь. Ты понимаешь, нам надо возобновить, восстановить студию Киноактера. Расскажи мне.
И так мне... сладкопевчий такой, круглолицый и живое такое налитое кровью лицо. И я так, честно говоря, даже и обрадовался. Думаю:
- Вот все-таки я им нужен и они обо мне помнят.
И мы идем с ними, направляемся вот в этот зал. А дальше все исчезает. То есть, сон был, конечно, со всеми деталями там, такой широкий и сюжетный и все... И я, к сожалению, все это не запомнил. Но сама мысль, что беспрерывно вот это возвращение и вот этой обиды за то, что за меня... меня не отстояли перед КГБ. Но я тогда... просто тогда по-настоящему сам не понимал это, я сейчас понимаю. Хотя Збандут меня потом, когда я пришел через три года за... фактически за... там выпиской какой-то или что там... он сказал:
- Как же ты ко мне не пришел? - говорит
А он был тогда в больнице, лежал. Он говорит:
- Я бы тебя не отдал – говорит – я бы тебя не отпустил.
Вот это были его слова. Но может быть, он был и прав. Но я слишком понимал, что в той ситуации, в которой была еще тогда страна, это был 80-й... это был 79-й где-то... 78-ой год – это было бесполезно. Я бы ничего не сумел сделать и загремел бы еще куда-нибудь. Так что, все сложилось может быть даже лучше, чем я предполагал. Вот такой сон.

16-ое сентября
Сегодня 16-ое, 16-ое сентября, Йом-Кипур. Сегодня был... Что ж, мудрый, хороший, мудрый закон о всепрощении. Эо очень мудро, больше я ничего

не могу сказать. Я попросил такое же прощение у всех, кого я обидел. Надеюсь, что и меня простят. Так что я себя чувствую чистым, хотя бы. И надеюсь, надеюсь на хорошую запись в “Книге жизни”.
Снились мне, конечно, не связанные конкретно с этой темой, но поразительные и как всегда, имеющие под собой какую-то основу, хотя я так не могу понять, почему мне снилась Москва и квартира Рахиль Моисеевны, которую я никак не могу найти. И потом там такая история, как будто я там уже был. И ушел куда-то в город. И вдруг обнаруживаю себя на каком-то пространстве, какая-то площадь. Но где? И я вдруг вижу, что я в какой-то нелепой, я бы сказал, одежде, похожей чуть ли на какой-то такой очень... какой-то чуть ли не гейский какой-то костюмчик на мне. С какими-то приталенными юбкой – брюками вот такими, то есть очень нелепый. На мне, с моей бородой и все... Я хочу как-то попасть скорее и переодеться. И я дохожу до какого-то там трамвая, до... и не знаю куда ехать, я не помню абсолютно в каком направлении там и где. Так мне казалось, что я смогу добраться, но я не запомнил ни номер, ни улицы, ничего. И потом я...
Этот сон любопытен еще тем, что он прервался другим каким-то, а потом он опять возобновился. Вот это возобновление я помню, что я попадаю или в какой-то Дом творчества литераторов. И там какой-то знакомый человек, из Одессы что ли, который как будто знает, где я здесь остановился. Я так обрадовался этому, потому что я одет в том же самом костюме и я хочу переодеться, то есть, продолжение сна, но с таким сюжетом, как будто это написал его как сценарий и вот он движется сон. И я очень рад, что он меня.... И я так уверен, что он знает, что он там был у тети Рахили, где остановился и я. Но вот интересно, я не могу вспомнить из моего прошлого, что я как-то забыл, где живет... Ну, первый раз, когда я приехал и когда там, что я не мог попасть туда. Хотя может быть, может быть. И такое было, учитывая, что они потом переселились и жили в другом месте на Шаболовке. И я туда каким-то образом ездил и может быть когда-то я не мог и найти этот переулок или улицу. Вполне возможно. И сейчас этот сон очень частый, он настолько частый, что поразительно просто, что я нахожусь в Москве или хочу вернуться обратно там на ночевку или просто... И не могу – не помню ни телефона, ни адреса. Ну я не думаю, что тут надо обращаться к психоаналитику, чтобы он разгадал это самое. Скорее всего, такой вариант мог случиться, что я неправильно не помню этот момент, но он мог быть такой. И он вот таким образом преобразовался в такой постоянный сон. Но он настолько разнообразен, настолько с разными... Помню, как на саночках я лечу вниз и на Красную площадь. Такой даже где-то сон был. И тоже я тогда искал, как же попасть в дом к Рахиль Моисеевне. Вот такой был сон.

***

Сердце жмет. Завтра еще один день, послезавтра мы улетаем во Флориду. Ну дай бог, я надеюсь, что морской ветер, морская вода, где такой простор

даст какие-то хорошие результаты для здоровья.

5-ое октября

Сегодня уже 5-ое октября. Это мы приехали из Флориды две недели тому. Мы уехали туда... Тоже были сотни, сотни снов и событий, и прочтений, и все... Это я должен записать отдельную какую-то может быть кассету под title “Флорида”. А сегодня мне просто снились пару снов, которые я как-то... В них есть любопытные какие-то детали. И я их кое-что запомнил там. Одна из них, что я в Джурине и что я... осталось... Не знаю, и я еще могу пару дней там побыть. И все-таки надо, надо, надо зайти к оставшимся там евреям, с ними пообщаться и узнать, и фотографии сделать, и посмотреть фотоальбомы. И вот я начинаю думать, к кому же я еще все-таки могу зайти. И это так меня тревожит. И аппарат, слава богу, со мной. Но в тоже время, я не знаю... и это такая, как во сне не раз уже снилось, как будто это такое предвечернее, сумеречное время. И точно как, как будто перед грозой и вот такое световое состояние. И вот я собираюсь, думаю, что надо это еще все-таки сделать.

Потом я переключаюсь или это еще до этого было, я захожу в домик дедушки – бабушки. Они умерли и как будто их там должны... Они лежат там, готовые для захоронения. И я в это время как-то оттуда пропадаю. И когда я снова туда возвращаюсь, чтобы их ну как-то подготовить для захоронения, я вдруг вижу, что этот весь домик, который состоял из одной маленькой комнатки и кухоньки, вдруг он... его полностью переоборудовали. И там выбелены новые совершенно... одна, вторая и я брожу. И там еще есть люди, которые все это там подчищают. И я говорю:

- Подождите, здесь же были мои дедушка и бабушка, здесь же были их тела. я хочу их похоронить.

Они говорят:

- А может...

И одна из них такая, еще как будто, милосердная, говорит:

- По-моему там где-то есть, осталась где-то голова бабушки что ли...

Вот так, боже мой, меня это так... И я... меня это вдруг так, ну как-то всего проняло и я стал рыдать. И я говорю:

- Как? Как же так? Как же это могло быть? Как это вы посмели?

И рыдаю с такой не... ну безудержной... И не могу успокоиться. И они ко мне... и кто-то там ко мне подошел, но... Я говорю:
- Кто вам разрешил это все делать? Как это безнравственно, как это все...
И вот такой страшный, страшный сон, страшный плач... И я просыпаюсь вот с этим плачем. И не мог даже как-то, не мог даже успокоится и не мог

сразу прийти в себя.

***

Потом, там же, снилась очень интересная... Да и кстати, до этого снился буквально вот как только мы приехали в Чикаго, мне тоже снился сон, что я где-то нахожусь... Ну, не думаю, что это где-то в Германии, вернее в... Но это связано с Владимиром Николаевичем Войновичем, которого я очень люблю и, с которым в какой-то мере, могу сказать, мы как бы дружим...

7- ое октября

Сегодня уже по-моему 7- ое октября, октября, 7- ое октября. Сны одолевают беспрерывно. Начинаю задумываться - действительно, что это какая-то может быть и не норма для такого здорового... Ну не знаю, может и это хорошо, что они хоть бы так отражают, что происходит там в подсознании. Ну уж очень и очень это тяжело, очень мучительно в смысле такого обилия. Это просто невероятно.
На это раз снился тоже сон, как будто последствие рассказа, который тоже вышел из сна. На этот раз снился тоже сон, где нас гонят в... на расстрел какой-то Бабий яр, другой яр. Я – молодой человек, я совсем не в этом возрасте, в котором я нахожусь сейчас. И это точно, как в моем, в этом рассказе. Я нахожу какое-то место, это не... это где-то долина, карьер, а наверху большой... а наверху... просто какая-то возвышенность такая, чуть ли не гористая такая, гористое такое место. И я вот отрываюсь так вниз этой колонны и бегу вниз. И за мной тут же помчался полицай, потому что он по-русски со мной разговаривает. Кричит:
- Стой там и все...!
И я бегу, и в этом... как бы по мне стреляют, но он меня догоняет. И я ему говорю... И я... Почему-то у меня вообще никогда нету на шее, на руках, ничего не ношу, никаких... никаких перстней, никаких... Хотя у меня... кто-то из ближних и дарили и бывает... И никаких цепочек и ничего... Но вдруг у меня оказались какие-то цепочки с Могин-Довидом или что-то такое вот. И он как бы потянулся к ним и я понял, что он хочет это. И я говорю:
- Бери!

И я ему снимаю все, а там несколько, одна за другой и я это все отдаю. И бегу вверх в какую-то... на эту гору, которая там впереди. И думаю, что стрельнет, не стрельнет – это уже судьба и я уже ничего не могу, как говорится, я не считаю, что я откупился. Но с другой стороны, он как бы меня отпустил. И я вот бегу по этой горе, на эту гору. И взбираюсь уже вверх, он по мне стреляет и говорит, что он уходит уже обратно. И я понял, что я на свободе. Там были еще, конечно, много разных каких-то ощущений и пейзажей и все... Но я все это не могу так вспомнить.
Потом вдруг, когда я взобрался туда, переносится совсем какая-то другая... в другое.... совершенно фантастический такой сон. Мне сейчас тяжело почему-то говорить, я потом...

8-ое октября
Сегодня правда уже 8-ое, кажется, ноября. Я продолжу тот сон и перейду к новому. И вот мне снится, что я взбираюсь на какую-то... Это лестница, спущенная с облаков, с неба, спущена прямо в океан. И должны сделать какую-то фотографию, гдя я вишу на этой лестнице, для того чтобы... для издания книги и для... не знаю для чего... или для выставки. И появляется... Потом вдруг еще поднимается еще один парень, тоже фотограф сам, но который как бы... или вот вместе со мной как бы соавтор этой книги, фотограф что ли. И вот нас должны снять снизу или с парохода, или с вертолета, или с лодки кто-то должен снимать и это страшно неудобно. И я ему как бы даю место рядом, но это еле – еле можно поместиться. Но и вот он как-то поместился чуть – чуть, как бы сказать, рядом. И мы висим вот прямо над океаном. Откуда, где, на чем держится эта лестница, эта веревочная... или что... я не думаю и не понимаю даже. Единственное, что вот ощущение, что если мы грохнемся вниз, кто-то упадет, это неминуемая смерть. И вот такой вот сон. И вокруг громадное пространство, как обычно, вот в таких снах... необычайно. И я даже не помню, к чему это все вело.

****

Сегодня снился поразительный, совсем уникальнейший сон, потому что такого у меня еще не было, хотя там есть некоторые такие...
Значит, мы в Одессе – я, Оля и Эрик. И мы приходим в Оперный театр. Но так, как я все-таки человек театральный, киношный, я сперва иду... И там билетов нет. И люди спрашивают эти самые... билетики, контрамарки и все такое... И вот я иду к администратору. Но он находится не в окошке, а надо к нему попасть в какую-то... как бы вот... такое фойе... летний такой... забыл... как мансарда какая-то такая, где там очень много... и кадки с какими-то кактусами, деревьями. И он молодой человек, высокий такой,

высокий, белесый. И он курит такую сигару, очень не толстую, но какую-то тоненькую. Очень изящно это делает, в нем такая сила и мощь. И он является как бы и мужем примы балерины, не то Плисецкая должна танцевать, не то кто-то из наших в Одессе, которая там была главная. И вот

это я как бы знаю и я подхожу к нему. И он говорит:
- О, никаких проблем, пожалуйста, мол. Вот тебе... Сколько вам?
Я говорю:
- Три билета.
Он тут же дает мне три контрамарки и говорит, что это самое... что...
Да, теперь я вспомнил, что его зовут Ян как будто. Что вот можно от Яна и это проходной такой вот... И вот мы возвращаемся к театру. И почему-то там идут такие большие... Лестница вот эта известная, надо взобраться по царской вот этой лестнице, она вся такая... и ее чинят. И там песок внутри, то есть, как обычно там чинят лестницы или когда ее строят. И их надо перескакивать и переходить вверх, то есть, это очень трудный подъем. И вот мы подходим к этим... Стоят три билетерши и спрашивают:
- Ваши...
Да, а по дороге, когда мы подошли уже к этим лестницам, стоит вот его вот прима балерина и говорит... ее зовут Нин. И я говорю:
- О, очень приятно. Я недавно как раз читал писательницу... это самое... Анаис Нин и поэтому я... Мне это очень приятно.
Она говорит:
- Да, да...
И такая очень высокая и стройная такая и смотрит так лукаво и я... Мы идем сперва... Да,... и я подхожу к этим билетершам и Эрик идет впереди и Оля.
И я ей говорю:
- Мы от Нин.
А они говорят:
- О, пожалуйста, проходите.
И они проходят Оля с Эриком, идут, а я... я остаюсь... Да, а я остаюсь... решил еще пойти что-то ей сказать, что-то меня потянуло еще раз туда подойти. И потом, потом мы с ней как бы очутились на люльке, которую чинят там на самом верху Оперного театра, висит какая-то такая... ну как бы... там где для починки... для... такие люльки, их называли. И вот мы там взобрались туда почему-то и держимся тоже... Это такое... мы прижались так друг к другу, что это единственный вариант, чтобы там устоять. Какое очень узкое... и маленькая какая-то площадочка. И мы как бы висим и я держусь одной рукой для того, чтобы....

****

K03.1

Да, ночная жизнь настолько разнообразна настолько необычно богата, что просто можно поразиться этому. Значит, этот... я как бы в Джурине дома и слушаю радио, какую-то передачу, которую мне, как будто нравится. И дом, конечно, такой больше, чем... комнаты больше, чем в самом деле были когда-то в Джурине. И я слушаю эту передачу и рядом еще какая-то девушка находится, которая я ее как бы... это связано с музыкой, с какой-то очень серьезной что ли... И в тоже время там какие-то... прерываются... То есть, это и Сема, который лежит на оттоманке, как мы ее называли. Как-то он иронизирует по этому поводу, но я все-таки стараюсь слушать эту музыку. И вот потом я вдруг... все это переносится в... Ну, я иду по шоссе, иду туда вниз к библиотеке и со мной рядом женщина, которая как бы спрашивает:
- Не могу ли я помочь ее дочери поступить в университет или что-то сделать для университетского ее образования, ну имеется ввиду, в Чикаго.
Я говорю:
- В принципе, у меня есть какие-то варианты помочь ей.
Ну она очень так рада и мы идем, мы идем в библиотеку, это прямо там возле сельсовета. И я захожу туда с ней и но... Да... и сама эта девушка, как будто тоже появляется, но я ее не помню и как-то так она осталась у меня в памяти. Но мы заходим туда как-то в библиотеку... она... И я оказываюсь в зале, где просматривают там танцоров и не только, это какой-то актерский такой просмотр. Ну я думаю:
- Я попал... как раз то, что ближе всего мне по профессии.
И я, значит... сидит вот человек, мальчик, юноша, который как бы должен, должен как бы просматриваться. Он как-то из моей студии и я очень переживаю и хочу, чтобы у него все было в порядке. И он блестяще как будто это все выполняет. А смотрит, смотрит... его просматривает очень высокий такой красивый парень, с яркими такими глазами и с очень пышной шевелюрой. И рядом с ним такая, просто, как... как пылающая пламенем ярким таким... красном, черном, красном, черно-красном платье, которое до самого... до самой шеи как-то, а там оно каким-то образом еще и как-то и не раскручено вокруг... Вообщем необычайно... А сама она... настолько с яркими тоже глазами и вообще... вся пылает. Именно такое ощущение, как будто она пылает. И вот я думаю, что как раз это... то, что показал этот парень, мой как бы студент, это как будто неплохо. Но он, этот человек, который смотрит именно... тоже он молодой, он говорит мне:
- Пока это не получится, пока этот не нужен.

И как бы показывает, а как это должно быть, вновь приглашает эту самую даму, вот эту свою партнершу. И они кружатся очень легко и на такой

действительно... И потом они так закружились:
- Вот так, мол.
И он отходит и она остается сама и подходит ко мне и как-то так говорит:
- Ну, давай! Давай! Я с тобой станцую это.
И я... вдруг, во мне вырастают какие-то, как говорится, крылья. И я начинаю... и я почувствовал вот этот ритм. И я начинаю с ней... и она так близко меня подхватила к себе и я ее взял за талию и за плечи. И мы кружимся в таком необычайном быстром каком-то ритме. И я почувствовал себя просто юношей, почувствовал себя влюбленным. И она вся яркая, единственное, что меня смущает вот в этой... в этом теле, что накрашена. Она все-таки очень ярко накрашена и все это блестяще продумано и сделано. Каждый штрих. И вот мы кружимся в этом танце. И потом все где-то исчезает, я или проснулся, или она куда-то исчезла.
И вот интересно, ассоциации, комментарии к этому сну. В этом самом... в Джурине я действительно прослушивал радио беспрерывно, то есть, это было начиная где-то с пяти или четырех вечера, я был уже дома и особенно, в зимние ночи, в зимние дни, когда было холодно или... И я сидел и слушал радио на протяжении... до двенадцати ночи, то есть, все, что происходило в мире и передавало... передавали из Москвы и Киева, это все во мне оставалось. И интерес был громадный, особенно к музыкальным передачам и “Театр у микрофона” и все такое прочее. И вот, вот эта тарелка, она была как бы связью со всем миром. И Сема, естественно, тоже спал именно вот на этой оттоманке. И вот этот момент мог где-то как-то всплыть, потому что я сейчас тоже прослушиваю беспрерывно музыку. И оно вдруг как-то сплелось, туда ушло вот, в детство. В отношении библиотеки – мне недавно позвонила Нюся Глехман, ее мама была библиотекаршей. И как-то все время, я иногда ее так вспоминаю. И вот это я иду... это была не она, но в какой-то мере она могла меня на это натолкнуть. И вот мы пришли в этот зал. А вот уже там и все это – это явная ассоциация, которая возникает, возникла у меня с мьюзиклом “Чикаго”, который я недавно посмотрел. И я еще недавно нашел фотографию этого самого... Фосса, оригинальную фотографию, где он был балетмейстером и сам танцует на этой фотографии, громадный такой, видно это. Вот это, вот это видно вот толкнуло меня туда. И главная героиня, которую исполняет блестящая актриса. Она настолько яркая, настолько сочная, настолько вся она налитая, как... не знаю что, хотя она и громадная и казалось бы она... Но она настолько подвижна и легка. И вот это такой прообраз вот этой женщины, которая со мной танцевала. И

это как раз из этого фильма. То есть, все – все это залегло, но вдруг полностью по-другому, по-другому превращается в какие-то другие формы, содержание и моменты. И вот это вот такая вот страшно любопытная, конечно, ассоциация, никуда не денешься, никуда не денешься. И если бы кто-то придумал действительно вот эту запись снов ночных, это была бы революция, переворот во всем. Ну, это потом, будем надеяться.

***

Ценный сон какой-то был. 1-ое сентября, окрытие института, первый день занятий. И я выхожу с Клочковской, стою на Бурсацком спуске и вижу зал. И тут... это очень праздничный такой, светлый сентябрьский день, одеты студенты, девушки особенно, с какими-то бантами, которые спускаются сверху струйками и идут в этот самый институт. И я вижу зал прямо с улицы, я вижу его и вижу даже какие-то лица, как бы в увеличительном стекле. Но я почему-то туда попасть не могу, потому что у меня нет билета или просрочен билет и я думаю, я не знаю, как я с ним туда пройду. И потом уже, как бы за мной, уже мое американское прошлое. И я в таком раздвоенном состоянии, могу ли я туда попасть. Но вот я слышу, что там идет какие-то... ректор или кто-то еще выступает и все это в таком патриотическом, оптимистическом тоне. И потом кто-то там из комсомольцев, таких добровольцев, тоже выступают и это звучит очень оптимистично. А потом вдруг такая картинка – по залу проходит какая-то делегация африканцев, черных. И в это время тоже, кто-то из этих вот комсомольских вождей кричит:
- Прошу всех встать! Встречать стоя делегацию Ганы!
Вот это для меня страшно интересный эпизод такой вот - проходит какая-то там женщина – африканка в такой одежде и переброшенной через плечо какие-то... этот клеп. И они поднимаются на сцену. И вот это я все вижу так, как на большом экране, через... как-то окна какие-то, которые... и я туда не могу попасть.

***

Потом снится любопытное в этой же самой... что я как бы тоже, но изнутри это вижу. И вот там такой эпизод, что я как бы на сцене. Но это не такая большая сцена, а такой, как бы зал, я бы так сказал. И в нем предполагается очень большое количество людей, которых я не вижу. Это как бы отдельный какой-то кадр такой выхваченный, где... стоят две фигуры, которые должны начать вести, я знаю, заседание. И один из них такой, как бы ректор, а второй, я знаю, его секретарь, заместитель или ведущий. И вот

они становятся сзади за стол и этот, как его... вот этот секретарь такой заискивающий. И вот начинают, начинают... он речь свою. Это галиматья, которая... и я, конечно, ничего из этого не понял. Но вдруг у него начало как-то так дергаться плечо и тот решил прикрыть его, чтобы не видно было этим... ну, присутствующим, что у него дергается плечо. Как тот начинает отходить от него, это очень комическая такая сцена, а тот ему шепчет:
- У тебя дергается плечо.
А этот говорит:
- Ну и что, мол, я...
И начинает вот как бы так отходить от него и плечами поводить. А тот опять говорит ему:
- Ты, мол, это я все...
А я стою рядом, вижу всех, вижу все, я ближе всех. И я это все слышу как бы:
- Ты ж не должен показывать, что ты болен или что-то у тебя не в порядке.
А тот, очень отбрыкивается и от него как-то уходит в сторону и продолжает очень активно разговаривать. И эта комичность настолько высока, что я не могу удержаться и я начинаю аплодировать. И весь зал, который я как бы тоже не вижу, но он как бы присутствует, начинает ему аплодировать.
Потом вдруг я оказываюсь еще в одном каком-то крыле этого же института, где вручают, выписывают, выписывают дипломы. И интересно, что ко мне подходит Саша Лейберман такой шаркающей походочкой такой раболепной и подходит такой, есть такой заискивающий еврей и говорит:
- Я... мне надо, мне надо получить диплом, но у меня тут в зачетке не все экзамены как бы сданы. Что мне делать?
Я ему говорю:
- Надо ему сейчас... давай мне сюда... Мы ему сейчас подсунем и я думаю, что оно пройдет вместе со всеми.
Я беру его зачетку, документ какой-то там, который требуется и подхожу к главному, который стоит за столом, а рядом с ним тоже такой секретарь. Это того продолжение, того эпизода, но это не те же самые люди, а это довольно уверенно такой, одетый в прекрасный костюм. И он стоит и ему подсовывают какие-то дипломы, он их подписывает и выдает. И я тоже так решил, к нему так потихонечку подошел и подложил ему вот этот Сашин, вот эти документы. И я вижу, что так посмотрел и начал как бы подписывать. И я думаю:
- Все! Значит, прошел этот вариант.
И я говорю Саше:
- Иди, забирай их.

И вот он пошел, ему как бы отдали этот документ. Он счастлив. И я смотрю уже следующий эпизод, он идет уже вверх по улице, такой походочкой и

ушел и очень такой счастливый. А я стою опять.... я стою как бы с самого начала этого сна возвращаюсь. Я стою на той же улице, но так еще не решился зайти в зал, потому что у меня нету с собой билета. И за мной стоит мое американское прошлое и все прочее и прочее... Это вот такая рамка. Но я все-таки думаю:
- Нет, я пойду.
И я вижу такой весенний, осенний день, ярко, как-то светло и очень празднично. И я думаю:
- Надо все-таки быть среди них, потому что это хорошо.
И вот я поднимаюсь вверх туда ко входу, на лестницу... на эту такую, лестничную... эту площадку и с колоннами. И в это время меня догоняет какой-то, какой-то тип и начинает... и хочет меня, ну просто так схватить за шиворот, за ворот. И я понимаю, что он хочет избить или что-то, но скорее всего побить. А у меня в руках вдруг оказывается, оказывается мешочек с рисом, такой мешок в десять паундов. И я начинаю его хлестать по голове этим... Но именно как бы хлестать, потому что он не... сила такая есть, я не .... и начинаю от него отбиваться. И он, конечно, когда увидел, что я его ударил пару раз, он это... и отошел. И я пошел, так активно побежал от... туда к входу.
Из всего этого любопытно, конечно, что я опять возвращаюсь в этот институт, я опять возвращаюсь к эпизоду, который меня приводит, что я как бы не имею каких-то прав, для того, чтобы туда как-то попасть. Это сон очень повторяющийся. Он мог быть связан только с одним, с тем, что я когда-то завалил экзамен, это вообщем, был очень грустный такой день. Это было почти что в день моего рождения, а к тому же, мне Костя сообщил, позвонил из Киева, что у мамы обнаружен cancer. Этот день был очень грустный, печальный для меня. И я не сдал этот экзамен, я плевал на все, мне было как-то все равно, чувство такое было, хотя по психологии... И я подумал, что я хочу поехать домой, быть с мамой вот в этот... этот период. И мне значит, было как бы все равно, но я считал, что я как бы потерял право дальше заниматься в институте. От этого, вот отсюда, идут вот эти все сны, связанные с каким-то “НЕ ПРАВОМ”. И хотя я потом прекрасно закончил институт и все, но это совсем другая, это... Но вот этот момент, он никак не... ну как-то... выбить его из подсознания почти невозможно. Саша здесь, как бы в моей роли. Он должен получить вот этот диплом, хотя это всегда случается со мною, желание, вспомнились... вспоминаю о том, что я ж не получил диплом, хотя этого никогда не было в действительности. И с

рисом – это любопытно, потому что я сейчас... у нас живет Дерсу-Узала, который меня мучает своими... Ну я буду говорить пока в кавычках

“Акальпунктурой” и разными инструментами. И в тоже время, он мне .... тяжело, двадцать паундов риса, это в таких десятипаундовых мешках. И вот я их как-то держу под... и когда уже звенит звоночек двадцатиминутный, минут на... двадцать минут я держу это вот так, я ее подымаю уже скорей, чтобы снять самому этот мешочек. Я его как-то все-таки так легко еще поднимаю с живота, а потом он уже снимает. Короче, получается... Вот этот сон, с тем, что я одевался в мешочках с рисом, он любопытен совершенно, но подтверждает мое, мои наблюдения, что сон отражает обязательно, отражает дневную жизнь.

***

А вот вчера я прочел Наталью кажется ее зовут Наталия дочь Реко.... Обручева, не Обручева, ой... забыл, он не Обручев... я вдруг забыл. Это я смотрел Сталина... я вспомню... А вот она дочь его, известный тоже физиолог и психофизиолог, я знаю, там всякое такое, который изучает фактически, изучает мозг. Любопытно, что все ее ответы они, так сказать, очень оригинальны, очень как бы... как-то правильно, без какой-то там... приукрашивания, заключается в том, что ничего неизвестно о мозге. Они... Институт мозга, они работают уже десятки лет, но ни на один ответ она не может дать положительный, так сказать... характеристику, что... То есть, это область не изучена и ничего до сих пор не ясно – откуда появляется мысль, каким образом она возникает. И они даже работают над какой-то там... вопросом, есть ли запись уже. Они уже говорят, что открыли какую-то... что можно прочитать запись, при помощи записи, как возникает мысль. Они говорят:

- Нет, ничего подобного пока еще нету.

Так что, это очень любопытно, но некоторые изложения в плане того, что сон, это, не такие, так сказать, не вещи, сны и все прочее, а она довольно атеистически, так сказать, подходит ко всем этим делам и никаких, так сказать, потусторонних... Хотя наверное, что я очень открыто к этому, я хотел бы поверить, я хотел это все... но сама она не большой поклонник ни парапсихологии и все прочее... Ну не просто поклонник, она говорит, что это все просто не проверенно, не выверенно и какие-то только могут быть случайности. И это меня поразило, что вот такой, как говорится, вот такая крупная ученый с мировым именем Бехтерева, это дочка Бехтерева. И она не признает такие штуки, как всякие, я знаю, духи и прочее, прочее.

27-ое января
Сегодня число скорее всего, я так думаю 27-ое января. И вдруг мне снится

поразительный сон, бесперывный, то есть, не прерывается, я вставал несколько раз. И все-таки он был как такой цельный и абсолютно другой... Я уходил абсолютно в другую область. Я сейчас постараюсь быстро, чтобы не забыть, потому что это все может забыться. Значит, мне снится такой сон, что я должен пойти к кому-то из моих друзей, может быть к Ленчику, которые живут в Одессе на Молдованке, не на Молдованке, ну а может и на Молдованке, там где-то, где я... где жил Борис Соловьев примерно. И я туда... Значит, я сыну должен подарить свитер. И я так подумал, что я должен подарить этот свитер. И я... и я, значит туда собираюсь... туда... И я туда почему-то приезжаю, но свитер остался дома. Вот этот свитер, который я хотел ему подарить. И я говорю:
- Я обязательно, я возвращусть или каким-то образом, так сделаю, чтобы он попал к вам.
А потом я, значит... И как-то это было связано, не знаю, что я пойду к каким-то моим друзьям, которые тоже живут где-то в Одессе, но уже в совсем другом, более богатом районе. И у них квартира такая, я вспоминаю, на четвертом этаже где-то... И я, значит, приезжаю к этому самому... прихожу туда в тот дом, а там всего, ну как бы сказать, он и она. И это они были мои знакомые как –то так, как прообраз Колмановичи и... И вот когда Колманович и я... думаю, вот я должен этот самый... И принес с собой все-таки этот свитер. Он в такой как бы... в таком... ну белый такой... белый пакетик... с собой... И оказывается, я в этом же подъезде, прямо в этом же подъезде через дверь, живет Бродский Иосиф. И когда я уже подходил к этому самому... но я туда... Нет, я не могу сразу... я еще должен взять телефоны его. А у меня его нету. И я думаю:
- Я вот зайду наверх там... туда...
И я несу с собой пакет, это с... В коробке свитер и аппарат со мной... И я значит, поднимаюсь на верхний этаж, они меня там встречают. Но у них какое-то очень грустное какое-то такое состояние, как будто у них что-то случилось с сыном, с их сыном. И я только пришел, как бы взять телефон Бродского. Я хотел позвонить и возможно зайти к нему. А они мне говорят, что он будет у них, что он скоро должен придти к ним и здесь будет какая-то... как бы такая тусовка. И я говорю:
- Я тогда останусь здесь.
И они говорят:
- Да, да, можете остаться здесь.

Но все-таки атмосфера какая-то такая грустноватая почему-то. И вот начинают собираться люди и все ждут появления Бродского. И значит, вдруг как-то так все ожило и стало... Я значит... ожило и все заполнилось

квартира такими... вот эмигрантской какой-то публикой, которую я с одной стороны и знаю, а с другой стороны, какие-то новые лица. И они все вот так сидят, расселись по диванам, по этим самым... по каким-то стульям, на скамейки, что-то такое вот... Все полностью заполнилось и все ждут такой... Но и на столе, на громадном каком-то столе уже есть еда. И самое любопытное, что я замечаю, что очень красиво выложены как-то на таких тарелках, выложены туши, тушки, их так именно здесь называют, тушки куриц. И они такие белые, такие... и выложены веером на этих больших – больших тарелках. И вот появляется женщина и за ней еще пару человек. И это оказывается жена Бродского. Она очень... мне это очень знакомое лицо, но я никогда ее не видел. Фотографии где-то какие-то видел, но не запомнилось мне. Где-то, на каком-то уже там... или на похоронах Бродского или... его жена. И вот она появляется и такая вся... В чюрбане каком-то таком, в тюрбане. И как будто она действительно из бани или из этой самой... из ванной, даже как бы в халате... Ну такая высокая и я отмечаю, я ищу в ней итальянские какие-то черты, русские. И как будто бы так оно и проскальзывает, хотя что-то такое “яхновское” есть в этом лице. И вот она подходит, и вот какими-то такими движениями как... отщипывает виноград, снимает одну тушку вот этого белого мяса куринного. И этот веер... как бы вырван как бы один кусочек из веера. А потом за ней все остальные тоже начинают подбирать это мясо. Но я... так как я не ем мясо, для меня это как-то даже и странно все же... Не то, что странно, но неприятно. Но... И в это время я обнаруживаю, что да, что у меня нету... где моя сумка и где аппарат. А он остался где-то там на диване, когда я пришел и был фактически один. И в это время появляется Бродский и за ним еще несколько человек идут. Он худой, очень такой высокий, худой и в бабочке такой, элегантная такая бабочка. Не так, как у него обычно. Это может быть, когда, пожалуй, один раз, когда он получал Нобелевскую премию, у его была такая бабочка. А здесь еще даже более артистично, как-то открытый больше... открыты фалды пиджака. И он, значит, идет... идет и ни с кем не здоровается и никого как бы не замечает. И идет к какому-то человеку, которого... его друг. Я, когда они начинают обниматься как-то так и очень трогательно друг к другу, положив друг к другу головы на плечи, на плечо, я подумал, я вспомнил его, но я теперь не могу вспомнить, кто это. Может это Карел Прохор. Но там тоже очень худой, тонкий, высокий

человек. Да, похоже, что это мог быть Карел Прохор. И вот они как-то обнимаются и все так встали или привстали и наблюдают. И я думаю:
- Боже мой, надо же его было бы запечатлеть на фотографии, хотя бы в это время.
И я начинаю ползти среди... что-то так нагнувшись, как бы чтобы я прошел к этому дивану и нашел фотоаппарат. И я... и да... И я прошу прощения там у всех:
- Пожалуйста, я... вот у меня здесь был фотоаппарат.
Ну они так отодвигаются, отодвигаются там, так приподнимаются... тухесы и все. И я вот... Да и я его увидел – он прямо лежит на... где-то там в углу дивана. И вот я его беру и начинаю его наводить. И пленка не работает, и как-то жужжит и не перематывается, и не срабатывает. Я в страшном таком горе, как бы думаю:
- Что же это такое? Когда именно все так удачно, казалось бы все могло быть, а у меня фотоаппарат не срабатывает, не срабатывает фотоаппарат.
Потом, потом... потом я оказываюсь в какой-то... на каком-то морском берегу, это уже похоже в Америке, на... где-то на Тихом океане. И там я вижу несколько лиц, которые были на этом... на этой встрече с Бродским. И... а рядом... Да, и я хотел... и они как-то так... как бы собираются с группой уходить или все... И я подхожу и думаю:
- Ох! Было бы неплохо познакомиться с ними и для того, чтобы как-то или пригласить... Чтобы я поехал вместе на лекции в университет или что...
И оказывается один из них профессор литературы и он такой высокий, и я... Лицо очень такое открытое и волосы длинные. И я с ним начинаю общаться. И вдруг, мы заговорили о том, что я слышал, что Бродский... Как жаль, что он так рано ушел из жизни. То есть, это те же люди, тот же самый как бы и день, и как бы миг, а уже мы как бы все это восприняли, что... восприняли, как прошло какое-то время и Бродского уже нет, в смысле с этим.... И вот этот печальный какой-то момент, он очень меня как-то растрогал даже чуть ли не до слез, что я не сдержался и вот такой вот момент. А потом я думаю:
- Да, надо было бы им подарить хотя бы по моей книжке моей.
И тоже не могу найти где... И вспомнил, что я ж еще должен отдать свитер, на Молдованку завезти. И я возвращась в какой-то уже не дом в этот, а возвращаюсь в какую-то гостиницу в этой... во Флориде или где-то и начинаю искать... Да, и я вот нахожу вот этот пакет с этим и думаю, что вот теперь я уже точно должен его отнести в этот... И какая-то печаль в отношении Бродского, настолько громадная, что все время, так сказать, меня охватывает. И я спускаюсь куда-то вниз и попадаю все-таки вот в этот уже дом на Молдованке или в полуподвалах, где Борис Соловьев живет. И в

тоже время, это не у него дома и это не он там, а какие-то мои знакомые, у которых есть сын. И я говорю:
- Вот я принес этот самый... тоже думаю, что, вот жаль, что книжечки нет,

еще надписал бы.
А там выбегает еще какой-то мальчишка, который явно ментально что-то нездоровый. И я хотел бы с ним, так сказать, что-то ему сказать, но его отгоняют эти люди, к которым я пришел. И они очень какие-то интеллигентные и в тоже время мягкие и несчастные. И я говорю:
- Я этот свитер... как бы я оставил.
И у меня было такое чувство, что я как бы выполнил то, что обещал. И вот такая вот рамка в этом сне и так она долго – долго длилась.
Теперь вот в отношении... комментарий к этому. Дело в том, что сегодня по-моему как раз и день смерти Бродского, с его... совпало. Думал ли я вчера об этом? Я не знаю, я только слышал чтение какое-то. Это такое по радио что-то какое-то... Но мне показалось, что это вообще стихи Бродского, оказалось стихи Павлова, похожее что-такое. И это было позавчера еще. И передавали о смерти... 55 лет со дня смерти Высоцкого. И я поэтому как-то так может быть связал... Но во всяком случае это у меня могло быть толчком и дальше пошло, детали и аппарат. Я вчера... у меня не срабатывает в аппарате тоже что-то испортилось. Я поехал и купил новую батарею и она опять... Я начал вчера смотреть вечером ее и положил на диван этот так аппарат, что если я так встану, чтобы я его, как бы так сказать, увидел. И вот отсюда вот, смотри, вот от этих маленьких деталей вдруг открывается вот такая вот целая история, где аппарат играет тоже свою какую-то роль. И смерть Бродского, и разнообразие вот этих вот... и Одесса, где я впервые действительно почитал и много читал Бродского. И Одесса, и вот Тихий океан уже здесь в Америке, где я его видел и встречал. Вот такой вот, как говорится, очень цельный сон.
Да, ситуация с Бродским была довольно картинная, это я не мог передать. Я бы сейчас, вот когда на следующий день это как бы дописываю и думаю, что это был просто какой-то готовый фильм, в котором было столько настроения, таких неожиданных эффектов. Все было. И, конечно, если бы это все так заснять, когда они там читали видно, когда это там такое будет. Когда сон можно будет просто заснять на пленку и тогда пришла бы... я не знаю... ну, кино, ну вообще... ной, но временный...

****

Сегодня тоже, сегодня 27-ое января. И вот, что любопытно, сны продолжались, как, не знаю, сыпаться, как горох из мешка.

Значит, первый сон был такой. Я сижу в фойе театра, скорей всего, ну, это похоже на фойе или какая-то комната перед сценой, где-то такая сценическая комната, но она такая большая. И я разговариваю... и там сидит такой развалившийся, я бы так сказал, в кресле Михаил Козаков. Он не лысый, как сейчас, а такой, как тот, который был когда-то с шикарной шевелюрой в “Убийстве на улице Данте”. Ну так, не такой молодой, но он во всяком случае, еще такой не потрепанный, скажем так, как говорится. И он как-то так очень... ну, вальяжно так рассказывает что-то. Я не запомнил о чем. Но с другой стороны, не за этим же столом, но совсем как бы в стороне, сидит Плятт Ростислав Янович. И я как раз вот так между двумя вот этими... как бы сижу, но близко к Плятту и могу как бы даже с ним и разговаривать. И вот я говорю:
- Вот вы знаете что, Ростислав Янович, я как раз, ну буквально – говорю – на днях, мне попалась ваша книжка.
Но он так:
- О, да – говорит – это интересно было. Ну как?
Я говорю:
- Там столько фактов, для меня совершенно неизвестных. Я только узнал, что вы родились в Полтаве. Так что мы с вами в какой-то мере даже и... даже земляки.
Вообщем, идет какой-то такой разговор. Он очень спокойный, именно без нажима никакого и все... И идет очень простой такой разговор и я очень как-то рад этому. И в это время кто-то подбегает и как будто там где-то берет у него автограф и все это очень естественно. А потом этот сон как бы прерывается в связи с тем, что он должен пойти на сцену. И я думаю, что... и он как-то даже так говорит... ну, это так как будто естественно, что я должен и с ним пойти на сцену. И куда-то так мы идем туда и... проваливаюсь я во сне... То есть, просыпаюсь или какой-то там... изменения во сне.
В отношении этого сна, я сразу хочу комментарий небольшой сделать почему действительно он мог мне сниться. Я недавно просматривал книжку “Воспоминания” Плятта. И она могла где-то вот так, именно как бы отразиться. Я не знаю почему и был ли там... кстати, этот Козаков. Хотя я недавно, когда публиковал “Общежитие и театр” в театре “Современник”, “Общежитие... Коммуналка и театр “Современник” так я... Там, конечно, был такой молодой портрет, именно молодой портрет Козакова. Но в данном случае, идет речь больше о Плятте. Почему вдруг это все вырисовалось? А ситуация вот какая. Я когда приехал как-то в Москву и хотел посмотреть “Дальше – тишина” с Пляттом и Раневской, с Раневской и Пляттом в постановке.... в постановке этого... надо вдруг... это ж надо

вдруг... Эфроса. Так вот... да, мне значит... Я пришел и билетов нет. И я говорю:
- А я могу к этой... к Анатолий, к Анатолию... - как же я забыл его фамилию – ну короче...
Мне говорят:
- Да, он в театре.
Я говорю... мне говорят:
- Кто спрашивает?
- Скажите, что из Одессы Илья Рудяк, там напомните ему... ну, он знает.
И действительно, тут я вышел... и он говорит:
- Пусть он подойдет к... там к выходу... к служебному входу.
И я пришел, а это было на... я подошел туда и вот он вышел и говорит:
- О, Илюша, я очень рад тебя видеть. Билетов нет, это исключено. Один только есть вариант – я вас могу взять с собой только на сцену.
Я говорю:
- Это прекрасно. Я вообще молодой режиссер – я говорю - это счастье.
Он говорит:
- Ну, вообщем, перед началом – а это было где-то... – вы подойдите и я там сижу и веду спектакль, если вам...
Я говорю:
- Вообще-то, я... просто спасибо громадное.
Он меня как-то... и я сидел и смотрел из кулис. Вот это был для меня праздник. Вообще, это неописуемая ситуация из актеров, входящих и выходящих. Вот такой был, такая была ситуация. И вот Плятт играл там и вот каким-то образом там, вот в этом сне, откликнулось.

***

Дальше... снится мне, снится мне сон, что я Олей прохожу туда... До этого мне снился сон, что я лежу между двумя девушками и совсем какими-то юными. И я так чувствую себя прекрасно и как-то и желания такие возникают. И я проснулся, потому что я услышал, как Оля спросила меня:
- Ты спишь?
И она каким-то образом как бы претворила...

***

Так, потом снится мне сон, что я с Олей пробираюсь по каким-то очень... такому ущелью... по горному какому-то такому кряжу, кряжу... Даже трудно мне сказать, с очень выступами такими, как будто это какой-то...

как будто это какой-то... высокий... Ну, Кельнский собор, с такими острыми шпилями, такого типа. Значит, какая-то такая горная гряда и она идет вдоль океана или моря. И она такая... очень острые такие камни и очень трудно, но она идет... И нам надо пробраться куда-то вниз. И вот мы идем и я чувствую, что мы не сумеем... просто трудно уже и невозможно туда ни спускаться, потому что это очень острое и можно просто туда провалиться и погибнуть. И я говорю:
- Надо, нам надо возвратиться и может быть с другой стороны найдем какой-то проходик.
И мы идем как бы в другую сторону и попадаем в такую комнату большую, как розарий такой. И в этом зале тоже очень полно зелени, кадки с какими-то разными вазонами и все такое вот... И так захожу, а там львы, тигры и этот самый... и пантера. И я ... и они как будто... как будто они приручены и в тоже время... И я был страшно... и я говорю:
- Куда ты меня завела?
И готов уже куда-то бежать, но я помню, что если я начну бежать, они обязательно за мной погонятся. И я тоже вот просыпаюсь.

***

А потом мне снилось из “Трех сестер” в этом... не поЧехову, а из “Трех сестер” Маргариты Орестовны Галий. И Валентина Орестовна, и Людмила Орестовна. И вот мне снилась Валентина Орестовна, самая такая очень милая, самая добродушная и вот такая, которая единственная из этих сестер была замужем в свое время. И вот она меня встретила... Да, и она стоит возле какого-то... или что-то... или она уже семечки продает или жареные, или что-то такое вот. И я так рад, что я ее увидел. И в тоже время, я вдруг не могу вспомнить имя Маргариты Орестовны. Я хотел спросить ее, как она себя чувствует, как она вообще и что у нее. И она не может мне ничего... И как-то я не могу вспомнить и имя ее. И это так получается неловко и даже просто очень обидно. Вот.
Трудно сказать, что это за...? Почему это такие сны и как они так вот вырабатываются? Это вообще, загадка, хотя, как я же говорю, я пытаюсь объяснить что....

****

K03.2

Это будет перемежаться с Дерсу. Кошмарные, но не то что кошмарные, но какие сны... Что это такое? Снится мне, что я на... это в Москве или какая-то такая громадная площадь, на которой на одной стороне белые какие-то... вот белые... белая ряда, из чего-то... не знаю песочная такая белая – белая.... белые такие... И мы... и я поступил в этот самый... в театральный институт в Москве. И там еще и другие студенты, которые... те там тоже поступили. Мы как бы, не знаю, что праздновали, какая-то тут непонятная для меня была ситуация, что мы вот сидим... И это восточная какая-то архитектура такая за нашими спинами, за моей спиной. И мы сидим как-то на... на каких-то ступенях вот этого удлиненного какого-то здания вот такого. И к нам приходят какие-то делегации и подходят к нам. И вот я сижу, я именно сажусь как бы вот по центру этого... И к нам подходит... ко мне... Язык абсолютно мне неизвестный, но я его как будто понимаю. И потом единственный из всех этих русских, которые стоят и я их встречаю и я с ними как бы, так сказать... Они мне поклоняются и так приходят ко мне. То есть, это как будто прием иностранных послов. Вот такое вот сочетание необычное. При том, что это все-таки связано с поступлением в институт и таким образом, как бы празднование там этого. Потом я как бы беру... заканчивается это уже и я попадаю в... на Арбат в такой книжный магазин. И там я встречаю каких-то двух молодых красивых женщин, которые... Я с ними так как-то общаюсь и говорю:

- Кстати, вы можете меня провести...

Они уже как-то знают кое-что... И я говорю:

- Жаль, что со мной книжки моей нет, я бы хотел вам подарить книжку моих рассказов, это очень.... Можете меня провести в... на Таганку?

Да, а до этого, до этого, где... когда начинался сон, что где-то на сцене Таганки или в фойе Таганки я вижу, проходит какой-то детский просмотр талантов или талантливых детей. И я тоже как бы сижу, просматриваю их, смотрю. А потом появляет Юрий Петрович, притом он очень... в такой, как бы сказать, свободной одежде, в куртке какой-то такой легкой... И он показывает, как это надо делать, показывает... такой темпераментный... Я думаю, что все умеют так делать, но это он, седовласый, маститый и очень так красивый. И я тоже, как бы присутствую при этом, но не как студент, а как человек, который имеет отношение к его театру или к его... Но это все как-то так расплывчато. Да... и вот я говорю... да и почему-то учиться наш этот курс, будет именно на Таганке. И как он, как бы профессор там ГИТИСа или какого-там... И институт там не был обозначен, куда мы

поступили, но это в Москве. И это был самый лучший вариант, о котором я мечтал. Я попадаю в такую, как говорится, атмосферу и среду и думаю, что это будет очень хорошо. И вот я говорю этим девушкам или там женщинам, или девушки, я говорю:
- Вы не знаете, как мне отсюда пройти на Таганку?
Они говорят:
- Идемте, мы вместе пойдем и покажем вам.
И вот мы наравляемся... идем мимо вот этой церквушки, в которой я часто бывал... и... на Арбате. И вдруг весь вот этот... мы куда-то входим вот в этот как бы... зону, где все – все разрушено. И как бы получается, что до самого Кремля, я его не вижу, но чувствую, что он где-то там должен быть, какие-то... не то, что разрушено, а какие-то... ну, не знаю, а какие-то, как ледяные... какие-то дома, домики, сооружения. И все это... пробираться страшно трудно, просто невозможно. И оно это... ну не знаю, как насыпи какие-то... Вообщем, это ужасающее впечатление и это имеется ввиду, что здесь так будут... что это все потом приукрасится, уберется, как арматура, которая вот уже... чтобы потом заливать и какие-то скульптуры будут или что-то в этом роде. И оно идет по всей... до самого туда Кремля. И я думаю:
- Что же это такое? Как же это все вообще подразумевается? Как это все будет? Потому что пока оно, как какое-то разрушение.
И я еще к тому же попадаю, иду и теряю их... и попадаю в какую-то клетку из... И это художника или Церетели или что-то такое... Это мастерская, но она вся покрыта сеткой и внутри... и тоже какие-то скульптуры. И я так смотрю и думаю:
- Боже мой, надо выбраться отсюда поскорей.
Но она закрыта со всех сторон, вдруг оказалось сеткой. И я наконец ищу, где же все-таки выход. И вдруг нашел, что одна сторона сетки, она приоткрыта и... чуть – чуть снизу. И я ее так приподнимаю и пролезаю с большим трудом, и я пролезаю это самое... И вдруг вижу моих этих самых женщин и они как-то... такие хохочущие, вульгарные даже. И я себе так... не знаю, что это за преображение такое. И я начинаю уходить в сторону эту, в ту же, откуда я вошел, для того, чтобы каким-то образом выйти из этого лабиринта. И вот я появляюсь на этой большой, открытой какой-то площади. И там, впереди плещется море где-то, это далеко там, но парапет такой, как у нас там в Одессе, на Гоголя, небольшой такой парапетик и где-то море там очень далеко в этой... ну как бы все-таки в Москве. И девушка, курносая это наша студентка, как будто тоже из этого нашего как бы курса, которую я уже приметил, она появляется. И к ней подходит Юра Быстров. Такой же, как бы сказать, толстый, такой же сытый и крупный. И вот он подходит к ней и говорит:

- Илья Эзравич, здравствуйте! Я вас давно не видел – или что-то вот такое

вот...
И берет ее за руку и они смотрят так друг на друга... друг на друга и влюбляются в этот вот момент, как будто это вот все происходит на моих глазах. И я как бы вижу это и ощущаю. И он что-то ей шепчет и поцеловал ее и она к нему прильнула. И они хватают друг дружку за руку, за руки и бегут, бегут, бегут, как девочка и мальчик, бегут туда вниз, к парапету. И с такой быстротой, потом они опять, как бы возвращаются, чего-то передумали, как бы возвращаются обратно, что-то еще раз пошептались, поцеловались и опять бегут к тому парапету – мальчик и девочка, влюбленные. Он, не смотря на свою толщину, на свою толстость, он немедленно превращается в Быстрова. И она с ним бежит. И я думаю о том, что:
- Вот что такое окрыленность и что такое молодость.
И я так стою и наблюдаю за этим. Вот такой вот сон.

***

Мне хочется привести вот такой сон, очень любопытный. Мне снится... мне, что я нахожусь в какой-то громадной гостинице, в которой есть из коридора, есть выход на такую как бы площадку. Значит, сперва это очень квадратная тоже большая - большая площадка. И это перина, то есть, в ней ты утопаешь как бы. Идешь по ней, но это перина такая громадная, очень большая перина. А дальше выход на площадочку такую, которая сделана как бы из пластмассы или из какого-то другого материала. И на ней, перед ней стоит такой знак “АЭРОФЛОТ”. Буквы такие большие, вот как бы он... ну как реклама или... вот такими большими буквами. А дальше видно море и это в Одессе. И я выхожу, вот утопаю в этой перине, подхожу и прямо подхожу к знаку “АЭРОФЛОТ”. И вдруг оказывается, что это на страшной высоте и я чувствую, что я могу вот - вот упасть. И я аж вздрогнул, потому что еще момент – и я могу слететь вниз с этой площадки. Это где-то на 12-ом – 15-ом этаже вот этот “АЭРОФЛОТ”, а впереди – море, синеет прекрасное море. Я думаю:
- Какая прелесть!
То есть, как будто бы с этого “АЭРОФЛОТа” попал бы прямо в воду - но далеко. Но в связи с тем, что это высоко, так ничего не видно, кроме моря. И вот это... и я начинаю немедленно так, как бы... уползти обратно, чтобы не упасть с этой высоты. И снова попадаю в эту... в эту перину. И вот когда я иду по перине, я чувствую, там есть какие-то прорези, я чувствую, что там

есть какие-то монеты, какие-то долларовые такие большие монеты и я их ступнями как бы ощущаю. И я вот думаю:

- Вот здорово! Надо их посмотреть, что ж там есть.
Я их так начинаю собирать. И целую пригоршню уже собрал, но их надо еще вытащить оттуда. Но вижу, что там убирают в коридоре. И вот женщина, которая вот видно убирает, вот сейчас появится и сюда подойдет к этой перине... и сюда к этой перине. И мне как-то неудобно, что я так эти деньги выуживаю, вылавливаю. И в тоже время, в тоже время, я думаю:
- Но они же есть, как-то они сюда попали.
И потом, мне как-то так неудобно перед ней и я думаю... Ну, я опять... повторяется тот же самый вариант, что я опять иду по этой перине к этой... к этому... но там не балкон, перил нету, ничего, а только вот этот “АЭРОФЛОТ” стоит, вот такие знаки. И я опять ощущаю тоже самое, что я вот могу сейчас провалиться. И я ухожу обратно в... по перине, для того, чтобы попасть в этот самый... в номер.
Интересно, вообще откуда родился этот сон? Ну, “АЭРОФЛОТ”, это я понимаю, потому что сейчас там... Братухин мне пару раз звонил и там у него все связано с “АЭРОФЛОТом”, он там поддерживает с ними связь. Там он принес блестящий такой ежедневник “АЭРОФЛОТский”. И он мне попался там на глаза и я поэтому так думаю, что с этим “АЭРОФЛОТом” связан вот такой вот... какая-то взаимосвязь есть, что мне это вдруг таким образом приснилось. А дальше – любопытно. Перина – почему эта перина? Дело в том, что у меня... я накрываюсь очень большим таким теплым одеялом из пуха, пуховым одеялом. И он, пододеяльник, который на этом одеяле, он по шву порвался и я его ниткой зашил. Зашил его и мне казалось, что это будет держаться. Но в связи с тем, что я все-таки ворочаюсь видно во сне и потом это видно такой уже... это наш еще, старый, коттоновый такой легкий пододеяльник и он стал опять рваться, то есть, нога у меня опять попадала вдруг в прореху такую. И я подумал:
- Или его надо будет зашить или выбросить.
Вот такая мысль была. И вот этот... вот эта перина, вот с этими прорехами... И там что есть еще и монеты, оно, конечно, очень любопытно вот так вот и отразилось в сон.

***

Очень печальное сегодня утро. Коламбер вот этот, с астронавтами, корабль с семью астронавтами сгорел в воздухе, в космосе. Кошмар! И эти семь молодых людей, включая израильского... И это, конечно, очень печально... чего-то такое... как никогда, ощущение грусное и печальное. Потому что, в

первую очередь, меня, конечно, печалит то, что это... самых цветущих, молодых, здоровых мужчин и женщин... и так погибли, сгорели в одну секунду, это, конечно, очень грустно, очень, очень грустно. И этого их... изменит... я имею ввиду тех, кто занимается космосом, что надо его осваивать, надо его... летать и это все... все равно... Но это грустно очень, грустный такой момент. Вот то, что я увидел впервые, этот израильский космонавт тоже как-то так... мистическая такая ситуация, что как раз именно этот корабль погиб. Возможно там были какие-то... ну это было вообще ужасающим моментом, если бы это могло быть объективно и использовать это с точки зрения, что это может быть просто терракт. Но и в первую очередь, чтобы действительно узнать в чем дело там. Если бы был терракт и кто-то был их таких служащих, обслуги и все прочее, мог внести какую-то бомбочку такую, размером в орех или яблоко, тогда это очень грустный, очень грустный момент. А мои сны в прошлый раз, когда лет семнадцать тому назад случилось это с Челинджером, то мне снился сон очень близкий к тому, что произошло в космосе. Это был как реальный. Вообще, я не верю в вещие сны, потому что я уже столько занимаюсь сном и не верю в это. Но просто был какой-то такой.... был какой-то такой момент.

***

А сегодня мне совершенно снились, конечно, тоже интересно то, что я знаю, почему это могло мне сниться. Снится, что мы с Олей идем в кинотеатр, смотреть японский фильм какой-то, очень такой популярный. И вот кинотеатр, он как бы на открытой площадке такой. И там тысячи, тысячи мест. И вот экран громадный и мы идем с ней и ищем куда мы бы могли присесть. Оля любит так подальше, а я считая, что мне нужно поближе, чтобы я мог не напрягать глаза. И я как-то так ищу... И во-первых, вижу как-то так много наших эмигрантов, там вот эти старушки, которые говорят:

- О, Рудяк пришел!

И вот такое я вот слышу и я сажусь. И в это же время тоже как бы.... что там идет как бы повтор той же самой ситуации, что мы почему-то возвращаемся с самого начала, что мы опять ищем места вначале и в этом зале. И я еще с собой ношу почему-то несколько тарелок. И одна из них так падает и не разбивается, правда, но так с шумом по асфальту, по полу этого... этого кинотеатра. И я вот так смущаюсь и так подхватываю ее. И я уже думаю:

- Я уже сяду где-нибудь уже поближе, куда попало.

Но фильм почему-то не начинается и я ничего не вижу на экране. Но фильм японский и мы специально пошли. Дальше события развиваются так, что я почему-то оказываюсь в... на киностудии, где идет просмотр тоже какого-то фильма. И я прохожу мимо... там говорят директорской... просмотра этого. но я туда... Я одет в очень каком-то таком легком и оригинальном таком костюме. И я вижу, как обращают внимание, потому что все одеты довольно как-то обыденно и вдруг вот такой... И это белый, какой-то очень легкий такой... какой-то костюм на мне. И там девушки, которые там работают в... в монтажной там и все, вышли посмотреть. А потом я все-таки думаю:
- Ну я пройду, так как все-таки меня знают и все... Я могу пройти вот в этот... как... в эту директорскую, там где просмотр.
Но до этого, я вижу какой-то книжный киоск. И я туда направляюсь. Вообщем такая... Почему? Потому что все это, причина этого сна или, как бы сказать, почему вдруг? Это, во-первых, я хотел показать Дерсу-Узала, моему Дерсу-Узала, который у нас живет и я... Поэтому это связано и я хотел его спросить, знает ли он японский. Но он в этом не участвовал сне. Но отсюда оно видно и возникло вот это вот... Потом, сейчас идет просмотр “Русский ковчег” в Чикаго и я тоже собирался туда как бы пойти, потому что это как бы просмотр этот, в кино и в этом кинотеатре, специальном. Поэтому я тоже думаю, что это связано было с такой вот... с таким вот походом. Тем более вчера, я еще пошучивал. Пришел ко мне профессор Буянов Михаил Иванович и мы чего-то заговорили... А... я ему говорю:
- Вот это мой Дерсу-Узала – говорю.

Правда он стоит у зала,
Если Дерсу-Узала.

И он еще пока не видел Дерсу-Узала, еще не видел Дерсу-Узала. Так я говорю, говорю....
- Да, кстати, я еще придумал – говорю – такую шуточку:
Еврейско – японский кинорежиссер – Куросава – Кулиш.
Ну он ту же вспомнил, что он недавно умер. Я говорю:
- Земля ему пухом. Моя шутка просто, так сказать, игра слов, я ничего обидного в нее не вкладывал.
Вот такой вот интересный просто вариант, ход, что... что от чего рождается и возбуждает или от чего возникает сон.

5-ое февраля
Сегодня 5-ое февраля. Снится какой-то, как они называют это, фуршет, тусовка в каком-то таком просторном таком зальчике. Ну, какой-то такой... он такой просторный. И идет какой-то такой фуршет. И там столик, за

которым сидят... сидит Войнович, Александр Генис там рядом... из того, что я знаю, узнаю. И вот мы идем, как бы входим туда и увидели... Войнович так сидит, так встал... Я с Олей и она очень радостно так обнимается. А Олю он просто зацеловывает, не может оторваться от нее. Целует, целует, целует. И я тоже очень рад этому приятному... приятной встрече. И да... и это как бы складчина какая-то. И мы приносим свои не извинения, а как вот хорошее такое:
- Вот на складчину – говорит - принес свои извинения.
И мы приносим свои какие-то... то, что Оля сделала и что-то еще. И как будто там они еще начинают хвататься, что нету... что нету “горючего”. И я говорю:
- Пожалуйста, давайте я вам куплю, я... мы купим водку и все, что надо. Хотя я и не пью, вы выпьте за мое здоровье.
Вообщем, вот идет вот такой вот разговор, за которым... Я вижу этот стол, на котором стоят какие-то рыбные консервы и баклажаны, кажется все такое вот. И я с одной стороны, как-то рад этому событию, а с другой, думаю, что я это фактически ничего есть не буду. Вот.
Ну что, здесь какая-то... сам факт этого события, это довольно естественно, потому что Войнович у нас был не один раз. Потом я как-то... и это скорей всего напомнило мне момент, это когда на тридцатилетие “Современника” или сорок лет, так сказать, “Современника”, на тридцатилетие “Современника”, я присутствовал на этом вечере и сидел рядом с Войновичем. И вот именно такая вот картинка, где он сидит... И там был Олег Ефремов рядом подвипивший, и Волчек, и все актеры. И я сидел рядом... рядом и как раз она мне так запомнилась, потому что фотография есть такая. Кто-то снял и я эту фотографию имею. Вот.

***

А потом снится мне, что я иду по... именно по Одессе и вот этот книжный магазин букинистический. А там такой стоит киоск а перед ним стол, вот громадный такой стол, заваленный картинками и журналами. И сидит такой человек такой... и сидит и спокойно так наблюдает. А я иду в какой-то странной одежде и подхожу к этому столу. А рядом со мной идет Марик, Марк... так с камерой и говорит:
- Давай, я тебя сниму – вот Марик говорит – давай, я тебя сниму.
Я взял и лег прямо на стол. И как-то такая поза смешная и я как бы голову туда повернул в его сторону. И он меня снимает, прямо вот лежащего. И я думаю:
- Конечно, будут видны и ботинки и видно все такое вот... Но может быть это и будет интересно.

Так захотелось... и он меня снял и все. И вокруг столпились уже люди. И

даже милиция подошла и стала смотреть на это. И никто не имеет никаких претензий. И этот самый человек, который стоит за этим прилавком тоже, он так доволен – снимают вот этого человека неожиданного в таком ракурсе.

***

Потом мне снился ну очень такой любопытный сон. Сон снился, что я... Это было где-то в Одессе, в каком-то таком старом квартале, где все скучено. Я прихожу в гости к Ниночке, которая работала в этом самом... в букинистическом магазине. И вот как бы отдельная комнатка такая. И я вот себе думаю:
- Вот здесь я отдохну немножко и может быть даже будут приятные моменты. А потом я страшно хотел... а туалета нет в этом доме. И я выхожу, ищу туалет и думаю, что никто меня не видит, потому что я не могу найти туалет и... как бы за угол этого здания выхожу. И очень обильно, обильно это, так сказать, струя светлей лазури. И в тоже время, меня кто-то заметил. Снились такие сны. И когда я возвращаюсь обратно, ищу комнатку, вот я нахожу ее .... она вся пахнет страшно... известкой такой... Она вся выбелена... и не выбелена, а подготовлена к побелке, вся - как изодрана, изодраны все стены. Она страшно маленькая и такая квадратная и там единстенная стоит кроватка. И на ней свернушись, как бы... к подбородку, лежит моя студентка. Она как-то так... с такой какой-то неудобной.... мольбой говорит:
- Я сегодня не готова ни к чему, я хочу полежать и не трогайте меня.
И я говорю:
- Что вы, что вы, я об этом даже и не думаю. Я просто рад, что вы получили эту комнатку.
Она говорит:
- Да, лендлорд – вот это то, что он мне оставил как бы. Что-то там другое он забрал, а вот это оставил.
Вот такой безумный, бессмысленный сон.

***

Обилие снов, обилие снов. Snow, snow, snow сон. О, господи! самое интересное такое, необычайно живописное. Иду я с Олей и вдруг нам захотелось зелени какой-то такой свежей органической. Мы в Джурине идем по улочке, которая вся в камнях, вымощенная, но не вымощенная, а

природные камни там так. Эта улочка, которая идет, ведет к кладбищу и сотни раз я туда ходил. И идет она ко второму колодцу. И в Джурине это самая низкая точка вот в этой стороне. И прекрасная вода ключевая. И там же, одно время возле этого колодца, там был базар. И вот мы туда направляемся. Но сперва, мы везем такую тачку, какую-то очень... Она так тяжело идет по этой... по этим камням. И я так иду и говорю:
- Что вот здесь, где-то недалеко, я видел объявление такого типа, как у нас “for rent” или типа как “garage sale”, где продается зелень и именно прямо с огорода.
И вот мы идем и Оля говорит:
- Да не может такого быть.
Я говорю:
- Ну как, я же сам видел. И это вот где-то совсем недалеко от кладбища.
Она говорит... Ну как-то так идем, идем... Проехали уже всю эту улицу и нигде не было вот этого объявления. А внизу, еще чуть – чуть пройти вниз, как спуститься, как говорят, с такого пригорочка, расположился вот этот базар. И действительно, полно людей и все вынесли свои разные... свои разные продукты, крестьянки. И мы начинаем искать где же тут... начинаем искать, где хорошая зелень. Продается разное там: и ватрушки, какая-то женщина - старушка вынесла, крестьянка. А кто-то вынес лук, чеснок. И вот что-то Оля начинает выбирать и пробовать и пробует вот это... И мне дает какое-то целое... я не знаю, что это было... какая-то баранина с чем-то... с сыром наверное, как сырная масса, но я забыл. Я помню, что мне нельзя это есть и я тоже запихиваю это. Вообщем, какая-то атмосфера на этом базаре какая-то такая спокойная и не шумная. И я... и как будто так и не нашел того, что нам нужно. Мы нашли эту зелень и купили ее. И много лиц таких крестьянских, которых я уже давно не видел. Это было так живописно и все это так очень ярко. Ну, и потом, мы как будто идем домой и нам надо подняться на какую-то там... для того чтобы выйти на эту дорогу, надо поднятья на какую-то... ну как бы по... на какой-то... А он открыт, там башни какие-то там.... как башня и на каком-то месте она сравнивается с землей, как бы выход. И вот туда мы идем.
Странно, конечно, почему это вдруг? Ну, здесь все понятно, что наши все разговоры там с Чейном, который сейчас живет у нас, Дерсу-Узала, вокруг макробиотического питания, вокруг органики. И, конечно, оно немедленно, так сказать, отражается. Поэтому это вдруг приснилось. Я все время повторяю:
- Что разве я ел в Джурине, например, какие-то экзотические продукты, которые предлагают “кушай меньше и меньше кушай”, которые мы

кушаем, они предлагают в макробиотическом питании. Однако, я в Джурине ел и то-то и то-то... И в данном случае, вчера мы ели гречневую

кашу, которую я очень так смачно подготовил и таким образом, я тоже вспомнил об этом гречишном поле нашем и все... А Чейн говорит, что у них в Корее тоже есть, совсем... пахнет гречка. Но они делают из них только такие... биглос... в смысле какие-то.... какой-то еды... я забыл. Вот. Я ему шутя сказал:
- Ну вот видишь, ты мне ставишь все время middles, а сам все время ешь lows.
Ну короче, этот сон ясен по происхождению и просто такое интересное... Как бы прошелся через улицы и это для естественно. И тут вопросом не задаешься:
- Почему ты вдруг оказался в Джурине?
И я с Олей и как будто мы там живем и это наша естественная ситуация.

***

А вот дальше мне снился тоже любопытный сон, что я попадаю в такую галерею. Она на каком-то... так очень похоже... как будто это даже... лестница такая как внутренняя в филармонии, но идет не вверх, а вниз, как у .... Кауфман. И идет она вниз и там какая-то галерея, какой-то нашей эмигрантки. И я туда сдавал какие-то картины свои. Потом вообще было с предложением, может быть сделать какую-то выставку, как бы... У меня есть одесские художники. И я вот сейчас просматривал великолепный портрет, сделанный одним.... и все прочее. И там возникает: я с палочкой такой вниз спускаюсь. Она так... И оказывается, что она закрывает уже эту галерею. И я говорю:
- Вот тогда мне надо забрать картины, которые я оставил у вас.
Она говорит:
- Очень интересный такой...
Она вся такая пышная, светливая и, как бы так сказать, принимает меня очень так... уважительно. И в тоже время, она вся... ну, она закрывается и это ее состояние, вот это ощущается. Потом приходит вдруг Саша Онуфриев.
- О, - говорит – Илья, я же тебя жду. Так вот сейчас мы тогда поедем ко мне.
Я говорю:
- Давай поедем. Но я хочу позвонить Оле, но я забыл свой cell phone.
Он говорит... я говорю:
- Можно позвонить?

Она говорит:
- Можно.

Но телефон, что-то не находится там телефон и она идет к картотеке, смотреть, что я принес. И она говорит:
- Вы сами тогда посмотрите. Видите, здесь эти самые...
И я так и не дошел до этой картотеки и сон где-то развеялся.
Вот такая уже знакомая... Разговоры идут все время о закрытиях. И вот Ира эта недавно закрылась. И Саша Онуфриев мне недавно позвонил, он был в Одессе его прекрасно принимали. Ну вот отсюда видно, так сказать, и родилось.

***

Потом я у нас уже в доме и слышу кошек и думаю:
- Вот тебе посмотри, в России кошки, мартовские кошки, начинаются у них игры, а здесь прямо в январе. То есть, совершенно другая... другой месяц и на целый цикл, как бы сдвинуто. И они у нас такие играют сейчас... такой вой, такой детский плач и все прочее за окном. Но я уже привык и как-то даже засыпаю.
И вот мне снится, что вот этот... в доме... Но кажется опять, что это наш Джуринский дом и там опять появился под ногами, вдруг появился какой-то котенок. И он такой черный. А у нас появились сейчас несколько черных кошек, которые... моя любимица Леди произвела на свет от черного кота, который забегает соседский – красавец. И теперь и они уже тоже, их начали эти коты пользовать и они уже тоже видно начнут приносить приплод. И в это время, я когда иду по комнате, я смотрю десяток маленьких мышей стали возле моих ног, бегают. И я боюсь их чуть не раздавить. И все они черные, большинство – черных. И что –то мелькает какое-то рыжее такое и все. А между двумя моими пальцами и на пальцах ног я их вижу вдруг... и никак не могут оторваться голые... Я это уже давно не испытывал во сне вот такие ситуации, когда они липнут и их надо отрывать. Но я уже начинаю их, так сказать, пальцами по полу как-то так шаркать и все... И еле – еле отрываю эти... этих двух мышат. Ну и где-то это потом исчезает.
Вот это такой сон, он часто повторяемый, часто повторяемый, но давно не было, давно не было. Что он означает? Я как-то так не задумывался, но может быть, есть какой-то... какая-то мысль. А в отношении кошек, это тоже мой... сны эти они, они реальны, потому что они окружают меня на протяжении вот это восемнадцати лет жизни в этой... в этом доме окружают десятки и десятки кошек, которые имеют свою историю, о которых я даже кое что и написал и таким образом...

****

K03.2.14

14-ое февраля

Сегодня 14-ое февраля. Valentina's Day. Поэтому может быть мне снился необычайно интересный сон. Я нахожусь в какой-то... ну, может быть, это гостиница, а может быть, это какой-то дом, в котором живут наши эмигранты. И я как-то очень уверенно иду в какую-то комнату и открываю дверь. И там лежит на постели так, как бы поджав под себя ноги, очень... совершенно обнаженная женщина, которая... ну, просто так привлекла меня, что я даже не могу опомниться... Я прямо подхожу к ней... Она всем своим взглядом и телом как бы притягивает меня к себе. И она настолько какая-то... ну, воздушная, мягкая и что-то в ней такое необычное и привлекательное, что я... Я без сомнений, как-то не думаю о том, хорошо ли это или плохо, немедленно притягиваюсь к ней. И я испытываю такие радостные чувства, такое чувство какого-то и возвышенного и .... И в тоже время, я физически... необычайно приятно. И... и я так вспоминаю, может быть это не что-то... и думаю, может быть, это даже Оля вот так... Потому что лица ее я как бы и не вижу... ну, не помню, оно не осталось в памяти. Но я так счастлив и рад, что я просто в восторге.

***

Потом я вдруг попадаю в этом же доме может быть, а может это совсем другое место... Скорей всего, даже что... Да, конечно, оно меня перебросило совсем в другую эпоху, в совсем другой... Я нахожусь в каком-то доме, где именно живет юный Пушкин, маленький мальчик, Пушкин – мальчишка. И он... такой пухлый и у него ноги даже такие толстоватые, я бы так сказал, как рисуют ангелов или там маленьких детей, или там Иисуса. Но они у него толстые именно. А он в какой-то такой как бы одежке, где они просто видны, видны их, что они оголенные и толстые ноги такие. А прическа у него... абсолютно русая голова, притом такая очень пышная и жесткая, но русая. И она так начесана на лоб и она совсем не похожа на маленького того Пушкина, о котором мы знаем по рисунку Эйтмана или... я не помню есть какой-то такой известный рисунок Эймана рисунок с натуры маленького Пушкина. Пушкин – лицеист, даже не лицеист... ну, лицеист, а совсем юного Пушкина, один из ранних таких рисунков. И он там не похож на него абсолютно. А здесь он такой... Но я знаю откуда это появилось, потому что я вот думал:

- О, как важно уже такую деталь знать. Может быть от этого, можно и больше понять, что собой представляет Пушкин.

Вот такая вот... вот такой вот сон. Почему он снился? Я вот тут не могу... Я вчера пришел в Дом Книги и вдруг увидел Надежду Ивановну в совсем другом обличии. Она постригла косы... ну, не косы, а у нее были волосы немножечко длиннее, намного длиннее, чем вчера. И она постригла их и получилась такая... И тоже волосы уложены... и каким-то таким очень... как... как сноп какой-то такой... эти колосья. Они... как бы ее такие с пасмами. И это получилось какая- то шапка такая волос. Я бы не сказал, что это ей очень шло. И потом был... и самое главное, что она и накрасилась как-то по-другому. И вдруг появились громадное количество морщин под глазами, на шее. И вообще, вся она выглядела, как будто она провела очень бурную ночь. Вот. И я как-то отметил для себя это, но я не дал ей это понять. Но в принципе, это было с ее стороны... Она, она выглядела вульгарнее, чем она обычно, чем как она обычно... Так, она довольно была скромная, как-то выглядела, а в этом она была совсем другая. И вот такой вот... Вот этот сноп волос на ее голове, тем более покрашенный в белый, в этот... такой же точно... такой был у Пушкина, но он был естественный. Вот такая вот ассоциация почему-то возникла. Почему вдруг? Не сказать. Но именно вот эти волосы меня удивили и они потом появились.

***

Затем мне снится совсем уникальное какое-то чувство и состояние, в котором я встал. И для меня это было просто грустно и одиноко. Значит, я иду по городу и должен куда-то придти, в какое-то место, за рощей какой-то. И оно похоже... что может быть это Одесса, а может быть даже и Америка. Я прохожу... был летний какой-то день, осенний может быть. Я одет в хороший костюм. И я иду... по направлению за рощей какой-то Дом искусств или Дом культуры какой-то... чего-то такое там... И я должен быть там. И вот я подхожу к этой роще и там много – много детей. И самое интересное, что они стоят там, дети там и взрослые тоже рядом. И они... и там снег, громадный выпал снег, в роще, туда... И они говорят:
- О, он даже не знает, что здесь можно вот нурнуть или что-то там... в снег.
Я говорю:
- Как это я не знаю?
И беру с размаха, головой так прямо прыгаю в этот снег. И вниз вот так прокачиваюсь. И я даже так не думаю:
- Запачкал ли я костюм или поджак, или нет?
И вот так... и они там в восторге и:
- О, какой молодец, там дед!
Но я не дед, я там такой молодой.

И вот я потом попадаю все-таки вот в этот... в этот Дом искусств, но на мне нет пиджака. Все это осталось где-то там, в снегу. Я этого не знал, не заметил даже. Там все – и документы, и бумажник с деньгами, и все –все осталось там. И я в таком каком-то ужасном чувстве думаю:
- Где я это все сейчас достану? Во-первых, я не знаю где. Это совсем в каком-то другом месте. Но мне... я даже сейчас не знаю или туда мчаться...
А дальше я думаю:
- Хорошо, а может быть мне вернуться вот в то, что... дом, где... и в ту квартиру, где была вот эта женщина, которая меня так обрадовала и столько дала мне радости. Да, но я не знаю, не имею во-первых, ни монет, ничего, чтобы позвонить. И не знаю телефона, не могу вспомнить. Мне кажется, что я должен был знать этот телефон, но я его не знаю.
И вот... я вот в таком ужасающем чувстве, что я... Да, и я думаю:
- Что придется в крайнем случае, может быть пойти к Мише и Мане и там заночевать.
Значит, это Джурин. Но я должен их найти и там заночевать. И вообще, мне может быть придется остаться и Джурине еще на какое-то время. Ну что ж, я тогда буду просто в школе или в клубе что-то делать и таким образом...
Вот такая вот грустная, грустная... Я иду вот без пиджака, без ничего практически, иду по какой-то улочке и совершенное чувство одиночества, безысходности и никакого – никакого просвета, как говорится.
Вот такой вот сон.

***

Вот только что, я проснулся сразу и вспомнил. Я жду кого-то, кто-то должен приехать к нам или имение как бы... И оказывается это такое... ну необразуемые такие громадные пространства. И я как бы слышу, что эти ребята, вот это тот, кто должен приехать... Это они как бы... И я спускаюсь... там долина, дорога, громадная дорога вот такая. И я слышу как будто там подъезжают или шум... много голосов. Но их как бы еще нет. И в тоже время, я как бы стою еще на какой-то... типа такой... на краю... на пригорке как бы... Большом, высоком пригорке, гора... гора такая. И там ходят... и внизу такие... Это песочная какая-то такая местность. И наверху ходят странные такие птицы, похожие... Я их никогда не видел, они похожи на страусов, похожи на... У них широкий такой хвост сзади и... И они так важно ходят. И возле них крутятся голуби, типа голуби, вот такие вот... И они засовывают свой клюв, голову прямо в попу сзади этим птицам. Там они еще расширяют как бы это... И они оттуда что-то вынимают и съедают. То есть, это как бы очищение вот такого желудка или очищение чего-то

ненужного что-то... То есть, эти птицы с удовольствием от... с одной и с другой стороны это совершают. Я это вижу впервые. Я знаю, что там чистят зубы или какие-то там клыки. И что там маленькие птички у этих самых... как его... колибри и другие птички... у животных, вот это там... включая и крокодилов или что... А тут другой совершенно... что они очищают желудок и задний проход. И он как бы расширяется и они всовывают полностью, полностью туда голову эти голуби. И они так кудахчат и.... И это все вот на такой вот площадке, наверху, где... А внизу долина... И после этого, я так по этому песку как-то очень легко туда спускаюсь в эту долину и слышу вот все-таки приближающиеся голоса, которых я жду. Но дальше я не помню, как все происходило. Вот такая вот дребедень.

****

K03.7

***

Это я... мы готовимся к отъезду к Семе и, конечно, как всегда тревожно и всегда этот... синдром, как всегда, я не знаю или я все успеваю там, собрать подарки, все... Но во всяком случае, вот такое вот состояние было. Это для меня не ново и вчера я как раз так... все как будто как я хотел. Во-первых я... позвонила Мила и очень хочет, чтобы мы у нее остановились. Это уже как бы решает вопрос нашего питания и она, конечно, очень рада, чтобы мы были у нее, Милочка эта Геллер.
Теперь дальше... И вчера я позвонил Изьяславу Кливману, художник, которого я очень бы хотел увидеть в Бостоне. Но он, к сожалению, у него кажется был инсульт два года уже почти тому... По-настоящему... но и он еще не пришел в себя по-настоящему, но его племянница очень тепло... и говорит, что она слышала обо мне и хотела бы, чтобы мы там были с Олей. Так что, в этом смысле, как будто все, как будто все, может там быть так, как я задумал. Вот. Ну посмотрим, дай бог...

22-ое июля
Ну это уже 22-ое июля. Мы уже вернулись, слава богу, из Бостона. Об этом я может быть сделаю отдельную запись, о наших впечатлениях.
А сегодня и вчера были сны и как бы я их назвал – это “Реки слез”.
Один сон был традиционный, но совсем такой... Мне снится, что я с какими-то американскими... в какой-то американской семье, обстановке. Там женщина, с которой я... вроде бы я рассказывал о гетто или связанное с этим...
А потом я попадаю на улицу, попадаю на улицу, которая... очень тревожно... Там большое количество пацанвы украинской такой. И они как бы заметили меня и стали преследовать. И это большая площадь, я выхожу на какую-то площадь и они обступили меня. И я начинаю как бы всей моей... варианты, это они... их у меня... уже не один раз я об этом писал и рассказывал и использовал. И я думаю, как бы мне от них уйти, освободиться. А они как-то так... а они пацанва, это не здоровые там лбы какие-то... Они окружили меня и я понимаю, что опасность громадная. И я начинаю их увещевать, потом уговаривать, потом начинаю прием, что:
- Послушайте, я вас возьму на съемки и возьму вас... И вы сможете произвести впечатление... И что я, все-таки режиссер кино... И они могут быть в кино...

Но потом, вдруг в какой-то момент в моем рассказе о... и я всегда... и я как-то упал или меня толкнули, или я упал на тротуар... И вдруг во мне... Да, и во мне вдруг... И в тоже время, почему-то я помню, что как-то там был

очень... Я или плачу или я такой нервный... И вдруг во мне загорелось такое чувство, что - "Нет, я не должен унижаться перед ними, я не должен..." Потому что я рыдал, люди проходили и как будто... Я в тоже время, обращался к ним, но никто не слышал. И я вдруг встал, схватил... подхватился с этого... и как бы, как бы с таким вот... с такой мыслью:
- Что, а ну вас, знаете, я не боюсь вас, что я иду туда, куда я хочу.
И я иду... то есть, для них это был самый неожиданный как бы, я знаю, шок или что там... или доказательство моей не боязни этого, потому что ведь все связано все-таки... кроме всего, со страхом. И я удаляюсь, не оглядываясь на них. Ну, вообщем, сон был очень такой тяжелый.

***

Сегодня продолжение, но не в этом смысле, а что я тоже рассказывал... но я... что умерла мама. И это в такой драматической пустой какой-то обстановке. Я... тоже, как будто тоже американская семья, как бы повторяется, я рассказываю о том... И я рыдаю с таким...
И потом вдруг я иду и попадаю как бы в Джурин все-таки и вижу, что мама стоит или на кухне, или возле дома. И я к ней бросаюсь... и с такой радостью... И в тоже время... да... нет... Но в этот раз другой ход был: я вспомнил, что я ей как бы жалуюсь и рассказываю о том, что у меня умерла мама. Вот да, вот такое что-то было. И я тоже продолжаю так рыдать. И она меня вот так обхватывает и мы вместе рыдаем. Вот это вот такой вот ужасающий момент. И это все во сне было. Трудно, трудно от этого всего уйти. И почему возникают какие-то такие моменты, мне трудно объяснить, сложно объяснить почему вот этот... преследование вот этого, плач, связанный с какими-то моментами, тревогами, мыслями. И мне так очень трудно и так оно есть, так оно и есть.

***

А о юбилее, и о встречах, и о впечатлениях, конечно, есть смысл... Я не знаю, хватит ли тут пленки... ну что там... мне казалось, что там мало было пленки. Но если я сейчас начну... пока есть время. Ну значит, сама обстановка... Мы остановились у Милы. Это тоже достойно целого рассказа. Женщина, которую я так очень... так хорошо знал и ее желание, чтобы мы поселились у нее было небычайно большое. Она имеет сейчас, как бы сказать, здесь бойфренд тоже как-то не подходит. Это скорей всего

человек, который очень ее как бы... хотел, чтобы они были вместе все время. Ему семьдесят там три года, а ей семьдесят лет. И он такой такой интеллигентный человек, но скучный в тоже время и такой педантичный. И

вот такое сочетание ее вообще, большие претензии к нему, к людям, ко всему с одной стороны. С другой стороны, она какая-то такая... и сентиментальность и даже может быть такая... Но во всяком случае, очень любопытная... характер женский, притом, что она только требует справедливости и жаждет добиваться... Вообще она добивается всего. Потому что по ее, так сказать, того чего она... чего она задумала, она добивается. Но я потом продолжу, потому что я сейчас со сна или у меня как-то нет такого энергетического настроя.

23-е июля

Сегодня 23-е июля. Недаром говорят, дни бегут, бегут, бегут. Действительно, все время одинаковое, но все зависит от каких-то... от ритма твоей жизни. Но в принципе, да, бывает видно, где все очень быстро течет, а бывает, когда очень медленно движется все.

Два сна. Один сон такой совсем фантосмагорический. Снится, что мы с Олей в доме, в нашем, как бы все-таки, доме. Но он немножечко по-другому и расположен, и других размеров. И мы... и она в ночной рубашке. Я тоже в какой-то такой моей типа как в ночной рубашке. И мы говорим о том, что.... я говорю:

- Что наш ребенок еще маленький, который только родился, он же внизу. Надо к нему подойти и увидеть как там он один. Он же может заплакал или что... и надо спуститься к нему.

И вот мы идем вниз по лесенке, по лестнице в бейсмент. И по-моему у Оли свеча как бы... Она держит свечу. А потом свет... Мы заходим и видим большую кровать такую, прямо как бы с... напротив лестницы. И там, на маленьком таком валике что ли... такой валик на кровати у изголовья, лежит маленькое существо с... но с очень такой головой, увеличенной такой головой, с ясными чертами уже как бы взрослыми, осознанными. И в это время я говорю:

- Оля, Оля, он же, смотри, он же тужится и там полно...

И в это время он как бы и... Я говорю:

- Его же надо будет... ему ж неудобно, что он весь там обделанный.

А он переворачивается и как бы такое делает сальто - мортале на этой кроватке, на этом валике. И говорит какой-то целый такой монолог. А ребенку этому, тельцу, ну, может быть и годик, ну, может быть, и полтора. И он говорит очень внятно. И там одно слово мне запомнилось – “Сто

сорок". Я не знаю, к чему это было сказано, но "Сто сорок". И он улыбается и как-то так даже, даже хитровато. Я думаю:
- Что это за чудо такое? И вообще, это ж какой-то... совершенно непонятно или это монстрик такой, или это так должно быть. Но вообще – я задумался – это какой-то... не норма, не норма.
И я собираюсь как бы к нему подойти. Во всяком случае, у меня какое-то очень двойственное чувство и боязнь, что это что-то ненормально и в тоже время, что это свое. Вот такой вот сон.
Откуда ноги растут? Дело вот в чем. Я вчера написал стихотворение, посвященное Илюшеньке, это мальчику Рады. Он удивительный мальчишка. Ему два годика будет. И худенький, и очень прозрачный, нежный, и самое главное, непривередливый и очень обаятельный. И ко всему готов подойти и улыбался. И во всяком случае, произвел... я потом как-то все это прокрутил, я много его видел и Сема с ним играется, как с куклой. И все с ним играются, он... И Сема действительно привязан к нему страшно. И я... и он назывет его "дидей, дидя". И я стал дидей "junior дидя", потому что голос у нас с Семой очень похож с одной стороны, это у меня борода громадная. И он, конечно, постепенно привык. Но вот это "дидя" так звучало у меня в ушах, что вот я вчера просто сел и написал очень такую... не знаю.... как бы посвящение ему и там звучит такое, что

За столом сидя, я слышу дидя.
По лесу идя, звучит все дидя.

И вот это вот меня так, ну как бы сказать, всколыхнуло, что я... может быть вот этот сон, именно взаимосвязан... Да, и я как бы завидовал ему, подумал, что если бы у меня уже был бы такой внук, я бы скорей всего, такие же чувства испытывал и мне было бы приятно и поиграться с ним и пообщаться. И в данном случае, в данном случае, сон именно как бы быстро.... Но это не внук, а просто мой ребенок как бы получился, и что это наш. Но он оказался странным и как бы не в норме или сверх нормы. Вот такой вот был сон.

***

Второй сон, вообще – то, конечно, он очень показателен для моего, как бы сказать, для моей ночной жизни, жизни во сне. И поэтому оно немедленно как бы отразилось то, что было днем. Второй сон был такой – мы сидим за столом и там два человека – муж и жена. Она похожа так очень интересное такое...Я лицо ее запомнил и как бы сейчас вижу ее. Но она в каком-то таком как бы мужской рубашке, в мужском пиджаке. И такая прическа тоже мужская. И... но у нее такая рыжая... рыжая и еще какая-то там краска там видна. То есть, там какие-то... она покрашена, но в какой-то такой странный цвет. И такое широкое лицо и улыбчатое. И муж ее, я не вижу лицо его

сейчас, но он сидел рядом какой-то такой потухший. А вся ситуация в том, что они все время... Он украинец или русский в Литве и сейчас их при... И что все это взаимосвязано с тем, что их прижимают и он не может там, как бы сказать, сейчас даже и работать. И она все время повторяет там... эти мысли беспрерывно. Но я спрашиваю:
- Это действительно там сейчас происходит?
- Да.
И она опять начинает по кругу, вот о том, что там невозможно из-за того, что они не у себя и что они как бы иностранцы, и что они изгои. Так вот изгои, вот это гои, оказались тоже в том положении, в котором мы всегда и там, когда мы были, жили там. И евреи тоже были изгои. А теперь гои стали евреями и почувствовали тоже самое, что и мы, когда чувствовали. Вот такой вот сон.

***

Читаю, две книжки вышли одновременно “Судьба - шлюха” и “Записки на клочках” или что-то там... Фаины Раневской. Ну, вообщем, то есть, ее пользуют старуху, как говорится, налево и направо и вот они такие книжечки приписывают ей всякие, шутки и прочее... Хотя там, конечно, изобилует и ее настоящими, но ей и приписывают и десятки других. Но здесь видно, что обе книжки разные, два издателя, совершенно два составителя, будем так говорить. Щеглов как будто был каким-то ее там приемным внуком, как он себя называет. Я не помню, или это сын или внук Вульф, близкой, самой любимой и близкой. Но он нигде не упоминается ни одним словом в этом... в данном случае в этих “клочках”. Но... а второй какой-то Данилин или... написал, тоже самое собрал, но под своим, так сказать, именем составителя. А этот Щеглов под своим. Ну, так в разнобой, составили из тех же записочек, из тех же записей. Ну, конечно, там есть много остроумного, там... И самое главное, что, конечно, вырисовывается печальная – печальная жизнь человека с талантом, ну как бы сказать: “Бог наградил”, талантом, но счастья и радости у нее было мало. Ну, я тут во-первых... это взаимосвязано с тем, что она... у нее не было семьи, у нее не было любви, у нее не было внуков и детей и таким образом, она не испытала того необходимого счастья, которое дает просто обыкновенная такая жизнь. А все то, что она была талантлива, но не всегда востребуемая, а в данном случае, может быть, мужской ласки и любви, так она, конечно, была несчастна. И это ощущалось до последнего вздоха, где она только говорит о скуке, об ужасном... об ужасно прожитой жизни. Ну, при всем при том, перемежается....

****

K03.08

17-ое августа

Сегодня 18-ое или 18 августа. И вот я после вот этого, что я встретил Кира у нас там в доме дедушки нашего ... и я перескакиваю и я ухожу оттуда и оказался я... и оказался я в Одессе. Иду по улице, очень такой незнакомой, но со всякими этими домами... Ну, на Молдованке где-то или скорее похоже... где-то в таком месте, как возле нового базара там на Комсомольской, там по Комсомольской, которая вниз туда к Софиевской, кажется там... Короче, я думаю... а, да я иду... И в это время же... тоже идет какая-то там группа с Кирой. И она с сыном, с Сережей и еще кто-то там, внук ее и Сережи и знакомые там с ее группы такие женщины и ее, как бы сказать, обожающие ее, служащие ее, вероятно. И я говорю:

- Кира, а Сережа... а какой эпизод вы хотите сейчас снимать?

Она говорит:

- Мне нужен там дом со львами. Подъезд или дом, где были бы большие львы на... или перед домом или в какой-то...

И я говорю:

- Мне кажется, я знаю здесь где-то должен быть один дом, в котором есть... перед входом туда, остались еще какие-то львы.

Она говорит:

- Ну хорошо, чудесно.

И мы идем туда. И вот по дороге вдруг я вижу: варят на примусе... такая... на улице прямо перед домом, что-то жарится, варится. И вот между, прямо у двери, перед входом в этот коридор, как бы лежит, даже не стоит, а лежит необычайно красивая, старая кушетка такая, это еще ампир... какая-то ... такого стиля, кушетка. И я спрашиваю:

- Слушайте, а чья это кушетка?

А эта говорит:

- Там у нас... какой-то буржуйки старой. Вот, – она говорит, – это ее.

И я говорю, подхожу к Кире и говорю:

- Слушайте, вот это вот интересная, очень такая...

Она говорит:

- Да.

И они заходят туда в этот дом, в эту... И вдруг этот дом превращается вот в это... Да, и она смотрит так подозрительно эта женщина и... говорит:

- Кто вы такие, что вы такие?

И я говорю:

- А это Кира Муратова.

- О, - она говорит, – конечно, я знаю.
И заходят они все и я вместе с ними, мы заходим в этот большой такой холл. И там прекрасная какая-то старинная такая обстановка. И все это очень выглядит прямо по-киношному. И я иду и говорю:
- Кира, вот здесь, это прекрасное, хорошее место, то что...
Она говорит:
- Да...
И они начинают как бы что-то репетировать и очень как-то так выспренно и очень что-то там на... перед окном какую-то сценочку, что-там разыгрывают и примеряются к обстановке, для того, чтобы этот... Сережа фальшивый, абсолютно фальшиво произносит какие-то там слова. И это все какая-то там игра. И я как бы тоже присутствую и в тоже время, я чувствую, что я как бы все-таки не здесь. Я приехал... и опять же я имею отношение к этому, как говорится, процессу. Потому что я из Америки и приехал и как бы оказался здесь. Хотя я... Кира ко мне очень так как-то улыбается и тепло относится и я это чувствую и все... Но я думаю, что я все-таки как бы с боку припека. Но опять там происходит какой-то... А... какое-то недоразумение, которое все-таки я разрешаю его, потому что она... она не понимает каких-то таких психологических тонкостей в данной какой-то ситуации. И я как бы все-таки сглаживаю то ли это... не знаю. Вот такой вот... А она, там очень интересные какие-то... в том сне, во сне, как я это все видел, она необычайно, необычайно логична, красива и естественна. То есть, это целая сценка как будто, такой жизни киношной группы. Ну, для меня это не первый раз снился сон с Кирой Муратовой.

***

Но первый сон – это, конечно, уникальная ситуация по причине того, что я вчера закончил и сегодня ночью до четырех часов утра, я встал и решил, закончил роман Башевиса Зингера “Шоша”, “Шоша”, “Шоша”. Конечно, по сравнению с “Врагами” и “Любовной историей”, это выше, намного выше. Характеры точнее, хотя очень повторяются, многое. То есть, он не может выйти... Там даже есть целые такие повторы эпизодов. И он выйти из этой как бы ситуации, его темы, он не может. Но это естественно для великого писателя, для все-таки... который имеют свою тему. И в данном случае, вот этот сон с концлагерем, где я оказался – это явный такой отклик того, что происходило, и то ожидание прихода немцев в Варшаву... Я даже не знал, насколько все это чувствовалось. Правда, писался роман намного позже, через лет двадцать после окончания войны. Здесь он уже вышел в шестьдесят, кажется, восьмом... Да, и даже больше... Так, конечно, там другой может взгляд, но действие там происходит в начале... там тридцать

восьмой или раньше... И вот это предчувствие и знание, что все погибнут, что все... впереди, что полностью всех уничтожат и это все... Оно... разговор о героях беспрерывно присутствует. И фильм “Пианист” в этом смысле, тоже не очень... В начале, где есть как бы какой-то разговор, но там еще есть какая-то чуть ли ни вера в то, что немцы никого не тронут и все такое там было, такой вот эпизод в семье. А здесь, вся интеллигенция, которая следит за этими... газеты читает и участвует в какой-то литературной и театральной жизни, они как бы понимают, что впереди полностью разрушение, гибель. И сам автор, этот герой, как бы от имени самого Башевиса Зингера, как бы понимает, что впереди полное уничтожение. Роман, конечно, построен блестяще, настолько... то есть, он как бы в какой-то сказке мифологической, где ты вовлекаешься, где ты соучаствуешь, где ты веришь и не веришь, что такое может произойти. И ты стоишь и у тебя... и ты начинаешь как бы переживать, сопереживать. Вот это сопереживание, оно присутствует и мне поэтому даже хотелось понять – чем же эта сказка все-таки закончится? Зная, конечно, что она закончится печально, но мне хотелось. То есть, там очень мастерски, кроме одной темы, часто и повторяемой такой, как-то сухая, какие-то такие сухие сводки, связанные с коммунизмом, с темой Сталинского террора. И все это рассказывают обычно очень однообразно. И этот Казахстан, и этот Джезказган или там Бирибиджан, где попадают и эти польские евреи. Оно очень не самое... то есть, это, я бы сказал, что очень это часто повторяется из одного рассказа в другой рассказ, из одного романа в другой роман. И вот эти фанаты, коммунисты – евреи в Польше и они очень как-то однообразны. Но видно такая была ситуация, которая мне может меньше знакомая. Поэтому я как-то это воспринимаю, как не высоко литературную какую-то обрисовку. Но с другой стороны, мне все равно... это очень написано здорово и... Но я еще к этому вернусь, я чего-то устал сегодня.

***

Очень необъяснимый мой сон, мои сны, связанные с Высоцким. Страшно необъяснимые. Да, я видел его, да, я понимал и видел близко его на студии, на концертах и на спектаклях. И понимал его талант и его значение. Но почему это так засело мне, что я его вижу во сне и вот такие вот истории, я просто не знаю, как бы. Здесь такой какой-то сон, что идет спектакль... Извините... извините, это тоже интересный момент. Я как будто пишу для аудитории, на века, а в действительности, может никто и никогда это не почитает. Хотя, как обычно, все, где-то потом находится и возвращается на круги своя.

Вот, вообщем снится мне сон, я в каком-то театре... Это очень какое-то

помещение такое, как бы на природе. Не в... не в закрытом таком помещении... и идет спектакль “Гамлет”. Я до этого, я до начала и в перерывах, мы все стоим вместе. И Высоцкий и кое-какие другие актеры, которые... И я очень так близок почему-то с ним и что-то какие-то... или какой-то совет, советую ему что-то. Вообщем, это все улетучилось из сна и я не помню.
Потом там такая удивительная мизансцена, что он появляется и как бы с балюстрады какой-то в сад. И выходит весь в белом таком... то есть, это уже как бы из “Вишневого сада”. И идет очень длинная дорожка такая. И мы сидим и как бы вот этот зритель, которого я тоже не вижу. Но мы сидим и видим, как он идет по этой длинной дорожке такой. Не то, что шаркающей походкой, но очень как-то медленно. Вот так идет и я думаю:
- Да, это с точки зрения мизансцены и появления этого, это очень сильная такая, впечатляющее такое... зрелище.
А потом мы как-то опять же, как бы после спектакля или... мы стоим все вместе и я ему говорю:
- Володя, давайте, давайте я хочу вас заснять еще.
Но вдруг оказывается, что у меня как всегда в этот момент или пленки не хватило или фотоаппарат куда-то делся. И я в таком замешательстве думаю:
- Куда же? Как же так? Я же уже не в первый фактически...
И я бегу... Да, и в это время подходит Лариса Удовиченко и... Лариса Удовиченко подходит и я ей говорю:
- О, Лариса, у вас есть... или у тебя есть аппарат?
Она говорит:
- Да, да, я хочу тоже сфотографироваться с Владимиром Семеновичем (или с Высоцким).
Я ей говорю:
- Давай, быстренько аппарат.
И она мне дает фотоаппарат какой-то и я начинаю его открывать, для того чтобы из него сделать съемки. Я сперва снимаю как бы их, а потом прошу, чтобы и меня отсняли. И таким образом, я говорю:
- Эту пленку, чтобы она не пропала, самое главное, чтобы... может быть даже я ее с собой заберу и я тебе отдам фотографии и пленку.
Потом он... и я иду... И он уходит как бы за сцену или уходит опять куда-то на сцену что ли. А иду к выходу и в этом как бы пространстве открытом, на какой-то скамейке или на столике таком лежит газета. Там несколько наших эмигрантских людей, которые тоже стоят возле этого места. А газета... там цветные фотографии Высоцкого на первой странице газеты, полностью вся. И пустая, пустая, пустая какая-то... пустая... Ага... пустая, заголовка нет, но,

как я подразумеваю и понимаю, что они хотят написать, что скончался, что в зале... Написано как-то так: “В зале таком состоится, состоялся видно спектакль “Гамлет” и скончался Высоцкий”. И я думаю, что... и я бегу и у меня с собой такой фломастер. И там где написано: “В зале...”, я как бы... я как бы перечеркиваю “А” и пишу: “Ну что, взяли”, “Ну что, взяли”, в смысле, что он остался жив. Хотя я действительно так думаю и во сне, что:
- Он же ведь когда-то умер.
Короче, то есть, вот такая вот, что мол, они... Да, и это со злорадством, это не как констатация факта, что он умер и таким образом почтить его память, а именно как сенсация какая-то, как... как какой-то... ну что ли... Но во всяком случае, это в негативном каком-то таком варианте. Вот такой вот, ну, просто безумный сон, с такими большими пространствами тоже. Не зажат он был, а какой-то свободный был. И вот Высоцкий, который все время меня преследует или я все время рядом с ним. И в какой-то очень близости и дружбе и он ко мне...
Да, почему, почему это снилось? Тут сомнений даже нет. Я вчера, именно вчера, мне принесли один журнал, старый журнал “Советский Экран”, который посвящен был полностью Высоцкому. Это уже в перестроечное время какое-то или там... В смысле, день его смерти или день его рождения... или к пятидесятилетию, кажется... Да, да к пятидесятилетию его дня рождения. И вот, это уже в Горбачевское время. И вот интересно, интересно, что там были очень сильные фотографии, я так смотрел, где он рядом с красоткой все-таки, Мариной Влади и очень такой аппетитной, и приятной, и красивой. Но у него мощь тоже, несмотря на его маленький рост, несмотря на его, так сказать, и... Какая крепкая шея, надутые жилы, то есть, чувствуется мужик в нем. И если он даже, так сказать, и ... не знаю насколько это, в смысле его силы. Не знаю, я об этом никогда не думал, был ли он настолько крепок и силен в действительности. А это видно, на фотографиях это видно. И вот это вот... и я об этом подумал. И вдруг, вот пожалуйста, тут же... это вчера было, а ночью вот приснился вот этот сон.

***

Ну, много еще другого снилось, что просто не запоминается. Но вчера я поздно... я дочитал до конца книжку “Пианист” Шпильмана. Это, конечно, блестяще, это памятник безусловно редчайший, в смысле вот этой... Холокоста. И самое главное, что тут есть такая мощь интриги даже какой-то, в книжке самой. Я не мог дождаться, чтобы до конца дочитать этот... эти записи его. И это не просто как там записи, это уже сделано человеком, как бы просмотревшим все это после того, что случилось. Впервые, когда она

написана в сорок шестом году, даже была издана в сорок шестом году, как пишет его сын в предисловии. Тут, конечно, появились у меня сотни, сотни вопросов и.... Ну вот как бы сотни вопросов, конечно, это все преувеличение, появились вопросы, которые я не мог сразу разрешить или не мог сразу ответить даже на них. Но в первую очередь, безусловно фильм, то, что я посмотрел фильм до того, как я прочитал книжку, оно имеет видно свою и негативную и положительную стороны. А почему? А потому что я видел героя фильма, настолько великолепен актер и настолько меня иногда возмущала позиция самого Поланского, потому что... Вот кстати, позавчера ему было семьдесят лет... Что я, конечно, думал, что это вообще какая-то... что эти записи, что это довольно примитивное решение, что есть тысячи других... Много же тогда было записей. Но здесь, в этой книжке есть... даже Шпильман сам об этом написал или кто-то, кто-то ему помог или что... это просто памятник удивительный, в смысле даже литературного плана, в смысле, очень внимательного глаза, вкуса, абсолютно без сусальности, без никаких там сю-сю... Это очень, очень сильная книжка. И она меня просто... возбудила мое воображение и чувства. И я настолько был... ждал уже момента, когда я смогу и дочитаю ее до конца. Вот такое чтение – это, это поразительно. Перед этим я читал “Шоша”, это как раз, не знаю, как продолжение. Там это было до тридцать девятого года, а это начинается как раз с тридцать девятого года, начало войны. Там заканчивается там, что герои фактически должны были убежать из Варшавы или остаться. И те, кто остался, погиб. И тот, кто сумел уйти, и это единстенный герой, сам автор этого романа в “Шоша”. А здесь, погибает весь... все, включая и город. И остается один человек. И это удивительно сделано, это блестяще. Я просто, ну как бы сказать, сделано это им... Именно сделано, потому что это не записи дневниковые, как там это пишется в заголовке. Это уже... и он нигде не упоминает о том, что он записывает. Что это притом, что он был на протяжении семи лет, фактически был один. И особенно, когда прятался. Но он не пишет о том, что он записывает эти записи. Так что, в этом смысле, это другой совершенно жанр. И это все-таки литература в какой-то мере или просто осознанная потом как бы... или воспоминия, записанные уже по следу немедленно, сразу по следу, что, что же там было. Теперь вопросы. Тут, конечно, акценты, которые поставил в фильме Поланский... Я лишь сейчас подумал, что моя взаимосвязь вот с ними... Поланский, конечно, мишимет. Он, его еврейская тема, его, конечно, видимо интересовала, учитывая его происхождение и учитывая, что он сам был жертвой этого Холокоста и выжил. Но акценты поставлены в фильме были все-таки немножко по-другому. Очень много акцентировалось в плане...

даже спасения поляками Шпильмана. Но здесь оно тоже есть. Десятки отказались вообще даже с ним общаться и встречаться, по его записям. Но это во-первых. Во-вторых, с этим немцем, с этим последним... То есть, его... его констатация... Там не было, чтобы он... Я недоволен был концом в фильме “Список Шиндлера”. Это была какая-то такая советская концовка, хотя... А вот здесь, в фильме самого... Я сейчас как-то не очень собран, чтобы очень точно выразить мои мысли, потому что я устал ужасно, это кровит... И я, конечно, не имею сил таких. Но здесь, да... Я сейчас все-таки закончу эту мысль таким образом. Когда он выскакивает в немецкой шинели и он, значит, забыл... И в него начинают стрелять по нем и он потом говорит им, кричит им:
- Я поляк! Я поляк!
Тут безусловно понятно, что он... что он не мог крикнуть что:
- Я еврей! – что ли в данном случае, что он все-таки считал себя поляком. И это естественно. Видно все-таки, несмотря на то, что там случилось, что он видел, он кричал:
- Я поляк!
Поланский тоже взял себе псевдоним “Поланский”, взял его себе в сязи с там, что он тоже польский, что он тоже польский. Вот эта взаимосвязь какая-то есть в том, что они в какой-то даже самый острый момент, как бы скрывают свое еврейство и вынуждены, так сказать, мимикрировать и считать, что они поляки. И то, что он остался после этого... Хотя... тут трудно его осудить в этом. Ведь после этого был... были и расстрелы евреев после войны, добивали еще поляки. И он все-таки остается в Польше. И остается с этими... с этим... с этим ужасным чувством, что здесь похоронены, в газовой камере сожжены все его родители, его братья, брат, сестры. И еще три миллиона почти, соотечественников. Конечно, вот эта... и то, что вот например его сын пишет, что он даже не знал о судьбы своих деда и бабушки со стороны отца. Об этом просто не говорилось. И только когда он стал взрослее и прочитал вот эту книжечку, которая была издана уже, вот тогда он узнал о судьбе своих. А так он скрывал это. Или потому что он не хотел эту рану теребить или все-таки потому что надо было стать польским. Ну при том при всем, конечно, он изменил свою фамилию и все. Он остался Шпильманом, которого знал... знала Польша. Во всяком случае, я рад, что я прочел книжку эту, потому что я сейчас хочу еще раз посмотреть фильм, для того, чтобы по такому быстрому следу как бы понять, в чем может быть, я был неправ в восприятии этого фильма. Я должен его посмотреть, я хочу его взять. Вот такая история, вот такая история и с этим фильмом и с этим Шпильманом.

***

Обилие снов и просто невероятнейшее, невероятнейшее. Снился сон, что я как бы в Москве. Хотя это не так обозначено, но там просто был как бы какой-то момент, что Осик Райхельгауз ждет меня или в театре, или в каком-то фойе чего-то. И я почему-то... значит, я наверху в каком-то... или в моей комнате или у кого-то... или у них в комнате. И там его девочки и жена. И я весь в каком-то таком элегантном костюме, я сбегаю вниз. И потом, по-моему, что-то я забыл... Или бумажник с деньгами, или какой-то подарок или что-то... И я когда... или там ситуация другая немножко – или они внизу... Я почему-то, когда прибегаю к ним, а Осик меня ждет там внизу... И я когда прибегаю к ним, я оказывается, совершенно голый и я прикрылся какой-то... вот каким-то свертком который я... И я его так... и говорю:

- Я прошу прощения, но так получилось, что я...

Они говорят:

- Ну это как бы ничего, ничего для...

И они как-то так смазывают это состояние. И это повторяется почему-то дважды. И я опять убегаю вниз и опять прибегаю туда, и опять... Но какого-то такого... мне и стыдно и в тоже время, я не чувствую никагого... но не то, что стыдно, мне неудобно, скорее всего. И я в тоже время, не чувствую какого-то такого стыда, потому что какая-то ситуация вот такая совершенно оголенная, я бы так сказал.

Почему этот сон мне снился? Мне трудно сказать. Я потом вернусь к одной мысли, которую я вчера у Ялома вычитал в его психотерапевтических таких заметках. Значит, с Осиком Райхельгаузом идет... потому что он мне часто снился. Особенно после того, что мы так подружились больше, что я бывал в его театре. И теперь, когда он недавно был у меня дома с семьей, с актерами. Возможно такой отголосок мог быть. И самое главное, я теперь понимаю, откуда это еще могло быть – потому что они смотрели на меня не то, что на как эксцентричного человека, а как на просто очень редкого... на редкий экземпляр, сохранившийся в эмиграции или вообще, так сказать, в русском таком варианте. Ну и поэтому, вот эта история с Чейном, когда они восприняли его за куклу, сидящую внизу там у меня в бейсменте, это еще больше подтвердило их в моей такой необычности, пускай будет так. Поэтому я для них, может быть, оказался и в этом варианте, необычным. Оголенным и необычным.

***

Второй сон, второй сон был совершенно в другом варианте. Это что-то за шахматы... я тут записал даже, потому что... я даже иначе бы это все не запомнил бы. А сейчас, сейчас я... господи, сейчас...
Потом снится мне такой сон. Я нахожусь или вернее ко мне пришли в Дом Книги. И такие затянутые в пиджаки до шеи... ну такие типа манки, мунки или вот эти... Но это не религиозного даже характера, это скорей чисто национальный такой костюм. И похоже, что это из каких-то... из каких-то восточных народов или даже, может быть, и бывшего Советского Союза. И они вот так передо мной... лежит или они мне принесли или я им нашел, такую доску деревянную, где выгравированны три профиля восточных каких-то... восточных тоже, точно где-то такие же костюмы. Оказывается, это какие-то известные шахматисты, которые их... их, как бы сказать, их национальности. И я говорю:
- Я их, конечно, знаю, безусловно.
И когда я говорю им эти имена, какие-то очень сложные типа... этот самый... индийского нынешнего известного... Ависонат... Я уже вдруг забыл как это... Хотя я его когда-то очень хорошо произносил. И вот они очень поражены этим и говорят:
- Боже! Вы знаете даже его?
Я говорю:
- Да, я, конечно, знаю.
И таким образом, я вызываю такое у них, ну как бы сказать, и восхищение и симпатию. И вот такой вот сон.

20-ое августа

Сегодня 20-ое августа. Да, здесь продолжение этого сна, связанного с шахматной... силуэтами. Потом снится мне совершенно какой-то... сумашедшая такая... сон переходит... Я захожу в ванную у Фиры Евсеевны в этой коммунальной квартире. И так она, как всегда, это... там она занята... И я наконец, нахожу какое-то время. И именно там не в туалет, а в ванной нахожусь и как моюсь, купаюсь. Кто-то заходит и видит, что там кто-то есть и убегает. А потом я появляюсь, появляюсь в этом... или они как-то так...
- Почему я так долго? Или почему я так долго там купался?
И очень недовольно. И там Ляля находится. И я на кухне, я вхожу туда и там находится Ляля. А что там? И почему? – Я так и не знаю, чем это все закончилось. Ну вот такое вот любопытство, такое вот громадное по отношению ко мне. Но вот эта ванная и у Фиры Евсеевны – это как-то

впервые. Я никогда чего-то... мне это не снилось никогда.

***

Потом я попадаю в этот... в какую-то такую типа, тоже фойе такое или... Я правда сижу на каком-то диване. И Оля рядом. И я так или даже разлегся или так прилегся, а впереди... а перед нами какие-то несколько женщин и мужчина. И они поют. И они как-то высовывают очень... перед пением что ли, перед тренировкой, высовывают очень быстро язык вправо и влево, вправо и влево и так активно. И я вспомнил в связи с чем это, почему это так. Мне рассказывали, что просили, чтобы вот так тренироваться. Так я думаю... А потом они говорят:
- А сейчас мы споем.
И они начинают петь такую... в таком быстром темпе, в таком быстром ритме, песню какую-то, тоже восточную. И я вдруг их полностью воспроизвожу до того, как они начинают петь, я дирижирую. Оля говорит:
- Ну что ты будешь дирижировать.
А я говорю:
- Ничего, ничего, я сейчас, я знаю, что это такое.
И я ими дирижирую и точно воспроизвожу так быстро, что они просто так поражены, что я как бы, знаю эту мелодию. И что я могу, точно так же, как они воспроизвести эту мелодию. И поэтому я так себя чувствую прекрасно и смешно даже и очень какая-то такая атмосфера интересная.

***

И последний сон, который снился так уже под утро – это как я ее называю Скандализа Райс, это советник по безопасности в Белом Доме. Я попадаю в Белый Дом. Ни мало, ни много, но я не думаю об этом во сне и это меня не так уж страшит. Но я попадаю туда. И там идет разговор какой-то. И это даже скорее всего мне напоминает киностудию нашу... такой.... И я значит, подхожу к этой Скандализе Райс. И у нее в руках такая тарелка из гжели или гжелевская, или такая мстеровская... или такая... палехская скорее. И она... та дырочка в ней и она должна прикрутить ее к какой-то... или прибить к какому-то деревянному такому... подставке такой. И это она должна подарить или президенту или кому-то, должна подарить. Я ... и она начиначинает это вкручивать, вбивать гвоздик, чтобы он прикрепил эту тарелку туда. И я в это время, я думаю и я говорю:
- Давайте я вам все-таки помогу, потому что все-таки это может мужская работа.
Ну и тут я, как говорится, проявил весь свой великолепный дар мужской

работы. И когда я ударил чуть – чуть больше, чем надо, тарелка разбилась. И она, конечно, была в ужасном каком-то этом самом... И я говорю:
- Я вам... не беспокойтесь, я вам достану.
Я думаю:
- Я быстро подскачу в Дом Книги. У нас там очень много тарелок.
И я даже подумал:
- Что для нее это слишком большая важность или даже дорого, а для меня это ерунда. Я... у меня таких тарелок очень много, я их привезу и мы тут же сделаем другую.
И я убегаю из этого... из Белого Дома или из какого-то... И мчусь и попадаю в Джурин, возле школы, на поле. И дальше, я не помню, в связи с чем там это все получилось. И я все-таки... вот каким-то образом у меня оказывается эта тарелка, другая, чтобы я принес ее в Белый Дом. Но вот дальше я не помню, прервался сон.
А почему снилась эта Скандализа? А потому, что у меня лежит газета, впереди меня, уже несколько дней. И прямо с ее портретиком каким-то. И я все время так смотрю на нее – и Скандализа, Скандализа. И отсюда видно родилась вот эта... вот сон с этим... с этой тарелкой и все прочее.

***

Сны снились такие, что, конечно... Так, первый сон был какой-то ночной. Я в Аркадии, в Одессе, заплыл к буйку. И стою возле него, держусь за буек и Оля где-то рядом и еще кто-то, люди какие-то. И идет разговор о том, что лов рыбы или лов каких-то там... трески или что-то... не знаю там что... он только до предела, до буйка, только после буйка. И я по своей наивности, все время думаю, стоя там:
- Подожди, так это должны протянуть какую-то сетку, например, на уровне вот этого буйка по всему морю что ли, для того, чтобы могли ловить только те, что знают только по этой линии.
И я никак не могу разрешить этот вопрос и думаю, что обращусь к Оле, зная, что она всегда знает какие-то такие тонкие физические ситуации. И я не помню, что я спросил у нее и что мне ответила Оля, но это явно было бессмысленно, потому что я никак не мог сорентироваться. Но вот буек – это конкретно, вот здесь вот, возле буйка. А вот на протяжении всего берега, на уровне вот этого буйка, отдаленного от берега, значит за этим...
- До этого можно ловить или нельзя ловить?
То есть, для меня это было неразрешимый как бы, вопрос.

***

Потом мне снились совершенно киношные два сна, киношные два сна, которые я конечно, просто не мог... Значит, там какая-то идет киноделегация, в которой я тоже состою. И это все-таки в Одессе как бы. И я думаю... И вот Кира, мы как-то... и это сцена. И она вот на этой сцене, как должна быть... ну, должны пройти участники что ли. И Кира со своим мужем, вот этим мальчиком, художником. И она, как-то очень грубо высказалась по поводу засилия евреев или евреев, что-то такое... Меня это так, как бы ошарашило, что я даже... что я даже не хотел рядом с ней стоять. И я как бы должен уйти за ней, но я пропускаю кого-то и говорю:
- Я... идите, идите, я не хочу...
То есть, непонятно им, почему я вдруг отдал им, чтобы они шли за ней. А хотя она... это не по отношению ко мне как бы, но во всяком случае, что-то так резко для меня это зазвучало, что я был ошарашен. И вот они, значит, проходят, уходят как бы за сцену. А там, там... я тоже туда ухожу. И они входят и идут после этого, по какому-то узкому коридору. И для каждого приготовлена какая-то книга, которую он должен взять на его имя что ли. И вот она идет первая, идет с этим Женей, проходит туда. Но это так узко, какая-то между двумя стеночками узкими. И эти книжки они взяли и идут типа... Подошла моя очередь и я должен подойти... И я эту книжку взял. Но когда я увидел узость этого, я подумал, что я никогда не смогу туда пролезть, во-первых. А если я туда пролезу, я не смогу выйти. И я подумал:
- Нет, я в этот лаз не пойду.
И иду совсем рядом... там есть такой как бы... какая-то как бы стена, которая ведет на улицу. И я иду по этой... вдоль этой стены. А те, выходят где-то дальше, но я их уже не вижу. И я попадаю в какой-то... попадаю в какой-то... место, где... на улице. И там тоже проходят... Я слышу там... вахтеры стоят и собралась как бы эта... эти люди, которые на этом кинофестивале, на этом что ли. И я среди них стою и слышу, что:
- О, смотрите, идут наши загримированные генералы.
И появляется очень известный какой-то актер, но я сейчас не могу... И они говорят даже имя и отчество его. Ну, может быть, это типа... я даже не знаю... или Санаев или кто-то... Очень такой представительный, но это не Санаев. Высокий и с длинной бородой. А потом идет и Борис Федорович Андреев, тоже бородатый генерал. И они куда-то туда уходят. И им аплодируют как бы. А потом появляется, что... я как-то так иду тоже так вперед немножко, что мы, зрители... ну что это конфетная фабрика имени Крупской в Одессе или как-то называлась, кажется... что там будет встреча деятелей кино с ними. А оттуда выходят стайкой, большая – большая такая

стайка работниц. И они в русских каких-то, вышитых таких, костюмах. И я говорю:
- Давайте, давайте! Мол, как-то вливайтесь в эту...
А они стоят еще как-то нерешительно. А потом что-то... или музыка заиграла. И они все поплыли. А одна пожилая женщина, которая последняя вышла, ну очень уж пожилая, старушка... Но тоже в какой-то там это... И я подхожу к ней и говорю:
- Давайте, давайте я с вами потанцую.
И идет какой-то такой там танец (И.Э. напевает мелодию)... Я слышу русскую какую-то такую музыку и она должна как бы платочком вокруг меня крутиться и я вокруг нее. Но она уже настолько старенькая, что застеснялась как-то так и махнула как бы так:
- Ну что вы, что вы!
И ушла в какую-то... туда, в дверь этой фабрики, которая была там. Вообщем такая совершенно история смешная, которую можно сразу прокомментировать и понять. С Кирой Муратовой – первое. Ну это уже сны с ней, это миллионные сны. Но в данном случае, когда я узнал, что мать ее была еврейка и она никогда об этом мне не говорила. И тем более, что я уезжал и все, то есть, это была как бы закрытая для нее тема. И она скрывала ее. И все знали, что она чуть ли ни там румынского происхождения. И это все абсолютно не так. Она жила в Кишиневе. И когда мне позвонила ее подруга и рассказала всю эту историю, что мать ее это самое... Ее фамилия Кремер и что она была еврейской девочкой и... А отец у нее был русский, русский журналист, который был аккредитован в этом... в Румынии, в Бухаресте. И никакого отношения... то есть, это полная была легенда, которую она поддерживала и ей это было удобно. И в каком-то одном из интервью, она сказала, что она... что мать у нее была румынской коммунисткой, точно, как у этого самого... у Адольфа Вульфовича. Короче, что-то во мне надломилось, когда я услышал об этом. И когда я даже фильмы ее смотрю, я ее сейчас вот посмотрел “Чеховские мотивы”, это такая повторяемость, ее обедненность и непрофессиональность актерской игры, включая Сережу Попова. То есть, там не за что уцепиться, то есть, все, как говорится, авцалухес, как говорят, афидиш. Все в перекосе, все для того, чтобы выпендриться и чтобы это не было по-настоящему живое и... Ну, вообщем, короче, я был очень разочарован просто. И вот в этом сне, где-то вдруг оно как бы и выдалось. То есть, у нас какие-то... совсем другой, другие взаимоотношения были вот даже вот в этом, в этом вот. И поэтому дальше, в отношении боязни зайти в эту щель – это частое, так сказать, ситуация, когда я боюсь, что уже не смогу оттуда выйти или не

смогу влезть, или я еле – еле протискиваюсь через какие-то там люки, для того, чтобы выйти наверх. Ну это тоже такой Фрейдистский момент, скорей я не хочу в нем копаться. Но может быть, это связано сейчас с моей болезнью, с тем, что я кровлю. И есть какая-то, вполне возможно, и боязнь, что я должен выкарабкаться из этой истории и все... Может быть.
Дальше, вот эти загримированные два генерала – это тут я точно знаю, откуда у меня это. Это я смотрел “Сибирский цирюльник”, где как я себе так сказать, решил, что Никита Михалков решил на себя напялить эту самую... шапку Монамаха, попробовать, как он будет выглядеть в роли и не только в роли, а может быть и в будущем, монархом, монархом будущей России. И во имя этого, может быть, и весь этот сыр-бор. И он там скачет на этом белом коне. И вот здесь тоже какие-то два генерала, вот такого вот... но не он. Потом фабрика, конфетная фабрика. Это такая, так сказать, частая история, где и я бывал, когда мы где-то были, где я пару раз свой фильм показывал, в разных таких местах, где все это было вот так организованно. А старушечка эта, это что именно не молодые девочки, а старушка... Это уже, так сказать, возраст и иногда, то, что ко мне приходят и тянутся вот такие вот старушечки в Доме Книги и обожают. Так что, вот это такое возможно такое.

***

Потом снился мне еще такой сон, связанный с кино, что идет такой же какой-то фестиваль. Но это было до этого. И что я тоже там участвую. Но так как я все-таки не из Одессы, а я уже как бы из Америки, я... почему-то меня не внесли... Там показывали целый кусок из... как бы из этого... из “Коменданта порта”, но его... И меня там нету... ни в титрах. И я подхожу к этому Захару и говорю:
- Почему же меня нет?
Он говорит:
- Нет, где-то я видел, что вы упомянуты.
И достает какой-то такой... ну, типа каталог фильмов или там празднества этого и говорит:
- Да вот, вы смотрите, что-то тут есть.
Ну, это меня как-то так стало приятнее, но я все равно не мог понять, почему вот так это все случилось. Вот такая история с этими снами. Потом еще какой-то буек там... Вот такие сны.

***

Ну что? Вчера я был на кэдскене. Так все было и кровь и всякая другая... Но

жизнь идет, сны идут. И я за два дня не записал, а были просто какие-то... ну просто невероятнейшие. Если это... я не знаю, с чем все-таки это связано, настолько, что это такое обилие и разнообразие и совершенейшие какие-то сюжеты, фантастические и не только. Но они реально фантастические. Значит, какой-то сон я должен был себе сразу записать, но это ж тоже жизнь была такая... Эти дни она у меня такая тяжелая, в смысле с моими переживаниями простатными, что я, честно говоря, думаю, а зачем это записывать и это все для кого? К чему? Но вообщем, и в тоже время какая-то есть еще, есть еще чувство творческого такого начала, которое не уходит ни при каких обстоятельствах.
Хор, хор... снится, что я... и это где-то в Одессе как будто, хотя этот хор американских бойскаутов как бы. И самое интересное, что я очень близко к ним нахожусь. И где-то это как бы и сцена или какой-то... не знаю, фойе или вот... Я нахожусь и смотрю на них и самое главное, что я не... Они поют, блестяще поют очень какую-то американскую песню. И слова понятны и все, но я ничего не запомнил. И самое интересное, что я как бы смотрел на отдельно вырванные, на отдельно вырванный из хора, лица. Это, как в кино, как бы крупным планом, но вдруг одно лицо, второе. И они все такие выразительные и страшно американистые, страшно такие... так, как американские... вырастают американские ребята – высокие, со скулами такими крепкими, с голубыми глазами. Вот такого типа выхваченные были очень несколько таких кадров. А связано это с тем, что я недавно смотрел какой-то альбом и там были американские мальчики, тянущие канат. Что-то такое вот. И там были разные характеры, разные типажи, но очень точно подобранные. И вот из таких вырастают солдаты, Брайон по Спилбергу. Из таких вырастают крупные американские такие мужчины – высокие, крепкие, стройные. И вот, вот такой сон, но такой... Да, и я как бы... какое я имел к этому отношение, мне даже трудно понять. Но в это же время были десятки других ходов, которые... все – все – все – это улетучилось, улетучилось.

***

Да, а потом мне снилось, что я все-таки в этом каком-то лабиринте двух магазинов – моего и какого-то другого. И я как бы между ними, вот как будто есть какой-то лабиринт. Это уже не первый раз мне снится, что я как бы должен пойти ко мне.... И вдруг забыл вообще, что он открыт и что там есть люди, что там никого из продавцов нет и что я должен подъехать туда. И я по дороге еще попадаю в какой-то магазин или это уже у нас как будто... Как будто привезли из Арка или что очень много мешков с

лепешками, в которых там есть какая-то... мешки ... И каждый может себе придти и взять какой-то там... я знаю там, мешочек таких... этих самых лепешек, которые... Они из какого-то органического... из органики и плюс там еще что-то свое... (Ой, грыжа мучает.)

***

Потом еще раз Одесса, это прямо на Александровских садиках возле нашего дома. Снится мне Петя Гулько и там Марик Ройтман. И какое-то событие там, которое все время там... Такая целая сюжетная линия и я в ней участвую и как режиссер, и как постановщик, как человек, которому все это должны показывать как бы передо, как бы должны это все сделать. И я не помню это все... С какой-то рубашкой очень все это взаимосвязано. Я не помню всей этой истории, кроме того, что рубашка, конечно, возникла связанная с этим... Игорем Губерманом, который у меня был в этот вечер, в этот день. У него была такая рубашка... Ну, специально подобранная, как для рабочего, который сантехник. То есть, это такой... он очень в этом смысле, ну как бы сказать... Я сейчас выскажу это все, но здесь вопрос другой. И идет вот этот лифт... Да, и меня вообщем... они должны показать этот, этот, этот... ну как бы эту вот работу. И вот опускается какая-то бадья, лифт какой-то, с двумя... с двумя такими этими, этими, этими.... Ах, как все взаимосвязано... С двумя веревками, какими-то канатами. И они должны вот, говорят:
- Садитесь, Илья Эзравич, и мы вас поднимем.
И я должен подняться. И она шатается и они должны тянуть. И я еще думаю:
- Боже мой! Они же могут вообще еще при их силе... Ну еще Марика, Петю Гулько, ленивый такой, могут поднять их.
Но я все-таки сажусь и они меня как бы подтягивают на этой... на этом лифте куда-то. Но дальше сон где-то улетучился. Но интересные ассоциации – почему вдруг лифт, канаты и все это прочее? Ну Петя Гулько был у меня когда-то в кино внештатным ассистентом. Там он бездельник, никогда, ничего своего не занималлся... до конца ничего не доделывал, недописявал, недоделывал. Это был одесский такой, очень типичный интеллектуал, но который никода конкретно ничего не доводил до конца. Все понимал, по всем вопросам, связанных с поэзией, с литературой, драматургией, он был сведущ. Но никогда опять же все-таки своего ничего... И вот когда я уже был художественным руководителем Студии Киноактера, он был без дела и пришел ко мне и стал как бы так тихонечко... Так он втирался в доверие к Осику Райхельгаузу и к другим. И не числился

никогда конкретно где-то в... там ни ассистентом режиссера, тем более, он ничего там не кончал. Короче, получалось так, что он был так около литературно-театральный человек. Его все любили, понимали. Он, так сказать, считался своим. И его можно было даже считать, что он вот работает как бы в театре или преподает вот в этом училище. Но в действительности, это был... вот так он умел это как-то создавать это впечатление. Но в тоже время к нему относились как-то... он нужный. Вот такой человек нужен возле, около. И вот в данном случае он мне вдруг приснился, что вот он мне должен поднимать, показывать, что они сделали. Марик точно такого же характера, но он был все-таки более конкретен, потому что он был художник от бога. И все-таки рисовал и что-то делал, но только в том случае, как ни странно, когда я его на это толкал. В других случаях это просто был созерцатель чего-то, человек... До сих пор он живет здесь в Чикаго, уже за пятьдесят перевалило. И никаких у него нету, никаких нету вот таких конкретных дел. И вот он, он тоже должен был поднимать этот лифт. Но почему веревки, почему это...? Это тоже...
Вчера я позвонил Нонне и сказал:
- Что перед уходом из Дома Книги обязательно подтяните гири в кукушке, иначе они ее свалят.
Она говорит:
- А как это сделать?
Я говорю:
- Там будут две веревки вот такие или два... две длинные железные... ну, (забыл вдруг, как они там называются)... И вы потяните за одну, но не до конца, чтобы не уходило там кукушке в брюхо. И вторую. И таким образом, они будут подняты и не свалится вниз сама... сами часы.
И вот смотрите, это на сто процентов, что вот такая вот фантазия вдруг выросла вот с этими двумя канатами и выросла... и сделалалось оно совершенно в другую сторону.

***

И потом еще один сон. Киностудия. Но самое интересное, что киностудия, жействие происходит как бы на киностудии. Но я в предбаннике киностудиии в каком-то. И это наш чердак, Джуринский чердак. Почему он? Потому что там эти... ну я... вспомнилось все эти перекладины и устланные соломой, потому что там яблоки папа всегда привозил и полные... И полный чердак был с яблоками и мы туда ходили за яблочками. И вот снится, что в этом... Но там есть какое-то озерцо, такое болото какое-то такое... ну, вода. И я вдруг туда поднимаюсь и там есть какие-то люди.

Но я их так... И я вдруг оказываюсь голый. И слышу, что или перерыв или начинают выходить из киностудийной какой-то там... ну, двери, начинают выходить люди. И я быстро прыгаю в эту воду и она меня... Я как присаживаюсь и она меня перекрывает. И появляется... Да, и появляется, появляются люди и среди них Лариса Удовиченко. Она мне говорит:
- Илья Эзравич! Почему вы в такой... ? А что это? Что это за вода?
А я говорю:
- А это целебная вода. И вот хорошо, и мне это как раз нужно для моих проблем. И вот здесь можно и идут люди, идут там... редактор, женщины и они смотрят и говорят:
- Илья Эзравич! Смотрите...
И там еще из училища, вот эта с училища... завуч и говорит:
- Илья Эзравич! Почему вы здесь это самое... в этой воде купаетесь?
Я говорю:
- Да.
И вот ей я тоже повторяю, что она мне целебна. И я еще начинаю хохмить с Ларисой, с такими... С десяток придумал очень смешных каких-то каламбуров, но ни один не запомнил. И вот такой вот сон. И вот это то, что я голый, это, конечно, уже Фрейдистский вариант, эротический, что меня застают и я должен прятаться и я должен так вот изгиляться.

***

И последний такой сон, что мне запомнился. Я попадаю в такую полутемную... Это уже вечер и это типа чуть ли ни Рига или Вильнюс и Таллинн, где... Я получил недавно оттуда такую посылочку. И вот похоже, как будто это что-то такое не у нас, и не в Чикаго. И там значит такой... светится кафе. И внутри так люди какие-то, девушек много. А я стою возле и смотрю. И там написано: “Вещи”, то есть вывеска и четыре буквы “В” и “Щ”. И я читаю и они как бы так расположены и так... и я думаю:
- Почему “Вещи”?
А там... и я так... А там четыре книги и... как на четырех книгах. И я вот так думаю:
- Может это книжный магазин такой или кафе книжное, магазин?
И появляются вот девушки, типа полячки, может эстонки. И они так щебечут и спрашивают:
- А что вы так смотрите на вывеску?
А я говорю:
- А вот тут написано “Вещи” и вот четыре...
Они говорят:

- Нет, это совсем не вещи.
То есть, там какая-то другая аббревиатура или что-то. И они так хохочут и вызывают еще из комнаты других и говорят:
- Слушай! Вы посмотрите, этот человек... как он сумел расшифровать вот эти вот...
И они так хохочут. Но оценили мое воображение и спрашивают:
- Вы актер? Вы артист?
Именно, как художник имеется ввиду. И вот такая вот дребедень. Ну, ладно.

25-ое августа
Сегодня уже двадцать, двадцать, даже трудно вспомнить, 24-ое или 22-ое, пятница, значит сегодня 25-ое августа, 25-ое августа, понедельник. Ну, сны, как обычно, снились беспрерывно и один я запомнил очень яркий такой сон. Там, значит, ситуация такая. Я стою в окне какого-то... гостиницы, скорей всего. И городок такой, типа вот как мы были в Англии, Сент... Забыл уже как это... Сент-Адамс... Вот такой городок. И брусчатка там... в смысле центральная дорога. Автобусы и ничего там не ходят, никакие автобусы, ничего. А идет какая-то такая типа... Ну, или после церкви, или после какого-то там торжества, люди выходят, идут по улице, такие нарядные. И идут целой такой толпой. И как-то это все по-домашнему. А две женщины, необычайно такие... в каких-то очень таких ярких платьях, такие дамы. Они говорят:
- Вот сейчас... Да, надо поехать поесть бруснику.
И потом эта брусника возникает еще. Я слышу, туда ко мне доносится, идет... Потом пошел какой-то вдруг очень резкий дождь. Но никого это не смущает. И они как-то так спокойно идут под дождем. И все идет разговор о том, что надо поесть бруснику. Потом я вижу какие-то... дети там тоже... ну, как-то так активно участвуют в этом походе и...

****

K03.04

14-ое апреля

14-ое апреля. Значит три сна снилось мне. Первый сон мне снился очень поразительный. Снилось мне примерно такого плана ситуация, что Оля попадает в или концентрационный лагерь или в гетто. Но она бежит по экрану и так бежит... И я думаю:

- Как же ее вырвать оттуда?

А я как бы здесь и как будто на свободе. И я это вижу, как на экране, она бежит обнаженная и бежит и какая-то яма на каком-то лесном пейзаже, она бежит. И я с какой-то силой, не знаю, желаю ее вырвать оттуда. Бегу к экрану и она как бы выскакивает оттуда и я ее подхватываю и обнимаю и думаю:

- Боже мой! Какое счастье, что я ее все-таки оттуда вырвал.

Вот такой вот поразительный сон. Поразительный с точки зрения даже... ну как бы сказать, и фантазии. И я думаю, что здесь немало сыграло то, что я вчера кому-то рассказывал, там кажется американцы были. И он спросил откуда я. И я сказал, что я с Украины. И что-то мы разговорились и потом приходила еще одна женщина, которая была во время эвакуации в Ташкенте. А да, и еще один человек пришел, который... и он приезжал часто в Джурин. И тоже говорили, что и он знает, что я был в гетто. И вот может быть отсюда... Но самое главное, конечно, это то, что у меня засело в голове на всю мою оставшуюся, естественно, жизнь, засели эти кадры. Это даже не кадры, а фотографии, когда ведут... и это в кадрах тоже, когда ведут на расстрел к яме, ведут женщин, которых раздели донага. И они стесняясь, как бы прикрываясь, бегут... И это я... для меня это непростительно миру, непростительно немцам, непростительно всем, кто мог совершить такое преступление перед абсолютно невинными женщинами, которые были и прекрасны и были как... юные и были матерями и все... И я... для меня это не то, что необъяснимо, вырвать это я не могу из моей памяти, из моего сердца. И я считаю, что в данном случае, мир не просто безумен, но он виноват во всем, что случилось. И отсюда, может быть... А Оля еще сегодня настолько прекрасна и в свои пятьдесят три года, выглядит как девочка, девушка. И когда я ее просто вижу обнаженной и я думаю тоже как бы и о красоте и о том, что такая ситуация могла бы быть с нею. У меня бывали такие мысли, что такую женщину тоже могли повести на расстрел. И я... и вот отсюда, может быть, это и возникло. Плюс кино, конечно, и плюс моя работа в кино, моя работа, когда я сотни ночей провел над монтажом фильмов и своих фильмов и видел, как это движется и как это возникает. Но

вот то, что я ее подбираю, как бы спасаю и протягиваю ее руки и она выходит ко мне с экрана... это не ново. И это есть у... у кого там из каких-то фильмов. Но там это, так сказать, хороший прием этот. Тем более у меня там связано с любовью, а здесь это связано с жаждой спасения близкого человека. Вот это такой вот сон.

***

Потом мне снился второй сон, это мне снился с Евтушенко. Интересная такая... что мы в какой-то... живем значит в апартменте. И я лежу рядом с Машей, его женой. И он... и он рядом со мной как бы. Как-то так получилось, что я между ними. И моя... то, что я сплю в такой рубашке, она так как-то подтянута под... Маша лежит как бы на ней. И никаких эротических мыслей здесь нету, а просто такая вот ситуация сложилась, что мы спим в одной постели. И тут же появляется ангелочек, ну просто какой-то... неземное существо, такое милое, такое нежное. И это мальчик и он как бы идет по кровати. А кровать правда она очень длинная, она чуть ли не на всю комнату. И он идет и у него какое-то чувство ну то ли ревности к..., что я лежу или что мама...., что он не с мамой. И он так тянет к ней ручонки и что-то... И я все это... все вижу. И я начинаю как бы... и Женя встал. И я не знаю, куда он как бы отодвинулся или ушел на другой план, как говорится, как бы в кино. И его нету как бы у меня во видении. И я начинаю вытягивать свою вот эту... из под Маши, вытягиваю то есть, свою рубашку и встаю, для того, чтобы ребенок как-то к ней пришел. И она тоже к нему протягивает, тянет руки. И он идет такой... с такой улыбкой, такой чудный, похож на Эрика, когда ему было там годика полтора. И он значит идет к ней и по ее телу и он так падает к ней на грудь, на руки. А Женя и я... Я уже стою возле кровати и Жени стоит спиной ко мне. И он одел костюм уже. Такой очень твидовый такой костюм, он высокий, такой же громадный, как и в жизни. И я... он чего-то вдруг обнаруживает, что у него на костюме... он спиной ко мне, так на пиджаке дыры такие, даже я бы не сказал, что это от моли, а просто он где-то зацепился как бы. И я думаю, что надо сказать, чтобы он зашил их, потому что на вечере это может быть будет видно. Такая вот идет...

Да, в чем тут вообще...? Откуда вот этот сон? Первое – вчера мне звонил Евтушенко и сообщил, когда он приезжает, что он очень рад и разные там детали и все... И я ему тоже говорю, что все как бы, мол, в порядке, что мы готовимся и все... И появляется, появляется такая мысль... А, да... и когда прощались, я говорю:

- Ну, целую детей, Машу, привет им.

Он говорит:

- Я тебя целую, обнимаю... –

А я ему:
– Обнимаю, целую – как бы в ответ.
- Оле – и я ему в ответ как бы, такой вот привет передал.
Я не видел детей его таких, они уже взрослые, большие ребята. У него двое сыновей. Но я... которые с Машей живут в Далласе. Но я почему-то так большими их себе не представляю. Я как-то видел их на фотографиях раньше маленькими. Но а Маше, оказывается, недавно было только сорок лет. И вот, вот это состояние, может быть... И она может в чем-то и похожа на Олю... они очень такие там яркие и тело такое у нее крепкое для ее возраста. Хотя Оля старше ее на четырнадцать – пятнадцать лет где-то, Маши. Но в какой-то мере они... Оля выглядит точно такой же, как и она. И вот это, вот эта ассоциация, что она... у нее волосы такие, что в чем-то она похожа на Олю. Могу сказать, что я лежу рядом и Эрик, и вот этот сын... Но это я не видел в нем Эрика, как сына ее и Евтушенко, который вот тянется к ней и идет, бежит по этой вот кровати, это вполне могло быть. Никакой эротики и никакого, так сказать, подсознания и желания у меня не было и не может быть. Вот поэтому... не то, что не может быть, просто не было. Я к женам моих друзей или что, у меня никогда не возникнет даже в подсознании, какие-то там желания их иметь там. Поэтому здесь это чисто какое-то такое... не знаю, какая-то игра воображения, даже не игра, а скорее какой-то момент, какой-то факт, связанный конкретно вот с событиями разговоров и... А, вот еще, что здесь точно, отсюда может вообще весь этот... вся эта... Я когда-то предполагал, что они приедут вместе к нам на этот самый... сюда. Но я предполагал, а потом я подумал:
- Где же они будут спать?
Естественно, что или надо будет им отдать те обе кровати. Но сейчас там вместо кроватей стоит станок этого Чейна. И я подумал:
- Что поместятся ли они у нас на моей кровати, где я сейчас вот отдыхаю. Она длинная, большая, но не настолько, что может два человека... Когда-то мы с Олей часто мы там отдыхали. И поэтому я подумал:
- Что где же они будут спать?
Вот. И это самая длинная кровать, которая у нас тут есть. И вот я подумал:
- Где же они будут спать?
То есть, если они будут спать в этой кровати, поместятся ли они или нет? И вот такая была... и вот отсюда могло и возникнуть и вот, мог возникнуть и вот этот сон. А то, что я просил ее там поцеловать детей, возможно вот такая вот ассоциация возникла с этим.

***

Третий сон, который был у меня, который там было больше... и который я запомнил... Но потом, мне кажется, что потом очень мне снилось совершенно уникальное, но я сейчас не могу вспомнить. Это мне снился сон, что я... я в Одессе где-то и на... иду с Бухаровой Наташей. И какие-то у нас очень странные такие... даже такие отношения типа, что она меня так обнимает и я как бы тоже так очень... Не помню даже во сне, что я почему-то сопротивляюсь этому, потому что вот она уж не вызывала у меня никаких каких-то там... не то что эротических, а вообще каких-то там... Она была не то, что уродливая... В ней как раз какая-то карма была. Она похоже была... типа на эту самую там... на Чурикову, вот такого плана. И действительно, почти такого же плана. Но у нее было там двое или трое мужей и потом она нашла Витю Салтыкова, который оказался может быть самым таким... И они уехали куда-то в лес жить и все прочее. То есть, она была оригинал, конечно, большой. И но так как она была моя подчиненная, которая была, как бы сказать, ассистентом у меня и я... не использовал ее в этом смысле, никаких, так сказать, моих половых... мое положение. Но как говорится, о поцелуях, там вообще не могло быть и речи. Но вот так она как-то ластится ко мне там и все. А потом... потом мы встречаем Бориса Соловьева, моего близкого друга и они вдруг как бы потянулись друг к другу. И страстные поцелуи и все прочее... И я подумал:
- Вот и хорошо! Для меня это даже лучше, что вот такая вот ситуация с ними.
Хотя там был сон, конечно, намного ярче, ярче и интереснее, чем то, что осталось у меня сейчас в памяти.

***

Сегодня Джурин, Джурин, Джурин. И там снится мне такой сон. Я подымаюсь со стороны речки, иду наверх так к нашему как бы дому и к центру местечка. И прохожу мимо стадиона, груши и огородов, сапожника Павла. И иду вверх, там где-то когда был колхозный такой... Ну, там лошади что-то были и загон такой. Но кроме того, там была очень такая... круг... большая такая кладка из кирпича. И она была со стороны... вот когда с речки... со стороны выходили, там было видно какое-то большое, большое здание. И потом оно все заросло бурьяном. Но я поднимаюсь и смотрю, что все расчищено там, необычайно все как-то аккуратно... сделано. Какие-то дорожки и там скульптура даже где-то видится. И все это расчищено и прииведено в какой-то очень большой порядок. Я думаю:

- Ты посмотри, как Джурин расстроился как, и как это стало очень как-то

по-современному и по-городскому, самое главное.
И я иду и попадаю сразу в дом к человеку, которого я так помню хорошо, но я даже сейчас забыл... По-моему его фамилия была Петербуржский. Вот там вот в Джурине такая вот фамилия. И вот этот Петербуржский старик, он имел двух сыновей. Один сын был красавец, ну, действительно такой киношный. Для меня он тогда был тоже... и он был двухметроворостый. И носил усики такие и был похож типа на Фербенкса, такого актера, голливудского. И он был громадный и по-моему еще и фикса была. Тогда это считалось очень, очень модным и красивым. И вот его история такова, что я не могу ее не рассказать. Он был холост, он был беден, но он был красив, высок и здоров. И вот к нам в Джурин прислали заведующую Райздравотделом, то есть, она заведовала всем медицинским хозяйством района. И поселили ее в очень хорошем, добротном таком доме, который принадлежал больнице. Обычно там должен был жить главврач больницы. И вот так, как этот дом был большой, я не знаю, там половину ей отдали... Она была уродливая как там, не знаю, кто. У нее были громадные какие-то бородавки, прыщи. Но она тоже была очень высокого роста, очень властная и сильная баба. И вот кто-то догадался, не знаю какой Шавкин, додумался до того, чтобы поженить вот эту громадную пару. Для него это, конечно, своего рода такой мезальянс с ее стороны. Но с другой стороны, он сразу становился, как бы сказать, обладатель там хорошего дома и такой богатой жены, властной и имеющей власть в этом районе. И он согласился, на этот компромисс согласился. Я не знаю, насколько он был вообще бабник или нет, но в данном случае, это состоялось, как говорится, это сватовство, эта свадьба и он перешел к ней жить. История эта закончилась по-моему довольно банально – он, конечно, видно не выдержал ее власти и уродства и все прочее и по-моему они как-то разошлись. Да, так вот я попадаю в дом к этому человеку. И он стоит как-то так в доме... и вот когда он меня увидел, говорит:
- Люсик!
И как-то я так к нему... просто обнял его и приник к нему. А когда я проходил мимо этого Джуринского... к этому дому, хотя я туда сразу попал, но потом почему-то я видел как бы... или мне показалось, афишу, на которой: “Сегодня, там вечером, состоится какой-то там, не знаю, там концерт или что...”. И я говорю ему:
- Слушай...
Он говорит:
- Мы слышали, ты там такой стал известный и я хотел...

Да и я говорю:
- Ты знаешь, я сегодня могу выступить у вас в Джурине, мне будет приятно, чтобы мои односельчане в местечке, и которые меня все помнят и знают, чтобы они послушали мои рассказы и мое выступление.
Он говорит:
- Прекрасно! Давай подумаем, как это сделать.
Я говорю:
- Я могу после того концерта, я могу полностью еще продолжить еще на час, на полтора, на сколько вы это считаете возможным.
Но вдруг я схватился, что у меня ведь то нету ни одной книжки с собой, ни одной бумажки. Но что-то я могу рассказать, но читать наизусть рассказы, которые я наизусть не знаю, а только все-таки читаю по книге. Это было бы невозможно. И я так растерялся и говорю:
- Слушай, а может быть у кого-то, мне кажется я кому-то посылал или подарил здесь мои книжки. Кажется, Авербуху. Может у них...
Но вообщем, короче, это очень... вдруг вся вот эта радость, она как бы поникла и я растерялся и не знаю, что делать.
И меня сон спасает и переносит в новую, так сказать, в новую как бы... новое место.
Я с Костей иду в Джурине... как бы тоже должен попасть в Джурин... Но вдруг я вспоминаю, что у меня два чемодана, которые со мной были, они на каком-то вокзале остались. А тут два вокзала в этом городе, где мы сейчас находимся. И мы идем по стерне, там очень интересно. Я вижу, что там к этому привокзальному... такое, как бы сказать, помещение вокзальное. И к нему можно идти где-то видно через другую дорогу, но там проложена... по стерне... Именно там работают даже как бы женщины, как в старое время, снопами орудуют в поле этом. И там рожь такая высокая. И они... но там проложены две стерни. Одна как бы... проход, который можно идти со стороны вокзала, а другая – к вокзалу. И вот мы идем по этой стерне... она такая рыжая и светлая, мы должны там добраться до этого вокзала. Но я еще не уверен или там находится этот... мои чемоданы и там мои книжки, и там мой фотоаппарат, и там вообщем, все – все мои принадлежности моих снов, находятся там. И я должен это получить с собой. И в это время, мы проходим мимо одного... и уже попадаем прямо в Джурин. И проходим мимо домика подруги или знакомой, мамы. И она... да, и там написан номер “3”. Какая-то калитка такая. И она вся разрисована в цветах, цветочная такая калитка и номер “3”. Мы открываем ее и я вхожу, мы входим в этот, как бы сказать, в этот что ли... ну, перед дверью вот стоим. И выходит женщина. Она еще настолько яркая и настолько красивая. Это как бы мамина подруга, она как-то чуть ли не цыганского такого типа. И все в

зачес, все в начес как бы причесанно... Прическа такая, зачесанные такие волосы, так красиво и все... И она, вот когда она меня увидела... и я так к ней потянулся. И она меня.... так приложила голову к себе и говорит:
- Что мама умирает...
Вот эта ошибка “умирает” у меня в голове сразу... Я же знаю, что она умерла и это было уже давно. И вот она сказала именно “умирает”... И я так... и меня это так проняло. И я так реву у нее на груди. И она так меня гладит по плечу и держит. И вот это вот такой неожиданный... такое разрешение этого сна. Хотя потом что-то еще было. Но в данном случае, вот эти два сна... я это ярко запомнил.

***

Да, снился мне позавчера еще такой вот сон, очень любопытный. Я в Джурине еду на машине. И машина это не моя, а Танина и Лёнина. И как-то так вдруг я не могу остановить ее и нажимаю на тормоз и она как бы не останавливается. И я так с горки я подъезжаю к речке. И да... и я все-таки так пока... И когда я приблизился к мосту, она стала как-то меньше двигаться... И все равно я не могу ее... Цепляюсь за какое-то... или за перила моста или что-то это чего-то... И естественно, что она... Но это так мучительно и я не могу никак совладать с этим тормозом. И потом появляется Таня. И она идет по шоссе вот этому и Леня где-то рядом как бы. И она его вычитывает:
- Ведь я тебе говорила, зачем ты отдавал машину? Зачем ты давал машину? Ты видишь, что случилось?
А он как-то так... как бы отсутствует что ли. А я думаю тоже:
- Как все это нехорошо.
Но сон был очень такой длинный и какой-то очень тревожный с этим вот... с этой... с этим тормозом, с этой машиной. Но здесь взаимосвязь есть, а почему именно Таня, я даже не знаю. Но то, что я все время думаю о том, что может быть случайность, может быть, этот тормоз может отказать. И вот этот момент, когда ты вдруг, даже не подозревая ничего, вдруг слышишь скрежет этого металла и или ты об тебя или ты об кого-то, то есть, он тут присутствует. Я всегда понимаю, что такое может быть. И поэтому я стараюсь ездить очень аккуратно. Но то, что это в Джурине, это тоже очень странно, учитывая, что машины не было у меня в Джурине. Но я с Леней в Джурин ездил. И нас привезли там, по дороге подхватили на машине. Но это было зимой притом. А вот Таня почему? Ее машина? Может быть потому, что она как-то может быть еще более осторожна, чем Оля. И когда шел разговор о том, на чьей машине поехать, я мысленно

подумал, что лучше бы Таня согласилась поехать с нею. Они должны были там поехать в Эванстон, поехать смотреть какой-то дом. И я подумал, что лучше бы поехала бы с ней Оля, а не Таня. Может быть отсюда вот и родилась вот история с машиной. И... но она так перебросилась в Джурин. Но это тоже видимо естественно. Вот такое вот.

***

Сегодня мне снилось... совершенно другой сон. Тоже из серии моих снов, но он абсолютно, абсолютно вдруг в других интонациях как бы. Я нахожусь... идет какой-то вечер. И на сцене очень такой импозантный и известный что ли... я даже не знаю, кто там на сцене, но очень самоуверенный то ли певец, оратор, поэт. И он как-то... ему цветы там приподнесли. И вот он эти цветы как-то так небрежно... так перебрасывает не то, что кому-то, как вручает, а перебросил очень резко какому-то... чуть ли не в лицо женщине, где-то сидящей в зале. И я в это время появляются на сцене тоже с букетом цветов. Но я не дарю ему их, не вручаю так, как это положено, а тоже издали бросаю ему. И амплитуда такая... так синусоидная называется. И прямо попадают ему тоже в лицо и на шею как бы, этот букет. Он страшно возмущен. И вдруг оказывается, что там целая группа людей, которые его охраняют, это его приспешники или что, они тут же выбегают и меня как бы хватают... меня что ли. И я успеваю увильнуть или как-то убежать. И я начинаю стремительно уходить по каким-то переулкам, по каким-то ужасно грозным улицам, которые враждебны и за мной бегут. Но это именно такая шпана, именно такая фашиствующая шпана, которая вот – вот должна меня поймать. И я вдруг оказываюсь как-то припертый в какой-то момент в каком-то помещении, не то в доме. И подбегаю и я... и я единственное, что я вдруг думаю, что я вот может может быть, при мне были мои книжки, книжечки. И я им показываю и говорю:
- Что я вот ведь тоже поэт, писатель.
И какое-то имеет это на них воздействие. Но это такой очень старый сон, который повторяется у меня десятки и десятки раз в разных совершенно вариантах. Но здесь это длилось очень долго, это долго. Это не так, как это было в рассказе моего сна. А так эти преследования, эти сомнения, это они беспрерывно преследовали меня в этом сне. И я... как и мне... но так не и знаю как... как бы я проснулся и даже не знаю и как он закончился. Вот такой сон.

***

Потом там снился.... А вот потом снился там сон в Джурине, снился сон. Это тоже так... такой показательный сон. Я иду по улочке, которая ведет к школе. И там обычно мы старались сбить орех. Там было... очень большой, такой широкий пустой орех. А дальше шли большие, прекрасные плодоносные яблони. Самые такие, самые плодоносные и очень плодоносные яблоки. И я вот иду по этой самой... перескакиваю через эту оградку. Но это была такая каменная ограда и я на нее как бы взбираюсь и иду к этому... к школе, где в том понимании для меня, жена директора – красавица, которая была русская женщина. И она была настолько для нас соблазнительна и красива, потому что она красилась. Она была блондинка, так сказать, крашенная и с синими глазами. И это для нас в какой-то мере и для меня и для многих это считалось ... ну, просто олицетворением русской красоты. И вот на этот самый момент, когда я иду туда и я как бы ее там вижу, она что-то там с бельем возится или что... И я срываю два очень больших яблока и запихиваю их в оба кармана моего костюма, там... пиджака. А я в хорошем таком костюме, то есть, это американский костюм на мне. И я иду... но я смотрю на эти... на этих карманы... отпирают. И я когда приближаюсь к этой Жуковой Валентине Ивановне... и она как бы замечает и смотрит на мои вздувшиеся карманы. И я вот очень, конечно, смущен и в тоже время, конечно, как бы ни было, но я так украл эти яблоки. Вот. И вот интересно, что... с чем это связано? Мне даже так трудно сказать, потому что я... есть только один такой... Ну Джурин, эта Валентина Ивановна – это для меня очень старый сон и этот сад мой... Но краденные яблоки... подумал... И как это так случилось – здесь может только вызвать один очень интересный момент. Мне попалась книга Евтушенко “Краденные яблоки”, так она называлась. И я как-то так... мне казалось, что я его когда-то читал, но так и не мог вспомнить, что же там за сюжет? И название красивое такое, а вот сюжет я не мог вспомнить. И я вообще к прозе его отношусь довольно хладнокровно, бывают просто какие-то неудачные... особеннно в жанре рассказа. Может в публицистике, он более силен. А в жанре короткого рассказа... Это даже не короткие рассказы, они всегда у него длинные и всегда очень долго развиваются. И там не дочиваются. Так я подумал:

- Ну, я там просмотрю, он скоро должен приехать и надо посмотреть это просто для...

А оказывается, что название “Краденные яблоки” было дано общее для всего сборника его стихов, а Лев Анненский написал просто предисловие.

Может поэтому, так сказать, использовал этот... и он посоветовал или что... И получились “Краденные яблоки”, которые у самого рассказа... но там нету. А может быть, это был все-таки не рассказ, а стихотворение я не смотрел. Может быть там есть. Вот отсюда могло и родиться... вот эти краденные яблоки, два яблока с этой... оттопыривающиеся карманы. Вот такие вот пироги.

***

Вчера дочитал рассказ “Ента” этого самого Башевиса Зингера. Но это не самый, в данном случае, в моем понимании, удачный рассказ. Очень длинный, но однообразный, частые повторы и мысли там Авигдора и этой Енты. И поэтому... хотя так закручено, оно могло бы быть и как-то по его возможностям, это могло быть намного интереснее. Закручен рассказ довольно любопытно. Но в нем нету движения какого-то такого захватывающего, я бы сказал, вот так. Хотя, мне все нравится, все, что он пишет и как пишет.

***

Совершенно, я бы сказал, дурацкий, но даже не дурацкий, а какой-то такой даже фантастический и цветастый сон, именно в красках. Снится мне, что я стою возле дома Сказенецкого. Тоже очень любопытно, что он часто повторяется во сне. И я не знаю, с чем это связано. Я бывал там в этом доме. Но там правда жил, в этом же доме жил Нейчик .... который жил когда-то во время войны в гетто, жил вместе с нами. Но вот снится мне, что я в этом доме, а он совершенно не похож на тот, который был в действительности. И в каком-то, как бы сказать, таком фойе перед домом, то ли перед входом в дом и такое светлое, выкрашенное светлое такое фойе. И я выхожу... и там... туда выходят... группа женщин, в которой я ожидаю, что должна быть и мама, которую я должен куда-то отвезти. Но они все шумные такие. И я вдруг как бы начинаю рассматривать лица, которые так в крупных планах, как в кино. И среди них сидит Таль и еще какая-то актриса еврейская, которая так очень радостно со мной как бы здоровается, как будто я так давно ее знаю. И такая толстая и в шляпке какой-то. Но мамы среди них нет. И в тоже время я говорю:
- Ну, что ж, я вас отвезу, я помогу вам.
И в это время подъезжает на олене или на санях, я даже... Мне трудно это все сразу вспомнить, подъезжает какой-то типа... на санях как будто... И он говорит:
- Ну давайте, я их заберу.

И... но, все это вдруг, все это вдруг как бы... Мы переметнулись вместе с этими санями и с этим человеком, он как бы возлежал на Красной площади. И он... и Красная площадь совершенно свободная и внутри как бы разбиты... какой-то... ну что ли... что-то разбито, какая-то клумба. И он вокруг этой клумбы мчится на страшной скорости и резко останавливается по центру. И я подбегаю к нему. И он лежит, он не сидит в этих самых санях, в этих саночках, а лежит. Или на собаках, или на оленях, я так и не увидел это. И я смотрю – это старый еврей такой, весь разукрашенный. И все это в цвете, в маске такой, чуть ли не какой-то там индийской, индийской маске. И он разукрашен так. И я так, с такой радостью наблюдаю, что вот такой еврей, такой страстный, темпераментный. И вот он привез все это действие к Кремлю.
Откуда ноги растут? Вот любопытно, что все здесь можно проследить и оправдать. Первое – первое это то, что я недавно прочел о Сиге Таль такие воспоминания. И таким образом, у меня это как-то засело в голове. Эта еврейская актриса, все это... Я еще недавно смотрел книжку “Евреи на русской сцене”, вот такого типа. Оно могло где-то связаться и вот так... вот вдруг таким образом...
Да, еще вчера мне позвонил человек, который сказал, что вышла книжка о Зускине, в... “Путешествие Вениамина”. И я подумал:
- Прекрасное название!
Это дочь написала, в связи с тем, что он играл в “Путешествие Вениамина” по пьесе, по пьесе, по роману Сорема и я... И как-то тоже оно засело в голове. Но самое главное, я думаю, что почему вдруг вот этот... на оленях, на собаках, вот приехал вот этот человек, это то, что я на днях смотрел фильм “Бени Гур”, вот кусок вот этот, известные такие скачки, гонки на лошадях, которые можно назвать, я забыл... ну, в римском, в римском цирке. И там по центру стоит вот такая вот колонна, а вот это такое... Кремлевская площадь, где по центру там был, сейчас разбит какой-то... клумба какая-то. И вот этот вот мой извозчик мчался вокруг и резко остановился, как и Бен Гур... Вот там четверка лошадей, а здесь может и четверка была собак или оленей, я как-то так, почему-то это не... промелькнуло мимо. А может вообще не было, а было какая-то как... я не знаю как... как автомобильные какие-то сани возможно. И вот отсюда вот этот вот сон как бы цветасто, красочно, ну в смысле, цветной был. И это все очень все ярко – одежда, лошади и все это было очень.... И вот этот лежащий, возлежащий на санях человек, как разукрашенная маска на нем была, как у индейца – вот это все могло вот так вот вдруг, как говорится, вылиться вот в такой вот необычный, совершенно необычный сон. А

здание, а это самое... там, ну как бы сказать, несчастный, маленький, обычно с низкими потолками, домик Сказенецкого, превратился вдруг вот в это фойе где-то... Это в связи с тем, что мы вчера поехали смотреть один дом, в котором вот мы увидели вот такой парадный подъезд. Очень высокий с колоннами, такой в светлом... Вот отсюда могла и родиться вот эта... вот этот архитектурный такой и, как бы сказать, сон. Вот, вот такой вот сон.

22-ое апреля

А вот сегодня 22-ое апреля, день рождения Ленина. Да, так сказать, что-то я и там не... Хотя мне приходилось в какие-то... даже вспоминаю, что я там, на каком-то... это было столетие Ленина, это значит было в восьмидесятом... Столетие Ленина было в семидесятом году. И я делал, большой был... делал в филармонии, был режиссером этого вечера, где Зоя Григорьевна так улыбнулась и сказала, что обком поручает нам, это такая большая честь для нашего училища. И вот партийная там организация, они продумали там и решили, что такой вот... что режиссером вот этого представления был я. Это было в семидесятом году и я, конечно был счастлив и горд. Но это было сейчас, конечно, иронически, но с другой стороны, что-то в этом и было. Я еще тогда полностью не освободился от всех своих иллюзий и чувств и прочее. Поэтому я это сделал довольно неплохо и с хором, и с оркестром, и все это было продумано. И все это требовалось, чтобы все это было в какие-то считанные доли секунды. Считал оркестр, считал хор, как бы детский и там появлялись и актеры, и танцевальные ансамбли. И все это связано было с очень таким важным филармоническим... А филармония была очень не приспособлена к этому. Но я настраивался, как будто я этим... должен был быть горд. Вот такие воспоминания моих... вклада в дела и Ленина.

****

Что ж, что ж, что ж, что ж? Вчера меня Чейн хорошенько, Чейн хорошенько отдубасил, подубасил полностью и проколол так, что я еле – еле ворочаюсь всеми частями тела. Но я думаю, что это даст наилучший результат. Вот такие пироги, вот такие пироги.

Что-то я там прочел? Вчера о Максаковой, актрисе из театра им. Вахтангова. Ну что ж, такая штучка своенравная, военная. А самые интересные детали о Марии Петровне Максаковой и с еврейским человеком там и в Австрии и где-то потом кончилось все благоприятно и прочее – это для меня интересно, интересные детали, так сказать, интересное опять же...

интересные детали советской действительности. Она была признана лауреатом Сталинской премии, известной певицей. Но ее тоже турнули, когда надо, когда она себе позволила больше, хотя она довольно так ничего себе не позволяла, там боялась, дрожала. А вот так, такая вот деталь довольно важная.
Ну что ж, пока.

27-ое апреля
27-ое апреля. Много снилось. До этого что-то было не до записей. Иногда начинаешь сомневаться, кто ж это все расшифрует и кто это все опубликует. Значит тут мысль, ситуация и повторяющаяся, но совершенно в новых таких вариантах. Первое – я нахожусь на каком-то книжном развале. И там нахожу... ну, вообщем, короче, там продают какие-то там очень редкие документы, типа вот таком... И продает их человек, который был мой сокурсник в институте, такой член партии был студентом, то есть, вот будущий функционер, который фактически, не знаю, пошел по этому пути. О таланте – там и речи не могло быть. Просто вот такая комсомольская мразь. И вот он продает вот эти... Но что же там? Там очень красиво оформленные такие типа и грамоты, типа грамот, вот такого характера, но все это с печатями какими-то. Но все это выписки на ордеры на арест. И я думаю:
- Надо было бы парочку себе купить.
И я начинаю так просматривать, но что-то меня смущает и я почему-то их не покупаю. И именно потому, что это он. Но я как-то это не беру.

****

Потом перебрасывает меня в общежитие, это уже старый сон повторяющийся, абсолютно, думаю, не обоснованный, хотя здесь можно найти какие-то мои... в моей ситуации нынешней, что я опять попадаю в общежитие и все эти самые... уже какие-то заняты места. И только есть одна какая-то комната. Она вся после строительства и она какая-то холодная и мрачная и в тоже время, это единственная пустая. А потом там я так прохожу по коридору и заглядываю... И вижу там очень много девушек, которые живут в этом общежитии и мелькает где-то мысль:
- В принципе, а чего я все-таки должен думать о том, что мне будет холодно, если можно было бы где-то при... прилюбиться к какой-нибудь девице и там вместе в тепле и в неге поспать.
И вдруг, я все-таки вспоминаю, что это могло быть тогда, в моем... в моей юности, а сейчас, когда я уже в таком возрасте, вряд ли я смогу это, так

сказать, так легко... и зачем я им нужен? То есть, это такая двойственность сегодняшнего дня и прошлого, вдруг проявилась вот в этом маленьклм эпизоде. И я так и не знаю, как я окажусь вот в этом общежитии и есть ли у меня право на это еще и не выгонят ли меня даже из комнаты, за которую я, как бы для себя, занял.

***

А потом перебрасывается сон в Одессу, где я собираю библиотеку, потому что квартиру мы должны сдать. И я вынимаю все мои... то что книжки мне нужны. Но там еще осталось очень много и мебели осталось. И там должен быть Костя и папа, кажется. И я... это самое... думаю:
- Успеют ли они там помочь и забрать это?
И вот я прихожу еще раз, как бы во второй раз туда, а там уже занято. И лежит одна женщина, уже лежит на какой-то своей привезенной мебели. И девушка и бабушка какая-то. И я сразу спрашиваю:
- А вы что забрали, вы уже получили эту квартиру, уже вселились?
Они говорят:
- Да.
- А у вас что есть ордер?
Но они как-то промолчали. И я тогда спрашиваю:
- Вообще, конечно, это хорошо, потому что если бы мы уже сегодня вышли, то другой может занять, что хорошо, что вы это уже заняли.
И я смотрю на мебель и она очень такая старинная какая-то. И она говорит:
- Это наша мебель, которую мы с собой привезли – они говорят.
А я говорю:
- А где же книги, которые мы там оставили?
Она говорит:
- Не знаю.
И я начинаю там ходить и не вижу этих книг и думаю:
- Вот-те на! Мы прозевали, а теперь концы не найдешь и никакой, так сказать, правды уже не сыщешь.
И весь этот сон длился с очень прерывистыми... и где-то в подсознании, что я знаю, что это сон. И в тоже время, мне хотелось забрать эти книжки, все не оставлять там и каким-то образом, все их переправить, чтобы они не пропали. Но вот в этом-то и заключалось вот эта, как бы сказать, ситуация. Если комментировать начало сна вот в отношении этого... я вдруг забыл, как его звали. Его фамилия была Ноский, кажется. Вот такой польско-украинский парень, не Корецкий, а еще один был Володя тоже по-моему его звали. Но явно это был гнусный парень, необычайно гнусный,

комсомольский, такой затаенный, кгбэшный даже скорее, мальчик такой. Может даже потом он попал в эти органы и прочее. И вот именно он продавал. И я его так всегда воспринимал, поэтому во сне это вылилось в продажу и очень красиво выписанных ордеров на арест. Вот такой вот сон. А в отношении квартиры, вот этих всех общежитий и все... Это в связи с тем, что должен приехать Евтушенко ко мне. И я думал о том, что нам надо... что мне надо будет перейти в другую комнату. Может это вот, так сказать, такой, подсознательный такой был посыл, что вот предстоит вот такая вот... переселение, как бы. Может быть... А потеря квартиры и это все – это может быть в связи с тем, что Оля сейчас все-таки ищет какой-то... property и дом... И все для того, чтобы может мы переселились, а этот продать. Так что, в какой-то мере, может и это оправдывает, хотя эти сны мне снились намного раньше даже. Это сон эмигрантский, нашего ухода, нашего... наших потерь, нашего безправия и прочее.

28-ое апреля

Сегодня 28-ое апреля, день рождения Оли. Я ей написал стихи. А потом я еще заснул, почитал где-то ночью, а потом заснул и снились мне сны довольно длинные, но запомнился такой сон.

Зима. И я почему-то нахожусь возле какого-то двора, очень шумного, где много прохожих. И там находится колодец, такой воды чистой, то есть, родник. И он как бы снегом так покрытый и дом вокруг. Но есть там колонка, куда можно засунуть ведро и вынуть воду. И вот, я почему-то там стою возле этой колонки. И у меня чистые носки и я решил помыть ноги. И я почему-то... и туфли у меня с собой, рядом. И я не боюсь никакого... И я тихонечко... и я опускаю одну ногу и одеваю на нее носок и тут же в этот самый... ботинок, вторую ногу – и в ботинок. И мне так хорошо и тепло. И я думаю:

- Вот, вот так надо закаляться.

И потом я спускаюсь вот так как-то с горочки и вдруг у меня... а там женщина тоже находится. Такая, с очень... аппетитная. И она как-то смотрит на меня...

****

K03.03

***

Снится мне, что мы сидим с одним режиссером, моим знакомым, но я не могу вспромнить кто это. Ну, типа Виктюка, что-то такое. И мы сидим в зале, где находится какая-то группа людей, которая пришла что ли на лекцию, на просмотр, на репетицию, мне сейчас трудно сказать. И я как-то... значит с ним, он сидит за столиком и я где-то рядом с ним. Но самое интересное, что я одет в какое-то платье и у меня голые ноги. И это платье так... ниже колен и своего рода такая сорочка, ну похожая так может быть на тунику, но сорочка, самая настоящая. И даже чуть ли не какое-то жабо там. И ... но меня это не смущает почему-то и я так чувствую себя нормально. И вот подходит мой черед сделать какие-то там замечания или рассказ и я очень... Это вообще поразительно так во сне... вот так вот я очень взвешивал каждое слово, а я взял микрофон. И я говорил о древнегреческой трагедии, о древнегреческом театре. И это так классно и никаких... то есть, это другой ход мышления, другой ход, непохожий на меня в жизни. Потому что в жизни я могу интуитивно, если не знаю о чем, так сказать, сразу и подыскивать как-то какие-то слова. Но у меня немедленно как бы образуются... А тут я очень спокойно и взвешенно, медленно, продуманно рассказываю о древнегреческом театре. И я так чувствую, что меня слушают и как бы даже этот самый... типа “аля Виктюк” смотрит на меня с таким:
- Вот, как ты тут здорово и складно рассказываешь.
И вот я закончил и мы как-то так встали и отошли там вглубь зала. И он так смотрит на меня и говорит:
- Что у тебя за платье такое?
И я говорю... и я тоже как-то так вдруг подумал, что оно теперь... что это действительно как-то так не очень... даже и разумно... Вот мужчина и вот в таком вот ... не туники.... Но это типа туники, но в тоже время, это не туника. Это и понятно даже, может быть, в древнегреческом театре, я должен был бы одеть тунику. Но здесь другая... ноги растут совсем из другого места. Я, когда Чейн начал мне делать акупунктуру и прочее, я искал какую-то легкую одежду такую и нашел... Розалии Моисеевны штапельную такую сорочку. Длинную, широкую, на нее... Она была такая крупная, в смысле такая толстая. И я как бы в ней себя чувствовал очень хорошо. И я даже... И я вот к нему ложился и я себя чувствовал вот в этой

сорочке... она была даже с какой-то отторочкой... И я себя чувствовал и смешно и комфортно. И вот отсюда может быть она и родилась.

***

Потом вдруг какие-то тоже... мой знакомый, я не могу вспомнить кто это. Ну очень какое-то такое знакомое лицо... или Володя Довган или кто-то может... это вроде... И мы находимся в каком-то.... может это и в Джурине, но очень большой... большая площадка, похоже это скорее на школьный... там возле церкви, громадная такая площадка. Она, как стадион. И дом, в котором мы где-то там находимся, он, там где школа примерно была, но это дом и мы там... оттуда выходим и говорим о том, что сено надо было бы... Для чего, не знаю... или для коровы, или просто там для... И вот я смотрю, как выложено где-то прямо у забора, выложено очень аккуратно, выложены такие снопы сена свежего и я говорю:
- Вот так вот, нам тоже надо иметь это.
Потом он... подходит какой-то... воз такой, арба такая. И он... и гонит белых лошадей. Великолепные, красивые, белые две лошади, впряжены вот в эту арбу. Он еще добавляет к оглобле, он еще добавляет какую-то громадную палку находит... не палка это, а какую-то такую доску или даже больше... И тоже прикрепляет, то есть, она получается, как громадная... еще больше так удлинило, как танк. Как в танке, какой-то руль. И я стою так далековато от этой повозки. Он садится в эту повозку и начинает стегать этих лошадей. И они с такой скоростью мчатся на меня. И эта доска... если бы я попал под эту доску, то она бы мне свалилась на голову. И я так нагинаюсь и ухожу в сторону, а он кружит по этому кругу. Бедные лошади так мчатся и так ловко они разворачиваются вот как бы по этому стадиону и они делают круги вот это вот... И это очень живописно и это очень так заманчиво, вот так мчаться и ветер в ушах видно и это все... И вот он мчится и я так это самое... И я, ну как бы сказать, завидую даже. И я думаю:
- Вот я бы так не мог видно, не знаю, управлять вот этими лошадьми и так их ловко крутить и ... как мотор.
И я даже подумал:
- Это точно, как если бы ты повернул руль в машине и она плавно и легко поворачивается и делает поворот, делает круги. И в тоже время это было как-то очень живописно и красиво.

3-е марта

Итак, 3-е марта. Что-то я перестал записывать... Время, конечно... Был такой интересный, конечно, сон, но я его где-то потерял... Но тема была такова – я нахожусь где-то... в музыкальной школе что ли или на даче. И там как бы должен быть урок. И в это время... который приходит... к роялю. И как бы это будет, как бы показательный урок нашего пианиста... Блоха. ..... И вдруг этот вертолет, самолет почему-то прилетел и привез... рояль. И я говорю этому человеку, педагогу, который занимается:
- Вы специально подготовили, чтобы привезти вот этот рояль на вертолете... И он несколько раз повторяет, что... его мать, профессор литературы... Какой-то такой сон вот с этим вертолетом, самолетом, который привозит этот... Я не могу вспомнить почему именно, почему именно... Может быть тут что-то... где-то был разговор, но я не помню... что мне привезли рояль на вертолете, почему именно вертолет, мне трудно... Может быть это связано с войной в Ираке, где погибло два вертолета. И я видел их столкновение. И там вынимали такие громадные гробы, что там, конечно, могли бы привезти и рояль. Вот может быть поэтому и этот сон.

25-ое марта
25-ое уже... марта, 25-ое марта. Интересный такой был сон, что я еду в Джурин, еду на... мимо Рахнов или в Рахны, мне трудно сказать, я еду на мотоцикле. Впервые в жизни, я на мотоцикле никогда не ездил, но я об этом как-то в самом сне не думал... и я еду на мотоцикле. И такой мощный мотоцикл. И вдруг я еду по дороге и приезжаю... и проезжаю мимо книжного магазина. Он так стоит чуть – чуть на высоте по дороге. И женщина, которая там работает, его открывает... Это утро. И я думаю:
- Ну, здорово!
Я останавливаю мотоцикл возле магазина и говорю:
- Ну, это просто большая для меня удача, что вы открываете магазин. И я вот сейчас пороюсь и может быть заберу у вас полмагазина.
Она очень рада. И я... вот тут сон прервался. То есть, вот эта радость, наслаждение порыться в книгах в самом сне не произошло.
Но дальше мне снится, что я все-таки попадаю в дом к тете Мане и дяде Куле. И они дома. И я как-то так очень... какое-то ощущение такое у меня от грусти и печали и я так обнимаю и кладу голову на плечо и плачу... Страшный такой плач, что мы... что я остался один и фактически у меня уже никого нет из близких. То есть, ни папы, ни мамы. Мамы и папы, мама раньше умерла и фактически я без родителей. Именно такой плач очень неудержный, неудержный и я так... такой...
А потом, потом мне снится и вдруг все это.... И вот снится мне, что я в каком-то... Я не знаю, где это происходит, может в Чикаго, может даже

скорей всего именно в Чикаго, потому что... там ситуация такая, что я куда-то должен ехать... То ли к Крейтчелерам, то ли я уже у них в доме что ли... Да, да, да... и Оля со мной там. И я почему-то должен куда-то уехать и меня должен подвезти какой-то такой высокий и очень похож на актера, который играл в “Списке Шиндлера”... Вот такой высокий, светлый... И он должен меня отвезти на... в... на мотоцикле. Я где-то что-то бывал, пошел куда-то и понял о том, что я должен обязательно быть, для того, чтобы успеть сесть и он меня отвезет на этом мотоцикле. И вот я прихожу домой и он появляется. И выходит еще какая-то семья, с двумя детьми, садятся... И там коляски как будто нет или есть в этом... Они садятся сзади и там видно какая-то пристройка такая... И дети с ними и еще остается одно место для меня. И я думаю:
- Нет, если я сяду вот в эту... сзади... Во-первых, пальто со мной нет и берета даже нет и я просто простужусь и меня просто продует. И вообще, это опасно ехать на таком мотоцикле.
И я как-то... и этот Шиндлер такой, он как-то так не очень даже:
“Да – да, нет – нет. Это твое дело”.
И тогда я говорю:
- Что я видно не поеду...
И Оля говорит:
- Да, да, это очень правильно и хорошо, что ты не едешь.
И я вижу, как они уехали так вниз куда-то, на... как-то по спуску, как будто в Джурине и это даже... по шоссе, куда-то вниз там вдали. И я остался в этом доме.
Что это за ситуция? Почему вдруг мотоцикл? Во-первых, я никогда не ездил на мотоцикле, я никогда не мечтал о мотоцикле и это меня никогда не привлекало. Но дядя Куля, о котором я рассказал в самом начале, который снится мне в этом сне вместе с тетей Маней, мне... Я недавно о нем рассказывал, я недавно о нем рассказывал... Может быть, оно как-то вдруг отразилось. А дело в том, что он как раз и мчался на мотоцикле, как бешеный из Рахнов в Джурин, когда они переселились там в Джурин, а он оставался там в “Заготзерно”, пьянствовал там, праздничал и все, что возможно там делал, потому что деньги лились там рекой, как и это зерно. И вот в один... выпивать он там мог много. Он был крепок, краснощек и узкоглаз и любопытный... И я его очень любил, дядю Кулю. Щедрый вот такой. И вот он однажды, хорошо выпивший, ехал из Рахнов в Джурин и на всей скорости врезался в дерево и полностью был парализован. А потом эта история, которую я где-то кажется записывал... Я чем мог, хотел помочь ему, я там поехал в город, там как раз... в город Славянск, где я, будучи студентом первого курса или второго даже курса института, но сумел

обаять там заедующую этого курорта, где лечили грязями, лечили именно вот таких, почти обреченных, больных. И вот это... и вот этот сон с этим мотоциклом, два раза, дважды... где я один раз сам водил, один раз его

водит Шиндлер такой, мне вдруг это отразилось.

***

Ну еще пару слов об “Оскаре”. Я обязательно смотрю его, уже двадцать два раза. И когда я бываю... когда уезжаю куда-то и думаю... я всегда смотрю представление “Оскара”. Ни из-за шумихи, ни из-за парадности, ни прочее, там просто бывают очень хорошие фрагменты, сегменты такие, которые для меня, киношника, очень любопытны, интересны. И всегда бывает несколько трогательных моментов, которые меня очень радуют и до слез даже, потому что я вижу другую жизнь и берег дальний, я вижу актеров, которые уже давно – давно уже сошли с экрана. И вдруг их вспоминают, их награждают, они как бы... они в прекрасной форме или даже Кирк Дуглас, даже после инсульта и так почти плохо говорит, все равно это прекрасно, не смотря на то, что Шенон Коннери шепелявит из-за новых вставных зубов – и в этом он прекрасен. А женщины... насколько Джулия... эта Андерс... просто... ей шестьдесят пять лет, она настолько обаятельна и Мерил Стрип и красавица новая, которая играла в этом... в “Чикаго”, хотя рядом со своим облезшим мужем Майклом Дугласом, она просто, как я не знаю, просто совершенство и какое-то там... Но там были и трогательные моменты и просьбы, которые очень так... растерялся настолько, что правда много говорил. Но и это оказалось так сентиментально и приятно. Во всяком случае, награждение за режиссуру “Пианиста” это была для меня.. какой-то кивок в сторону Поланского, который... я не вижу там в фильме что-то такое новое и высокое в режиссуре. Но это хороший, очень хорошо поставленный фильм, хотя там у меня есть большие претензии по отношению к позиции режиссера. Но в данном случае, я думаю, что с точки зрения режиссуры, фильм... даже тоже самое “Чикаго” намного интереснее. И потом этот режиссер необычайно обаятельный, похожий на Гибсона, просто блестящий режиссер. И очень какой-то скромный и обаятельный человек. Даже когда вот какой-то такой вот темперамент в фильме, когда он сам был совершенно какой-то спокойный, лирический и очень интеллигентный. Во всяком случае, и особенно последние сцены, когда пятьдесят девять живущих ныне, но может не все туда попали, не было там Ньюмана, не было Редфорда, да многих актеров, которые получили когда-то, они не приехали. Но те, которые оказались на сцене пятьдесят девять человек, это просто высочайшее чувство гордости, что никто не забыт и ничто не

забыто. С одно стороны трогательно, люди, которые получили там в тридцатых годах еще “Оскара” они живы и прекрасно выглядят или во всяком случае они не обеднели, они совсем не в домах престалых, не в домах для нищих. И вот такая вот история с “Оскаром” и мое к нему отношение.

***

Давно не записывал сны, но такой сон снился мне сегодня, что я иду по Киеву, накрапывает дождь что ли. И я иду в очень таком своем костюме, шерстяном. И рядом Костя и Полина, кажется так, мы идем. И мы должны придти к ним домой. Мое отношение к Полине... мы как бы с ней... как-то не выражается. Но мне как-то это все... с какой-то неохотой, но я иду туда. И вот дождь или что-то такое... прохладновато. И... или они мне дают еще какой-то поверх моего еще... рубашки, какой-то свитер такой, как он назывался когда-то – водолазка. И я его так одел и думаю:
- Ну вот теперь так более чувствительно так для тела, чтобы... теплее.
И вот мы идем и вдоль каких-то таких узких улиц. И вдруг Костя говорит:
- О, идем зайдем сюда. И мы по дороге устроим какие-то такие... что ли...
И мы заходим к его знакомому какому-то, который поставил какой-то странный такой, ну как бы, внизу по лестнице такое... по лестнице заходим, что-то похожее такое... И там нас он угощает какой-то наливкой. Я говорю:
- Что я не пью ничего.
А потом я чувствую, что мне как-то неудобно в этой водолазке. И я каким-то образом снимаю ее и вижу, что там написано “100% нейлон”. И она мне как-то неприятна для шеи. И я думаю:
- У меня же фактически под низом рубашка, почему же я должен, так сказать, таскать этот нейловый свитер, возле моей шеи и потный и все.
Я его стаскиваю и бросаю его где-то там под... свитер. И Костя говорит:
- Вот видишь, у меня на каждом шагу есть какие-то свои друзья, которые вот меня встречают и такие добрые отношения.
И вот такой вот сон. Видимо еще что-то интересное там было, что я его запомнил.

***

Но вчера или позавчера мне снился такой очень любопытный сон в другом варианте, что я приезжаю в Джурин, все-таки это Джурин. И вот там в Доме культуры, я вхожу в громадный зал и он пустой, совершенно, абсолютно пустой. Сцена там и выходит какой-то человек, мне незнакомый, но может быть знакомый из каких-то моих предыдущих знакомств, существовал.

Может быть какой-то такой режиссер, который был в этой самой... не помню, Шварцман или как-то его фамилия была. И он говорит мне:
- Да, а вот здесь, я думаю, мы будем ставить чуть ли не Шекспировскую

какую-то трагедию.
Я думаю:
- Да, круто, круто. Для Джурина это самое вот...
Да, вот такой сон. Что дальше было, я не очень помню. Видно еще было очень много снов.

***

Ну что? За это время какие были события? Чейн просится обратно. И это очень сложная такая ситуация, которую надо как-то разрешить. С одной стороны, я думаю, что это может быть и неплохо и Оля сказала и тоже так считает, что если бы он не делал все эти манипуляции и это для здоровья ее даже лучше и прочее, я так подумал. Но он, конечно, трудно... я сомневаюсь. Есть конфликность, есть какая-то... и в то же время есть какие-то... жесткая, жестокая просто какая-то позиция... И в тоже время какой-то детский каприз и какая-то во мне жалость к нему и... Но по идее, вообще, надо было бы, конечно, не экспериментировать больше с ним. А с другой стороны, это стоит таких сил и желаний вот так разорвать. Так что сегодня, может быть, надо будет решить этот вопрос.
Что еще? Многое я так начитал, многое прочитал. Вчера читал... Ну что ж, конечно, это был человек высоких духовных качеств, но простая и грамотная что ли, поучительная, без напора, для него, так сказать...
Что еще было прочитано за это время? Ну, прочитал несколько рассказов Бавича, да, масса, большая эрудиция и большой, громадный человек. Мне нравится и большой интерес к ранним событиям.... Но с другой стороны, это все ощущается, и мне все это очень грустно и горестно, что у него как-то так, как говорится, очень многое в завязке и очень многое как-то так может оказаться и непредсказуемым, и просто даже драматическим.

30-ое марта

Сначала, я не знаю, хватит ли мне пленочки. Сегодня уже 29 –ое или уже 30-ое марта. Интересная такая ситуация. Мне кажется, что я еду в переполненном каком-то автобусе. И думаю, что я доеду до того места, куда мне надо, в Одессе. Но он почему-то на каком-то пустыре, и это как будто его последняя остановка, сказали. И я оттуда должен выйти. И я так прохожу через этот пустырь, а там вообще какие-то такие большие такие... трава и заросли какие-то. И для того, чтобы пройти через этот пустырь и

выйти на какие-то улицы... ну похоже где-то на Молдаванке или где-то на Буденного. И вот я прохожу мимо этого пустыря, и вдруг ко мне... и на штанины и на пиджак сзади, вдруг что-то прилепилось такое громадное, липучее. И я никак не могу его снять с себя. И я просто в ужасном каком-то таком состоянии. И я начинаю вот... и вижу там какое-то дерево, начинаю к этому дереву и начинаю тереться, впадать, стирать это самое... Вот это где-то черепаха или этого ежа, который так прилепился ко мне. И я его сдернул так ... такое громадное... это упало так в траву...

К03.08.??

***

Мне снился сон с брусникой и мне просто интересно посмотреть в какой-то энциклопедии, связанной... если есть какой-то праздник, на котором люди едят бруснику... и я не знаю... Во всяком случае, у меня мелькнула мысль, стоя в окне гостиницы и наблюдая за этим шествием и какой-то старомодностью, семейственностью. И я даже стоял и думал:
- Боже мой! Какие все-таки были времена вот такого семейного торжества или там родства, сродства.
И все-таки мелькала мысль, что и в тоже время и все привело, несмотря на это, привело к такому разрушительному Холокосту, к такой страшной ненависти, к такой обозленности, к такому безразличию, которое меня до сих пор не может успокоить и никаких опраданий, ничто не может меня заставить забыть это. И я... и вот такие мысли, связанны с тем, что я вот сейчас прочел все-таки “Шошу” Башевиса Зингера и особенно “Пианиста” Шпильмана. И вот я всегда думал об этом, об этой красивой, как говорится, легенде. Какое красивое... красивая жизнь девятнадцатого века, с прекрасными реками, лесами, природой вокруг и человеческими, так сказать, желаниями воспеть природу, любовь и прочее... Ну, то есть, были такие романтические мысли, такие чувства, даже тогда, когда я еще был совсем юношей и не мог разобраться во всем этом. И вот, вот это... вот этот христианский мир, потому что это было, я вот стоял в этой гостинице все-таки, как чужой человек, как не участвующий в этом шествии, в этом празднике каком-то. Но меня это не смущало, я думал, что это традиция и это прекрасно. И в тоже время, сразу подумалось:
- А какие же есть традиции у меня или, так сказать, у еврейского нашего народа, здесь в России?
Безусловно были и у нас традиции. Я вот недавно как-то так прокручивал перед сном Джуринские наши... Джуринский наш быт. И как ни странно, я из всей темноты, из всего ужаса, из бедноты, нищенства, провинциальности выуживал, выуживал необычайно какие-то эпизоды радости, даже счастья. И это меня всегда, вот до сих пор смущает, что я при всем при том, были какие моменты совершенно необычайно для меня, я говорю, не только видно для меня. Все-таки я видел и родителей, видел и окружающих, были и свадьбы... была. И особенно, начиная с весны до осени, когда природа благоприятствовала и одежда, не была таким важным фактором, чтобы не замерзать, не промокать, не... Особенно мы, дети, были отданы только солнцу, речке, лесу и книгам, и собирательствам марок, и собирательствам

значков, и вот все, и вырезанием из “Огонька” произведениям там живописи. Вот это момент, это был какой-то, конечно, самообманом, не то, что самообман был, а система. Мы жили и мы участвовали в ней как бы, соучаствовали. И в данном случае, я вот думаю в этих традициях еврейских... У нас были и естественно и Роша – Шана и Новый год, как бы ни было. И моца у нас была. И старики, которые соблюдали все это. Но уже мы не могли выйти на улицу вот таким маршем, чтобы... А украинцы, которые праздновали там свои... кутю все носили или ходили на вербное воскресение, ходили все... Это все, это было открыто, при всем при том, что их тоже где-то зажимали. Вот такая мысль у меня вызвала вот этот сон, связанный с там... с этой брусникой.

***

Потом мне снился еще один такой параллельный сон. Это уже, что я нахожусь как-то в Джурине. И там какие-то пацаны. Но какая же там была интересная ситуация, я не могу сейчас вспомнить. Единственное, что я знаю, что летел какой-то самолет. И он остановился, сел прямо внизу там... Очень низко летел, очень низко – низко. И прямо сел возле нашего... где-то там в долине или где-то там у нас за речкой, возле речки. И так плавно, красиво приземлился перед речкой прямо. И я говорю мальчикам:
- Смотрите, вот этот самолет прямо сел возле нас.
И вот такая какая-то была... воспоминания моего детства, когда у нас в Джурине кукурузник сел. И это впервые я увидел самолет вблизи и летчика со шлемом каким-то там и все вот такое вот... Это они прилетели, для того чтобы забрать в больницу какого-то больного срочно. И он сел на кукурузник у поля. Мы уже были в школе, когда занимались... Это был сентябрь видно месяц, может быть, октябрь. И все было уже... стерня была только одна, и все было скошено. И мы мчались туда к этому самолету. А по дороге у нас еще... мы... десятки, сотни мышей. Они в эти норки убегали. И были такие мальчишки, которые... когда этот самолет там еще долго стоял, потом когда привезли этого человека. И они выхватывали мышку за хвостик, вставляли ей в попу соломинку и надували, сдували... Это я просто... Ну, это крестьянские дети. Это у еврейских детей я не видел, чтобы они это делали. Они просто, для них это было, может быть, даже не опытом их жизни. И вот они... и эту мышь сдавливали или бросали ее. И это все мне так запомнилось. Это было... мне, может быть, лет десять, одиннадцать, когда вот впервые к нам прилетел самолет вживую. Это был, как говорили, кукурузник. Вот он то и сел на такое там кукурузное поле, которое было уже сжато, в смысле, снято, снят урожай. А хотя, первые

самолеты, которые в моей жизни все-таки были, это был бой немецких бомбардировщиков, которые... которые направлялись там бомбить объекты

какие-то, которые там... заводы, которые были вокруг нас. Там особенно, сахарный завод и точно также разбомбили там сахарный завод в Джурине. И одна из бомб попала и в наш дом. Вот этот бой, хотя мне было там два с чем-то года, я запомнил. Он у меня сидел, сидит до сих пор в ушах. Вот это медленное завывание, с такими какими-то... И страшно угрожащие, тем более, что я уже не раз об этом говорил. Еврейские мамы схватили детей, грудных, маленьких детей на руки и бежали, бежали к... на кладбище еврейское.... И у могил своих близких они прятались, обхватывали эти могилы и выли, и плакали. Ну и это было безусловно великолепным объектом для немецких... я не знаю, правда, летчиков... Но может быть они, так сказать, может это действительно пронесло и они разбомбили только завод. А вот людей, которые там спрятались или бежали к этому кладбищу... как-то их спасло. Вот такие бывают сны, такие бывают ассоциации, которые вызывают вот такой сон.

26-ое августа

Двадцать, видно, шестое августа, 26-ое августа. Любопытный такой сон, такой длинный. И я запомнил только... связан с Мишкой нашим. Интересный просто такой... сочетание, совершенно такое место действия становится каким-то... Значит, как будто это на углу Одесского... вот перед вокзалом, перед площадью. Но все это смещено и очень какая-то... чисто какое-то пространство. Но там значит, виднеется такой... там где уже идет к Привозу близко такая большая, как бы длинная очередь... И даже не очередь, длинная такая... Market Place такой, где люди стоят. Но очень – очень большое количество... но самое главное, что там сзади море плещется. И что как будто это пляжный такой, пляжный такой, пляжное место. И я подхожу... Мишка сидит в машине с одной женщиной. И я подхожу со стороны и там какой-то... До этого было очень много связей, что он должен куда в Лос-Анжелес лететь или что... И я это как бы звоню кому-то и что-то... Но в данном случае, с этой женщиной любопытен такой... Она, я ее тоже узнал. Ну это одна из его таких пассий. И она высокая такая. Но в данном случае, в этом сне, она такая высокая, одета в такое очень длинное, длинное такое манто... Не манто, а такой легкий плащ. И она вся какая-то очень трагическая такая. И вот когда она выходит, она ко мне подходит и целует меня, так это по-московски. Мы обнимаемся и я ей говорю:

- Ну вот видите, вот странно, если бы не было вот этих... Мне почему-то мешают для пейзажа вот этот... вот эти лотки, которые полностью заполонили этот берег или эту площадь, если бы их не было, может быть,

для глаза было бы намного приятней.
Ну вот она как-то так странно на это среагировала, как будто не она, а странный я сам. А дальше там было очень много... Но все – все улетучилось. Во всяком случае, беспрерывно снятся очень, очень какие-то тяжелые сны и разнообразные. И трудно даже, как бы это все охватить. Откуда? Почему? И что?

***

Ночь была... Страшнее не было еще у меня такой ночи, связанная с простатой. Какая боль! Какое жжение! Какое унижение! Вот это точное определение. Жжение и унижение. Просто иногда хочется так встать и уйти в какое-то пространство и раствориться. Настолько это все невыносимо, настолько это все бессмысленно. И в тоже время, мысль работает. И в тоже время думаешь:
- А как же будет с архивом? А как же будет с десятками, сотнями вещей, которые я думал привести в порядок и подготовить для издания, для книг, для рассказов, для всего прочего, прочего?
Но вот утро как бы настало, что-то чуть – чуть облегчало. Извиняюсь. И опять начинаешь думать, что надо, надо не сдаваться.
А сон был такой, тоже удивительный с точки зрения моих записей и вообще отношения ко сну и яви. Снится мне, что... интересно, что действие происходит... да, прямо на Привозе, возле Привоза, на Преображенской. Там, где центральный был вход прямо с Преображенской на Привоз. Я стою так и со мной какой-то знакомый. Я сейчас даже не могу сразу так вспомнить, кто это. Но из таких каких-то, кто пишет в газеты. Ну, такой... не знаю, кто и не могу сказать что... не... Но кто-то... такой знакомый. И подходит вдруг со стороны парка Ильича, в пальто каком-то, странно... Подходит Ботвинник Алекс, как его здесь... зубной врач из Минска. И он как-то так... У него губы трясутся... И он так подходит, увидел меня сперва и как-то растерялся, потому что... Я подумал, что он может быть все-таки перепроситься, хочет так поздороваться. Но он как-то так не подошел к этому человеку и говорит:
- Как вы смеете? – и губы у него трясутся, весь какой-то взъерошенный.
- Как вы смеете писать о том, что вы, мол, там не знаете? И вы еще ссылаетесь на Белинского... – что ли он так сказал, мне показалось.
- Что вы ссылаетесь на Белинского?

Тот как-то так стал от него отходить, а он наступает и прямо пальцем ему в.... чуть ли не в рот, в этот... в щеку, давит и говорит:
- Как вы смеете писать?
И тот растерялся и я думал, что тот сейчас прямо просто двинет ему по роже. Но он как-то так не сумел это сделать. И я думал, что вмешиваться в конфликт бессмысленно. И даже было интересно так понаблюдать, как обычная история, если не тебя бьют, не к тебе пристают, а посмотреть, чем это все же закончится. Но там я не помню конец этой истории.
Но история за собой имеет очень любопытный такой факт. Вот этот Ботвинник, он мне ежедневно звонил по три, по пять раз. Был большой, большой мой поклонник. Человек, который имеет большое количество денег и жаждет, так сказать, слыть интеллигентным и слыть знатоком книги, искусства и прочее. И поэтому, он просто иногда мне надоедал, но я считал, что это, так сказать, еще удобоваримо. Но он один раз пришел и настолько нагло меня вывел из себя. И сказал, что я ему дал там три книжки на какую-то сумму, он взял у меня, приходил и брал книги. А все это было не так, он все время их обменивал. И мне это как-то так... Может быть, я был и не прав и я не считаю, что я это был... Надо было... То есть, я это понимал его, как бы сказать, его странность, его, можно было бы даже сказать, его такой идиотизм, и надо было бы ему сказать, как говориться, доиграть до конца эту игру. Но что-то во мне вспылило, какое-то чувство брезгливости. И короче, он ушел и перестал звонить, перестал приходить. То есть, я для него стал врагом рейха номер один. Я не знаю, насколько это так, но в принципе, гордость его купеческая такая, взыграла у купчишки. И он больше... Но он в магазин... он приходит в Дом Книги, общается с Гришей и спрашивает... То есть, он старается там... Но так, как я давно там не был, так что он не попадает на меня. Эдику звонил, этому звонил, приходил и кое- что брал. И вот... вот такая вот... вот такой поворот, такой поворот.
И еще, конечно, вчерашний звонок моего брата Кости, который для меня был всегда в детстве и намного позже, эталоном просто красоты и ума, и таланта и все это, так сказать... Но потом был конфликт большой, который, так сказать... И в котором он был абсолютно не прав. Но я не знал, я тогда в нем не разобрался. Не разобрался в его болезнях, что это была просто болезненная ситуация. Он принимал прозак, поэзия и прозак. И вот он... Но мы с ним, я нашел в себе просто нашел все- таки силы, не то, что там... И я в чем-то тоже был виноват. Я не могу сказать, что всегда он так, есть только одна сторона. Я действительно не разобрался, не знал, не понимал, что это собой представляет и почему у него такой... такие были взрывы – от полного такого... от полной такой депрессии до взрывной такой ситуации,

когда он со всеми ругался, он на всех нападал и в тоже время и на меня тоже. Вообщем, это меня просто стало раздражать и после операции, после

того, что я был так искалечен и изрезан и все... И вдруг вот это все возникло. Но я потом с ним все-таки нашел какой-то... И я перестал абсолютно общаться и разговаривать. И вот он вчера позвонил, в связи с его семидесятипятилетием, чтобы все-таки я пришел туда, вместе, чтобы мы были с Олей, с Эриком и с Марджери. И мы согласны и все такое вот... И я подумал:
- Это прекрасно.
Ну вообщем, у меня все время была такая мысль:
- Боже мой! Я умираю, он умирает. И мы не можем придти из-за того, что нас не допустит подойти... или там не придти...
Вообщем, короче, я считал, что это просто очень не... не... Но вот такая была идея и она меня как-то обрадовала. Это тоже, может быть, такой толчок.

***

Интересно, не дает мне спать Кира Муратова. Ну что это такое? Какой-то кошмар! Снится мне сон, что где-то действие происходит... Я очень ясно вижу этот кусочек. Это возле театра и озера в Эванстоне, в этом университетском городке. И там какое- то такое место, очень красивое там есть. Как бы вверх идет там к театру, идет такая под горочку, идет такой... дорога. И справа озеро, как большой, как океан какой-то. И очень красивое место. И вот Кира там появляется и очень ко мне как-то так ласково, с какой-то... ну не знаю, с такой любовной такой, с нежным взглядом, пускай будет так... Как –то... И поет, поет на чисто английском языке, поет какую-то очень такую фривольную, легкую такую песню. Я поражаюсь и думаю:
- Здорово, как она поет на английском языке это.
А рядом со мной, не знаю, кто-то из наших. И я так говорю:
- Видите, вот она так для меня вот такую легкую песню поет.
И она как-то так туда уходит, скрывается как бы за этот горизонт, ну за эту видимость, там, где уже не видно ее. И вот это такой вот кусочек. Там дольше что-то было, но я все не могу как-то так и вспомнить.

***

Потом, потом, потом... А, потом мне снился Соловьев Боря, тоже часто. Но поразительный какой-то сон. Такой длинный, что я его вдруг... Какая-то... поезд. Я не знаю, в Жмеринке или на другой какой-то станции, я стою и вижу, что на платформе что ли, стоит страшно бородатый, громадно

бородатый человек, очень... То есть, настолько заросший и все. Но это был Боря Соловьев. И я думаю:

- Боже мой! Боря, откуда ты?
И я его как бы с этой платформы стаскиваю. Или его должны увезти или что... И я его стаскиваю и говорю:
- Боря, откуда ты? Что с тобой?
Он говорит:
- Ну я сидел более двадцати лет.
И я так обрадовался и хватаю его как-то и говорю:
- Идем!
И мы попадаем ни больше, ни меньше как вот в эту одесскую его квартиру, если это можно назвать, этот подвал глубокий. Подвал, в котором они жили в одной, как бы сказать, перегороженной какой-то комнате в этом подвале, они жили с тещей и с тестем. И там было сыро. И мальчишка их маленький, Павлик, сидел все время на горшке, соплил. И вот мы как-то туда появляемся. И он уже и как бы... и уже и побритый и как-то в своем бархатном таком костюмчике. Кстати, я в его костюме, учитывая, что у меня не было такого нарядного костюма, я в его костюме был на свадьбе. У меня не было своего костюма. Это любопытная деталь, которую я сейчас вспомнил. Вот. И что интересно, что интересно, что я с ним оказываюсь в этой самой... и какое-то такое ностальгическое чувство, что мы молоды, что у нас так еще все впереди. Но вот такой какой-то сон очень странный, хотя он был намного длиннее и как-то более... с каким-то очень содержанием, точнее был, логичнее, чем я его просто сейчас рассказываю. Вот.
Да, а почему он мне приснился? Тут и сомнений нет. Я смотрел “Дядю Ваню” буквально позавчера. И там Бондарчук играет Астрова. И я так посмотрел, он очень... прекрасные волосы, если это его, я думаю, что это его, потому что они живые, что не чувствуется никакого парика. А он действительно, когда он зарастал Сергей Бондарчук, у него такие волосы были очень красивые, волнистые, черные. Ну говорят, что у него мать была еврейка. И может быть, такие волосы от нее. Но дело не в этом. Дело в том, что по типажности какой-то, очень отдаленной, Борис напоминает его. Вот такого плана. И поэтому я вспомнил и говорю:
- Оля, слушай, в этом есть такая похожесть Бориса и Бондарчука.
И вот... и вот он тут же в какой-то мере вот совершенно тоже в какой-то... именно вот с бородой и с такими же волосами. Вот в чем тут дело и почему. И в этом фильме он играет тоже... у него крупная борода. И вот такой отголосок – Борис, связанный и с ролью Астрова – Бондарчук - они вдруг встали в один ряд. И я увидел этот сон с Борисом.

Ой, господи! Что снится и какие только сны снятся. И это просто невероятно, невероятно.

31-ое августа

Начну с сегодняшнего сна. Сегодня уже кажется 31-ое августа, конец месяца. Значит сон был такой. Страшно любопытный сон и я знаю откуда ноги растут. Значит мне снится, что я нахожусь, нахожусь как бы что ли в Виннице, где-то... Сперва даже не так, сперва я иду... и это в Джурине все-таки начало сна. Я иду по улочке, которая спускалась... Это у нас гористое местечко такое, теперь я лишь понимаю... И я спускаюсь по улочке, которая ведет... такой вниз, к помпе, к шоссе. И... но темно, очень большая темень. И я возле дома Голды... это как раз вот тот дом, где вот большой такой дом. Спуск очень резкий. И я смотрю там как бы дом, вода плещется и очень сильно слышны голоса какой-то пацанвы. И я думаю:

- Мне не хотелось бы с ними встречаться.

И я чувствую себя, как бы оголенным и думаю:

- Нет, я обойду этот самый... и попробую пройти через дорогу, мимо так чуть – чуть поднявшись в сторону, там где жили Блуштейны и это так, как бы сказать, чуть – чуть с другой стороны и можно тоже спуститься вниз туда.

И вот, я как бы обхожу этот дом там, где жила Нюся Блехман. И обхожу этот дом. И попадаю в такой... там возле дома... И вижу, что там просто река течет. И это уже похоже на Винницу, похожий на Винницкий вот такой мост, который я переходил и вот там, где жили наши одни знакомые. Вот они как раз жили перед... ну, в начале моста с одной стороны или как бы сказать, город, который уже идет. И я помню этот как бы палисадник или какой-то и все... И я как бы туда направляюсь. Но там тоже я вижу, что туда... Туда, во-первых, эта речка... Я не смогу ее пройти. Значит, мне надо как-то попасть или на мост, или на это шоссе все-таки выйти каким-то образом. И я возвращаюсь, иду и думаю, что я смогу... Вдруг оказывается, что я как бы стою и узнаю, что это квартира, в которой я жил когда-то в Одессе на Молдованке у Лоры Дубиной. И я думаю:

- Что же это такое? Я же могу через... зайти туда и выйти прямо из квартиры есть выход. И я могу миновать вот эту речку, и вот эту темень, и вот это хулиганство, которое, так сказать, оттуда веет. И опасность какая-то...

И я думаю:

- Я смогу сейчас просто, через мост как-то или через окно, или через балкон залезть. Там может никого нету. И я даже смогу выйти.
И я вот так нагинаюсь и смотрю, чтобы увидеть окно. Но нагинаюсь я через.... возле какого-то штакетника. Голова моя как бы высовывается и я смотрю вверх. И вижу – да, там окно светится как бы. Окно из кухни, куда я думал как видно как бы попасть. И там стоит Лора Дубина, которая ко мне очень благоволила, когда я снимал у них квартиру. И вот стоит эта Лора. И она в таком халатике, как обычно она была в том доме. И потом она нагинается и... как бы увидела меня и узнала и... А я почему-то в это время, когда я ее увидел, у меня эрекция такая была и я был просто счастлив, что я... что я вот так воспринял эту встречу. А дальше как-то все... по-моему я проснулся от вот этого... от вот этой эрекции и все.
Значит интересная такая мысль. Первое – что действительно я сейчас принимаю такой типа аводар, лекарство, в котором есть сайд, сайд эффект. Такие побочные эффекты, которые... они говорят, что теряется эрекция, что нету либидо, что может, может потеряться либидо и прочее... Я четыре года тому назад отказался от него, считая, что это мне не нужно. Но сейчас, когда у меня кровит так ужасно простата, я все-таки подумал, что может быть надо попробовать, я знаю... И там написано, что это может быть, но это не обязательно, но может быть. И я вот уже принял четыре такие таблетки и вдруг у меня почему-то подумал... И я себе как-то так... фантазия моя настолько богата, что при одном, как бы говоря, ну о воспоминании женского любимого тела, у меня возникает немедленная эрекция или какие-то явные, какие-то такие побуждения, даже в моем вот таком уже возрасте и все прочее. Я по этому поводу даже считал, что это у всех так бывает, настолько я был несведущ. Но это несколько лет тому назад у меня был разговор с одним таким знатоком. И он говорит:
- О чем ты говоришь? И это вообще такой редчайший дар.
И я ему приводил еще в пример Мопассана, который, идя по улице с каким-то приятелем, сказал:
- Вот видишь, идет там женщина, а у немедленно – говорит - вот там... и вскочил. И я... просто мне аж стыдно.
Он говорит:
- Как? – он говорит.
- А что у тебя разве по-другому?
То есть, такой же в принципе какой-то разговор был. То есть, оказывается это редкий такой... ну не у всех такая возбудимость и фантазия и прочее. И вот я лежал и как-то все у меня это было как-то так... Это было ночью... и заснул. И заснул вот с этим вот сном, где как раз произошла как бы

подтверждение, что это совсем не так. И вот таким образом возник такой сон. Почему с этой Лорой? Здесь я снимал у них квартиру. Муж ее был такой просто странный симпатяга, такой парень. И у них была дочка Галочка. И она была очень симпатичная, мягкая необычайная какая-то такая даже. Жила на Молдованке, сама с Молдаванки. Но в ней какая-то была очень приятность и мягкость такая, я бы именно сказал, такая. И она воспитывала девочку очень хорошо. Но этот... я забыл, как его зовут... Саша, кажется. Он был совершенно такой, как его можно охарактеризовать, ну не то, что он был эгоист или деспот... Нет, скорее всего, он даже все делал очень через пень колоду. Мог не придти ночевать на несколько дней, загуливал, выпивал. Приходил и он не дебоширил, он не издевался над ней или бил ее, но совершенно был как-то так холоден и никаких чувств и ничего... И она страшно страдала, то есть это для нее было настолько... что я это уже понимал и замечал это. С первых дней, я ничего, я не знал о их жизни. И она даже как-то... когда-то на моих глазах это все происходило, она... И она ко мне очень была... Она видно старше все-таки была меня, я так думаю, на пару лет, может быть всего. Но она была очень огорчена. И она сама... я как-то сидел у себя в этой комнатке, набитой полностью книгами. И вот как раз распустил такую хорошую шутку, он говорит:
- Ну что, Илья приносит книги – говорит – каждый день. Все деньги из зарплаты тратит на эти книжки. А когда – говорит – у меня какие-то есть плохие дела, я беру эти книжки и сдаю в этот букин. А он опять приносит эти книжки, как будто не замечает.
Вообще, такая шуточка была, которая была достойна уважения. А вот Лора, я чувствовал, конечно, но я в это время был, я только начинал работать, тогда я начал работать в студии и еще Олю... Оля еще не была как-то со мной. Это как бы я потом... кстати, я в этот период познакомился с Олей. Но она была очень... Я чувствовал, что она... Я занимался в студии, были какие-то там... и столько занятий, столько увлечений. И я был весь в работе, весь в творческих делах. И был, конечно, для нее. И вообще, я был, как не знаю что. А поселил меня туда ее брат родной. И он говорил:
- Илья Эзравич, если вам нужна комната, как раз моя сестра хочет сдавать комнату.
И вот таким образом получилось. Я однажды, в какой-то там.... я сидел там, она постучала и говорит:
- Можно?
Я говорю:
- Да.
И она как-то так зашла и говорит:
- Вот Саша не звонил?

Я говорю:

- Нет.
И оказывается, он уже несколько дней не был и не звонил и ничего. И она вдруг так разрыдалась, бросилась мне на шею и как-то так... Но я ее так, я знаю как, как настоящий мужчина и обласкал и сказал добрые слова. И, конечно, и эрекция была. Но я посчитал это просто исключением, что это исключено и невозможно, живя в этой квартире. Тем более, пользоваться вот такой, как бы сказать, ситуацией. Я считал это некрасиво. Хотя она была бы, конечно, может быть, и в такие моменты и все... Но я посчитал это просто неэтичным.... И вот такая была история. Вот такая история была с этим... с этим сном. Вот так она как-то всплыла вдруг.

***

Теперь дальше, что еще? Но за это время, за эти вот два дня, которые я не записывал, были вообще удивительные сны, но которые я, конечно, сейчас абсолютно не смогу воспроизвести, но попробую.
Значит, снился мне такой сон. Я нахожусь в лагере, в самом настоящем концентрационном лагере. Но как я бы сказал, там с такой шуткой или иронией, облегченного или какого-то такого вида. Значит, в чем заключается это нахождение в лагере, мне трудно сказать, это, как гетто, лагерь. Но я нахожусь рядом с начальником, но я забыл, как все-таки их называют, лагеря. Но это, так сказать, советский начальник лагеря. А здесь комендант, пускай это будет так, комендант этого лагеря. И я... самое интересное, что он в типичном таком, типичное клише... Он оказался молодой человек, такой блондин. И одет в галифе и такая солдатская рубашка. Не рубашка, а как бы солдатская рубашка, да, нательная рубашка, не, не... И вот он ходит, без плетки, без ничего... Что где-то есть какая-то картина такая типа... Но он очень... и оказался необычайно каким-то мягким. Совсем никаких, так сказать, жестокостей. И наоборот, он как-то ко мне относится... ко мне хорошо. И я даже поражаюсь и думаю:
- Что же такое?
Почему я хочу ему сказать:
- Вы совсем не похожи на немецкого гестаповца или человека, который занимается такими вопросами в лагере.
Потом, потом этот... ага, потом я иду... ну это такой как бы город какой-то, не знаю, или Одесса. И я иду по этому городу и этот комендат как бы рядом со мной еще идет. И вот к нему навстречу бежит какая-то девочка и... А вторая так, значит... И он берет, подхватил как-то на руки. А вторая

девочка, такая даун, маленькая какая-то, совсем больная, болезненная какая-то. Или даже это не так. Это она идет к нему, а подхватил он какую-то девушку. Украинская какая-то девушка, которая была его как бы женой или что-то в этом смысле. И это, как сестричка... Вот так. А что там в кровати, я уже не помню, я где-то записал, но не знаю. Да... и я вот думаю:
- Что надо уйти. Надо уйти из этого лагеря. Потому что если есть такая возможность и он абсолютно как бы не... не противостоит этому.
И я вот начинаю уходить к какой-то... через какие-то... через холм, через какой-то задний двор. И попадаю, и попадаю в этот самый... в такой... в такое место, где стоит базарчик такой. Ну, и как крестьяне вот выносят свои продукты. Но там стоит один грузин и продает какие-то... Я вижу орехи. И я думаю:
- О, вот здорово! И это все-таки...
И все-таки это больше всего похоже на... как его... на этот... на макробиотеку, на органику. И я уже собираюсь что-то купить. И вдруг вырастает миллиционер, советский миллиционер и говорит:
- Пока покупать нельзя.
Я говорю:
- Почему?
А он говорит:
- А у них нет лицензии.
Я как-то так думаю:
- Что за... что за...?
Оказывается, что они не имеют права продавать. И тот стоит и эти самые... продавец этот грузин и еще какие-то пару человек. И они стоят без дела и ждут, пока им дадут лицензию. Или я не знаю, каким образом они думают там откупиться.
Это вот такой сон. Он с продолжением был.

***

Потом... а, потом тоже интересная такая... Значит, сон такой, сон такой, очень большой, пространственный, как я это называю. Идет концерт на стадионе. Но до начала концерта, я попадаю как бы на репетицию. Там Зеленый какой-то типа театр, с такой открытой сценой и все. И Сема там находится. И там находятся какие-то известные актеры, типа Рома Кац или что-то... И они готовят, репетиция такая идет. И я почему-то... Что там было? Какая-то очень странная ситуация, то что я... или оказался как бы с одной стороны, я чувствую, что я как бы в этой же, в этой же как бы команде. А с другой стороны, я как бы и со стороны. И я сажусь в... это

такой стадион. И вдруг вижу, что начинает уже эмигрантская публика, начинает заполнять этот стадион. Всю дальнейшую ситуацию я абсолютно

забыл, абсолютно забыл.

***

Ну вот, сны, конечно, не прекращаются. И если бы я их все записывал с такой детальностью, как они мне снятся, так это было вообще... И если бы особенно, моя мечта была бы осуществлена, чтобы это еще снималось на этом самом... на пленке – это вообще было бы идеально. Но такого еще никто не придумал. Придумают – будет страшная революция.
Короче, я вчера смотрел и позавчера и вчера посмотрел “Дядю Ваню” Михалкова-Кончаловского и “Король Лир” Козинцева. Должен сказать, что оба фильма очень хорошо сделаны. Во-первых, и с точки зрения кино – это серьезное и настоящее кино. В отношении “Дяди Вани” - играют все блестяще. Очень такой актерский ансамбль прекрасный. И Бондарчук в роли Астрова прекрасен. И очень такой... во всяком случае, без вот этого романтизма такого фальшивого – о розах, о цветах, о лесах, о всего прочего, здесь как-то оказалось “что все в человеке должно быть прекрасно”. Играют актеры... Смоктуновский тоже великолепен и Анисимова - Вульф. Единственное, мне как-то не так Зельдин интересен, Пастухов... Там все хорошие актеры играют очень... А вот эта самая Светлана Мирошниченко, она как-то... Ирина Мирошниченко, она как-то в этом смысле, оказалась для меня... Я вообще не могу разобраться в ее красоте. Честно, не могу разобраться. Она мне как-то... с одной стороны, что-то есть и простоватое, с другой стороны, может быть. это все-таки блондинистость играет и больше всего в ее внешности. Но все это поставлено хорошо. И она там есть в одном эпизоде кокетничает, с кокетством таким блестящим. И это как-то неожиданно, красиво сделано. Но во всяком случае, еще и еще раз Чехов – блестящий драматург, тут сомнения нет. Из ничего, как бы говорится, вот он то как раз, из ничего как бы делает такую жизненную драму. Да, вот фильм значит “Дядя Ваня”. Я бы вообще сделал бы такой цикл чеховских пьес под одним большим лозунгом таким, где-то как выбивали себе на плече – “Нет счастья в жизни”. Вот это вот, вот это главное фактически, его тема. Я почему-то вдруг... Я вот недавно смотрел “Чайку”, потом посмотрел “Три сестры” фильмы разные. Там Карасика “Чайка”, прекрасный фильм, просто поразительно сделанный. Одно из лучших, что я видел чеховских, чеховских работ в кино. И это тоже хороший фильм, я не могу сказать, что он совсем такой уж скучный. Но он хорош. Недавно смотрел фильм Киры Муратовой “Чеховские мотивы”. Это просто шизофреническая какая-то

такая вседозволенность, я бы так сказал. Шизофреническая вседозволенность - что хочу, то и верчу, как хочу, так и делаю. Какое это отношение имеет к Чехову и зачем было привязывать Чехова сюда? Это просто даже и не нужно было. Но не в этом дело. Но в этом фильме есть, есть кино, есть актеры, есть то, что нужно. И тенденция чеховская мне все яснее и яснее вырисовывается. Нет счастья в жизни, никто не хочет быть счастливым. Они не могут быть счастливыми. Казалось, возможность то и есть. Почему бы Соне, которая любит вот так Астрова, и который одинокий и который... – нет, не может он. И он даже говорит ей... этой Елене тоже говорит:
- Что если бы я даже остался и мы... и что-то было бы, все равно надо было бы только испепелили и воду меняй – или как он там... – мы были бы несчастны и я был бы несчастен.
То есть, заранее все... у него нет счастливых... У него нет счастья в жизни. Это мне очень понравилось, я сейчас нашел этот вариант. Нет счастья в жизни. Потом, все ненавидят друг друга. Никакой, кроме каких-то там мелких ролей, людей, которые, так сказать, в данном случае, служанка или там няня, или Фирс, который безумно с преданностью, как у собаки, как животные, а все остальные, все эти Серебряковы и Вишневские, и Раневские – это люди совершенно никчемные или абсолютно друг друга нелюбящие, ненавидящие, эгоисты. Картина ужасающая! И в данном случае, в данном случае я понял и женоненавистничество Чехова и детоненавистничество Чехова. Там он... где-то в “Чайке” или что она бы с удовольствием его как бы поджаривает там на сковородке ребенка. А здесь этот самый Астров говорит:
- При такой погоде хорошо повеситься.
И этот говорит:
- И чего тебе вообще заниматься, всех беспокоить. У меня еще забрал морфий и у меня будут неприятности и подозрения и все.... Пойди в лес, застрелись и все будет о'кей.
То есть, поразительно, поразительные вещи. Ведь Чехов гуманист, Чехов какой-то там... И даже вот эта вот известная фраза, что “в человеке должно быть все прекрасно” - это, как ирония. Он даже... и в данном случае, мы воспринимали Чехова – “Да у него там,... спать хочется”. И десятки других, где люди просто... А все остальные его смешные, комедийные ситуации, они тоже... они “не от счастья”. И сам он, видно, был тоже несчастлив. И вот отсюда идет... и с женщинами, и отсюда идет весь этот каскад. И честно говоря, я не знаю, может и кто-то так... и может быть даже и в фильме, может и режиссер себе ставит такую задачу, мне трудно там это... и когда... это неизвестно. И я не знаю, как реагировали и другие на такие фильмы и

вообще на его все пьесы вне фильмов. Но если вот так вот его просмотреть... Я еще недавно смотрел “Чайку” по Акунину и Чехову вот это его... Это та же самая... Там, кстати, идет вот это вот... Акунин, между прочим, эту мысль и подхватил, что все ненавидят друг друга в “Чайке”, абсолютно все. И все недоверяют, и все подозревают, и все прочее... Так что, в этом смысле вот у Акунина где-то проскальзывает та же самая мысль. Да, и вот интересная мысль, что у Шекспира, конечно, и в фильме в данном случае, “Короле Лире” безусловно совсем другое, может быть, как говорится, другая сторона этой же самой монеты. Но Шекспир не опускается до обывателя, до уездного какого-то городка с его обывателями. Шекспира интересуют общечеловеческие страсти, его интересуют королевские страсти, его интересуют другие люди, которые обличены властью, люди, которые, как оказалось бы, могли быть счастливыми и осчастливить кого-то другого – нет! Все построенно на крови, на коварстве, на измене, на подлости, на убийстве. И вот... но это настолько здорово, конечно, сделано и как бы сказать, даже оправданно что ли. И хотя, вот например, все-таки вот этот безумный поступок короля Лира в данном случае, игрался очень прямолинейно, то есть, как бы вот так он захотел и почему, не понимая что ли... То есть, тут какая-то должна была бы быть... Я не знаю, как Михоэлс строил эту роль, как в других театрах. Но в данном случае, у Козинцева вот эта обозленность этого самого... Если бы может быть заранее, должен был бы играть хитрец или как бы Лир или хотел бы, так сказать... Он хотел, хотел почувствовать сам. И поэтому он решил сыграть это и не всамделешне сыграть вот эту страсть, ненависть или недоверие или что он поверил двум дочерям. А самой искренней, самой нежной и справедливой, он вдруг не поверил. А тут надо было бы просто... Он хотел испытать как бы на себе, что же такое бремя славы и что такое быть зависимым, быть рабом, быть никем, быть червем. Вот что тут, мне кажется. Потому что этот самый... как его... Ярвет... Он был как марионетка, он живописен, он хорош, он даже михоэлского плана такого. Но в нем были движения, в нем были, очень много, как бы сказать, пластики и его тянули потому, что голос не его, голос узнаваемо Гердта. Он иногда мешал, хотя Гердт добивался очень поразительных интонаций и достоверности, но все-таки здесь что-то чувствовалось в этом. Но бог с ним, это, так сказать, вопрос техники и вопрос там другого порядка. Но если говорить о Шекспире и Чехове, так вот две стороны одной медали. Там счастья нет в таком обывательском, мелком варианте, тоже общечеловеческая какая-то ситуация, но в таких сферах, совсем других. А там, наверху, где все, как бы казалось бы, строится и делается – там еще похуже, там еще похлеще, там еще пострашнее все это. И, конечно, музыка Шостаковича удивительная,

там просто вот... Я впервые еще как бы серьезно прослушивался, прислушивался и там есть блестящие просто... Киномузыка, которая сама за себя очень говорит. Конечно, постановка очень такая помпезная, громадная. И опять же, есть какие-то прямые такие как бы, афористика, война. Это ужасно, это приносит, так сказать, только люду приносит горе и страдания. Это тоже там часто выпячивается. Но в принципе, в принципе это, конечно, фильм как бы состоялся как таковой. И в нем есть своя концепция, свой взгляд на Шекспира, на жизнь, на прочее. Так что, Козинцев, как бы сказать, точно также, как и Ромм, оправдался как бы перед самим собой, после его каких-то там “Максимов” и прочее. Так что в этом смысле вот и “Гамлет” его и “Король Лир” сделали как бы свое дело для этого талантливого человека. Вот такие вот мысли были в кинофильме “Дядя Ваня” очень хорош... И операторские есть вещи, там... и еще кто-то был с ним. Очень хорошо сделаны операторские.... такие длинные, громадные проходы. И эта квартира очень красиво придумана и ими, и видно художником и все... Так что, там есть кино, там есть кино, которое безусловно чувствуется и воспринимается.

1-ое сентября

Сегодня 1-ое сентября. Конечно, такой день знаменательный был для нас когда-то. Здесь тоже это происходит. То казалось для нас это по-другому и празднично очень и ответственно, и очень так организованно. И обязательно с цветами и прочее. Ну, я вспоминаю это меньше всего, потому что в Джурине это тоже было, может быть, приятно. Но бедность наша была настолько велика, что тут даже трудно было представить о каких-то цветах или о каком-то костюмчике или... И только мадам Дьяченко мне могла пошить какую-то рубашечку там один раз в год. Ну, первое сентября так вспоминается, во всяком случае.

****

А снился мне сон о том, что я сейчас должен был бы прокрутить в памяти, но почему сейчас, сейчас, сейчас... Что же мне снилось? Было какое-то интересное такое... Но до этого снился сон, который я не записал, что я сижу в машине. Примерно так получается, что это где-то возле школы, где Оля занималась, где Эрик начал свою... первый класс свой. Значит, я там, у меня какая-то машина. И я должен сесть за руль, за... А захожу я... там как бы на первом сидении разлеглась таким образом, что когда я сел, она меня обхватила как бы руками и стала целовать именно в губы. И я говорю:
- Что это?

И это Марина из Таллинна, с которой такого эпизода никогда не было. Но просто она вдруг потянулась... И я говорю:
- Что это такое? В чем дело? Почему именно здесь? Причем...
А сзади даже какие-то люди есть. А она говорит:
- А это для прописки. Я хочу прописаться.
Я вот так удивлен и даже как-то опешил. И в это время в дверях, в окне (или окно было открыто) появляются какие-то... или милиция, или КГБисты, или какие-то, какие-то... шпана какая-то, которая вот сейчас должна все это разрушить или все... И я это самое... и я нажимаю на тормоз или включаю это самое... для того, чтобы умчаться отсюда. И как будто это удалось, но я во сне это не помню уже. Но вот такой вот сон.
И особенно мне понравилось вот это – “Для того, чтобы прописаться”. И вот это для необъяснимо, потому что я никогда не слышал от Марины каких-то таких признаний или такого плана, чтобы она, например, хотела приехать в Америку или что-то... что-то это... Такого я не слышал. И поэтому... но были какие-то, может быть, и подсознательно, чтобы... мы с Лилей говорили и это Лилина подруга очень близкая, чтобы мы помогли ей, может быть, приехать, хотя бы осмотреться здесь. И особенно для ее дочери, которая думала как-то так... Но сейчас все это изменилось в связи с тем, что Лена занимается в Ленинграде. Но вот просто вот такой вот ход остался. Почему? Это любопытно – “Для того, чтобы прописаться”. Вот.
За это время что еще я....

****

K03.9-2

1-ое сентября

Да, это за 1-ое сентября продолжение. Я просто так не мог вспомнить, какой же сон снился мне сегодня. А он снился, особенно перед там, как я проснулся. Ну посмотри, как выскочило из головы. И я еще его так себе запомнил, но не повторил, не оставил у себя какое-то заветное слово, чтобы от него двинуться. Но...

Я просто прочитал вчера Леопальда Захера Мазоха, некоторые рассказы. Довольно такой крепкий, бытовой... даже и природа у него прекрасная описана. И очень интеллигентный чувствуется, культура и знание русской литературы великолепное. Ну, он жил где-то близко к австро-венгерской, русской границе, в Западной Украине, сечашней, сегодняшней. Вот. Но в тех рассказах, которые я читал, пока его, так сказать, мазохизм и прочее, не проявлялся. Венера в мехах там не присутствовала, хотя там мех, как таковой, уже был. В некоторых рассказах, как один из самых каких-то таких для него, видно, на фетишей, которые ему были приятны. Но там другие рассказы есть, я еще не знаю, может быть, там где-то начинается. Или вдруг какой-то прорвется в его слабости и его сильности. Это в отношениии Леопольда Мазоха, Захера Мазоха. Вот.

Недавно еще прочитал интересные пару материалов вот об Анатолии Просиловском, но что-то там меня как-то смутило. Смутило... его такой... во-первых, снобизм. И потом такое самомнение громадное. “И я, я – градоначальник body art”. И как говорится, не... не склеиваются все эти его высказывания с конкретными вещами. Сам он говорит о красоте женского тела, а фактически в какой-то мере, чтобы он там не нарисовал на пупке или на глазах, и на всем, он все равно изуродует это тело. Это тоже самое, что взять Венеру Милосскую или какую-нибудь великолепный мраморный... мраморную скульптуру женскую эпохи Эллинизма, взять и разрисовать и нарисовать усы и все прочее... Или просто даже красиво что-то дорисовать и этим самым, оно будет смотреться лучше. Думаю, что это все такие выбрики, выбрики, если не сказать похуже. Единственное, что мне так странно – это если бы кто-то потом прочел то, что я рассказываю, это было бы еще одним поводом для такого засилия еврейского какого-то революционерского движения в искусстве и прочее. И поэтому я даже... не то, что боюсь. Мне просто неохота, хотя я сам понимаю, что слишком много, много желающих вот в еврейских таких умах, характерах, эпатировать и... Но... Шагалами становятся немногие. Это первое.

Второе, было интересное интервью с Вознесенским, где тоже странно, странно – не убедил он меня во многом, что он так рассказывал и о Бродском. Умалчивал кое-что, отмалчивался и говорит:

- Все в моих стихах.
Чтобы его не спросили, он говорит:
- Это все в моих стихах.
А в действительности, себе и гуру, себе представляет. Ну, это такой театр. Одежда такая, американская шапочка, белый кителечек, платочек в шею. И выглядит сейчас каким-то очень таким добродушным в некоторых фотографиях, где свет не отражает его испещеренный силуэт... ну его морщинистое лицо. Он, как какой-то шоколадный пряник, какой-то колобок, в котором есть еще какая-то там живость. Но в действительности, это тоже такое... Ну, театр, театр, театр такой. Вот. Так что, он себя не причисляет к почти шестидесятникам, а больше к серебрянному веку. Но вообщем, такой вот... Я бы не сказал, что это все... Хотя, когда я его здесь видел и слышал, и когда он был у меня, я честно скажу, что он произвел хорошеее впечатление какого-то интеллигентного, тихого и спокойного человека. Об этом в какой-то мере, он даже сам говорит. Он говорит, что он только на сцене... Но сейчас он потерял голос. Там интересная деталь, что вот он где-то нашел, что Маяковский застрелился, может быть, из-за того, что он начал терять голос. Ну, это очень натяжка большая, я думал. Я думаю, что в данном случае... Но человек он, конечно, интеллигентный. И он поэт, которого я не читаю и не перечитываю. И он меня не трогает. Но он... в этом тоже есть какая-то часть поэзии, которая кому-то... или может быть, как история поэзии, она нужна и входит в историю поэзии.
А вот такое эссе к столетию Нины Николаевны Берберовой, я бы сказал... Во-первых, это Дмитрий, Дмитрий... как его, Дмитрий Жуков, Дмитрий Быков, забыл, кажется, Дмитрий Быков. Заумный, такая... пробиться через его вот эти все... – это скучно. Нет легкости, нет такой текучести мыслей, одна за другую, чтобы зацепилась. Все как-то так очень так псевдонаучно даже. И поэтому... Там некоторые ее высказывания, выхваченные из ее, так сказать, из ее “Курсива”, “Мой курсив” и все прочее – оно мне знакомо. И я такой... фактически, даже будучи немножечко знаком с ней, понял, что это действительно такая железная женщина. И как она сама говорила, что она там какая-то там оловянная или медная. Но дело не в этом. А дело в том, что это преувеличенно вообще все эти... Да, она прекрасно прожила жизнь, была, так сказать, в... Но не то, что прекрасно, в смысле, легко и беззаботно. Но она была хозяйкой своего... своего... своей жизни и своего театра своей жизни. И в этом смысле, это достойно. А все остальное там... ее

характеристики рядом с ней живущих, стоящих, лежащих – это очень субъективно. И так... для... для начинающих и желающих, так сказать, порыться в чужом белье, может быть это интересно.

2-ое сентября

Странный сон, конечно. Сегодня 2-ое сентября. Начало я его не помню. Но вдруг оказывается, что я иду по парку и выхожу... И нахожу какую-то верхнюю планку от скамейки. И думаю:

- А где же остальная скамейка?

И я не знаю, я вот иду и ищу, чтобы ее каким-то образом оставить, приправить. И в это время я выхожу на... Иду и это похоже на какой-то такой одесский парк или какой-то другой парк. И вот я подхожу как бы к Зеленому театру опять, к какому-то театру. И там стоит или администратор или какой-то директор этого театра. И я говорю:

- Слушайте, вот эта дверка... У вас по-моему, есть скамейка, ее как раз можно было бы туда пристроить.

Он говорит:

- Да, хорошо, оставьте ее здесь.

И говорит:

- Я вас, кажется, знаю – что-то так он говорит.

- Может быть – я говорю.

И он говорит:

- Ну я вам дам тогда этот самый... контрамарку или билет на спектакль или там выступление.

Я говорю и подумал:

- А чего? В принципе, в крайнем случае, я кому-то отдам.

И я говорю:

- Давайте.

И он вынимает какой-то лист такой. И там как бы план этого зала и находит, обводит один кружочек и говорит:

- Ваш номер будет такой-то. И пойдете, придете и скажите, что...

А я думаю:

- А если я не приду? И никому... но может быть я кому-то дам.

Во всяком случае, я как бы запомнил, хотя во сне, я это число не запомнил. Потом, потом... Я не знаю записывалось ли это вообще, потому что кажется было на этом самом... на паузе. Значит я повторю, что снится мне парк...(идет повторение сна).

Потом сон как-то прерывается на паузу, которую, как мы говорили: “на интермишен, чтобы пойти пишен”. В русском переводе – это перерыв,

который позволяет пойти в туалет. Короче, но я... но мне очень хочется. Я так страстно бегу, я не знаю, нету нигде туалета. Но все-таки я попадаю домой. Или в одесский дом, или уже где-то здесь в Чикаго. И я скорей хочу в комнату в туалетную попасть. И по дороге мама встречается мне. Она как бы что ли хотела меня задержать. И я так рад, но надо мчаться. И я прибегаю в туалет. И я в белом каком-то очень длинном плаще и красный, разноцветный такой шарф шелковый. И он такой длинный, что я его замачиваю. И мне жалко. И наконец-то, я со струей и она попала туда, куда нужно. Вот.
Ну что это за сон? Мне трудно... Единственное, что я точно знаю, откуда растут ноги, это в плане этого... этого билетика. Это мне накануне, даже вчера вечером, Нонна рассказала, что на пикнике они давали подарки и продавали кое-что кто-то. Но деньги платить не имели право там продавцам, а только там организаторам этого вечера, пикника. Были такие... они давали им талоны, на которых был номер. Полталона оставался у хозяина, а половина талона – человек брал товар и шел расплачиваться в палатку, где были организаторы. И многие просто догадались, что их же никто не может проверить или что оплатил или не уплатил. И они с этими же талонами, и с этими же покупками просто уходили. И никто их не мог, так сказать, контролировать. Вот те хотели, как бы себе все забрать, ну какую-то часть денег еще и отобрать за продажу. И вот отсюда видно возник вот этот билетик с, как бы сказать, с номером без самого билета. Вот. Вот такой сон.

***

Потом, уже теперь, мне снится сон, что я иду и папа со мной был. И он в каком-то... И мы ждем как бы трамвая. Ему очень – очень плохо. И я его вот так беру на плечо и затаскиваю с передней остановки в трамвай. Но он довольно какой-то... ну как-то висит на моем плече очень. И я... и неудобно. И я думаю:
- Как бы все-таки, чтобы ему плохо не было.
И держу его вот так. И хочу еще расплатиться за билеты, а не могу даже всунуть руку вынуть портмоне. А я уже чувствую, что мы зашли как бы с передней, но это не американский автобус, где надо платить с передней площадки. И я вижу, что направляется... И тут многие вообще не платили или собираются выйти. И очень раздвигают всех. И подвигается контролер, который хочет собрать там деньги. Но я ему говорю:
- Вот, пожалуйста, возьмите у меня тут в кармане...
Вообщем, я как-то достаю или он мне помогает, я достаю какие-то монеты и отдаю ему. Но папа у меня... со мной вот стоит вот так вот. Тут в одну

ночь снились и папа, и мама. И я надеюсь, что это к хорошему. В хорошем каком-то смысле, хотя это всегда грустно. И мне иногда радостно там во сне, что я вижу их живыми и кажется, что они не умерли. И особенно мама, которая просто для меня всегда как будто она не умирала, но во сне, я всегда знаю, что как будто и умерла. Но вот такие сны бывали очень часто.

***

Совершенно свежий сон такой. У нас почему-то... как бы у нас в доме находится какой-то класс русской литературы. И какие-то ребята должны что-то сдавать. И находятся два профессора у нас. Значит, это кто-то из стариков, может быть, которых я помнил еще по университету. Он сюда к нам приезжал, известный поэт, профессор... Ну ты смотри, что... Ну вообщем, во всяком случае и из Норсвестерна, Вайль, Вайл, Увайл. И вот они... вот этот тот профессор, который поэт, он как-то исчезает. А вот Вайл остается. И вдруг, он значит, подходит к столу и начинает все... А там стол, как бы из того зальчика, где должен был быть экзамен или какое-то прослушивание, не знаю. Он выходит оттуда в халате и ищет что-нибудь выпить и что-нибудь поесть. Странный взгляд, абсолютно какой-то такой полусумашедший. И потом... там стоит на столе рюмочка с какой-то... с остатком моих трав. И он так нюхает и говорит:
- Так приятно, но холодное.
И рюмочка выпадает у него прямо из рук. Но странно, она не выливается, а на ковре остается прямо стоять, чего –то такое. Он сползает и начинает искать ее и не может как-то найти. Он мимо проходит, а Оля смотрит на него и говорит:
- Боже мой! До чего опустился человек и до чего он дошел.
И он говорит:
- Да-да, я не могу ее... А где же рюмочка?
И вот он... то есть, полное такое, как бывает такое животное состояние у человека. И я тоже думаю:
- Вот до чего дошел профессор Вайл, который всегда носил бабочку, который пел, и который, так сказать, был очень импозантен и все прочее.
И такая легенда для русского... для русской эмиграции. И потому что он создавал видимость, что он всех принимает, всем, как бы хочет, чего-то помочь. Но в действительности, он ничего этого не делал. Но он прекрасно, дай бог ему здоровья, я как раз... Но он приспособился, ездил в Москву, его там носили на руках и встречали. И вот он был вот такой вот. И до сих, мне кажется, он еще есть в Норсвестерне. Ну, вот такой сон.

Но любопытно вот с этой рюмочкой и с этим поиском еды и питья, он напоминает второго человека, напоминает профессора Фридберга Мориса, с которым я долгое время и дружил и общался и который...

3-е апреля

Это 3-е апреля. Короче, он Фридберг он был оригинальный, с личностью очень жесткой и все прочее... И вот тоже, но конец довольно печальный. И его диабет был настолько развит. И он ел все, что попадалось под руки. Все, где что было, стояло от него надо было прятать. И пил беспрерывно, и тучнел. То есть, человек себя как бы, вот так безжалостно сжигал. И не то, что сжигал, она даже не... Так он был настолько, как бы сказать, организован, не то, что организован, но очень крепкий характер, орешек крепкий. А вот в отношении своего здоровья, и вот в отношении своей вот этой... вот этого обжорства, которое было связано с его диабетом. Или наоборот, обжорство дало диабет, но его унять он не мог. И таким образом, фактически он себя погубил. И вот оно как-то вместе, вот эти два образа слились в один и это был вот такой вот сон.

****

Потом еще снился еще один сон с тучной женщиной, Алла Дехтяр появилась во сне со своими девочками. Они еще маленькие, такие, как я их еще больше помню, хотя я сейчас тоже иногда их встречаю вот там на вечерах. И у нее чудные две девчонки. И вот снится мне, что я нахожусь у них в доме. И там они, девочки бегают и появился еще какой-то маленький мальчик. И они его просто, ну как с куклой играются и теребят. И как будто тащат за волосы и за ноги и он себе так.... И он очень терпеливый какой-то. А потом они его начали размазывать на такой body art. Стали ему рисовать какие-то на... И я как-то говорю:

- Что ж вы...

Я так очень... но мама так:

- Ничего, ничего, мол, то есть, это не страшно. Тут важно с книгами – говорит. – Что делать с книгами?

А у них там много книг. И я говорю:

- Что вы знаете, вы ничего не сделаете. Дети уже все равно читать вряд ли будут. И я вообще считаю, что здесь, в эмиграции, это законченный вопрос.

- Как?

И вот такой вот... И я это... такую очень страстную такую какую-то речь говорю, как человек, который действительно казалось бы заинтересован так в книгах и все... А я антикнижную такую речь произносил, потому что я

считал, что это действительно почти законченный роман. Вот такой вот сон. В связи с чем он? Мне трудно так... Мальчик, это понятно. Это где-то такой дидя, Илюшка наш бостонский, Радочкин сын. Мальчик, которого я очень тоже как-то так очень залез в душу. Как я называю:

Илюша, который залез в душу.

Так вот интересно, что... Но вот с этим body art это то, что я прочел недавно в интервью с Анатолием Проселовским, который меня возмутил в чем-то. Барская такая... барский такой тон и вид и все прочее... и самовосхваление и все прочее. Но дело в том, что на мой взгляд, разрисовывать красивое женское лицо и добавлять к нему какие-то идиотские детали, это не говорит о том, что можно улучшить женскую красоту, можно только ее погубить, чтобы он там не нарисовал. Но вообщем, вот такая вот дребедень. И она как-то взаимосвязана.

И я просто так думаю, как все немедленно отражается, но в каких, в каких фантасмагориях, в каких неожиданных ракурсах, в каких неожиданных сюжетах. И как это плавно, и как это естественно, и как это искренне во сне происходит – это просто действительно какой-то... совершенно необъяснимое, необъяснимое для меня. И в тоже время для меня необъяснимое действо, как оно преобразуется и почему именно в таком варианте, и почему с такими вот сюжетами, и с такими декорациями живыми, настоящими. Это не декорации, а просто естественные какие-то квартиры, дома, площади, и где я никогда не бывал, никогда этого не видел. И иногда наоборот то, что мне запомнилось или похоже на это. Или в каком-то таком же варианте. То есть, подсознательно, вот эта жизнь, вот этот весь удивительный мир, который, конечно, мне трудно, откуда вот так какая-то одна деталька и она вдруг так ударяет в мозг или в память или куда-то. И она развивается вот таким образом.

***

И сны опять же, конечно, всю ночь. Мне даже трудно сразу... Но что-то было очень интересное, что-то было... Ага... был такой сон, что я... О, господи! Он был логичен, он был выстроен, он был точно – точно как бы в фильме, кадр за кадром, монтажем отснят и все... Но теперь я не могу вспомнить. Там только одна такая деталь, что я должен к отходящему поезду, где Сема, кажется, и папа. И я должен им привезти какие-то или чемоданы, или какие-то очень важные вещи. И я... или может быть, даже и билеты. И я... это самое... мчусь на этот вокзал и начинаю искать, где же этот вход. И этот сон как бы дважды прокатывался, как бы в двух дублях. И в первом варианте, я тоже не мог их найти и не мог никак их увидеть их. И

я был уже где-то на перроне. И вдруг вижу стоит Усалюк, директор школы и математик, Семин коллега в будущем. И они что-то разговаривают. И я спрашиваю:
- Вы не видели Рудяка Семена?
Они так понимающе смотрят на меня и как-то так улыбаются. И никакого ответа я не получаю от них. И я бегу, мечусь по этому перрону и не могу найти этот поезд.
Второй вариант, что я опять все-таки к ним бегу. Но вижу громадную очередь через какой-то мост, чтобы перейти на перрон. И их, людей так много, они идут друг за дружкой, что я просто думаю:
- Что я во-первых, не успею, если я буду идти в том месте, где я уже оказался. Я просто... практически мало времени и я не успею.
И я начинаю как бы вдоль очереди, как бы проталкиваться, хотя там очень мало места. И я говорю:
- Что я опаздываю и там меня ждут. Вот, билеты у меня.
Но кое-кто, так сказать, очень шумит, кое-кто доброжелательно к этому отнесся. Но я понимаю, что я все-таки дойти туда не смогу. И каким-то образом этот сон прерывается.
Очень много было снов, но я их старался может быть, запомнить. Единственное, что в отношении вот этого перехода, как бы мост, который над... и узкие такие лестницы снизу до верху к этому мосту... Значит, надо еще пройти по мосту, а потом пройти еще по таким же лестницам в другую сторону перрона, для того, чтобы попасть... И я так как-то... огорожено это, как-то, как в вокзальном как бы, при том помещении это как-то... Это, конечно, напомнило мне из фильма “Пианист” вот этот мост, по которому идут обреченные евреи и с чемоданами и прочее... То есть, какая-то ассоциация у меня возникла... вот через этот мост. Потому что я знал несколько таких, я не знаю, там виадук... Нет, нет, там просто такие мосты, они были... Они были в Жмеринке, они были где-то еще в каком-то месте, где вот такой мост раздвигается над шпалами, над рельсами и ты можешь перейти через это... Мост, это узкие ступеньки такие, они длинные, где-то в Котовске. Я несколько таких... я вспоминаю в своей жизни. Может быть, в Гомеле даже... таких мостов, которые мне... как бы у меня были. Но в последнее время, я, конечно, очень ярко запомнился, это выстроенный специально мост, огороженный в гетто, от арийской территории, в Варшаве. Вот такой вот сон.

***

Что интересного из вчерашнего, что мной прочитано было? Это было интервью Сергея Соловьева. Очень, конечно, интересный такой гном, толстяк, чревоугодник видно и всякое такое. Он о себе говорит:
- Я там животное такое.
Но талантливейший человек, конечно, тут сомнений нет. И его “Сто лет детства” или “Сто дней детства” и все прочее, конечно, это очень хорошие фильмы были. И “Даль” и что-то там, и “Асса”, и еще какие-то. Я смотрел несколько фильмов его, в которых есть, конечно... Это не шедевры какого-то мирового класса, но это кино крепкое. Во всяком случае, профессионально крепкое кино. Но сам он, как личность, для меня вот, вот в этом интервью, настолько стал ясным. Это хитрец и лукавщик, все в нем есть, все в нем есть. Но очень... ответы очень вот такие прямолинейные, чувствуется живая речь, надуманность, острость ума. И в этом смысле, он как-то даже и привлекает. Во всяком случае, ему можно больше доверять, хотя он говорит о себе очень... вещи очень неприятные. Но в этом есть и лукавство и прочее, но это это больше и интереснее, чем, чем... в тоже время было интерью, которое было... я где-то читал у Михалкова Никиты и прочее. Так что вот этот “Нежный возраст”, который он поставил последний фильм, мне интересно было бы посмотреть. Во всяком случае, я просто попробую его достать и все-таки и посмотреть, что же сделал с большим перерывом, человек в том возрасте, когда, как говориться, надо уже что-то делать самое лучшее свое, что ты можешь еще успеть сделать.

5-ое сентября

5-ое сентября, 5-ое сентября. Сегодня снился киношный сон. Он такой любопытный, конечно. Просто сюжетный, я из него еще рассказ сделаю из-за того, что это удивительная такая ситуация. Очень радостный и веселый сон. Я сижу в кинотеатре где-то в первых рядах. Очень большой зал и полный зал. И вдруг фильм прерывается. Что мы смотрим, я не знаю. Но фильм прерывается... Ага... там да... ситуация такая, что как будто в кино у героя что ли день рождения. И фильм прерывается. Включается свет, там пленка порвалась. И я думаю:
- Ну сидеть скучно.
И потом вдруг рождается такая чисто мысль - “режиссура жизни”, я бы ее так назвал:
- Почему не срежиссировать сейчас весь зал для того, чтобы...
Ну начались свистки, начали там... это самое:
- Кинщика на мыло! И прочее...
И вдруг у меня рождается такая мысль:

- А почему не срежиссировать этот вот зал? Тем более, что я вижу в зале сидит Осик Райхельгауз.
И вот я думаю:
- Я сейчас просто покажу, как надо делать “режиссуру жизни” и в жизни.
И стою и говорю, что это я сейчас может быть и придумал, а во сне не

помню, так ли было, говорю, что:
- Дети и родители! (Там было много детей и родителей)
Дети и родители!
Сыграть в кино не хотите ли?
И предлагаю такой вариант:
- Давайте мы сейчас выберем человека, у которого день рождения. Здесь есть такие в зале, у кого день рождения? И отпразднуем ему прямо вот сейчас тут в зале день рождения.
Ну вообщем, такой хохот, там шум. И кто-то кричит:
- А если, а если человек просто скажет, что у него день рождения, а в действительности – нет, ведь паспорта же нет, там свидетельства о рождении нету.
А я говорю:
- А я по глазам – говорю – сразу узнаю, и если день рождения у него нет.
И рассказываю им анекдот:
- Вот, например, подойдет человек, а у него только один глаз стеклянный. Один глаз вставлен, а другой нет.
И я ему вот этот старый солдатский анекдот рассказываю и так хохочу, до того еще, как подумал о том, как я его расскажу. И во сне такой хохот. И я, и весь зал начинает за мной хохотать. То есть, это поразительно веселый, жизнерадостный сон, как никогда. Я, конечно, попробую развить эту шутку и сделать из этого рассказ. Я уже как-то так потом уже под утро встал и об этом подумал.

***

Так, вчера приезжал, вчера приезжал Иосиф Бегун. Такой, для меня, конечно, это был такой неожиданный, как бы сказать, подарок, в смысле, что такое быть в форме и здоровым. Ему семьдесят три, по всей видимости. Розовощекий, такой подтянутый, хотя так, маленький животик там есть. Но в принципе, так... И я из всех вопросов, которые там начали... Ну, аудитория там была человек двадцать пять в этом моем узком проходе. И... ну, если так их поименно, я их почти всех знаю, кроме там, одного – два человека, которых я... Я знаю, но просто они ущербные, ни одного, ни одного здорового по-настоящему, здорового человека, не было. Ущербные,

пожилые и из среднего поколения были два человека. Так я думаю, полушизофреники, полусумашедшие, просто не шизофреники, а мишигене. И вот, и вот эта аудитория была – это было жалкое зрелище, жалкое зрелище для меня. Хотя кто-то там, так сказать, скажет, что:
- О, собрались и слушали.
Он рассказывал некоторые вещи, которые для меня были внове. Особенно об Авигдоре Эскине. Это единственный его там... тут же спросили об Авигдоре Эскине, о Каханэ, о Нахэмен... уже не помню. Короче, он говорил, пока еще как-то набирал скорость и потом так, более не менее, включился. Итак, короче, он при ясном уме, но нету такой... яркости в беседе не было проявлено. Но он человек милый, очень, я бы сказал, такой... Есть в нем, как обычно бывает, жестких, может быть, позиций или таких в таких позициях, он становится тверже кремня. А в действительности он человек добродушный и я бы сказал, может быть, даже и мягкий. По тому, как он ко мне потом пришел и начал меня... Обнял меня и говорит:
- Я даже не ожидал, я вас по телефону только слышал, не видел. А вы оказывается такой, мол, человек импозантный, красивый и очень добрый. Я вас... Просто я очень рад этому.
И короче... а я все время из всех вопросов, которые там задали, хотел ему задать вопрос:
- Что вот когда вы сидели в ссылке, ни это ли дало вам такую силу здоровья, для того чтобы выжить? И не является ли ссылка вот с этой его... с этой его жестокостью, жестокой диетой и все прочее, залогом, что потом сохраняется здоровье?
Ну, это я так, потому что у кого что болит, тот о том и говорит. А в действительноси, жена его такая все-таки руссифицированная и хотя она, так сказать, из Юдиных, но видно, отец был русский, скорее всего, у нее русскости больше, чем еврейскости. Хотя она напирает на то, что там у нее есть стихотворение... что они в Иеррусалиме живут часто и в Израиле. На два дома дома – Москва и Иерусалим. Так они назвали и свое издательство. А вот что еще можно сказать? В принципе, она, конечно, пишет стихи, которые надо было бы только читать, как говориться... как говорил Иосиф Виссарионович про... по более высокому уровню стихов Симонова:
- Что издать... (который назывался... книжка была названа “С тобой и без тебя”) издать в двух экземплярах – для него и для нее.
Вот я бы точно так же посоветовал бы в отношении стихов, издать в двух экземплярах. Но человек пишет, человек считается редактором. То есть, вот это неумение на себя взглянуть, как бы сказать, глубоко и со стороны, они естественно присутствуют. Книги изданные ею, кроме, пожалуй, вот этой

книжки... Ну, “Горские евреи” она цельная такая книжка, просто ясно продуманная. И книга об Агаде, о литературе Агады... Пожалуй, все остальное – это такое разношерстное и не цельное. То есть, портфеля, как такового, нету. Но это, как говорят, забава или это повод для того, чтобы еще чувствовать себя в форме и в силе. Ну, слава богу, хотя это, это точно также, как книжные магазины в русской эмиграции, я бы так сказал. Вот. А впечатление, конечно, осталось, если так, в общем, как что-то такое... что такое умирание и выживание, это было, так сказать, очень показательно, очень показательно.

6-ое сентября

Сегодня уже 6-ое, да 6-ое видно сентября. Любопытная такая, повторяемая часто ситуация во сне – это книжные магазины. Но самое интересное в этом – это книги, которые я смотрю и которые никогда не видел. Вот это...

****

К03.10

***

Да, я попадаю и вижу, как Марина с подругой, как точно, так это не сестра даже. Она как-то так смеется и говорит:
- Ну, вот тебе.
И достает мне такую мужскую фуражку, которая у меня висит вот прямо вот здесь на вешалке. И говорит:
- Вот тебе. Это очень тебе подойдет.
А потом появляется еще такая широконосая, совершенно так... большеглазая девчушка и она говорит:
- А это кто?
А она как бы улавливает мою мысль и говорит:
- А я из Сибири приехала.
Ну и я думаю:
- Очень похоже на Сибирь, на сибирскую девочку такую.
Теперь дальше. И я все-таки так думаю, что... я проснулся, потом вообще прервался мой сон где-то на час.
И я читал еще, читал еще Дали о Чингис-хане и думаю... А да, и я заснул опять. И снится мне, что я все-таки остался без... остался без фуражки, которую она мне дала. А на дворе, так сказать, прохладно. А оказываюсь я, нахожусь типа в отделении милиции, именно в милиции, не полиции, а милиции. И нахожусь там не как подозреваемый или что, а просто как человек, который, там не знаю, по каким-то причинам, как режиссер, как писатель, которого пригласили кто-то... то есть, я там с кем-то, кто меня туда привел, какой-то милицейский знакомый или какой-то... которых у меня никогда фактически не было, может быть. Ну, неважно. И в это время мне говорят... заходит женщина к себе в кабинет и так приглашает нас. И достает из своего шкафа две фуражки такие. Одна какая-то яркая, вроде голубая типа фуражка. А вторая такая серая, милицейская, с кокардой милицейской или что-то там не знаю, но современная, не старая, милицейская. И она говорит:
- Это вам, просто как презент, для людей, которые достойны носить вот такую фуражку.
Я думаю:
- Это совсем неплохо.
Во всяком случае я одел ее, она прекрасно, так сказать, села мне на голову. И я думаю:

- Это совсем неплохо. Я буду во всяком случае даже милицейский, как бы сказать... Чины могли иногда носить сверху цивильную одежду, а фуражка говорила об их, так сказать, принадлежности к военным или к милиции. И

если мне придется ехать вот в этот уже... уезжать, меня может быть, никто не будет трясти и прочее.
Вот. Начнем с этой концовки. Я вчера, когда мы убирали клозет, Раиса Аркадьевна там увидела мои... фуражки у меня там генеральская, адмиральская. Все фуражки выставлены, ну они так стоят там. Я одел морскую фуражку и спел ей:
- А вечер опять
  Хороший такой ...
И она была счастлива, она говорит:
- Не зря я в вас влюбилась.
Ну вообщем, такой просто эпизод. А отсюда могла появиться вот эта милицейская фуражка. Вот этот стакан, в котором Марина пила и полощет там... Это то, что я пошел просто попить воды среди ночи, что редко бывает. Но почему-то мне так захотелось из-за того, что бывает, что першит в горле. И отсюда появилась вот эта, вот эта... А платье и вся эта дребедень с одеждой... Это вчера... этот клозет Олин рассортировывали и сотни, сотни платьев и прочее, оно вот так немедленно отразилось вот в этом сне. То есть, сон, конечно, как мы говорим, полностью подтверждает мысль, что вчерашние или прошлые деяния, жизнь твоя и все, все фиксируется в твоей памяти и всплывает, всплывает потом вот так.

4-ое декабря
Да, было так, оказывается я включил и была пауза и придется опять все повторить с начала. Значит сон, это уже 4-ое декабря. Снился сон, конечно, странный для моих... Но правда, здесь уже последнее время какие-то проскальзывают... Снится мне, что я иду по такой степи, по дороге, которая такая голая какая-то. И где-то вдали есть какие-то... силуэт какой-то деревни. И по архитектуре это где-то восток и это где-то в Израиле или в Египте. Я иду по этой дороге пыльной. Одет я тоже в какой-то или в балахон или в хламиду какую-то или что... и повязана голова, потому что солнце палит... Или полотенцем или беретом таким пышным, не знаю. И в руках у меня палка своя. И я иду вот так по этой дороге. И навстречу толпа, большая такая притом. Дети и старики и женщины в чадрах. И все это идет мне навстречу. И они при всем при том, не выглядят для меня враждебно и они уступают мне как бы дорогу. То есть, я не сторонюсь и мне не приходится, так сказать, как бы... Я не по центру иду, а по кромке дороги,

как говорится, с правой стороны так иду. Но они, те кто тоже занимают как бы, потому что их широкая такая волна идет, они уступают дорогу. И я иду, иду значит, вперед и чувствую, что у меня есть какая-то энергия и сила. И

они тоже это ощущают и смотрят на меня, как на какого-то человека, который знает, куда он идет. А я иду в какую-то деревню. Потом это все вдруг смещается и вместо вот этой вот степи, вместо этого пейзажа, я попадаю действительно в какую-то такую... восточный такой... какой-то дом, дворец. Дворец не дворец, это такой... где будет какая-то конференция, состоится или юбилейный вечер того же Кости, я не знаю. Я туда спешу, потому что я уже опаздываю. Все уже туда собрались, а я еще вот только лишь приехал. Прохожу по коридорной какой-то системе, где должен быть... где должна быть моя комната, где я должен там находиться, выступать или... Потому что это не дома. И я вижу, как там в одной комнате находится какой-то... женщины какие-то там смеются в этой комнате. А с левой стороны – открытый такой зал. И в этом зале размещены столы и он какой-то пустой совершенно, но большой зал со столами. И светлые стены и никого там, только какие-то там может быть где-то... издали кто-там. И я так захожу как бы в зал, иду уже по залу. И тоже там есть двери направо. И я смотрю, как бы попасть в этот коридор снова. И по дороге навстречу идет очень высокая, губастая, яркая такая официантка и несет поднос с какими-то там пирожками или что-то... такими суфле или что-то такое вот. И она увидев меня, так очень как бы обрадовалась и говорит:
- Вот, мол, кто к нам приехал.
И я говорю:
- А что вы меня знаете?
Она говорит:
- Ну, а как же.
И берет вот этот пирожок и прямо так в ротик и сделав так губами:
- Мол, возьми, возьми дорогой.
И сует мне этот пирожочек или суфле какое-то такое в рот. И потом я благодарю так и иду искать свою комнату. И думаю, что она в конце коридора с правой стороны. И там должен быть, может быть, Сема и даже и Костя и Руфа, я не знаю, кто там. Вот такое у меня ощущение. Но в это же время мне видно захотелось в туалет. И я смотрю, что вот в этом вот зале, в этом банкетном зале, прямо у стены, задней стены, стоит один белый стульчак. И ничего вокруг и только он один. Я думаю:
- Ну вот и хорошо. Значит специально вот для такой неожиданности, есть и такое.

И я сажусь на него. И правда там уже никого из... Но кто-то там мелькает и может зайти. И я думаю:
- Странная, конечно, ситуация, чтобы в банкетном зале был туалетный стульчак.

Но я говорю:
- Может быть в таких экстремальных ситуациях, он и существует.
С одной стороны, я сижу как бы так... Сижу и делаю вид, что я как бы, не знаю, сижу на троне. И я подумал:
- Но мне же надо будет подняться и как-то и штаны подтянуть и все... И трусы, и штаны.
И я выжидаю момента, когда здесь никого... Вообще, кто-то там мелькает, но никто как бы не обращает внимание на это. Но потом это как-то так... Сон уходит в темноту. Потом... это такой вот сон.
Ну здесь он, конечно, связан, взаимосвязан вот с этими последними днями, когда был юбилей, когда были гости, когда были... И я слушал еще передачу об Израиле и такую с вопросами комментатора там... Беклемишев, фамилия прекрасная этого комментатора. И наши обыватели, которые задают ему вопросы, а он рьяно отвечает на них. То есть, это живая передача, а в действительности это все филькина грамота, притом, что вот эти обыватели знают о том, как решить Палестинский вопрос, знают о том, как сделать то-то и то-то. А вот Шарон не знает, а Буш не знает и вообще идиот, а тот... Такая вот передача, всегда очень смешно для моего уха и все смешно, смешно. Но с другой стороны, там бывают перлы, которые стоит иногда так для.... записать. Вот. Это могло бы просто дать такой толчок в отношении вот тех арабов, идущих мне навстречу и юбилейный вот этот вечер.
А вот еще был такой немедленный отклик, как говорится. Я вчера разговаривал с Семой. И он мне оказывается столько еще рассказал деталей, как бы сказать, о ссоре, об этом конфликте с Костей, с Идой. Это все... он все-таки не понимает, что Костя болен. И здесь должен действовать только один, как говорил Поль де Кьюрри... только добром. Но это не понимает ни он, ни даже и Руфа, хотя она и психиатором была... психиатором там была, невропатолог. Короче, здесь недопонимание полное. Я уже теперь точно понимаю, что это болезнь и притом очень, конечно, неприятная. Агрессивно настроенный человек, когда у него после всяких приемов лекарства, он становится неуправляемым. И вот это надо понять, как себя вести в этом случае. Но я думаю, что вот этот правильный подход... Во-первых, не оспоривать, во-вторых, просто понимать, что это болезнь. Конечно, окружающим это, как говорится, неважно. Почему же

там надо больному человеку разрешать и потакать и все прочее. Но если это близкий человек, моя мысль и позиция, что надо просто найти такой тон, найти такой ключ для того, чтобы не возбуждать и не провоцировать и не давать больше повода. Так я думаю. А в действительности, это очень грустно. Так что... и меня он может тут же, так сказать, не замечает он по себе, как он агрессивен Сема. И насчет магазина:
- Это не магазин, его надо немедленно закрыть.

***

И снится мне тут же сон, что я открываю с другой стороны там, с другой стороны открываю там магазин. И в это время подходит... И я думаю:
- Да, действительно, видно надо в конце концов...
У меня у самого эти мысли есть, что надо его каким-то образом... Но как? Жалко, такое обилие, такой труд, махина построена и вдруг ее надо разрушить или, так сказать, отдать.
И вот в это время, так сказать, появляется Рохлин, который что-то мне говорит, держит в руках целый ворох моих каких-то рассказов... И я подумал:
- Может мне надо все-таки с ним посоветоваться. При всем при том, в этом вопросе, он лучше понимает, чем о том, о чем он пишет.Потому что там он совершенно вообще полный, так сказать, профан.
А... но потом подумал:
- А чего мне? Как бы ни было, это... это маслом по сердцу человека, который внутри все-таки завидует и нечистоплотен и прочее...
И я поэтому подумал:
- Нет, я не буду, не буду я.
Но сон сразу, как бы отразился на тот факт, который Сема приподнес.
Да, но вообщем, мысли, конечно, разные мелькают в голове, а я как будто, с одной стороны, оптимистично все равно настроен. С другой стороны, что-то, что-то неясно в королевстве датском. И в данном случае, имеется в виду, что, конечно, надо было бы все это уже... избавиться от всего этого и почувствовать себя совершенно свободным, независимым ни от каких-то там, так сказать, магазинов, ни от каких-то магазинов, ничего. Но еще все-таки видно не пришло время и еще не пришли такие силы ко мне.

5-ое октября

Сегодня уже 5-ое октября. Вот интересный такой сон, который перенес меня в Джурин. И я ... перенес меня в Джурин. И я... как бы там ищу квартиру для того, чтобы жить там, остаться жить там. Я не знаю, или это навсегда, или это временно. Но во всяком случае, прямо вот там на улочке,

где жила Соня Кабак, где жили там... моя учительница Галина Владимировна с сыном, прямо вот там находится такой дом. Но он намного, так сказать, современнее и так чище, чем это было в самом Джурине. И я там в... и я там нахожусь. Уже посмотрел комнату. Она такая... как будто чистая и есть как будто даже второй этаж. Так что-то видится вот в этом сне. Напротив там бывший такой.... где был когда-то... должно быть костел какой-то. И потом это стало... потом там был чуть ли не... какое-то радио было в Джурине свое, я уже не помню. И там был... почта была, кажется так. Там была почта, потому что там жила Чеченко. А потом они переселились там возле почты, где было почтовое отделение. Дело в том, что напротив этот большой... ну, со стеной такой, оградой церковной. Это я не знал никогда, что там была церковь в этом... Но ее еще видно снесли до войны. И потом остались просто такая большая ограда, это в центре местечка. И это было для нас такой экзотикой и кроме того, мы там игрались внутри. Внутри потом был базарчик, который тоже недолго там простоял. И туалет построили недалеко, который тоже загадили и потом тоже срыли, зарыли, скрыли. И вот в этом я нахожусь там. Такой вечер сумеречный, такое состояние. И я думал:
- Ну что ж? Может быть здесь, мне даже будет и неплохо.
И почему-то мне казалось, что мы, мой двоюродный брат Изя тоже там где-то живет рядом в этом... И я даже его видел что ли там в окне на втором этаже, который там почти редко бывал. Но я ему кричу:
- Изя!
Но он как-то... нет там радостный быть. Но вот такой сон был.

***

Потом вдруг все переносится в Одессу. В Одессе я... тоже любопытно, но все детали куда-то пропадают. Не записываешь и не знаешь. Я думаю, что я хочу пойти посмотреть все-таки в книжный пока... Погода была что-то не очень... И я думаю:
- Пойду зайду в книжный магазин.
По дороге возле ресторана перед... прямо на Дерибасовской такой книжный развальчик. Там мальчик стоит и девушка и женщина такая еврейская. И они... и на столе у них лежит книжка, а в руках у меня какая-то своя книга о шахматах. Большая такая какая-то, большой альбом что ли. А там лежит тоже книжка, но старая, дореволюционная, как бы “Шахматы в открытках” что ли, вот такого типа. И я ее так беру, листаю и думаю:
- Да, интересная книжка.
И потом я чего-то эти книжки сложил и думаю:
- Да надо еще пойти...

Да и такое ощущение, что эта книжка бесхозная, то есть, она лежала просто как-то... Да, вот в чем там дело, что эта женщина и этот мальчик они совершенно продавали не книги, а них был какой-то типа... не знаю, киоск какой-то с едой что ли, или с пирожками. А книжка, иногда, как бывало когда-то, заворачивали в эти книги, в эти листы заворачивали пирожок. И вот у меня сомнение было, что она еще может быть, начнут рвать эту книжку на эти пирожки. И я... и мне было жалко как бы вот откуда пришла мысль. И я ее взял и как бы приложил, но пока не спросил ее или что... А она говорит:
- О, вы хотите это - или мальчику или мама – дядя хочет купить эту книжку.
Я говорю:
- Пожалуйста. А сколько она стоит?
Они говорят:
- Мы не знаем, но сейчас мы позвоним человеку, который нам ее оставил.
И я говорю:
- Ну давайте, звоните.
Ну вообщем, они звонят. Потом это все пропадает каким-то образом и я иду в книжный, но и это у меня пропадает во сне. Важная деталь осталась. И вот мальчик этот и мама или сестра его или что... Это бывая на базарчике, я покупал яблоки у них и оставил их и говорю:
- Я по дороге обратно...
Там базарчик был такой здесь в Норсбруке или в Дирфилде и таким образом я думал:
- Я обойду все и на выходе я их заберу.
И забыл. И вот этот мальчик мне и приснился. А потом уже, через неделю я пришел туда и говорю:
- Ты помнишь, что я оставил у тебя яблоки?
Он говорит:
- Да, да, я помню.
Я уплатил пять долларов и оставил яблоки. И он говорит:
- Ну вот, возьмите теперь целую кошелку.
И я говорю:
- Ну, спасибо.
И я забрал эти яблоки, так они попали ко мне. Другие, но неважно. Целая кошелка, там было побольше, чем я тогда купил. Вот такая история с этим мальчиком и этой книжкой и яблоками, как она вдруг преобразилась.
Там еще были очень интересные сны. Что ж такое нашел? Кто-то мне встретился... Не помню, не знаю уже...
Да, а потом проснулся с игрой слов. Значит у меня Наоми Кэмпбелл, Наоми Кэмпбелл. И родилась вот такая... такой каламбур:

Наум, с кем был?

С Наоми с Кэмпбелл.
С Наоми Кэмпбелл.
Кем был? С кем был?
С Наоми Кэмпбелл.
И еще один раз по-другому, что
Кем? Ага

Отец Наоми Кэмпбелл
Кем был?
Вот так я себе...
Отец Наоми Кэмпбелл
Кем был?
Можно и так. Во всяком случае, сама игра слов и звучание очень каламбурное.

***

Я начну немножечко по-другому. У меня сегодня был сон, который я сейчас более помню. Я позавчерашние не записывал. Значит, сегодняшние сны были такие. Это после Йом-Кипура, вчера был Йом-Кипур. Я много так молился своей молитвой, которую я сам искренне, от души, я сам произношу это. Просил Всевышнего за родителей наших... и молитву только на идиш я произношу. Находятся какие-то слова, которые я забыл. И вот на этом языке мы обращаемся к Всевышнему, к моим родителям....

7-ое октября

Значит сегодня уже 7-ое октября. А прошел праздник Йом-Кипур, Рош-Ашана, юбилей, Йом-Кипур, Костин юбилей. Ну, вообщем, много было таких национальных событий. А вчера я уже об этом говорил. А сны... Сегодня мне снится такой... Ну, сон не новый, но как обычно, с новыми деталями, с необычным развитием, с поразительными, я бы сказал, какими-то местами или происходит это. Но в данном случае, какая-то конференция руссистов. И меня тоже пригласили туда. Обычная такая аудитория и я так наблюдаю. Я уже это видел и знаю. Но и мне хочется как бы и произвести впечатление и все. И я к этому подготовил чтение и моих рассказов и эмиграмм. Вообщем, такой чисто творческий показ. И это находится в какой-то... в каком-то кампусе университетском здании. И я имею уже там и даже какую-то комнату, где я сложил все свои вещи. Но пока еще идет

только начальное какое-то знакомство. И я свой костюм такой нарядный и прочее оставил еще в гостинице. Но и одет сейчас тоже так артистично. И еду, иду в зал и там целые какие-то проходки, знакомства. И потом мы почему с.... Да, и потом это все как-то исчезает и мы попадаем в какой-то ресторан, где... А, нет, нет, нет... До этого идет какая-то... Но вообщем там смещено у меня, я сейчас не помню там последовательность. Но там такая идет ситуация – мы попадаем в белорусский ресторан. И белорус этот самый официант. И я почему сижу, кажется, с Мариком Ройтманом или кого-то из знакомых, это вдвоем и он очень голоден. И это я понимаю. А я тем более, не могу есть всякую пищу эту. И наконец, тот подсаживается, именно подсаживается такой очень бойкий разговорный человек, с усами какими-то такими длинными, похожими на белоруса или украинца. И на каком-то таком очень странном языке типа англиском – русском – белорусском, очень долго, быстро говорит. И я говорю:
- Что же у вас есть в меню?
Он говорит:
- О, у нас то-то-то-то – он говорит.
И я ничего не улавливаю. Я ему говорю:
- Будьте добры, медленно и спокойно скажите мне, что у вас есть в меню, учитывая, что я вегетарианец.
А он говорит:
- Борщ с мясом.
Я говорю:
- Нет, это мне не подходит. А вот, например, какой-нибудь овощной суп, это я бы еще съел.
Короче, что-то там не склеивается с этим. И этот сон тоже исчезает.
И я переношусь в какой-то конференцзал, где сидят молодые такие руссисты, которые тоже хотят исты, как я говорю. И они сидят и обсуждают какие-то там... Ага:
- Что вышел какой-то там каталог. А вы видели там еще один вышел каталог? А вы видели, что вышла еще какая-то... это самое... книга, библиографическая книжка по русскому языку, по это самому...
Я говорю:
- Слушайте, вы же молодые...
Да и я как-то хотел по-другому повести этот разговор, а они опять переводят на какие-то только библиографии, только это самое... И я говорю:
- Вы же молоды еще. Почему вы ухватились за библиографии?
А они оказывается... одно прекрасное стихотворение выше сто библиографий. Вы же должны язык изучать, а не библиографии.

И короче, но они меня как-то не слышат. И я еще раз пытаюсь об этом... А потом я думаю:

- А чего я буду с ними это самое...
И вдруг я вижу, что среди них или ко мне подходит Маргарита Орестовна Габель. Но она какая-то не такая старуха, как была в то время, когда я ее видел, может она и не была тогда такой старухой. Но я сейчас не могу определить, но ей было где-то к шестидесяти, я так думаю. Но для меня, девятнадцатилетнего, это, конечно, была старуха. Но я недавно читал в “Иерусалимском библиофиле”, что там какое-то тоже воспоминание он писал о ней и там тоже употребил это слово “Старуха Габель”. Меня это резануло с точки зрения неэтичности по отношению к женщине. Но в то время, видно для нас она... Она была седая, седоволосая такая, очень величественная и в этом смысле, аристократичная женщина. Но, конечно, по возрасту она была необычайно далека от меня. Но, вот здесь интересный момент один. Подсознательно где-то, подсознательно, я все-таки даже может быть, желал быть близким, близко с нею. Хотя никогда вслух таких мыслей у меня не было. Я, как бы так сказать... Но где-то в подсознании что-то там роилось. И вот в снах, которые мне часто снятся, вот этот момент именно происходит. Точно так, как с Кирой Муратовой. Но Кира Муратова была почти мой одногодок, но не одногодок, она была лет на пять – шесть старше меня. Но тогда мы были очень похожи в смысле, по возрасту, близки. А вот здесь... и я говорю:
- Да – и я говорю – а время сколько? Который час?
Они мне говорят:
- Без двадцати пять.
Я говорю:
- Боже мой! Так у меня же в пять часов поезд. Я же должен уехать обратно – я говорю.
Но вообщем, теоретически я еще мог бы может быть сейчас взять машину и мчатся туда в этот... в кампус или тут забрать мою одежду и – на возал. Но практически я думаю:
- Что это же невозможно. Придется что-то придумать. Или полететь самолетом и может быть это даже и лучше, чем сутки так ехать поездом.
И в это время она говорит:
- Ну, давайте, пройдемся, Илюша.
И мы идем по очень странному такому... Значит, мы как бы, мы идем по каким-то... как оранжерея, но идем на верхний... идем на верхнем ярусе. И мы идем по балкам, которые идут в этот... туда, куда-то в город. И... но надо же каким-то образом еще и сойти с этого. И я как-то очень так ловко

балансирую на этих балках. Но и она оказывается тоже совсем молодо и вот так... И я говорю... Да и спуститься мы можем вниз опять только по какой-то... на следующую балку, которая там находится. И в этом смысле это опасно, потому что все-таки это высоко. Но и я внизу, я сошел на эту балку вниз и думаю:
- Как же она сойдет?
И она говорит:
- Я сойду.
И я так смотрю сверху. А у нее правда, широкое такое платье. Но там все правильно и я ничего не замечаю. Но вот такая, как бы... все-таки эротический какой-то момент. Но она так... Я ей подаю руку и когда она сходит, мы дальше идем. Ну, вообщем, мы дальше идем, то есть, это какая-то эквилибристика требуется, чтобы пройти этот путь и сойти вниз. Ну вот такой вот сон. Дальше я не помню как там, но там очень все логично было очень все, как бы с продолжением снилось.
А потом что? Вот. Ну там еще были какие-то сны, но я все это не запомнил.

***

Да, еще снился позавчера мне сон, очень такой красочный и странный может быть даже. Зачит, что там было? Я нахожусь в Израиле. И смотрю по... ну как-то, между двумя какими-то большими как бы... между двумя что ли домами или, как-то может быть можно и так сказать, открывается такая площадь и по ней идет большая демонстрация. Похоже на такую советскую, времен советской... С красными знаменами и очень большое – большое количество людей. И они так идут издали я вижу. А вот на первом плане, где я стою как бы еще, проходит женщина с ребенком. И мое внимание как-то остановилось на ней. И она идет по какой-то такой дорожке, где деревья, кусты. И она спускается чуть – чуть вниз по улочке.
И я думаю:
- Вот эта женщина идет к себе домой.
И она как-то так уверенна. И она заходит... И я думаю, и я так думаю:
- Где же она живет? У нее видно очень богатый здесь должен быть дом. Потому что район как будто очень какой-то такой богатый.
Но когда я вижу, как она входит в калитку какую-то, у нее чуть ли не Джуринский какой-то такой дом. Именно, как будто это Джуринский дом, я думаю, из какой-то такой типа и фанеры и там кирпича и все прочее. Вот. Вот такая вот штука. Почему мне снилось? Мне трудно так сразу это понять. Но сейчас я как-то подумал. Я купил картину итальянского художника, очень какого-то такого уже... хорошего художника. И там вот...

такой значит пейзаж – гора вдали, залив и старый, старый такой парусник в воде. Значит у берега, рыбацкая какая-то лодка с парусами такими. И там красный этот парус смотрится, как... какие-то... как знамя. И два дома. То есть, сверху, с левой стороны и с правой стороны такие именно итальянские такие с крышами кирпичными. И как бы вот перед этим заливом два дома и между двумя этими домами вот этот пейзаж как бы был выстроен. Вот такая же штука была в этом сне, что увидел между двумя какими-то домами, вот идет демонстрация с красными знаменами. Какая взаимосвязь? Абсолютно для меня неясна. Женщина с ребенком – возможно это все-таки связано с террактом, который был в этот день в Израиле. И почему мне, может быть и чудно, что снилось, женщина, которая осталась жива. Здесь какие-то могут быть взаимосвязи. Но объяснить это трудно. Вот.

***

Потом мне снится совершенно другой сон. Я нахожусь дома, в каком-то богатом таком доме. И у меня в гостях что ли находится посол. Посол Советского Союза что ли или России. Такой очень сытый человек такой. И вот мы с ним разговариваем, общаемся. И я так убеждаюсь, что он довольно, ну как бы сказать, интересен и умен. И Костя кажется, тоже присутствует. А потом вдруг это как-то прерывается что ли.... И я смотрю... Да, и он в таком костюме светском. А потом, когда я выглядываю в окно, подъезжает машина и он... Он выходит или входит в нее в генеральской такой форме.

Что это? Какая это... ? Ну, вообщем, там были детали интересные, но я... это все где-то испарилось. Но я перед этим просто читал такое интервью ирландского посла в России. Но вот этот сытый очень, ирландец, типичный такой... Потому что у нас... жил рядом с Питисоном такого же типа. И Густавсон, два ирландца, которые живут возле меня, очень похожи на него. Курносые, широколицые и жизнерадостные. И вот это, он мне просто запомнился. Фотографии такие живые. И он себя чувствует очень свободно и вольготно в России. Так я ... вот этот сон может быть, с этим дипломатом русским... Он не похож на Бовина, но просто вот такого вот типа такой. И вот эта генеральская форма... Ну как, что все дипломаты взаимосвязаны с КГБ и что вот такая могла быть где-то мысль. Но снился вот такой вот сон.

10-ое октября

Сегодня должно быть 9-ое или 10-ое октября. Да, 10-ое октября. Я еще не записывал, кажется и за 8-ое и за 9-ое что ли. Но там были сны, которые я

так запомнил. Один был сон – это опять отъезд в ... опять отъезд из Одессы. Это вечная тема и тревога какая-то. И там какой-то сабантуй, в котором... приходят все художники. И провожают меня и какие-то там... ну, как обычно, вот эти, как назывались они там, провожалки вот эти, наши прощальные. Тем более, что думали, что навсегда. Но там интересная одна деталь, что Люсьен... стоит с такой бутылкой водки на Жуковской и Ленина и где-то оперся, как говорят, на какой-то там заборчик. И там на углу, на кирпичи и ждет меня. Я должен почему-то туда придти и для того, чтобы попрощаться, и прочее. Вот такая деталь какая-то засела в голову. И там было еще много интересных деталей.

***

А сегодня мне снился совершенно другой сон, тоже поразительный. Откуда рождается и как оно вырисовывается и как оно обрастает какими-то и коллизиями и деталями и неожиданными вещами, которые я в жизни фактически сам никогда и не видел. Значит, мы едем на какой-то концерт музыкальный. Не знаю, симфонический оркестр или кто-то из типа... видно сейчас приезжает Спиваков с оркестром. Может быть отсюда оно. И мы должны туда попасть. И вот Оля ведет машину. Но это снежная какая-то... очень большой снег. И мы едем в какое-то здание громадное, которое находится далеко в городе. И вот она должна как бы завернуть, либо поворот, который ведет на хайвей или куда-то с нашей “Волво”. И с нашей “Волво” мы едем и с нами еще кто-то, который, я не знаю, Костя с Семой или кто-то из наших с нами едет. И она почему-то не заворачивает на этот... а едет еще через какой-то там... улочку и заворачивает. А там одна какая-то... то есть, там уже выехать... Во-первых там закрыта как бы... выезд. Во-вторых, там очень трудно проехать из-за того, что снежные сугробы, что там как-то все завалено. Вообщем, машина как бы застопорилась там. И они выходят, и мы все выходим и начинаем двигаться куда-то вперед по какой-то странной очень дороге. Подвесной, не подвесной, ну вообщем, там целые какие-то перепитии. Короче, они как-то вдруг отделились и я остался один. Но я думаю:

- Что все-таки надо мне как-то возвратиться к этой машине

Сон был прерван. И потом опять продолжается и снова пришло... и снова эта же самая тема. Я иду по каким-то очень странным таким подвесным дорогам через речку, через что-то. Очень такое сложное и опасное. И можно упасть, и можно пропасть. И я это самое... Но все-таки, я так двигаюсь. Потом билеты я скатал, какие-то два билетика я еще должен... Адрес там еще где-то указан. И я думаю:

- Хотя бы не потерять.

Потом встречается мне кто-то по дороге или Марк Ройтман или кто-то,

который тоже... И я ему говорю:
- Вы со мной может быть пойдете?
Он говорит:
- Конечно.
И я говорю:
- Я не знаю, тут билеты на нас. Но я вас постараюсь... Я думаю, что мы найдем билет, я вас постараюсь обеспечить билетом.
И мы идем по этим же каким-то дорогам и надо добраться до того места, где наша машина. И вот я как будто... Да, и в это время по селектору, по радио объявляют, что такая экскалаторная дорога сейчас будет возле... остановится возле какого-то там места. И вы можете доехать прямо к тому-то, к тому-то месту. И это как раз видно там, где машина, я так думаю. И вдруг начинает тарахтеть на деревянных таких... деревянные, связанные друг за дружкой такие платформочки. И они, не знаю, по какому принципу... они идут прямо по земле, прямо... не по какому-то там... Это не подземный какой-то... метро или какое-то там... А просто по земле. И они так легко тарахтят и идут вперед. И там стоят уже люди тоже и они держатся как-то. И я думаю:
- А как же на него попасть?
И я не рискую сесть. И Марик где-то исчезает. Но я не рискую сам сесть на эту... и не успеваю уже. Она помчалась уже туда дальше. И я вижу, как змейкой она туда мчится. Похоже такое, как на плотогонов, у которых вот такие как бы друг на дружке сцепления и на нем там деревья везут. И вот я не попадаю на это и думаю:
- Я пойду рядышком где-то.
И вот я иду по каким-то там, похоже, как в Одессе, там... моя любимая такая как “Белеет парус одинокий” на этом... на большом виадуке, я не знаю, как там это называлось. Такие сверху, над морем, прямо висит в парке над... над морем этот... эти такие каменные, каменные такие мосты с большими окнами, с прорезями, в которые я с удовольствием смотрел на порт. И вот я по этому двигаюсь вперед. И вот я уже попадаю... в какую-то долину спускаюсь. И вижу, что там, да, недалеко от нас, должна быть наша машина. И тут я встречаю Эрика с какими-то своими друзьями. И я говорю:
- О, Эрик, ты знаешь, где наша машина? Вот здесь, может мы сейчас выедем?
Он говорит:
- Да, папа.

Но взгляд и лицо его как-то немножкое другое, чем обычно. Или он выпил как будто. Даже какое-то у меня ощущение, что как будто он такой

разгоряченный. И он мне говорит:
- Я тут должен еще с ребятами пообщаться. Мы там начали разговор или какой-то спор и я сейчас буду с ними еще.
И я говорю:
- Ну, хорошо. Я попробую сам.
И я как бы отправляюсь и в тоже время думаю:
- Вот тоже, как это неприятно.
И как бы вижу, где-то издали там, среди снега, среди снежных заносов, вижу нашу “Волву”. И потом этот сон исчезает.
И вот этот последний эпизод, он очень интересен. И я приглашал Эрика придти еще потом к нам после Йом-Кипур еще вечером. Но он говорит:
- Нет.
Он еще должен поехать на кинофестиваль. Он там member этого фестиваля и поэтому он поедет туда. И я подумал... тогда-то у меня как бы и кольнуло. И вот видите, это во сне оно как бы вот так вот отразилось. Это мне понятно. Сама обстановка – где и что – это уже, как говорится, фантазии. И то, что оно вот так бросает тебя во сне в такие реалии, это очень реально. Это не то, что я попадаю в какой-то, я знаю, на какую-то планету, где я встречаюсь с совершенно невиданными для меня зверями и человеческими какими-то обликами и все. Здесь все реально, но очень незнакомо, с точки зрения, мест. Но они есть, они могут быть. Я их никогда не видел, но они где-то существуют. Я никогда в таких местах не был, но они есть и они реальны. Вот такой вот, такие вот сны.

***

Это сон любопытнейший. Значит, там мысль такая. Все вылетело из головы, кроме одного эпизода. Эпизод такой, что я... мы находимся в каком-то эмигрантском доме. И какая-то там ситуация, связанная, не знаю, с кем.

****

K03.12

1-ое декабря

Сегодня 1-ое декабря, день рождения вождя. Так, значит, что же у меня были за эти дни... Конечно, было очень много интересного. Сегодня вдруг, уже под утро мне снился такой сон. Я встречаюсь с каким-то человеком. Голова у него странная такая, как бы перевернутая в обратную сторону. И рыжие какие-то волосы на макушке. Ну, такой очень юродивый, такой милый человек... как будто он из Санкт-Петербурга, собиратель. И я говорю:

- Куда же вы...? Как же вы все могли это...? Вы видно настроили вот все, чтобы у вас было... чтобы оно было видноя, как... какие-то полки... И очень одну за другой... узко, чтобы там можно было бы легко доставать и смотреть. И я думаю, что вы очень большой педант. И вы, конечно, это все так сделали.

А он так улыбается юродиво и говорит:

- Да, да, да. И так я, мол, сделал.

А все это связано с тем, что я так сам задумал внизу постороить в basement такие полки, для того, чтобы разместить все, что связано с публикациями, с архивом, и чтобы можно было это все легко находить и доставать. Вот так сразу, как говорится, в такой сон это преобразилось.

***

А потом снится, что я нахожусь в Доме Книги. И он как-то очень странно... совсем не в том месте где сейчас. А такое светлое какое-то здание, с нависающим каким-то... ну, как балконом над этим. А я как бы думаю вообще туда... сейчас как бы... или я выхожу из него для того, чтобы куда-то уйти. И вдруг вижу идет целая стайка людей, похожих где-то будто даже на приезжих из Шотландии или откуда-то... Говорят так... и они направляются именно ко мне. И я думаю:

- Вот, как раз сегодня день такой последний перед Рождеством. И эти люди, конечно, захотят купит всякую, разную мелочь.

И я как будто приглашаю их и сам туда... в магазин. Это тоже такая, как говорится... Я сегодня еду, вот сейчас полдесятого, полдевятого и мы должны быть там к одиннадцати. И я почему представил, что это последний такой день, сегодня ясный и хороший такой день и возможно, придут много людей. То есть, оно где-то немедленно, как я говорю, отражается, немедленно отражается.

***

В это же время снились еще какие-то поразительные сны, но два из них я успел, как бы сказать, застопорить в памяти. Один – это такой эротический сон. Я лежу на кровати. И рядом со мной лежит... но не рядом, а как-то... Ну, как будто через... ну, может быть даже, как впритык, может быть даже с другой стороны, лежит мама. И я как-то так знаю... И мне так хорошо и ласково как-то. И я думаю, что она меня обласкает. И у меня такая эрекция. Я тянусь к ее руке и она как-то так очень мягко меня держит за руку. Потом она встает... вдруг она встает во весь рост, без рубашки, совершенно обнаженная. Я говорю:
- Мамочка, так осторожно сходи с постели.
Но именно она как бы встала во весь рост на постели. И она сходит в... на пол. И она идет куда-то в кухню или как бы в туалет. И я слышу такую тоненькую, журчащуюся струйку. И это тоже как-то... и возбуждающую и как-то так... И хорошо, что именно так.
Почему этот сон снился? Я сейчас... мы перестелили там так... переделали кровати, что Оля должна через меня как бы проходить, переступать. Она к стенке... или она спускается там со своей кровати на пол. И она именно так встает и как бы так поднимается для того, чтобы сойти вниз. То есть, вот это... я всегда это чувствую, иногда просыпаюсь, когда она вот так встает среди ночи там один раз. А бывает, что и не встает. И вот это я как раз думаю, как оно сразу... И Оля, и мама, немедленно ассоциируются друг с другом. И она для меня в какой-то мере, тоже, как во сне всегда, как мама. Она уже и по возрасту... Ей уже пятьдесят пять сейчас, но она выглядит совсем молодо, по сравнению с моей мамой. Но она, особенно в те моменты, когда я помню маму молодой. Вот такой вот интересный, вот такой переход.

***

Потом мне снится сон, что я еду по Одессе, я еду по Чижикова и вдруг обнаруживаю, что на моем... что я не вижу... стекло мое, как бы запотело или там закрылось с... И я не вижу абсолютно, не вижу впереди ничего. И я думаю:
- Я же сейчас прямо врежусь в какие-то машины.
Что и как будто и действительно... что и как будто... но я затормозил и выхожу как бы из машины, но оказывается, я еду не на машине, а на мотоцикле. И люди как-то так шарахнулись, но я никого, слава богу, не тронул и полиции нету. И я думаю:
- Вот чудно!

И я начинаю выруливать этим мопедом каким-то или мотоциклом прямо возле вокзала получается. Возле этой площади к фонтану и там очень много

людей. И такие... шпана, и такие все с комментариями, с шутками, с хохмами:
- Куда ты едешь? Ты не так сидишь...
Или что-то такое вот, они с издевочкоми говорят:
- У тебя бензин там есть и все...?
И я вот так не знаю, заводится ли этот мотоцикл или нет. Я никогда не ездил на мотоцикле. Но мне надо отсюда как-то выбраться. Ну, вот такой вот сон, связанный совершенно... Я никогда на мотоцикле не ездил, не ездил. Вот такие пироги.

24-ое декабря
Два сна запомнились мне из сегодняшнего репертуара. Это 24-ое декабря. Christmas. И вот я нахожусь в каком-то хитром... попадаю в кабинет, это не Овальный, но что-то какой-то кабинет в Белом Доме. Как я там оказался? И почему? Абсолютно я не знаю. Вот. Но вижу, что как будто бы появляется там какой-то очень симпатичный, юный человек. Это своего рода, я не знаю, или это сенатор или какой-то... Во всяком случае, в моем представлении, это как бы будущий президент. Очень такой симпатяга и похож в тоже время, и на Билла Клинтона. И я так подумал:
- Было бы хорошо... неплохо его попросить сделать в Чикаго вот такой... запись какую-то и экспромт или что-нибудь.
Он... я подхожу так... И я не нахожу ничего такого на чем писать, кроме, как на какой-то записной книжке, в которой уже много чего записано. Он говорит:
- Давайте, давайте, я мол...
И берет, выбирает какой-то... более не менее что-то там... какой-то чистый листочек и рисует что-то. И пишет, и рисует. В это время, я смотрю... А там очень высокий такой потолок в этом зале и дверь такая широкая, старинная. И выходит оттуда президент, муж старый, не молодой, а старый. И он... за ним идет кто-то еще, какие-то люди. И он говорит, что:
- Вот эту дверь надо.... как бы починить, потому что она плохо открывается.
И в тоже время он увидел вот этого молодого человека или как бы претендента и... я не знаю, кого это... И очень так подозрительно наблюдает:
- Что он, мол, пишет, что он делает? Почему он вот так...?
Я понял, что это как бы, соперники на пост, на следующие выборы. И я когда забираю... тот мне, молодой отдает этот самый... И исчезает куда-то.

И я держу в руках вот эту тетрадь. И там рядом ко мне подходит Марк Ройтман, который тоже как бы со мной здесь. А дело в том, что вот этот нарисовал очень красивую гитару цветными какими-то там чернилами, вот этот молодой человек, претендент. И когда я получил от него обратно, я говорю, что:
- Разве вы будете... автограф будущего президента...
Его это очень обрадовало. А потом появляется значит вот этот Буш. И я слышу, как он насчет двери что-то говорит:
- Что дверь очень плохо открывается.
И с другой стороны подходит ко мне Марик и говорит... Берет эту тетрадочку и находит эту гитару и говорит:
- Довольно неплохо нарисовано.
Что написано, я как-то так... А, автограф сам там был на другой стороне. Что-то там было написано, но я еще тогда не уловил... я не разобрал. Я хотел сказать, что:
- Я сейчас посмотрю.
Это здорово! Такой вот... вот такая ситуация. И Марик так одобрительно говорит, что:
- Там неплохой рисуночек.
А теперь, откуда все это появилось, с моей точки зрения.
Первое. Сейчас идут какие-то гонки, президентские там гонки. Естественно, что я слышу об этом. И я не участвую ни в каких, так сказать, анализах, дебатах и что-нибудь, так сказать... Я даже об этом серьезно не очень думаю. Ибо моя, так сказать, энергия направлена совсем на другую плоскость и в другие дали. И поэтому я и не воспринимаю это так близко к сердцу. Но вот автограф и гитара, это совсем реальное что-то. Дело в том, что буквально месяц тому назад, ровно почти, я написал рассказ, который назвается “Гитара”. И я его читал на вечере, посвященном памяти Алона. И вот потом он появился... И я когда опубликовал, я нашел старинный какой-то девятисотого года каталог, в котором были... ну, прямо музыкальные инструменты. И очень интересная была гитара, как бы с двух сторон. Вот это мы напечатали в газете. И оно очень точно как бы... ну, иллюстрировало этот рассказ. Марик – блестящий график, блестящий, то есть, в нем такой талант, как говорится, заложен был. И он иногда мне делал хорошие... несколько портретов сделал и очень хорошие рисунки делал. И я вот это... Почему-то именно пришел Марик, как бы оценить вот этот рисунок претендента на президента. И вот отсюда и так оно... И я всегда думаю о том, что этот талант Марика просто погублен и им самим и он никак не может сосредоточиться или вырваться вот в этот... И уходит в совсем какие-

то потусторонние, посторонние увлечения. И... а то, что ему дано богом, ему бы действительно, на этой почве, мог бы что-то сделать хорошее, он

просто упустил и это уже невозможно восстановить. Это во-первых.

***

Во-вторых, сон с другой стороны, был такого порядка. Я опять приезжаю на киностудию. И приезжаю туда на какой-то открытой спортивной машине. Очень легкая белая машина. И она такая как бы... ну, небольшая и очень удобная такая для парковки. Но вот я подъезжаю к киностудии со стороны... на Французский бульвар и выезжаю.... И я смотрю там негде припарковать фактически. Я знаю, что может... Мне казалось, что там сейчас какой-то новый паркинг есть. Но я так проезжаю мимо центрального входа в это помещение и как бы ставлю ее вдоль аллеи... Это и помещение... И ставлю его... припарковал. Я не знаю, может быть, это и нельзя. И я выхожу и, так сказать, собираюсь попасть в помещение даже не знаю как, потому что я все-таки давно уже здесь не был. И у меня просрочен был, уже столько лет, мой пропуск, который я все-таки захватил с собой в Америку. Так, для памяти. И думаю, что... И в это время я смотрю, что машину как будто... так мельком я увидел... Открываются ворота рядом и увозят туда машину мою. Я подбегаю и там стоит Володя Мальцев – Пушкин. И я ему говорю:

- Володя, это моя машина... отвезли?

Он говорит:

- Нет.

И я ему говорю:

- Это была белая машина?

Он говорит:

- Да, но это не твоя машина. Там это какая-то студийная машина.

Я говорю:

- А где же моя машина?

Он говорит:

- А где она стояла?

Я говорю:

- Вот здесь вот.

Он говорит:

- Нет, ее могли просто забрать. Это же очень... А что это за машина?

А я говорю:

- Это с открытым верхом такая машина.

- Ну конечно – тогда он говорит – ее могли тут же увести.

И я говорю:
- Так что?

Он сам в расстерянности и я тоже. И я думаю, что:
- Вот пожалуйста! Я не успел приехать, как машину уже забрали.
Но интересно, что ситуация с машиной абсолютно не взаимосвязанна с Одессой и с киностудией. Не знаю, почему она как-то так обернулась для меня во сне. Я вчера ждал, я поехал на ста-а-рой... Не я поехал, меня Эдик повез на ста-а-рой, ста-а-рой машине, которую мы ему подарили. Ну, не старой настолько, но на которой Эрик когда-то ездил. А Эдику мы ее отдали. И вот эта машина, он ее... она осталась со всеми там ее побивками, поломками... но она ездит хорошо. И он подвез меня к врачу, потом он поехал покупать какие-то для мышеловок там... мышеловки для поимки мышей. И приезжает... А я ждал его уже на улице, возле бензоколонки. И я все время высматривал белую машину для того, чтобы, так сказать, определить, что вот он уже подъезжает. Но все-таки было ветренно и я подумал:
- Что я еще зайду в сени там, чтобы меня не продувало в такой... там, где касса.
И я стоял и из окна тоже наблюдал. И наконец, я все-таки увидел, что она подъезжает эта беленькая моя... Я пару раз ошибся:
- Ну вот, это она, это она.
И наконец, подъехала та. И когда он парковался у этого самого... он тоже проехал мимо здания. То есть, там нет парковки, но он проехал мимо. И вот это вот... И я его спросил:
- А почему вы так ездите?
А он говорит:
- А так удобней, мы все равно сейчас выедем там.
И он оказался прав, там можно было выехать. Очень узко, но он знал этот проход и проехал. И вот отсюда появилась вот эта парковка прямо возле здания, на узкой такой полоске. И белая машина, которую я ожидал, которая так врезалась мне в память. А сама машина, которая... на которой я якобы приехал на киностудию, совсем другая. И марку я не знаю, я вообще никогда не смотрю и не знаю марок машин. И даже цвет иногда забываю, на какой я приехал, если меня кто-то привез не нашей машине, я забываю какого цвета машина. И вот таким образом, это все снилось и объясняется. Я бы так сказал, и объяснилось. Я придумал хорошую шуточку. Потом мне приснилось тоже это, и я образовал это в хорошую шуточку, на мой взгляд. Мне снился Оперный театр Большой. Я что-то там смотрю. А потом я проснулся и чего-то вспомнил про Аиду и думаю:

- Да, ну подожди, а кто там главная... Да, Амнерис, я вспомнил...
И вот родился у меня такой анекдот, который я сам придумал и поэтому...
- Что в Большом театре идет репетиция. Актеры уже устали и проголодались. И во время перерыва они идут в столовую. А у нас громадный бас подходит, актер подходит и говорит там шеф-повару:
- Пожалуйста, дайте мне шницель или бифштекс с кровью.
А исполнительница Амнерис, очень такая изящная, тоненькая певица, подходит за ним и говорит:
- А мне рис.
И вот это вот: “А мне рис” я услышал “Амнерис”. И вот эта вот игра слов, каламбур этот, включая этот анекдотец, пришел мне в голову, который я и записал. А сегодня я все-таки вот лежа, проснувшись, что-то подумал о юбилее моем, наступающем, я подумал:
- Надо было бы написать такую пародию или такую... такой... эссе такое, которое бы называлось “Юлюбилейное”, “Юлюбилейное”, “Люби елейное”. Вместо “Юбилейное”, “Люби елейное”.
Ну, игра слов, по-моему, тоже хорошая. И “люби”... само слово такое “любилейное”, “любилейное”. Вот. Так что, может быть, и надо будет что-то вот такое придумать. И появился какой-то сюжет в плане того, что может быть, даже действительно это стоит использовать, чтобы праздновался юбилей какого-то известного там актера или художника. Ну, скорей всего, лучше это в актерскую среду дать. И на... или трибуна, на которую выходят и приветствуют эти вот... Или какой-то там человек садится на какое-то кресло... Это волшебное кресло, которое при... Если ты на него становишься... на трибуну вот стать или вот сесть в кресло, ты говоришь только правду. И вот тут надо, конечно, с трибуны... Это требует... Я подумаю. Трибуна это хороший момент, что... Но это надо подумать, как это сделать. Во всяком случае, здесь есть и ход, который... есть смысл использовать, когда они выходят на трибуну, они говорят вот как будто... Чтобы “елейное”, потом, когда садятся, может быть, тогда они думают совсем по-другому, говорят только правду, это может быть, эквивалентно.

25-ое декабря

Сегодня 25-ое декабря. Где-то Christmas. Все вокруг... видно никто не работает сегодня. И вот снится мне два сна. Один сон, что я попадаю в такой склад, мясной склад, где... Он настолько громаден, что просто его охватить невозможно ни взглядом... И мысль, что это какой-то, как амбар, ангар какой-то, весь заваленный колбасно -... колбасами, спресованными какими-то большими пачками, паками... разные изделия из мяса. Они в

таких прозрачных, полиэтиленовых каких-то... обернуты. И спрессованы и ждуи своего часа, своего времени. То есть, я понимаю, что они не... не тухнут и не портятся. И это просто такой, я не знаю, полмира можно накормить вот этим мясом в разных, так сказать, вариантах. И есть какие-то целые... это как эти секции на... Похожие, как книжные такие полки, где стоят и живые... свежие, свежее мясо. И я даже думаю:
- Тут прохладно или нет?
Потому что я не чувствую этой прохлады. И есть там... и стоят какие-то девушки и женщины, которые оберегают вот это вот. Или они должны выдавать это мясо кому-то. И я так сказать, смотрю, а они нарезаны такими кусками, очень жирные. И внешне очень так привлекающе для тех, кого... Но так как я мясо не ем, я думаю:
- А зачем мне вообще вот такое?
И вообще, какое это преступление перед миром, что вот такой вот, как говорится, перед человеческим здоровьем и перед желудками, чтобы вот так вот только и заниматься. Какое количество, у меня возникают просто мысли, какое количество коров и быков требуется, чтобы здесь это... чтобы это мясо так накопилось в действительности. И я это все так себе представляю. И как этих... как их ведут по...
Это уже как бы отдельно что-то у меня так возникло или потом по этому поводу, когда я проснулся, что возникло как бы внутри этого. Это вот такая вот новелла, что громадная какая-то тоже бойня, механизированная, современная. И вот по турникету пропускают из какого-то одного этого... пропускают из одного этого там... из ворот каких-то одних там пропускают этих коров. И они идут по этому турникету, потому что их подгоняют. И они идут... или там какая-то линия такая, которая их как бы подвозит... такая... эскалатор такой. И они идут по этой линии и другого выхода у них нет. И предчувствие этой смерти уже тоже есть. И вот в глазах у них вот эта грусть и предчувствие смерти. И они начинают реветь при... когда они подпускают... когда их подпускают вот к этому последнему этапу. И какая-то электрическая... электрический какой-то привод опускается прямо им на голову и они там тут же умирают. И высовывается только язык, они его прикусывают. И они падают на этот же эскалатор и их уже везут в какую-то другую эту самую... И таким образом, их пропускают тысячами. И я подумал:
- Боже мой! Это же ведь предвестник был в какой-то мере, вот этой... Освенцима и других концлагерей, где фашисты как бы уничтожали точно так, таким же образом, уничтожали евреев и других невинных людей.
И вот у меня рождается вот такая какая-то фантазия по этому поводу, по поводу этой бойни и по поводу вот этого склада. И в тоже время я думаю:

- Вот надо было бы кошкам моим вот отсюда вот... Боже мой! Какое обилие

мяса. Хотя бы какие-то кусочки...
И я вижу такой небольшой... так как бы может килограмм, какой-то квадратик мяса живого. И я его как-то так беру в руку. И пальто у меня какое-то длинное и оно скрываю это. И я вот думаю:
- Ну, и я вот этот кусочек мяса им хотя бы привезу.
И в это время появляется Марк Ройтман и он говорит:
- Илья Эзравич, вы знаете, вот здесь я нашел какой-то – говорит - ларек, где очень интересные – говорит – картинки, такие оригинальные работы, листы продаются. И я вот один взял.
И показывает мне довольно красивый такой watercolor, на пейзажной...
И я говорю:
- А где это?
Ну пока мы... вообщем растерялись, мы ничего... мы не можем найти этот... этот ларек. И сон или у меня прервался или потом превратился....

***

Потом мне снится, что я еду с моим актером Пашей, который снимался у меня в фильме “Капитан порта”. И мы едем, в кабине сидим. И везет нас один человек в Джурин, потому что мне надо туда попасть. И вот он меня везет туда. И привозит сперва к себе во двор. Это такой типичный такой одесский двор с... где... с виноградом и все друг друга видят. И выходят его там дети, выходит жена. И я говорю:
- Да, но вы знаете, мне еще надо, чтобы... Я оттуда не смогу пешком, чтобы идти домой. И вы сумеете меня туда добросить и моего друга?
Он говорит:
- Вообще-то, да. Но я сейчас... вот меня дети попросили пойти купить им... взять им напрокат фильмы для того, чтобы посмотреть.
А я говорю:
- А какие фильмы?
Он мне называет какие-то фильмы. И я ему говорю:
- Это все у меня есть. Абсолютно все есть. И я вам еще дам еще и другие и притом, бесплатно. И вы их просто потом, просто занесете в Дом Книги.
А это все происходит в Джурине. И я говорю:
- Давайте, вы меня отвезите тогда домой.
И он говорит:
- Хорошо, мы сейчас поедем.

А мы уже собираемся садиться опять в его машину, типа какой-то такой автобус и в это время выходит из его же дома, его какой-то брат или больной или такой сумашедший. И так ласково ко мне начинает что-то там как бы приставать или говорить. И я его тоже так... ну, не отпугнул во всяком случае. И мы собираемся ехать... Потом сон этот исчезает. Вот такая вот дребедень. Кошмарно! Ну, вот в отношении вот этого... бойни и мяса, это любопытная такая... как просто готовая новелла, которую, может быть, стоит мне даже и написать.

***

Да, потом еще вспомнилось какой-то... как бы это во сне все явилось и проецировалось, такой как бы рассказ “Мальчик из хора”, я бы его так назвал. Значит, там ситуация такая. Что готовится, что меня и этого мальчика выбрали в... прослушивают, прослушивали в школе там голоса. И меня и еще кого-то, и меня выбрали в этот хор. А это будет хор... там будут отмечать... это как бы столетие со дня рождения Шевченко. И это в сельском таком клубе будет вечер. И вот они... хор, который будет исполнять песню “Рэвэ и стонэ Днипр шыроки” на слова Шевченко. И вот я попадаю в этот хор. И этот клуб маленький, сцена такая тоже не очень большая, но набилась очень такой... полная сцена людей, которые будут петь в этом хоре. И я уже высокий такой, но мне поставили как-то сзади и... поставили сзади... И в это время... и горят две большие лампы керосиновые, потому что электричества в этом клубе еще нету. Это видно сорок девятый год и в клубе нет керосина, нет этих... И я это самое... Я оказываюсь в этом хоре. И мне тесно и я вдруг нажимаю так сзади... И я вдруг... впереди стоящей женщины, хористки, какой-то женщины... Я прямо к ней прижимаюсь и я чувствую, как я весь пылаю и огурец уткнулся прямо в такое мягкое, приятнейшее место. И женщина это почувствовала. И вдруг ее рука нащупала мой огурец, растегнула ширинку, которая вот была на пуговицах и стала ласкать меня так, что я просто... не знаю... Боюсь, что это сейчас... И это почти впервые в моей жизни. Я готов взорваться. А она нежненько – нежненько так все это ласкает мне. И я... и я взрываюсь и сдерживаю свои... как бы стон. И она нежненько это заправляет... это все опять же в свое место. И я уже не думаю ни о каком хоре, не знаю ни о песнях и все... И это повторяется потом. И я уже жду.... И я не вижу лица этой женщины, потому что взрослая какая-то женщина. Это не школьница из нашей школы, а из другого... откуда-то, не знаю, колхоза или из чего-то. И я вообщем, назначен и я слышу как там...:

- А теперь, значит завтра в это же время, потому что там мало остается у них дней, значит опять же в семь часов вечера, снова репетиция.

Я.... с одной стороны, у меня стеснение громадное. С другой, ощущение от такого... тайны и радости, переполняет меня и я с нетерпением все-таки жду этих семь часов. И вот я появляюсь опять в этот... в хоре в этом, нас расставляют. И я даже не смотрю, я стесняюсь взглядом... И я понимаю, что эта женщина видно ищет тоже меня. Но я конце концов... Нас расставляют и я опять попадаю возле нее и теперь уже, как говорится, я более... ну, не то, что смелый... повторяется та же история. Но в это время, но она уже совсем в другом варианте. Эта женщина берет огурец и так... И у нее такое легкое платьице, которое она приподняла и начинает вводить это все в себя. Она высокая такая и еще привстает как-то на цыпочки и вводит это... и медленно. И я... я просто сгораю от стыда, сгораю от страсти и боюсь опять, чтобы я не вскрикнул, настолько меня это переполняет. Но все это заканчивается довольно и приятно, и благополучно. И я опять и счастлив, и в тоже время, весь... А так как я питался слабо и вообще, был голоден, так я еле – еле стою на ногах. И в третий раз заканчивается это тем, что я падаю в обморок от голода и от этой страсти. И я не выхожу... и думаю:
- Что больше я не смогу, не смогу больше выдержать это все.
И я не хожу, хотя страдаю и жажду попасть еще раз, но я на следующей репетиции не появляюсь. И потом меня вызывает директор школы и говорит:
- Слушайте, а почему вы не идете на репетицию? Почему ты не идешь в хор?
Я говорю:
- Я очень плохо себя чувствую, потому что я голодал.
Ну вообщем как-то так... Он говорит:
- А тут приходила жена этого самого... ну, не руководительница хора, а жена там начальника милиции или кого-нибудь из этих самых... и спрашивала, потому что она староста этого хора была – это он так говорит.
– И у тебя хороший голос и они хотят, чтобы ты опять там был.
И я говорю... И вот тут у меня появляется чувство, что я попал в какой-то как бы капкан. С одной стороны, это очень приятно. С другой стороны, мне стыдно. С третьей стороны, это взрослая женщина, а я школьник. И я понимаю, что здесь может быть какая-то... Я больше чувствую, чем она жаждет от этих утонченных тайных наслаждений. И так как это уже был конец как бы года... И я в девятом классе, я перестал ходить как бы в школу, как говорится, притворился болен, перестал ходить в школу. И я больше не появлялся там. И на следующий год уехал в этот самый... уехал в другой город или поступил в техникум. И таким образом, я... как бы это прошло. Вот такая была история, такой рассказ, может быть. Вот.

Но есть и продолжение этого рассказа. Там просто интересно, когда я попадаю в этот техникум, история почти повторяется. Но повторяется она совершенно, совершенно в другом уникальном варианте, что я влюбляюсь в учительницу нашу в техникуме в этом. Она преподавала русский язык. И она с нами едет... Впервые мы попадаем на картошку, ну, не на картошку... Да, там убирать картошку... весь наш курс. И вот когда это самое... когда начинается в первый же вечер, мы попадаем... Там даже клуба нет.
- А танцы будут у такой-то такой-то...
И вот весь вечер идут танцы. И объявили белый танец. И вот эта учительница, которая почувствовала, как я горю и какие страстные взгляды у меня на нее... Она берет меня и приглашает и это самое... И повторяется история, что я весь пылаю. И она почувствовала то же самое и это... И она шепчет мне что-то, чтобы я пришел. А я знал, где она живет... Чтобы я пришел к ее баньке. Ну, вот эту историю я уже знаю, как дальше развить. И получается, что две недели страстной любви, которая меня опять же закручивает и ее тоже. И когда мы приезжаем обратно в город, я думаю:
- Боже! Какая у меня будет счастливая и интересная любовь и страсть.
Я даже уже готов жениться. И хотя она старше меня намного...

28-ое декабря
Снились мне, как обычно сны, но... Сегодня 28-ое видно, декабря. И сны, как сказать, были какие-то интересные, но выветрились. А вот один такой стандартный. Я попадаю в какой-то книжный дом что ли, книжный магазин. Там правда, кроме этого, всякие другие вещи, вплоть до каких-то носильных вещей. И я... и девочки, которые там стоят, говорят:
- Вот пришел Рудяк, Рудяк пришел!
Это как будто “Элита” напротив нас там. Я там смотрю и там почти уже нет книг. И больше всего каких-то... джинсы висят или что-то еще. И я думаю:
- Вот так, вот так оно в принципе и должно быть.
Даже радостное такое чувство. Это оно... к чему? Я бы не очень, так сказать, сейчас... Этот сон не настолько интересен, хотя там были очень интересные сны, но я вот....

9-ое декабря
Это продолжение за 9-ое декабря, где я рассказываю о том, что мне вдруг приснилось, что я должен получить еще аттестат зрелости за 10-ый класс. Но мне же шестьдесят пять лет и я говорю:
- Как же я могу учиться там и все?
И это я говорю Оле:

- Ну, так я пойду там к вам в школу, вот в эту, которая рядом с нашим домом.

Действие происходит в Одессе.
- И я предложу, как профессиональный режиссер, как человек столько сделавший и все. Организую какой-то великолепный драматический коллектив. И буду делать с ними спектакли. И это возвеличит школу, это даст очень... И потом очень много людей, ребят можно привлечь к этому. А они мне за это, так сказать, засчитают 10-ый класс. И я смогу тогда окончить таким образом.
И она говорит:
- Вообще, идея то сама неплохая, но я не знаю, насколько это возможно.
Я говорю:
- Нет, я постараюсь их убедить в этом, что это для них даже больше важно, чем для меня. Мало ли что там... Ну, я не буду посещать там эти занятия, но в тоже время, я буду заниматься со школьниками мастерством актера и сумею их отвлечь от улицы и все.
И вот так я уже собираюсь как бы идти и вдруг я вспоминаю:
- Боже мой! Ведь я уже окончил институт. Я уже... все к меня есть. Зачем мне нужен этот аттестат?
И мне становится так легко и хорошо. То есть, это как бы один из вот тех... Может быть, я в конце концов выбил и выбило... Хотя, с другой... выбило из подсознания вот это событие с аттестатом, с необходимостью получить, закончить десять классов и поступать, как у меня было в действительности в жизни. А теперь вот такой вот сон, с такой вот легкостью. И мне становится так хорошо. Ну вот тебе, пожалуйста. А я беспокоился и думал о таких вот планах.

15-ое декабря
Сегодня уже 15-ое декабря. Вчера проводил Евтушенко. Тут было два совершенно таких дня, связанных с его посещением меня. И то, что он жил у нас. Конечно, как всегда, были и интересные минуты. Я об этом отдельно где-то напишу какие-то мои впечатления. А вот сны, которые мне сегодня снились, они любопытные. Значит, такой один эротический, как бы сон, но очень тонкий. Сон, где я... Действие происходит в каком-то таком доме. Это летом и мы... какая-то терраса, скорей всего. И на ней большая такая кровать. И вот на этой кровати... приходит, приезжает значит, туда, ко мне из Германии, приезжает Айзенштадт с женой и Рафик. И вот интересный такой сон. Он значит, держит... И вот мы ложимся как бы на эту кровать. И вот он справа, там с краю, с одной стороны, я с другой стороны. А

посередине как-то так лежит... Но она настолько большая, что я... Они лежат как бы ниже меня, они маленького роста. И она такая миниатюрная и совсем не похожа на ту женщину, которая в действительности его жена. А на совсем другую женщину, которую я в юности помню. И вот она это самое... И какая-то такая игривость появилась. Моя нога как-то касается ее... ну, руки. И потом нежно переходит так... И она руку как бы откладывает и я нежненько возле груди ее ласкаю так, пальцами. И это все с такой нежностью и с таким чувством тайны. Во-первых, потому что он как бы лежит рядом, но абсолютно отсутствует вот в этом... в этом... не видит и как бы не участвует. Потом и она подвигается как-то чуть – чуть выше и моя нога оказывается возле ее... Она как бы поворачивается... возле спины. И потом поворачивается и где-то тоже... на животе, возле лоно. А он какой-то там так... Может быть и чего-то подозревает или что-то так посматривает. Но всяком случае, эта ласка и эта игра вот эта, она настолько очаровательна и приятна для тела и настолько эротична и такое... желанна, что я понимаю и ее такие чувства, как это все, как бы совпадает. Но весь... вся острота, все – все здесь это в том, что он рядом, но как бы... но для него это как бы, как тайна. Дальше... потом он вдруг чего-то встает. И я вынужден как бы... И она как-то прикрылась там... И вынужден я… я тоже встаю. И он говорит:
- Ну, а теперь давайте, давай я посмотрю, я хочу там этот список по которому, то, что я оставил...
Я говорю:
- Пожалуйста.
И он смотрит какой-то список. Этот список фильмов, которые он оставил у меня. И я говорю:
- Они все там остались, они все есть в магазине. Так что ты можешь просто... Мы можем подъехать в магазин и все, что ты хочешь, ты можешь забрать.
И рядом какой-то фильм тоже лежал. И он говорит:
- О, вот это тоже наш фильм. Он еще даже закрытый и мы его еще не трогали.
И я говорю:
- Вот забери и его.
И от так педантично что-то еще.... И она говорит:
- Ну все, если Рафик... если там что-то есть, так зачем же... Надо будет, так возьмешь это все.
И вот такой вот, какой-то очень... сон. Дело в том, что они недавно были здесь у меня в действительности. Но женщина эта совсем другая. Та

женщина, его жена, она не вызывала у меня никогда... у меня эротической такой.... желания какого-то... А вот эта, она настолько приятная и очень нежная. Где-то в юности у меня какие-то воспоминания о какой-то девушке, которую я так знал. И поэтому сон вот так сместился. Но его педантичность с одной стороны, и то, что происходило тогда с этим выступлением их, он, конечно, оставил неизгладимое впечатление. Потому что это было настолько непрофессионально и вообще... Я бы не сказал, что нахально, но просто человек сам должен был понять, что с такими вещами не выезжают в Америку. Не из-за того, что здесь такая большая и высокая театральная культура или что... а просто потому, что все-таки сюда приезжают из России больше профессиональных людей, чем в данном случае, чем они показали тогда. Короче, вот такой вот сон.

***

Вторая часть сна – вдруг я еду по бульвару, иду по бульвару и прохожу мимо киностудии. И думаю:
- Да...
И там какая-то... какое-то событие, потому что там много детей, людей. И я думаю:
- Может быть стоило бы как-то зайти.
Но я подхожу там... одни ворота там есть... И как бы кто-то стоит на дверях и я бы мог пройти, может быть. И они бы меня не останавливали. И я решил... Я прошел ко вторым... входу и вижу там стоят на дверях всякие там дежурные. И я как-то так подумал:
- Нет, не хочу я какого-то такого... типа проверки.
Спросят:
- Откуда вы? Когда?
Если они меня не узнают. А у меня давно просрочен мой пропуск. И я даже не знаю, со мной ли он, взял ли я его из Америки или нет. И я иду, так прохаживаюсь, в смысле вдоль. И подходит автобус весь наполненный. И я там нахожу двух моих знакомых, которые жили в общежитии студентов что ли... и я с ними как-то жил. И я говорю:
- О, видно этот автобус идет туда в общежитие туда. Потому что у меня фактически у меня негде жить. И я должен буду туда подъехать. И я стараюсь туда как-то прорваться, а двери какие-то такие узкие. И я думаю:
- Нет, я сюда не войду.
И что-то потолок такой низкий получается. Потом какие-то... И я пытаюсь там другие двери открыть в центре. Ну, и думаю:
- Он же меня видит, шофер в этом... как его... в окошко. Он должен как-то открыть их.

Нет, он не открывает их. И я как-то так сдвинул их и они чуть – чуть открылись. И я туда вошел. И сидят люди, но я не могу этих студентов найти и думаю:
- Значит, я попал не в тот автобус.
И куда он едет, я даже боюсь спросить этого... Я иду, открываю двери и как бы выхожу обратно. Опять сон как бы... как бы о том, что нет уже твоего дома в этом... в этом городе и ты уже фактически здесь чужой.

***

И третий сон снится мне очень любопытный. Я нахожусь тоже где-то в училище что ли. И я... где был заведующий один секции режиссуры и там... и хореография тоже туда входила. И Пенина Зинаида была у меня там главной деятельницей в хореографической этой секции. И она говорит:
- О, Илья Эзравич, я давно вас не видела...
Что-то такое вот... И там две девочки, ну, балетные, такие маленькие, совсем маленькие. Она одну берет с собой и говорит:
- Я пойду, с ней пройдусь, а вы вот можете погулять с этой девочкой.
И я говорю... такая как раз красавица – девчушка, маленькая и светленькая такая. Пухленькая и яркая. И я с ней... и думаю:
- Ну, что? Тут приятно с такой девочкой маленькой красавицей пройтись по бульвару.
И мы так сходим вниз и там скамейки, какие-то люди. И она меня ведет туда. И я говорю:
- Почему ты туда хочешь идти?
Она говорит:
- А мне там интересно подойти и послушать, как они ругаются там матом.
Вот это меня страшно поразило и я думаю:
- Как интересно!
И я говорю:
- Что же ты там понимаешь?
Она говорит:
- Я многого не понимаю, но мне очень интересно. Там такие слова – она говорит – которые я дома и нигде, я не могу услышать.
Я говорю:
- Ну, это не очень...
И я ее как-то увожу в другую сторону. А там сон и прекратился. Но это вот то, что запомнилось.

***

А снилось намного больше и разных снов. Вот такая вот дребедень была во

сне. И это после такого тяжелого двухдневнего такого напряга и недосыпа. Я, конечно, очень устал и подумал, что:
- Больше этим не стоит заниматься, чтобы выкладывать такую громадную силу для кого-то. Лучше бы это все на себя.
Потому что мне с Евтушенко интересно, но, как говорится, почти ничего такого нового, чтобы я для себя так как-то познал или почувствовал, там не было. Это опять, так сказать, мир вокруг него. И вот это вот не чувство меры, оно меня всегда поражало. Поражало вот в этом гигантском человеке, в характере его, в его темпераменте, в его артистичности и все прочее. И в тоже время, вот такой вот... И он ни в коем случае.... у него нет там... признаки там... старческого маразма очень такого... А вот все-таки мера, вот ощущение реального его состояния в этом мире, в литературе, в жизни и во всем... и преувеличиванно и недопонято. И самое главное, что он иногда просто себя выставляет сам, сам. И эта потребность такая, где уже человек не замечает и он все выставляет, все – все так делает, чтобы вызвать какие-то негативные... или эти там впечатления, или давать возможность его недругам, врагам, его недолюбливающим, давать им повод для того, чтобы его подать как-то и его настоящий повод. Вообщем, короче, вот это поразительное такое недопонимание, что мне, человеку моложе его, очень видно и ясно. Но он не был бы тем, кем он был бы, если бы он был другой. Но это хорошо было, когда ему было шестнадцать, восемнадцать, двадцать пять, тридцать, тридцать пять. Но когда уже семьдесят почти два, пошло семьдесят второй – это уже на мой взгляд, это уже не мудро, не мудро, не мудро. Но в тоже время, я все-таки замечаю, что в нем есть “станция Зима”, как во мне “местечко Джурин”, где оно очень сильно присутствует. И вот есть какая-то... такое... ну, не провинциальность... Ну, может быть, все-таки какой-то... бескультурье, может быть, что-то даже и в таком плане, вот в этом человеке и познавшим мир и прочее. И в тоже время, вот такое вот есть чувство. И самое главное, что есть искренность. И вот это какая-то такая необычайно такая... сибирская, может быть, какая-то такая вдруг... проскакивает, выскакивает с такой... ну, яркостью, вот такая какая-то искренняя и в данном случае, может быть наивность какая-то, в хорошем смысле этого слова. Это вот. Но публика, публика... И опять же, какая публика? Там довольно такая своеобразная публика, которая его любила. И она естественно и сейчас.... Он ей нравится его вот эти рассказы и выступления. Но если по-серьезному, по глубокому, так сказать, если бы это была... интеллектуальная очень среда, профессиональная среда и среда аристократическая и все прочее, думающая и имеющая вкус большой, оно могло бы быть и совсем не так воспринято. Вот такая у меня... есть такое

резюме. И я не абсолютно... пиетета, у меня не присутствует, а очень ясное чувство реальности и... Но отношусь я к нему очень дружески. И он это понимает тепло. Я даже в чем-то чувствую себя намного взрослее его. И мне хотелось бы его огородить или отгородить или оградить от каких-то таких ненужных... ну, разговоров и все... Но это невозможно. Он был бы не тем, кто он есть, если бы это было бы так. И поэтому он должен оставаться таким, каким он есть. И видно, это будет до конца. А время, как говорится, рассудит. Вот. Так что вот такой вот... такое вот впечатление. Да, вот так.

18 –ое декабря

Сегодня 18 –ое декабря. И я, конечно, пропустил несколько снов. Были великолепные, но я их как-то не старался запомнить. А то, что мне запомнилось за последние два дня, два сна. Первый сон был такой. Я в Джурине. И вот возле Дома культуры, возле Дома культуры, возле этой гессовой маленькой улочки, где жила Лиза, эта мишигене Лиза, сумашедшая... Я стою и рядом находится Яшка, Яков... его звали... О, господи! Ну, потом я вспомню фамилию... наш здесь эмигрант – Алекс или Алексей... Как же он там себя величал? Как его звали? Мне трудно сейчас вспомнить... Ну из Ленинграда писатель... Коробов, Алик, Алик Коробов и Евтушенко. И они такие громадные... И этот Алик, и этот Евтушенко с такими громадными бицепсами. Ну, здоровые, как будто это просто атлеты. И вдруг что-то они заспорили о чем-то и стали вот так вот, как-то пацаны дергаться. Тот его плечом, тот его плечом тронул. И они в такой вошли... ярость. И я себе представил, что если они сейчас будут дубасить друг друга, это, как кувалдой по железу будет ударять. И я среди них как-то так... оказался между ними. И я как-то говорю им:

- Ну, вы что? Ну, вы что? Это же в моем родном местечке... Это же позор на весь мир.

И я стараюсь их, как бы сказать, утихомирить или как-то развести, или как там еще... помирить. Вот. И как будто мне это удается.

Из-за чего вдруг этот сон мне приснился? Мне трудно сказать. Ну там, вполне возможно, что там этот Алик при всей своей, так сказать, уже... давно уже перестал писать и забыл о том, что это такое. Хотя, он издал несколько книг. Где-то в Ленинграде печатался там в каких-то журналах, даже в крупных таких, как “Нева”. Он перестал быть, как говорится, писать. То есть, это раз доказывает то, что писателей мало, очень мало. Особенно профессиональных писателей, которые занимаются литературой. А пишут просто писатели, так сказать, для своих каких-то там целей и тем более, что в Союзе это было страшно престижно, было всегда много и

сейчас графоманов не меньше, если не больше, в связи с появлением компьютера. И вот поэтому сам... Но почему Алик? Но он, конечно, при всей своей, так сказать, то, что он уже... он безусловно... Для него Евтушенко, это не поэт и это вообще, при его амбициозности, я имею ввиду Алика, и там ленинградской спеси и прочее... Поэтому это могло возникнуть, хотя я от него ничего не слышал и я его никогда не видел на таком вечере. А вот Евтушенко... А вот почему у меня возник вот этот борец и вот эта... Ну, вот сейчас, когда он последние пару дней был у меня дома, я заходил к нему, когда он вставал. И я вдруг заметил, что ноги у него стали громадные такие. Не то, что опухшие, но какие-то толстые, громадные ноги. И ходит... Вначале, он, пока не расходится, он очень стал медленно ходить. Раньше он просто бегал лет десять – пятнадцать тому назад, когда он впервые у меня появлялся, он бегал по утрам, он был весь подтянут. А вот сейчас у него вот эти ноги... Но, но в тоже время, я отметил, какая громадная сила, как будто ноги лошадей – тяжеловозов. Вот такой вот... у меня впечатление было. И все время, как говорится, о его темпераменте, о его сибирском здоровье и о его сибирской такой накачке и прочее. Ну, возможно отсюда и родился этот сон.

***

Второй сон был намного интереснее с точки зрения вообще сна, кино и прочее. Снится мне, что я нахожусь в самолете. Самолет этот... куда летит, что летит, это я не знаю. Но со мной находится девушка какая-то из наших эмигрантских девушек. Очень такая незнакомая и приятная. И она именно со мной и как бы ухаживает за мной, или я как бы ухаживаю за ней. И там я этого не могу вспомнить. Но вдруг ее вызывают туда... то есть, она должна вести... А, да и появляются какие-то люди, не арабы, не мусульмане, не какие-то... А появляются вообще просто какие-то люди, белые. Может даже, советские или какие-то КГБисты или что... И они считают, что они вот сейчас... у них в руках этот самолет и он должен быть направлен туда, куда они хотят. То есть, появляется какая-то совершеннейшая ситуация безысходности и ты, как бы заложник. И там находится несколько, какое-то количество людей, которые просто так попали в заложники и не знают, что с ними должно произойти. Я с этой моей девушкой не могу увидиться, потому что она оказывается пилот, она знает как это... И она ведет этот самолет. Самолет какой-то громадный, то есть, это пространство в нем самом очень большое, с какими-то чуть ли не как... громадная квартира или дом. И какие-то гостинные... типа такой. И теперь вообще просто непонятно, что будет с нами. И возле меня сидит какой-то человек в

орденах. И советский... советский такой, бывший военный или отставник какой-то. Без погон, но вот в орденах. И еще какие-то люди сидят. И мы что-то разговариваем, но в принципе, ни до чего договориться нельзя. Потом я как-то так встаю, хочу... и хочу попасть в туалет. И иду по какому-то коридору. Иду, иду и чего-то он такой длинный и никто меня не останавливает. И я вижу, что в конце этого коридора дверь. И я так тихонечко пробую ее – и она открыта. Я окрываю и выхожу прямо на землю, выхожу в какой-то такой знакомый подъезд... пространство, где улицу надо перейти. И там арка и подъезд... Может быть, как в Ленинграде, какая-то арка вот эта... Там, где почтамт был. И я... и появляется вот этот человек с орденами и вот тоже говорит... Да, и он первый... да, он кажется, впереди меня шел. И он как бы говорит:
- Надо бежать!
И он вышел оттуда и куда-то исчез. А я подумал тоже:
- В принципе, надо бежать. Но как же моя знакомая? Она же там осталась. Нет, я должен вернуться.
И у меня такие сомнения возникают. И я не знаю, попаду ли обратно туда, в этот же самолет? И как-то я вообще, не думаю о том, что самолет в воздухе, а сошел я на землю. И никаких, так сказать, трудностей для меня не было. А теперь я не знаю, есть ли возможность вернуться обратно в этот самолет, если он в воздухе? И я оглядываюсь и смотрю. И я там уже не вижу никакой двери. И ничего нет, не вижу. И таким образом, я как бы спасся. Но вообще, фантасмагория, конечно, совершенно уникальная. Другое дело, что в связи с этими всеми событиями, которые были и 11-го сентября и до этого и после, конечно, все время думаешь об этом варианте, когда самолет мог кто-то захватить. Но чтобы вот так он соединялся, как бы “земля – воздух”, это мне было... это внове то, что я выхожу из этого самолета прямо на тротуар и впереди такая арка, куда я захожу и спасаюсь. Вот такой вот сон. Были еще много снов до этого, которые я, к сожалению, не запомнил. А может быть, и не к сожалению. Во всяком случае, моя мысль о том, что если сон забывается, значит так тому и быть. Пытаться его восстановить видно нет смысла.

***

А я прочитал интервью Сорокина о сущем, о жизни, о смерти. Ну что? Там есть, конечно, как говорится, он о себе плохо ничего не говорит, а только как бы все-таки в свою пользу. Или создает имидж такого человека, для которого... Это о вещах была такая, как сказать, мысль – что собой представляет вещь в самой себе и в литературе, и в жизни. Вообщем, в

таком вот варианте. Но и он как бы себя, так сказать, представил человеком “вне вещей”, кроме, каких-то там любимых и необходимых. А в литературе это совсем особая, так сказать, ситуация. Во всяком случае, у меня это не вызвало никаких плохих эмоций, как вызывают его рассказы, в смысле, его жестокости, иногда говноедства и прочее и прочее. Но то, что этот человек видно очень талантливый, тут сомнения нет. Громадного роста, необычайно красивая шевелюра, как у философа и поэта Владимира Соловьева. Очень похоже, громадная, красивая. Но он такой... более каштанистая. Но зачем ему вот этот... козлиная какая-то бородка? Неужели, у него не растет борода, как у мужчины, так же, как его волосы на голове? Я не понимаю. Но это тоже какой-то такой знак. Во всяком случае, он красивый и громадный человек и даже писатель. Это даже неудобно быть таким большим, большого роста. Ну, это пошли... уже новая генерация. Даже Виктор Ерофеев, там есть интервью, я хочу его прочитать. В принципе, мне он менее приятен, чем даже Сорокин. Но почитать мне захочется.
Ну за это время тоже было много интересного прочитано кое-что. Но в тоже время, я кое-что написал. А вот это самое интересное, что вот сон, с этим человеком с орденами, явно явился из моей шуточки, которую я вчера записал. В компьютер даже ввел, что:

Алкаш нацепил на свой пиджак все свои рыгалии.

И вот это вот могло и родить вот такого человека, который был со мной в этом самолете.

***

Да, снился очень такой, очень любопытный, такой эротический сон. Как будто я в Джурине и мы с Анютой так гуляем где-то... Не знаю, где это все происходит пока... На природе что ли где-то. И вдруг мой огурец становится таким упругим и длинным, тонким и длинным. Похож на такого, как бурдак. Вот такой почему-то даже темноватого цвета. И она его ласкает и направляет в себя. И я спрашиваю:
- Ну что? Нормально?
Она говорит:
- Прекрасно.
И я испытываю необычайно приятные чувства и какие-то функции. И я тоже... Вообщем, какое-то приятнейшее чувство. Потом... ну, мы как бы не разъединяясь, идем в комнату. И это большая какая-то светлая комната. Но за нами идет какая-то наша... Или как бы там какая-то служанка, которая там в этом доме была или что... какая-то старушка любопытная. И я говорю:
- Подождите там, мы должны остаться одни.

И она как-то так недовольно пропускает нас в эту комнату. А дальше я просыпаюсь и подумал, что у меня этот... это самое... что я не кончил в... так сказать, не запачкал простыню. Но это почти так было до предверия этого. Вот такой сон. Ну, тут одна деталь... Ну почему, я его, так сказать, записал, когда это не очень как-то приятно. Хотя, я просто сейчас почему-то сдержался, чтобы какие-то можно было бы больше... более интересно это рассказать, если я это запишу когда-нибудь. Я это все вспомню и чтобы литературно оно было там, приемлемо. И вот там мысль такая, что это одна из моих первых, одно из моих первых чувств. Я об этом где-то уже написал. Я сейчас не буду об этом повторяться. Это было чувство к моей кузине. И это частая, так сказать, повторяемая тоже ситуация в еврейских семьях, в местечках особенно, где выбор был очень ограничен. И чаще всего, происходили какие-то очень не... я бы сказал, такие не глубокие... Или скорее даже, слово не то... Не конкретные, не физиологические такие чувства... Не чувства, а взаимоотношения... Ну так, как маленький первый опыт ласкательного характера. Именно ласкательного. И это произошло тоже самое и со мной, когда мне было, может быть, тринадцать лет или двенадцать – тринадцать лет, когда мы остались с моей кузиной одни. Все пошли куда-то на свдьбу, нас не взяли и мы остались одни. И вот я... и она мне очень нравилась и я ей тоже видно. И были первые какие-то вот такие уже отношения. Я фактически, я все понимал. И какие-то были моменты, когда я наблюдал за этим у нас, за папой и мамой. И... но по-настоящему все же, как это происходит и какие, так сказать, физиологические ощущения и отправления, я не понимал. И когда я... мы сели на кушетку... И потом я как-то в ней... Она не снимала, конечно, ничего своего нижнего там белья. И я притронулся так... И я вдруг... И первая, первая вот такая эвауляция была в моей жизни... Ну, не первая, там было... Но конкретно связанное, что я там рядом, возле и ощущаю это... Это был взрыв, который мне казался, что я просто погибну, что я умру. Это первое. Второе, мне казалось, что этот стыд я не переживу, что я так... вот именно получилось, что я запачкал там трусы и все это... И я... и я лег. И пока... И она тоже испугалась, потому что для нее... может она и опытней была, хотя, она, конечно, была невинной и ничего у меня не было там такого. Но вот опыт, с точки зрения ее какого-то женского там девичьего... Я все-таки думаю, что она старше там была меня. Ей было лет пятнадцать – шестнадцать. И вот... и вот этот... И я лег и чуть ли не этот самый... Она опрыскивала лицо водой. Вот настолько меня это... Это был взрыв чего-то во мне в самом, внутри, изнутри, что он меня страшно пугал и стыд какой-то тоже был. Ну и вот... А сейчас вот этот сон как бы совершенно по-другому, я как бы взглянул на

эту ситуацию. Вот.

***

Второй кусок сна был очень интересный. Но я забыл там начало, а только есть какой-то старик, который лежал... И он, как бы тронулся умом, дедушка какой-то из наших там знакомых или наших каких-то... И я как-то так к нему очень присматривался и тепло как-то разговаривал и все. А его забыли. И потом вдруг в какой-то момент, когда там происходит какое-то событие, он появляется. И это вызвало большое возмущение:
- Как это он, мол, вот так появился.
Сумашедший и больной и вот появился. И я попытался это опять все сгладить и защитить в смысле том, что к такому больному надо относиться только с добром, как говорил Поль Декьюри. И вот я вот в этом смысле тоже... мне было интересно, можно было... Я вчера разговаривал с Костей. И он как-то так согласился, он понял мою мысль, что я просто не знал, я не знал тогда, когда у него было вот это возбуждение и я не знал, что он принимал “Прозак”, не знал, что какие последствия это дает. Когда у него было тогда такое экстремальное, очень агрессивно... агрессивное, вернее, такое состояние, я не понимал откуда ноги растут. Я считал это просто, что он у себя... он уже, так сказать, Манька Величкина, какая-то там мания величия появилась, какое-то пренебрежение ко всем и желание всех унизить, желание вот такого типа. И я вот так это именно воспринимал. И я попытался это остановить, но это было невозможно, потому что он был на пике вот этого возбуждения. Лекарство, которое он... Я это все не знал, от меня это, как говорится, все скрывали и никто мне не объяснил. И я фактически, как говорится, был несведущ. Если бы я тогда это знал, конфликта абсолютно не произошло бы, потому что моя позиция и сейчас – надо понимать, что если человек вот так болен, к нему надо отнестись просто снисходительно. Воспринимать его именно, как больного. И болезнь эту пожалеть и найти какие-то вещи, которые бы это самое... Тоже самое, сейчас даже Руфа и Сема, зная уже это... особенно Руфа, будучи все-таки психиатором и... Я не помню, кем она там... И они все-таки этого как бы не понимали, а я уже это все понимал. И поэтому я к этому относился очень и очень доброжелательно и я бы сказал даже, сочувственно. Так вот я вчера об этом с Костей говорил и вот насчет этого и вот этот старичок появился вот в этом сне так, если связывать сон и явь.

***

Вчера долго говорил с Наумом Сагаловским. К сожалению, он повторяется и очень, так сказать, одна и та же нота, что никому это не нужно, уже ничего никому не нужно. Но в тоже время, боевитость, какая-то такая комсомолскость в плане, воевать с несправедливостью или воевать, так сказать, с какими-то такими там графоманами, и воевать с людьми, которые, так сказать, у него осталась. И я думаю, что это не болезнь даже, это просто характер. И он никогда не изменится, и это не будет связано с возрастом. Но так как он не... Вот одна такая нота, один припев, что это никому уже не нужно, никому уже ничего не нужно. Конечно, в этом есть и старческое что-то уже. Не нужно, значит, тогда... Вообще, как я всегда говорю, что:

- Боже мой! Если ты приходишь к выводу, что тебе все равно, что никакого смысла нет или что никому это не нужно, так это можно и превратить и совсем в другую... положительное качество. Ну так не нужно, так давай будем совершенно относиться к этому спокойно, чуть ли не безразлично. И жить ... ну, даже просто... жить радостно.

Вот такая у меня мысль. Единственное, что он меня проинформировал, дал информацию, которую я просто не знал. Это о Кони Френсис, которую я последнее время просто боготворю и за ее исполнение этих еврейских песен. А оказывается там был случай, что она в каком-то Hilton была после концерта пришла и легла отдыхать в гостинице. И к ней пробрался черный и через окно... и изнасиловал ее. И это было совершенно... и это было ужасно, было для нее стрессом, вплоть до того, что она перестала надолго петь. Вот этого я не знал и меня это как-то страшно огорчило, потому что с точки зрения исполнения еврейских песен, некоторых песен, которые лучше ее... пока я никогда не слышал.

****

K04.1

24 –ое января

Сегодня видно 23-е декабря. А может и 24 –ое, это я уже не помню. В смысле, января. И снились мне Харьков, Одесса, Чикаго и Одесса, и Джурин. В Харькове, на каком-то собрании, которое происходит в зале, актовом зале, за столом сидят кафедра и полит... и как бы и партбюро, и не знаю, кто. Сзади знамена и есть портрет Ленина или нет... Ну, вообщем, такое вот обычное советское... советский актовый зал. И вот он поднимает меня, председатель. И я как будто знаю его, какой-то режиссер, который говорит:

- А у кого вы занимались?

Я говорю:

- У Алексея Борисовича Глаголина.

А он говорит:

- А мы знаем этого профессора.

И начинается какой-то такой допрос, в смысле, сомнений. И действительно ли я занимался или нет. И я, как бы все то, что я рассказываю и совпадает с реальностью и все... Но вот этот... вот это ощущение, что меня проверяют и не верят, и недоверие, оно ощущается. И я как-то тревожно это воспринимаю. И этот зал насторожен, тоже так враждебно. Короче, вот такой сон снится. И потом, когда я просыпаюсь, я забываю там детали какие-то.

Но я знаю, к чему он снился. Когда я недавно дал интервью в газету, так там как раз, он спросил и я упомянул Алексея Борисовича Глаголина. И я еще сказал, что его отец известнейший режиссер Борис Глаголин, попал потом в Америку. И следы его потом где-то здесь исчезли. И как будто он чуть ли не умер в нищете и стоило бы как-то поподробнее об этом узнать. Вот это, они почему-то выбросили из этого интервью. И вот... это вот ощущение, что какая-то недосказанность, может оно у меня засело или какой-то вот... И я думаю, что там еще такая деталь была, что я когда играл «На дне», которую ставил Борис Алексеевич, я играл кого-то... Мне казалось,что Барона, а потом Татарин.... Вообщем, какие-то... Я перепробовал что-то... И я... и когда он записал это, я засомневался и сам. И там особенно, где он говорит о макробиотеке... Какое-то слово «макробиотика...»

- Макробиотика – я говорю.

Это впервые, где я услышал о макробиотеке в «На дне» Горького. Короче, в этом смысле оно засело где-то в подсознании и вот оно выскочило вот в такой вот сон – допрос.

***

Потом мне снится, что я попадаю в Джурин, в наш дом. И что-то там происходит. Папа куда-то уехал и его нет. А мама, как бы не беспокоится как-то. Это частый такой повтор. Но в тоже время, она тоже куда-то собирается уходить. И я думаю, что:
- Фактически я же остаюсь тогда один. А что я буду делать в Джурине?
И у меня там остались какие-то... моя одежка... и в них какие-то доллары...
Но я с собой взял... я думаю:
- А зачем они мне с собой? Я с собой возьму пять долларов. Если что-то понадобится, я куплю по дороге.
И я выхожу в местечко и оно уже полутемное, предвечернее время, почти неосвещенно. И я думаю:
- А куда же я могу вообще пойти? А к кому можно пойти? Видно уже никого нет, должно быть.
И я думаю:
- Надо было бы пойти к кому-то из оставшихся евреев. Пересмотреть фотоальбомы. Может быть, взять или купить у них какие-то фотографии, которые мне будут интересны, связанные с Джурином.
А фотоаппарата я с собой не взял, не захватил, ни при мне он сейчас.
Но вот я в страшном каком-то одиночестве и в раздумье, и в полном незнании – что же делать? Надо, видно, будет все-таки зайти домой. А если мама закрыла дверь на ключ, значит, надо будет ломать дверь. Может быть, только через окошечко, может его там можно будет как-то открыть и зайти и забрать остальные деньги и каким-то образом уехать. Но по дороге, пока я иду, я не знаю, я пока еще так сомневаюсь. И вдруг я смотрю идет по дороге, идет по дороге Яша, Яша Хельман. Он стал учителем потом. Но он идет такой... это он уже такой... во взрослом каком-то таком виде. И у него кучма, кичма такая на голове. И он хотел... и я так обрадовался и думаю:
- Вот я поговорю с ним и может он мне как-то поможет. Может я у него переночую. И может я даже с ним поговорю и узнаю насчет фотографий.
И я так говорю ему:
- Яша, я очень рад тебя видеть. Я хотел бы с тобой даже...
И я не успеваю даже договорить и он как-то говорит:
- Я сейчас спешу в клуб. Я хочу поиграть в бильярд.

И уходит. И я смотрю, он заходит в клуб. И я думаю:
- Может и мне пойти посмотреть как они играют. А зачем мне это нужно? Ну, вообщем, один в этом местечке. Уже светит луна, темно. И я света нигде не вижу. И я это самое... почувствовал полное одиночество и

ненужность в этом мире, в этом местечке.

25-ое января

25-ое января. Сон - просто готовый рассказ, готовая повесть, сценарий, что угодно. Снится мне, что я не живу в доме, где жила... ну, прямо напротив парка Шевченко в Одессе... Какой-то большой такой... большая комната. И приезжает Ляля. И вдруг... Но это я все хочу сделать, как рассказ и я его сейчас вот буду так примерно:
- «Жили два друга...» многоточие, «В нашем полку прибыло». Но они уехали в Пицунду на пиццу». Да, в Пицунду, да, на пиццу в Пицунду. Да. И вот потом появляется Борис Соловьев, такой очень импозантный. И немедленно возникает между Лялей, возникает такая, как бы сказать, молния проскочила. И он, несмотря на... Вообщем, целая такая коллизия вырастает. Но это я в рассказ просто так придумаю. Интересные детали придумаю, все, что касается этого представляю. Но сон... И я с ним чуть ли не дерусь на улице. И какая-то старушка там... так с радостью смотрит, как там дерутся. А Ляля плачет. И там целая такая драма, целая... И все это на улице. Вообщем, сон, конечно... Я его не могу сейчас, конечно, как-то сосредоточиться, но он во мне сидит и я его запомнил. Ну, и это будет хороший рассказ. Я чувствую, что в нем есть такой заряд, заряд любопытства и заряд, в первую очередь, этого «хозяйчика» или я бы так... Тут трудно так сказать:
- Что вы жидетесь – вот тут вот у меня сидит вот это...

****

Я вчера прослушал, когда на радио они сделали передачу о Милене Ясенской, любимой в какое-то время, Кафки. Конечно, сентиментальная музыка. Точно, как будто делала эту передачу дура полная... Вместо музыки, дала бы больше текста и писем. Но, бог с ней. Просто интересно, другие факты, я не знал о ее многомужестве, о ее громадном темпераменте. И это меня даже как-то поразило. И тут, конечно, там даже один утверждал, что у них была близость с такой женщиной темпераментной и страстной и... как была она и немощный и больной Кафка. Но это неизвестно. А тут немощные и больные могут быть сексуально... Хотя, конечно, у него были какие-то свои проблемы в этом вопросе. Или неуверенность какая-то, или...

В тоже время, эти несколько дней, которые он провел с ней и потом это у него... это в письмах было, говорит о том, что они были близки и это было великое счастье для него. Неизвестно ли для нее. Но Кафка, как всегда, меня интересует во всех деталях. И если что-то новое прибавилось для меня, то это было интересно в плане того, что она сама собой представляла Милена в жизни его. Вот эти мужья ее, желание помочь ему и к юбилею его в Раунсбруке, в Ирландии. Да...

27-ое января

Сегодня 27-ое января. Интересный сон такой был, эротический, тонкий такой. Снится мне, что я все время... Я нахожусь в каком-то вагоне или это самолетный такой салон или что... И в тоже время, я должен... И он как-то стоит как бы и никуда не движется. И женщина, которая стоит на пропуске, такая уже в возрасте... И вот от нее, как бы зависит, весь твой дальнейший... поедешь ты или не поедешь. И я вот как-то так нахожусь, наконец, как-то улегся в этом купе. И оно как бы, принадлежит именно и этой женщине тоже. И вдруг она потом приходит туда. Я лежу спиной... к стенке головой, упираясь, а... Такая вот не очень широкая, узкая такая как бы... ложе. И она тоже приходит туда, раздевается догола. И когда она как бы надо мной вот так стоит, висят ее груди... Ну, груди уже женщины такой... Во всяком случае, тело здоровое и такое... Но чувствуется, что это женщина не молодая. И она надо мной стоит и как бы переходит, ложится на другую, в другую сторону. То есть, мы лежим «валетиком». И вот это то, что она ложится ко мне, это своего рода, как признак того, что она хочет быть рядом или, так сказать, это ее это удовлетворяет. И я вот лежу и думаю... И вот, ноги ее как бы, вот возле моих там чресел. И я потихонечку так раздвигаю ее ноги своей ногой, между ее ногами и чуть – чуть пододвинулся и большим пальцем ноги, стал нежно – нежно ее ласкать... лоно. И притом, что... интересно, что я в это время подумал:

- Как хорошо, что я помыл вот вчера ноги и подрезал ногти.

И я ласкаю ее так и думаю:

- Может она впервые... у нее такое... вообще, такое случилось в жизни.

И огурец мой, как бы возбудился. И я тогда беру ее ногу и как бы прикладываю к нему и пальцем... И так, как бы раздвигаю для того, чтобы она его тоже поласкала. И вот такой вот сон, совершенно так неожиданно с проводницей или... как у нас в вагоне, как у нас сейчас это и бывало и в жизни. Вот такая вот ситуация снилась мне вдруг вчера.

31-ое декабря

Сегодня 31-ое декабря. Ох, как много было снов! Как много было снов! Один сон, что я прихожу, приезжаю на какую-то станцию. Это типа Жмеринка. Я стою на платформе на какой-то, на перроне, на платформе и слышу там какой-то поезд перекрыл... ну, там это конец, последний вагон там. И я вижу там, на другой платформе, стоят люди и разговаривают. И я узнаю среди Марину из Таллинна. И я жду или пока поезд должен был оттойти, чтобы перейти на ту платформу. И я так с одной стороны, и рад, с другой, удивлен. И говорят они о чем-то таком печальном, как будто там надо что-то перевезти... или отца Марины, или это на похороны... Мне трудно даже разобраться. Но я когда появляюсь, Марина очень удивлена тоже. И какой-то... замешательство какое-то. И я стою возле нее и там какие-то молодые люди, какая-то молодежь такая. И они очень так там... активно что-то обсуждают, как это все сделать. И я думаю:
- А чем я могу помочь? Как я... что я должен сделать в этой ситуации? Потому что я фактически не знаю, откуда я и что я, в каком положении, в котором я там появился.
Я единственно, что... я смотрю, что я одет так, как я обычно одеваюсь, в каком-то костюме, с платочком под этим... на шее вот это.... И что это, как будто очень броско. И мне кажется почему-то, что я выше, чем я обычно. И я стою и как бы возвышаюсь, как-то глупо, я бы так сказал. Вот. Мне это часто снится.

***

Потом мне снится, что я на море. Похоже, что это и в Одессе или не в Одессе. Уже трудно это так определить, но может быть больше похоже на Одессу. Потому что я потом должен быть... Ну, вообщем, я вот в этом... на море. Оля лежит на каком-то шезлонге, не на шезлонге или на каком-то... И это или баржа какая-то или баржа, или какой-то... И там какой-то человек, который обслуживает или что-то... капитан какой-то... Ну, это такой, бродяга. И он ей предлагает... Короче, там надо что-то выстирать или что-то так... И я так удаляюсь по этой... чтобы искупаться или что... Я не знаю. И вдруг попадаю совсем в другую какую-то сторону еду или попал... И я... Ага, и я еду уже по... морскому... на морском там каком-то, типа трамвайчике или что... Я еду вдоль моря где-то... Так миновал там Аркадию, эти все пляжи. И мы приближаемся к какому-то знакомому... типа 12-ой станции или что-то там... Где-то там останавливаемся и я выхожу. И по какому поводу, я не знаю, и зачем. Но там тоже происходят какие-то интересные... Встреча с какими-то... и не запомнил что. И теперь я думаю:
- Надо возвратиться обратно.

И я блужу, блужу по каким-то... Пока я добираюсь до этой... как бы станции, откуда я приехал... Но тут тоже, вдруг какой-то целый пароход туда подъезжает. И там очень много людей сходит. И они так оживленно

говорят. И похоже, что это из России. И я с одной стороны... я думаю:
- Что вот это приятно, что я слышу русскую речь такую.
Но это все-таки я в Одессе. И я думаю:
- А как же мне добраться туда, где Оля? На эту баржу, где я ее оставил.
И я сажусь... Да, и какой-то такой, типа как капитанчик, шкипер какой-то, не знаю, морской волк, увидел меня и говорит:
- Подождите! Что вы здесь ищете?
Я говорю:
- Я ищу, как мне доехать туда, куда-то к порту.
Он говорит:
- Ну, сейчас должен подъехать там кораблик этот. Я вас запомнил. Я вас, мол, видел.
И я говорю:
- Спасибо. Значит, я должен вот здесь подождать?
Он говорит:
- Да.
И я жду, жду и почему-то ничего нет. И я думаю:
- Ну, я пойду и пройдусь.
И попадаю, попадаю на киностудию, вот в этот маленький наш домик, где была сперва дирекция, потом музейчик и все – все такое вот. И я туда иду. И опять какая-то редакционная комната. И там один из моих знакомых одесских журналистов... Этот сон где-то недавно что-то был и вот вдруг опять... он как-то повторился так. И я ему говорю:
- А где он?
Он говорит:
- Там... он у секретаря.
И я подхожу туда и вижу, что действительно там... что-то они... И как-то... у меня в тоже времся, нет как бы дела, до этого. И я выхожу в какую-то другую комнату, а там, знакомый мой тоже по Одессе. Или Саша, вот этот художник, который газету выпускал. Он очень хороший график, вообще, очень странный такой, любопытный человечек. Чисто одесский, одесский характер, одесская какая-то такая высокопорядочность, если уж порядочность. И вот он готовит какую-то... значит, это какая-то... И он говорит:
- Это все-таки все через пень – колоду. Вот надо согревать это, вместо того, что можно было бы что-то поменять – он говорит.

И он достает какую-то... какая-то машина у него, разложил какие-то крылья и туда вставил... туда. И начинает ее разогревать. Она как-то должна накалиться что ли. И я стою и думаю:

- Ох, ты! Такое тепло здесь излучает.
И он.... Потом он ее как-то очень выключает и ловко как-то – раз, раз – хлопнул – и она сложилась в чемодан такой. И он ее тащит куда-то туда в сторону.
Вот такое вот. Там, конечно, были сотни – сотни деталей, вариантов, которые... Но у меня это все... оно ушло. Значит, в отношении Оли, что она часто вдруг что-то где-то... Я ее ищу, это странное, странное ощущение из-за того, что с ее, как говорится, с ее стороны таких порывов никогда не наблюдалось. У меня же какие-то мысли - только боязнь, чтобы она, не дай бог, не простудилась, не попала в аварию, не ударилась. Это я... об этом все время думаю. И оно, может быть, каким-то образом, вот так отражается. А вот, вот эти... Марина... И у нее дочка попала в аварию. И она мне как-то так несколько раз уже после этого снится, Марина. Хотя дочку, я никогда не видел, только портрет. Леночка красавица такая, необычайная. И вот у нее такая трагедия была. И этот сон тоже уже несколько раз за это время в разных вариантах, вдруг как-то возникает Марина... И куда-то она спешит. И я думаю:
- Чем я могу помочь?
Потом вот сон с редакцией. Я отправил в Одессу, когда я был... когда уезжал наш вот этот родственник, я отправил туда каждому какие-то подарочки, типа и... Очень много рассказов новых и публикаций, и фотографий. Это я все ему отправил. И он мне не звонит. И я думаю:
- Почему же он мне не звонит? Или он еще не приехал?
А сам я ему еще не позвонил. И вот это опять, эта Одесса, эта типография, журналисты – это все как-то возникло во сне, как ответ, видно, на этот такой мой вопрос.
Потом дальше... что еще из этого? И вот этот аппаратик, это похоже на то, что я вот... Во-первых, сейчас... комната у нас, дом продувает, очень холодно у нас, на улице мороз страшный. И для того, чтобы согреть, я подключаю радиатор там. И может быть, вот этот сон как-то так отразился вот в этом в каком-то... этой машинке, которая она быстро согревала, то есть, нагревалась и должна была отдать или тепло, или что, я не знаю там, в этом сне. Но для меня это было вот в таком варианте.

***

Ну что? Вот из прочитанного Брускин меня очень покорил своими короткими, микроскопичными рассказами, что это очень хорошая книжка, это хорошая... хороший стиль и образный. Вчера звонил Евтушенко Женя. Очень долго разговаривал со мной, рассказывал о его успехах, как всегда. И это все, так сказать, земля крутится вокруг него. Но в тоже время, он как-то очень нежно... И даже спросил, как я себя чувствую, с самого начала. А потом рассказывал о Кире. О том, что была... был большой успех там. И Богдан Ступка курировал там его спектакль. И что очень это было удачно. Но в тоже время, он заболел. У него был грипп. И он при высокой температуре, его отвезли на другой... премьеру в этот самый... как его... в Черновицы. И по дороге тоже у него была высокая температура. Там уже, я даже не знаю, как он выступил. Там выступление у него было. А потом он уехал в Москву с такой же температурой и несколько недель, видно, там лежал. Не в больнице, а дома. И вот это меня смутило. То есть, там видно тоже высокая оплата. И я не знаю, почему он не попал в больницу. Вот это меня даже смутило. И он по-моему, он подчеркнул, что за MRI там полторы тысячи долларов платят там... в этот самый... в России. Но я не знаю, почему там такие высокие цены. Но я только мог пошутить, что он мог доказать им, что он давно, уже раньше написал:

Не эмараю раньше смерти.

У него есть книжка «Не умираю раньше смерти». И я всегда это слышал, как «не эмарай». Ну вот. А потом он... как-то вспомнил о том, что он оставил у меня какие-то книжечки, чтобы я ему выслал. Ну, я, конечно, ему вышлю и все. А в действительности, он для меня, конечно... Это не мой стиль его, не то, что жизни даже, а вообще, поступков и всего прочего. Но он бы не был тем, кто он есть, если бы он не... вот мчался по жизни так, как он мчится. Ну что ж, каждому свое. Вот.

***

Дальше что было? Еще позвонила там тоже... идет какая-то... ну, как стенгазета, очень... в одной газете там печатаются все время письма к читателю. И они их там возбуждают эти хитрецы в газете для того, чтобы возбудить эту несчастную маленькую публику, которая там еще читает эти газеты. И один пишет ответ на то, что тот написал, видимо... И это все вокруг студии Чеповецкого, старика, который, так сказать... Ну, слава богу, что он этим занимается. Слава богу, восемьдесят четыре года и он еще сам, так сказать, живчик такой. И держит этих графоманов. А среди них, может быть, есть что-то и толковое, неважно. Они выпустили альбом, этот альманах «Сорок пегасов» там ... Нет, «Пегас на Devone», «Погас на Devone». Так значит, вот такая битва идет вокруг этого. Как будто это

номер один для этого... для этой эмиграции, для этой жизни. И вот поэтому, я просто... Да, и вдруг в газете появиласть еще одна статья, видно под псевдонимом, что вот мол, выступают одни и те же и хвалят себя и своих

других. А вот хотелось бы, интересно узнать мнение вот таких профессионалов, как Илья Рудяк и Наум Сагаловский. А меня это совершенно не трогает и я в это ввязываться не собираюсь и не считаю, что... Пусть они занимаются тем, что хотят. Но то, что это, если Тургенев... Эта сказала о Некрасове, что поэзия там не ночевала, то о чем же говорить здесь. Ну, вот такие вот пироги.

***

Что-то я еще прочел хорошее? Переводы Льва Гинзбурга из немецкой народной поэзии там. В них много есть легкого, остроумного, то есть, переводы блестящие. Сами по себе – это, как совершенно уникальные, хорошие русские стихи. Попалась книжка «Поэты Китая»... «Русские поэты Китая». Тут мне Лева еще позвонил по поводу... Он собирается там с каким-то Мигуновым... Еще один, так сказать, русский за рубежом, который хочет, так сказать, восстановить здесь Россию свою. Журнал издавать. И они никак не могли, никак не могли найти наименование. Ну, я им сразу предложил и говорю:

- Вот напишите «Дети капитана Эмигранта», вот хороший будет журнал.
- Нет, это никто не поймет, никто...
- O'K!

Я им второе тоже дал, говорю:

- Возьмите такое «Рассеянье».

Потому что где слово «Рассея» есть и кто рассеялся по всякому там свету.

- Вот оно будет и все...

Он ухватился и что-то там сделал... графический какой-то, там пять букв, мягкий знак опустил на... чтобы еще «Зарубежье» получилось. И такое творится! Час у меня отобрал, как он это нашел эту букву. А то, что я им подарил вот такое название и это как бы вот так... как бы, на второй план ушло. Ну, это все очень глупо, очень и все... Я считаю просто бессмысленно. Какие, какая, какая литература за рубежом? Это все просто наивно и смешно. А то, что кто-то тут Аксенов или кто там... Он уехал из этой самой... из этой самой... Войнович из Германии... Он там себе живет в Германии, там намного лучше. Но в тоже время, он больше проводит время в Москве. То есть... И потом... это здесь не пахнет даже русской литературой. Если бы так еще Бродский, так еще вообще, может быть, могло бы даже понять, существовал. А графоманов... и среди них, к

сожалению, громадное количество евреев, это не в счет, это просто какая-то... Есть, конечно, нельзя сказать, что есть и не хуже, которые там пишут в России. Но и это не является, так сказать, предметом или... для обсуждения. А то, что, то, что это обречено на провал, тут сомнений даже и нет, как бы. И опять же, в эти игры я тоже не играю.

1-ое февраля

1-ое февраля. Ну что? Сны беспрерывно, то есть, не прекращаются. Продолжаются все-таки. На этот раз сны снились, такие куски запомнились. Я как бы в общежитии живу что ли. И вот на этой кровати, где я... которая стоит у меня прямо у стенки, так сказать, между двумя стенками, там висели какие-то часы давно. Но я их почему-то снял и положил... или чтобы они не упали, не знаю, положил возле себя. И я так и сплю... Часы чуть ли не с гирями какими-то, старые часы. И все это время так тревожно, боюсь, что я их поломаю. Но в тоже время, я их... И вот потом, как-то под утро что ли, там... те, которые со мной ребята, они просыпаются или заходят... кто-то. И я говорю:

- Давайте, повесим часы.

И мы начинаем искать какие-то эти гвоздики, на которых они висели. И как-то они не подходят, потому что оно должно быть или по центру, а это все как-то... А там несколько гвоздиков очень незаметных. И наконец, я говорю:

- А вот этот будет гвоздик?

И мы вешаем эти часы, это хозяйские часы, это не мои. И я поэтому как-то к ним вот с таким, вот с такой осторожностью... Потом приходит Сергей Попов и мы отправляемся с ним в Одессу. Не отправляемся, а выходим где-то на улицу. И попадаем прямо на угол Гоголя и Маяковской. И в это время... и там такой магазинчик, в котором есть какие-то продукты, которые мы что-то хотели что-то купить, зайти туда. И он говорит:

- Давай, зайдем ко мне.

И там целая компания такая...

- Зайдем ко мне – говорит он.

Одет он в очень какую-то странную... даже какое-то очень оригинальное пальто... откуда-то на нем. И я думаю:

- А где же он там может жить? Он должен снимать какую-то комнату, угол, чердак.

И в это же время, чего-то вдруг все поменялось из-за того, что он говорит:

- Что нет, там у меня сейчас кто-то пришел... или хозяйка или что... И мы, мол, не можем пойти туда.

И говорю:

- Ну что ж, давай, мол, в другой раз пойдем.
И он меня провожает по Маяковской. И я иду по Преображенской и как

бы... И что-то он рассказывает. И я думаю:
- Да, я опаздываю фактически, я опаздываю на занятия.
И по-моему, один из уроков там... Первый... это, может быть, история КПСС или что-то такое. Так что, можно было бы пропустить это. Это даже может быть, и будет хорошо, не сидеть там, не томиться два часа. А вот на физкультуру стоит попасть для того, чтобы это самое... для того, чтобы получить зачет и вообще, физкультура все-таки лучше, чем...
И он говорит:
- Да, надо.
И я думаю:
- Да, надо подъехать, поехать, забрать и переодеться в мой синий спортивный костюм.
А он в Чикаго. Но и это меня не смущает. Вот эти, как говорится, перемещения в воздухе или так, как они говорят, виртуально... Это виртуозно. И я не... но это как-то мне не удается. И я, вместо того, чтобы попасть и забрать костюм, я почему-то попадаю в школьный двор, там, где жил директор и Жукова, которая мне очень часто снится, потому что все-таки она мне очень нравилась когда-то в понимании недоумения или непонимания. Во-первых, страшно взрослая была баба, такая полная, широкое лицо. И я уже об этом говорил. Но она была крашенная блондинка с синими глазами. И это тоже где-то как-то привлекало. И преподавала она то ли географию, то ли русский язык еще к тому же. Не знаю. Во всяком случае, она... Я был влюблен, как и многие другие. И в это время... Да, и я теперь уже, попадая в этот Джурин, я уже писатель, режиссер, я уже человек, который уже состоялся. И директор, ее муж как бы, вдруг оказывается Тепменом Давидом Ильичем, а не ее Наумчиком, который был ее мужем. Тепмен был уже старый человек, директор училища, в котором я работал. И поэтому я... Но меня это не смущает, я даже об этом не думаю в этом сне. И он все время так... И там очень много деталей, и чисто бытовых... какие-то... И какой-то очень маленький ребеночек что-то там и девочка за ним ухаживает. Потому что у нее был маленький ребенок у этой... у Валентины Ивановны. И я все это как-то и наблюдаю. И она там где-то что-то делает. Но у меня уже абсолютно никакого, так сказать, эротического или сексуального интереса к ней нету. Хотя, я ее как-то не вижу полностью... И лицо ее... она где-то там присутствует, в спальне там что-то делает. А он собирается куда-то уходить. И я так заглядываю в ту комнату, которая была... в сад выходила. Это как бы добавочная была

какая-то... И странно, что там какие-то два полотна, художественные такие, что-то там разрисованно было в какой-то.... Но это я вчера смотрел Уитмена, книжку такую подарочную. И там были такие холсты, как бы декоративные. И вот такого же типа, два декоративных холста там стоят, как бы что-то перекрыли. А на каком-то громадном топчане или что-то, стоит большой, громадный, очень высокий, глиняный какой-то.... Ну, это не чайник, а что-то тоже такое декоративное. И там Ленин. И я думаю:
- Ну, Ленин обязательно должен присутствовать у директора школы в этом...
Но здесь немедленно я уже хочу прокомментировать, что я позавчера нашел картинку, где памятник такой, великий памятник культуры и скульптуры – это Сталин и Лысенко. И вот это меня впервые... Точно такой же, как Сталин и Горький, Сталин и Ленин, в таком варианте. Он сидит и тот перед ним сидит такой. На двух разных... возле столик какой-то. Короче, я очень обрадовался этому. Я никогда не видел этого памятника. А потом нашелся, где Вавилов и еще там генетики сидят тоже. А за ними скульптурный портрет Сталина. Вот эта ассоциация могла вызвать такое, что появился этот портрет.
Потом я все-таки, у меня со мной какой-то... папка с моими бумагами, папка с какими-то моими рассказами, с моими какими-то всякими вырезками из газет, из журналов, с моими рассказами, интервью, фотографиями. И я, так сказать, не то, что решил похвалиться или похвалиться, а показываю Леониду Ильичу. И говорю:
- Да, вот здесь есть мои... – я говорю.
– Вообще, в принципе, мне хотелось бы все-таки, все-таки.... что коль я уже здесь, посмотреть фотографии школьные для того, чтобы их поместить в этот альбом.
И я думаю, что:
- Вот это был бы великолепный улов для меня наконец, из всех, которые я бывал в Джурине.
Потому что, когда я уже действительно бывал в Джурине, их там не было. Это из школьного фактически... хотя, я заходил потом в школу и искал. Но ничего фактически такого архивного и фотоматериалов там не было. И вот таким образом я... снится мне этот сон вот так. И как-то потом он уходит в небытие. Вот такие пироги.

2-ое февраля

2-ое февраля 2004-го года. Обилие снов по-прежнему. Оля спросила, когда встала, у меня:
- Радует или есть какие-то тревожные состояния?

Мне трудно сказать, есть ли тревожность в снах. Хотя, конечно, в самих снах часто бывает и такое, но есть и чисто приятный момент. В данном случае, сегодняшний сон – это калейдоскоп такого... Вот если бы это все было действительно заснято и я бы это просматривал, это было бы необычайно интересно. Но так, как я... я все детали запомнить не могу и как-то так... безусловно это другой... другое восприятие, другая картина. А снилось мне, что я нахожусь в какой-то... таком доме. Это своего рода, как какой-то Дом отдыха и...

***

Я сразу приступлю к снам без предисловия оно осталось на нижней, на первой половинке кассеты. Значит, что тут? Тут такая ситуация, тут такая ситуация, что я в каком-то большом доме, типа Дома отдыха. Но это не такой... ближе как будто... или кто-то пригласил нас. Но дом очень большой такой, с разнообразием комнат. И если так вспомнить, что же там...? И вот какой-то... какое-то такое состояние – все бродят, но нет какого-то... какой-то радости и какого-то веселья. И есть какие-то такие маленькие такие флирты. Но они не... как-то не заканчиваются каким-то радостным событием. И вот я думаю, что:
- Почему же это такая.... ?
И снится мне наша маленькая такая была, маленькая красавица, очень... преподавательница... Я не помню, что же она преподавала? Или литературу, или языки. Она была такая миниатюрная, еврейская женщина, которая была замужем за каким-то очень богатым человеком или человеком, скорее даже, может быть, состоящим в каких-то там... во власти. И она была всегда элегантно одета и очень так... по-французски. И всегда она на высоких каблуках. И была миниатюрная, и личико такое... Вообщем, она за собой следила «от и до». Это в действительности, была у меня когда-то такой... то есть, ее, как бы сказать, пробить, прошибить, было очень трудно. Она могла флиртовать, но не дальше. И все-таки какой-то был, был какой-то такой момент, когда она с... где-то так, не знаю, случилось. Потому что мы были одни и она все-таки... и дала себя обнять и прильнула и... Но там тоже, то есть, у нее не было вот этого... а может быть, даже и желание у нее было и она могла бы, так сказать, и расколоться, в смысле, своих чувств и всего прочего... Но у нее была высокая сдержанность и какое-то понятие, что «дальше – не надо». И вот она снится в этом сне мне тоже, что она как-то так тоже все время где-то ходит вот такая вся очень элегантная. И я сижу на каком-то диване. И она так спрашивает, а ей отвечаю что-то.
- А чего вы такой... мол, не шучу.
А потом появляются еще какие-то тени, женщины, мужчины где-то... То

есть, какой-то очень спокойный – спокойный и скучноватый вечер. Потом вдруг мы... я и Леонид Филатов, мне так кажется, оказались за пределами этого дома. Но мы должны скоро все уезжать и мы должны... И какая-то машина должна скоро приехать за нами или какой-то автобус, я не знаю. И мы должны вернуться туда. И вот мы спешим в этот... в как его... в этот дом. И заходим в какой-то... как бы, как бы ворота... ну, какой-то проход, там дверцы какие-то... И мы оказываемся просто... как будто в какой-то... в каком-то... ну, не ловушка, но в каком-то маленьком узком... И только на два человека, как бы... блоке таком. И я не знаю для чего он предназначен, но и выйти из этой двери сюда нельзя. Но есть такой... ну с правой стороны, есть открытый такой... типа такой... не окно, а просто пространство и что туда можно было бы... Но это требует очень больших усилий, чтобы туда перебраться. И я как-то очень ловко и довольно крепко... то есть, руками отжимаюсь там об эту стенку и перебрасываю одну ногу и потом вторую. И я перебросил... и я перешел туда. Затем и он... он возникает... и Филатов со мной. Мы идем уже как бы... И все это преобразилось в этом подходе к этому дому. Какое-то веселье, совсем другая компания, американцы приехали. И там большие надутые какие-то монстры, коровы, много цветов и... То есть, идет какая-то вот такая гульба, притом, что она очень такая... американская, активная. И хлопают, и смеются что-то там, и все прочее вот такое. И на столах еда. И вот мы проходим и я говорю:
- Смотри! Видишь какая разница, как люди все-таки по-другому воспринимают жизнь.
Это я говорю Филатову.
Вот такой вот сон. Хотя там...
Я сейчас что-то ощущаю, что я не запоминаю так сны детально, как это было раньше. Что там может быть? Какая-то или усталость, или мозг по-другому это все фиксирует. В отношении... почему Филатов? Я недавно просматривал фотографии где-то... А... я не знаю, я вчера даже смотрел и подумал:
- Надо переснять вот эту фотографию Филатова, где он стоит напротив зеркала перед вот этой... Ну, это не кадр из фильма, а фотография во время репетиции или во время чего-то. И он виден в зеркале и стоит спиной как бы к зрителю.
Я подумал об этом. Может быть, отсюда и родился этот... эта встреча, где мы оказались вместе. Но вот почему в этом боксе, в этом... Это трудно мне понять. Если так думать и расшифровывать, это совсем не очень... Я вчера правда, был, просматривал еще фотографии этого самого... Маргариты Михайловны Писаревской. Она умерла недавно. И там были дочери. И

вообще, этот, конечно, так... кошмарный бокс, будем так говорить. Может быть, отсюда и такой... Ну, где живут пенсионеры, это в дешевых домах там. Это своего рода такой громадный пенал, в котором даже слева и справа идут комнатки и там находятся одинокие, чаще всего, люди, которые занимают вот такой вот один... один, как бы сказать, пенал. Ну что ж? Что говорить? Конечно, это грустно было видеть и грустный вид, тем более, что там было все разбросано, разрушено. Может быть если, честно говоря, если бы это было, я знаю, убрано и более... А с другой стороны, бывали и если так честно говорить, даже квартира Раисы Павловны Подольской – Михоэлс... Это тоже была нищета, но более, конечно, вариант возможный. Там была кухня и там были две комнаты и все. И больше ничего в этой квартире не было. Она тоже была узкая и разбитая и безусловно... Но в таком более доме, я бы сказал, была сталинского, советского образца, в котором потолок был повыше немного. И как-то чувствовалось, что он был и такой мощный. А здесь... это перегородки. Но в принципе, жить можно и в таком доме и быть счастливым, и можно быть совершенно в другом большом доме и абсолютно быть несчастным. Здесь все-таки, весь вопрос в тебе, в самом, только в тебе самом. И что ты еще можешь еще делать, и еще страсти, и еще желания. Потому что без этого нет, конечно, радостей в жизни.

***

Да, сны снились разные, конечно. Один запомнился такой, что я в каком-то зале. И как-то такой очень ясный, очень светлый. И выставка какая-то, даже не выставка, а какой-то такой sale. И вот эта Наташа из радио и еще какие-то там... сидят за столом. И там у них что-то навалена всякая всячина. И я, как бы кажется, нахожу там берет, какой-то очень такой оригинальный. А на стене я вижу вдруг висят довольно неплохие какие-то... среди всякого другого мусора, пару хороших живописных работ маслом. И они как-то так на картоне, скорее даже не в рамах... И они... как бы приклеены к стене или прибиты к стене. А стена такая широкая, высокая и очень длинная. И я это самое... И я смотрю там такой пейзажик, где очень красивый пейзаж – море, а на переднем плане какая-то повозка, типа деревенская такая, джуринская. И я думаю:

- Вот это стоило бы приобрести.

И там еще рядом второй... то есть, этот один хужожник какие-то две такие работы... И я думаю:

- Что было бы неплохо их...

Я говорю:

- А сколько стоят они?
Он говорит:
- А это надо связаться с художником.
И я говорю:
- Ну, так свяжитесь. Я тогда, может быть, возьму.
Но этот сон необычайно точно отражает некоторые... Я вчера предложил Оле, что в банке, в новом, в котором мы пользуемся, по бизнесу я... Сделали такой... перестановку, перестройку, переустановку. И там разрушили фактически все такие перегородки и все... И вдруг оказалась очень большая такая стена. Свободная, белая и... И я подумал:
- А почему бы там не повесить картины и предложить? И чтобы для них это было своего рода как бы и приятно. А с другой стороны, эти картины могут и продаваться.
Ну, вот такой план. И вот это было вчера. Я разговаривал, а сегодня мне уже снилась эта стена с картинами, которые там висят. Правда, это не я их там повесил, но я еще хотел приобрести. Но во всяком случае, это немедленно отражается. Картину с этим морем и повозкой на переднем плане, такой, конечно, это для меня... Я такой картины не видел никогда в живописи в самой, но в фильме моем, где мы с повозкой едем прямо к морю и останавливаемся там на таком старом пирсе. И лошадь прямо стоит, как бы в воде. Это было, это мы придумали такой эпизод. И вот, может быть, отсюда все это и родилось.

***

«Ленин всегда со мной!» Сегодня мне снился поразительный сон. Как он взаимосвязался с моим детством! С моими другими старыми проживаниями. Во-первых, снился мне, мне снился сад, школьный сад. Он снится мне очень часто. И вот этот наш... наша школа, где я тоже часто прибываю во сне. И особенно, она даже не связана со школьными классами, где я учился, как с помещением, где жили... Такая пристройка была, где жил директор школы и его жена Валентина Ивановна Жукова. Фамилия громкая... И крашенная блондинка, синие глаза – все это очень привлекало. Я об этом не раз уже говорил. И вот это сны беспрерывно, беспрерывно продолжаются. На этот раз снится сон совершенно уникальный. В этом помещении... но именно, где были классы и где были очень светлые окна, выходящие на четыре стороны фактически... на три стороны сада. Эти три стены, у них были окна, это был очень светлый большой такой класс. Вот там находится больной Владимир Ильич Ленин. Он находится именно там, его как бы... ну, как бы приводят в порядок. И это очень хорошее место для

него. И вот он... И я туда не могу попасть, в сам класс, но я подхожу к окнам. И там находится Жукова эта и Надежда Константиновна. Но я как-то ее очень облик не... Но это она и Валентина Ивановна. И они советуются и говорят:
- Ну вот здесь ему будет хорошо. И пусть он еще здесь несколько недель побудет, и чтобы его никто не беспокоил.
А я... я прохожу возле окна и стою и вижу, как он сидит в качалке, в таком кресле. Это может быть, даже инвалидное такое кресло. И вот он сидит такой, как я... вот последние фотографии... Я вчера просматривал его... альбом то, что я готовлю между... «На фоне вождей и оленей». И там тоже фотографий десяток Ленина просмотрел. И там есть с этой... на этой коляске, последние годы, где он уже просто такой... полуживотное, получеловек, мычащий и уже с безумными глазами. И вот... Но на этой фотографии, он... не безумные глаза. Просто сидит такой, разложился в этом кресле и в кепке вот в этой, френче таком и смотрит. И он увидел меня и я его увидел. И я вот так рукой поприветствовал, потом, я даже не знаю... А что дальше делать? И послал ему воздушный поцелуй. И он так его воспринял и как бы, тоже хотел... И ответил или что-то пальцы так к губам приложил. И я вот так думаю, что:
- Неудобно же стоять в окне и наблюдать.
И я тихонечко ушел. Вот такой вот сон.

***

И в этот же вечер, в этот же вечер мне снится, что в какой-то зал... в какой-то квартире, но очень заставленной какими-то картинами. Похож на мой, похож на мой дом, но не мой и не наш теперешний. Но что-то еще более такое советское и даже какой-то с высокими потолками, но там и вазоны и поднимаются чуть ли не до потолка. И кровать так стоит в углу. Широкая, большая кровать. И все на... И там же лежит Марта, Марта из радио. Ну уж тут-то действительно, я бы сказал, что никогда, никогда, не в обиду ей будет сказано, просто несвязанно, так сказать, чтобы у меня наоборот, мысль какая-то эротическая появилась. Это вообще, была бы совершенная фантастика для моего воображения, для моего вкуса, для моего желания или просто... Это просто была бы фантастика, это было бы совершенно не... Это что-то бы случилось со мной. Но вот во сне, как ни странно, она лежит возле стенки так, туда. И лежит голая совершенно. И я рядышком лежу. И она меня ласкает, огурец. И как-то так... И я... Да, и находится Олин отец... в рифму... И он где-то рядом, что-то там делает. И вдруг оказывается там какая-то... разлился или вазон разбился и земля... Ну все это разлилось. И я

говорю, что:
- Наум Израилевич, я сам все это подниму. Вы не трогайте. Я сейчас встану и подниму.
Ну, и я как бы, иду и начинаю убирать это. А она опять зовет меня к себе, туда. Вот этот вот сон, я совершенно не... Наоборот, я всегда видел это грузное, громадное какое-то, спрятанное за... в капустных одежках, тело. И я всегда думал о том, что:
- Это просто даже физиологически неприемлемо.
Но это для меня. Это никогда не говорится, что кто-то бы, для кого-то это счастье. Вот. И я вот этот эпизод, этот вариант для меня необъяснимый. Ни в подсознании, нигде, кроме того, что наоборот, я еще, так сказать, иронически мог так оценивать это. Это первое. А потом... Ну, здесь какая-то, может быть, после того, как недавно ее выступление шло, где она очень неразумно, там мне рассказала о какой-то своей болячке, которая все... Может, чувство жалости, может быть, может быть. Но я не знаю, почему она превратилась там вот в такую... разделение постели.

***

Потом мне снится сон, сейчас я его вспомню. Вот сейчас, я сейчас его вспомню, вот он, вот он... где я на базаре. И там большой ряд такой... Ага, так... Я на базаре, не... где-то типа на Староконстантиновском или, может быть, даже на Привозе... Но нет, это больше такой деревенский какой-то базар. И там, видно у всех, поспел урожай груш. И есть маленькие груши и большие. И они очень... но дорогие, как у Карцева. И я спрашиваю:
- А почем вот эти груши?
Которые чуть – чуть уже как бы примятые. Потому что мне всегда, я всегда любил и яблоки чуть – чуть примятые, которые чуть уже мягче чем... А она говорит, что:
- Ну, это отдадим дешевле как бы.
Но я вдруг как-то вспомнил, что все-таки они, груши эти не в этом... не в макробиотической диете. И потом они очень сладкие, а у меня сейчас как раз диабет разыгрался как бы. И я подумал:
- Нет, я откажусь от этих груш для того, чтобы не испытывать свое, так сказать, здоровье.
Вот так вот. Вот такой вот сон.

***

Потом еще что-то снилось. Сны были очень, как всегда, разнообразные, но вот этот сон с Владимиром Ильичом, он, конечно, конечно, уникален,

уникален. В действительности, уникален. Звучит слово «кален». Да, это сейчас, как у меня спросили:
- Ну, как жизнь?
И я сказал:
- Почти по Драйзеру.
- В каком смысле?
Я говорю:
- Ну что, я не финансист, я не гений и не титан, и даже не Дженни Герхард. Остается только – американская трагедия.
Вот эта жизнь почти по Драйзеру. Да, но в действительности, в действительности, что-то появилось, какое-то чувство, чувство такой усталости. Скорей всего, я бы только так, как бы его определил. Вот эта усталость, которая так... Вдруг навалились какие-то вещи, которые я думал бы и не нужны мне, мог бы от них и отказаться, но сбросить их с плеч не могу. И они давят, они давят. Это и в какой- мере и магазин. И какая –то боязнь, боязнь, что... чуть ли не пожара и чего такого... Вообщем, какие-то есть очень много вещей, которые я не могу пока себе, ну, как бы сказать, в себе побороть. Понимаю, понимаю, что поддаваться этому, это очень опасно и бессмысленно, просто поддаваться. Бороться, конечно, надо – но как? То, что у меня есть сотни, сотни дел для приведения в порядок, так сказать, и архива, и будущих книг, и все – тут сомнений нет. Это не... они реальны. Но надо, надо суметь в себе найти вот эти силы, собраться и сделать. Вот такие пироги. Посмотрим.

6-ое февраля

6-ое февраля. Снился сон, который я запомнил. Я в какой-то комнате, очень просторной такой. Похоже как бы... где рядом какой-то pool или джакузи в смысле, что-то такого типа. Но так как я почти никогда туда... не люблю это... Я стою в одежде и вдруг заходит Оля, из какой-то двери выходит. И она так снимает... Да, и рядом в этой же комнате находится Осик Райхельгауз. Но он как-то так стоит... Мы с ним... как бы и не общаемся, но он присутствует в этой комнате. И вот выходит Оля из какой-то двери и на ней или халатик был или что-то такое вот. И она легко снимает вот это все и остается совершенно нагая, с великолепными... красивые груди. И она такая вся, как будто бы только что из воды вышла. И такая... капли воды так сверкают. И она одевает так легко какую-то... типа матроски, которая только прикрывает груди, как бы так. Но не чувствуется, что вот без лифчика, просто вот так прикрывает груди. Я так смотрю удивленно и думаю:

- Ну, она вообще, не стеснительная с точки зрения такой, хотя она очень... И в тоже время, она очень не вульгарная или там с точки зрения... ну, чтобы себя вести где-то в обществе... – это исключено. Но сама по себе или вот со мной, она совершенно свободная и никаких нету комплексов и ничего.
И вдруг... Да, но присутствие этого самого... как его... Райхельгауза, это мне совершенно непонятно. Я думаю:
- Неужели он приехал или он где-то с ней встретился или что...?
То есть, у меня вот такой... как бы возникло, не то, что подозрение или... Какое-то чувство ревности, конечно, было. Но утром, когда Оля купалась и я растирал ей спину после ванной... То есть, повторилась, как бы сцена этой обнаженной, здоровой, красивой фигуры... И я натирал и спину, и грудь, и все... И вот, я ей рассказываю этот сон, но пока не дошел еще ни до Осика Райхельгауза, ничего. А она говорит:
- Ну, это, конечно, ревность, это, конечно, ревность.
И я подумал:
- Вот такая интуитивная женская... чувство интуитивное, что вот для нее это сразу возникло понятие, как «ревность».

7-ое февраля

7-ое февраля. Сон, конечно, не менее интересный, чем в прошлые разы. И связан с одной и то же темой. Мы идем с Олей по какой-то уже такой вечерней улице и похоже на одесские какие-то закоулки, дворы. И мы идем в гостиницу что ли. И вдруг я обнаруживаю, что Оля совершенно обнажена.
- А как же туда зайти в гостиницу?
И вот на каком-то дворе на этой... на веревке висит, сушится какое-то белье. И там очень такая старая – старая какая-то ночная рубашка, вся изрешетчатая какая-то такая. Ну, она ее подхватывает и набрасывает. И я думаю:
- Ну, хотя бы так. Мы сумеем попасть в эту гостиницу.
Что? Почему этот сон снится? Тут очень безусловно есть свои... В первую очередь, это то, что вот каждое утро она принимает душ. И после душа я натираю ее бальзамом таким. И естественно, вот это обнаженное тело беспрерывно, так сказать, передо мной. И это не первые годы, не первые годы. Но в данном случае, оно просто чаще повторяется и так стало по утрам, каждое утро. И вот отсюда, может быть, появляется какая-то обнаженность, где требует ее защищенности как будто. А в Одессе... Это потому что, я думал, думаю все-таки, что мы поедем в Одессу. И я думал и в гостиницу мы попадем или к Володе... к этому... Но во всяком случае, какие-то такие мысли были.

***

Дальше снился мне какой-то сон, связанный с базарчиком этим деревенским и выбором, большим выбором кислым... там кислой капусты квашенной... квашенных каких-то... капусты, помидоров, яблок. И такой очень большой выбор. И я хожу и не знаю, что же конкретно взять и из этого выбрать. В этом смысле, это где-то все-таки, что несколько раз я говорил с Олей о том, что надо заквасить капусту по макробиотическому способу. И я вообщем, давно – давно не ел этого. И может быть, отсюда оно как бы толкает такой... эту мысль в сон. Появились вот эти сны, связанные с квашенными овощами и фруктами. А сегодня как раз, мы заквасили вот такой огурец, капусту. И это такая макробиотическая закваска. Пятнадцать – двадцать минут – и она полностью готова. Вот.

***

Снились еще очень разнообразные сны, которые я, к сожалению, вначале думал, что я их запомнил. А когда проснулся и начал... я все не запомнил. То есть, я сейчас просыпаюсь и не записываю какое-то отправное слово и такое событие для того, чтобы потом полностью воспроизвести этот сон наяву и перед глазами. И прокрутить его, так сказать. А в данном случае, я этого сейчас не делаю. Я как-то ленивее отношусь к этому, потому что появилось все-таки какое-то... ну, даже новое... Хотя у меня какие-то могли быть раньше, но не в этом, не в таком объеме. Вот в таком вот объеме и в такой частоте. Мысль о том, что фактически... ну, неинтересно что ли что-то становится. Хотя, я не могу сказать, что это так. Неинтересно жить и неинтересно дальше двигать то, что я начал. Но с другой стороны, какая-то есть эта задержка. Это то, что Наум Сагаловский мне очень часто повторяет:

- А кому это нужно? А зачем? А это все уже прошло. Наше время ушло, наше время прошло.

Я не могу сказать, что где-то это существует. Но как только появляется это какой-то, какая-то преграда или что... я немедленно ее стараюсь преодолеть. И считаю, что значит еще есть жизненная хватка или необходимость бороться. Но, а с другой стороны, конечно, я... это связанная с усталостью, может быть, даже и с физической, и душевной. Что если так, честно, это обычно, двигает всем, двигает тщеславие или какая-то жажда творить, создавать то, что у меня было в огромной мере. Но когда ты просматриваешь все, что остается или все, что происходит вокруг тебя. И в действительности думаешь:

- Ну еще один рассказ, ну еще одна книжка, еще то, еще то, еще то... И что,

это разве разрешит весь смысл и разве разрешит это?
Конечно, лучше созидать, лучше созидать до конца и заниматься до последней секунды, и заниматься любимым делом. И если бы умереть неожиданно, это было бы просто счастливым моментом. Но это может оказаться и совсем и не так. И вот поэтому вот такие грустные мысли и приходят.

8-ое февраля
Обилие, обилие и обилие! 7-ое или 8-ое сейчас, 8-ое февраля. И снился и Набоков, и ... Белон, и папа, и Эрик. И просто поразительное и громадное... пласты, которые я не все запомнил. Потому что их так много, что невозможно это все записывать и это я так не записал.
Значит, иду я по... в Одессе, по Жуковской, кажется. Там был такой ... «Подписные издания» такой магазинчик, где мы еще подписывались на... Там, как-то я не помню, что-то специальное.... Ну, был такой магазин. И я иду и он открыт. И еще самое главное, что прямо на улице какие-то книжки лежат. И я захожу туда, а там вообще, какое-то раздолье, громадное – громадное раздолье книжек. И в разных уровнях. И я начинаю там искать. И вдруг меня увидели и:
- О, там Рудяк пришел!
Этот хозяин как-то так очень... ну, с почтением. И я иду, и ищу, начинаю искать разные книжки. И вижу, что есть многое интересное. Потом, когда я уже удалился в какой-то совершенно... А со мной портфель, вот тот старый, одесский, желтый портфель, с которым я ходил в книжные магазины для того, чтобы, если я куплю, чтобы, как говорится, было бы в чем нести. И вот я забился в какой-то такой пенал и смотрю, что там много старых книг. И я начинаю складывать их в портфель. И потом еще куда-то пошел. И вдруг обнаружил, что портфеля у меня нет в руках. Я думаю:
- Хорошенькое дело! Еще подумают, что я что-то собрал... Я же еще не вышел из магазина и ничего...
И я начинаю искать портфель. И нет его. И я думаю:
- Где же? Где же я был?
И я начинаю бродить и вижу, что он валяется там прямо на полке одной. Я так обрадовался. И я слышу голос по радио такой, что:
- Господин Рудяк, вы знаете, что... Мы знаем, что вы ищете такие книжки редкие. Вот там есть сейчас изданная переписка, где все там письма Сталина, записки и все такое. Так что, если вы хотите, мы вам сейчас можем там, как говорится, там их приготовить.
Из этого магазина я где-то исчезаю и попадаю на какую-то пристань... мне

даже трудно понять, где это. И там я встречаю Сон Белон. Высокий, очень подвижный, и говорит очень хорошо по-русски. И мы с ним общаемся легко. И он говорит:
- Послушайте! – он говорит. – Сейчас я должен или улететь или уплыть в Нью-Йорк. И я в Чикаго приеду, скоро приеду. И если вам не трудно, я хочу вам оставить здесь чемоданчик мой. Там рукописи, там одежда, которая мне сейчас там не нужна. И я приеду и вы мне отдадите чемодан.
Я говорю:
- О чем вы говорите! Для меня это честь, что я с удовольствием все это сохраню и отдам.
И я иду с этим... Да, и мы как-то распрощались... И я иду и попадаю в Джурин, в наш дом. И иду с этим чемоданом. И папа наверху стоит. И я говорю:
- Папа, этот чемодан Сон Белона, очень известного писателя, лауреата Нобелевской премии. И вот он тоже живет в Чикаго. И я... и я вот хочу ему как бы... Ему надо сохранить это, чтобы обязательно это не пропало.
И он говорит:
- Ну, хорошо – он говорит. – Если нужно, так нужно.
И я с этим... Потом я вдруг попадаю снова в Одессу, в наш дом, прямо возле дома нашего какая-то... какой-то знаменитый, известный танцовщик, прямо на улице показывает какие-то очень редкие па, движения. Там собрался большой такой народ. И Эрик там, среди них. И он... я очень волнуюсь, чтобы он... он не... ну.... И я думаю:
- Как же?
И вот я его кричу, открываю окно, а там играет какая-то музыка и все... И я говорю:
- Эрик! Давай, домой!
И вот он вбегает по лестнице, маленький... Ну, лет пять ему, очень бутуз такой, краснощекий. И я говорю:
- Что ты делал?
Он говорил:
- Я танцевал - говорит – тоже.
И весь, как говорится, искрится такой радостью. И говорит:
- Я хочу, хочу еще!
И я говорю:
- Но только ты сразу возвращайся.
И он опять мчится туда вниз такой очень, очень возбужденный. И в это время в доме у нас, заходит туда с низу, я вижу, заходит туда Набоков. Высокий такой и очень... ну, так, как я его по фотографиям и портретам

представляю такой. И я думаю, и я думаю:
- Прекрасно! Набоков в доме, это очень приятная такая штука.
Но что там дальше было, я запамятовал, запамятовал. Единственное, что я еще помню, что мы сидим в комнате, мы еще сидим в комнате... И что же там было? Не могу, не могу, все это уплыло куда-то, уплыло... Может быть, он пришел за чемоданом.... Ха-ха-ха, за чемоданом этого... Сон Белон... Не знаю. Во всяком случае, во всяком случае их отношения могли бы быть любопытными. Сон Белон уже получил к этому времени Нобелевскую премию, а он так и не получил. А однажды в этом самом... Я был настолько уверен, что он был лауретом Нобелевской премии, что когда мы показывали фильм «Дама, король, валет» или «Дама, валет, король» по его повести, я в афише очень уверенно написал:
«По повести лауреата Нобелевской премии Владимира Набокова».
А оказывается, что совсем этого не было. А теперь, я все время повторял уже пару лет, что Милорад Павич должен получить Нобелевскую премию. Но однако, я не знаю, получил он ее или нет. Недавно, я в каком-то русском журнале, это, кажется, даже в «Огоньке» было написанно, что:
«Лауреат Нобелевской премии Павич»
Когда это было, я так этого и не знаю. Так что, мое предчувствие все-таки видно, сказалось.

9-ое февраля
Начал рассказывать. Снова школьный сад, снова школьный сад. Сегодня 9-ое февраля 2004-го года. И я... и интересно, что этот сад не выходит из моей... из моего подсознания. Ну, я там бывал счастлив...

****

K04.12

4-ое декабря

Это продолжение 4-ое декабря. Я говорил о том, что мне снился школьный сад, это уже второй раз буквально подряд. И там как будто мы с ... нам оставили на время.... Поселились мы с мамой, папой и я вот в квартире директора школы Наума. Наум... как же он был... Яковлевич что ли, я забыл. И жена у него была Валентина Ивановна Жукова. Для нас вот это сочетание... было даже такое имя, отчества и фамилии, было тоже такое привлекательное что ли, для нашего еврейского уха. И вот она там была блондинка, крашенная, яркая такая. И мы все были, так сказать, влюблены в нее из-за того, что она была такая статная и для того времени, молодая. И теперь я могу понять, у нее было широкое лицо и очень всякие такие формы... очень круглые. Но привлекательность, конечно, в этом смысле, была всегда для еврейского юноши, каким он был после войны... ну, когда он женился на ней. А он, значит, директор школы. Он приехал из Винницы, бывший летчик, по-моему, он был во время войны. Был нервный такой. И, конечно, для нас это был... такая привлекательна семья, пара. И вот они жили в этой школьной пристроенной... в школьном доме. И там была их квартира. При выходе был сад, великолепные деревья в окна с яблоками. Прямо, так сказать, нагинались туда, нагинались прямо в окно. И вот мы... Мы живем там – папа, мама, я. Они почему-то на улице... там что-то варят... варенье или... собирают яблоки. А я чего-то... я оказался в кровати какой-то, которая была прямо у входа. Там была... там была... надо было подняться по лесенкам туда наверх, в эту комнату, в этот... квартиру. И вот я там лежу на этой кровати и видно окно, которое прямо... там туалет, который там внизу был. И мы, будучи школьниками, часто бегали там в этот туалет. А если еще кто-то там, в другую половинку заходила девочка, так это вообще было большим счастьем. Потому что все эти доски были там так пришиты, с такими прорехами, что можно было оттуда, как говориться, наблюдать в камеру Абскура, все смотреть. Короче, я лежу в этой кровати. Почему-то она очень большая. И вдруг мне страшно захотелось по-большому и я вот не знаю, успею ли я даже добраться до этого туалета. И тетя Мэра тоже... я вижу ее в окно... И там папа и мама. И я не знаю, позвать их что ли. То есть, я мальчик, я в том возрасте, в котором это могло происходить тогда. Но я не удерживаюсь и это все оказывается в трусах. И я вот не знаю... Я их аккуратненько снимаю и скомкиваю и думаю:

- Ну вот так я их и выброшу.

Не знаю, насколько этот сон примечательный, замечательный с точки зрения эстетической вообще. Но сам факт вот этого и модификации вот этой квартиры и этого всего... Видно какая-то там появляется какая-то

взаимосвязь с моей страстью к этой Валентине Ивановне. Вот.

***

А потом, а потом мне снится сон, что я попадаю в какой-то зал. Это похоже на зал JCC. И я попадаю туда и там пока еще только начало идет, расставляют столы. И это какая-то группа, группа типа украинских католиков... или католики, или христианская какая-то... Они расставляют там какие-то разные иконки, крестики на столе. А потом дальше я смотрю и еда какая-то там, стол с едой такой. И женщина, которая там стоит у этого стола там с крестики, она, как бы предлагает что-то их приобретать что ли. А потом на стенках, я вижу выставку таких плакатов советских и даже и украинских... и каких-то плакатов, связанных с такой антисоветской... Ну так, как это могло быть в Западной Украине после войны или вот сейчас, вот в этот период, после перестройки, когда она стала Незалежная Украина. И я даже конкретно вижу целое наименование и подписи к этим плакатам и все. Я не запомнил ни один, к сожалению. Но очень яркие, я этих плакатов тоже никогда в жизни не видел и не встречал, но они так явно были перед глазами, выставленные на стенках, что тут, может быть, они и в самой жизни существовали. И вот я думаю, что:
- Стоило бы что-то приобрести из этих плакатов. Все-таки это, как бы сказать, оригиналы.
Но я еще не знаю, каким образом это может быть. А в смысле еды, когда я это все увидел, я понял, что это еда не моя. Вот здесь, в каждом сне, мне снится еда, я все-таки остаюсь как бы непреклонным абсолютно, отказываюсь от того, чтобы попробовать еду, которая не... ну, мне не положено по моей макробиотике. И вот таким образом, этот сон вот таким образом этот сон... И что-то там...

12-ое января

Перестал записывать... Конечно, жалко, теряются такие сны, такие события, такие любопытные ситуации. Ну сегодня 12-ое января. Значит, сон снился такой, что я прихожу в кабинет к Борису Яковлевичу Колтунову. Но непонятно - действие происходит в Одессе или оно уже перенесенно сюда в Америку. Хотя, он никогда здесь не был. И там, значит, снится мне, что он со мной так... Он в костюме, при галстуке и в тоже время он натягивает на... на... на свои штаны, на брюки, натягивает какие-то защитные такие...

широкие защитные как бы... ну, широкие такие до колен какие-то... Ну, ботфорды такие широкие. И говорит, что:
- Я должен пойти проверить вокруг дома...
Там оказывается мокро и он должен проверить. Но самое главное его... его мысль и то, о чем он мне говорит, это что:
- Они все равно не сумеют всех вас уничтожить. У них уже нет ни сил, ни денег, ни оружия даже. Несмотря на то, что мы фактически почти голодаем и у нас остались вот такие маленькие брикеты...
И он показывает у него на столе там какие-то маленькие брикетики еды...
- Мы все равно – говорит – выживем, а они вынуждены будут уйти.
Подразумеваются немцы, должно быть. И он вот так одевает вот эти... и говорит:
- Ну, я, Илья Эзравич, пойду вокруг нашего здания и проверю все ли там в порядке и не затекает ли...
Я не знаю... я замысел его фактически не понимаю. Но вот эти вот брикеты и вот это то, что:
- У них нет уже ни оружия....
Это уже как в каком-то анекдоте о советском:
- Что уже пуль нет и того, и того нет.
Короче, вот такой вот сон.

***

А потом мне снится, что я... Это как будто в Одессе и это уже как будто и Джурин, я еду, я не знаю. Я еду на машине, еду с моим студентом Савусиным Колей. Он вообще водить мшину не умеет, но я сижу и вожу. Но он со мной, не знаю, как бы помогает мне. И вдруг машина фактически каждый раз... Я оглядываюсь назад, а там кузова нет, ничего нету. Мы только в кабине, а все остальное где-то как бы осталось по дороге. И я останавливаюсь и он приносит все это и как бы устанавливает какие-то эти... кузов или что-то там. Оно все складное, вот такое, как... как будто это разборная машина. И опять, так сказать, мы едем. И опять я выезжаю на какую-то дорогу, вниз она идем там. И я смотрю опять – и ничего нету там на этом... за нами, кроме одной кабины, которая вот так, как бы идет. Какое-то странное, конечно, ощущение. Но так, как я иногда вижу как едут одни кабины, этот, который потом туда... и с платформой, где туда потом... машины загружают... Так что это вполне возможно, для меня это... Но то, что оно у меня выпадает там и я должен его подбирать... И люди как-то так смотрят странно... те, которые по дороге встречаются. Это, конечно, сон такой необычный.

***

Потом тоже, мне очень много чего снилось, но я почему-то вот ничего не

запомнил. Абсолютно ничего. Если где-то покопаться, конечно, может быть, что-то бы и всплыло. Вот. Ну, впереди день рождения. И я не знаю, не знаю... Я, конечно, честно говоря, я хотел покоя и воли. Но оказалось, что это не так просто, даже в моем случае. Надо идти на этот, как бы сказать, и компромисс, и на такой... Вообщем, короче, я... я оказался пленником той же суеты и своих страстей, и своего безумного собирательства, накопления. И оно вдруг оказалось, как две гири, тянущие тебя вниз. А если бы этого всего не было, может быть, было бы намного проще. Но самое главное, что казалось бы, может можно было бы сейчас это все сбросить, сжечь, забыть об этом. Но это тоже невозможно. И вот так вот мечешься между вот этими... между книгами, между громадным количеством... и незнанием... Все-таки я не знаю, как с этим всем поступить.

13-ое января

Вот сегодня один сон мне снился. Сегодня 13-ое января и снился мне такой сон, что мы в саду, в то же Джуринском саду, школьном, прямо возле... где кончалась школа, где окошко выходило из нашего класса на дорожку. Мы видели, так сказать, другую школу, другое здание. Большая яма, очень глубокая. И что-то там было или не было, я даже сейчас не могу как-то вспомнить. Но в этой яме мы почему-то с Олей, залезли туда... Или для того, чтобы спрятаться и как бы я подумал:

- О, здесь хорошо было бы даже и заняться любовью.

И в это же время, в это же время подъезжает со стороны там сада, подъезжает какая-то машина, именно такая, военного типа. И среди... из-за кустов, из-за деревьев появляется... и я подумал, что:

- Это КГБист.

Вот такое у меня впечатление. Появляется группа молодых офицеров, ребят с ними. И это как бы эти самые... как бы... патруль какой-то. И тем более... и именно еще и в матросках в таких. И вот они видят нас... Это какой-то уже... типа предсумерки, предсумеречное время. И я наконец понимаю, что это мы как будто в ловушке. Мы в яме, они наверху. И они могут с нами делать все, что угодно. Пристрелить и меня застрелить, и Олю изнасиловать. И я говорю... Они не спрашивают почему мы там и я не объясняю почему мы там. Я просто говорю им:

- Помогите нам выйти отсюда.

Он протягивает сперва руки Оле. Ну, я, конечно, уже рад, что если она выйдет... Но я, честно говоря, не знаю, как они поступят или, не дай бог...

И Оля так очень радостно подает руку. И они ее... и она быстренько так... Ну, яма такая глубокая и мне самому видно было, что выйти, не очень просто. Как мы залезли, я не знаю, а вот выйти было нелегко. И вот она ногами так быстро – быстро перебирает и они ее вытаскивают наверх. Ну, и потом вытаскивают все-таки и меня. И вот тут я... Вдруг старый такой прием приходит... И я не знаю, какие у них замыслы. Что они хотят сделать? Потому что опять же, несмотря на то, что мы наверху, мы в их власти. Они могут что угодно с нами сделать. И особенно Оля, она молодая, она красивая и вот такая вот ситуация. И я им говорю, что:
- Я в принципе, думаю о съемках фильма и поэтому мне было бы даже интересно и вас пригласить и все прочее...
То есть, я веду спасательный, как я говорю, разговор в отношении, в отношении, в отношении этого... Спасательный разговор в отношении Оли, чтобы ей, не дай бог, не сделали какую-то боль. Дальше, я не знаю, какая там... дальше снился еще сон вперемежку с этим, но я почему-то забыл его. Потому что этот сон, я очень хорошо запомнил.
Почему он вообще вдруг пришел? Эта яма и мы там. Здесь несколько каких-то ситуаций. Первое, что я на ночь почитал несколько глав из книги Аготы Кристофф, это видно такой псевдоним вместо Агаты Кристи, которая написала “Толстую тетрадь”. Это такой очень любопытный, конечно, роман. Очень простенький, без... я имею ввиду, в смысле языка, событий. Он просто... Но в тоже время, там есть, конечно, композиция, там есть задумка. И маленькие главки из жизни двух там близнецов. И как постепенно они... не то, что они становятся видно в конце концов, это просто исчадие ада. Вот такие два пацана, которые приводят к смерти отца, приводят... и бабушку травят и все... И притом, это все с умом, с таким блеском и все. И там есть эпизод, когда они выкапывают из могилы там скелет отца... их матери и маленькой сестрички, которая тоже умерла, только скелеты. И склеивают их и подвешивают обратно... То есть, вот этот вот это один момент. Второй – это я вот недавно читал воспоминания этого... Андрея Вознесенского, где тоже есть интереснейшие эпизоды по поводу шести офицеров, которые на молоденьких... которые ездили на машине...

14–ое января

14–ое января. Сегодня мне шестьдесят пять лет. Конечно, не верится. Конечно, даже просто не представлялось. Мы всегла думали, что надо дожить хотя бы до 2000 –го года. А до 2000-го, значит, мне уже было бы шестьдесят. А тут еще пять лет подарено, притом, после сомнений, после

болезней и всякое такое. И конечно, если бы они просто так проскочили и даже в муках, и даже то, что у меня было, это было бы неинтересно. Но я за это время еще кое – что сделал. Написал десяток рассказов. Из них, может быть, несколько хороших. И кроме этого, выставил, что-то еще сделал. То есть, я не сидел без дела. Но сомнения душу тревожат, тревожили и тревожат. И безусловно, смысл жизни.... продолжается поиск его. И мысли о смерти, безусловно, не покинули меня. Но в данном случае, я рад, что есть такой день, что я дожил и могу что-то еще делать. И как говорит Женя, что:
- Он у меня еще юный.
Ну, дай бог! Во всяком случае сегодняшний... сегодняшнее утро для меня не грустное.

***

Дальше... и снился мне сон тоже какой-то радостный даже в чем-то. Мне снится, что я иду по улице. Это похоже на джуринскую или на какую-то на одесскую такую улицу. И сверху... скорей даже на джуринскую, потому что по такой, как бы наклонной улице, по тротуару или по дороге такой идет мама. И она несет в руках... она еще издали далеко, я ее вижу издали... И она несет такой... сирень, букет сирени. Но это не букет просто, а целое такое деревце. Высокое, она держит его в руках и оно возвышается где-то на полтора метра над ней еще. Но эта сирень... такая красивая сирень. И это день, конечно, не зимний, а скорей, такой весенний. А за ней идет... идет еще одна женщина. Похоже, что это Раиса Аркадьевна, которая у меня сейчас помогает. И она несет какой-то букет цветов. И вот они идут и я так счастлив, у меня такое ощущение. И я иду навстречу маме. И когда я, правда, уже подхожу, этот букет вдруг, эта сирень вдруг превращается в очень маленький какой-то такой деревенский букетик цветов из этих... из этого самого... полевых цветочков. Но мне все равно это не так важно, как то, что мама меня встречает. И я так вдруг обнимаю ее и рыдаю так, как только во сне можно рыдать. И говорю:
- Мамочка! Боже мой! Кто бы мог подумать, что я доживу до шестидесяти пяти! И ты меня вот так встретишь и я буду так счастлив.
И это все... И вот так плачу и рыдаю. И она меня так обнимает.

***

А потом я... вдруг это все переносится в какой-то... типа, часто преследуемая, преследумое общежитие. И я в одной какой-то комнате. И предполагается, что мама в другой какой-то. И Клебан почему-то, которого, я так сказать, не... он не близок мне абсолютно. Он в какой-то там...

собрались... какая-то компания в этой комнате, в его, как бы так сказать, комнате. И я даю туда... А может это был Левин... И я даю туда бутылку

водки и говорю:
- Вот, выпейте за мое здоровье.
Как бы... Ну, они берут эту бутылку. А мы куда-то должны отправляться или ко мне на день рождения, или... Мне даже так трудно понять это все. Но я... И вот я туда прихожу и там как будто мама тоже есть. И еще какая-то вторая женщина, очень приятная. А они все себе налили по стаканчику, а им даже не предложили. Я говорю:
- А почему же вы женщинам не предлагаете?
- Может быть они водку, но вообще...
- Давайте, в первую очередь, выпьем за женщин!
Ну, и там это начинается это... Потом это все вдруг исчезает и я попадаю в отдельную комнату, квартиру. Да, а там моя хозяйка, моя Софочка. Она стоит как-то на балконе и смотрит на людей, куда-то туда... проходящих мимо. И я думаю:
- Боже мой! Вот это тоже есть один из смыслов жизни, стоять на балконе и смотреть, как идет жизнь на улице.
Но я ее вижу так издали, очень далеко – далеко, как будто это из какого-то фильма Рерберга, чеховского, где очень длинный – длинный как бы навес и мы видим там людей и все это. А потом это приближается. А в данном случае, я вижу ее спиной ко мне. А потом я иду к себе в квартиру, в комнату там. Но там несколько... пять или шесть кроватей. И одна из них моя, самая такая... к стеночке. И никого, больше никого нету. И вторая комната, которая смежная как бы... Тоже там много кроватей и тоже никого нет. И в это время... Да, а другие там... это как бы целое общежитие и там люди снимают там вот такие комнаты. И вдруг появляется женщина с клумками, как говорят на идиш, с разными там такими мешочками, мешками на плече, какой-то мешок и все... И говорит:
- Тут можно у вас переночевать?
А вообще, она такая симпатяга. И говорит по-польски:
- Я из Польши.
И я говорю ей:
- Что в принципе, я здесь один живу, здесь в этой комнате. А вот здесь в смежной – может быть.
Она так смотрит на меня очень, как говорится, лукаво. И говорит, что мол... Ну, какая-то мысль тут мелькает, что:
- Это может оказаться, приятный такой момент.
Но появляется Софа и говорит:

- Нет, я ее поселю вот там... Более свободная есть какая-то... Или там еще один человек есть. И это будет стоить пятнадцать долларов.

И та как-то очень... ну, это дорого как бы для нее. И я подумал:
- Я могу заплатить за нее где-нибудь эти пятнадцать долларов, если у меня даже нет.
Но Софа ее как бы уводит и я остаюсь один. И ищу какие-то свои одежды, которые я никак не... А... а потом за мной приходит или Изя мой, или еще кто-то... Да, как будто Изя. И мы должны куда-то идти... Или на день рождения тоже, я не знаю.
Ассоциаций здесь очень много и естественно, что в первую очередь, это связано с мамой. Я о ней все время думаю. И безусловно, что встал с мыслью о ней и заснул вспоминая, что может быть, она в эту ночь, как говорится, мучалась, рожая меня. И я об этом думал. Поэтому оно могло как-то запечатлеться и именно могло присниться вот в таком вот варианте.
А Раиса Аркадьевна мне все время говорит:
- Я хочу хотя бы подарить вам букет цветов для того, чтобы вы меня вытянули из этой ямы, депрессии и все...
Она мне вчера так... Вот. И она могла тоже появиться в этом сне так, как бы говоря, естественно. Бутылка водки – это мне первое вот после того, что там в газете было объявлено об этом, он первый мне принес такую французскую, какую-то очень элегантную бутылку водки. Это Юра .... И я очень был благодарен ему. И вот эта бутылка водки, как бы кочует во сне уже второй раз. И я ему предлагаю. В отношении этого Клебана, я просто как-то не хотел даже, чтобы это... Например, там пригласить его на вечер или что-то, я это считаю исключено, потому что это не моего даже... не поля ягода, просто очень далекое и не соответствующее моему... А вот вчера позвонил Марк Левин, которого я, как бы так сказать, от себя отстранил, после вечера Евтушенко. И с другой стороны, я подумал, что:
- Это даже хорошо.
Почему хорошо? Потому что там человек переживал, думал. И все-таки он решил поздравить меня, пусть это будет формально, пусть это будет черт его знает, как. Но я... это не принципиально, я ничего не могу изменить: ни его характер, ни его философию, ничего. И если Евтушенко годится, что вот так его... есть такой пропагандист его, который не всегда, как говорится... Он иногда его просто компроментирует, так я подумал:
- Пусть это будет так, если он в такой день решился позвонить и все прочее...
 - Я подумал:
 – O'kей.

И я сказал:
- Спасибо, я рад и все прочее.
Вот. Так что вот это могло... вот такой вот сон. Изя, я всегда знал, что он меня поздравляет вовремя и всегда, так он мог бы как-то напомнить мне. Вообщем, короче, здесь какие-то взамосвязи, как всегда, есть. А вот, вот это общежитие... я... мне трудно, но есть, я понимаю, откуда оно все-таки могло родиться. Дело в том, что когда я был студентом в первые мои пятнадцать – шестнадцать лет, я жил тогда в общежитии. И жил довольно, как говорится, ну, как все... Было познание жизни, было... гулянки какие-то были. И походы в женское общежитие, напротив этого строительного комбината. Это были первые – первые такие познания жизни и любви, и дружбы, и всяких... А потом, когда я... когда я понял, что я... это не мое в принципе... Это уже было зимой, полтора года я там жил. Я... и меня переманула, переманула женщина, чтобы я поселился там рядом... Нет, еще было по-другому. Я... я... почему-то я не помню, я должен был уйти из общежития из-за того, что я... Я вот не могу понять. Там не было никаких... Я себя прекрасно вел и чувствовал хорошо. Но или из-за того, что я не сдал экзамены или я пропустил сессию как-то, не сдал... Может быть из-за этого, они могли меня и, как бы сказать, и выселить из этого общежития, исключить. Я не могу это вспомнить, какая это была ситуация, но вполне возможно, что именно так и было. И оно так засело в мое подсознание. Это была первая, как бы сказать, ну что ли... ну, такое... очень сильное потрясение, что я вынужден был уйти из общежития. И я пошел тогда к моему этому знакомому мальчику, он как бы... Он у нас тогда не занимался, мне кажется. Но мы как-то подружились где-то... еврейский Наум и братик его. И я спал с ними в одной кровати, пока... Накрывался одним одеялом без пододеяльника и этот как-то пододеяльник... И это одеяло было черное, как земля. Но это было неприятно, но я не имел другого варианта. Я еще там платил ему, не знаю, там пятнадцать рублей. Вот. Вот такой был. И потом вот меня забрала эта женщина. Ну, в смысле забрала, одна девушка, которая... которой я как бы, нравился. Она забрала меня к соседке своей, которая жила совсем в другом районе, чуть ли ни в конце Гомеля. И я туда переехал. И вот, а четырнадцатого, четырнадцатого июля, четырнадцатого января именно вот в такой вот день, когда мне было шестнадцать лет... Нет, шестнадцать или семнадцать лет... Нет, семнадцать лет мне было, когда мне было ровно семнадцать лет, я собрал свой чемоданчик. И меня провожала вот эта Вольга, соседка, которая... белорусская девушка, которой я тоже очень нравился. И она устроила мне такие ... как бы... спекла что-то, сделала там прямо у этой старушки, где она тоже снимала... спала с ней тоже в

одной такой постели, она мне сделала вот такие... И я буквально уже пятнадцатого числа, имел уже билет на поезд и уехал в Лукобарскую, к Семе. Вот такая была история. И она оказалась... так часто все-таки крутится. Но с другой стороны, это показывает на мои какие-то характерные черты.

16-ое января

16-ое января. Одно твержу я наизусть:
- Опять немцы, опять Холокост.
Я оказался в еще какой-то... какие-то люди в каком-то доме, с очень многими комнатами, с какими-то пустыми... Притом, комнаты пустые и спрятаться в них невозможно. И вот молодые немцы, очень видно... такие молодые, они проверяют каждый уголок, каждый. И заходят... И я прячусь, от них убегаю. И все время как бы, мне кажется, что они ушли. И в тоже время еще какая-то часть заходит и гортанно разговаривая, проверяют опять. И я, как будто, снова спасен. И они еще какую-то... какую-то еще... и идет... какие-то похороны какого-то их генерала или кого-то там они несут... Не знаю, что-то там. И это.. там такой проем с большими такими... Я вижу все это. И я опять куда-то на самый высокий чердак залезаю и думаю:
- Ну все. Тут я спасся.
И тут начинается грохот сапог, разговор и стрельба где-то. И я снова, так сказать, жду, что вот – вот конец. И потом нас несколько человек оказывается в каком-то... в какой-то знакомой квартире, комнате, где закрыты мы. И я слышу стук и думаю, что:
- Для немцев это как-то непривычно. Они бы сразу выбили сапогами дверь. Может быть, это кто-то из наших?
И в тоже время, я думаю, что:
- Если сделать вид, что мы... кто-то здесь есть, они обязательно ворвутся.
Но с другой стороны с нами нету Эрика, с нами нету кого-то еще. Кажется, я с Олей тут. И я думаю, что надо откликнуться и я спрашиваю:
- Кто там?
- Эрик.
- Кто там?
И как будто это кто-то из наших. Мы открываем эту дверь и врываются еще несколько там наших спасателей, которые спаслись как бы. То есть, это беспрерывная такая тревога и убегание от смерти, от опасности.

***

Потом какой-то театр. Да, мне еще снился театр. Какой-то тоже любопытный, что наши эмигрантские какие-то... И среди них большинство женщин. Но они сидят на сцене. И тоже это какой-то... как будто... или лагерь, или это уже после войны. И каждый в какой-то своей, каждый как бы, в какой-то своей койке. И каждый в каком-то таком или на лагерном каком-то топчане, вспоминают и поют какие-то очень... песни. Я думаю, что:
- Это совсем неплохая выдумка, придумка.
Вот они, как бы делятся своими воспоминаниями, лежа на вот этих... на соломенных тюфяках или просто на нарах вот этих, именно на нарах. И каждый... И поют вдруг какие-то очень грустные и пронзительные песни. Я считаю, что это... в этом есть что-то. И я захожу туда, когда заканчивается как бы этот... представление, я захожу за сцену. И в какой-то комнате, где все собрались, я говорю:
- Кто придумал это?
Они говорят:
- Вот этот, кто-то... Яша Фридман.
И я говорю им, подхожу к нему и говорю:
- Слушайте, вы знаете, если здесь еще как-то придумать что-то, то это, может быть, интересно очень.
Он говорит:
- Я пятнадцать лет что-то это собирал. Собирал... ну, эти сведения записывал. Так что, я вот поэтому так...
Я говорю:
- Мне это очень нравится.
И я ему сказал такие приятные, как бы сказать, слова. Он благодарен, а дальше я не помню.

***

И последний сон – это я опаздываю в этот... какой-то уже такой холодный вечер... и типа в Рахнах, я стою. И я спешу и думаю:
- Подожди, это же последний поезд.
И все часы неправильно показывают как бы время. А я думаю, что:
- Мне же надо до полшестого успеть.
И я смотрю, что эта... Мои часы стоят. Подхожу... Какие-то два типа иностранца с точки зрения моей... русского... я мальчик там, взрослый. И, который с тех лет, когда я ездил в Рахны, домой. И я спрашиваю:
- Время какое?
Они сперва не понимают потом он посмотрел на часы и говорит, что:
- Десять минут седьмого. Шесть часов и десять минут.

Я говорю ему:

- Спасибо.
И я убегаю. И я думаю:
- Как же идти? Можно идти по шоссе и там выйти к вокзалу или прямо вот здесь по рельсам. Правда здесь темно, но дорога ближе.
И я думаю:
- Ну, здесь, в крайнем случае, если я не попаду ни на один из этих поездов, иди, знай, когда он там будет позже.
А такое состояние тоже опасное....

17-ое января

17-ое января. Такой очень тревожный, конечно, тревожная ночь, в смысле снов. И беспрерывно, главное, беспрерывно. Снился мне, в первую очередь сон такой, что в этом институте у нас идет спектакль. И это... я играю там главную роль Шельменко - денщика. И хотя, я в принципе, знаю, о чем там идет речь, я ни разу ее не читал, ни разу ее не просматривал пьесу. И должен придти уже на спектакль для того, чтобы играть. Это кошмарное чувство! Как это произошло? Почему? Вдруг так? Мне непонятно, но я должен придти и играть. И вот я собираюсь и думаю, что:
- Надо придти пораньше для того, чтобы взять пьесу и просмотреть.
И еще думаю:
- Будет ли этот самый... ох, ты, вдруг забыл слово. Не диктор, а будет ли человек, который будет смотреть за кулисами за пьесой и подсказывать тихонечко?
Этого я, к сожалению, не знаю. И Алексей Борисович, режиссер наш, Глаголин, должен... ждет меня, видимо. И вообще, это ответственность громадная и может быть, страшный скандал. Но я надеюсь на свою импровизацию, на то, что я прочту. И все-таки и все... Хотя уверенности большой нету. Явный какой-то будет провал. Черт побери! Я даже не знаю, как все это, как выйти из этого положения. Но я долго собираюсь. И наконец, я прихожу, когда там... Это где-то на очень высоком этаже, где-то зал, какая-то такая сплошная стена здания... такая стеклянная и наверху, где-то на десятом или каком-то этаже, находится зал. И я пока туда добираюсь... И вижу полный зал людей уже. И я это самое... И меня кто-то там из знакомых приветствует. И для меня это, так сказать, очень лестно. Думаю:
- Так знают меня и все...
И я иду за кулисы, попадаю туда и нахожу кого-то из моих сокурсников, какую-то девочку Свету и говорю ей:

- Где пьеса?
Ну, они мне дают пьесу. И я начинаю читать, просматривать ее. И нигде не могу найти этого самого... Шельменко - денщика, не могу найти.
Нет, пьеса то “Шельменко – денщик”, но я не могу найти ни одной его фразы. Когда же он входит? Когда же начинается его... ? Я думаю:
- Вот в начале первого акта.
Но как будто я просматриваю все и нигде ничего нет. И я думаю:
- Это неплохо. Пока там начнется, я за это время постараюсь это все выучить.
И в тоже время, какая-то полная анемичность – не знаю, что делать? И в этом... что-то они снуют, бегают и никто со мной как бы... И никто не волнуется, и никто меня не спрашивает. И я вдруг, не знаю, куда-то и зачем-то... я вдруг исчезаю из этого зала. И попадаю... и иду с каким-то чемоданчиком, с чемоданом моим, попадаю в квартиру... попадаю в подъезд, где выходит оттуда мужчина и мальчик. И говорит:
- Да, вот вы зайдете прямо и будет ваша... будет ваш... Вы сможете там себе расположиться.
Я открываю комнату, дверь в квартиру – да, там все открыто и я туда попадаю. И никого нету в квартире. И я один. И я думаю:
- Что же это за... ? А как же там со спектаклем?
Все-таки там эта мысль у меня... начинает волновать. И я это самое... думаю:
- Нет, надо все-таки пойти. Пойти и найти этот самый...
И в это время, когда я выхожу, я думаю:
- Ну, надо открыть так, оставить открытой дверь для того, чтобы я смог опять туда попасть.
И в это время входит в подъезд женщина, очень миловидная такая, но уже в летах и так смотрит на меня и говорит:
- Вы, вы здесь от нас?
Я говорю:
- Да, я отсюда, да.
Она говорит:
- Я хозяйка...
Ну, как бы она хозяйка этого. И с ней еще двое детей. И она говорит:
- Идемте, зайдемте.
И я говорю:
- Я спешу на спектакль. Я там играю главную роль и еще у меня проблема.
И она говорит:
- Да там уже, по-моему, кончился... – она говорит.
– Там полно народу было. Это же прямо возле нас там.

И я... и она говорит:
- Идемте, отдохните.
И она снимает... и я захожу в комнату. И она снимает с меня очень красивые какие-то ботинки мои. И я сижу в кресле. И у нее двое... трое детей. Двое с ней, мальчики какие-то большие уже. Там по десять лет, двенадцать или восемь. А третий, маленький совсем и одет... И он лежит на краю тахты или кровати какой-то. И я думаю, что:
- Он же может сейчас упасть, не дай бог.
Но никто не беспокоится. А он одет в такие джинсовые, джинсовые брючки и что-то... сосет еще палец или что такое. И я... и он лежит себе тихо – тихо. Очень милый ребеночек. Она говорит... потом она говорит:
- Пойдемте, как бы прогуляемся, что ли.
И мы вдруг оказываемся в удивительно красивейшем месте, то есть, это поразительно. Значит, мы идем... дом этот, в котором мы как бы живем, остается позади. А мы, как будто на такой снежной... Ну, где... снежная гора, где лыжники спускаются. Вот такое вот. Но искуственная... сделан такой, как бы мост длинный... сверху и спускается и медленно – медленно и идет вниз. А у нас наоборот – мы как будто спустились с другой стороны этого дома, как бы это все начинается. Мы, как будто спустились оттуда, но мы идем пешком, без лыж, без ничего. И идем вот к этому дому, куда ведет вот эта прямая уже дорога, чуть – чуть там, как бы еще под горочку, а потом она снижается. И с горы как бы снижается. А слева – поразительный пейзаж. Горы большие какие-то, очень красивые такие, розоватые. А внизу плещется океан. И я говорю:
- Подождите! Разве в Харькове есть океан?
Да, я думаю:
Да, это же видно какое-то озеро или что-то там речка была. Но это, как океан...
Я смотрю и говорю ей:
- Слушайте! Это же поразительно красивое место.
Она говорит:
- Вот во имя этого я и выбрала этот дом, вот эту квартиру вот здесь.
Я говорю:
- Это поразительно красиво.
- Вы можете здесь оставаться – она говорит.
Я говорю:
- Да, но я... я ведь... И у меня в Норсбруке дом и...
Но она как-то мимо ушей это пропускает и мы направляемся к ней туда, в ее как бы квартиру, вот мимо этой красоты, вот мимо этого чудного –

чудного места. И я думаю:
- Надо было бы подарить ей мою книжку с рассказами.
И я не знаю, есть она вообще там со мной и есть ли она там в чемодане. И где этот чемодан, я тоже как-то не знаю.
Ну, вот такая вот дребедень. Если это можно назвать дребеденью. Но здесь есть, конечно, такие... О Шельменко – денщике буквально недавно разговаривал с кем-то. Я слушал Утесова и вот, что интересно, что там о том, как он начинал, не пел, а говорил от себя или какие-то там комментарии или что-то такое... И сказывался там какой-то провинциальный душок, там не было какого-то... ну, такого артистизма. И я даже интересовался:
- Интересно! А как же играл он Шельменко – денщика? Было ли это здорово или это... ?
И я сперва позвонил... Потом как-то и сам позвонил старик, который с ним дружил, Волынский и он говорит:
- Что это было феноменально и хорошо.
Ну, ему доверяться сейчас не надо. Все было хорошо, все, что было связано с этим... как его... с Утесовым. Но у меня все-таки, и я где-то видел на экране какие-то кусочки... То есть, что-то там было в драматическом варианте... Мне казалось, что он не достигает такой высоты, как в песенном. Вот это мне засело в голову. Может быть вот отсюда, что я сыграю Шельменко – денщика. Никогда не играл его и даже не думал никогда. Это первое. Второе – вот этот выбор дома над морем... Это то, что я сейчас несколько раз то ли я об этом с Олей говорил:
- Что вот просто была светлая, светлый, светлые комнаты и ветер с моря дул. И развевал какие-то белые занавески. И вот такое вот мещанское, приятнейшее, чтобы глаз всегда радовало, море. Вот такое вот выбрать себе такое место – это мы мы говорили.
И вот оно где-то вдруг приснилось. Эти дети вокруг меня, мне непонятны. Но, тоже, так сказать, желание быть уже дедом наконец, может быть, и это как-то где-то вдруг промелькнуло. Потом, что еще? Это вот в этом сне. Там еще какой-то очень... сон был. Я забыл, помнил и забыл. Вот надо будет... если вспомню – хорошо, нет – так нет.

18-ое января

18-ое января. Любопытно, конечно, сны идут скопом. А один сон какой-то... Я нахожусь в какой-то бане... Но это даже не баня, а современный какой-то комплекс и там, где много очень... И там большое помещение очень. И там находятся люди в большом количестве. Какой-то там спортивный комплекс

и бассейн. И я, как всегда, бассейн не люблю и в данном случае, тоже как-то не плаваю. Но в это время вдруг приходит Евтушенко. И Эрик мой стоит где-то там недалеко, Марик, я. И он прямо идет к Эрику, сперва обнимает его, потом подходит ко мне, обнимает. И быстро раздевается, догола, без единого... каких-то там этих самых трусов или чего-то. И идет наверх, на вышку, для того, чтобы прыгнуть вниз, в бассейн. И все вот так издали смотрят и говорят:
- Да, это же Евтушенко – какие-то люди, которые там находятся.
И я слышу, как обсуждают его, так сказать, мужское достоинство, что при таком высоком росте, оно могло бы быть длиннее. Я как-то так улыбаюсь. А потом, он так и не прыгнул вниз, в смысле, в этом сне. Я как-то... все это удаляется.
И я выхожу как бы в какой-то предбанник этого помещения. И слышу, как один студент плачет и жалуется, что у него украли его кошелек, его деньги. И он остался без ничего. И прямо рядом какие-то два человека трясут второго и говорят ему, чтобы он отдал эти деньги. Но он говорит:
- Нет, я ничего не брал.
И он начинает, как бы уходить. И те его отпускают, как бы отпускают. И я как-то... Меня это очень возмутило. И я подхожу к ним и очень властно и как-тот так демонически, я бы сказал, говорю ему:
- Отдайте кошелек!
Он так обернулся, увидел меня и был как-то так очень не... И я говорю:
- Вы взяли его или нет?
Он говорит:
- Нет, я не брал, действительно не брал.
Ну, и я как-то погас, потому что я поверил, что может, он действительно не брал и эти так прихватились, прихватились к первому попавшему.

***

Потом я вдруг очутился в редакции молодежной газеты, где-то в Одессе. И там значит, тоже, какое-то светлое большое помещение. Я к нему должен был добираться, поднимаясь по горе какой-то, возле моря. И вот я пришел и там два знакомых, оба знакомых мне, человека. И это один, который со мной когда-то... я забыл вдруг фамилию его... на ... “ский”... Как будто, но не Козловский... я забыл... Короче, и девушка вторая. И это две разные газеты. Комсомольская там была какая-то “Искра” и еще какая-то. И вот они готовят материал о двух фотографах. И я вот подготовил, я это все сделал. И когда я принес и начал с ним разговаривать, они говорят:
- Ну, вы знаете, здесь как-то это все...

- Что я, мол, очень легковесно или, как сказать, эстетику заменил, заменил... содержанием.
Как бы вот так...
- Да, форму, форму...
- Что по форме, мол, это страшно интересно и хорошо сделано. А вот содержанием, вы как-то пренебрегаете. Надо давать больше...
Я говорю:
- Что меня всегда интересует форма и тем более, что это о фотографе и описывает его...
И идет вот такой какой-то спор. И они говорят, что:
- Мол, мы вас знаем, что вы это делаете очень хорошо. А вот в этом смысле, мол, это было...
То есть, здесь еще какая-то идеологическая подоплека, которую я не могу вспомнить еще там было. И потом я думаю:
- Ну, ладно. Ну, как будет удобно, и как будет угодно. Я во всяком случае, переделывать это не собираюсь.
И я собираюсь уходить и ищу мою палку. Потому что я чувствую, что у меня нога как-то так, тянет. И тем более, что там какая-то рана. И я говорю, что:
- Я там...
А она говорит.... там еще какая-то женщина, очень...и говорит:
- А что у вас с ногой?
Я говорю:
- Да, вот у меня большая какая-то рана прямо в колене, выше... Вот колено так...
Она говорит:
- И что вы собираетесь делать?
Я говорю:
- Я не знаю. Она говорит:
- Смотрите – говорит – что у меня. Я же ведь фактически без ноги. И хожу очень хорошо после вот такой операции.
И поднимает там платье немножечко, выше колена на этой ноге. И там у нее действительно, как будто все там вырезано или как-то так. И... и протез.
И она говорит:
- Я сейчас чувствую себя прекрасно.
Я говорю:
- Да, а что это за врач?
Она говорит что в каком-то госпитале, где-то такой... какой-то врач. И я потом думаю:

- Нет, я в смысле, не буду спешить делать вот такую операцию.
И ухожу так, конечно, больше нажимая уже на эту ногу. Выхожу я из этого помещения и там надо еще спрыгнуть на... или сойти. И я спрыгиваю очень так легко и удачно на песок. И иду вниз как бы по берегу моря. И для того, чтобы попасть... ну, на Жуковскую улицу, я должен подняться по каким-то очень узким, высоким каким-то этим камням, по каким-то там мостикам, которые идут вверх. И там песок. И я смотрю, люди как бы спускаются вниз к морю по этим... И я иду туда наверх, поднимаюсь... И это все выше и выше, и выше. Да, короче, вот такие вот сны, то, что я запомнил. Но там, конечно, было еще больше.

20-ое января
18-ое, 19-ое, а может уже и 20-ое января, я потерял счет дням. Значит, сны снились, конечно, беспрерывно. И один сон какой-то очень явственный, конкретный, с такими точными деталями, которые я в какой-то мере, в жизни видел, но не настолько. Ситуация такая, что я... где-то у меня происходит творческий вечер или какой-то концерт. Но у меня еще осталось немного времени (Это в Одессе происходит). И я вдруг почему-то хочу подъехать, подойти, подъехать к Борису Соловьеву на Комсомольскую, возле бани, где они живут. И я спешу туда и иду через какой-то... через Тараковный что ли, рынок. И потом попадаю еще в какие-то... И трамваи не идут, и я в спешке. И я думаю, что:
- У меня остается очень немного времени.
И я все-таки хочу попасть туда. И я должен отдать деньги или дать им как-то деньги за проживание... Вообщем, у меня карман набит долларами и я спешу туда. И вот я попадаю в... в такой... как бы двор. И думаю, что:
- Вот это именно где-то там, в этом районе...
И я думаю:
- Что есть какой-то проход с этого двора в другую... прямо к ним.
Хотя, в действительности, это не так было. Но в данном случае, снится мне, что я попадаю в такой типичный одесский двор, с туалетом где-то в глубине. И с двумя с этажами, с балконами такими, не с нависающими над первым этажом. И всюду где-то жарят, шкварят и эти хозяйки там выглядывают. И я спрашиваю:
- Скажите, а если я вот так прямо пройду через этот проем, я попаду в тот двор? Мне нужно...
Она говорит:
- Да, подождите... да, да можно.
Она говорит, одна женщина в фартуке. И она тоже там что-то варила. И со

всех сторон так тоже посматривали на меня и говорят:
- Да, да, вы пройдете.
И я начинаю идти сквозь очень узкий какой-то проход, который ведет с этого двора, как бы в другой двор, где находится полуподвал или даже хороший глубокий подвал он был, где жил Боря Соловьев со своей семьей. И вот я туда иду и попадаю... Ну, все-таки я попадаю в этот двор, попадаю. И именно в этот двор, который я уже вижу конкретно. И там лестница вниз в полуподвал этот, в подвал. И я туда мчусь уже, потому что осталось очень мало времени. И думаю:
-Но мне надо обратно. Мне же еще надо это самое... как его... попасть на выступление.
И я встречаю... Борис там сидит. И он так встретил меня... И я говорю:
- Я очень спешу. Ребята, у меня вот такое вот... И я вот хотел принести деньги. Вот, возьмите, пожалуйста.
Единственное что, я вынимаю пачку денег и говорю:
- Мне надо на такси только оставить... Там три рубля – я говорю – три рубля для того, чтобы я попал туда.
Я их почему-то даже не приглашаю, ни Бориса, ничего... А быстро отдаю эти деньги. И они как-то так ошарашены. Но деньги взяли. И я начинаю пробираться в обратную сторону. Но блужу, блужу (смех), брожу и не знаю как выбраться. И времени уже в обрез. И я чувствую, что все пропало. И эти три рубля или три доллара в кармане, но они уже почти мне не нужны.
И я просыпаюсь. Вот такой вот сон.
Что в нем? Да, но вот эта реалия вот этого двора с людьми, с конкретными лицами, это настолько необычно. И я их, конечно, просто таких лиц не видел и не знаю. Но вот, в данном случае, вот так оно отразилось во сне у меня. Конечно, это поразительная ситуация. И моя идея о том, чтобы утром проснуться и включить аппарат, на котором записаны сны, до сих пор остается мечтой. И было бы это просто невероятно. Надо написать об этом рассказ. Вот такая вот была ситуация.

***

Настроение, к сожалению, странно, странно не могу... Я вот слушаю, как Костя жалуется, как он становится сразу грустным и абсолютно, как бы говоря, безысходным, когда мы говорим о том, что все-таки надо найти в себе силы или противостоять вот этому сплину, противостоять вот этому... депрессии. А оказывается, что это очень и очень непросто. И поэтому он вынужден отдаться в лапы эскулапа. И вот это любопытно, что... что понимая, понимая все это... Но внутри какая-то идет вторая борьба мыслей,

забивает основную мысль:
- Что да, надо до конца, до конца быть жизнерадостным, до конца надо быть, как и я себе представляю, и представлял, и советовал, и говорил, что надо до конца ощущать эту радость жизни и жить вопреки всяким, так сказать, наслоениям таким неприятным.
Но это просто сказать, а вот почувствовать вот это по-настоящему и поменять это, это не так просто, непросто. И поэтому я... И какие-то есть, какие-то есть просто ощущения... Я... во-первых, нежелание суетиться, нежелание.

***

Я вчера прочитал книжку... Ну, не прочитал, просматривал, там листал книгу Веллера “Все о жизни”. Ну, он шизофренник, такой явный, шизоидный. И в чем-то даже графоманский человек, который вот... В нем громадная кипит энергия, познания крутятся. И он разбирается, безусловно, во многом, тут сомнения нет. Но что-то в этой кучке есть дилетантское страшно с одной стороны. И с другой стороны, многословие громадное. И вот это меня настораживает, что он... Не то, что он сам искал какой-то очень... легкую, пускай будет, книжку написать, но не такую многословную, не такую... не обо всем. Потому что “Все о жизни”, взял на себя. Есть мания, то есть, у него Манька Величкина, есть мания величия у него. И он сам, это как бы, не осознает, хотя видит это у других. Но это естественно. Ответы, к сожалению... Ну, есть, конечно, там можно просто познать какие-то вещи для познания, там есть. А вот какого-то там совета или ответа, безусловно, ты там не найдешь, да и нет смысла искать. К сожалению, не знаю, есть ли такие... Хотя, нет, бывают и вовремя попавшееся книга или вовремя прочитанная мысль, которая может тебя отвести от чего-то худого или может тебя направить в другую сторону, которая ведет к радости. И это безусловно, может даже.
Я слушаю сейчас часто там пластинку Реентовича, “Скрипачи Большого театра”. И безусловно, великолепные мелодии и знакомые на слух, они радуют. Они радуют еще душу и становится приятно. И в тоже время, есть какая-то... Меня больше, больше меня радуют детские мои воспоминания и мой уход вот в этот мир чистого еще, незапятнанного листа. Но, но тоже... Я немногое понимаю, и все-таки я так надеюсь, что я выйду из состояния, из своей.... из этого состояния и мне просто... не дали ему развиться, потому что это не лучший вариант жить. Вот. Теперь посмотрим.

***

Очень яркий пример, как немедленно во сне отражается такое событие. И чаще всего, конечно, если оно, может быть, отрицательного характера. Вот снится мне сон, что я где-то нахожусь, я не знаю, тоже в какой-то... или где-то... океан. Ну, очень светлый какой-то пейзаж такой. Море я не помню, насколько там было. Но какая-то площадь и туда подъезжает на машине открытой какой-то такой, типа, как когда-то были машины с этими самыми... Ну, на Первое мая или когда там... с открытыми бортами и там стояли люди или какие-то там композиции делали. Подъезжает вот какая-то такая машина и там стоят... стоит пара. И это лето. И они в какой-то летней одежде... Которая вчера у меня были в магазине. А это уже реальность. И они... и я думаю:
- Боже мой! Они что, опять собираются к нам зайти?
И потом этот сон там исчезает.
А дело вот в чем. Вчера, когда я пришел, зашла женщина. И они там... журнальчик за тридцать пять центов... и она приходит брать. И он пришел с... Жена и муж пришел. Нервный, недоброжелательный, такой весь... весь на таком взлете, или как бы сказать, готовый... Я говорю:
- Что такое?
Она говорит:
- Что-то это не такой журнал, что-то это не то. Это не то.
Я говорю:
- Ну может быть, издание, снова его делают по-другому с этого журнала.
- Нет, чего-то не могу понять. И потом у вас как-то все...
А он говорит, что-то.... Он там говорит:
- Здесь все дорого, здесь все дорого.
И я говорю:
- Ну, у вас есть здесь выбор. Вы можете пойти в другой магазин. И журнал там, может быть, тоже другой
- Вы нас не делайте идиотами!
И он пошел. И так злился, и так скрутился. Но я как-то, может быть, был ироничен больше, чем нужно, хотя я потом, очень вежливо все хотел как-то сгладить. Но он так, он так заартачился:
- Нет, пойдем! Купим в другом месте,
И я говорю:
- Ну, пожалуйста.
То есть, вот эта отрицательная... Хотя я потом подумал, что с таким идиотом и просто нервным, и очень недоброжелательным человеком... Можно вообще было просто и не обращать внимание, даже и не вступать в

разговор. То есть, тот принцип, который я все время соблюдаю. Но здесь во мне что-то такое ироническое, такое настроение было и... Но я очень тихо, спокойно, без единого, так сказать, всплеска эмоций, но очень иронично... И он это почувствовал, он это почувствовал. И может быть, и этого не надо было делать. И вот... и вот они тут же мне приснились сегодня ночью. Событие не такое уже, я бы сказал, значимое. Однако, вот этот отрицательный момент, он все-таки где-то тут же, в подсознании где-то, тут же сохранился и немедленно выскочил во сне. Вот почему я хотел записать. Это не очень такой уж... событие необычное для сна, но вот сам факт для изучения сна и яви или просто для моей... для моего сонника, как я его назвал “От Сони” сонник, может быть, вот в этом, есть какой-то смысл.

***

Да, сон снился уникальный, на мой взгляд. Первый раз, такого мне никогда не снилось. Я бы его назвал такой “Еврейский вечер по Ивана Купала”. Дело в том, что снится, что я попадаю в какой-то... ну, что это похоже больше на Джурин или это какой-то... большее местечко. И я приезжаю и я как бы хозяин этого местечка что ли, этого... Что все принадлежит моим родителям, моему отцу, моим родителям. И я... и я... меня встречают и я смотрю... Да, и начинается такой... такой бал, кавардак такой. Всюду молодые, юные... ну, так, как я понимаю, еврейские юноши и девушки, женщины, мужчины. Они все оголенные в каком-то танце, в каком-то большом ритме мчатся из одного двора в другой. И как бы все двери открыты. И проходные какие-то дворы. И они ждут меня и ждали, чтобы вот пришел хозяин, чтобы пришел сын хозяина, как бы. И вот они меня тоже заставляют раздеваться. И я полностью раздеваюсь, сбрасываю всю одежду. И не стесняясь, как телепается, как говорится, огурец. И вместе с ними в каком-то таком же бешенном ритме... То есть, там даже... Я вот не ощутил, что это какой-то сексуальный какой-то... Это скорей, такая какая-то эротика, но такая живая какая-то, игровая, как будто сценическая, то есть, без конкретного койтуса, без каких-то там совокуплений, а именно вот какой-то танец радости голого тела и бега, и всего прочего. И вот такой вот сон.

К чему он? Мне трудно даже сказать. Я могу только связать это, конечно, с моими... Первое, это, что был день памяти папы. И я как-то... ну, прокручивал какие-то эпизоды из жизни нашей, где была и эротика тоже. И, так сказать, я ревновал его, я вспоминаю его, некоторые были конкретные эпизоды. Об этом я как-то думал. И то, что я его сын, а вот он как бы был, несмотря на то, что он был тихий такой... Хотя в нем всегда бывала, бывал,

бывали взрывы и такие. Но в действительности, он был человек очень не воинственный и тихий. И вот это первое, что могло как-то вдруг толкнуть. Что еще? Я сейчас читаю... Брускина книжку “Прошедшее время несовершенного вида”. Ну, он... очень, очень хорошее... просто блестящие такие зарисовочки. И он их объединил в одну книжку. И книжка получилась... Она простая, без никаких, так сказать, вычурностей, то есть, тут нету литературных каких-то поисков или литературных каких-то изысков. Здесь все очень просто и... Но вот такие вещи, записи делал и там Довлатов. Ну, у Довлатова всегда чувствовалось... он старался и стиль какой-то соблюдать, и свой юмор обязательно. Здесь не все связано с юмором, но... как калейдоскоп из жизни, это очень удачна книжка и удачная форма. Это чистый калейдоскоп. Крутишь и камешки вот... новые виды и новые... Но один и то же, как бы сказать, пейзаж, а меняются люди, меняются деревья, меняются травы, меняется или как-то меняется... А вокруг, как будто бы все одно и тоже. Но во всяком случае, и это меня натолкнуло... Там есть какие-то у него такие эпизодики. Во всяком случае, это такой веселый, жизнерадостный был бег. И я участвовал в нем, как... как хозяин, как хозяин, я знаю... этого бала. Но, что же делать? Такое тоже может сниться, вот это может быть.

***

Харьков, Одесса, Джурин, все это вместе смешалось во сне. Значит, вначале мне снился сон, что я попадаю в зал какой-то, в актовый зал, где происходит собрание или режиссерского факультета, или что-то такое вот. И человек, который ведет это собрание, какой-то знакомый режиссер. Но я так, не знаю, кто он. И вот он поднимает меня и спрашивает:
- Вот вы у кого занимались?
Я говорю:
- У Алексея Борисовича Глаголина.
Он говорит:
- Да, это прекрасный режиссер.
И еще какие-то детали все время, как бы... Ну, какое-то сомнение или что... И я рассказываю что и то, и то, и то... И как будто так, совпадение здесь, все совпадает, но он как будто, все проверяет. Это какое-то собрание, где меня и как бы еще и других... Но в данном случае, меня он поднял и вот так меня допрашивает. И вот этот зал, мною увиденный такой, за столом сидят вот эти... И какое-то партбюро или какое-то собрание или какое-то там... кафедра сзади. И как будто красные знамена... Но вообщем, вот такой зал и собрание, на котором вот меня спрашивают. С чем это связано?

****

K05.10

27-ое октября

Да, сны какие, боже, господи, господи! Это восклицание, этот сон, эта вторая жизнь, которую я переживаю здесь в этом... в Америке. Потому что там мне сны снились, но я их не записывал, не следил. А здесь, я просто понял, что это преступление их не записывать.

Итак, два очень таких повествовательных сна.

Значит, меня кто-то подвозит, какой-то эмигрант в Джурине. И там прямо от нашего дома или я должен ехать на поворотку, но я не знаю. И он меня подбрасывает до помпы. И я подымаюсь и вижу, что там женщины идут в библиотеку. И я как-то так поднимаюсь и думаю:

- Вот было бы неплохо, может быть зайти в библиотеку, какие-нибудь старые книги, связанные со Сталиным, в смысле, тридцатые годы могли сохраниться. И послевоенные сразу. И я думаю, что они мне их дадут для того, чтобы я переснял в “Кинкосе” эти портреты и прочее. И я думаю:

- И вообще, пороюсь и посмотрю, что же это за библиотека, в которой я первый раз в жизни взял книжку.

И... ну тут меня перехватывает... вдруг я смотрю идет снизу мой старый товарищ Фима Школьник. Господи! Это мой первый такой верный и долгий друг, хотя я дружил со всеми. Вообщем-то, когда я вспоминаю сколько же у меня было дружб? Если бы так это можно было... и почти не было такого мальчика моего возраста или старше меня, с которым бы я не дружил и не было бы вот такой тяги к дружбе. И при том, что я всегда все-таки был как бы ведущий, хотя я тогда был такой, я бы сказал, крепкий и большой что ли. Но во всяком случае, вот это лидерство во мне сидело. И вот я встречаю его так радостно. И мы так идем вниз и там стоит еще машина. Но она даже стоит не на шоссе, а там... там, где помпа. И получается как бы, как здесь говорят, two levels. Первый... и я на верху там, где библиотека. Потом идет внизу там горочка такая, возле Фишмана дома. И я спускаюсь вниз, мы идем туда вниз возле шоссе, становимся прямо на этой кромке шоссе. А внизу, еще ниже level, находится самая низкая точка в Джурине, где находилась помпа, которая поила весь... все местечко и все окружающее, поила необычайно чистой водой. И вот я стою там с ним и разговариваю. И этот человек тоже. И я... это самое... и я говорю:

- Что нам надо было бы, может даже сегодня, пойти в кино. Там в клубе очень хороший фильм.

И я думаю:

- Что, если вы не против, давайте, мы, мол, соберемся там в кино.

Ну, тот человек говорит:
- Ну, я должен сейчас поехать.

И я говорю:
- Ну, может я сейчас подъеду с вами до поворотки еще.
Но как-то это все улетучивается. И я потерял сон этот. Но любопытно, что машина еще... я помню, что это “Кадилак”. А почему это все приснилось? Потому что перед этим Леня Пархомов пришел ко мне и говорит:
- Что ты представляешь себе, что какой-то там ездит на “Кадилаке”.
И я говорю:
- А что такое? Что “Кадилак”, что это такая... Во-первых, этот “Кадилак” может быть не новый, он мог купить не очень дорогой “Кадилак”.
- А, ну он такой, совсем как... он делает из себя, что он такой совершенно бедный и вот вдруг он на “Кадилаке”.
Этот “Кадилак”, это возможно... то есть, “Кадилак” как бы и с этим человеком, и с эмигрантом вдруг появился у меня во сне в Джурине. Фима Школьник – это тяга моя. Я всегда бы хотел узнать, как он, что он? Точно, как в песне, это идиш, идишистской песне.... Это чудная песня, Александрович великолепно поет. И я просто думал, всегда это, как будто, раз – и переносит меня в Джурин, переносит меня к Фиме и еще к нескольким... К Оське Бронштейну, который здесь живет. Таким образом, я как бы знаю и был у него и иногда перезваниваемся. Но вот это вот чувство, желание перебросится в эти годы и встретиться с теми, с кем я дружил, очень частое и очень высокое. И при том, я вот сейчас прокручиваю, как ни странно, прокручиваю как всегда, свою ленту жизни и убеждаюсь, что там была необычайная какая-то чистота душевная во-первых еще. Незамутненная, незагрязненная ничем, неотвлеченная. Было только желание познать и притом, не самое худшее. Вот такая была... такой парадокс в этой системе и советской жизни.

***

Второй сон совершенно такой, просто целая новелла была. Я еду и почему-то должен ехать... Я еду на трамвае вместе с Мариком Ройтманом или к нему домой там в downtown или к кому-то. Но именно на автобусе или трамвае. И чего-то это уже второй раз буквально на днях, это тоже что-то такое было... эпизод. И я... и вдруг получается, что мы потерялись. И я вот только помню, что он там какой-то дом и он на двенадцатом этаже. Но самое главное, мне кажется, что он мою сумку взял. И вот это меня... И я думаю:

- Надо мне обязательно туда подъехать и найти этот дом и чтобы я забрал свою сумку.
И вот тут я прохожу мимо... похоже на какие-то Черемушские (это уже в Одессе). Это я из Чикаго попадаю в Одессу, в какой-то Черемушский такой... Дома, но они выше, чем в Черемушках. Они прямо тоже там по семнадцать, восемнадцать этажей. И вот сверху до низу они белые и из белого ракушечника какого-то или покрашены известкой. Сверху до низу расписаны просто такими... какими-то широкими фломастерами или широкой кистью, написаны имена. И я думаю:
- Что это такое?
И до низу, сверху до низу, то есть, весь дом как бы в именах каких-то.
- Что это за...?
И вот тут я... стоит еще такой как бы и... Он начинает их как бы смывать. Человек в такой строительной форме или там, как говорится, даже не строительной, а такой, рабочей форме. И подходит женщина и говорит:
- Илья Эзравич, вы здесь?
И я говорю:
- Да. Откуда вы? Вы, наверное, на киностудии работали?
Она говорит:
- Да, конечно. Я вас очень помню. А я вот здесь живу.
А я говорю:
- А что это за имена?
Она говорит:
- Это день памяти павших. И написали там все в этом доме, кто у кого умер, погиб.
Я говорю:
- Это очень кстати, это очень...
- А сейчас вот это замазывают, вот мой муж как раз это замазывает.
И я думаю:
- Что в этом есть какая-то... очень интересный такой момент.
Откуда у меня это приснилось? Я вчера просматривал каталог книг. И там было пятнадцать томов сорок второй, сорок пятый год, москвичи, которые погибли и пропали без вести на войне. И я подумал:
- Может быть, стоит это выписать. Просто даже как... ну как...
И я, хотя там 250 долларов эти пятнадцать томов и я подумал:
- Что может быть я выпишу для... какой-то москвич или кто-то... И это вообще, как справочник очень интересный такой.
И я решил это... И вот оно мне немедленно отозвалось вот в таком, вот в таком сне. Это первое.
Но дальше сон продолжается очень увлекательно. Она говорит:

- Зайдемте ко мне, к нам домой. Я вас... может быть, вы голодный, чай попьете.

Я говорю:
- Ну у меня вообще особая диета, но я с удовольствием к вам зайду.
И я у нее спрашиваю:
- Может у вас фотографии есть с киностудийного времени.
Она говорит:
- Есть.
И вот я захожу к ней домой и там еще сидит какая-то женщина. Я не знаю, ее сестра или ее мама. Ну, женщина, которая как-то и незаметна. А эта женщина очень привлекательная, мягкая такая и никакого... никакой суетливости и ничего. И за столом сидит ребенок.
- Ой, - я говорю – это ваша девочка?
Она говорит:
- Да, это наша дочка.
И я так с ней начинаю как бы... не то, что заигрывать. Но я ее очень нежно и как-то так с ней разговариваю. И ей годика три. И она сидит так очень не, как бы сказать, не шевелясь, что ли, не вставая, не уходя никуда. И я... там много деталей было, много таких... И я долго там сижу. И вот... и чем-то угощают меня там и все. А этот ребенок все привлекает меня и он смотрит на меня необычайными как будто, как будто меня пронизывает, как-то так. И это меня все время интересует. И я говорю:
- Слушайте, у вас такой чудный... просто прелесть, девочка.
А она как-то так молчит и говорит:
- Ну вы не знаете какая проблема.
Я говорю:
- Что?
- Вы знаете, у нее есть очень сильные проблемы.
- Какие? Ментальные что ли?
И я говорю:
- В чем же именно?
И она говорит:
- Вот, посмотрите.
И дает мне такую бумажку, на которой какие-то записи и говорит:
- Вот, смотрите.
И какой-то рисунок. Вот эта девочка вывела какую-то формулу или теорему что ли. Не теорему, а какой-то... как должен выглядеть трехчлен в математике, какая-то там это самая... Я совершенно так ошарашен и говорю:

- Понимаете, она какая-то такая не от мира сего.
И гениальный какой-то ребенок и в тоже время не от мира сего. Мне как-то

так стало жалко эту женщину. И я ей говорю:
- Вы знаете, может это и хорошо.
А это мне приснилось, немедленный ответ на то, что я прочел о юных шахматистах, которые сейчас там в этом... в Великобритании. Есть один Дэвид Хауз или как-то он там, который в тринадцать лет победил... он победил гроссмейстера и вообще... И тоже самое на Украине девочка, которая, так сказать... То есть, совершенно другие дети с гениальными какими-то такими способностями с другими. И вот это вот отразилось в этой вот маленькой девочке, которая немедленно мне приснилась. И вот она говорит:
- Ну, я думаю...
И я ухожу и она меня провожает. И мы подходим где-то уже... ну, там к этому, к выходу выходим. И я как-то вдруг... и она говорит:
- Как жаль, что вы, что вас не было, что вы ушли из киностудии или вы как-то вдруг пропали.
И у меня вдруг ком в горле. И она как-то так... То есть, здесь какая-то симпатия громадная ко мне. И я это чувствую. И она как-то так положида даже руку как бы мне на плечо. И вдруг меня так проняло, просто до слез. И я говорю:
- Что вы знаете, что, честно говоря, конечно, меня просто не оценили и, как бы сказать, можно сказать, предали. Когда меня никто не защитил и я должен был уйти со студии. Я должен был уйти из города, убежать из этой страны.
То есть, меня это так проняло. И она тоже... И она меня так обняла, то есть, какой-то такой очень нежный и мягкий такой... такое чувство с ее стороны и с моей, возникло. И я, конечно, это... очень это как-то... И в тоже время и грустно было и в тоже время, и тепло. Вот такой вот сон. Поразительный! Господи!
Я еще хочу добавить к тому, что я сейчас записывал, что первое – это во-первых 27-ое октября происходит. Во-вторых, вот этот чемодан... не чемодан, а портфель тот, что Марик взял, это действительно такая целая новелла еще, которую я еще хотел, если я действительно доведу до конца этот сонник вставить. Во время... и оно взаимосвязано с киностудией, почему меня уволили. Это КГБ, когда за мной охотилось и гонялось и, так сказать, выискивало всякое такое. И они значит... и я ожидал обыска, я взял некоторые очень важные материалы, связанные с Михоэлсом, еще какие-то фотографии редкие и положил в огромный такой портфель, который у меня

был, я носил его. Это был кожаный, большой такой портфель. И я все это туда запихнул. И вечером, ночью я пошел к Марику и отдал его в... чтобы они его, чтобы он был у них. Они его приняли. Но потом была совершенно бессмысленная и уникальная ситуация. Они мне дали какой-то альбом старый, этот Смершевец, отец его, который привез из Германии альбом от старых фотографий... Не фотографий, это были такие табачные фабрики или какие-то конфетные, которые выпускали актеров фотографии. Их наклеивали туда и тот, кто полностью альбом такой заканчивал, получал какие-то там... бесплатно что-то. Короче, это вот для Союза, для нас, это было, как реликвия и антик такой. И я когда поехал в Москву, я его там одной женщине отдал. Она за него дала сто пятьдесят долларов, рублей. И я привез и отдал их. Но они посчитали, старик посчитал, что это очень мало что-то, не знаю. И я их хотел... связывал с этой женщиной. И короче, это был ужасающий момент. И это все было в то время, когда я был. И они тогда не отдавали мне этот портфель. Вот это был один из самых... и до сих пор Оля не может простить это ни Марику, ни... Но я со стариком, который здесь приехал... Я Марика потом принял в Америке и со стариком здесь общался и все... Но я как-то посчитал, что в такие моменты люди становились просто... Ну, сказывался советский образ жизни и я их простил.

27-ое октября

Итак, 27-ое октября. Сегодня был... ночь была... встреча со знаменитыми, именитыми. Сон такой был очень любопытный, конечно. Я в каком-то полуподвальном помещении в Одессе. Похоже, мы сидим там глубоко в какой-то комнате, в которой окна над тротуаром. И там сидит Зяма, как мы его так зовем, Зиновий Гердт. И рядом сидит человек такой веселый, похож на клоуна Ширмана, на одного из них. Но оказывается, это брат Зямы. Так как он, по ходу этого сна... И я сижу. И эта обстановка напоминает такую картину у Соколова-Скаля или у кого-то есть... старейшие художники, какой-то такой вот полутемный... И фрукты на столе. Вообщем, какая-то такая обстановка, как воспоминание. Но мы сидим очень свободно. И Зиновий Ефимович начинает рассказывать какие-то эпизоды из его жизни, связанной с Одессой. И говорит:

- Вы помните, я когда все-таки вот эту песню когда пел...

И он начинает петь не “Любимый город”, а может быть и “Любимый город” или вальс на слова Долматовского, я не помню. И он так начинает петь очень красиво и с таким придыханием и хрипотцой. И я думаю:

- Ну, подожди. Это ж Утесов пел.

Но вот это вот сочетание его и Утесова, как в одном лице, у меня как бы воспринимается. И я думаю и я понимаю, что это все-таки Зиновий

Ефимович, Зяма. А его брат говорит:
- Подожди, Зяма. А я вот хочу тебе спеть одну и рассказать...
И он на очень чистом, великолепном идише начинает рассказывать стихи. И поет. И я ничего не запомнил, к сожалению. Но я был в очень каком-то таком приятном состоянии. А дело в том, что почему вдруг это могло вот так присниться? Скорее всего, из-за того, что я недавно читал приятную такую статью о Зиновии Ефимовиче. Жена его, Татьяна Николаевна написала очень хорошую такую... как бы воспоминания о нем. Это с одной стороны. С другой, я недавно сам, когда было... когда у Семы и Руфы были, я пригласил Нояха и мы пели еврейские песни, он пел. И я говорю:
- Знаешь, я тебе тоже хочу спеть...
И я спел эту песню, которую мне как бы подарил Друклер Ирма Ефимович. И я... и вот здесь вот это вот сочетание вот такого перехода и я говорю:
- Дайте, я спою вам на идиш.
У меня, может быть, такая ассоциация возникла или еще как-то недавно... Я во всяком случае, все время слушаю идишистские песни и читаю. И поэтому этот сон мог вот так вот трансформироваться вот в такую... А полуподвал этот похож на Бориса Соловьева зятя, этого тестя и тещи дом, где он жил. Что-то похожее вот такое вот, связанное с Одессой, где я все-таки часто бывал вот в таком полуподвале.
Потом вдруг сон переносится, переносится в такой... Я спускаюсь по какой-то лестнице вниз тоже, но попадаю в очень большой просторный, типа ресторана, зал. И я смотрю там держит скрипку... И на скрипке играет Барда Скляренко. Играет довольно как-то так, я бы сказал, не знаю, сносно и поет еще. Когда он меня увидел и я ему так махнул рукой, он как-то тоже вот так приветливо махнул. И мы, и мы, так сказать, фактически... Да, и когда он кончил, он подошел ко мне. А там был какой-то типа турникет или какой-то узкий проход. И я так... мы обнялись, но мы как бы должны были дать друг другу... И он говорит:
- Илья, вы такой худой.
И я говорю:
- Вы тоже. Вы прекрасно выглядите, очень такой...
И он действительно такой стройный был. И я говорю:
- И мы сумеем пройти здесь вместе.
И вообщем, я захожу туда. Дальше, я честно говоря, не знаю, к чему этот сон вел. А но мне было приятно, хотя он не настолько знаменитый человек с точки зрения и для меня, как артист был. Но он в свое время, как бы

сказать, свое дело сделал. Но он был похож так на Дынова и играл под Дынова в оперетте. И как бы сказать, будущая звезда. А его женитьба на такой тоже звезде... вдруг забыл ее... Гамушкина или Галушкина, но я потом вспомню, была тоже такой сенсацией. И такая красивая пара и такое будущее для оперетты. Но потом все это как-то закончилось отъездом его в Америку. Он стал заниматься здесь организацией концертов. Ну и в конце концов, оно на этом как бы так сказать, и закончилось. Она сюда... Жадушкина, она сюда приезжала с ним. И как-то тоже пела. Но это все были большие надежды, замыслы, которые закончились довольно скромно.
А вот это в отношении этого сна. Дело в том, что он недавно кого-то привозил. И я, конечно, подумал что:
- Надо было бы пойти и увидиться.
А потом подумал что:
- А может это не так важно.
И я сейчас все больше и больше склоняюсь, что не надо тратить на это время, на показуху такую.

***

Теперь следующий сон, он был связан с Осипом Райхельгаузом, который мне часто снился. Особенно, даже до приезда его сюда с женой и с театром своим. Но после его приезда, он меньше стал сниться. Как бы что-то снялось, то есть, как бы подтвердилось, подтвердились наши очень дружеские отношения, наше и его чувство как бы моего... ну, моего состоявшегося “Я” и прочее. Вообщем, он как-то... и он стал...
И вот в этот раз он чего-от вдруг мне как-то так снится. И я... я... и очень мне трудно понять, что-то связанное с каким-то insurance. И я ему отдаю, отдаю свои... мне трудно там понять, какая же там была ситуация. Или он мне... или что-то такое вот. И я говорю:
- То, что в принципе, что я ему отдаю, оно намного больше стоимости имеет, чем я вам их отдаю.
А он хочет... и он отдает мне какие-то... взамен расплачивается деньгами или что. И тут же стоит его мама, которая говорит:
- А зачем тебе такое, мол?
А он говорит:
- То, что мне Илья Эзравич отдал, это намного больше стоит, чем я ему оплатил.
Но вот какая-то вот такая ситуация. Что здесь за этим кроется? Мне трудно понять, кроме одного, что может быть это то, что мне... которые я не могу... мне никто не будет оплачивать. И вот это может быть, какая-то взаимосвязь в этом была такая очень странная, конечно.

***

К сожалению, два таких события. В Москве умер... умер Леонид Филатов и Элем Климов, почти в один и тот же день. Ну, что ж, Филатов талантливый человек был, конечно, талантливый человек и очень... трудно мне сказать. Причина и вот то, что он простудился на каких-то гастролях вместе в Кочаном еще, он там ездил на вот такие вот... Вот тут я думаю, я думаю:
- Ну это та же самая ситуация – я думаю. – Не стоит иногда тратить время на такие вот....
Тем более, в том состоянии, в котором он был. Но кто знает, кто знает. А беречь себя и сидеть под колпаком – тоже невозможно. Значит, надо жить и вот так вот неожиданно умереть, в этом тоже, может есть какой-то рок и смысл. Я тоже самое думаю о Бродском, который жил очень щедро, не... курил и себя чувствовал, так сказать... И ездил. И вот тоже самое, что сейчас Евтушенко, когда я его спросил:
- Неужели, Женя, ты вот так мчишься из одного города в другой, с одного выступления на другое...
Но это может быть, его и держит. Это может быть потом, конечно... Если бы человек пришел к какому-то такому состоянию, что вдруг надо утихомириться и засесть за что-то такое очень фундаментальное, может быть, в этом был бы и лучший вариант, но для него. Это тот вариант, который ему больше всего и подходит. И он остается самим собой до последней минуты. Значит, так должно быть. Я больше склонен, конечно, к тому, чтобы не суетиться и не торопиться, но это тоже не самый, так сказать... Может и я не прав в этом.

28-ое октября

Да, 28-ое, 28-ое октября. Первый сон был такой. Я нахожусь на... как будто в Израиле, на каком-то пирсе. С правой стороны, с левой стороны море, если по правую руку, а с левой стороны какой-то... какой-то залив, где очень грязная вода. И подъезжает... да, и там Шурик со мной и как будто Сема и еще кто-то. И Шурику хочется... что-то он подплывает ко мне со стороны этого грязного кусочка и ему хочется пить. Я говорю:
- Да, вот у меня есть вода.
Но именно здесь же вода какая-то нехорошая. И он даже чуть ли не черпает с этой... Я говорю:
- Зачем же ты пьешь эту воду?

И даю ему бутылку такую, не знаю, 750 грамм такую, вот такого типа бутылку горной воды, которую мы там... купил дома, сейчас. И он так ухватывается за эту бутылку и пьет из нее. Вот, такой вот какой-то сон, связанный... Хотя там еще какие-то события были, но вот эта бутылка воды и вот этот... и вот этот...

***

Второй сон был связан с Джурином. Я дома, у бабушки нахожусь. И там какая-то женщина, как бы за ней присматривает. Но в тоже время, она одна и в очень плохом состоянии. А мы куда-то должны... Меня куда-то тянут, я не знаю, тот же Сема или кто-то еще, чтобы мы куда-то должны были пойти. С одной стороны, я как бы и согласился, а с другой стороны, я думаю:
- Да, но как же оставить бабушку, она же там одна.
И меня вот это такое тревожное чувство, что она не может там оставаться. И вот эта женщина, которая там как бы с ней, с нею, она тоже не очень... на нее можно положиться как бы. И вот мы как будто и уходим и уже доходим до этого самого, как его... до шоссе доходим. И я себе говорю:
- Нет, надо как-то подумать, как же там быть с бабушкой.
И возвращаюсь. А вот дальше, я уже не помню, что там происходит, что там происходило. Ну вот, снилась мне бабушка и вот таким образом.

***

Потом переносится сон в какой-то, в какой-то... Я не могу сказать, скорей всего это в Одессе. Я захожу в какую-то новую такую... Это потому, что мне рассказывали, что там на каждом шагу сейчас такие... И вчера про Харьков рассказывал там Миша Берман:
- Что там на каждом шагу какие-то магазинчики, какие-то... продают все – все, что там только можно из явств и Ренессанс - он говорит.
Но так, как меня это почти никогда не интересовало, а сейчас тем более я... Но снится мне часто этот сон из-за того, что я не ем почти ничего, ну как бы сказать, того вкусного и привлекательного, что обычно есть в кондитерских и в магазинах всех. Но вот тут мне снится сон, что я вот попадаю в такой вот кондитерский. В нем как-то так, на какой-то... надо еще подняться несколько ступенек. И там я смотрю находятся разные какие-то... выпечка такая. И овт один торт как бы такой или пирог скорее, именно пирог, он большой такой, круглый. И он как обрезан по центру наполовину. И он сделан из кабачковых семечек, из тыквенных семечек. И как-то так вкусно они туда вправлены. И я себе представляю какие они мягкие и вкусные. И я думаю:

- Ну может быть, кусочек, вот этот серединный кусочек, я себе позволю. И я подхожу... и я в таком берете малиновом, как говорится, в Пушкинской в этой... в “Горе от ума”. В каком-то малиновом... но я в таком широком берете и без бороды и молодой. И такой, с яркими глазами. Это я так вижу, там зеркало такое есть. И вот девушка, которая продает, стоит за прилавком, она тоже в берете. Черный, красивый такой... прическа у нее такая черная, очень яркая. И глаза... еврейская девушка такая, очень приятная. И я вот уже... она меня так заинтриговала. Я молод, я уже не с бородой и не женат и ничего... Такое вот чувство вспоминается. И я ей говорю... Но в тоже время я помню, что я ем только макробиотику и говорю ей:
- А скажите, вы эти семечки, как эти семечки... они из органического там... тыквы, как бы их добывают...
- О, - она говорит - мы их это самое... Папа их как-то... Они были в этом самом, в таком корыте или в какой-то .... в каком-то там, я знаю там, мне казалось, в дуршлаге что ли – она сказала.
- И потом вы их промывали, вымывали?
Она говорит:
- А как же. Папа их случайно взял и выбросил в этот самый...
Я говорю:
- Куда?
Но она говорит:
- Именно в – но она не сказала в туалет, но подразумевалось, что именно туда. – Но потом мы все оттуда вынули и промывали и потом он их испек.
Я говорю:
- Извините, я тогда вряд ли, конечно, не смогу это взять.
Но она как-то так не смутилась и так поглядывет на меня. А потом подходит какая-то вторая женщина и забрасывает прямо в какую-то корзину возле нее, эти самые... для проявки.... имеется ввиду не для проявки, а фото... фото... забыл вдруг... Ну, для аппарата, для фотоаппарата, фотопленки. И я думаю:
О, вот фотопленки мне надо было бы и купить.
Но я думаю:
- Я сейчас подойду и подберу, что... какой там, сколько там единиц, чтобы это было... Может быть там 800 есть.
И я хочу так зайти туда к ней в этот самый... А там стоит такая женщина или даже ее подружка, нагнулась и как-то и... то есть, прохода нет. И я должен, если я должен пройти, я должен прямо об ее зад, как бы говоря, пройти. Но я думаю:
- Это же как-то неудобно.

И я ухожу из этого магазина.

***

Потом мне снится главный сон, который просто вообще поразительный в смысле своей такой... что где-то засорилось в памяти. Я в Москве и хочу приехать к Борису, к его дому. А он живет где-то в старом... То есть, он мне дает адрес. Я не знаю, где они сейчас живут. Но я просто, я бывал часто у Бориса и Эти. И я думаю:
- Я ему даю только адрес, таксисту.
И я спокойно так сажусь сзади. И он очень мягко везет меня по каким-то осенним дорогам. И я не чувствую даже никакого, так сказать, напряжения, трафика никакого. Но это все загород, это все за городом. Это никакой Москвы, никакого... Но это он... Но я в Москве. И я подъезжаю... и вот наконец какое-то время... и я все-таки думаю:
- Что-то долго он едет.
Но сколько бы не набило, так и быть. Но я подъезжаю к старому... к старым деревянным домикам. Это как, я их называл Каширин, дом Каширина, дедушки Горького там, где они жили в Нижнем Новгороде или где-то под. И вот такие деревянные дома и он тоже меня к такому подвозит. А за вот этими деревянными домами уже где-то строится какая-то высотная Москва. А вот это такой островок и с таким пустырем и все так... И стоит такая... указатель, что вот здесь находятся такие-то... Это уже американские такие вот слева такие-то номера, а справа – другие номера. И подвозит меня к дому, к этому домику. И я вижу там сорок четыре доллара. И я ему говорю:
- Это очень удобно будет.
Я ему даю пятьдесят долларов и благодарю. И вижу, как в это время, в окне этого домика, Юлик, Костя, Борис и Этя. Они мне машут:
- Да, да, ты, мол, правильно приехал и именно сюда. Давай скорей, заходи!
И я с каким-то маленьким чемоданчиком каким-то или портфелем, думаю:
- Что там книжки мои есть, я им подарю и все... И подарки какие-то.
И как только я... Они выходят оттуда с мечом. И значит, выходит Боря и двое детей его, сыновья. И они:
- Ну, пошли сейчас будем играть прямо там где-то на пустыре в футбол.
Борис идет вот так мимо меня и не... как бы не обнимает меня и не здоровается. А Костя подхватывает, бросается мне на шею и целует меня:
- О, дядя Люсик.
И я вот иду за ними и думаю:
- Подожди...
А этот самый, такой мишигине как обычно, отвлеченный Юлик – это для

меня не ново. Эти нету. И я вдруг вспоминаю:
- Подожди, они же ведь умерли и Борис, и Этя. А может, это не Борис пошел. Но так похоже как будто он, но он не хромает.
И они пошли... и он уходит, так сказать, туда в пустырь и ребята за ними. И я иду за ними. И мы уходим в такой пустырь, туда. И я думаю:
- Ну, я поиграю с ними тоже.
Но вот это то, что он не жив ведь, он же умер и в Германии. И это все мне сразу как-то... так и есть. Но с другой стороны, а может это было не так.
И вот ассоциации к этому последнему сну. Это поразительное воспоминание. Я когда кончил первый курс института, я решил поехать в Москву. Любопытно, что это во мне сидело, вот какая-то такая необходимость. Я думаю:
- Я поеду в театры, посмотрю музеи.
И вот я созвонился или списался, я не помню, и они мне говорят:
- Конечно, Люсик, приезжай. Мы будем очень рады.
И я приезжаю в Москву и поселяюсь... А они в это время куда-то... или на дачу, или Этя где-то работала. И все они были... уехали туда. Но это было за городом. И он говорит:
- Можешь с нами поехать, но ты же хочешь Москву посмотреть и все.
И они мне оставили ключ от этого домика. Это типа в Измайлове, я не знаю, какой-то Сивцев Вражек, как я шутя называю. Ну какой-то... Подмосковье, подмосковные такие места. И добираться с автобусом, а потом еще где-то метро, не знаю. Метро я уже все изучил, мне все рассказали. И я в первый же день утром проснулся, когда там ночевал, их не было. И я... библиотека там прекрасная была для меня. И я нашел... так значит, и вот любопытно, у меня до сих пор такое ощущение осталось до сих пор, что это было в день смерти похорон Пастернака. Потому что, мне так кажется, или может потом мне это... что я где-то видел вот эти объявления, что в Переделкино какие-то такие.... на каких-то таких... Это было видно недалеко в какой-то мере, я не знаю. Но так как я не знал Москвы, не знал как добраться до этого Переделкино, а там была какая-то схема на этих... Но у меня такое ощущение, что это было. Но в эти дни я был в Москве. Но в тоже время, я попал впервые в музей, был в Третьяковке, которая меня покорила, конечно, и все это знакомо и с детства, и все, что я собирал в календарях, собирал из “Огоньков”. И вдруг я это увидел воочию, в громадных рамах. Это был действительно праздник какого-то... для глаза, для мыслей, для чувства, что я вот был среди этой красоты и среди вот этих вещей, которые меня... с детства были знакомы по картинкам. Но такой шок у меня был от посещения Пушкинского музея

западно-европейского искусства. Тут я был просто покорен тем, что я в... зал импрессионистов, он сразу как-то на первом этаже справа. И там, я знаю, там все это античное искусство там в холле. И Давид Микеланджелло. Это все, конечно, величественно, громадно. Оно давило, оно было... Давид давил. А вот дальше, когда я зашел, справа зашел в зал импрессионистов, ну, французское искусство. И там зал отдельно был импрессионистов, я был просто... это был шок. И я вдруг, меня так потянуло к одной картине. Это была картина Моне “Мостик” “Лилии”. Это для меня было совершенно поразительно. Потому что у нас в Джурине на этом самом... в пруду росли лилии. И я очень любил их. Они были настолько прекрасны, желтые. И роман “Молодая гвардия”, как ни странно, тоже запечатлелся с первой такой страницы, когда Уля Громова с подружками тоже на какой-то речке, на пруду, срывали лилии. Это запомнилось, это стало каким-то таким для меня символом красоты, юности. И вот я когда увидел вот этот подход, то есть, это после Третьяковки, где Левитан великолепен и Шишкин мне нравился и все. Но то было фотографическое и точно вырисованно, очень гладко, очень, так сказать, все... И вдруг какая-то шершавость, легкость, воздушность и совсем... То есть, мир совсем по-другому отражен был в этих вещах для меня тогда. Мне было девятнадцать, двадцатый год и это, конечно, было просто событие. И второе, что связано с этим домиком, вот почему он мне снился и я вот через столько лет... никогда он по-моему, он мне не снился. Да, второе вот это было, в этой библиотеке я нашел на ночь... или клопы там были, я уже не помню, мне кажется, мучали. И я вставал. И я ночью читал, прочел ночью маленький сборничек, великолепный сборник, который я привез. Я его попросил и мне Борис его подарил, это книжка Катулла. Там были переводы от Пушкина и Шервинского и Пиотровскго и все прочее. И я просто с удовольствием, не то, что с удовольствием, это тоже было для меня откровение. Эротическое, первое эротическое в поэзии, в такой ясной форме, с такой... с таким блеском. И вот я... это был второй такой для меня... богатое событие в этом... в Москве, прочесть вот в этом Сивцевом Вражке, но это был не Сивцев Вражек, но какой-то... может когда-нибудь я буду знать, как называлась эта их... Измайлово или что-то в таком, в этом месте. Я ночь провел и читал Катулла, который стал для меня самым любимым поэтом на всю мою жизнь. И я вот теперь имею все издания на русском языке, которые так переводились из Катулла. И вот и еще один такой необычнейший момент – я попал или в парке им. Горького, я пошел туда тоже. Потом такая еще дань сельского мальчика, увидеть ЦП им. Горького с громадным количеством народа и какой-то еще праздник

тогда был и что-то... воскресенье было. И это громадная толпа. И вот среди этой толпы, я не думаю, что я пошел на танцевальную площадку, но где-то я в парке познакомился с девушкой. Она была необычайна. Лицо было ну, просто ангельское. Она такая юная и с косой какой-то деревенской. Но что было странно, что день же жаркий был. Это был июль, скорее всего. И я... она была вся, была в каком-то темном платье, не помню, ситцевом что ли. Но во всяком случае, платьем было прикрыто все... и шея. И длинное – длинное платье и рукава. Это как-то меня смутило, но с другой стороны, оно было очень как-то так неожиданно. Она была... белое лицо светлое, коса и вот такое темное платье. И я... как-то мы познакомились. Она была как-то смущена, но была очень рада, что вот ее кто-то заметил или что-то. И я ухаживал, купил там мороженое, мы гуляли и все. И так незаметно вдруг оказалось, что уже было чуть ли не двеннадцать часов ночи. И я говорю:
- Что вы знаете... А где вы живете?
Она говорит, что тоже в каком-то очень отдаленном районе. И я говорю:
- А как вы доберетесь?
Она говорит:
- А я не знаю.
- Почему же вы мне не сказали?
Вообщем, короче... или на “ты” мы были. А она растерялась. И я говорю:
- Вы знаете, я живу в таком-то районе.
И она говорит:
- Я знаю, где это.
И я говорю:
- Ну, давайте, тогда вы у...
Ну такая мечта была просто у каждого юноши... Она говорит:
- Нет, вы знаете, вам будет это... Я это не хочу, это неприлично.
Ну, вообщем, короче, она согласилась, потому что не было куда деться, как бы с одной стороны. А с другой - какая-то привлекательность была в этом, для юноши девятнадцати лет. И ей, может быть, было столько же. И мы вдруг, вот такая встреча и такой... И я, конечно, был в ударе, я читал стихи, и я хохотал, шутил и импровизировал. И для нее... А она была простушка такая, может быть, из деревни приехала. Я уже сейчас не могу так вспомнить. И вот мы.... да, дошло до того, что мы что-то доехали каким-то автобусом и все. А метро в два часа было закрыто и все. И мы оказались в два часа ночи уже без транспорта. И, конечно, о такси тогда и речи не могло быть. И вот мы идем пешком. Шли до четырех часов утра, мы шли и дошли до нашей этой избушки. И вот когда мы пришли домой, у меня была какая-то там кровать, но она:

- Нет, нет..
И я говорю:
- Ну я вам постелю.
Там была раскладушка какая-то. Я говорю:
- Тогда ляжете на раскладушку.
- Нет, нет, я не буду раздеваться.
Я говорю:
- Почему?
Ну я начал ее целовать и что-то она тоже казалось бы... И очень стеснялась, очень. И потом она сказала:
- Нет, вы не будете у меня, вы не сумеете меня целовать, в смысле там, любить.
И я говорю:
- Почему? Я вас прошу.
Она говорит:
- Вы не сумеете.
Короче, оказалось, что у нее псориаз. Все тело... и как-то она все-таки или приоткрыла как-то все. И у нее оказалось... вот этот псориаз на всем теле. И естественно на меня это как-то... Я может быть и не обидел ее и не подал виду, но я очень... Я ей читал стихи и до утра. И когда утром я ее проводил на какой-то автобус... И мы больше не встречались, но это был какой-то очень такой и драматический и необычайно любопытный момент с точки зрения, когда ты охвачен страстью, любовью и вдруг это все гасится вот такой вот ситуацией.

29-ое октября

29-ое октября. Сон такой... самое интересное, что это действительно с такой... с таким как бы содержанием и все это развивается. Любопытный сон. Значит, снится мне, что я приезжаю в Одессу. И прихожу к Дому творчества, где я когда-то преподавал и провел самые свои такие юные счастливые годы. И вот встречаю там... Да, весь двор разлыхлен и даже какая-то насыпь земляная, громадная насыпь. И я это самое... И приходит туда же Борис Соловьев. Такой же молодой, в такой же курточке с бархатным воротничком. И вот он значит... мы встречаемся. И как-то так, я очень обрадовался, я все-таки очень его любил как-то, был и чувствовал себя и другом. Притом, что он был, ну как бы сказать, верным и единственным человеком, с которым мог вообще дружить при его характере и его, так сказать, руссистости московской такой. И вот я карабкаюсь... Да, а он уже стоит на этой... на этом... На этой насыпи,

земляная такая, густая такая...

K05.4

***

Час, где-то два часа ночи. Это мы недавно прилетели с Гавайев. Там сейчас десять часов вечера. Я проснулся, потому что изменился пояс времени. Итак, снятся очень прозрачные и ясные, как никогда, сны. Даже где-то любопытные, какие-то новые... новое, я бы сказал, такое что-то после Гавайев. Хотя снятся не Гавайи пока. А снится Джурин и Одесса. Вот последний сон, я только что проснулся. Я стою на балконе нашего дома. Балкона нет, перил нет. Темная – темная ночь, беззведная, глухая и темная ночь. Перегородка между нашим домом и другим домом нашего соседа Школьника, как бы осталась. И она, как говорится, закрывается на какой-то замок для того, чтобы не пройти с одной половины на другую. Хотя это абсолютно бессмысленно, потому то некуда пройти. И вот я стою, ночь, эта темнота. И я закрываю этот замок. Но для того, чтобы его закрыть, надо пройти очень осторожно, почти на уровне падения вниз с балкона, потому что там такая получается, как бы... обрыв. Я... нету досок уже и вот должен осторожно вот мимо этой перегородочки пройти и набросить замок, открытый такой крючок и захлопнуть его. А ключ внутри стоит. И нужно опять открыть его. И я повторяю это несколько раз с большой осторожностью. Но в этом есть какой-то... поразительное проникновение в тайны ночи. Я себя чувствую даже счастливым, но в тоже время, есть какая-то опасность. И поэтому ныряние вглубь вот этой перегородки... как бы угол составляет, стоит бита. Черная, большая такая крупная бита, для игры в гольф, для игры в бейсбол. И я ее беру с собой на всякий случай, если бы вдруг появился какой-то злодей, черт, черт его знает, кто. И я ударяю его – и никаких проблем не будет. Вот такая... и вдруг я слышу шаги. И со стороны шоссе идет человек, а впереди него бежит мальчик. Они не замечают, не видят меня. И я даже говорю им:

- Ну, давайте, давайте, проходите поскорей – как бы как-то так.

Но они не слышат меня и продолжают себе идти в ту сторону туда, куда-то вглубь улицы, которая ведет в деревню.

Я когда проснулся, меня этот сон совершенно не смутил. Может даже в чем-то как-то так и утвердил. И вот интересно, что детали этого сна, если я прокомментирую, они тоже для меня прозрачны. Первое – я когда посетил Джурин в прошлом году, я увидел, что наш дом и эта перегородка, которая осталась. Но там тоже такая видимость перегородки. И балкона с той

стороны нету. То есть, есть перегородка, но некуда войти в дом уже, потому что балкона нету. Все прогнило, разрушилось. И стоят две двери слева и справа этой перегородки, забитые досками и на замках. Вот отсюда родилась вот эта... замок и отсюда родилась вот эта вся история, которую я потом увидел. Я рыдал, как не знаю, что. Настолько почему-то это меня тронуло, что я не мог успокоиться. Бита – она тоже вошла в сон, но уже из дома в Чикаго. Я на всякий случай, поставил возле себя биту, которая стоит перед дверью... которая открывается в наш... в наш master bedroom. Хотя это абсолютно почти бесполезно из-за того, что ее можно толкнуть ногой и она откроется. И как бы защиты фактически нет, если только ты заранее не услышишь и подойдешь к двери, если кто-то уже откроет, чтобы ты защитился. Вот такая история с этой битой.

***

Второй сон, который тоже снился сегодня. Это я сижу возле больницы в Джурине, на траве. Вот такой гуру, седой, сижу и как-то так смотрю на речку туда, вдаль. Рядом со мной сидит Суня, мой родственник, мой близкий друг, мой очень близкий друг. Потому что не только, как родственник... Ну, я ему был дядей фактически. Но мы очень дружили. Он уехал недавно и я об этом просто подумал. И вот он мне приснился. Я вспомнил, как он уезжал в Казань, его забрала тетя Дора, сестра его отца, который погиб во время войны, подорвался на мине. И вот он мне снится часто очень, он очень часто снился во сне. Он стал танкистом, дослужился до капитана. К сожалению, не знаю, по каким-то причинам, рано умер, лет в сорок. И вот он мне снится, что мы сидим рядом. И я очень горд, что он видит меня вот таким. И в это время проходит мимо нас девушка, очень яркая, красивая, молодая, просто кровь с молоком. И держит в руках какой-то пакетик. Фотографии или что-то такое. Но она так стесняется и хочет ко мне подойти, но не может как бы сразу решиться. Я это уловил и как-то говорю ей:

- Подойдите ко мне, подойди, я слушаю тебя.

А она подает мне фотографии. И я среди них, вижу какую-то одну очень интересную и старую. И я ей говорю:

- Я очень рад, что ты решилась подойти ко мне и что я тебе нужен и могу тебе помочь. Но я вот хочу похвалить тебя. Ты среди всех вот этих фотографий, как-то выделила и сразу поставила фотографию, которая меня заинтересовала. На этой фотографии ты изображена очень молодой девочкой, девушкой. Но сама фотография, хотя она и аматорская, но в ней есть какой-то вкус, есть какое-то чувство вкуса. И поэтому ты поставила....

А если ты хочешь поступать в театральную студию или киностудию, это очень как раз хорошо.
Говоря все это, я смотрю на Суню и он как бы прослушивается. И я думаю:
- Я все-таки должен подумать какой же я все-таки, ну как бы сказать,

мудрый. И заранее, как бы, могу все предположить.
И эта девушка очень – очень ко мне просияла и благодарна. Вот такой сон в Джурине и не имеющий отношения ни к какому... ни к какой киностудии, где я работал, где таких сотни, сотни пришли таких ко мне девушек. Ну здесь есть, конечно, вся мысль в том, что я недавно, буквально вчера, кажется, об этом подумал. Подумал о Суне, о тете Доре, Доре, о Полине, о всей этой истории. И отъезд из Джурина и о Полине. И об этом написал рассказ... “Местечковый роман”. И такой, что здесь как будто такой, что осталось о той... А эпизод этот тоже связан, я не помню, говорил ли где-то об этом. После войны, это может быть было, когда умер дядя Эзра. Эта история запомнилась мне, но никто ее не рассказывал. Мне может быть лет шесть, это было скорей всего, в сорок пятом году. Мне уже было лет шесть. И вот когда умер дядя Эзра, я очень хорошо это помню. Он кашлял и болел и был похож на Чехова. С такой же бородкой и носил пенсне. Он был бухгалтером и в тоже время, в синагоге кантором. У него был мягкий и приятный голос. И вот он умер, как говорится, пережил гетто и все. И в сорок пятом он умер от туберкулеза, скорей всего. И вот чеховская какая-то такая натура и похож был, и умер почти точно также. Я забегал туда, заходил и он меня очень привлекал. А потом, когда я уже был постарше, у Сарры, у Суни, у мамы Суниной, а Мойша был его сыном, Эзры и тети Мерил... и тети Мэры, это маминой сестры. Вот он был ее сыном. И погиб вот этот Мойша и остались три сына, трое детей у Сарры от этого Мойши. И один из них Суня. И мы были очень близки. И вот я об этом думаю. И когда мы в сорок пятом году приехали... Приехала тетя Дора на похороны, скорее всего. И в это время жила уже в Джурине еще... уже жила Мэра, это вторая тетя, Мэра, которая потом стала женой моего отца после смерти мамы. Это тоже наша родственница близкая. И вот эти три женщины, очень похожие друг на друга. Это такая порода была, с розовостью. И мама моя среди них была самая такая яркая и высокая. А тетя Дора и тетя Мэра были более пониже ростом, но очень похожи, то есть, все они были похожи, как эти три сестры. И вот они прошлись по Джурину, как-то разговаривая, они остались живы. Тетя Дора была в эвакуации. Ну вот три женщины, которые были близкие родственники. Они вспоминали о своей жизни. И когда эта радость, при всем при том, что они там остались живы и дети с ними. И я рядом шел и я тоже почему-то очень дружественнен был, очень

любопытен. И мне было так приятно, что меня держат за руки, за ручки и я иду посередине. И мама или тетя Дора держат меня. И я иду и прислушиваюсь к разговору. Я не все понимаю, но вот ощущение вот этой... что они еврейские женщины, у которых много детей, у которых прошла вот

такая бурная, такая сложная и страшная эпоха в жизни, которую они прожили. И потом они остались живы после всего этого. Вот это вот ощущение в разговоре, я улавливал. Потом они удивлялись, что вот это разбито, здесь была когда-то... раймаг или что-то такое. И вот он полностью был разбит и разворован. И там были...только остов этого дома остался. И внутри были как бы такие бывшие комнаты, залы вот такие. И вдруг они захотели... кто-то из них захотел, как я понял, по-маленькому. И они все присели:
- О, вот тут как раз можно зайти в этот домик. Там же сейчас никого нет и ничего не видно.
И они зашли туда. И я не знал что.... я не знал, как себя вести. Но они как-то не обращали внимания на меня, считали, что я совсем маленький. И вот три женщины, очень мне дорогие и очень, так сказать, меня любимые, мама и как бы двоюродные сестры. И они присели. И я тогда впервые, впервые в своей... хотя любопытство у меня было и раньше. Но как-то так не было у меня момента, когда я это видел. Я впервые увидел, что у них совсем по-другому устроено то, чем писают. Это было для меня открытие такое. Я был аж ошарашен. Они может и не заметили. И это я не помню уже в этом состоянии. Но я тогда понял, что там совсем другая тайна, которая меня привлекала очень, очень рано. Буквально с трех – четырех лет, когда я жил в гетто, когда мы жили в той большой комнате, но там не было никаких возможностей. И вообще все это было как-то так строго, в тайне. И об этом нельзя было, как говорится, даже и думать и было стыдно. Вот и отсюда родился и этот сон с Суней и вот этой девочкой.

***

В это же время мне позавчера снился такой сон. Я нахожусь в том же Джурине. Но сижу возле Германши, которая напротив нас жила. И там находится скамейка. И сидит там на ней еще какой-то знакомый для меня или эмигрант уже из Чикаго, или из Джурина. А рядом там, возле того большого дома, стоит морской капитан. Он стоит как-то... или с кем-то разговаривает или просто ожидал кого-то. И я его... я не видел, чтобы он что-то делал. Но он стоит как-то... очень, как манекен что ли. И я вижу, что у него на руке блестят запонки на этом самом... на рубашке. И свисает

какая-то там еще бирюлечка и именно на руке. Я подползаю и очень тихо снимаю эти запонки и ползу обратно. И думаю:
- Что если он спросит вдруг или увидит или...
Тогда я ему скажу:
- Вы знаете, я режиссер по профессии и я очень люблю интересное. Смог ли я бы сыграть роль вора или человека, который вот может к вам подойти, снять это и осторожно уйти? Вот вам, пожалуйста, возьмите эти запонки. И я просто вам благодарен, что я...
Вот такая мысль, что я ему скажу. Но он ничего не замечает. Я отобрал... отдал этому человеку эти запонки, которые там сидели. И тут ползу во второй раз. И за этими запонками, я снимаю с него, как в старинных... ну, в фильмах, когда снимают манжеты, которые были пристегнуты этими запонками. И я этот манжет тоже снимаю и ползу обратно. Это поразительный, конечно, сон. Но это связано, может быть с тем, что я пел в хоре на Гавайях. И я в американских двух семьях, я пел русские песни. И одна из них была про капитана: “Жил на свете капитан” и “Вечер на рейде” где-то уже поется:

И пусть подпоет седой, боевой капитан.

Может быть, отсюда, родилась вот эта... вот этот сон.

***

В это же время мне снился днем, вчера, когда я проснулся... Заснул очень глубоким каким-то сном. Мне снился койтус... мы с Олей в очень какой-то ясной, яркой, красивой обстановке. И Эрик где-то был рядом. И мы не то, что не стеснялись, мы видели, что он как бы не говорил, не показывался. Но я потом вдруг увидел его после этого. И это было как-то так реально, что я когда проснулся, я подумал, что это в действительности произошло. Но Оли рядом со мной не было. Она сидела внизу еще и печатала на компьютере. Так, вот такой сон.

***

И еще сегодня мне... вчера снился другой еще такой. Это уже снилась Одесса. Я нахожусь в каком-то открытом таком доме. Он как так открыт с улицы. И там находится что ли такой типа, как сейл. И несколько человек роются в каких-то книгах и кассетах, знакомые по Одессе, знакомые. И я, честно говоря, не знаю, как себя вести. Но я понимаю, что это все надо отдавать, потому что это пропадет. И я говорю:
- Берите. Если вам это нужно.
- Ну, а сколько стоит?
Я говорю:

- Это копейки. Что хотите, то давайте.
Это, конечно, отголосок моего переезда. Это когда я переехал и впервые сделал сейл, который именно был похож на этот.
- Забирайте все, что вы можете, потому что оно пропадет.
Но в этом сне есть одна грустная такая была... и я вдруг, вдруг как-то подумал:
- Вот я уеду сейчас в Америку и что же я буду там делать все-таки? Неясно, в какую-то далекую, громадную страну и я уезжаю. И я не знаю, в какой именно город там надо, для того чтобы там себя найти.
Вот такая вот была, проскользнула, проскользнула мысль.
Я очень рад, что я нашел приемник, который только что прямо... надо было его найти. Нащупал его прямо возле кровати, я его там оставил, когда уезжал. И решил записать вот эти сны, потому что они все-таки очень, очень художественные для рассказов, для понятия вообще и для происхождения сна и прочего. Таким образом, я надеюсь, что они еще останутся для меня, как материал для моего сонника.

***

Еще допишу этот урожайный вечер, ночь, в смысле снов. Снился сон еще такой. Я под утро проснулся... И значит, я в Париже иду по какой-то улочке. И встречаю человека, как будто и знакомого такого и похожего очень на еврея. И он меня тоже как бы как-то так вычислил. И мы как-то так, как бы так:
- Вы еврей, я еврей.
Он говорит:
- Откуда вы?
Я говорю:
- Я из Одессы.
О-о-о, это очень интересно – говорит. – Я сейчас там иду на митинг, у нас такая встреча наших евреев этого района, как бы в конгрегэйшн какой-то. Давайте, приходите. Мы будем очень рады.
Тем более, он узнал кто я, кто я такой и что... и разговорились. И вот я прихожу туда. И там такой... как-то открытый такой... и двор что ли. И там... это не синагога, но в тоже время такой как бы зал. Ну, и я выступаю. Ну, он рассказал и они попросили рассказать, что... И я рассказал о гетто, я рассказал о местечке. Это произвело очень такое на них впечатление. Потому что они об этом ничего не знали и не слышали как бы. И я рад, что я как бы об этом им рассказал. Потом вдруг этот сон перебивается, как-то исчезает. И я оказываюсь на улице того же Парижа. И оттуда уже как бы

возвращаются эти же самые люди и еще какие-то еврейские люди, которые идут по дороге. Я к ним бросаюсь и говорю:
- Слушайте! Ну неужели вы не понимаете, что опасность снова грозит над нами. И особенно здесь, вот во Франции. Вы же это чувствуете и вы ничего

не делаете, и как-то так безразличны, так спокойно к этому относитесь.
И с таким пылом и жаром я об этом им это говорю. И они узнали:
- Да, это тот человек, который был у нас.
И вообщем какая-то такая атмосфера очень... И в тоже время тревожная и безысходная. Вот такой сон.

***

Второй сон был более веселым, связан потому что с Одессой. Я стою возле вокзала, там возле фонтана. И рядом... там народ ходит. Такой светлый день. Нагнулась девка такая, лет восемнадцати – семнадцати, так красиво изогнулась, а сзади пристороился морячок, молодой парень. И ее жарит. И она кряхтит и чуть ли не плачет. А потом она вскрикнула и он... А он быстро натянул штаны и бежать, бежать. Главное, так нагнулся, чтобы его как бы не заметили, не узнали лицо что ли. А она кричит:
- Сказал, что только кончик занусет, а разорвал мне все...
И с таким криком, с таким шумом. А он подхватил еще по дороге свою какую-то там тельняшку потерял... и убежал. Народ собрался как-то так... С одной стороны, и жалко, а с другой стороны, и комично. И это вот среди бела дня в Одессе. Поразительный, конечно, сон. Но так что, я не хотел его тоже пропустить.

12-ое апреля

Сегодня уже 12-ое апреля. День космонавтики или вчера был и мы его пропустили. В Союзе бы обязательно отмечалось. Да, значит 11-ое, 12-ое апреля. Сны тоже были обильные, как и дождь сегодня. Что же из запомнившегося? Одна совершенно фантасмагорическая, ужасная ситуация, которую я... даже вспоминать не очень приятно. Но нельзя не помянуть этот сон. И вот я нахожусь в комнате какой-то такой, похожей на... на наш старый дом. И там находится... даже не старый дом, какая-то может быть, даже икона в этом самом... Икона... имеется ввиду в городке, где мы были на Гавайях. И там какая-то есть такая, может как, отель. Одна комната свободна... Да, это похоже на ту ситуацию, где одна такая комната, а вторая, дверь есть как бы в другую комнату, которая была заперта, потому что, если бы мы снимали две комнаты сразу, они бы дверь открыли. А так они сдавали ее для двух семей или там... И вот я нахожусь там. А... и в той

комнате девушка, я ее видел до этого. Она или так заглянула, она была открыта как-то дверь. Она беременная и сидела в каком-то кресле и так ойкала. И я так прислушивался. А в этой комнате я сижу с кем-то еще. И как будто бы Мария Евсеевна тоже находится там. И в это время... и вдруг я

слышу, что она стонет. Я так приоткрыл дверь и говорю:
- Что у вас?
И вдруг вижу картину совершенно устрашающую. Она стоит, таз перед нею и из пупа – громадная длинная пуповина висит вся в крови. И на ней десяток яиц каких-то с головами маленькими детей что ли... вот такого типа. И они из них как бы вылупляются, с этой пуповины. Я думаю:
- Ну так должно быть через пуповину. Но почему такое обилие?
И она говорит:
- О, я... помогите.
Я говорю:
- Сейчас, тут как будто есть акушерка.
Я подумал, что Мария Евсеевна, что она акушерка, вот вдруг у меня такое в голове мелькнуло. И я возвращаюсь в эту комнату, а там никого как бы и нету и я проснулся. И вспомнил вот эту картину.

***

Второй сон, который тоже был связан с уже... с Чикаго. Зима, крестьянин не торжествует. Я их просто не вижу рядом. И я выхожу из нашей аллеи, из нашего драйвейя. А машина у меня почему-то типа... типа трака. Какой-то серый трак такой. И она стоит на другой стороне улицы. И я не знаю, для чего я... И я иду туда, для того, чтобы ее завести. И в это время мимо меня проходит пару ребят и девочка. И он спрашивает у меня:
- Вы не знаете, где здесь живет лесбиянка Энн Густавсон?
Я говорю:
- Нет, я во-первых, не знаю лесбиянка ли она или нет. Но я... я... Тут живут Густавсоны, но там нету никакой Энн.
Ну, они что-то так хихикают и проходят мимо. И в это время мимо идет... Я хочу подойти к машине, но в это время идет другая машина, сверху направляется тоже трак, но побольше. И ударяет эту мою машину. И та начинает тихонечко спускаться, потому что там горка. А этот заворачивает резко налево и проскакивает мимо. И я стараюсь запомнить хотя бы его лайсенс, его плейт. Но что-то так мелькнуло, а потом плейт сам упал прямо в снег. И я думаю:
- Вот это прекрасная, так сказать, ситуация.

И я поднимаю этот плейт. Да и думаю... а машина еще движется. И я думаю:
- Господи! Хоть бы она никого не задавила.
И впереди как раз, слава богу, не было машин. Но она все-таки движется еще. И она потом резко свернула как-то направо и там было дерево. И она об него оперлась, моя машина. Сон очень такой, казалось бы... насчет с девушкой, здесь, конечно, мне... Я в это время, ну за эти последние день – два... Во-первых, беременность, слава богу, слава богу, все хорошо. Наша Марджери... А потом еще одна знакомая нашей одной... Она вот – вот должна рожать. И просто эта мысль о беременных у меня видно где-то проходила. И я всегда думаю, чтобы у них все было в порядке, чтобы они, так сказать, легко рожали и все. И вдруг оно вот выразилось вот в такую вот... в такой вот сон. Второе – Мария Евсеевна никакая не акушерка, но как видно, мне хотелось, как бы говориться, помочь. И я ее вот превратил вот в акушерку. Сон с лесбиянкой Энн Густавсон - странный сон. Я как-то даже об этом не думал, хотя.... хотя вот в Катулле о лесбии я как-то так недавно что-то упомянул, может это так оно вдруг сработало.

***

А вот третий сон такой ясный и прозрачный с точки зрения вдруг этого.... Я три раза, когда у нас завалило снегом с низу до верху, я не мог сам расчистить все, я хотел подойти к соседу, у которого сын имеет вот такой трачок, который снег разгребает. Я один раз пришел, весь через такие сугробы проходил, пришел и там новый дом этот у них, очень тоже драйвей не маленький. И я туда иду, машинка стоит. И я думаю:
- Значит, он дома.
Звоню – никто не открывает. Я ушел. Через час я опять позвонил, тоже не открыл. Третий раз, когда я уже шел, я подумал:
- Ну, если нет, значит, это просто он не хочет открыть или...
Я подошел туда, там были звонки телефонные и они прекратились. Я думаю:
- Значит, он поднял телефон.
Во всяком случае, или может это все-таки была запись. Я ушел и больше туда не подходил. И уже пошел на улицу и нашел тогда человека, который был с машиной и все это сделал. Но во всяком случае, сон в этом смысле очень точно вот был связан с этой моей прогулкой и с машиной и прочее. А с машиной – это вот то, что Олю ударили сзади, это тоже интересное превращение реальности в сон. Когда мы были на Гавайях, ее ударил кто-то, когда мы зашли в магазин. И уехал. А человек, который увидел это, записал его лайсенс, лайсенс плейс, плейт. И оставил записочку со всеми

данными и даже со своим телефоном. Очень благородно так. И в данном случае, что получилось. Получилось, что он уехал и оставил, как бы сказать, след. И вот, а тут с этим плейтом, плейт, который сам вдруг как бы ко мне упал с этой машины и я имел как бы доказательство, кто это сделал.

Вот такая вот ситуация с этим плейтом.

***

Еще снился один сон, который совершенно тоже в другом городе, в другой стране. Это я в Одессе на Потемкинской лестнице, недалеко. Идет какой-то митинг, большое количество людей. И подходят к памятнику Екатерине. И я там стою тоже. Но я не участвую в этом, потому что это, так сказать, не в моей натуре. И я не люблю эти громадные... Но я в тоже время, жду каких-то своих студентов, которые должны... или это для съемки, или для театральной какой-то постановки. И там идет Мальцев, с ними приходит, и вот их я забираю и мы как-то там что-то делаем на этой площади. И какие-то... что-то разыгрывается. Но это уже, так сказать, моя чисто режиссура, а не участие в реальной жизни. А потом вдруг я оказываюсь на... у колоннады возле Потемкинской... возле Воронцовского Дворца. И прямо как бы на углу... на краю обрыва этого стою. И в это время подходят какие-то мои студенты или девушки, или женщины. И я подаю им руку, для того чтобы их вытянуть из этой как бы... снизу, чтобы они вышли на площадку. Тут мне трудно сказать, но это мое желание всегда – женщинам надо помочь, а потом их любить. Или сперва их любить, а потом им помочь. Короче, вот такая вот... такой вот сон. Или вот такие сны за 12-ое апреля 2005-го года.

***

Еще интересно, я прочел сейчас... Ну, так, мы перебираем книжки и вдруг попалась мне “Девичья игрушка” Баркова. Я, честно говоря, в том варианте, в котором она была набрана и напечатана, я ее никогда как-то не читал. Я отдельно читал всякие там от “Луки Мудищева” и до “Утех Екатерины” и прочее. А вот там ... или его “Оды” отдельные какие-то. Но вот в этом, в таком варианте, тем более, что предисловие написал еще вот этот... Андрей Битов, так, конечно, выспренно и так умудренно... “Лука умудренно”... Барок Барков, Барак Барока. Ну, это вся игра слов приятная, но это вся его теория о том, что Баркова вынесли из барака в сорок девятом году, когда было освобождение в связи с... там из тюрем, в связи с семидесятилетием Сталина... Это притянуто по-моему за уши. Но, бог с ним. Это его дело, это так игра... То, что я люблю играться, но я не делаю из этого литературных

эссе и каких-то там открытий, а просто, как игру слов. а в данном случае, как я сегодня придумал, не знаю что:

Имам терзал и бабушек и мам.

Значит, тут вопрос такой, что я внимательно теперь прочел эти все его вещи. И я, конечно, и обрадовался кое-чему, а кое-что меня огорчило. Потому что я раньше считал, что если “Лука Мудищев” действительно Баркова, так теперь тут у меня даже сомнений, даже речи нет, что это никакого отношения к Баркову не имеет. Это написал очень... и я даже думаю, так вдруг подумал, что это мог написать кто-то типа из братьев Жемчужниковых кто-то. Или даже скорей всего, может быть, Алексей Константинович Толстой. Очень легкий стиль, великолепная рифма. И все это как раз ближе к девятнадцатому... к середине девятнадцатого века, чем к семнадцатому, середине или там семнадцатого века, когда жил... по версии жил Иван Семенович Барков. Но то, что там, конечно, разгулье свободного стиха по отношению к хуйю и пизде, как он беспрерывно, так сказать, об этом пишет, это другое дело. Оно, конечно, и смело, и интересно, и там “Ода Приапу”, и “Ода автору оды” - блестящая, так сказать, для семнадцатого века, это вообще просто, это... И Тредьяковского, легче и свободнее, и того же Державина. Поэтому Пушкин видно очень любил этого... “Девичью игрушку” Баркова и считал ее, скорей всего... Его стих ближе и выходит из этих стихов, очень и с Державиным. Ну вот, поэтому мне интересно было дочитать это все. И я с удовольствием, как бы говоря, вник в это и понял то, что меня интересовало и раньше. Но теперь, я уже знаю это все подробно и знаю достовернее. Потому что так можно было бы говорить о совершенном, легком Баркове, который есть в Мудищеве. Но немножечко утяжеленном и таком старомодном, старомодном и устаревшем, в смысле языка и прочее, в настоящем Баркове, который писал вот эти оды. Это совсем две разные вещи.

***

Что-то я еще сегодня придумал для записи, чтобы записать в тетрадь в отношении... Ага, вот что я придумал, что евреи.... русские... русские на Гавайях. Вот интересно, что я... Ну, я встретил там человека, который... Я нес книжку про доктора Живаго, подарить в библиотеку, и встретил двух русских – маму и сына, старых уже – ему за шестьдесят, а ей где-то за девяносто. И я с ними поздоровался и все... И я... они увидели книжку и я сказал, что я несу ее в библиотеку, я вот надписал ее и хочу, чтобы она осталась тут в библиотеке.

- О, - он говорит – о чем это?

Я говорю:

- Тут о докторе Живаго, она фактически об истории.
Он говорит:
- Да? Интересно – говорит.
А потом, когда я спросил его:

- А как ваша фамилия? Я вам решил мою, другую книжечку надписать...
Он говорит:
- А я Мертваго.
Это меня совершенно поразило. И я тут же ему придумал на ходу, придумал:

Нужно иметь смелость иметь и отвагу
Носить фамилию Мертваго.

Вообщем, как-то так. А там дальше я еще подумал о том, что меня встретили одни... одна семья там, такая из... и говорит... я говорю:
- Меня зовут Илья Рудяк, там то...
А они представились тоже, мы познакомились. А она говорит:
- А вы в церкви уже были?
Я говорю:
- Понимаете, я еврей и я хожу в церковь, могу пойти посмотреть ее. Но я не хожу там молиться или что...
Она говорит:
- А мы думали, что вы это самое... что вы православный.
Я говорю:
- Вы знаете, православный я человек, но еврей.
Вот такая – право славный я человек, но еврей. Вот, вот такие вот придумочки. И поэтому, я это уже включу в мои рассказы о Гавайях.

13-ое апреля

13-ое апреля. Страшно солнечный день и страшно интересный сон. “Всю ночь со Сталиным” можно было бы его назвать. Пропущенно много... я не сумею детали... Господи! Какая там была... такие тонкости, которые, я не знаю, сейчас вспомню или нет. Во всяком случае, значит, Иосиф Виссарионович лежит на кушетке такой. Это есть такая фотография. И читает газету “Правда”, просматривает лежа, в таком его френче и видно там в сапогах тоже, чего-то я не помню. Лежа на кушетке... но вообщем он лежит и такой очень, как всегда, в моих снах, он совершенно не этот самый... без оспы и очень гладкое лицо у него. То есть, так, как его ретушировали на фотографиях и он получался, ну просто отец родной и самый – самый красивый. И вот он так лежит. И вот во сне, как я с ним

общаюсь и все, он очень вежливый и очень такой, ну как бы сказать, податливый что ли.
(Продолжение за 13-ое апреля сна “Всю ночь со Сталиным”)
И вот я в чем-то ему помогаю. А потом приходит какая-то женщина или какие-то люди. И он встает и идет и говорит:

- Пойдем – как компаньон что ли.
Именно вот так я был для него – компаньоном. И мы идем по какой-то аллее такой длинной. И там происходили очень интересные какие-то ситуации, но я, к сожалению, сейчас не могу вспомнить. Что же там было? Кто-то его или интервьировал кто-то? Вот какая-то такая... Но очень долго, этот сон продолжался, какое-то длительное время. Но я... и там были еще очень разные эпизоды может быть совсем другие, которые вдруг улетучились что ли... Но похоже для моего интереса в отношении Иосифа Виссарионовича. Так, вот это это один из снов... он снился мне сотни раз, потому что я, все, что касалось его жизни, меня интриговало, интересовало. И я сделал книгу рассказов “Сталин в Жмеринке”. Потом я сделал, альбом подготовил, потом карикатуры собрал. Короче, я его очень хорошо как бы, особенно такой изобразительный ряд, очень хорошо изучил. Вот.

***

Второй сон был совсем другого характера. Я в какой-то... типа театр какой-то или я не знаю, что это было конкретно. Ну, может быть, какой-то Дворец культуры. И я нахожусь... я прихожу туда именно на репетицию. Но меня подхватывает там какая-то секретарша, даже не секретарша, а какая-то организаторша, будем так ее называть.
- Ой – говорит – как хорошо. Я хочу, чтобы вы со мной танцевали.
Я говорю:
- Что значит танцевал?
- Ну мы готовим там сейчас партию в каком-то балете.
Я говорю:
- Да вы что?
Она говорит:
- Но, но, Илья, вы прекрасно подходите.
- Елки – моталки – я думаю.
И вот она убегает куда-то и приходит совершенно в другой одежде, в какой-то тунике, в какой-то... Она развивается и волосы у нее тоже рассыпаны. Она вся такая темпераментная, такая быстрая. И я ей говорю:
- А я в чем?

- А вы вот будете... Снимите там вашу верхнюю одежду и мы вам дадим какую-то там еще.
Я говорю:
- Хорошо.
И вот она меня тащит через какой-то... лестницу вниз, такую. Похожую на Дворец им. Леси Украинки. И мы выбегаем казалось бы в переулок, в наш

родной, Овчинников, должно было быть рядом. А мы выбегаем в большую, громадную Сахару, в пустыню. Но там есть какие-то эти самые... деревья и там есть какие-то... вот что-то есть такая гора из песка или как каменная... какие-то горы между, в этом пространстве. Это не декорация. Потому что по декорации могло быть какое-то такое пустынное. И она начинает со мной... И я подключился и я быстро схватил и ритм и все, кружиться. Мы бегаем, кружимся. Это какой-то... ну просто и фантастический танец, но в тоже время он в ритме таком и в таком беге. И я так выполняю свои функции довольно, я знаю, активно. И рядом появляется еще какая-то пара, тоже профессионалы, но профессионалы, они блестяще кружатся что-то... И я так наблюдаю за ними. А потом как бы, как это репетиция как бы повторяется это снова. Ну вот такой вот момент в моей сонной жизни, что я танцую. Ну здесь, ну со Сталиным это мне ясно. Я знаю, что он залез, как заноза так давно, что и вынуть ее почти невозможно. Поэтому я возвращаюсь к нему, что тем более какие-то разговоры всегда происходят о Сталине снова. Там выпустили новую книжку, там новый фильм, там то-то, то-то... И оно, конечно, там где-то откладывается. А вот в отношении вот этого танца, мне трудно сказать. Может то, что я наблюдал за... в этом... в Гавайях вот эти танцы гули... гулы, где они там вертят и все. Но вот у них они как раз очень мне нравились, потому что там не было... Там довольно все это так очень как-то приятно и скромно. Там не было какой-то разнузданности, распущенности. И в тоже время какой-то был и эротический даже такой и момент... Ну, вуаль такая тоже была в этих танцах. Короче, вот такой танец вдруг и мне приснился. А вот эта женщина – организаторша, я не могу ее вспомнить, напоминает ли мне она кого-то или нет, но что-то такое из эмигрантско-советского быта.

***

Попалась на глаза книжка Лимонова “У нас была великая эпоха”. Ну, написана она интересно, тут я ничего не могу сказать. Она написана интересно, но хотя не глубоко настолько. То есть, он все-таки исходил из очень своего узкого восприятия. И высветил вот эти моменты, которые во мне сидят точно так же. Я не могу сказать, что он не прав. Они сидят, я

тоже вспоминаю и помню и все. Но он, он человек русско-украинский и в нем сидит вот эта закваска национальная. И он не может... Ну, а во мне сидит еврейская закваска. Так что в этом смысле, я его не могу ни в чем обвинить, кроме одного, что узость все-таки взгляда. Я, после всего, что произошло, после всех этих самых... я понимаю, я был несчастлив и верил. И для меня там собирание марок было, давало такую же радость, как я не знаю что. И прочтение новых книг и о войне, и о партизанах, и “Два капитана”, “На полюсе Северном” - все это было точно также. И оно также еще больше, потому что я старше его. Оно возбуждало, оно давало какое-то чувство, что ты принадлежишь к этому большому, великому, самому передовому. Но проходит время и ты сопоставляешь и начинаешь понимать, что же важнее. Вот быть в такой, как бы сказать, ситуации, как страус голову спрятать, а сзади тебя могут хорошенько трахнуть. Это другое дело. А я так уже не могу себе позволить так смотреть на это, потому что пепел Клааса стучит в мое сердце. А пепел этого самого рабочего класса тоже стучит в сердце довольно, так сказать, грубо. Поэтому я не знаю, как воспринимать этот его выверт, но то, что он просто сам по себе неприятный, не...как бы сказать, не вызывающий никакого чувства уважения такого. И это меня не убеждает и от соцреализма его и так сказать:

- Прочтите “Железный поток” и вы поймете какая сила, какая мощь.

Я не отрицаю, что в “Железном потоке” были... я вспоминаю, я же читал этого Кожуха и прочее. Но эта была очень все-таки запрограмированно в литературе, что нельзя было шаг влево и расстрел. Поэтому и “Как закалялась сталь” это тоже может вызывало... И я не знаю, как бы я сейчас это читал, мог ли бы я это читать и вызывало ли бы такие же самые эмоции. Вряд ли, вряд ли и оно естественно, потому что тот же пепел Клааса стучит и никуда ты не денешься. А кроме этого стучат на тебя, а кроме этого, стучат молотками, кайлами, выбивают все. Люди, которые попали ни за что, ни про что и пропали. И вот это тут вот что важно, я думаю, что историю надо рассматривать именно так, параллельно, а не просто один только пласт взять, что мы были наивными, мы были счастливы, потому что мы не знали, какие мы несчастные или прочее. Это совсем разные подходы. И я, конечно, его агрессивность, его антисемитизм просто совершенно неприятен при том, что фактически это та же самая история, о которой когда-то говорил Есенин, что еврейские девушки переписывали его стихи и запоминали больше всех. И еврейский читатель в советское время был самый активный. И оно давало для популярности, для всего в том же Харькове, например, хотя евреев там было меньше, чем русских и украинцев. Но еврейская прослойка была самая активная в плане чтения, в

плане обсуждений и прочее. Так что, он должен был бы низко поклониться. А он, после того, что имел соитие, койтус с еврейской девушкой, пишет:
- Что еврейские девушки интересные в этом деле и их, мол, только надо так и делать.
В “Дневнике неудачника”. Это, во-первых, это просто пошлость самая настоящая. Во-вторых, это бескультурие. Поэтому двойственное отношение. Но сама, как литературная вещь, как воссоздание каких-то деталей эпохи, он это делает очень легко и хорошо. Тут я ничего не могу сказать. И все-таки там “Школа для дураков” Саши Соколова намного выше, как литература и как просто уж действительно так жанр, который человек сумел создать. И там Вениамина... этот самый Венечка Ерофеев. Сперва надо сказать слово Венечка, а потом возникает Ерофеев. А если говоришь Вениамин, то возникнет Каверин или кто-то другой. Поэтому это любопытное чувство. А только вот Виктор Ерофеев, ну вот это вот действительно для него большой удар ниже пояса. Что он тоже “В” и тоже Ерофеев. И часто все-таки его подхватывают и он сам кое-что сделал под... только под В. Ерофеев, вот таким образом это было. Книги эти, так сказать, сразу рука тянулась к ним. Но я его еще как-то не могу оценить, ни эссе его. Да, он человек, конечно, образованный и литературный и все, но что-то там... я не знаю, меня это как-то мало греет. Тоже самое Битов. Вот я сейчас прочел это “Барокко, барак, Барков”. Да, игра слов прекрасная. Но там не прорвешься сразу. Нет легкости, нет ясности. И чем, так сказать, запутанней и чем тема... но, как говориться, лучше для него, но не для меня и для читателя.

14-ое апреля
Ну уже 14-ое апреля. Ужасная ночь была. Простата поймала мудреца. На всякого мудреца довольно и простаты. Снилось совершенно несвязанное с простатой. Море, океан и я в рубашке ночной. И я не уверен, что у меня что-то есть под рубашкой. Я думаю, что если я ее сниму и окажусь голый... поэтому надо пойти и купаться в рубашке. Оля говорит:
- Иди, купайся. Ничего страшного.
И полно людей вокруг. Я там не знаю было или нет, но во всяком случае, вот такой кусок сна. Потом я оказываюсь в Одессе. И я почему-то лежу на улице, как говорится. И Сема рядом как будто. И я так:
- Сема, пойди. Обходите, осторожно. У меня там брат лежит отдыхает или что-то такое вот.
А потом я встаю и иду там в какой-то полуподвал. А там Бенина Зина или кто-то из моих знакомых, стоит с нагайкой такой. И там песок уже такой насыпанный сверху до низу в полуподвале, который мне уже знаком, как

будто я там уже был. Тоже все засыпано песком. И оттуда начинают выбегать маленькие правда, но очень крепкие тигры что ли вот такие. А она их дрессирует. И я говорю:
- Зина, это ж они тебя сейчас покусают.

А она:
- Нет, нет, они у меня без моего приказа, никого не будут кусать. Так что, Илья Эзравич, заходите.
И я так смотрю, они вокруг меня и я захожу. И они так мчатся на меня и я думаю:
- Вот, вот...
А они обходят. И валики красивые такие и щенята львы и тигры. Это то, что мне часто снится во сне. И она говорит, дает мне бич и говорит:
- Щелкните и вы увидите, как они начнут бегать.
Я щелкнул бичом по воздуху и действительно они запрыгали, забегали как-то вокруг, как по кругу. Потом и этот сон весь улетучился.

***

И снится уже совсем другая обстановка. Это киностудия или в каком-то клубе или что-то. Идет вечер и там этот... Зиновий Гердт. Это очень легко и так приятно ведет и на фоне этого идет фильм с ним что-то. И он рассказывает. И это очень так весело и хорошо. И рядом сидит со мной Эльдар Рязанов. И он говорит:
- Слушай! У меня ведь дома тоже есть фильмы.
Я говорю:
- Да. пойдем ко мне и возьмем его.
Я говорю:
- Пошли.
И мы так тихонечко выходим. И я думаю, что он тоже покажет и будет рассказывать. И мы идем к нему домой. И мы находим... у него там очень какая-то дача что ли, такая высокая. И мы поднимаемся по горке и заходим туда. И он начинает искать коробку и что-то находит. И я говорю:
- А музыка там есть?
Он говорит:
- Да, как будто есть.
И я говорю:
- Ну тогда прекрасно. Поставим и тогда вы будете комментировать в крайнем случае.
Он говорит:
- Да.

И вот мы идем вниз по этой лестнице. И там очень скользко. И он как-то так легко правда, легко падает. И я начинаю его поднимать и вдруг там какая-то собака такая полудохлая, начинает к нему или бросаться, или хочет кусануть его. И он отпихнул и она упала как-то так. И появляются

какие-то дети:
- Да, вот эта красная собачка уже лежит безздыханная.
И мы с ним поднимаемся и уходим. Вот такие вот сны. Комментарии излишни, потому что я очень устал, я потом хотел это сделать.

16-ое апреля
Сегодня 16-ое апреля. Были, были сны. Тревожные сны, тревожные. Так, это один сон с Кирой Муратовой. Мы приехали, мы пришли на просмотр какого-то фильма и сидим рядом. Я, она и ребенок ее, девочка, лет восьми примерно. Потом я почему-то говорю:
- Что я сейчас пойду подготовлю дома, ну как будто ужин, или что и приду за ними.
Потому что я смотрел этот фильм что ли, я не знаю. И я ухожу какими-то длинными проходами, переходами и холлами. Через какой-то очень разросшийся какой-то город. И я все-таки попадаю в дом, где у меня... типа общежития или типа какая-то комната. И я не могу найти ничего из того, что мне нужно для того, чтобы подготовить... Во-первых, я долго не мог найти этот дом, долго не мог найти эту комнату и одежду тоже, которую я почему-то потерял и не могу найти и прочее... Вот такой какой-то... И я собираюсь обратно и тоже не попадаю туда. И вот и вся история, что хотел я хорошо принять, а оказалось, что не в состоянии что ли. Вот такой вот сон.

****

Потом очень много было всякого другого, но я сейчас ничего не могу вспомнить. Что же мне снилось еще? С Кирой я запомнил. Я недавно был у Киры, когда я ей привозил подарок. Мы были у ее дочери, которая, к сожалению, как бы это можно было так сказать, которая фактически погибла из-за передозировки. Но детям ее, которые стали уже взрослые, я привез разные подарки. Ну, все-таки тоже мне казалось, что все как мне хотелось... Может быть, так сказать, и приснился этот сон на эту несостоятельность, что ли. Но вчера я просто подумал о Кире и Жене, это ее муж. Ну это были просто какие-то чисто вопросы секса, вопросы эротики.

19-ое апреля

Сегодня 19-ое апреля. Интересное такое... интересная мысль. Сны, которые снились мне, они были постоянно одна и та же тема. Я из нее не мог выйти на протяжении всей ночи, то есть, прерывался этот сон и я опять ложился спать, и все равно этот сон снова возвращался в разных, так сказать, не в разных... а как продолжение и так и не мог закончиться. Значит, я хочу сейчас хорошенько вспомнить. Значит, первая такая часть этого сна – это Оля и какая-то... ну, похоже, что это Явдоха из Ворошиловки, папина пассия, я бы так сказал. И она, Оля с нею и они должны поехать куда-то за Хоменки, это село. Куда-то они должны поехать или что-то привезти из овощей, фруктов, мед, вот такое вот, скорее всего. И вот они должны туда поехать. И мы вначале проезжаем... Да, и я веду машину, я веду ее и это наша машина, которую я веду куда-то туда и этот кусочек я знаю. А потом вдруг эта поездка... вдруг мы останавливаемся. Они возвращаются как бы домой и говорят, что они поедут на следующий день. И надо выехать очень рано, часа в четыре утра. И я должен приехать и я их заберу.
- Ну, хорошо. Такое решение тоже интересно.
Почему-то это так, что они должны были уйти, я не знаю. Машина... или она остановилась и я должен был бы ее починить там, починить или что... Это скорей всего, такой вариант. И я иду... где-то останавливается там, и я иду через какой-то парк, где в парке... это уже не Хоменки, это уже не наш Джурин, это уже какой-то переброс совершенно в другое место. И машина как бы остановилась у входа этого парка и я как бы могу запомнить это место. И я иду через него и там стоит... столы стоят с хлебными какими-то продуктами, изделиями. И я так одну булочку... и я думаю:
- Ну, все-таки булочку можно себе позволить.
Я взял и так иду по далекому такому ряду и думаю:
- Кому оплатить? Даже не видно никого.
Там далеко, далеко какие-то сидят люди. И я так мимо прохожу и говорю:
- Вот я взял булочку. Кому это оплатить?
Они говорят:
- Нет, можешь это как бы бесплатно. Можешь еще взять.
И я выхожу на улицу и попадаю... трудно мне даже сказать какая это... или тот же самый Чикаго или нет, не знаю. Но во всяком случае, я ... и думаю:
- Да, но надо же все-таки с машиной закончить. И я начинаю искать выход туда же, из парка. И я его не могу никак найти. Иду по какой-то... по разным каким-то улицам и... и не могу попасть там, где остановилась машина.
- Ну хорошенькое дело, как же я смогу их... это самое... как же я смогу их привезти и довезти?
И вот я возвращаюсь в Джурин и думаю, что:

- Четыре часа утра – это же... Во-первых, я машины не имею. И где они? И их нету там. Значит, они сами туда пошли, поехали, я не знаю.
И я начинаю искать какой-то выход, как же туда попасть? И иду по улицу туда, близко к кладбищу и вижу такое... осенняя погода уже, болотная погода. И едет машина. И в ней такой... она типа легковая, но с каким-то кузовом там. И в ней сидит, я знаю, как бы председатель колхоза или секретарь райкома, черт его знает, такой... Но одет довольно прилично, чуть ли ни в бабочке или какой-то там... и в этом... как его... такой и ленточкой на шее и на... И я подхожу, хотя это болотная такая уже ситуация... И когда я подхожу к машине... она проезжает и я весь обрызгался, но я думаю:
- Бог с ним! Мне надо каким-то образом добраться до этих... за Хоменки для того, чтобы встретить Олю и Явдоху и чтобы не было этой тревоги на душе. Тем более, что я как бы чувствую себя виноватым, невыполнившим никакого... просьбы.
И я чувствую, что... и я подхожу и говорю:
- Слушайте, вы понимаете, что там...
Здесь уже такая ситуация, что какой-то фестиваль художественной самодеятельности или что и я должен там выступить. И я вот опаздываю.
- Я бы очень вас попросил, учитывая, что я все-таки актер и меня ждут там и полно народа. Не могли бы вы меня подвезти туда?
Он что-то так посмотрел на меня и говорит:
- Ну что, садись.
Я сел в машину. И вот мы начинаем выкарабкиваться туда на горку и там очень тяжелый момент. И они или поговорили, или что, или подумали, что... А я так уверенно говорю им, что я должен там быть. И что это очень важно, что это с точки зрения так... идеологического характера. И они поверили, то есть, там никаких сомнений в этом нет. И вот они везут меня туда, довезли до верху, до этого самого... и говорят:
- Ты знаешь, мы не успеем, потому что мы должны в другое место ехать. Извини, мол...- или что-то такое вот, я даже не знаю.
То есть, во сне все это... там нету, как говорится, объяснений и нету никаких... Сон продолжается, он идет в своем русле, без логики, без какой-то... А... но идет и там нету, что даже может тех же извинений или что-то. И я оказываюсь вновь на дороге, стою один, моросит дождь. И этот сон был... я его рассказал в течение минуты или полторы, а длился он всю ночь, потому что я просыпался и опять ложился и снова этот сон меня, как говорится, тревожил, мучал. И однако, я так и не дошел до конца.
Здесь интересные несколько замечанией по этому поводу. Первое, что Оля часто мне снится, как моя мама, это моя мама. Явдоха, несмотря на то, что папа там жил у нее, когда работал в этом самом... в... оно называлось не

Ворошиловка, а... я забыл, как там... Так он там жил и она приходила к нам домой потом очень часто. Я очень любил ее. Она была черна, как земля. И одинокая и в тоже время она как-то тоже относилась ко мне, как к своему ребенку... У нее не было детей. И она очень меня, так сказать, любила и ласкала и приносила какие-то там фрукты и овощи из этого... из этой деревни. И мы с ней, когда мы огород должны были там... Это был один из самых запоминающихся моментов в моей жизни. Мы поехали на огород, который нам дали в этой МТС. И папа, и мама, и Явдоха, и я. И на лошадях, и на подводе, мы туда приехали и стали выкапывать бураки, стали выкапывать подсолнухи, кукурузу и картошку. И вот это вот все бы целый большой воз. Я потом залез в этот воз и держал вожжи. И мы приехали домой в Джурин и там все это разгрузили. Но весь день мы провели там и это было какое-то удивительное... во-первых, запах, запах свежей земли, овощей. Там были тыквы, там были подсолнухи. И это все было так приятно. И еще даже был и эротический момент. Явдоха и мама уходили там в кусты по нужде и я подсматривал. Это тоже был такой момент, это очень волнующий. И потом, когда я уже под вечер, стал так уже... солнце уже зашло и вот мы приехали домой, разгружали это. Вот такой вечер был. Громадный день и громадный вечер и я был очень счастлив, очень. И вот здесь такой переброс – Оля и Явдоха. Второе в этом сне, это вот этот момент с моим преображением, с моим убеждением. Я ведь во сне в данном тоже себя чувствовал, что я из Америки, а не природная там... никогда не был в Америке и я вот... такая ситуация в этом Джурине. И вот это тоже интересный такой вариант, который все время повторяется.

***

Потом снился до этого еще вот такой сон. Мне снилось, что я вновь в Джурине. И возле школы заходим прямо там уже к саду заходим, веселая такая компания. Мишка из Москвы, Оля, еще кто-то несколько человек, может быть даже и Эрик с Марджери. Но и маленький ребенок такой. Поэтому я думаю, что там... И я говорю:
- Давайте, я его понесу. Они мне говорят:
- Ну смотри, осторожно, чтобы он не упал.
И я его взял на шею посадил. И мы идем и яблоки прямо свисают, что можно даже, так сказать, руками достать. И я что-то потянулся и ребенок начал... соскользнул у меня, но я успел его подхватить и говорю:
- Господи! Какая все-таки... и как надо быть осторожным, а нет так это... Вот. Но здесь то, что я сейчас мы ждем, дай бог, роды, как говорится... чтобы хорошие роды и все. Марджери прекрасно выглядит и ребенок как

будто все нормально, пройдет еще пару месяцев... Так поэтому, мне все время снятся вот такие ситуации, где я сопереживаю, как бы я хочу оберечь

от этого и все. Вот такой тоже, какой-то такой штрих, такая деталь.

***

Из прочитанного, ну, я так... “Последнее слово Ходорковского”. Грустно, грустно, что этот неглупый и красивый юноша, он очень по-юношестки выглядит, человек, оказался во-первых, в этой мясорубке. Во-вторых, как будто хочется проявить свое какое-то “Я”, проявить свои какие-то там... а вынужден, вынужден все равно, как говориться, хитрить и изгиляться перед этими свиньями и перед этой подлой системой, не упоминая президента, как будто даже не знает об этом. Вот как параллель с Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Это президент тут ни при чем, он как бы... Его обманывают, ему говорят, а он как бы не понимает, не знает этого всего. Следующая мысль, что власть тоже сама не власть, не Кремль тут виноват, а это виноваты прокуроры, виноваты такие стрелочники, на которых можно... То есть, это хитрое... такая маленькая хитрость или льстец, она настолько... Здесь была у человека возможность выкрикнуть на весь мир все, что он хочет. Но все-таки он пошел по пути “не дразнить гусей”... А вот Гусинский, я еще вспомнил, я еще вспомню третьего человека. Три еврея с фамилиями на “...ский” - Гусинский, Ходорковский и Борис Березовский. И вот, так я вот подумал, что:
- Пора уже причислить к евреям Маяковского, Белинского, этого самого... как его там... Пожарского и Минина.
Так что здесь грустно. Я воспринял потому что так обыватель, как я уже слышал:
- О, какой смелый человек, как он себя ведет и это самое...
Я этого не увидел, я увидел человека замученного, погасшего и человека, которого хорошо настропалили и адвокаты и он, и может быть даже, и эти же прокуроры. Получит свою “десятку” и вынужден будет сидеть среди ворья, среди грязи, среди вони. И этот человек фактически, конечно... А то, что там будет шуметь, кричать по поводу его на Западе, это Россия в этом смысле, не изменилась и для нее совершенно неважно, что будет думать Запад. А если даже и важно, они будут... для них важно доказать, что они... власть крепка и танки наши быстры. Вот и все.

20-ое апреля

20-ое апреля. Самый свежий сон, я заснул буквально в восемь часов, в девять часов утра. Я просто... Меня приговорили как бы к расстрелу... Вот

такая какая-то такая КГБэшная ситуация. Но они меня отпустили. И меня по крайней мере еще не забрали и дали какой-то... ну, как бы с моей стороны, есть такое согласие. Какие-то подосланные были подонки из наших, которые как бы меня... как бы уговаривали насчет другого. Надо согласиться и все. Ну и вот последний этот кусочек сна, это было видно до этого сна. Возле сахарного завода была такая будка. Это кажется, я дальше вспомнил. Там взвешивали бураки, которые, так сказать, везли с поля на машине. И там такой, как бы сказать, ну... весы, где машина заезжала вот в эту будку, там весы были. И там сидел человек, который взвешивал и давал квитанцию. И вот возле этой будки я как бы оказался. И как-то одет я совершенно, чуть ли не в халате и какой-то... И вот я это самое... стою и подходит такой в военной форме с винтовкой. И я вижу все время дуло возле моего глаза. Он так стал ко мне и говорит:
- Ну, я слышал, что ты согласился. Правильно ты, мол, сделал.
И вдруг у меня страшный такой протест и я говорю:
- Да, да, я согласился. И вот как я отправил во все газеты и во все – говорю – города, мною уже отправлены письма. И если это случится, немедленно весь мир будет знать о бессмысленном... о бессмысленности всего этого, что вы задумали и решили сделать.
Он не ждал такого... он не ждал от меня такой и самое... И говорит:
- Ну вот, может быть, ты и прав – говорит он. – А чего вдруг?
Я говорю:
- Так что вы не думайте, вы передайте, что я вот так сдаюсь, потому что ваше, так сказать, желание.
Вот такое. И он так смотрит, такой хитрец, подлец. И во мне вот это вот желание, жажда вот этого, не знаю, может и выжить просто. И с другой стороны, вот такой протест громадный.
Ну, это взаимосвязано, скорей всего, с прочтением “Последнего слова Ходорковского”, которое... Я как-то так пару раз об этом думал в смысле... порою и читал несколько раз. А потом все-таки пришел к выводу, что это полная, так сказать, с его стороны такая двойственность. Об этом в последнем слове не сказано кто, из-за чего. Как бы получается, что вот какая-то кучка... Хотя это очень и трогательно и верно то, что он сказал. Но он не стрельнет так, как... не стрельнуло так, как это должно было бы быть, может быть. Если бы он, я просто думаю, что он на две минуты взял последнее слово и высказал им в лицо, кто они такие. Ну, это требует самопожертвования. Вообщем, я думал об этом. И вот такая вот мысль о том, что вдруг я превратился вот в этого заложника, в человека, которого должны убить и расстрелять и я как бы... как бы согласился. А потом проявляется вот желание вырваться и не поддаться.

***

В этом же Джурине другой сон. Он правда, перемежается с Одессой, очень любопытный сон, в Чикаго даже. Вдруг я оказываюсь женихом Лили, девочки, которая все время приходила к нам в Дом Книги. Очень милая и очень умная и очень какая-то вся такая, с точки зрения моей, с точки зрения моего подхода к женской особи, она была очень привлекательна. И я подумал:

- О, ее надо было бы познакомить с Эриком.

Вот такая у меня мысль была. И в это время... А сон совершенно вывернулся абсолютно в другую сторону, что она, как бы влюблена в меня и готова и хотела бы быть мне верной спутницей жизни. И я вот жду ее и мы идем с ней. Я так правда.... лицо у нее немножечко другое, чем у той Лили, с такой, я бы даже сказал, ну, зубы как-то так... “другой оскал”, что ли, если об этом так можно выразиться в кавычках. Но очень приятная. И мы идем с ней вниз туда и идем вниз к речке от дома. А она живет там напротив завода, где заводские дома, то есть, это считались самые такие аристократические в Джурине. И вот мы идем туда вниз...

****

K05.7

22-ое июля

22-ое июля. Снится мне другой сон. Я в Джурине. И вот захожу я с папой, захожу я в магазин очень современный. И появляется несколько девушек необычайно красиво одетые в такие длинные какие-то шубки с очень красивой... с красивыми шляпками. И одна из них, это моя одесская знакомая... как же ее... вдруг забыл Горбатая, фамилия Горбатая. А там жили еще Горбизы, Горбатая и еще какой-то... Элла. Элла Горбатая она где-то в такой же... и она меня увидела и смутилась как-то. И я хотел бы с ней поговорить, но она как-то ушла и выслала, наверное, вместо себя, видно, другую девушку. Тоже такую очень приятную и все. И она... и я ей говорю:
- Что, у вас есть? Есть ли у вас береты или шапки, или какие-то красивые головные уборы мужские?
Она говорит:
- Как будто нет.
А я говорю:
- А что у вас за этот свитер такой?
Она мне показывает и говорит:
- О, - говорит – это очень хороший свитер.
Просто стала его расхваливать. Но она хотела посмотреть там насчет или он из шерсти или нет. Оказывается там вообще оторванная была эта наклеечка, lebel. И она все-таки очень активно меня так уговаривает купить этот самый... А все наблюдаю, не выйдет ли еще раз Элла. Но ее, к сожалению, она там, где-то в каком-то там проеме дверей, что-то мелькает. Это она, видно, посматривает на меня. Но ее так и нет, так она и не появилась. А папа меня... или говорит:
- Что в синагогу нам надо пойти или что...
И я выхожу и сон продолжается. Я попадаю в комнату, где сидят одни женщины. Это своего рода какой-то... ну не 8-ое марта, ну что-то праздник. Но правда, похоже, что говорят о Великой Отечественной войне. И одна очень миловидная такая блондинка, худенькая, красивая девушка страстно о чем-то говорит, но что я просто восхищен. И я думаю:
- Я ей сейчас почитаю какие-нибудь стихи, связанные с войной. Но перед этим я все-таки – думаю – я пойду, там я увидел комнату типа туалета или какой-то такой... где есть зеркало, чтобы посмотреть так на себя, как я выгляжу. И снять берет и причесаться вот так... и борода.
И я туда захожу и так как-то причесался. И когда я уже хотел выйти и почитать стихи, я уже подумал даже спеть песню, может быть, они уже все

встали, как бы закончилось это собрание. И я ищу эту девушку глазами и не могу ее найти. Но появляется вдруг Элла с парнем каким-то. И он подходит

ко мне и говорит:
- Вы хотели на кладбище, кажется, поехать?
Я говорю:
- Именно. Вот это мне очень важно.
И он говорит:
- Ну, я вас отвезу на машине.
А он говорит что:
- Я жених, я Эллин жених. И десять лет мне надо... я добиваюсь вот этого... десять лет я должен... У нас такая здесь... у нас такой... ну, обычай.
И мы выходим из этой, какой-то душной этой комнаты. И я вижу папа идет спиной к нам в какой-то одежде, очень странной для папы. И рядом со мной стоит Молы Гробовецкой мама. И я говорю что:
- Это мой папа.
Она говорит:
- Конечно, что я... Он точно так же ходит, как и Хаим Невский, как и наш дедушка Хаим.
И я говорю этому парню:
- Так мы сейчас сможем поехать туда на кладбище?
Он говорит:
- Да.
И он как бы пошел, ушел за машиной. Но я жду его. И вдруг все это исчезает. И я видно так провалился в следующий сон, который я, честно говоря, не помню. И вот любопытны вот эти сочетания расстояний, города. Элла жила в Одессе, теперь она в Бостоне. Мола Гробовецкая, по-моему, в Израиле. Мать ее давно умерла. Папы нашего тоже нет. И вот это перемещение, это уже второй раз буквально, позавчера и сегодня, вот эти магазины, которые так, как бы в другом городе, похоже на американские какие-то такие, они перемещаются в Джурин, когда там в действительности все это исчезло. И вообще никаких магазинов нету. Но вот этот момент почему-то возникает у меня во сне. Очень любопытно, конечно, все это. И мне трудно объяснить вот эту метаморфозу перемещений, магазинов. И я... тем более, что “Магазин на площади”, я... этот сценарий чешского фильма с ... Каминской, лежит у меня прямо на столике перед кроватью, у изголовья. Может это имеет какое-то отношение, что я вот этот магазин... каждый раз мне снится вот такой на угловом месте, вот этот магазин, магазин, в который я попадаю. Безусловно, что замысел вот тот, что у меня был насчет

снов, он был бы прекрасен, если бы он был бы выполним. И я сумел найти бы еще в себе силы и сделать это.

***

Читал так из многих так и вдруг подумал:
- Прочту Цицерона о старости.
Ясно, четко, прозрачно, никаких, так сказать, философских ухищрений, затемнений – все блестяще и очень кратко и мудро. Ну что ж, конечно, она оптимистична для чтения, для поддержки своего, так сказать, состояния. И в тоже время, она тоже разрешает такие вопролсы, которые стоят конкретно передо мной даже. Все-таки я часто ловлю себя на мысли, что мне шестедесят семь почему-то, хотя мне шестьдесят шесть уже с половиной. И вот я ловлю себя на мысли о том, что это все-таки шестьдесят шесть лет, это все-таки не так уж мало прожито. И начинаешь себя, так сказать, сравнивать вот даже то, что я сейчас прочел. Ну, Пастернак прожил семьдесят. И последние два года, это были годы, которые можно было все его шестьдесят восемь лет вместить и они не перевесили бы эти два года его и триумфа, и страданий, и трагедий, и смерть. Поэтому это еще никогда не знаешь, что у тебя впереди, какая, так сказать, судьба и что тебя ждет. Во всяком случае, у Цицерона мысль, конечно, любопытная, очень жизнеутверждающая – что старость – это естественное состояние, которое надо воспринимать нормально. И при этом при всем, можно абсолютно быть счастливым и функционировать, и делать все то, что можно делать в старости. Но обязательно надо делать, а не сидеть и ждать и прочее. И я вот поэтому, я как бы, мне нужно было в данную минуту... И, конечно, больше всего, беспокоит вот этот магазин, тоже на площади, от которого я не могу никак избавиться и не могу решиться на это. И поэтому это все надо решать.

23-ое июля

23-ое июля. Сны были и раньше. Там был один, но я забыл. Снилась мне женщина, которая работала в театральной библиотеке музыкальной, театрально-музыкальной библиотеке. Он была уже в возрасте, рыхлая, даже такая... не очень красивая. Но в этом сне она вдруг была такая стройная, в хорошем костюме там. И она работает в той же казалось, библиотеке, но в институте, в Харькове у меня там. И она все время каким-то образом старается мне угодить и даже с такими эротическими желаниями. И я как-то так ухожу от нее из-за того, что она, во-первых, в возрасте и она мне

никогда не нравилась та, то есть, которая была. Но эта... в этой есть какая-то... какой-то шарм и в одежде, и даже во внешности. И я все-таки как-то ухожу, хотя какие-то попытки сближения как бы и намечаются, несмотря на

мою, казалось бы, какую-то... ну, и грубоватость, и как бы сказать, не внимание, она немедленно соглашается на любое, как бы... То есть, я чувствую, что она согласна на все, будем так говорить. Откуда этот сон? Дело в том, что у нее была дочь. Она была такая очень тихая, умная и в тоже время, у нее были какие-то физические.... такой или такой... или сгорбленность какая-то такая. И она ходила очень как-то так важно и медленно. И это тоже больше было связано с ее, как говорится, с этим спино... спиномозгом... я забыл как это называется. Короче, и она, вот эта библиотекарь, она была просто... Это идея была, чтобы я с ней встречался и в конце концов поженился бы и это было бы для нее... И такие намеки были. И я безусловно, как бы так вежливо, это все отклонял и воспринимал. И иногда как-то так мог... мы ходили в кино иногда. А так... мы никаких обещаний и даже каких-то таких... Мне просто жалко было ее. И вот этот сон вдруг выразился вот в таком вот варианте, что она, как бы сама, предложила себя. И дочери в этом сне не было и никаких, так сказать, даже и намеков. Но это такой сон был.

***

Дальше мне снился такой сон, что я на каком-то базарчике, мне трудно сказать, где. В Одессе, может быть. ... на или... И я выбираю какую-то еду. Но там, у одного какие-то кислые огурцы или помидоры. И я так смотрю и думаю:

- Где бы я купил, как кроме у одного старичка, такой куркуль, как говорили у нас, “более аккуратный”.

И я начинаю, так сказать, проходить и спрашивать. И он говорит:

- Шесть долларов.

И я говорю:

- Это дороговато. Почему же так? Смотрите, вот там...

А он говорит:

- Хотите, возьмите вот там. А у меня вот столько-то... хорошее...

И я говорю:

- Ну, за пять долларов я возьму.

А он говорит:

- Нет.

И я говорю:

- Ну я тоже буду принципиален, если вы не хотите.

И самое интересное, что я знаю, что мне это не нужно по моей диете. И поэтому я думаю:
- Ну вот и хорошо. Это будет хорошим оправданием.

Ну типажи вот эти, люди, одежда и все – оно было очень ясным, оно было очень живо, хотя ничего мне не напоминало из моей реальной жизни.

***

Потом мне снится, что я попадаю в институтский узкий какой-то двор. Он немножко по-другому как бы... прямо на улице стоят скамейки. Там сидят студенты и отдыхают. И я один и думаю:
- Да, надо все-таки привести в порядок свой... свое, так сказать, статус кво, потому что я, как бы, и не студент, и я не окончил институт.
Старый, старый сон, беспрерывный, никак не уходящий из подсознания. Хотя, я уже так понимаю и так расшифровал его, откуда ноги растут. Поэтому этот самый файт безусловно жуликоват в этом самом деле. Ну, хорошо, познал я, понимаю откуда и что. А как выбить его? Почему он все-таки снится мне на протяжении стольких лет, при том, что я не пациент, я сам, как бы сказать, могу понять и могу расшифровать. Но во всяком случае, я думаю:
- Нет, надо видно все-таки пойти к ректору и с ним поговорить.
Если раньше я думал... Костя был с ним знаком и я мог бы передать привет от него и как раз никаких, так сказать... Кости уже не существует, вот он отдельно. А я сам думаю:
- Сумею, сумею как-то убедить его.
А потом, в тоже время, я не очень как-то настроен и думаю:
- Ну, подожду еще.
И в это время, значит... А там сидят девушки и там на скамейках и студенты. И подходит один парень и прямо... то есть, он начинает мочиться. Потому что он не выдержал и очень долго так ... продолжение этот звук на листья как-то падает. И это так... и мне за него как-то так и стыдно, а в тоже время, я его очень хорошо понимаю, потому что он просто не мог выдержать. И вынужден был такой... это не эксгебенционизм для того того, чтобы так, как сказать, кого-то возбудить. И я так... делаю вид, что не замечаю и он долго еще долго... И я встаю и ухожу. А там на скамейке сидит знакомый студент и я говорю:
- О, с удовольствием...
А тот смотрит и говорит:
- Ну, ты видишь, как мол, - он тоже видит эту картину.
И я говорю:

- Ну вообще-то, мы зря осуждаем. Дело в том, что приходит такое состояние, когда ты не можешь удержаться. И тут вопрос такой: или ты должен это все... в штаны должно пойти, или ты намного, я бы сказал, неэстетичнее, там иногда даже просто и противно и неприятно. А так, ну что ж, природа такова. Листья и оно, как бы так сказать, я думаю, логично.
А он говорит:
- Да нет, что это он, не может добежать куда-то, сдержаться.
Я говорю:
- Ну вот видишь, не мог.
Я говорю:
- Ты понимаешь, что после пятидесяти у каждого мужчины, у каждого мужика начинается такое состояние с простатой и это “На всякого мудреца довольно простоты и простаты” - я ему говорю.
Ну вообщем, вот так. Потом я ему говорю:
- Слушай, а вообще вечера еще тут проходят? Такие с танцами, с выступлениями?
Он говорит:
- Вообще, как-то так не очень.
Я говорю:
- Жалко. Я бы просто выступил и почитал бы из моей книги рассказы.
Но я это так ясно сказал, но он никакой реакции на это не проявил. Но мне так показалось, что было бы неплохо. Вот такой сон еще один.

****

Вчера был у меня Лева. Он грузный, высокий, растолстел. Выглядит хорошо. Читал стихи, которые, конечно, у меня всегда... не то, что смущает, что-то взаимосвязано с поэзией. Особенно после того, как я прочитал, сейчас начитался Пастернака вдоль и поперек. И... а Левы книжка называется стихов “Вдоль по азбуке”, это так, как будто “Вдоль по Питерской”. Но дело не в этом. Самое интересное, что критики... он сразу говорит, что критики никакой не воспринимает – или хорошо, или ничего не надо. Ну, я почти промолчал. Но он заставил меня почитать несколько стихов вслух для того, чтобы он сам слышал. Читал я театрально, но это не спасло абсолютно в моем воображении, в моем восприятии этих стихов. Не спасло ни эти стихи. А кроме того, возникакет всегда одна и та же ситуация, что вот нельзя сказать человеку дружескому, близкому, сказать правду, сказать искренне, сказать, что:
- Слушай! Это не то.

Но можно оказывается и такую дипломатичность выдержать. Не сказать и обойти это. И остается дружба, остается дружбой. Хотя очень много здесь нюансов, конечно, есть. Вот.

24-е июля

24-е, может быть и 25-ое июля. Время теряется. Я хочу записать этот сон, он долго длился и связан с театром. Ну, я прихожу на какую-то большую сцену, похоже на Леси Украинки Дворец и где-то более. И я вижу, там идет мой студент, ученик в прошлом. И у него тоже есть такая студия. И я предлагаю ему:

- Давайте, мы сейчас поставим “Волшебное кресло”. Это очень смешная, очень живая, очень современная штука. И для всех будут очень хорошие и яркие роли.

И я начинаю как бы уже выстраивать так выгородки и говорю:

- Что вот тут мы начнем.

И он говорит:

- Да-да-да.

Но как-то все увиливает и там еще с ним еще какой-то один молодой человек. И они ходят как-то так. И я так и не могу понять - согласен ли он на это или нет. Я понимаю, что тут ревность, что тут есть какое-то чувство, уже желание быть независимым или... Но я понимаю, что они делают, это просто самодеятельность и просто не связанно по-настоящему с хорошим репертуаром, с театром. А Фридиш Карунти вот это “Волшебное кресло” это блестящая пьеса. Вообщем, они как-то так... и я... И все это длится очень долго, длинная, так сказать, из-за того... по действию этот сон.

****

Потом уже я проснулся и вот опять заснул. И снится, что я тоже начал на сцене... И я требую запаковать какие-то большие сундуки и такого типа, я знаю... Каждый спектакль, каждый замысел, который уже был мною сделан, запаковать вот в эти сундуки, сложить их и мы их куда-то должны увезти. И это тоже длится с такой... длительно, с такими беспрерывными перерывами, но все время я как бы держу во сне этот... И вот еще один ящик, и вот еще одна такая... И это все запаковывается. И это как бы спектакль, который я когда-то сделал и думаю еще сделать. Любопытный сон, потому что точно определяет из-за чего это все мне снилось. Вот у меня позавчера был Лева Ленчик, он приехал из Флориды. И он увидел мои афишы спектакля, который я оставил в кинозале. И он говорит вдруг:

- Слушай! Почему ж тебе не поставить с ребятами вот с этими, с “Атриумом”, не поставить какой-то спектакль. Там Алик сейчас все время думает о чем-то, а у тебя столько готовых замыслов и все.
И я говорю:
- Да. Но если бы уже действительно решился и имел бы силы и самое главное еще и желание и страсть и прочее, я бы, конечно, пошел в какой-то американский театр профессиональный, где можно поставить какую-то пьесу, связанную с Россией, с русской темой, с еврейской темой. И тогда я бы мог это сделать уже, как говориться, стоящее было бы дело. А так, опять же, там и атмосфера я знаю...
Он говорит:
- Да, там все время ссорятся, там каждый из них – гений.
Я говорю:
Это случайные все люди. Это не то, что отбор, который не... я себе отбирал актеров бы и мне нужны вот такие. Это те люди, которые когда-то были в театре, спектакле, которые как бы могут импровизировать, но это зафиксированно в какой-то мере. Когда я вспоминаю о Пастернаке, который был... сейчас очень, так сказать, будоражит и на еврейскую тему, которая не меньше меня волнует и интересует.
Об этом я ему и рассказал. И вот оно немедленно откликнулось в этом спектакле. Вот эти ящики, которые как бы в каждом спектакле, это у меня было связано с тем, что я лежал и думал:
- Что у меня есть большой такой складной стол, ящик, как бы такой, чемодан такой.
И вообще я думал сделать его как стол. А потом подумал:
- Что там же очень хорошо было бы хранить и по размеру, и по... то, что там защищать будет, очень дорогие и хорошие афиши.
Ну вот такой вот сон, отразивший все детали разговора и то, что было два года тому назад.

26-ое июля

Сегодня 26-ое, по-моему, июля. Господи! Как быстро время бежит... и ты его наблюдаешь. Это просто град, град у меня, ливень, скорей, ливень снов. Последовательно даже трудно все это восстановить. Первый сон такой. Я нахожусь на какой-то... на каком-то месте, очень живописном, типа парк, похожий на одесский вначале... парк Победы типа. И там очень большое озеро. И оно идет как-то так далеко. И там на этом озере есть островок. И вот я прихожу туда и оказывается, что там какой-то человек типа homeless или какой-то слишком мудрый, какой-то от торы. И он себе, он решил там, ну как бы сказать, или умереть. И он сидит там, абсолютно так обложился и

сидит в такой позе Аленушки. И не ест и никаких, так сказать, попыток уйти оттуда. И вот полицейский тип какой-то на лодке, очевидно плывет туда, чтобы принести ему еду, заставить его уехать обратно. Но заставить его почему-то там видно таких прав нету. Но он дает ему возможность продолжать свою вот такую жизнь. И там есть какой-то киоск. И лежит пакет такой запакованный в прозрачной такой пленке, в котором лежат его брюки и штиблеты. И они продаются, всего за семь долларов. И я подумал:
- Что это надо обязательно купить.
И я покупаю эти брюки. И... а полицеский уже возвратился. И я думал, что сейчас он, не знаю, может заберет его или что. Во-вторых, я думал, что это какой-то бизнес и может быть, каждый день продают новые брюки со штиблетами, немножечко поношенными. Но никто у меня ничего не требует. И я с этими брюками и штиблетами и с какими-то такими туфлями ухожу. Ну мне просто иногда интересно бывает, как бы это сказать, память об этом событии. Направляюсь я из этого парка и попадаю прямо в дом Фиры Евсеевны. И на этот раз они уже видно поменяли квартиру. И она на первом этаже. И я ищу ее звонок, там опять столько же звонков, как и в той старой на седьмом этаже. И я смотрю:
- Где ж тут Разнощикова?
Ну, и мне почему-то, кажется, фамилия Сапожникова. Но я не нахожу этот звонок, но дверь была открыта. И я слышу голос Рахиль Яковлевны, говорящей с Фирой. Оказывается, она только что пришла с работы и я так очень рад, что я ее застал. Ну, там еще какие-то люди, какая-то еще женщина там с ней тоже разговаривает. Она пришла к ним. Она говорит:
- Илюша, вы подождите. Я сейчас освобожусь и я...
В это время, в это время там находится мой очень близкий человек. и это дальше во сне как-то так продолжается, что я с Фирой... Я так и не знаю, какая там ситуация была. Потом я выхожу и встречаюсь с Володей Снежко. Он как будто на машине... он как будто на машине. Он меня подвозит. И я смотрю, у него нету совершенно, вместо... глаз, как два белых бельма. И я думаю:
- Как же он водит машину?
И он так странно... и я так рад, что я его увидел, что он живой. И я так нежно к нему, как-то так его обнимаю. И он... у него... да, от ветра шляпу ветер сносит за забор, где какой-то или стадион строится или чинится. И я так думаю:
- Как же ее достать, шляпу?
Потом я говорю:
- Володя, возьми мою кепку. И я очень буду рад, что она была у тебя.

Правда, я замечаю, что у него были густые волосы когда-то, а сейчас такие вот... уже лысина. И я говорю:
- Ты возьми.
И потом я как-то попадаю из этой... ну из этой поездки, из этой машины его и я перехожу... И Володя уже сидит за рулем трамвая. И там рядом сидит такой полицейский. И он мне... да, и я перехожу линию трамвая в неположенном месте. Они останавливают трамвай и он, полицейский говорит мне:
- С вас штраф пятьдесят центов.
Я говорю:
- Хорошо.
Я вынимаю пятьдесят центов из кармана. И он говорит:
- Вот туда, мол...
И я иду к кассе отдать это. А там касса. А он так говорит:
- Да, лучше бы вы отдали кому-нибудь, какому-нибудь нищему.
Я уже не знаю, я отдал эти пятьдесят центов. И трамвай как бы удаляется.

***

Потом... о господи! Какие еще там были сны, я уже забыл. Там еще была какая-то... целый пласт этих снов всевозможных, не помню уже с кем. Женщины... не знаю, просто удалился сон. Если кто-нибудь когда-нибудь придумает этот аппарат, записывающий сны – это будет полный переворот во всем, что связано с изобразительным вариантом. Никакое кино, никакие съемки ничего не могут... соревноваться со снами. Я просто поразился тому, что происходит в мозгу. Почему именно так? Я могу точно объяснить какие- то вещи, как-то понять, почему снится этот сон сегодня. Тем более, что там какой-то сон, вот я сейчас вот вспомнил, что он немедленно ответил на мои какие-то вопросы. Ну, тут в этом смысле, вот на острове там Аруба, что пропала там девушка и то, что там ищут ее. Полицейские там стали ездить и лодка – это все, конечно, это взаимосвязанно с этим парком где-то в Одессе, где сидит человек на острове. Это безусловно. Я смотрел телевидение там много. Но хотя это абсолютно другая ситуация, другой ход. Но это взаимосвязанно. Володя с бельмами – это для меня совершенная загадка, потому что тут, я не знаю, почему именно он. У него были громадные черные глаза красивые. И вдруг вот такое вот. А без совершенно... Там еще мне снился сон, который...
Я вчера об этом думал и я как-то говорил с Олей и вдруг он преобразился вот в этом.... в это состояние. Конечно, ну если бы я мог и имел силы сейчас возобновить записи, в смысле, привести это в компьютер полностью все сны мои, записи, это было бы редчайшая, конечно, книжка. Я так думаю. И

я все-таки чувствую, что это было бы просто... сумашедший скачок. Но где взять эти силы? Когда я вот сейчас погряз в этой рутине книжной с Домом Книги и дома с книгой. Дома Книги и дома с книгой. Домом с книгами. Но вот здесь есть тоже одна из характерных черт. Замысел, который надо довести до конца. Но все-таки боишься, думаешь, что конца этого ты не увидишь. А что же главнее, а что же важнее? И вот эти мысли все равно, так сказать, роятся в голове. И начинаешь понимать, что нету важнее... и поэтому... Здесь есть просто день, ночь, есть еда, есть чувства, есть какие-то боли, есть радости. И вот это называется жизнь. И ты живешь, пока ты не уйдешь из этой жизни. Так что мудрствовать лукаво, особенно, когда появился внук, с именем Лук... Ничего. Мне, конечно, по нраву...
Ну, я вот начал почитывать старых греков. Лукиана, например. Простота, ясность, никакой, как говорится, заумны. Я вот начал там просматривать книжки некоего Игоря Ларина. И вот такая абракадабра, такая заумь в голове, вот такой... каша такая в голове у него. И он вот шесть книг решил вот написать. И думаешь:
- Господи! Господи! Вот это его время. Вот этот... вот такую страсть и вот этот весь... человеку более талантливому. Но так видно не бывает, так не бывает.
И вот я читаю Лукиана его блестящие такие сценки, они так хорошо ложатся на ультрасовременную драматургию, я бы сказал, как Бог разговаривает то с Гомименом, то с Герой, то со своими, так сказать... И это такая простота и ясность этой каждой штучки. Есть, как бы какой-то... во-первых, ирония по отношению к богам, даже и издевки. И все это... И вот я читаю Гонемеди, которого... которого Бог забрал, превратившись в орла, на Олимп, чтобы он стал, так сказать... Но он, так сказать, тут вот явные голубые мотивы. И он его... самый красивый юноша, который, так сказать, родился на земле, он его забирает туда. А он простодушный, наивный. И начинаешь действительно проникать в такой... с чувством сочувствия к этому мальчику, которого забрали туда, который должен быть Виночерпием. Вспоминается Катулл со своим мальчиком Виночерпием. И в тоже время... но вот эта наивность, простодушность, она трогает. И вот я натолкнулся на Вольтера, на него, простодушного. Но это тоже неплохо, это тоже такой ход приятный. Но уже там, уже там есть, конечно, сарказм, политика, интриги и всякие такие, так сказать, уже добавки, которые по сравнению с простотой и ясностью древнегреческих, оно, конечно, уступает.

27-ое июля

26-ое, а может 27-ое июля. Погода изменилась, стало легко дышать. Был дождь. Из снов... Первый сон традиционный. Я в Одессе, на киностудии. Большой такой зал, даже не зал, а фойе перед залом. А в зале какое-то событие, очень такое торжественное. И я в костюме таком теплом... ну, теплом, хорошем костюме. И жарко, и я снял пиджак. Папа и Сема сидят тоже в зале. Но они сидят совсем в другом... в этом фойе. Я хочу попасть в этот зал и жду своей очереди или вызова, не знаю, что там должно быть. Но все-таки я чувствую, что я здесь, как говорится, незаконный, что я уже... я приехал из Америки. Меня, как будто, и все так приветствуют, но я вне закона. Збандут сидит в зале, тоже в этом фойе. Потом вдруг, я смотрю – такой же, как он, второй Збандут, только более моложавый. И одетый в легкую такую тенниску. Открывает ту дверь и заходит в тот зал большой, где должно быть, как я себе представляю, очень что-то такое торжественное. Все в красных знаменах и... такое прочее и прочее. И я думаю:
- А почему же он не сидит в зале и уже зашел?
И я понимаю, что папа и Сема наблюдают за мной. То есть, я как бы их надежды не оправдываю, потому что я их видно пригласил для того, чтобы показать еще свою популярность. И вдруг оказывается, что я... Никто меня пока не приглашает, и я сижу весь в “белом”. Вот такой сон.
Эти сны, они явно связаны беспрерывно, связаны с какой-то тревогой такой. Тревогой неосуществления, тревогой того, что я оказался вне этой системы.

***

Второй сон был совершенно тоже любопытный и очень даже странный. Я нахожусь в каком-то... Происходит это, как бы на берегу какого-то залива, океана. И это песочная такая, как бы песочная.... песочное пространство. И здесь происходит какой-то эмигрантский... потому что там эмигранты, я вижу там эмигрантских незнакомых... Происходит какой-то праздник, какое-то событие. И привезли туда свои изделия... типа “Каштан” там, “Три сестры” там есть. И я вижу Леву Доллара с его рестораном. И выставлено очень большое количество печений, тортов и всего прочего. Ну, я так прохаживаюсь. Цены очень высокие. И я думаю:
- Дело даже не в ценах. А могу ли я себе позволить поесть...? Оно же видно все из сахара.
И я, так сказать, прохожу. И, конечно, хочется и колется, но... но диабет не велит. И хочется, и колется, но диабет не велит. И я, конечно, так сдерживаюсь и ничего не беру. А потом я прохожу мимо... там еще и Вадик

был и вот эти все продавцы и владельцы магазинов. Но они так приветствуют меня. И я иду в какую-то... на какую-то террасу, а внизу

песочные карьеры, очень красивая такая долина. И я думаю:
- Я посижу так и понаблюдаю.
И в тоже время, чувствую какое-то одиночество. Смотрю, нет ли кого-то из каких-то женщин или каких-то девушек, которые как бы тоже так одиноки, как в моем рассказе “Письмо”. И никто не приближается. И вдруг, и вдруг я вижу Оля и Таня, они в осенних пальто каких-то так появились и очень такие возбужденные, шустрые. И я так обрадовался и кричу:
- Оля! Таня! Я здесь.
И я подумал:
- Вот теперь они себе выберут вкуснятины и это все поедят. Ну, и пускай, пускай девочки радуются и мне тоже будет приятно.
Вот такой вот сон. Но в чем-то, вот эта концовка оказалась какой-то такой радостной для меня.

***

Потом снился совершенно другой... Это уже сон – новелла. Спортивный зал с каким-то... И на нем есть, как бы галерея или так райок, для того, чтобы наблюдать там соревнования. И вот я так сижу там наверху. А внизу, вот с левой стороны этого зала... он как бы длинный, разделен как бы на две части, слева стоят старики пожилые и старухи как бы, чеченцы, одетые в какую-то чеченскую какую-то одежду, одетые в чалмах или в чего-то вот такое вот... И не в лаптях, но что-то в таком... тоже вязаном. И они начинают распеваться для того, чтобы начался этот концерт. С правой стороны тоже хор какой-то, но более моложавый, из молодых людей. И все это должно представлять какую-то свадьбу. И вот эти старики начинают медленно поднимать как-то плавно, очень руки... То есть, это очень так...

****

K05.7i

27-ое июля

27-ое июля. Там шел разговор о том, что я сидел и смотрел, стоял где-то, вернее, в зале. И сверху смотрел на такой народный, может, и самодеятельный такой ансамбль песни и пляски. Но это были чеченцы. Старые люди и женщины, которые были одеты в какую-то такую очень национальную... И в тоже время, для меня странные и новые, похоже на лапти на ногах и такие завязанные такие... вместо... чулки или какие-то такие длинные шерстяные... Но во всяком случае, это пахло Чечней. Но там другая ситуация. Когда вот старики очень плавно стали как-то вытягиваться и подтанцовывать и потом появился хор и музыка. И я стал следить за оркестрантами. И там был молодой как бы... ну, крупным планом виделся мне во сне, как на экране. И вдруг что-то музыка как бы не в лад попала, и он сказал:

- Что вот нота “ля” не получилась.

И так улыбнулся и засмеялся. Вот это мне запомнилось, что нота “ля” не получилась. “Сорвалась” - кажется он сказал. И вот такой сон.

****

Вчера, то есть, сегодня я все запомнил, но я их не успел записать. Теперь я должен их начать восстанавливать. И там, уже я один сон вспомнил. Это сон с Ларисой Удовиченко. Значит, снится мне, что я захожу в... Должен быть такой спектакль сборная окрошка из Москвы приехали подзарабатывать деньги. Ну, как я называю, агитбригада такая в колхоз приехала. Чикаго называется колхоз. И вот она... они приехали. И я, как бы по старой памяти, чего-то согласился... может из-за того, что Лариса там должна быть и чтобы я увиделся с ней, согласился, как устроить этот концерт. И вот первая часть этого сна, что я как бы, ну, сделал это не для того, чтобы заработать деньги, а для того, чтобы получить какое-то такое удовольствие от встречи. И я не очень рьяно этим занимался так, считая, что как будет, так и будет. Но подготовил все, что возможно. И вот я сижу с... ну, с администратором как бы, который отвечает за это и все. И она как-то недовольна, что я мол, не приложил такие большие усилия. И мы сидим... ну, как бы за стойкой какого-то бара и едим оба салат, зеленый салат, из разных зеленых овощей. Я медленно, так сказать, ем, жую и как-то так стараюсь... молчу почти. Что-то там, мол, перебросился словом. А она мне хочет сказать, что:

- Илья, вы знаете, ну все это так, мол...

И я ей говорю:
- Ну, Белла, что? Ну неужели в этом есть смысл жизни всей, что мы должны... Все равно, концерт будет, люди будут. Так что, вы не беспокойтесь.
И она говорит:
- А вообще, вы правы.
И мы так дружелюбно расстаемся.
И я перебрасываюсь во сне в апартаменты к Ларисе Удовиченко. Вначале я вижу такой... такую фотографию – она среди детей. И возле нее, так прислонилась к ней, очень такая симпатичная белесая девчонка такая, лет пяти. И волосы у нее светлые, светлые. У Ларисы, даже когда она пришла ко мне в студию, она тоже была светленькая, но все-таки такая... не настолько, как у этой девочки волосы. И... но она похожа так на маму и очень симпатичная. Это фотография такая... и другие дети какие-то, не ее, а подружки ребенка. И я прихожу в ее номер, а она лежит на кровати и так одетая, лежит вместе с... А ребеночек вот этот, который был на фотографии, прижался к ней и они о чем-то разговаривают. Она когда меня увидела, вначале она даже растерялась:
- Илья Эзравич!
Она подскочила, а ребенок за ней. Она меня ухватила и с таким визгом ребенок ухватил меня за ногу. И так прижался. Вообщем, короче, я как будто отец и дедушка родной. И я говорю... да, она говорит:
- Ох, Илья Эзравич, ну, вы будете в зале, а я сейчас пойду, потому что у нас уже репетиция и я должна букально сейчас выйти.
Я говорю:
- Ну, давай!
И я иду с ней, выхожу из номера и в фойе начинают... собрались эти актеры. И оказывается, они сейчас будут танцевать. И к ней подошел там ее партнер, молодой какой-то парень. И они танцуют, ну, точно как агитбригада, которая сперва... номер будет танцевальный, а потом будет или чтение, а потом будет пение. Вот так. И я подумал:
- Ну вот, вот с такой программой, ради этого, надо было мчаться из Москвы в колхоз имени Чикаго.
В отношении... почему этот сон мне как-то вдруг так... Тут есть взаимосвязь одна, потому что первая часть сна еще до этого, была совсем другая. Была... в Джурине. И я нахожусь в этом самом... Ну, я сейчас вспомнил и поэтому уже не забуду и мне легче тогда будет сейчас прокомментировать этот сон с Ларисой Удовиченко. Интереснейшая такая... ну, метаморфоза в отношении к таланту у меня, так сказать, была. Когда она пришла ко мне, ей было лет шестнадцать. Она была худая, вот так, как щепка такая, высокая, худая.

Груди у нее были очень такие большие такие для девчонки шестнадцати лет. А фигурка была совершенно такая юная. И у нее еще... и зубы были не очень ровные. И она картавила чуть – чуть. Но обаяние было громадное и я это почувствовал с первой секунды. И я, еще когда она почитала мне стихи, такие, они были страшно искренние, но очень... ну, технически неграмотные и все... Но я понял, что это не беда. Главное, что у нее есть такой шарм и обаяние. И когда уже был экзамен, но так, когда уже был экзамен, я рьяно защищал ее, потому что там сидел Тодоровский Петр Ефимович, там сидел Левин, конечно, и другие. И когда они обсуждали ее кандидатуру, они как-то почти все... были и сказали:
- Да, что-то в ней есть, но она явно будет нефотогенична. Вряд ли из нее что-то такое получится.
Я говорю:
- Вы знаете что, я беру на себя, так сказать, ответственность. Ну в крайнем случае, мы ее возьмем, как бы сказать, условно, а потом посмотрим.
Вообщем, они, так сказать:
- Ну смотрите, Илья Эзравич. Если вы считаете, что с ней сумеете работать - работайте.
Уже на третьем... когда начался семестр, который уже через два месяца... ее взяли, ну, будем считать, на главную роль женскую в фильме... Меньшов делал тогда свою первую короткометражку у нас... Жевал иногда у меня на кухне. И он... и я когда меня с ним познакомили и все, я говорю:
- Ты знаешь, вот для...
Они ставили по Катаеву “Ножи”, такой рассказ у него был. Вообщем, катаевский такой, одесский. И я говорю:
- Вот на роль этой девчонки в тире или там что-то где-то, я тебе... У меня есть блестящая кандидатура. Это ты просто... у тебя будет открытие.
И он говорит:
- Ну ладно, покажи.
А снимал фильм... по его сценарию шел, а снимал фильм Саша Павловский. И я говорю... а он играл еще и главную роль, Меньшов Володя. И я ему говорю:
- Что вот посмотри на нее, и ты поймешь, что это то, что надо.
Когда он ее увидел, она сказал:
- Илья, даже не сомневайся. Это просто блеск.
Они сделали пробы и вообщем, все были в восторге. И когда потом... и Левин и все:
- Да, Илья Эзравич, у вас нюх очень... Вы знаете, она прекрасна.
Но на экране. Вот так. И я никогда как-то... у меня не было к ней каких-то,

как бы сказать, эротических чувств или я там мог себе позволить такое что-нибудь. Я в ней видел все-таки девчонку такую еще, ну как говорится, такого гадкого утенка, который точно превратится в лебедя. Но вот такого не было. Она иногда, так сказать, бросалась и на шею и говорила:
- Спасибо.
И я ее в двух спектаклях занял. И когда были аплодисменты, когда были... она была очень счастлива, она очень искренне как-то так... И когда она уже стала актрисой, я стал следить за ее ролями. И с каждым разом как-то больше недовольства вызывала ее игра. Что-то там было не... не было такого... ну, искренности что ли, потеря была, когда она стала... Она потом занималась у Макаровой и Герасимова. И я думаю... не потому что их школа была хуже моей, я не думаю, но что-то было потеряно. Они в ней не раскрыли то, что надо. И она потом пошла из одного фильма в другой... Но она могла все играть. Она играла в разных, так сказать, ситуациях и все. Но не было чего-то... такого блеска, не было, может быть, самого главного, не было такого таланта высокого, высокого таланта. И поэтому я как-то так недоволен был ее актерской судьбой, хотя она стала, кажется, и народной артисткой и сексуальный такой символ и все прочее. Но меня это не грело. Вот это по поводу Ларисы Удовиченко.

***

А потом снился сон такой, что я в Джурине. И значит, должна быть репетиция моей студии. Но сцену, а вернее зал, заняли какие-то другие люди, которые должны будут репетировать там. И они сделали уже даже не выгородки, а уже просто декорации. И они была вынесены прямо в зрительный зал. Я пришел и вижу эту занятую декорациями... Но я просто репетировал и поэтому, мне неважно было там, в каких выгородках и декорациях там... И я говорю:
- Это, вы знаете, для меня не имеет никакого отношения, никакого... Это не имеет для меня значения никакого. Я могу репетировать именно даже и в такой обстановке.
И я там и эти ребята, которые были со мной, я их расставил. И что-то там... началась какая-то репетиция. Но я так наблюдаю и думаю:
- Да, смотри какой зал большой стал.
Когда-то в детстве это ж был очень маленький зал, а тут какая-то глубина есть и есть сцена большая, которая... Но почему-то декорации решил режиссер, вынести или кто-то там организовывал какой-то там... вынести в зал. А где будут зрители, я не удосужился спросить никого. И я так... я и не понял этого. Но и подумал:

- Ну самодеятельность, значит, самодеятельность.
Почему мне вдруг приснился этот сон? Дело в том, что позавчера, даже вчера, именно утром был у меня Лева Ленчик. Еще раз заскочил, был очень рад. Мы, так сказать, подолгу разговаривали. Про сонник, между прочим. Он считает, что это должно быть немедленно сделано, потому что это событие и это действительно переворот, может быть даже, в психоанализе. Я не настолько, как бы говоря, уверен в этом. Хотя мои комментарии к любому сну, это фактически опровержение всего, что делал и говорил Фрейд. Ну что, иногда эротикой даже не пахнет, никакими фаллосами, никакими символами, ничего там нету. И в подсознании ничего не было загнано, я знаю, в плане там сексуальном и прочее. Хотя сексуально в смысле, сны необычайно эротичны. И поэтому... но я не вижу в этом, особенно в моей психологии, какой-то ущербности, загнанасти и болезненности и прочее. Вообщем, этот сон мне снился только потому, что он мне говорит:
- А почему бы тебе все-таки не помочь ребятам в театре. Подключиться, это было бы очень здорово.
Я говорю:
- Фактически – я говорю – если я уже решил бы действительно заняться театром или что-то делать в театре, я должен был бы искать какой-то профессиональный американский театр. И поставить какую-то пьесу... даже Чехова. Но для того, чтобы это было профессионально, и чтобы я получил какую-то радость и даже и получил материальную какую-то... материальное вознаграждение.
Но он говорит:
- Ну может, ты и прав.
И вот мне сразу и приснился, вот так сказать, такой... самодеятельность, какие-то там... Но я их вижу, что они должны там что-то ставить в театре... в этом клубе, а я репетировал со студийцами, будущими актерами, но профессионалами. Актерами, которые... я просто видел их способности и талант. Вот поэтому снился вот такой сон.

***

Что еще? Много читал. Вот прочитал Лукиана древнеримского драматурга. Но я думаю, что это греческий драматург. И он, конечно... блестяще, блестяще написаны эти сцены. И с Зевсом и всякие... Ирония высокая такая и очень большая простота, а ясность без выпендривания и - сразу к делу. Вот в чем, вот в чем прекрасны вот такие вещи. Ну и потом много, много читал Пружанского, старого еврейского выкреста. Очень любопытный

рассказ, но только один монолог хорош, а все остальное там очень такое... повествовательно, но неинтересно с точки зрения, даже рассказа. А монолог русского демократа, антисемита, как бы сказать. Хотя там, он себя не считает там антисемитом, но речь о русском писателе или еврейском, который скрывает свое еврейство и становится русским писателем. И он просто это раздолбал в пух и в прах. Хотя, конечно, это все звериный антисемитизм. Вот. Что еще? Ну вообщем, очень много интересного начитано, прочитано. Сейчас я вместо Жюля Ренара, которого... я почему-то думал, что я хотел увидеть его дневник или там, может быть, полно, чем я когда-то читал, оказывается, что это Жюль Ромен. Но такой же самый Жюль. Но мы его сейчас и просмотрим. Потому что “Трудек” или “Труадек”, спектакль, который ставили, кажется, у Михоэлса и у Мейерхольда, был тогда там популярен. И хочется посмотреть его сейчас, я взял эту пьесу.

30-ое июля

30-ое июля, 30-ое июля. Сны вот такого характера были. Ну, один сон. Я в Одессе один почему-то в... очень... приехал из Америки. Но гол, как сокол, в смысле. Никаких чемоданов, ничего нет. Я выхожу и нахожусь в Аркадии. И иду и хочу... и это под вечер... и хочу снять какую-то... где-то переночевать. И даже не думаю о другом варианте. Но по дороге встречаю женщину, знакомую из Чикаго. И думаю о том, чтобы может быть у нее переночевать. Тем более, что она меня узнала и очень так радостно, даже:
- Что, вы здесь?
А в это время что-то меня отвлекает. И я ее теряю из вида, но вижу, что она куда-то зашла в какой-то дом прямо... И вот я ее теряю из виду и начал... и захожу в какой-то... И я думаю:
- Я найду этот дом.
И я там захожу и там такой палисадник, типичный одесский такой курортный... я имею ввиду такой дачный дом. Но я там ее не вижу, не могу ее найти. И я иду по дороге к морю и думаю:
- А может быть все-таки какая-то гостиница сейчас есть.
И вдруг вспоминаю:
- Подожди, у меня денег же ведь-то нету.
И я начинаю рыться и нахожу двадцать долларов. И думаю:
- Ну, может быть, навряд ли сейчас двадцать долларов... Это же ни для гостиницы, ни для отеля.
И вообщем, я вот так растерян. И нахожусь в городе, который я, как говорится, знал, как свои пять пальцев и завоевал, и был, и мог

переночевать в тысячах местах. Вот такой вот сон.

***

Потом, конечно, было еще много вокруг. Но потом мне снится, что я попадаю в такой, как бы переплет. Попадаю в плане этом, что я на каком-то лугу. И что-то какая-то получилась неувязица у меня с Фальчиком. Я ему как бы, не знаю, может быть чем-то обидел, дал ему тумака. А у него... а он с коровой. Это такой... молодая, совсем молодая корова. Но рожки у нее такие есть бычьи, хотя это была корова. Он ее держал как бы, наверное, на привязи, на веревке. И я.... и когда она меня увидела... или этот бычок, он стал резко идти на меня. И я, я убежал в густую – густую траву, но он так мчался. И для меня эта трава была, как бы нипочем. Я стал вилять, я стал в одну сторону, в другую. И потом... я как-то действительно сумел как бы замести следы. И мне показалось, что я... я там спрятался как-то так. И она... и он промчался этот бычок так... или коровка, промчалась мимо. И я думаю:
- Ну, вот и пронесло.
А вся ситуация вот в чем – вчера мы смотрели иранский фильм называется “Корова”. Это Эрик нам дал посмотреть. Я считаю, что это очень хороший фильм. В чем-то действительно... там есть настроение, там есть сюжет очень такой примитивный немножечко даже и сказочный, и восточный. Но деревня вот эта иранская... Мужчины, которые бездельничают, которые сидят пьют чай, только и курят, и болтают, и больше никто ничего не делает. И вот это один чеовек, пацан, у которого есть корова... Ну, он влюбленно ее пасет, он ее бережет, он ее холит и гладит, и целует даже. И вот это единственное у него как бы, большое чувство и занятие. И там по-моему женщина у него в доме, дети, я знаю. Но правда, там именно такой сюжет, что вот эта корова единственный источник их пропитания, молоко. Нет, этого вообще, этого всего в фильме нету. Здесь только какое-то такое обожествление этой коровы. И кроме этой коровы, в этом... в этом... как его... селении ничего нет, других коров нет. Но вообщем, какой-то такой придуманный, может быть, мирок. И фильм имеет такие фольклорные такие детали. И как будто бы настроение этой деревни ты познаешь. И какие-то мифические три тени, как бы сказать, как бы враги, которые все время их, так сказать, тревожат. Какие-то холувины, какие-то белуины, которые никаких... Но они ничего так и не делают, чтобы их, так сказать, прогнать их. Но во всяком случае, такой вот... тоже есть, что это их внешние враги. И вот в этом... актер... И вот он уходит там на один день этот Хасан, уходит там в город. И утром жена застает корову мертвой. Ну и все боятся:
- Как же ему рассказать? Как бы это сказать? Как бы это сделать?

Короче, мысль такая, что вся деревня решила промолчать, скрыть это. И выкопали большую яму, закопали туда эту корову, засыпали землей и договорились, чтобы никто, кроме одного там полусумашедшего, который такой дурачок... Его заперли для того, чтобы он, когда придет Хасан, чтобы ему не рассказали. Пусть только жена, если она хочет, может расскажет, что его корова убежала, не погибла, а убежала. И вообщем, когда он приходит, вся деревня встречает его. Но в этом смысле, в этом фильме есть, конечно, такой, как говорится, завязка и интерес, хотя много примитивного, много примитивного. И в данном случае... короче, он там... он не может поверить, что корова его сбежала. И он постепенно сходит с ума и превращается так в... ментально в эту корову и зовет и Хасана, чтобы ее пасти. Но там, короче, все вокруг него... Его начинают там... какой-то травой и водой окроплять, чтобы его спасти, чтобы вернуть его в настоящее обличие. Ничего не получается. Они решили его... и он стал буйствовать, они его завязали. И они решили его отвезти там... несколько человек отвезти его в больницу. И вот его завязали и по дороге тащат его на веревках. Но он уходит, идет как бы за ними, а руки полностью завязаны. И они идут по длинной степи такой... И в это время разразился страшный ливень. А потом он вдруг остановился и не хочет никак идти. Они обозлились, потому что очень грязно и ливень сечет и все. И они стали его сечь веревками, такими кусками, которые там... с таким ожесточением, что они просто вдруг остановились. Это очень похоже на фильм кого-то из поляков, где поезд идет и там вдруг кто-то что-то украл и убежал, как говорится. Поезд остановился и они бегут за этим человеком, как бы, не знаю, что, почему? Но все бегут и наконец, они его забивают камнями и палками, кулаками. А потом все тоже остановились и подумали:
- Что же это такое? А кто? А почему? А что он сделал?
Никто ничего не знает. Просто такой... ожесточение, которое... И они все в пижамах. Это очень сильный был эпизод. А здесь такая же маленькая... в маленьком таком варианте, но очень похоже, такой же было... вдруг они остановились и подумали:
- Чего они его бьют? И за что? И почему?
Вообщем, они его дотащили... и да, и он упал и фактически умер. Вот об этом этот фильм. И вот этот... вот эта коровка... Хотя в моем сне, эта коровка была, как бы сказать, защитницей этого мальчика, обозленная. А в том сне она была очень такая смирная, хорошая корова. Мне, конечно... ассоциация еще была и другая. .... это имеется в виду “Заколдованный портной” у Шолом-Алейхема. Вот та история, она более литературно законченная, она вся... Это блестящий ход. Как тоже, из просто желания,

как говорится, посмеяться, надсмеяться. Родственник сводит с ума своего там близкого тоже, человека, портного, который идет покупать там в одно местечко, покупать козу. У него много детей и ему надо что-то было молоко, иначе он не может их прокормить. И он останавливается на ночь у этого своего родственника. Он мясник. И он сидит и пьет вино и говорит:
- Ну, останься ночевать. Что ты будешь... сейчас ночь, ехать туда.
Тот там переночевал. А утром он ему подставил вместо козы козла. И тот пришел домой с козлом и говорит:
- Вот видишь, какая у нас прекрасная коза теперь будет.
Ну и он стал доить ее за этот самый... за пенис. А молоко не идет. И жена, конечно, и все разглядели:
- Что же тебе подсунули?
И он пошел... и это повторяется несколько раз. И в конце концов, он просто сходит с ума. И бродит по этому местечку с этим козлом. Это очень сильная штука, что я даже и подумал:
- И в кино это можно блестяще поставить.
И это... и она символическая и все. Вот такой вот сон, вызвавший вот такие вот ассоциации и вот такие мысли.
Почему Эрику понравился этот фильм? Здесь какая-то... какой-то, я бы сказал, такой протест левтистский, университетский бывший, такой заряд, что арабы не виноваты во всех этих... а виноваты обстоятельства, может быть, даже в чем-то и евреи. Я думаю, что такое присутствовало у них, студентов, когда они были студентами. И поэтому этот фильм мог ему понравиться именно с... может быть, даже и точки зрения, что все достойны уважения и вот такого плана. А в данном случае, я не считаю, что это бездарный фильм, ни в коем случае. Его подняли на щит и все прочее. И для иранской, может быть, кинематографии, это вообще, шедевр. Но для мировой... Но очень театрален. Он мне напомнил вдруг спектакль Жен Арье “Городок”. Очень напомнил, потому что фактически там вот так выстроен этот... вот так выстроен этот фильм, как бы в одной декорации, которая беспрерывна, под разным фокусом кинокамеры, меняется, но фактически она одна и та же. И одни и те же люди и все. То есть, здесь создается настроение, состояние, психология, она здесь есть. Поэтому в этом смысле, этот фильм, конечно, достойный был видно такого приема у зрителя. Я имею ввиду, конечно, такого эстетского.

31-ое июля

31-ое июля. Вообще, записывать надо сразу, потому что потом все рассеивается, хотя что-то остается, но не в такой свежести, не в таком... не в

такой ясности. В данном случае, сон был такой. Он очень любопытен и имеет не менее интересные...
С другой стороны записал. Значит, снится такой сон. Я нахожусь в Одессе, в каком-то зале, где происходит такое представление. Он немножко похож этот зал... странный такой, то есть, на Летний театр, который где-то... с фойе. И я присутствую вот на этом выступлении театра оперетты. И ведет этот спектакль, эту премьеру, этот спектакль, как бы ведет мой ученик Юрочка Неугомонный. Но я недоволен, как он ведет эту... этот спектакль. И я думаю о том:
- Что надо было как-то это изменить.
И вдруг приходит решение, что это должен был бы сделать даже я сам, чтобы я вот вел эту... Это ответственно и требуется какой-то другой подход, опыт и даже внешние данные. И... но это идет... как репетиция такая. И я там... пока не говорю об этом этому Юре, но так, как бы задумал это.
Потом сон где-то прерывается и воззобновляется он уже тогда, когда я в этой роли выхожу и объясняю, что:
- Вы знаете, тут должна быть легкость, должна быть... какой-то шарм иной.
Юра напряжен. Потом он... я просто придумал, что вот это ж ведь театр Эшли. Так я... ну, какой-то Эшли. Кто такой, что? Не знаю. Но коль это театр Эшли, надо его представить как-то. Может быть, даже с юмором. И говорю:
- И если Эшли...
Или там даже не Эшли... то есть, он рифмуется очень хорошо с “если”. И что ж там могло быть? Ну и Весли, театр Весли пускай будет. И я думаю:

И коль театр есть в Одессе Весли
Если Весли...

Так, там надо что-то... вообщем, короче такая ахинея, которая недостойна, может быть, большого такого почитания. Короче, но я действительно делаю это как-то так легко и непринужденно. И чувствуется, что... И таким образом, я как бы утверждаю тот замысел, который был в самом начале для меня. Но в чем тут дело? Этот сон может быть и не играл бы такой роли и, как я себе представлял. Но в данном случае, есть интересная причина. Действительно, был спектакль “Король бала” или как-то там, о короле оперетты, Водяном. Они привозили его в Одессу и Юра играл вот этого ведущего. Был в смокинге, в белом смокинге и в белых туфлях начищенных. Но это так было, как корове седло. Он не был уверен в этом. В нем не было не то, что от аристократа ничего, но в нем не было даже вот такой уверенной... уверенного артистизма. Хотя он тянет, он тянул это все. Но я был как его... действительно, учитель, был недоволен. И оно засело у

меня где-то в голове. Я тогда абсолютно не думал о том, что я бы хотел бы, например, вести такой, не знаю там, капустник о Водяном. Ни в коем случае, у меня этой мысли не было. Где-то в подсознании что-то где-то залезло, что, конечно, я бы может быть, это бы сделал проще, легче и с таким шармом. Вот это вот такой сон, который, конечно, имеет любопытные объяснения, комментарий мой, что как возникает вот такая ситуация, как возникает такой сон? Это очень подтверждает такую мою мысль, что каждый, каждая эта ситуация со сном, это предвестник, это следствие прожитого дня.

1-ое августа

1-ое августа. Обилие снов. 1-ое августа. Обилие снов – это строка для стихотворения. Во первых строках моего сна могу сообщить... Снится какой-то загородный дом, типа дача. И я как будто снимаю там комнату. А хозяин там... родитель. И Эрик там тоже живет, но он как будто его сын, а просто сын или внук хозяина. И очень привередливый, имеет большие цурес. И снится какая-то еда, которую я хотел бы поесть, но мне это по макробиотеке, нельзя. Обидьная какая-то, жирная, может даже, и вкусная. Но я сдерживаюсь, я все-таки это не ем. Там очень много было таких перепитий. И это как-то было и тревожно и в тоже время, какой-то садик с его разными дорожками и цветами. И я должен быть очень осторожным там и ходить. Потом это все вдруг вырисовывается в какой-то... в какую-то party, очень такой... со многими гостями и знакомыми по эмиграции, лицам. И я как-то чувствую себя не в своей тарелке.

****

Потом снится какой-то... должен быть вечер творческий, где я делаю главную какую-то такую... связанную с Одессой, с Багрицким. И я делаю такую как бы... гость вечера, который это должен представить. И идет речь об одежде, о костюме, о ботинках, которые я не могу себе подобрать. И вообщем, и в тоже время, я еще должен читать и стихи Багрицкого и все. И я почему-то тяну время и вот – вот уже надо идти. А у меня еще все это не готово. И я не имею под рукой книжек. И я начинаю вспоминать стихи. И как будто вспоминается и я думаю:
- Ну, это ничего, это я вытяну, тем более я смогу рассказать многое насколько это нужно. Ну, полчаса, сорок пять минут.
И представляются какие-то лица, которые будут там сидеть и смотреть. И все-таки есть какая-то тревога, что я не готов к этому, не готов.

***

Потом, потом все это перебрасывается между этим и... забыл еще, что у Мишки, Олиного брата, ему или подарили, есть какая-то... типа яхта такая. Она плоскодонка какая-то, то ли там нету парусов. Но управляется она очень легко. И он мне показывает, что если вот так туда вставить такой какой-то... ну, специальный такой... в выемку вставить руль, не руль, а как... держишься, когда стрижешь траву, за такую ручку... Туда вставляешь и он как бы включается в этот... в как его... включается в электричество. И он показывает это мне. И мы вместе на этой лодке мчимся в море, мчимся вдоль берега. И все... и самое интересное, что этот сон как бы связан с трактором, который мы приобрели. И он тоже, он нажимается вот на эту гашетку, как можно сказать, или... И включается как бы... и можешь, можно двигать его вперед. И я на днях подумал:
- Что надо его опробировать и попробовать, как это будет работать. И вот... это у меня выработалось, выявилось или, как бы сказать, во сне вот в эту яхту, в эту плоскодонку, которая работает на таком же принципе.

***

Сны были беспрерывные и еще намного больше, чем я сейчас запомнил. Но там, как бы в темном таком все, в темном каком-то виде. Интересно еще раз все-таки, что я так думаю, что сон, который происходит как бы... как бы все-таки в темноте, не имеет светлых тонов, не имеет ясности такой. Хотя это солнечный день и все. Но потом, когда ты начинаешь вспоминать все, ты видишь его как бы в какой-то такой темной вуали или через темную вуаль. Но это, может быть, и не всегда. Я не могу утверждать это.

2-ое августа

2-ое августа. Два сна каких-то очень прозрачных. Снится, что я в Джурине. И у нас в домике в этом собралось большое количество эмигрантов. Настолько большое, что я уже не представляю, как во сне это все разместилось там. Но видно как-то получается, что там как-то увеличилось пространство. И вот в большой комнате, если ее можно назвать большой, сидят... какая-то одна группа, которая как бы, я не знаю, это другой у них party, другой план как бы. А в маленькой спаленке, которая была, ну может быть, три метра на четыре максимум... Да нет, даже меньше, я не думаю, что... Она была видно два с половиной на три с половиной, на три. Да, скорей всего на три. Вот в этой маленькой спаленке разместилось большое количество. И она как-то стала больше... большое количество людей и большинство это мужчины. И там собираются... и там оказывается будет

какая-то очень... Да, и я.... я так очень... очень гостеприимно мечусь между двумя этими, чтобы их разместить. Потом я обнаруживаю, что я фактически даже еще и не одет по-настоящему. Я... на мне какая-то длинная рубашка или что-то такое вот, без брюк. Но это я как-то не замечал даже. Заметил я это потом. Это, в этом случае, я сейчас к нему подойду. И я... и я собираюсь сделать вот такой вечер и почитать им мои рассказы просто. И я не очень уверен, что со мной книжки есть. Но я это собираюсь сделать. И вот я захожу туда, уже в эту комнатку. И оказывается они... у них совсем другой план, они должны были какой-то... какие-то дебаты по поводу эмиграции, по поводу... не знаю, чего даже. Но это очень какая-то группа с религиозным даже каким-то уклоном. И я понял, что я там, как бы лишний. Или я им ненужный и мне лучше пойти к этой группе, которая ждет в другой этой комнате. И они как-то там еще не определились. Но о чем они и что они... И я иду и думаю:
- Я пойду в кухоньку и я оденусь.
И в это время туда за мной прямо идет необычайно... какая-то женщина закрывает эту кухонную дверку. Очень высокая, стройная и вообще, какая-то такая дородная и красивая. Лицо такое... я вчера смотрел фильм с Кидман и говорю:
- Ну вот, ее достоинство - это удлиненное лицо.
У этой женщины во сне тоже какое-то такое лицо и удлиненное и в тоже время, очень, я бы сказал, породистое, вот такое. И в тоже время, необычайно мягкое. И она прижалась ко мне и абсолютно не стесняясь, не отпуская меня... И вот в это время я понял и подумал:
- Почему я без... без... Зачем я без нижних... без нижних портков.
И она так держит мои руки и так нежно – нежно меня гладит по рукам и по спине. И как бы такое... Я просто млею и думаю:
- Но сейчас просто обязательно кто-то должен будет зайти и увидеть нас.
Но меня это не останавливает, меня... Но ласки продолжаются пока я не проснулся. Это один сон.

***

Второй сон. Я нахожусь в какой-то квартире городской. Я даже не знаю, или это наша квартира или я как-то там... Но похоже, что как будто и наша. Я... ко мне приходит тоже какая-то, незнакомая мне, женщина. Она очень такая... это не та, что была в Джурине, а совсем другая. И она приходит и начинает так хозяйничать. И снимает... и она снимает халатик какой-то или платьице и остается в таких, как бы трусах. Я их очень запомнил. И повторяется та же история ласк и обожаний. Но по-моему, Сема находится

в этом же доме. И я совершенно так обескуражен, потому что... И потом я лежу, лег на кровать или что-то... на какую-то лежанку. И вспомнил, что мама... или для того, чтобы оставить нас двоих, поехала на работу. Она оказывается работает в американской... Это все в Америке происходит... в какой-то столовой, которая находится в таком, как бы сказать, столовая, которая находится... ну, в подземелье. Ну, не в подземелье, а имеется в виду, типа в basement, внизу где-то. А это похоже на институтскую столовую, где... как у нас там была. И вот она туда ушла и я беспокоюсь, что ее долго нет. В тоже время, там как-то так все смещается во сне. И я думаю:
- Надо было бы все-таки или подъехать за ней или позвонить.
Я набираю телефон этой столовой. И девушка подходит, американка, и я ей говорю:
- Миссис... мисс... I need my mom.
И она спрашивает:
- Как ее зовут?
Я говорю:
- Olga, I'm sorry, Rahil, Rachel, Rachel Rudyk.
А она читает на... по телефону видит, что Rudyk.
Я ей говорю:
- Same spelling.
И она идет ее звать к телефону. И в это время, когда я опять... просыпаюсь. Это совсем, конечно, ну такое фантастическое... ситуация. Мне никогда не снилась мама, которая как бы сказать, присутствует в Америке. Тем более, что она пошла туда, еще и работает. Но это мне снится, что я все-таки все время связываю Олю с мамой. И поэтому Olga... я даже сразу не мог сказать имя мамы. Вот. Вот такие сны. Если прокомментировать, значит, все-таки вот этот... эмигранская party, в которых я почти уже не участвую давно, где-то они все-таки так... Я иногда думаю так:
- Что может быть не стоит так удаляться... так. И вообще, может быть стоит возобновить какие-то такие контакты.
А с другой стороны подумал:
- Это ничего нового и хорошего в конце концов, тоже не даст. Это только, так сказать, если ты чувствуешь, что ты одинокий и что ты хочешь какого-то общества. Но его как бы и нету.
Поэтому я эти мысли от себя отгоняю, но вот во сне, оно где-то так выявилось. Потому что мне уже несколько снов подряд снится об этом. Я просто иногда об этом подумал, что:

- Быть одиноким или быть вместе, можно больше, чем чувствовать себя общественным и в обществе, чем быть в громадном обществе и абсолютно быть равнодушным.
Скорей всего отсюда, идут вот эти сны, где все-таки снятся какие-то party, где я должен выступить и где, в конце концов, я им и не нужен там с этими выступлениями. И все, вот такая, скорей всего, ситуация. Женщина, которая меня, так сказать, или привлекает или сами, как бы сами, не я к ним... Этот сон тоже, может быть... немедленно отразилось. Позавчера заходила девушка из Литвы. Она не блещет красотой, но крепкая такая, здоровая. Но и не уродливая совсем. И когда я с ней разговорился, и когда я ей подписал книжку, нашел какие-то очень точные слова, и еще нашел и стихи поэтов литовских, которых она знает и все. И она искала их. И я ей рассказал, что я был в Каунасе. Она расцвела. И когда я ей подарил, я ей надписал мою книжку и дал ее, она схватилась, бросилась на шею и говорит:
- Можно я вас поцелую?
И так обняла меня. И Оля сидела рядом, но это, так сказать, было естественно. А вот дальше она сказала, что у нее муж... у него сколеоз или что-то такое вот... У него шея болит. И что-то такое она сказала и Оля ей говорит:
- Ну вообщем, мол, Илья Эзравич очень всегда одаряет. И люди уходят и как-то становится им легче и лучше.
А она говорит:
- Я бы его с собой взяла на сколько угодно.
Ну вот, может быть отсюда, родилась вот эта, как говорится... А потом когда пришел ее муж... Она позвала, чтобы я ей сказал, чтобы она не таскала эти книжки (она много книг набрала). Она позвонила ему там по cell phone... с сыном. Я подумал, что... и увидев его, я подумал:
- Да, конечно, она могла меня захотеть забрать такого веселого и жизнерадостного человека, как она себе представила во мне.

3-е августа
Сегодня уже 2-ое, нет, 3-е уже 3-е августа. Сумашедшее время быстро пролетает. Значит, 3-е августа, что мне снилось? Сон был настолько уникальный, что мне жалко, что я его сразу не записал. Я сначала хотел, а потом замотался и не записал. Мне снится, что я стою на каком-то мостике и море, и громадное пространство. И оно все заполнено людьми. И это наши знакомые, эмигранты там барахтаются, но не тонут, а просто ждут какого-то... Или кто-то должен подъехать. И это не купаются они, а просто или после катастрофы или каким-то образом они оказались в воде. И среди

них кто-то из наших даже и близких. И я не могу сейчас вспомнить, что там была за ситуация. А я на берегу это все вижу. Там так чуть ли не Титаник, но с другой стороны, там нету вот такого ощущения, что они должны утонуть, а ждут какого-то... что кто-то должен приехать и забрать их. Или каким-то образом они должны выйти на берег. Потом что-то каких-то около ста человек, которые заплыли в другую, через мост, там как бы залив другой, там оказались еще и вот эти люди. И я мечусь и смотрю с той стороны и с этой. И я не знаю, чем я могу быть полезен. Но что-то, я здесь как бы все-таки присутствую для чего-то. Вот такой вот... И все это так, как я говорю, явственно. И вот эти... большое количество людей и я как бы и лица вижу. Все это было. Вот такой вот сон. Чего вдруг? Почему это вдруг? Это мне пока непонятно.

4-ое августа

Сны ... Сегодня 4-ое видно августа. Ну что? Два сна. Первый сон, что я иду возле киностудии или я туда подхожу. И кто-то выходит навстречу... Или Костроменко:

- О, Рудяк! Какая радость? – или что-то такое вот.

Я тоже рад, но он уходит... как бы выходит и уходит. И я уже хотел спросить его, чтобы он провел меня как бы. Что-то опять старая история. И вот... но он говорит:

- Проводите меня немножко.

И я с ним так пошел. И в это время... ну он перешел... Я говорю:

- Ну, мне нужно там...

И он говорит:

- Ну, хорошо.

И в это время появляется Саша Черный с какими-то как бы... на повозочке что-то везет целую там... с картиной видно. А сверху какие-то ящики. И мы идем уже близко к Отраде уже подошли. Это несколько раз повторяется эта ситуация, что я его возле Отрады как бы встречаю... Ну это... и он... падает один ящик и разваливается. И там это самое... и там такие фильмы, фильмики для диапозитива... Диапозитив или как он назывался такой, когда смотрели дети фильмы небольшие. У меня их сейчас тоже полно из советских. И вот он... и это один и тот же фильмик у него распространен в сотни экземпляров. И на коробочке, на этих круглых... написано “Финал” или что-то другой какой-то фильм. И я говорю:

- О, вы уже к финалу идете – с юмором.

Но он так, как-то так отчужденно. И на этом кончается.

Здесь картина ясна для меня. Связано это с этим... с Костроменко. Это

последний раз, когда я был в Одессе... это почти такая ситуация случилась. Он очень был рад, что я с ним... Мы прошлись и поговорили. И он рассказывал очень много интересных историй. А вот с Сашей... Да, и я подумал:
- Что вот он готовится к Израилю, видно к отъезду готовится. И использует все возможности на киностудии. Себе напечатал вот эти фильмики и прочее и прочее.
То есть, это очень в его характере было. И особенно, учитывая всю ситуацию, которая с ним сложилась. Я когда-то об этом рассказывал, но это мне напомнит, если понадобиться комментарий к этому... к этой ситуации. Вторая часть сна была связана с японскими фильмами какими-то. Я их... мне очень как-то жаль, что я сразу не записал, потому что я сейчас сразу не могу вспомнить, как же там получилось. А получилось там, что я весь в этих фильмах. То есть, у меня там очень большое количество японских фильмов и особенно Куросавы. Ну тут понятно откуда сон и почему. Вчера я смотрел “Расямон”, “Ворота Расямон” любимейший мой фильм. Но я его давно смотрел, еще в Одессе, когда привозили там, показывали для нас, кинематографистов. И я, конечно, тогда был в восторге. И когда сейчас, когда уже прошло много лет, хороших тридцать пять лет и я, конечно, конечно, я совсем по-другому воспринял фильм. Это гениальный фильм, то есть, если бы он сделал вот этот один фильм, больше ничего и не надо было. Это такое чистое произведение кино, которое даже трудно сопоставить психологически. И красочно операторски, и режиссерски, актерски. Это совершенно все, все совершенно. Притом, что чужая, так сказать, фауна, чужие страсти, казалось бы, но они общечеловечны и поэтому фильм сделан просто блестяще. И я был в восторге, и я был, и смотрел, и восторгался каждым поворотом, каждым ходом, который я как бы и знал, но я не предполагал, насколько это все здорово. Вот отсюда и появился вот этот фильм про Куросаву. Насчет Киры Муратовой, я действительно хорошо подумал, что вот первая часть, в ней сидит Кирасава. Но с другой стороны, такого фильма, такого совершенного фильма... Хотя у ней первый фильм там “Долгие проводы” может быть это... во всяком случае, это один из ее самых лучших фильмов. Все остальное, это уже “от лукавого”. А вот здесь все совершенно, все.

5-ое августа
5-ое августа. Снится, что

****

K05.8

5-ое августа

5-ое августа 2005 года. Снится – приехала из Таллинна, как получается сюда, Марина. И она как бы... я, она, Оля. Я что-то делаю... большой какой-то performance, связанный с балетом, со всякими большими какими-то формами театрального такого представления. И полно – полно актрис, актеров и все они так окружают меня и все... И с одной стороны, мне приятно, что меня видят, в такой, как бы сказать, роли. С другой стороны, я чувствую какое-то ревностное... ощущаю... отношение. Потом это все очень перемежается с какими-то такими эротичными какими-то такими видениями или, как бы сказать, скорее прикосновениями или, может быть даже, просто и придуманными ситуациями. Во всяком случае, это так как-то... С одной стороны, как бы не уделяя внимания, а с другой, все вместе мы, как бы сказать, ну, варимся в этой обстановке.

Потом вдруг я попадаю в библиотеку институтскую. Но там или какой-то ремонт или какая-то закончилась сессия и или что-то вообщем как-то так... Все книжки в этих больших аудиториях, они как бы и разбросаны и бесхозяйственны. И я начинаю... и думаю:

- А вот стоит что-то все-таки отобрать, чтобы не пропало потом.

И я начинаю заходить в одну аудиторию... Правда, там еще какие-то приемные экзамены или там вообще, экзамен. Какие-то пару человек сидят. Во второй большой аудитории, там какие-то завалы завалены, но это все типа “История КПСС”. И я что-то так думаю:

- Нет, хватит. Это меня не интересует.

И я так думаю:

- Может быть какие-то совсем старые, антикварные книжки, дореволюционные.

Но пока я их не нашел. И я прохожу дальше. И смотрю, стоит наша группа, одни девки.

- О! – я так обрадовался.

Там... как ее... забываю все-таки, она мне чаще всего снится. Хотя опять, мы с ней играли в одной... в одном спектакле там, типа влюбленных. Но я к ней... Я не был влюблен, хотя в ней что-то было... Такая... такое что-то было, как всегда. Мне в группе фактически никто не нравился. Я... Тимошенко, не Тимошенко... это как-то... Я вспомню ее фамилию. И вот я это самое... обнял ее и говорю:

- О, боже! Сколько лет? Или это вы приехали после каникул.

Я говорю:

- А какой экзамен это у нас? Но нет, это не экзамен. А когда будет экзамен? Ну, они мне что-то там говорят:

- Илья даже не знает, когда у нас экзамен.
Я говорю:
- Какой экзамен? По какому предмету?
Тоже не знают. Совсем вот это... Вот, мол, какой я студент.
Ну, потом вдруг этот сон тоже прерывается.

***

Потом я нахожусь, попадаю в удивительную красивую страну. Это совершенно уникально. Я попадаю на Балтийское море, в Таллинн, за Таллинн там. И вот я иду по лазурному, если так говорят, берегу. И значит, высятся надо мной, высятся два громадных коттеджа таких. И от солнца они загорожены такой национальной как бы... громадными полотнищами, чтобы солнце не забивало на балконе... на двух балконах, как бы две такие... И я заглядываю туда и вижу чисто такой совершенно другой стиль. И они от этого как-то так придуманно, чтобы скрыть... чтобы солнце не палило в комнату. И поразительно другое, что я тут же думаю:
- Что неплохо было бы такое взять и в Чикаго к нам туда в дом, для того чтобы это...
Потом я иду и смотрю там дети, пацанва бегает. И они... и там, значит, песок... ну, белый, белее, не знаю чего. А дальше чуть – чуть просто розоватый такой песок, розовый и даже золотистый песок. И там дети в нем. А пацанва такая некоторая... я слышу – бах! Разбитая бутылка. И жалко... Я думаю:
- Что ж это, прямо об скалу.
Да, и там две громадные скалы и море так начинает уже... я вижу море, волны. А слева длинный такой фиорд или... я не знаю что это такое. Скалы с двух сторон, а оттуда медленно протекает такая как бы речка, по которой входит в море... ну, ручей, скорее. И я босой. И я снял там... не знаю. И я... да, и смотрю, что там оказывается на мне этот самый... ну как его, халат. Я думаю:
- О, я смогу... я смогу искупаться в трусах, потом я их прокручу, а одену халат и буду опять в халате.
Вообщем, такой вот... А с другой стороны, надо было бы сейчас как бы узнать и позвонить Марининой маме. И узнать, где они тут живут. И может быть я смогу туда поехать, а Оля с Мариной приедут прямо сюда. Или как бы найти Маринин телефон. Я не знаю, есть ли у нее cell phone. Короче, вот такая вот идея, как есть. И я думаю:

- Ну, я пойду, искупаюсь.
И я залезаю в воду, в смысле, иду это этому ручью сперва. Теплый – теплый ручей, просто душа радуется и тело счастливо. И я вот так собираюсь таким образом пойти искупаться. Но это тоже не свершилось, потому что я проснулся. Вообщем, это так, конечно, все эти детали очень любопытно, с точки зрения... Ну, я сейчас складываю книжки. Ну, первый сон – приезд Марины – он часто как-то так... Потому что Лида все время как-то при наших разговорах, говорит, что она очень хочет ее пригласить. Она уже высылала ей разные приглашения. И она была бы очень рада, если бы она приехала в Америку. И я говорю:
- Мы тоже с Олей бы смогли бы ее принять и все это...
Так что это было было совсем неплохо. Но вот этот момент, что она как бы приезжает и чувствует себя здесь как бы одиноко и не к месту, все время во сне где-то окладывается. Ну, и в этом есть какая-то и доля правды. Дальше... библиотеки эти... я собираюсь сейчас... мы с Олей там почти полностью переписали античную литературу, антикварную в смысле и все... И, конечно, вот это сидит в голове беспрерывно и антикварная литература и просто литература. И там еще снилось в этом же сне, что там я решил сложить украинскую литературу, которую... антикварную, времен войны, сложить не друг на дружку, а так, чтобы можно было прочесть. И я его так, как бы складывал, а потом это перешло в библиотеку в институт. Дальше, дальше.... а вот детали, которые точно я могу объяснить, это в отношении этого моря. Я вчера еще говорил:
- Что единственный смысл вот сейчас, это было бы уехать к морю, а не быть в этом ужасном...
Меня город тяготит, тяготит даже машина, проезды один раз в неделю или два раза в неделю... меня это тяготит, мне это неприятно, я чувствую усталость от этого. А машины, этот гул, этот шум, меня просто добивает в плане того, что надо было бы немедленно уехать в лес, к озеру, к... А вот так судьба сложилась. И притом, что все это решали мы сами, ну, что мы еще сами так закопались в этом городе. Отсюда у меня вот эта вот тяга к морю, тяга к природе, к тому, чтобы жить и заканчивать жизнь где-то на природе. Это вот. Потом тоже деталь вот этой... вот этих полотнищ, потому что у нас просто солнце палит. И я вот об этом думал. Он возник с рисунком, главное с рисунком таким эстонского... Эстонская девушка там держит во рту такой цветочек, такой шесть лепестков, лепестковый... или сколько там. И вот это вышитые такие два полотнища прикрывали балконы для того, чтобы солнце не палило.

Что еще? Да, еще вчера мы ехали покупать для Лука, нашего внука подарочек и там на колясочку такую... там был... погремушку. И я цветок такой нашел шестипалый. И вот такой вот... мне снится вот этот цветок уже прямо на этом полотнище. И больше того, я когда проходил мимо вот этой “Той заразы” так у меня еще правда возникла игра слов, что какая-нибудь говорит:
- Куда вы идете?
- Ох, я сегодня была в “Той...”, в этом игрушечном магазине – это как бы рассказывает какая-то эмигрантка.
- Что вы, боже мой! Я ноги потеряла. И я еле – еле... Все, что хотите – все есть. И я к больше той заразе... больше уже не пойду.
Ну, вообщем, это такой ход – к той заразе. И вот я вижу на подходе, прямо перед входом в сам в магазин этот, стоят такие домики маленькие и игрушечные. И возле каждого домика навалены песочные такие мешки. И на мешках песок и написано: “white”, то есть, самый белый песок. И “yellow” еще кажется такой, то есть оказывается и это уже придуманно, чтобы дети там барахтались в белом или в желтом песке. Вот такая вот дребедень.
Вчера мы были у Эрика. Ну, Эрик выглядит прекрасно, так возмужал, только если бы он не жмурился и не делал вот гримасы какие-то, которые какие-то... Ну, это непроизвольно, это уже стало как бы... Он очень хорошо так смотрится. Марджери, это прекрасная американка, американская лошадь такая, скаковая, породистая. Конечно, надо же очевидно... Конечно, есть проблемы, я очень тревожусь, тревожусь, как это они его... чтобы они его здоровым вырастили. Вот так. Такие вот дела.

10-ое августа
Много было снов, но я их не записывал. Сегодня 10-ое августа. Да действительно бегут, бегут дни, просто поразительно, поразительно.Но, никуда не денешься от этого. Сегодня снился сон... ну, такой как бы эротический в какой-то мере. Я иду с Олей мимо нашего окна в спальне там, там, в том старом доме. Там большие лопухи, листья лопухов и в тоже время, какая-то такая дорожка есть проторенная. И вот мы так... я держу ее за руку... Потом вдруг мне страшно захотелось, как говорят, по-маленькому или сказать, отлить. Потому что я сейчас читаю этого... читаю Всеволода Иванова, Вячеслава Иванова... да, Всеволода Иванова, воспоминия... Такой дневник его военных лет и прочее... И он говорит, просто пишет открытым текстом:
- Что здесь надо бежать чуть ли ни пару... чуть ли не километр, чтобы какое-то место или поле, чтобы покакать.

Да, так вот здесь был вопрос такой, что я должен был пописать. И в тоже время, мне было интересно, как среагирует на это Оля и я говорю:

- Я сейчас пописаю.
И она говорит:
- Ну, давай.
И я вынимаю кукурузину и с таким хорошим напором идет струя. И в этом есть какая-то гордость, даже мужская что ли. Струя идет и потом,.. тем более, что там женщина смотрит на тебя, как это происходит. И в тоже самое время... всегда же был интерес у мужчин подсмотреть, как это происходит у женщин. И вот такой вот возникает, возник такой момент, где все это было приятно даже эротически. Что ж там еще было? Какой-то... но я уже забыл, какая-то была ситуация.

13-ое августа
Ну, сегодня такой сон. Сегодня 13-ое августа. Сон был, конечно, необычайный. Я в Староконстантинове. И там какое-то представление или какая-то цельная театральная какая-то такая... шоу театральное. И оно в тоже время, какое-то... и как будто всамделешное. Сема в нем участвует, даже как будто главную роль играет. И оно похоже на... на кавалерийца или кто там ставил этот фильм. Громаднейшее поле, пшеничное какое-то поле, пшеница высокая – высокая. И вот Семен идет, ведет за собой... И это в тоже время, как спектакль какой-то, потому что я присутствую и смотрю как бы гость и зритель. И там есть как будто даже и президиум, который смотрит это. И вот он идет по этому полю и эта пшеница как бы перед ним раскрывается... Путь такой. И за ним идут и с криками, с косами какими-то такими, старыми украинскими, запорожскими причиндалами. И этот крик, и этот шум такой за... за, не знаю там, “За Украину!”, что-то я не помню там, я не слышал ничего. Но это все вот такое вот представление. И там... и школьники бегут и шум такой. А потом он появляется как бы в зале этом... что-то какой-то... Ну, это все соединенно, этот президиум как бы присутствует на каком-то там... на какой-то трибуне или чего-то там... И потом он, значит, заходит, там крики и все... И он так... и кто-то... и представляют:
- А вот и брат его, Илья Рудяк здесь.
Ну, какие-то хлопки там очень жиденькие этому жиду из Америки. И я как-то так стал, наклонил голову, склонил, не знаю там, как поклон, спасибо. Вот это такой кусок сна. А продолжался он долго, с какими-то целыми баталиями, которые, к сожалению, выветрились, выветрелись. Вот. А поэтому я, честно говоря, не могу теперь.... А... этот сон с чем он был

связан? Сейчас, сейчас... А... да, я сейчас просматривал целую кипу украинских книг двадцатого... от начиная там двадцатые годы и военные годы, где украинцы были в Германии там, которые сбежали с ними, или, которых взяли в плен или, которые поехали на работу. Ну, вообщем такой вот сон. Я просматривал и там очень много было про Унию, про Саоун, про Упе или черт их там знает, сколько у них там было всяких... И я там просматривал какие-то картинки. Может быть, это как-то дало вот такой толчок на вот такой совершенно... сон, не присущий в моих, так сказать мыслях и желаниях там поднять украинский народ за свободу, на свободу, потому что все это кончается погромами потом. Ну вот, вот такой вот сон.

***

Потом еще что-то снилось... Где Фира Евсеевна снилась со мной что-то... Ну, что-то снилось еще какой-то... Но я сейчас... как-то они улетучиваются, если я не фиксирую в памяти сразу, чтобы я запомнил какой-то... главное какое-то лицо, событие, слово, знак, я его не запоминаю и сон каким-то образом улетучивается. Поэтому я, как говорится, не очень сейчас записываю часто сны. Хотя жалко. Но жизнь одна, а время бежит. И как это все... И кто когда-нибудь... достанется кому-то, чтобы даже кто-то это мог все расшифровать, я уже не знаю.

16-ое августа

Сегодня 16-ое августа. Такой сончик был, довольно любопытный. На киностудии происходит какая-то конференция. Я присутствую там. С одной стороны, я как будто свой... В последних снах у меня такой какой-то раздел идет, водораздел идет. С другой стороны, я как бы все-таки, чужак. И я так прохаживаюсь где-то по залу, кто-то меня окликает:

- Рудяк! – там то я слышу.

Кто-то меня так не замечает. И один молодой такой высокий, красивый, даже я бы сказал, такой русачок... Так пристально смотрит на меня, подходит и вдруг он, так улыбаясь, говорит... это самое...что он, мол... или даже показал что-то... что он из КГБ. Я говорю и думаю себе:

- Ну, хорошо.

Улыбчивый, страшно улыбчивый, очень такой вежливый. У меня... и просит, чтобы я дал ему посмотреть, что у меня за литература, какие-то книжки в руках. Я говорю:

- Посмотрите.

А там были какие-то, связанные с еврейской темой. И там что ли киоск есть или что... и я подхожу и говорю:

- Давайте, я еще хочу кое-то тут докупить.
Даю ему те книжки, что он держит, а сам еще беру очень какие-то интересные книги, связанные с темой меня интересующей, но именно еврейские. И я говорю:
- Вот вы знаете, если вас интересует вот эта тема...
Я ему это говорю, то есть, розыгрыш с моей стороны актерский, великолепный, сыгранный и очень искренне, без... единственное... без заметного какого-то... Я говорю:
- Вот если вас интересует эта тема, вот смотрите, еще прекрасные две книжки.
И показываю ему. И таким образом, я его как бы обезоружил с одной стороны, что это все не какой-то там... не компромат и не какие-то там... С другой стороны, я понимаю, что эти игры опасны. И говорю:
- Ну, хотите, я вам ее подарю. Как вас величать? Надпишу даже.
Он говорит:
- Эдуард Иванович.
И так улыбается опять. Улыбка такого... ну, ехидная и в тоже время, он обаятелен так. Но дальше я не помню, что там было. Но вот такой вот ход был, что я вот таким образом, ну как бы все-таки и вспоминаются и не уходят из подсознания эти все дела.

17-ое августа
16-ое августа, а может уже 17-ое. Снится мне, что я как будто в Харькове. Погода какая-то не очень такая благоприятная. Дождь, слякоть какая-то. И я должен куда-то добраться... Меня ждет Ляля. А вместо меня, я... как бы даю адрес или каким-то образом, Семе, его приятелю, кто-то из... едет к ней. И она приглашает Люсю и они там с подругой своей. И они там вместе. И я думаю, что я позвоню. И она говорит:
- Почему же ты не пришел?
И я так искренне говорю, что:
- Ляля, а я как-то так подумал, что тягаться в такую погоду не очень то хочется.
(Это продолжение того сна).
И вот я говорю, что:
- Неохота
А в тоже время я себе думаю:
- Что ж, я не знаю, а может быть, Сема действительно получит удовольствие.
С одной стороны, чувство ревности какое-то есть. С другой стороны, я все-таки думаю:

- Ну куда я буду тягаться. Машина... любая поездка с машиной, это всегда опасность. И поэтому я как-то не очень спешу мчаться. А они... я слышу как будто... ну, это Семин голос, слышу как он говорит:
- Ну, это же понятно, он ленивый такой и не хочет.
Короче, зачем я ему нужен был, если бы я там был, он не нужен был бы.

***

И что-то снится насчет двенадцати каких-то... чего-то, не знаю, древнегреческих книг, которые я должен был привезти. А взаимосвязано это с тем, что я только что просто книжку Куна... где двенадцать подвигов Геракла так просматривал. Может отсюда, вдруг вот это... двенадцать... Оно разделено на двенадцать каких-то кусочков торта. И на столе лежат... И они меня приглашают к этому торту уже. Во всяком случае, я... это тоже вдруг мелькнуло в этом сне мне. А откуда такой.... мне трудно понять. Но скорей всего, это возник этот сон в связи с тем, что мне позвонил Миша... Миша Краснов... забыл вдруг его фамилию, который... с которым я послал книжку мою и еще что-то... какие-то фотографии для Ляли. Он мой большой поклонник и все... Но когда она вышла к нему и он позвонил ей и она пришла к нему, он выскочил из какого-то... Он жил там. И выскочил в тапочках что-то... чтобы передать это ей, мои вот эти книгу и еще что-то, вот то, что я туда послал. И когда он ее увидел, он не мог оторваться от ее лица, от ее вообще речи, и от ее всего... И он был покорен. Это он мне рассказывал, что он был... Что он не поверил.... И что он провел с ней полдня. Они ходили по городу, он в шлепанцах ходил. И настолько он был... И подружился с ней и стал звонить и переписываться. То есть, вот отсюда видно... И я его как бы послал, сделать мне приятное, сделать мне... А в действительности, он вот как бы использовал вот этот момент для того, чтобы встретить вот такую... Не использовал, а вот так случилось, случайно. И он просто влюблен до сих пор. И вот он мне позвонил и говорит:
- Я вам так и не принес от нее эту самую... Я... она запись сделала какую-то для того, чтобы...
То есть, он даже до сих пор... это уже два года прошло, он не хочет мне это отдать, потому что ревность громадная. И вот он, каким-то вот таким Макаром, вдруг во сне отразилось. И это было связано с Семой и с еще каким-то парнем, человеком, которого я во сне не очень запомнил. Вот.
А насчет двенадцати подвигов Геракла, я не знаю. Тут может быть, какая-то ассоциация есть, что я уже не Геракл в этом деле. Как я написал какой-то...

Шуточки Геракл,
В штаны накакал.
Вот, таким образом, это вот такой сон.

***

Второй сон... Странно, он долго снился и я сейчас, сейчас, сейчас, сейчас... Не могу его восстановить. Это Староконстантинов... Что же там было? Не знаю. Не хочется, не хочется насиловать память. Вспомнится – хорошо, не вспомнится – тоже хорошо. Это сомнение все равно тревожит душу. Кто, кто доведет до конца вот этот весь громадный материал, вот этот запас, который я на себе...
Сейчас вот читаю Иванова Всеволода, читаю его дневники. Он писал очень иногда... какие-то записи делал краткие такие вот. Конечно, фигура у него выросла в моих глазах, выросла, хотя все равно он оставался по большому счету, он оставался советским таким. Статья какая-то была на “Двадцать пять лет счастья”. Это было связано с тем, что было двадцать лет Советской власти отмечали. Но в тоже время, в нем был какой-то такой... на идиш говорят, он был казник, он был не соглашатель, не легкий человек так в этом деле. И поэтому и судьба любопытная и все-таки... У него старший сын, нет Миша, это был его младший сын что ли... Тут интересно было бы посмотреть, Иванов Михаил... Это кто-то... да, это был младший... это был старший сын.... И Михаил... Значит, Михаил был младший. И он был от Бабеля, родился. А у нее еще была... значит, от первого брака, Татьяна. Таким образом, возникает только вопрос... Холма, вот этот известный философ, там он был очень чудным человеком таким, был ли это его родной сын он или тоже приобретенный. Но вот это, так сказать, вот об этом ни в воспоминаниях ее, Тамары Иваной, абсолютно ни слова. Хотя она Бабелю посвятила целую главу. И там ясно из этих писем, что у них были очень близкие отношения. Ну как близкие? Там она не давала целые письма, только выдержки какие-то о его страсти к ней или об их общей такой любви. И о ребенке, она все это не давала. То есть, в ней остался вот такой тоже патриот советский. Дожила до девяносто пяти лет, жена его. Во всяком случае, я почему-то хочу до конца прочитать эти дневники, потому что там очень много литературного быта, который меня всегда интересовал. Не сплетни, ни что, а вот быт, как это все... как жили, как конкретно жили, а не самые главные какие-то вехи в воспоминаниях. Оказывается, это была клоака, большая яма. И вот, вот в этом... так довольно смело и много пишут.

19-ое августа

19-ое августа. Записываю сразу два горячих следа. Сон такой. Я нахожусь... похоже, что это в Одессе. И это не наш дом, но в тоже время похоже и по архитектурной такой редкости, и на наш. Значит, похоже, что большая, высокая, большая лестничная площадка, закрытая со всех сторон, то есть, с улицы нельзя сразу зайти на нее. Надо попасть через дверь, точно, как было у нас когда-то в Одессе. И вот внизу есть такой, как они говорят, торчок или как-то... я забыл... ну, два туалета. На... сверху идет труба какая-то, а внизу просто вот такой торчок или как он... вдруг забыл... Ну, туалетная такая... туалетный... забыл слово. Ну, я вспомню потом. И это утро. И мне почему-то... И я уже там внизу. Откуда я попал туда и как, это я не знаю. И мне очень хочется освободиться. И я не... вот на один из них... Это очень, так сказать, давит. И я даже не глядя, сел на один из этих торчков и освобождаюсь и чувствую, что я... что-то доходит прямо... Дальше нету пространства. Это ужасно омерзительно, ужасное чувство. То есть, я... И в это время, сходит по... открывается дверь, которая ведет как бы в этот самый... в квартиру и Саша Ануфриев с кем-то там разговаривает и говорит:

- Ну, ты знаешь, я тебе картину “Гимнасты” (Это Жилинского, кажется, вот эта картина известная) я тебе ее отдам. Можешь ее взять и заниматься ее, продавать или что...

Я подумал:

- Вообще-то, это очень хорошая и красивая работа и известная притом. Часто публикуемая, распространенная. Может быть, ее даже и взять это... Но в тоже время, я очень... вот это чувство, что я сижу, сижу на говне, оно меня просто муляет и я думаю:

- Как-то надо из этого положения выйти, но я не могу вот.

Да, и Саша выходит с... открывается эта значит, дверь открывается. И Саша ведет на поводу, ведет коня, красавца, черного, черную лошадь. Она настолько элегантная такая и очень... Она медленно... Я говорю:

- Я боюсь, что она сейчас свалиться с этих...

Она перебирает мягко ногами и медленно спускается вниз. Но самого спуска до этого... туалетных этих торчков, я не вижу. Как бы оно вдруг все это исчезает. И тогда я думаю:

- О, господи! Мне надо встать и что-то делать. И во-первых, надо... Где же тут вода есть, чтобы слить это?. Должен быть какой-то... ведро или что-то.

Я встаю. Ощущение... ну просто гадливое такое. И смотрю, что... оглядываюсь и смотрю вниз:

- Где ж там? Откуда вода идет?

А там оказывается еще окно есть. И оно открыто. И выходит женщина,

старушка такая, открыла и смотрит вниз на меня. И я думаю:
- Хорошенький театр! Еще есть и зритель.
Я смотрю, может быть, какое-то полотенце, чтобы я привел себя в порядок. Там что-то какая-то есть... какие-то эти самые... Я даже не смотрю на содержимое внутри, я просто это ощущаю. И в это время идет с полотенцем вниз, идет очень такой симпатичный, такой молодой парень, такого эмигрантского вида и похож... который и меня знает видно. И он так почтительно мне кланяется.
- Хорошенькое дело, в этом положении еще и разговаривать.
И я таким образом, я с... И он говорит:
- Там за этим вторым – говорит – торчком, стоит ведро. А вода, я не знаю или есть – он говорит.
- Господи! Ну это просто ужас!
Я вот в этом обкаканном, ужасающем состоянии, просыпаюсь и еще не верю, что это все сон. И что я не обгаден, не загажен, и что я... что это просто сон. Вот какая... какой этот самый... Так что, Зигмунд, как же его по отчеству, Фрейда... Забыл... Морисович или как там. Так вот вот, Зигмунд Морисович, какая в этом эротика? Когда здесь просто накал страстей. Вот. Вот такой сон ужасающий.

20-ое августа
Сегодня 20-ое августа. И два плача я запомнил во сне. Один плач такой радостный и один плач, я бы сказал, такой юродивый, может быть. Первый плач, это снится, что я в... я нахожусь... Ну тут сложно сказать, но во всяком случае, какой-то залив морской. А рядом... типа в Грузии, какая-то, может быть, гора и там прииютились, прилепились разные... друг к дружке, такие... грузинского типа, домики. А вот нахожусь я вот в этом заливе. И там как бы какая-то... не знаю что... чайхана или что-то из такого восточного... такая... Или похоже на типа то, что здесь у нас в Чикаго, не знаю... какой-то грузинский магазин рядышком что-то... где можно там что-то перекусить или что-то поесть. И вот в этом заливе лежит мертвая свинья. Большая такая, с белой щетиной и даже с улыбкой какой-то. Я подхожу, а там стоят так грузины, русского происхождения, говорят по-русски что-то там. Я вот так подхожу и вот начинаю плакать. У меня просто слезы навернулись и я не могу сдержать рыдания. И я рыдаю и говорю:
- Вы знаете, я даже не стесняюсь своих слез – я говорю им. – Потому что эта свинья была настолько для меня... Я когда всегда смотрю, когда она здесь плескалась и все... И даже улыбка какая-то была. И что-то было в этом очень детское, светлое. И я... и вот ее нету. И меня это очень огорчило,

поэтому вы меня извините, я абсолютно не стесняюсь, ну вот так, при вас плакать.
Потому что они не плакали, а я вот заплакал. А свинья эта как будто их... Или от этого... чайханы или от этого или что. И я вот с таким вот... с такими всхлипами... И они говорят:
- Ну вы, мол, господин Рудяк, что вы. Мы вас хорошо знаем – говорят – какой вы, мол, и писатель и человек такой чудный или чувствительный...
Я не знаю, что они там... но в принципе, такая мысль была. И поэтому и сам... и что-то где-то такое там, всхлипнул. Вот такой вот сон. Казалось бы – ну что? Почему? Почему свинья? Почему грузины? Почему? Ну это все как-то можно объяснить вот так вот...
На Гавайях я дважды наблюдал, когда они готовились к такому празднику вечером каждый день они... Сотни – сотни туристов приходили на этот показ. Да я уже был там свой человек, потому что ровно месяц, я каждый день и каждый вечер слышал и наблюдал вот эти все приготовления. И каждый день они подвозили на такой тачке, подвозили очищенное... белую громадную свинью. И она... и только они прикрывали ее чуть – чуть веточками какими-то. И привозили ее к этому месту, прямо в залив, где... ну, купались ежедневно. А там был такой, как бы сказать, Летний театр у них. И вот там была вот эта громадная яма из вулканической... была покрыта вулканическими такими камнями внутри. И вот на вот этих... как бы на такой, как жаровне, они под... разогревали угли. И бросали вот эту вот свинью вот в эту яму. Закрывали ее, накрывали ее таким всякими... тоже веточками, которые потом... А сверху засыпали ее землей. И вот с утра, обычно это я видел часов в восемь утра. А в восемь вечера, примерно в семь, в восемь вечера, ее уже вынимали, освежевали. И у каждого на тарелке был кусок свинины. Вот такой, вот такая традиция и такой performance, такой… такое шоу, на которое клюют вот эти арестанты, как я их называл. Потому что каждый день прибывал громадный пароход с тысячами, а может, и больше, туристами. И их выбрасывали вот на этот берег. И я, как комендант порта, встречал их. Среди них были большинство японцы, очень пожилых людей. И вот они так проходили через эти... такой... Там, на этом берегу, разбегались по этому городку. Во всяком случае, для них это была экзотика. А я иронически смотрел на это все и думал:
- Господи! Столько пути надо было проделать в этом, может быть и не душном пароходе, но во всяком случае, для того, чтобы придти и посмотреть то, что для меня стало... уже опротивело из-за его однообразия, из-за его примитивности и из-за просто такой быстро сварганенной

программы, которую они сделали такие молодые ребята поняв, что может привлечь туристов.
Вот. А вот эта... это видение, мне немедленно передалось во сне. И вот таким образом это снилось. Этот плач по свинье, особенно учитывая, что это, как бы сказать... Ну, во всяком случае, еще может быть, почему вдруг свинья... Я когда вот сейчас прочитывал несколько книг о Пастернаке... И там приводилась известная речь Семичастного, несчастного, который благодаря этому, может быть, и останется в истории литературы, который сравнил его со свиньей. Но в тоже время с Пастернаком. Но в тоже время, он его, так сказать, свинью обелил. Говорит:
- Что свинья все-таки, чистая, чистое животное.
Хотя, это абсолютно как-то не согласно... Свинья может быть и в такой грязи, так сказать, и купаться и кувыркаться, что я не знаю... Но может она потом ощенится, я не знаю, как она умывается или смывается. Поэтому я не могу сказать, что я не видел. У нас тоже была свинья в доме, жила там. В смысле, жила, ее там кормили в специальном закутке, а потом ее сдавали на мясо. Ну вообщем, и сало. Короче, я... вот этот сон мог возникнуть даже из такого сора. Во всяком случае, во всяком случае, это любопытный сон, я бы так сказал.

***

Второй сон...

****

K05.10

***

Интересно, с одной стороны, я думаю:
- Ну бог с ним! Кто их когда-нибудь прочитает и кто их разберет. (Извините) С другой стороны, с другой стороны, конечно, это жаль.
Ну что? Там был сон какой-то очень примечательный, как я с Олей и, кажется, с Эриком, мы попадаем на море, на океан, с какой-то очень приятной такой... Такая морская коса, где вода не очень глубокая и очень теплая. И вот это первое ощущение, что мы давным - давно не были в океане и мы прямо, так сказать, бежим, закатав там эти брюки, к океану. Там был сон очень длинный, но я вот запомнил этот эпизод.

***

Потом сегодня, лучше уж запомнить, записать, что было сегодня. Сегодня такой тоже, такой странный... пару снов, которые я не очень запомнил. Но вот такой сон любопытный. Мы сидим на улице, в каком-то, как бы сказать... Я... это своего рода зал, улица... Значит, где действие происходит... Там мысль такая, что студенты или моего курса или я с ними как-то взаимосвязан, представляют какой-то такой дипломный спектакль или там студенческий спектакль. Но он происходит прямо над... ну, как бы, на ступенях одесской Думы. Пушкинского памятника там не видно, но мы сидим в какой-то очень... ну, как бы в ложе, и в тоже время, как будто в театре. Сидим в тесноте ужасающей. Я... и среди них четыре или пять девушек, которые меня зажали, как бы со всех сторон. Но одна из них, это моя какая-то пассия. И я вот так коленями зажат ее... с ее коленями. И мы сидим и смотрим этот спектакль. Но мне там интересно, что там? Как там? И видна одесская там... Одесса, эти как бы... ну, лого этой Думы. И на ней какие-то еще там... типа мемориальные доски. Тоже они видны. А спектакль совсем из другого... совсем из другой жизни. Здесь другая опера. И не смотря на это, они, так сказать, отвлекают внимание и я обращаю на это... А с другой стороны, там бегают в каких-то плащах юноши. И все это так... И учитывая, что это все прямо среди колонн на лестницах, это дает движение спектаклю. Но с другой стороны, чувствуется такая еще неуверенность и неясность. И мы сидим и не знаем будет ли второй акт или не будет. Но там как будто, девушка, которая со мной рядом, говорит:
- Нет, показали, что будет восемнадцать, а теперь вот написано девятнадцать.
Да, и я думаю, что:

- Будет продолжение.
Потом возникает банка с черешнями в руках у одной из девушек. И они начинают, так сказать, пригоршнями брать из банки черешни и плеваться очень смачно. И одна из них дает и мне. Но у меня так ноги зажаты, что я как-то их вытягиваю... одну ногу. И получается, что она на коленях у другой девушки, которая с удовольствием, как бы, так сказать, это... никаких нет претензий. Короче, сон... вот так вот театр, эротика и какие-то тонкости вот такие были в этом сне.
Потом еще какой-то там был, но я сейчас не могу вот так сразу вспомнить. Да что же там было? Боже мой! Чего только не бывает в этих снах.
Вот здесь вот насчет восемнадцать, девятнадцать – это любопытная деталь. Вчера ко мне пришел Яков и принес мне плакат пятидесятых, видно, годов. Это издательство ЦК КПСС по политической какой-то там пропаганде. Это плакат о коллективизации и уничтожении этих самых... кулаков, как класс. И вот интересно, что там было. Мы начали расследовать, так там было... Там значит, именно, что серия восемнадцать – номер такой-то. И мы начали искать, а где там дальше. И вот этот вот спектакль, где один говорит:
- Вот было же восемнадцать, а теперь будет девятнадцать.
Это точная, так сказать, реакция на вот этот поиск мой найти, что же это? А какого года эти плакаты? И где они и какое там у них расположение? Я понял, что там среди этих плакатов, там их было сотни номеров, а остались всего двенадцать, кажется. Вот. Отсюда вот мог родиться вот этот восемнадцатый, девятнадцатый ... там начало, продолжение там как бы этого спектакля. Вот такие... вот такой сон.

23-е октября

23-е октября. Сон вот такой красивый даже и в чем-то... Я в Харькове еду на автомобиле, на каком-то открытом как будто, я не помню. Я так... какое-то такое ощущение. И подъезжаю я... ну, прямо к раскрытым каким-то... Похоже на какую-то церковь что ли или какой-то такой... но я туда еду, должен подъехать по каким-то своим... И моя хозяйка квартиры, лежит на таком... как бы на лафете, даже не в гробу, а на лафете. И рядом полно – полно каких-то ангелов в белых одеждах, такие. И они везут вот эту... вот этот... Я вот прямо чуть не подъехал. Там открытое получается какой-то... такое как бы открытое... открытый вид. И я вижу, как она лежит, даже не знаю, скрестив руки или нет. Но у нее вид, у нее лицо – ну, просто какое-то божественное такое, ангельское, потустороннее и необычайно – необычайно какое-то светлое, излучающее и свет и покой. И хотя она в действительности, эта хозяйка, она никогда красавицей не была. Но она

была гулена и выпивоха и... И вот интересно, что почему она вдруг такой мне приснилась? Мне даже трудно представить. Она работала в пивном... и в “Пиво – Воды” ларьке, правда в очень таком хорошем месте, прямо на площади Дзержинского. И ну, как-то жизнь у ее такая была... Ну во вяском случае, деньги она делала там, конечно. Дочка ее была большая симпатяга. Вышла замуж за какого-то такого простого парня, из простой такой... Он был старше ее. И даже как-то в какой-то такой гулянке, которая была у них... И он куда-то ушел или... И она ко мне зашла и стала меня так целовать и такая была... Но я как-то никогда не мог себе представить, что там... Тем более, что я его видел, знал. Она была дочерью моей хозяйки и я как-то, может быть, поступил опрометчиво. Во всяком случае, почему она мне вдруг так приснилась, мне трудно понять. Но может быть, это связано и с дочерью, может быть. Вот.

***

Потом меня переносит сон в Одессу или даже в Америку. Мне тут трудно представить. К нам приезжет из Таллинна Марина. И она как бы, ну как бы... ну, не скрывает больших симпатий и ощущений ко мне и все... Но я с Олей, мы ее принимаем очень как-то щедро и ласково. И в тоже время, вот это вот ощущение, что у нее видно... и оно передается нам всем, как будто... Ну, есть какая-то недосказанность. И что же там было интересного? Там очень было... Ну просто какие-то необычайные... то есть, это опять же все было зафиксированно на пленке, там очень много было тонкостей, много тонкостей во взглядах, в отношениях, в поступках, в каких-то мизансценах. А затем, а затем сон перебрасывает меня в какую-то... в наш дом или... И где мы готовим салат с Олей. И он настолько... И она говорит:
- Ты не успеешь его до двенадцати часов...
Почему-то мы должны были до двенадцати часов его как бы сделать. И вот интересно, что я говорю, что:
- Я попробую.
И салат какой-то такой из... трудно мне сейчас что-то сказать... Ну, типа... и сметана и что-то там есть... Во всяком случае, то, чего я в макробиотеке почти не ем. Но я его так... Но я его очень быстро так, как я умею делать очень ловко, быстро я орудую всякими ножами, кастрюлями, ложками, вилками, я это все очень аккуратно и быстро сделал. И начал смешивать и говорю... И как раз до двенадцати это все было сделано, до двенадцати сделано. Но вот интересно то, что я часто готовлю и готовлю должно быть, хорошо, это я знаю и Оля знает. Но вот интересно, что сон был как бы... не был связан со вчерашним или с позавчерашним какими-нибудь там

разговорами по поводу салату или делания салата. Хотя там Юлий звонил и рассказывал там о своих талантах в отношении там... как он к Шамякину привез там свои какие-то рассолы и прочее. Я не думаю, что это откликнулось. Потому что я к этому отношусь с недоверием, с его салатами, а тем более, что он вечно покупает квашенную капусту в каких-то банках, а потом он ее там еще доделывает. Это уже несерьезно. Но не в этом дело. Вопрос в том, что сегодня как раз я говорю Оле:
- Я хотел бы квашенную капусту, такой салат макробиотический.
Квашенная, которая буквально за полчаса, она готова. Она говорит:
- Да, но я не смогу его там нарезать этот... капусту.
Я говорю:
- Я ее сделаю.
Я ее очень быстро и как-то легко и, как я говорю, артистично подготовил эту капусту для закваски. Всю ее накрошил, аккуратненько, сложил. И она сделала мне блестящий вот такой салат.

****

Что? Я читал Ромбана, я кажется, говорил. Там есть пару для меня... было таких обнадеживающих откровений для будущей жизни. Но кроме этого, я еще читал... ну, просматривал книжку “Последний расстрел Сталина” об анифашистском еврейском Комитете, о допросах, протоколы – это вообще, конечно, сумашедший бред, издевательства, фантасмагория советской реалии. Это опять меня вводит в такую грустную ноту в смысле того, что ж он, как же он был, как мы жили, как это все было. И несмотря на это, конечно, не зная этих откровений, не зная всего этого, я был счастливым мальчиком, читал взахлеб Жюля Верна, мечтал о “Двух капитах”, о подвигах, славе. И все это было. И с восторгом мы играли в Тимура и его команду, и собирали марки, и челюскинцы были дороги. И все это было. Но вот такая, такая дребедень при том, что она была с нашей стороны искренней. Мы не знали всей фальши, а сами были подготовленны к этому... вот этой машины пропагандной и прочее. И вот тут, как бы говоря, хочется разобраться – действительно ли была прекрасная эпоха, как пишет этот, все-таки ублюдок, как бы там ни было, этот Лимонов. Ну, слово “ублюдок”, оно может быть, слишком такое меткое, громкое. Ну, просто мерзопакостно, не могу в нем... находить в нем какие-то положительные моменты, я все-таки не могу. Вот. Вот такие вот дела. Что ж, закусим удила.

24-ое октября

Сегодня 24-ое октября. Сегодня были урожайнейшие сны, урожайнейшие, но совершенно, совершенно сумашедшие. Безумная какая-то ситуация,

которую я даже не могу понять, откуда она. Были... были президентские выборы. Мы, ну наша семья, ну, все, я не знаю, кто там учавствует и как будто в этих выборах. С другой стороны, с одной стороны... и мы победили. И входим в какой-то президентский Дворец, в президентский Белый Дом. И какая-то полная... какая-то эйфория страшная. И я просто понимаю, что это действительно так, будто реально. Нас фотографируют на каком-то фоне там громадном, всех нас. И я уже получаю фотографии и в газетах она уже опубликована, где я там... целая страница. И я такой седой среди всех наших эмигрантов. Лунь такой. И но... с другой стороны, подсознательно, я знаю, что президентом никто из нас не может быть, так как мы все эмигранты, мы сюда приехали. Значит, в действительности, есть какой-то еще другой, реальный президент, который, видно, победил. А мы или вошли в команду, или вошли в экс-президента... Даже не в экс, а просто вот такая ситуация какая-то безумная. И я, конечно, очень рад и у меня чувство какое-то тоже такое возвышенное, возбужденности, возвышенное и я чувствую гордость за семью. Но кто конкретно и что? Это как-то не определяется, но как будто все мы. Но потом вдруг я вижу сидит Эрик такой с бородой и очень... И похож на себя и не очень похож. И рядом сидит как бы, повар что ли этого Белого Дома, с которым он обсуждает какие-то... обсуждает меню. И говорит он почему-то с ним по-русски, но вставляет иногда какие-то конкретные английские фразы...
Далее рассказ о выборах в Белом Доме, где мы победили. И то есть, вот этот, откуда могла родиться такая мысль, мне даже непонятна. Но что тут уж точно я могу, как бы сказать, таких... такой мечты попасть в Белый Дом, у меня просто... даже отсутствует и я к этому совершенно спокоен и у меня нету ни тщеславия, ни жажды участвовать в какой-то там политической жизни. Но я думал о наших, кто-то там из молодых, кто-там... это другое дело. И в тоже время, страшная реальность. И я такого даже и не... как говорится, и во сне не предполагал, как я вижу, увидел этот сон. Мы внутри Белого Дома, внутри вот этой всей системы, внутри этой шумихи, этой газетной и телевизионной... папарраци и все. Вот такая вот, такой вот сон. Но он какой-то такой, я бы сказал, был не тревожный. И наоборот, что-то было очень такое приятное. Вот.

***

Потом это все переносится в другу, более спокойную обстановку. Я попадаю из Белого Дома, попадаю в Джурин. Живу у дяди Давида, в дяди Давидином доме. Но он совершенно пуст. Оказывается дядя Давид и тетя Фейга, они уехали в какое-то другое местечко и оставили полностью дом. И

там Анюта и Миша. И они как будто, даже его и продавать его хотят. И я думаю:
- Может быть стоит его себе и оставить. Все-таки это как-то родное и близкое. И мы все равно думали, может быть, что-то надо купить, вложить какие-то средства, деньги для investment. И вообще, сейчас видно в Джурине эти все дома очень дешевые, потому что некому здесь покупать, некому жить.
И в тоже время, я почему-то... Да, и в это время как будто какие-то гости должны придти или услышали, что я приехал. И я вспоминаю, что я... брюки я не натянул на себя. И я смотрю, там лежат две пары брюк. И почему-то, когда я взял одну пару, я подумал:
- Да это не мои, они тяжелые какие-то, поношенные.
Наконец, я нахожу свои брюки, натягиваю их. И вот эта пустота дома, все там пусто, все почищено. И я думаю:
- Ну и правильно сделали. Здесь каждая вещь очень дорога. И если они переехали в какой-то другой дом и оставили это как бы для Миши.
И почему-то там Мани не было, была Анюта, так я думаю:
- Может быть, все-таки они правы были, что дом им оставили, а сами забрали все, что им нужно было. Потому что там жить, доставать все, это нелегко.
Потом я спускаюсь вниз по шоссе, к Дому культуры. И попадаю на эту маленькую площадочку, где афиши, афишный был... афишная была реклама такая. И я думаю... да, и смотрю там стоит такой большой, длинный стол, такой, как у нас стоит в Доме Книги перед... на улице. И сидит Ноях. И там у него по всему столу разбросаны пакетики с чаем и с кофе. И он продает их. И там сидят какие-то крестьяне наши. И так они смотрят или он им показывает как это будет, как надо открыть этот кофе, эти пакетики. И такая... и как будто кто-то покупает это. И я даже думаю:
- Вот тебе Ноях! Вот так он умеет все продавать.
Потом я вижу, заметил афишу. Там написано, что:
“Сегодня репетиция такая-то... И ведет репетицию Полякова” - так запомнилось это.
А рядом стоят два таких типа, походий один из них такой... милицейский чин или КГБешный, но в цивильной одежде. Но по глазам, по всему, я вижу, что он там такой... или он меня тоже охватывает взглядом, что становится.... и думаешь:
- Вот сейчас подойдет и спросит документы.
А все-таки думаю:
- Коль я уже все-таки попал в Джурин, надо обязательно, обязательно

посетить всех наших, тех, кто остался из евреев в этом местечке. И попробовать взять фотографии для того, чтобы их переснять и поместить в книжку “Прощание с местечком”.
И я думаю:
- Вот это обязательно надо сделать.
И в это время... и так направляюсь и думаю:
- К кому же пойти?
И вверх по шоссе, я вижу идет... там издали еще появляется Гриша Койфман. Я думаю:
- О-о!
И он меня тоже узнал и так машет рукой. И я думаю:
- И вот к нему-то я должен пойти.
Я все-таки даже его фотографии не имею такой, во взрослом виде. И я думаю:
- Надо обязательно с ним встретиться.
Но сон прерывается и я остаюсь... просыпаюсь. Вот, вот такие вот сны. Поразительные, конечно. Тут есть ассоциации в отношении дома пустого. Это вот то, что мы хотели как бы, вот действительно куда-то переселиться и найти новый дом. Такая мысль у меня есть и она могла вот так вот преобразиться. Анюта и моя первая такая даже... и в какой-то мере... Это кузина моя. Как обычно, мы все были влюблены в своих кузин. И она мне тоже очень нравилась. И вот этот момент есть. И, конечно, и кофе, и вот этот стол – это поразительно, как он вдруг перенес меня в Джурин. А вот эти кофе... это то, что мы не пьем сейчас ни чай, ни кофе. Но Оля вот для того, чтобы кто-то приходит в гости... Она принесла вот такие эти... эти, как я их называю, в презервативах, кофе и чай. И в данном случае, оно быстро вот как-то так преобразилось вот в эту продажу бесплатных вот этих... забыл, как называется, не в таблетках... Но вообщем, во всяком случае, я... в пакетах, в пакетиках.

***

Такие сны очень... Я спал плохо и беспрерывно просыпался и опять засыпал и сны одолевали. А сейчас, сейчас это частое такое явление. С пяти до восьми я фактически прерывался три – четыре раза. Потом засыпал и снились мне сны. Один любопытный такой сон, в смысле такой необычности. Я с ... это где-то действие происходит или у нас в доме или... Очень такой импозантный старик, похож или на Пелевишина, художника или на Чуковского. Высокий такой, с крупным носом. А может быть даже, на сценариста Габриловича вот такой. Говорит очень медленно и важно. И

вот он сидит за столом, это как бы на кухне и перед ним большой такой котел, кипящий котел. Я вчера читал “Кипящий кубок” Северянина, вот здесь вот, так сказать, кипящий, громокипящий котел такой. И там ползают или еще, так сказать, в этом котле, плавают и очень быстро притом, такие... Мы заговорили о тараканах и он говорит, что их где-то едят. И вот там тоже как бы... Но это все-таки не тараканы, а такие, как бы с мелками... с очень мелкими такими... Или как бы мясо все отошло и остались какие-то меленькие такие волоски. И они так быстро плавают и такая... они просто даже красивая такая... Я очень хорошо вижу это и я думаю:
- Что их же можно достать.
И я вот так достаю руками, потому что он такой... Правда не кипящий, я бы сказал, но все-таки там можно... Я не ошпарил руки. Я вынимаю одного, а он говорит:
- Вы знаете, их едят вообще.
И я вот только что... и я говорю:
- Но я не могу, когда сейчас что-то...
Вот недавно показывали какой-то фильм и я... И он рассказывает, где там поедают всякую гадость, всякую дрянь. И я говорю:
- Вы знаете, простите я вырвал, настолько это было...
Я говорю:
- Так вы это никогда сами не ели?
Он говорит:
- Нет, что вы. Правда, вот один такой моллюск я ел.
И он такой живописный, очень такой... И я опять смотрю, как они там плавают... Какой-то... просто я никогда в жизни такие... длинных... И это значит, хребетик такой и на нем сотни таких тоненьких – тоненьких... И они все трепещут эти волосики. И вот они плавают в этом, живые там в этой кипяченной воде.
Почему этот сон снился? Я в принципе... Я по телевидению это видел. В отношении Чуковского, я вчера просто просматривал каталог и увидел, что там есть этот... как его... есть двухтомник его, “Дневники”. И я подумал:
- Стоит выписать.
Может отсюда, так сказать, родилась эта встреча с ним, хотя это такой образ более обобщающий нескольких людей, очень крупных, очень высоких и таких... с размеренным голосом. А вот тараканы, это понятно, это вечная тема у меня после моего рассказа... Потом вот эта... что-то еще было такое очень ассоциативное с моими какими-то... Я просто вдруг забыл, сначала вспомнил и забыл... Во всяком случае, это немедленно приходит, как говорится, из подсознания сон.

***

Потом мне снился сон тоже такой... Мы дома уже, у нас дома в Норсбруке, что-то такого типа, уже было. И папа с нами живет. И вот дверь там... из... как бы там на кухне, она открыта. Это зима, зимний такой какой-то период. Но у нас дома Бузя Рабовецкий, это из Джурина, такой юноша, которого я хорошо помню. А с ним еще какой-то... или Юзик, наш сосед. И я думаю... Да, и они почему там, у нас какая-то ситуация... Ко мне должен кто-то сейчас прискочить или нас обокрали или что-то... И они хотят сбежать тоже, чтобы не быть свидетелями в этом доме. И больше того, они еще елку какую-то вырубили и этот Бузя... И они как-то так... И я говорю им:
- Оставайтесь. - Как бы вначале.
Но они все норовят как бы выйти, выскочить вот в дверь заднюю и убежать. Потом я думаю:
- Ну, бог с ними. Пусть, если хотят убежать, пусть убегают.
И я вижу, как Бузя схватил эту елку и начинает вот так... мимо окон идет. И папа его увидел и кричит:
- Что он делает? Люсик!
И бежит в гараж для того, чтобы открыть...
- Папа, не надо! Пусть они, если хотят, пускай они убегают.
Но я как-то так послушался. И вот это такой тревожный момент. И я не знаю, что потом там происходит. Почему это так было? Непонятно, но они ушли.

***

Потом снится вдруг... значит... книжный, что я нахожусь, где-то подхожу к книжному, но он совершенно по-другому... Несколько раз этот сон именно, что он в таком очень парадном, красивом месте. И с левой стороны кинотеатр, а справа – вход как бы к нам. И он еще... и с другой стороны, вход. И в это время появляется, появляется это самое... появляется народ. И они... и я говорю:
- Ну, заходите. С этой стороны тоже есть вход в книжный. И вы можете попасть и там, все, что вам нужно интересное, вы выбирете.
И там еще какая-то женщина и с ней подруга еще... И говорит:
- Да, давай, пойдем туда или сюда.
И я подумал:
- О, да! Ну, а кто же там в лавочке, как говорится в анекдоте, остался? Кто там есть, если я тут? Может там, вообще, никого нет. И там сейчас вообще все вынесут, все книги, там заходят...
Вот такая вот, вот такой сон. Не один раз уже меня преследовал как бы.

***

И потом следующий сон был такой. Я иду вдоль какого-то забора. И в это время объявляют, что будет петь какой-то Джон... Элтон Джон как бы. Это я думаю:
- Это интересно.
И тут въезжает на мотоцикле на таком, подъезжает к этому забору, подъезжает этот мотоциклист. Он останавливается. Микрофон у него прямо на мотоцикле, он так устроен. И он начинает петь какие-то такие, очень обычные, такие, как бы сказать, мелодии попсы, мелодии, там я не знаю, разных там стилей этого... И очень скучно это. А потом он берет газ, как бы в конце газ, и как бы опять... как бы этот мотоцикл прибывает на место и заглушает его и опять он берет этот кусочек мелодии. И это внутри, как бы сопровождение вот этого мотоцикла. И это совсем юный мальчик какой-то на этом мотоцикле. И я думаю:
- Да, вообще-то это все, конечно, невысокое искусство.
Потом он так выезжает из этого стойла, где он остановился и пел в микрофон. И проезжает мимо этого забора. А там идут два молодых таких парня и говорят:
- О, слушай! Я же тебя помню по Германии – мальчику этому. – Ты ж там под мостом – не знаю там – играл на трубе.
Тот говорил:
- А, да-да. Да я... – говорит.
- Ну что ты тут делаешь?
Тот говорит:
- Да, вот...
Я не слышу ответа. А вдоль забора просто валяются какие-то такие майки, такие T-shirts, вывешенные, валяются. Он говорит:
- Да вот, майки, гайки – и что-то такое – припайки...
Очень слово такое, использовал этот Элтон Джон, хотя это не Элтон Джон, а в действительности какой-то... Я думаю:
- Да, может быть, это в Германии вряд ли, можно так дешево выставить на улицу и вообще там... А здесь это, как на sale, можешь за двадцать пять центов взять.
Вот такая мысль у меня появилась

****

K05.12

***

Просто поразительные сны. Но я настолько снами окружен, что я просто не знаю, стоит ли их записывать или нет. Теперь буду продолжать свой Ранасонник, я буду его так называть, Ранасонник, записанный на Ранасонике. Вот мой Ранасонник сегодня такой. Мне снится, что я в Джурине. И подходит ко мне какой-то наш эмигрант, ну какой знакомый наш парень, но я не могу его сейчас как-то вспомнить, как он выглядит. И говорит... И я вижу, что у него фотографии. Причем какие-то очень редкие. И он говорит:
- Вы же специалист по Михоэлсу. И вот у меня есть очень много фотографий. И я хочу, чтобы вы их посмотрели.
И я смотрю. И там действительно Михоэлс. И какие-то фотографии я совершенно не видел. На одной фотографии он, как бы, такой высокий, стоит очень высоко, так расставив ноги, какой-то такой, совсем не похож на себя, потому что он был как-то невысокий такой. Но может быть, в спектакле “Колдунья” он, кажется, играл на катурнах, что-то мне так вспоминается, а может быть, я неправ. И вот я просматриваю и говорю:
- Да, это очень, очень интересно.
Но этот парень вдруг исчезает. И я оказываюсь возле синагоги или в самой синагоге, которая разрушена. И я захожу туда и там... и там я вижу Михоэлса, живого. И он репетирует как будто что-то. И так посмотрел и говорит:
- О, - говорит – хорошо, что вы пришли.
Я так обрадовался, как будто он меня знает, хотя я его никогда в жизни не видел. Но я уверовал, потому что во сне я просто был, как бы, совсем наравне, в смысле нашего времени. Потому что я был в этом же времени, что и он. И я как-то не думал об этом, что это совсем в жизни было не так. И я... И он что-то так реперирует... И с кем, я не вижу ничего. И он вдруг говорит:
- Да, вот вы это посмотрите, смотрите вот эти фотографии и мы потом поговорим.
И я беру и говорю:
- Что вы знаете...
Он говорит:
- Там одна очень интересная фотография, где я на высоких таких ногах, как бы стою...

А между ними, между ними находится маленькая девочка, такая куколка. И я это ему хочу рассказать и я говорю:
- Вы знаете, мне кажется, что я это видел.

Он говорит:
- Вы не могли это видеть нигде.
Я говорю:
- Ну, может быть.
И я решил:
- Ну чего я ему буду рассказывать, что какой-то там парень, может быть, у него эти фотографии, как бы говоря... переснял. И таким образом, он не знает об этом.
И я решил, что я не буду его огорчать.
- Ну давайте, давайте, я с удовольствием это посмотрю.
И я беру фотографии. И там действительно, почти все те же фотографии. И вот эта фотография, которая с этим... с этим большим... с его большими ногами и меджу ними какая-то крошечная такая миниатюрная девочка такая. И это получается очень контрасно. Высокий – высокий человек с такими длинными – длинными ногами и куколка – девочка, стоит между. Я подумал:
- Ну вот теперь, его надо было бы сфотографировать. Где же мой аппарат? Ну, какая обида! Каждый раз одно и тоже! Каждый раз одно и тоже!
Я хотел бы его сейчас снять. И оказывается, что я фотоаппарат не взял с собой. И я мечусь и думаю:
- Ну может быть, я все-таки где-то сейчас достану фотоаппарат. Может быть к Нюшке забежать, которая живет недалеко.
Фатически все недалеко в Джурине. И я как бы мчусь и это вечер, вечер...
И я думаю:
- Ну, подожди...
Я вышел и получилось, что вечер уже.
- А как же снимать, если у меня же вспышки нету.
И я думаю так:
- Что в принципе, это бессмысленная затея такая.
И я бегу обратно в синагогу, а там уже никого нету. Выбиты окна. И я вижу только остов синагоги, который я обычно уже видел, когда я приезжал ежегодно в Джурин. И после того, когда там была в синагоге какая-то контора, была какая-то... какой-то склад. А потом, когда все это тоже разрушилось и остались выбитые окна и только стена. Вот.
Сон этот довольно, как говорится, любопытный вот в каком смысле. Первое. Я только прочел недавно историю Александра Годунова,

балетмейстера, балеруна и вместо... и его жены Власовой... Власовой Людмилы, кажется. И вот интересно, что... какие ассоциации тут возникли. Там у него был какой-то молодой человек, когда он еще в Риге, был

фотограф, который его все время снимал. И считали его гениальным танцовщиком. И поэтому он как бы фиксировал его вехи, как говорится, жизни. И это было в Риге, потом когда он был в Большом театре, он это делал. И потом он уехал, исчез, уехал и потом он уже жил в Нью-Йорке. Когда они приехали на гастроли, и тот решил остаться, так вот Людмила Власова считает, что это именно тот фотограф, который его как бы убедил, что ему надо остаться здесь, в этом самом... И он снимал его беспрерыно, где бы он ни был, и с нею, и без, и на пляже и все ... И все снимал, снимал, снимал, снимал. И она считает, что после того, как он остался... и это стала сенсацией, а она решила... отказалась и все-таки поехала обратно... Три дня стоял самолет фактически и она уехала обратно в Москву. Это так... и вот появлялись сотни фотографий. Она считает, что он обогатился. Я не думаю, что это не настолько так, но может быть. И вот это первая мысль, которая у меня возникла из-за того, что я видел те фотографии, который тот юноша, который со мной встретился до Михоэлса, их как бы переснял.
Вторая ситуация. В отношении вот этих высоких ног. Я был недавно в Сарасоте. И там поставили памяник... Я даже написал стихи о поцелуе “Баллада о поцелуе”. И там фотография на сорок пятом и Time Squre была снята, такая случайная фотография, где моряк от радости, что они живы, где они приехали, прибыли с войны и они, так сказать, победили, победители. И там полно народу было. Но он первую какую-то... или она тоже порыв был... И они расцеловалиь из-за того, что они живы и здоровы, и молоды, и впереди их ждет счастье, радость и все прочее. Эта фотография обошла весь мир. И она действительно... Столько неожиданного, настолько в ней есть радость от победы, от счастья, от молодости. Это то, о чем я говорил. И я вот... И сейчас в Сарасоте поставили, поставили такой памятник. Супер реализм, метров десять высоты, даже больше – метров пятнадцать такой высоты этот памятник. И вот запечатленны моряк и вот эта вот девушка вот в этом поцелуе. Там одна туфля ее, высоты в полчеловека. Ну, вообщем, вот такой, очень... гипер такой, гипер реализм. И я отснял это и написал вот такую “Балладу о поцелуе”. И она так сентиментальна. И я посвятил ее Боре и Броне. Во всяком случае, вот этот... вот эти ноги и вот это то, что Оля там стояла под ними... Но она не маленькая девочка, но все равно она выглядела там, как крошка, по сравнению с ногой этого матроса. И вот это могло вдруг переброситься к Михоэлсу. Плюс это то, что я говорю, что он, по-моему, в “Колдунье” он играет вот такого, какого-то на ходулях какого-

то высокого человека. И поэтому мне это могло присниться. А Михоэлс, это в связи с тем, что я всегда... у меня, так сказать, в моем подсознании... Я столько собрал материала, столько знаю о нем, что настолько... Я еще хочу

написать о нем и сделать книжечку такую. Поэтому я этот сон... вот именно поэтому он мне приснился.

10-ое декабря

Сегодня 10-ое декабря. Сон был очень разнообразный какой-то. Но запомнился один маленький просто сегмент, как говорят, фрагмент из этого сна. Итак, моя первая, одна из первых таких, я бы сказал, сексуальных конкретно, любовей, это была моя соседка, девочка, которая была... Ей было столько же лет, сколько и мне. Звали ее Геней и я к ней пылал такой какой-то страстью может в шесть – семь лет. Значит сон мне снился вот какой, что я нахожусь дома как бы или здесь, или может быть даже в Джурине. И там выбегает из своей комнаты, типа спальни выбегает... И там такой узкий как бы проход такой получается, совсем узенький. И между спальней и выходом в другую комнату... А там висит на стенке зеркало. И она выбегает с какой-то легкой какой-то... платочком как бы чуть ли... И примеряет... и голенькая совершенно. Ну, она уже не маленькая, она уже взрослая, вроде бы как семнадцатилетняя девушка. И очень стройненькая, и очень гладенькая. И выбегает и примеряет этот платочек. И так как бы прикрылась чуть – чуть и примеряет это на себе. И я с восторгом гляжу на нее и она как бы не стесняется. И в тоже время, ей как-то неудобно и она убегает и прибегает с другим каким-то платочком. И опять примеряет его, годится ли он ей или нет. И потом этот сон куда-то исчезает. Насколько... но это очень интересная трансформация такая. Дело в том, что это очень часто происходит с Олей здесь, в Чикаго, здесь в Америке уже, в новом доме. И как раз вот у нас вчера, она должна была там пойти на party и она примеряла свою, типа пончо. И она вот именно включила свет, вот где у нас очень яркий свет. И здесь зеркала такие... И самое главное, так узкий – узкий такой проход, где closet у нас, гостевой такой. И вот она дважды бежала туда и обратно, примеряла и все. И вот это так трасформировалось вот этой вот... любви. Она так вот перебросилась на мое первое. А вот Геня, когда она была... мы были совсем детьми, у нас были какие-то такие... Мы жили рядом, через перегородочку, именно тоже вот такая перегородочка узкая была. Она как бы перекрывала их дверь, вход в их дверь, в квартиру и в нашу. Вот таким образом, это была, как говорится, ближе всего... Ежедневно я встречал ее и какие-то такие флюиды любви в детстве... Но в тоже время, сексуальные были и с ее стороны и с моей

стороны. И однажды мы решили... Дело в том, что мы так подсматривали, подсматривали в погребе, в таком подвале, был такой basement, тоже перегорожен был досками, где были большие, очень большие прорехи. И вот иногда там попадало, что у нас и них у них были такие как бы ведра, где мы свою нужду справляли. И подсматривали и это тоже было любопытно с ее и с моей стороны. И вот однажды мы как-то... Ей было тогда лет восемь, не больше, а может быть даже и меньше, лет семь – восемь лет. Это был летний такой день. И мы как-то на балконе встретились в смысле и как-то что-то разговорились. И я говорю... или она мне предложила, или я ей, не знаю:
- Давай пойдем в этот самый... пойдем на такой... пригород такой был. Возвышение небольшое, откуда полностью виден был наш... видно было наше местечко. И речка там была, и церковь там была видна далеко впереди там. Вот такой это был пригорочек. И мы как-то вообщем, не сговариваясь, это было как-то так интуитивно, она присела для того, чтобы сделать по-маленькому. И я, как бы казалось, я это должен быть делать стоя, но я тоже присел. И мы так присели друг против дружки, чтобы посмотреть, какие же у нас, так сказать, разные методы делать по-маленькому. И это был один из самых таких ярких... как бы и возбудительный такой момент. И вот это сон сегодня мне приснился. Мне часто снилось она. Во всяком случае, потом, когда мы стали взрослее и по четырнадцать и по двенадцать лет, я как-то понял, что она не в моем вкусе. И появились другие пассии в это время. И это был совсем другой уже рассказ.

***

Ну что еще? Событий было как бы много. И в тоже время. Одно из самых таких, может быть, ярких, это то, что я практически ушел из магазина. И самое интересное, что мне почему-то не хочется туда идти. Мне даже неудобно что ли, опять туда возвращаться, хотя там еще все не законченно. Там много моих вещей осталось. И я подумал:
- Что вот в этом есть какая-то очень сильная, хорошая сторона, что я решил в один присест все это отбросить.
А иначе можно было в этом завязнуть и никогда не выйти из этого... или переживать из-за этого. А это очень большие переживания. Вот такая вот ситуация сейчас.

***

Читаю Селинджера “Над пропастью во ржи”. Блестящий перевод, блестящий .... Ковалева он настолько какой-то искренний и естественный, потому что герой этот юноша, тоже настолько искренний и настолько

естественный, что если бы вдруг кто-то другой переводил, это было совсем не очень так тонко, как у самого Селинджера. Во всяком случае, оно притягивает, оно так интересно, что будет дальше? Каким образом этот юноша будет существовать в этом мире? И каждый... там очень много повторов. Но там соблюден характер, соблюден его... его взгляд на жизнь и, как бы сказать, больного мальчика. И в тоже время, как говорится, это уже такой граф Мышкин, который тоже становится тебе ближе, чем Рогожин или другие. Я когда был в этом... в Сарасоте, это имеется ввиду, когда я потом поехал к Любе в ....Spring... Там пришел к ней... там был такой званный ужин, пришел Саша Соколов. И я сразу говорю ему:
- Что в принципе “Школа для дураков” она могла выйти из “Над пропастью во ржи”.
Он в какой-то мере тут же согласился и тут же ее прочитал. Но, конечно, “Школа для дураков” это чисто русская ситуация, чисто русская компания. Сама компания, восриятие жизни совсем другое. Но создан, конечно, тоже образ очень великолепный. И раздвоение личности, и объект, где происходит вот это все... То есть, ты прикипаешь, как бы, если так можно сказать, к этому и учитывая, что та ситуация типа, как кажется, это тоже так условно, намного роднее или ближе и понятнее. Ты по-другому как-то воспринимаешь это. Хотя, то, что пишет и то, сделал Селинджер, оно может быть, более общечеловеческое. Мне это тоже понятно, хотя я уже в Америке и понимаю намного больше всю ситуацию, быт и все прочее. Но я думаю, что если бы я не был... не будучи в Америке, это нужно понять, потому что там есть такой общечеловеческий характер.

11-ое декабря

Сегодня 11-ое декабря. Снится сон. Мы в каком-то театральном таком... ну, что ли... студии или театральной гостинной какой-то там. И идет или репетиция или какое-то выступление... Нет, это скорей всего, все-таки как бы... перед какими-то зрителями, именно, что даже там... Значит, какая-то Холокостская тема. И я... и я там выступаю вместе с ребятами. Но там с нами и вместе выступает Эренбург Илья Григорьевич. И только и слышишь:
- Илья Григорьевич! Илья Эзравич!
Ребята что-то там говорят или мы репетируем это все для того, чтобы это сделать на зрителя. Потом вдруг это переносится все на сцену уже. И Эренбурга и меня там нету уже. Я сижу в зале, а ребята выступают со стихами. И “Бабий яр” читают. И “Бабий яр” Эренбурга, и “Бабий яр” Евтушенко. И я как-то в душе понимаю, что стихи Эренбурга сильнее с

точки зрения, может быть, поэзии, хотя, она тоже такая, “головная”. А Евтушенко сильнее по звучанию и по теме. Даже не по теме, а по такой и публицистичности, по... Вот. И я так недоволен, как бы все-таки как это все делается. Но я не вижу зрителей за собой, никого, как будто, я один присутствую. И поэтому, у меня какое-то такое сопереживание и в тоже время, какое-то недовольство.
Снилось это, конечно, что только потому, что я недавно об Эренбурге как-то говорил. У меня есть эпиграмма. “Эмиграмма” я ее называю... что:

Служил он затянутый там какой-то уздой
Служил он правдой и звездой
Но должен был признаться я, конечно, я
Звезда была шестиконечная.

Ну, вот это мое отношение к Эренбургу, что при всем его и таланте и при всем его... изощренности, и ума, и хитрости, и умения, так сказать, приспособиться, я рад, что... я могу сказать, что он был и остался жить и сумел что-то сделать и хорошее и слава Богу. Так что, вот такая у меня... был такой сон и такое общение. И как будто мы вдвоем... А... вот еще что почему – я выпустил этот... дискетку, в смысле аудиокассету про Холокост. И там я читал стихи Эренбурга. И вот может быть отсюда какая-то такая взаимосвязь и появилась, появился вот этот сон, что два Ильи и вот... Вот такие пироги.

12-ое декабря
Сегодня 12-ое декабря. Сон был такой. Я нахожусь в каком-то доме, экзотическом доме, так может быть. Но незнакомые люди там, я не знаю их хорошо. И у них как-то так получается, что в самом доме или там внутри садика такого, огороженного таким сетками... Все-таки похоже на Флориду.... Находится какое-то такое высокое дерево, экзотическое. И когда я там стою возле, или ветер подул или что, с него начали падать львята или какие-то такие тигрята, я не знаю, вот такие. Но довольно уже большие, не совсем маленького такого... и мы, значит... А потом появилась сама тигрица. И они, конечно, меня сразу увидели. И женщина, которая там стоит, говорит им:
- Цыц! Не смейте!
Но несмотря на это, эта... и тигрята довольно мощные. И одна ухватила меня как бы за ногу так. Но не кусает, а просто так, точно также, как это делают там собаки или кошки, которые прирученные. И только так ногти как бы пробуют, но не вонзают в ногу. Но все равно я им, так сказать, не доверяю и думаю, что... И тигрица тоже подошла и схватила меня, кажется, за локоть. И так держит. И та говорит:

- Уйдите! Уходите!
И открывает какой-то такой... такую калиточку, чтобы они туда вышли. И они туда вышли, она их как будто выгнала туда. Но в эту же калиточку вошли два льва, побольше, громадных таких. И тоже, так сказать, направляются ко мне. И я говорю:
- Они не будут кусаться?
Она говорит:
- Нет, нет, они прирученные как бы.
Но недоверие, что в какой-то момент... Они так научены, но “голод не тетка”... А вдруг они голодные? А вдруг им что-то не понравилось в моем теле или в моем запахе или что...? и все равно это может закончиться катастрофически. Но наконец-то, они уходят. И я думаю:
- Господи! Хорошенькое дело держать в доме таких зверей.
Этот сон не... Он имеет под собой, как говорится, конкретные такие ассоциации. Хотя, это, как говорится, слон и моська. Вот такая моська была у Бориса, когда мы были сейчас в Сарасоте. И звали его Чемп, Чемпион. Это маленькая такса, которая... всего ей было только три месяца или что-то... Но очень боевая, наэлектризованная очень. И вот когда я сидел и ужинал или завтракал, но я так... Она всегда подбегала и бегала, как угорелая. И я так гладил ее ногой. И она хватала меня за пальцы за... И так нежно, но все-таки чувствовалось, чувствовалось, зубы чувствовались. Но все... вот эта приученность, чтобы не... Я все-таки считаю, что это такое высокое дарование в собаке, что она это... Она уже была приучена, чтобы не кусать там своих, которые там рядом с ней. И вот ведь инстинкт у нее должен быть, чтобы кусануть так, чтобы если бы она увидела какую-то мышь или что-то... и то, что привлекает ее. И вот поэтому я думаю, что ассоциация возникла отсюда. Но львы тигры снятся мне часто и именно в такой экстремальной ситуации и очень опасной такой ситуации. Вот такой был сон.

***

Потом снилось еще что-то, связанное с этим. Вчера у меня тоже был интереснейший момент, который стоит все-таки отметить. Значит, я вдруг вспомнил, что одиннадцатое число. И где-то засело у меня в подсознании, что сегодня должен быть спектакль из БДТ, в котором участвует Басилашвили и участвует Лавров, и Фрейндлих, и Шарко, то есть, как бы последние звезды советского театра. Уже выше сейчас, кажется, тоже никто не остался. Все народные артисты и любимые, и действительно популярные и все. Пьеса была, скорей всего, английского или... режиссера или драматурга. И квартет... я забыл, как называется, надо будет

посмотреть. Сюжет пьесы довольно любопытный, я думаю, но и, к сожалению... Да и вот... что значит, страсть. Это тоже одна из моих тем, которую я всегда отследую и хочу понять. И уже было половина восьмого и я думаю:
- Нет, что я буду сидеть...
Я сидел и писал... Что-то там удачное там, нашел пару фраз для рассказов. И я закончил и уже устал. Оля заснула, потому что у нее была такая... Но она, слава богу, заснула. И я думаю:
- Ну, пускай она спит себе.
И я тихонечко собираюсь и звоню Эдику и спрашиваю:
- Там точно ли этот спектакль?
Он начал просматривать в газетах и говорит:
- Нет на сто процентов нет. Это будет что-то позже.
И я говорю:
- Знаете что, у меня все-таки есть предчувствие, что я прав. Что это одиннадцатого декабря, а не одиннадцатого января.
Ну, он начал еще просматривать газеты и нашел, что именно одиннадцатого января в Heritage Academy. И я думаю:
- Ну все, надо ехать.
Пока я собрался, пока я нашел пару книг, фотографии. Я выехал когда уже было без четверти восемь. Но я думаю:
- Обычно начинают где-то в четверть девятого, восьмого, если на семь назначено. Это обычная история. Может даже и позже. Может быть, я даже мало, что пропущу.
И вот я еду. Выехал на Willow прямо по Sanders. И я еду по Willow – темно. Никаких, так сказать, знаков дороги и этих дорожных... Ну, не дорожных самих знаков, а знаков улиц. И я не могу... И я, конечно, не доехал еще до Waukeegan, завернул в какую-то, похоже на эту улицу и поехал вперед. И никакого театра нет. И я уже остановился на дороге и поднял палку свою. И никто не останавливается. И что-там там светилось... и он говорит:
- Еще там надо ехать вперед, еще пару блоков. Ну, я еду еще раз по Willow, проехал Shermer и думаю:
- Shermer же ниже Waukeegan.
Такое у меня впечатление было. И я не мог как-то... И опять схожу в каком-то месте... И стоит машина. И я так стучу тихонечко в окошко, а там идуска какая-то. Она так испугалась, хорошо, что она была не одна, с другой и там был муж за рулем. И я ее так спрашиваю, извинился... И она:
- Ничего, ничего.
И они мне говорят:

- Вам надо проехать еще два блока, чтобы попасть на этот... как его... на Waukeegan.
И вот я на этом Waukeegan уже еду. И несмотря на то, что я хорошо знаю этот Waukeegan, и я не могу найти этот театр. Не видно, ни видно ничего. Поехал вперед, но думаю:
- Нет, так не может быть. Я знаю, что это далеко. Во всяком случае, от меня.
И опять... И это все в такой тревоге. Ну, вот, как я наказан из-за страсти, из-за желания, так сказать, попасть и встретиться и все. То есть, такая грустная ситуация. И все-таки, как говориться, желание все довести до конца и вот этот замысел, он превалирует вот надо всем. И я еду, съехал, увидел там какой-то открытый... даже на знаю, что там. И спросил, там за прилавком стоял такой здоровый мужик. И он говорит:
- Ну вот, вы должны еще проехать немножко вперед и с правой стороны...
Я говорю:
- Я знаю, я просто пропустил...
Ну, вообщем, я приехал и сел... Заехал в самый дальний угол на остановке тоже. И я говорю:
- Как все идет, но...
Страсть во мне сидит и я все-таки обошел весь этот театр и вспомнил, что там есть какая-то... какой-то вход и, конечно, я попал туда. И спектакль уже шел. Но меня тут увидели, встретили:
- О, Илья Эзравич!
И проводили в этот зал. И даже стул хотели мне дать, но я говорю:
- Не надо. Я с удовольствием постою.
И сразу ушел весь в спектакль и все понял. так что. Я ничего не пропустил из того, что там было. И вот четыре развалины, четыре развалины по пьесе самой. Не в жизни, а по пьесе. И учитывая их ритм, и характеры, и походки.... Это было просто... И еще я был в самом конце зала и я сомневался был ли это Басилашвили или этот самый... Лавров. Они, кстати, почти одного роста оказались как бы. Мне казалось, что Лавров невысокого роста, а так, он вытянутый старик такой. А потом они значит... Пьеса очень такая любопытная. И я думаю, что можно действительно было четыре бывших актера, двое, два мужчины и две женщины, бывшие две оперные дивы и оперные звезды собрались для того, чтобы спеть квартетом из “Риголетто” Верди. И вокруг этого крутится все. Они уже не поют, а они уже будут петь “под фанеру”, как говорят сейчас. И эффект сам по себе, очень хороший. Там музыка звучит, он рассказывает о Верди. И в это же самое время, вся их жизнь проходит мимо. И все их взаимоотношения и все

прочее... И они рассказывают и все очень как бы естественно и не надо было бы казалось, напрягаться для того, чтобы... чобы придумать что-то или что-то наигрывать. Ну и здесь, я думаю, была и потеря большая. Казалось бы, да, и они похожи. И они уже по возрасту полностью соответствуют... А Лаврову уже около восьмидесяти. Этот... за семьдесят уже Басилашвили. Шарко тоже самое и Фрейндлих тоже самое. То есть, они все очень близки к этим образам. И поэтому, конечно, режиссер выбрал этот спектакль. Но они в тоже время... мало, мало энергии, мало энергии исходило со сцены. То есть, как бы то ни было, нужные было найти эмоциальные какие-то такие силы и вещи, которые должны были бы трогать. Вот этого, вот этого было мало. Ну, зритель был очень доброжелателен и, как говорится, возздал им должное за их бывшие заслуги, и за... за их старость, и я бы даже сказал, за их подвиг. Но мне все-таки захотелось их увидеть вблизи. Но я увидел Лилю и она мне говорит:
- Ой, Илья, давайте мы...
И я ей говорю:
- А где они?
И она мне показала что там-то и там-то. И я зашел вначале к мужикам. Они были одни. Двое стариков разгримировываются, в майках. И Лавров – высушенный старик, высушенный, но еще есть какое-то чувство. Он очень вежлив был, необычайно. Я был даже поражен. И он спросил:
- Как ваше имя отчество?
Я говорю:
- Илья Эзравич.
Я говорю:
- Кирилл Юрьевич, вы меня, конечно, не знаете. Я просто...Но мне приходилось... Вы даже к нам на студию приезжали в... Я даже встречал вас...
Но это он, конечно, не должен был помнить. И я ему сказал:
- Что для Чикаго, мне было бы интересно, чтобы он оставил бы какую-нибудь запись.
И он согласился тут же. И взял ручку и он тут же написал так довольно приятно. Потом и Басилашвили тоже самое. И интересная такая штука. Я когда шел, я подумал:
- Ну, Лавров для меня как-то не тот актер, которого я так миловал и так хорошо знал.
Я его знал чисто по фильмам, всяких там таких героев советских, космонавтов и все прочее и прочее. А хотя там он играл разные роли, не только просоветские. Ну, мне почему-то казалось так, меня он не так

интересовал. Но оказалось, что я больше всего с ним как бы побщался, потому что Олег Басилашвили, он там долго как-то снимал грим и все. И потом он одевался медленно. Правда, у него прекрасный есть еще чубчик такой, который он зачесывал долго. И я передал... Да, и вообщем, я их как бы разогрел. И говорю:
- Ну что же, если можно, я еще на память вас сфотографирую.
И он говорит:
- Конечно, можно.
Ну, он меня щелкнул с Басилашвили этот Лавров. И я потом говорю:
- Ну, если можно, еще с вами.
Он говорит:
- Давайте.
И я... и взял Басилашвили аппаратик и – ни за что он не сработал. Батарейки сели. Вот со мной сыграл вот эти “батарейки сели” сыграл вот такой случай. Но я начал их подкручивать и они как будто... Я нажимаю – фотография получается, он нажимает – нет. То есть, это вызвало и такой смех и я говорю:
- Что-то здесь значит не так.
И я подумал:
- Ну я ж не думал с ним... с этим... с Лавровым.
Я его снял сам и таким образом, по-моему, так и не получилось.
А вот потом я пришел к Шарко. Очень тепло так поговорили о фильме, в котором она снималась. И я был тогда участником очень активным, я с Кирой тогда дружил и знал все ее замыслы, очень помогал ей и все. И Шарко... ну, полная такая тоже развалина. Ну, еще как-то так держится, видно продолжает еще пить. У нее красное лицо, но в ней есть еще какая-то жизнь, еще есть. И а... Фрейндлих должна была... перед тем, как мы сели говорит:
- Я пойду покурю, иначе я просто умру.
Я говорю:
- Вы и в школе курите?
Она не хотела говорить об этом, там не разрешают что ли. И она пошла на улицу, мы вышли. И аппаратик у меня не работает. И я думаю:
- Ну что ж...
Но вдруг меня встретила там одна эмигрантка и говорит:
- О, Илья и вы тоже... Какая, какая... Ну как?
Я говорю:
- Прекрасно все это...
И она говорит ей, этой... как ее... Фрейндлих:

- Вы знаете (и даже отчество имя отчество ее сказала) Алиса Бруновна, вот это наш Илья Эзравич, вот это наш Толстой.
И мне так как-то стало нехорошо, хорошо, что было темно, я чуть ли не... То есть, какая-то банальная штука в связи с моей такой бородой седой. Хотя я, как ни странно, был одет в пальто, похожее на пальто Толстого на одной фотографии, где такое длинное пальто, почти до щиколоток. Оно очень теплое, шерстяное пальто твидовое. И вот оказалось, есть такое пальто у меня на фотографии, с палкой такой и с такой бородой. Короче, такая ассоциация возникает. Ну, вообщем она говорит:
- Давайте, я вас сфотографирую.
Я говорю:
- У меня нет аппарата.
Да, она говорит:
- Да, вы мне... Давайте, я вам сделаю фотографию. Я говорю:
- Пожалуйста.
- Я вам вышлю по email.
Вообщем, она сделала фотографию. Это было на улице и я не знаю, получилось или не получилось, я не знаю. Вот такая вот история была вчера. Ее можно было бы назвать “О страсти”. Или, как я придумал для Чуккокола, для моей Чикаголы, я придумал, что могло бы называться “Автографомания”, “Автографомания”.

13-декабря

Сегодня 13-декабря 2005-го года. Тревожный сон и в тоже время что-то в нем было и радостное. Мы отъезжаем из Одессы. С нами едет Боря Цихановский и его сын. И я его... Эрика я не вижу среди нас и об этом как-то нет разговора. И его семьи полностью не не было, то есть нас только четыре. Мы собираемся очень тревожно. И в душе ощущение, что времени мало осталось. Мы сегодня должны улетать, уезжать. И просто катастрофически мало времени. И в это время я хочу... я хочу еще какие-то последние сделать, как говорится, покупки и раздать то, что у нас есть из... И все-таки как-то все скомканно, все скопилось, как всегда в последнюю минуту. И вот Боря с Юзиком куда-то ушли и мы остались с Олей. И я не знаю, в принципе, что делать – ждать их... И я думаю:
- Может быть, скорее всего, надо поехать на вокзал и таким образом, для того, потому что они видно туда и придут.
И вот мы по дороге идем, а там какой-то книжный еще развал. Я начинаю рыться и думаю:
- Может быть с тобой еще какие-то книжки надо взять.

И все-таки хочется еще что-то взять. Там очень большие какие-то фолианты. И много этих самых... какие-то альбомы. И вот я смотрю там такой молодой человек... Боже мой, сын с отцом... молодой. И они так обсуждают очень активно, что они нашли вот эту вот книгу. И там... и они ее нашли, какая-то серьезная научная книжка. И я с одной стороны думаю:
- Ну, это очень интересно, что вот такая есть необходимость серьезных книг.
Оля в это время, я не знаю, где. И потом мы вместе попадаем прямо на таможню. Это не таможня, это оказывается такой... типа чуть ли не такой... такой... морской такой... или скорее, это как бы подходит... Не как зал, а этот... ну, на открытом воздухе. И вот я вижу там значит, проверяют документы и лежат какие-то... эти самые... лежат какие-то там бумаги, которые там надо или заполнить или уплатить за них какие-то деньги. Но Бори нет и я не знаю, что нам делать. И я как-то так тревожно... Оля более так спокойна:
- Ну, он придет, он придет.
И еще вообщем, одна любопытная такая деталь, что на Оле такой сарафанчик, который она для себя пошила и еще какая-то блузка у нее в сумочке и она говорит:
- Надо было бы постирать.
И там как раз была возможность в Борином доме. Была возможность это постирать. Я говорю:
- Ну не надо. Что мы будем заниматься в такое важное время, мы будем заниматься стиркой.
Я говорю:
- Да выброси или возьми так. Потом постираешь, когда мы приедем на место.
И вот мы ждем, ждем Борю, ищем его – а его нет и нет. И в это время появляется какой-то... Да, и в это время появляется какой-то мужчина и женщина. И у них там коляска и в ней, я не знаю, по-моему, чуть ли ни дрова что ли. И он вынимает, вынимает из бумажника, как бы наши документы. И я говорю:
- Это что, вас Боря послал?
А он ничего не говорит, не отвечает. И я говорю:
- Так а где они?
А он говорит:
- Мы должны что-то как-то оплатить...
Я говорю:
- Пожалуйста.

И я начинаю вынимать, искать свой портмоне с деньгами. И там я еще помню, вспомнил, что там есть еще и советские деньги. И я думаю:
- Я их могу все их отдать. А зачем они мне нужны в Америке?
Хотя там, куда мы идем, нет в этом сне. Но это подразумевается, что мы уезжаем. И я вынимаю и начинаю ему отдавать эти деньги. И он говорит:
- Нет, мне не надо. Их как сувениры можно там кому-то раздавать.
И в это время подходит еще один пожилой очень мужчина, человек и держит в руках такую бутылку. Я не знаю, что там. Или виски, или пиво, но что-то такое темное, бутылка. И он говорит:
- Ну тк что? Показать вам, как с горла можно выпить?
Я говорю:
- Как хотите – я говорю. – Это, как говорится, ваше право.
И он говорит:
- Ну вот, смотрите, как это можно из горла.
И он так берет... он мощный такой, пожилой человек, лет шестьдесят, пятьдесят пять. Но высокий, крепкий и такой актеристый. И он вот так... И рядом появляется и так с любопытством смотрит женщина, кажется, с ребенком. И она так влюбленно смотрит на него. И он говорит:
- Понравилось, когда я так выпил?
Она говорит:
О, это так здорово!
И она ему, кладет голову ему на грудь она. И чувствуется, что она просто готова с ним уйти куда он позовет ее. И я так даже очень позавидовал и думаю:
- Вот, вот такое должно быть чувство, такая оценка вот такого мужского достоинства и стати...
В это время, я....

****

K06.6

7-ое июня

Сегодня 7-ое июня 2006-й год. Из снов, которые мне сегодня снились, под утро, я их хорошо запомнил, потому что я встал и как-то сразу весь... прокрутил все это в мозгу.

Значит, сон такой. Я попадаю в Джурин и стою там на какой-то горе, которая там никогда не существовала. Но она вот передо мной, я на ней там стою. Это высокая такая горка, но она очень высокая. И я подхожу к ней с какой-то стороны, которую я тоже так не помню в самом местечке, но я на нее взбираюсь. Зима... и это все в зимнее время. И Оля, как будто идет за мной. Но она медленно идет. Я вот выхожу на эту горку и смотрю вниз. И вижу помпу, которая возле кладбища. Самого кладбища я не вижу. Здесь такой ракурс, что я только вижу вот эту дорогу, которая ведет в Голинчинцы и помпу вижу. И очень много людей. Это точно, как на картине Брейгеля. Они где-то там внизу маленькие – маленькие. И они идут, ходят, идут в этот... по дороге в Голинчинцы. Это крестьянки и крестьяне, дети. Возле самого колодца тоже несколько человечек. Потому что это издали все, это маленькие – маленькие человечки. И я думаю, что:

- Я же видно все-таки приехал специально, чтобы пойти на кладбище. И как-то мне надо туда спуститься.

И я решаюсь. У меня там пальто такое зимнее, длинное. И я думаю:

- Я просто сяду вот так вот...

А учитывая, что оно имеет такой склон, но очень высокое... Оно имеет склон и таким образом, я спокойненько туда доеду. И в это время подходит Оля и говорит:

- Ну что?

Я говорю:

- О, хорошо, что ты уже здесь. Я все-таки думаю, что надо спуститься.

Она говорит:

- Как? Я боюсь.

Я говорю:

- Ну, я попробую. Если я благополучно, как бы, доберусь, тогда и ты по этой же стежке... и ты пойдешь.

Ну, и Оля говорит:

- Хорошо.

И я таким образом, спускаюсь, сажусь. И довольно... как-то ногами рулю. И довольно плавно я добираюсь... я туда сползаю вниз, на самый низ, то есть,

на землю, которая уже ведет на дорогу, которая ведет уже к кладбищу. И я кричу ей:
- Ну что! Давай и ты!
Но она как-то так... вначале так сомневается, а потом она садится в это же, как бы место и идет вниз. И вдруг ее заносит... почему-то она ногами... я ей не говорил, это все было... как-то так необдуманно. И ее заносит в правую сторону, где нет снега, а такая как-то... ну, типа кусты какие-то, кустарник. И она туда залетела. И я с таким испугом бегу вверх уже с той стороны, не этой... где вот этот кустарник. И я добираюсь к ней. И она как-то держится за спину. И я говорю:
- Ну что, Люшенька, что?
Я в таком беспокойстве, что я ей... И она говорит:
- Я не знаю, меня как-то сюда занесло.
И я говорю:
- Ну, давай!
Я ее поднял и вытряхнул все это. И мы... и я ее... или взял вниз туда, или я... Этот сон я так уже не знаю. Но меня это очень как-то... было больно и за нее и неприятно, что такая вот получилась история.
Но вот этот Брейгель... Я знаю, откуда этот сон, конечно. Потому что я купил прекрасную книжку. Она называется “Gold Gardens”. Это “Золотые сады” по всему миру. Сняты, великолепные фотографии. А иногда, даже там есть живопись, потому что эти сады были очень давно, как сады Семирамиды. А это были сады пятнадцатого века, четырнадцатого века, шестнадцатого. Их уже рисовали художники. И то, что осталось изобразительного, как говорится, ряда, они поместили вот в эту книжку. И там есть один какой-то испанский сад. И его запечатлел не Питер Брейгель, а Джон, кажется, Брейгель... Как оно там... Брейгель – старший и младший. И, как обычно, это все у него... с птичьего полета. А отсюда появилась вот эта в Джурине, вот этот... вот эта большая такая горка. И я оказался на ней и смотрел вниз, вот тоже, как бы, с птичьего полета и что происходит там внизу, и как шли вот там эти брейгелевские крестьяне. Вот откуда этот сон, это на сто процентов. Он мне так... и там, в этом, на его рисунке... на его... это живопись, на его живописном этом полотне. И этот сад, громадный – громадный такой... с озером, с дворцом. И вокруг люди маленькие перед этим садом. И там еще ограда. И они как-то так стоят на уровне, не знаю там, маленьких птичек. Все это в страшно уменьшенном, уменьшенном виде. И я даже сказал Оле:
- Какая прелесть вот этот сад и то, что Брейгель оставил.

И я... и оно запечатлелось и потом вот сон превратился вот в такой сон. И как он взаимосвязывался там вот с этим самым... это трудно даже понять. Но, скорей всего, отсюда. Вот такой сон.

11-ое июня

Сегодня, кажется, уже 11-ое июня. Вот сны были эти несколько дней, но я их не записывал. Но были любопытные, конечно, сны. Один сон, чтобы я его не забыл... Это был, что я нахожусь в балетной какой-то труппе, балетный театр. Функция моя очень непонятна для меня. То ли я для них, как бы, режиссер, связанный с постановкой какой-то их программы. Не как балетмейстер, естественно. Это чисто какие-то такие... Это с одной стороны. С другой стороны, это не происходит во сне, но я с ними. Сперва мы спим в какой-то гостинице. И должны, утром должны ехать или на вокзал, чтобы поездом куда-то долететь в аэропорт. И спим все вместе – женщины и мужчины вот в этой громадной темной, полутемной комнате. И вот вдруг такое, что:

- Надо уже вставать!

Кто-то поднимает всех. И поразительно красивый такой момент – женщины выскакивают как бы из кроватей и летают, но... вот надо мной... Я не знаю, во всяком случае, как другие там принимали бы... Но я это воспринимаю... Потому что я лежу еще, смотрю вверх и они надо мной, как вы проносятся, выскакивают из своих кроватей. А их полно там было. И они надо мной пролетают. Значит, они фактически все только в таких трусиках красивых, а груди оголенные и они пролетают для того, чтобы быстро – быстро одеться где-то, в каком-то чуть ли не другом месте, как бы. И это длится красиво и длинно, и приятно, и эротично. Потом все мы уже и администратор какой-то или руководитель этой группы, их подстегивает чтобы:

- Скорее! Потому что там уже ждет автобус.

И я думаю так:

- Я должен с ними ехать или нет?

Ну и я думаю, что:

- Естественно, я же не останусь здесь.

Но чувство какое-то такое неопределенное. И вот я выхожу уже, как бы, тоже из этого, из этого места. И оказывается, что автобус уже весь почти загружен. И я все-таки... Он посмотрел и говорит:

- Давай! Что ж ты, мол, стоишь!

Я там в последней... с задней двери вот так протискиваюсь. И он еле – еле закрывает, этот шофер закрывает вот эту дверь. И я оказываюсь... ко мне

грудью, ко мне стоит женщина, которая держится за там... ну, за такую трубу, которая там... О, господи, не трубу, а там ручку возле двери. И она вся... И она так прижалась ко мне и грудью, и всем, так сказать, телом, что я, конечно, весь горю. И мне это приятно так, ну, так тесно. И она так

улыбается мне и так с очень красивой улыбкой. И говорит:
- Тебе приятно, милый мой?
Вот такой вопрос. Я говорю ей с благодарностью, как бы:
- Приятно, приятно.
И вот так мы куда-то едем. И я не знаю, как это долго было. Но кроме вот этого... возможности там так, как бывало в других снах и как бывало там, просто физически «нет», потому что я вот так прижато к двери, я прижат к двери. Она меня грудью ласкает, как бы вся и... А дальше возможностей там никаких нету. Это один сон.

***

Потом я, потом я... Вот этот сон сегодняшний, он, конечно, так много было... И про больного одного мальчика... Я как будто в общежитии вначале. И это какой-то такой пейзаж одесский... Ну, на Молдованке и в тоже... И я выхожу... И там живет один мальчик или девочка... Нет, все-таки мальчик. Мне даже трудно сейчас все это вспомнить. Может быть, это и мальчик вот какой-то. Он болезненный, такой хилый, но очень – очень симпатичный. И мне его жалко. И я как-то, что-то ему подкармливаю его или что. А потом я выхожу на улицу, которая... мне казалось, что:
- Мне надо пойти хотя бы булочку какую-то купить.
И я когда уже возвращаюсь, он меня ждет в каких-то... в какой-то рубашечке или что... Это похоже, как будто девичья... но вот так. Но он меня ждет, потому что в в нем какая-то страшная такая нежность, милость и жалость... у меня вызывает. И я дальше не помню, что там происходит. Еще люди вокруг и... То есть, такая атмосфера еврейско – молдованская, с Молдованки.

***

Потом мне снился сегодня сон более... и традионный, и уже... Он уже как бы вырос из другого моего сна. Он вырос из того рассказа, что я написал о таможне на границе Украины и Чехословакии, где мы оказались. А вот тот сон я записал и фактически там и рассказ получился. А вот этот сон, как бы, продолжение из него, как бы, вырос. Мы находимся... Сперва мы находимся в какой-то... ну, это как бы, это переходной пункт, квартира такая. И там много наших. И там какие-то... и там один какой-то рыбак. Не Семен, не

Сема, а какой-то другой. Он приносит большую рыбу, громадную. И я говорю:
- О, вот ее надо хотя бы взять с собой.
И я ее вычищаю. И остается красивая такая шкура с кусками мяса на ней. И

я думаю:
- Ну, сейчас мы ее не успеем поджарить, но надо ее взять с собой. И может быть, где-то там ее можно будет использовать.
И я ее заворачиваю в какую-то такую тряпочку.
И я сразу хочу прокомментировать, чтобы не забыть это. Откуда родился такой вот сон? Значит, я позавчера купил глосика, ну, такого типа... типа глосик, так они в Одессе назывались. И его очень так легко и красиво разрезал. Там сдвинул все и почистил его. И когда я его жарил таким, так именно я оставил в стороне вот такой... И оно очень красиво так поджарился и отсюда родился вот этот вот, что я срезал, что я срезал только шкуру с мясом, с какими-то кусками, а все остальное выбросил. И вот таким образом, чтобы она была приятная для еды.
Второе, это насчет рыбы, ассоциация немедленная, как бы, так и выросла. А,... а потом, что я ее в тряпочку, в тряпку какую-то, какое-то полотенце, в тряпку... Я ее намочил и ее положил, для того чтобы она не протухла и взял с собой туда, куда-то. Непонятно куда.
Вот я на днях хотел там, поехал к Юле, для того чтобы она документы для IRS, она отправила, для Social Security моего. И я срезал ей красивые два пиона или три. И хотел ей довести для того, чтобы ей подарить их. А срезал я их утром. И подумал о том, что:
- До вечера, до днем... ну, когда я туда поехал, они могут... ну, как-то уже завять.
И я их завернул в полотенце мокрое такое, чтобы они не завяли. Вот отсюда появилась вот эта «вяленая» рыба.
А потом, когда мы уже собрались на какой-то станции, где именно нас проверяют... Это ужасающая, та же самая атмосфера, которая, как всегда, была в Чопе и в других местах, где проверяли тебя. И я оказался, как бы... Группа, которая оказалась вот в этой... там, которая оказалась вот в этом месте, на таможне, где проверяют, я оказался, как бы, человеком, который... ну как бы, взял на себя функции организатора, чтобы как-то все было с нами, с группой, чтобы с нами все было в порядке. Значит, я... там было очень много детей. И я говорю:
- Быстренько! Быстро все в одну такую линию!
Для того, чтобы они сразу увидели, что сколько детей и какие дети и, чтобы все документы там были сверены и все.... И эта женщина опять таки

появилась и стала рассказывать, совсем не такая, как в том моем рассказе, в том первом сне. Это обычная такая мымра, которая, так сказать, очень формально там:
- Давайте документы и то, то, то, то...
И я, как бы все-таки, все это организовываю. И они как-то формально, не было даже какой-то такой жестокой проверки. Это все, как бы, сделали. И я подхожу и хочу ей сказать «спасибо», и вижу какую-то карту. Она вывесила и говорит:
- Да, надо сейчас проверить следущую... или группу, или кто-то следующий должен сейчас приехать.
И я смотрю карта и на ней какие-то... как бы, карта какой-то области, пускай так будет. И на ней странно, на ней фамилии людей, которые... или это люди, которые должны, не знаю, подставлены, их ставленники, подсобники... Не знаю, там еврейские – Фишамн, Фрейман, всякие такие фамилиии, разбиты на какие-то участки, вот какие-то на городки, на какие-то местечки. И вот это тоже мне запомнилось, вот эта карта с фамилиями. Сами городки и фамилии людей, которые, как бы, мне подумалось, им... с ними, как бы, заодно с этими таможниками.

15-ое июня
Сегодня 15-ое. Но я хочу записать сон где-то за 13-ое число. Там был очень любопытный сон. Мы уезжаем, обычная эмигрантская ситуация. Мы уезжаем. И вот в это время... Это у тети Фейги происходит вот это все, хотя это не ее, как бы сказать, дом, который... в котором я часто бываю, и я очень любил его. А какой-то такой уже опустошенный... какое-то место, где мы все собираемся и все собрали, уже и раздали. И вот в каком-то закутке таком, он затемнен, лежит мама и ее дочь, моя двоюродная сестра. И она только родила ребенка, мальчика еще одного. И это настолько неожиданно, перед отъездом и все. И вот какая-то суета. И тетя Фейга так бегает из комнаты в другую комнату и ищет какие-то там тряпки, простынки. И я... и Сема появляется мой и говорит:
- Тут надо было бы какой-то... это самое...
Какую-то веревку ему или что-то нужно. И я говорю:
- Так вот, здесь же есть такие старые простыни. Можно просто нарезать на вот такое вот...
А он говорит:
- А я не могу даже...
И я говорю:
- Как это?

Я взял быстро ножницы и нарезал ему такую длинную, как бы сказать, я знаю, веревку. Он был очень доволен. И я подхожу к маме. И я ее не вижу. И она где-то так, как в темноте. И я только вижу ребеночка, но уже такой, не только что родившийся, а как будто такой... И я ему поцеловал ручку. И это было такое, какое-то очень, ну, теплое и доброе чувство. Вот такой вот сон.

17-ое июня

Обилие снов! Сегодня 17-ое июня. Все они крутились вокруг одних, но там очень много было разнообразия. Первое, что я запомнил – это индус какой-то привез, привез или так пригнал к нам домой корову. И происходит это в Чикаго, а корова оказалась, как бы, у нас в этом самом... в Джурине, в хлеву. Это была черная такая, очень агрессивная, может быть даже. И она, как только он ее туда пригнал, она тут же упала на пол и там лежала. Я считал, что может быть, она больная. И вообще, она мне не нужна здесь, в Чикаго. И в тоже время, я понимал, что это священная корова. И я думаю:
- Нет, я ее выгонять не буду. Но может быть, все-таки попрошу его, чтобы он забрал и пригнал в какое-то другое место.
И я ему все-таки объясняю и говорю, что:
- Знаете, надо ее отсюда забрать, потому что она здесь просто погибнет и мне будет ее просто жалко.
Он, как бы так сказать, воспринял это и говорит:
- Хорошо. А куда ее пригнать?
А я говорю:
- Пригоните ее в Дом Русской Книги. Вы же знаете, где это находится?
Он говорит:
- Да, я видел и знаю.
- Вот... И там такое большое помещение... и как в библиотеке, книги.
Он говорит:
- Хорошо.
И я вижу, как бы, вторую часть этого сна. Я стою... Но это уже похоже на Нью-Йоркскую центральную библиотеку, которую я посещал часто. И я вижу, что он гонит туда эту корову. И он так воспринял, что там где-то в библиотеку, что там, где много книг... Или спрашивал он. И я пытаюсь догнать его и сказать ему, что он не туда ее направляет. И сон, как бы прерывается.
И я оказываюсь в каком-то каньоне, где очень много... Ну, это таких выступов каменных, какие-то площадки и... А внизу такая прорва громадная. И я вот хочу... и я вот прыгаю по этим выступам, но очень как-то так удачно и, я бы сказал, молодцевато даже. И я прыгаю по этим

выступам, по этим каким-то площадочкам для того, чтобы выбраться наверх, на плато и пойти все-таки в этот самый... в библиотеку, для того, чтобы с этой коровой, как бы закончить эти... этот вопрос. А тут же встречается мне, вдруг появляется еще пара. Это украинцы. Они здесь жили... живут уже давно. И они говорят на неплохом украинском. И когда они услышали мой, они были поражены. И вот они говорят... И я тоже им говорю:
- Вы тоже выбираетесь наверх?
Они говорят:
- Да.
И мы как-то вместе вот так прыгаем по этим самым... Я им, как бы прокладываю такой путь и мы выбираемся вот на это плато. И как будто благополучно даже выбрались. И я потом иду, иду в.... И попадаю, и попадаю я в дом Вениамина Эммануиловича. Он умер и его будут хоронить. Хоронить его будут на Джуринском кладбище. А собираются все и пока это еще все в Чикаго. И это меня не смущает, я считаю, что так видно, должно и быть. Но очень долгое еще время, люди еще как-то собираются и те, кто приезжают....

18-ое июня
Сегодня 18-ое июня 2006-го года. И вот я нахожусь вот в этой комнате. Сусана там и все ждут гостей, которые проводят в последний путь Вениамина. И я очень так искренне хочу участвовать в этом. Но, но это как-то очень долго. И я думаю:
- Я пройдусь немножечко.
И тем более, что я чего-то очень голоден и я думаю:
- А может быть, где-то я какую-то булочку хотя бы где-то...
А так мне неудобно было спрашивать, какую-то булочку... куплю. И я выхожу на совсем такую... место, я бы сказал, где-то так... в конце деревни что ли. И вот я иду там и вижу какие-то лотки. Но там ничего нету из того, что мне можно. А потом я смотрю едет на какой-то колясочке такой... И там как раз еда положена. Женщина, которая должна открыть... Это в шесть часов утра чуть ли не получается... Которая едет, для того, чтобы там открыть какой-то свой, свой лоток. И я вижу, там даже какие-то волоши с чем-то таким... И я думаю:
- Нет, это все-таки не для меня.
Но и она там быстро так уже уехала, что я ее догнать, вряд ли смогу. У меня на руках сумка. И я вдруг вспоминаю, что у меня что-то есть в этой сумке. Я открываю – а там давно уже видно, давно, я знаю, сколько времени, лежит такой пакетик и там сливы и четыре рюмочки, наполненные водкой.

Я думаю:
- Ты посмотри! И они главное, не вылились. Вот это поразительно!
Но когда я уже попробовал сливы, они были просто уже помятые все и скисшие. И я думаю:
- Нет, я не буду. Их надо выбросить и это пакетик.
И я ищу место, где это можно выбросить и снова попадаю в дом, где уже очень много собралось людей. И меня кто-то узнал и говорит:
- Ну, вот и Рудяк здесь.
И я думаю:
- Ну вот, подъедем на кладбище, а оттуда я уже, может быть, к маме пойду.
Но самое интересное, что я почему-то думал, что его будут хоронить на христианском кладбище. Хотя, он был самый настоящий правоверный еврей. И я... но это недалеко и от другого кладбища. И я все-таки жду этого выноса тела, но так оно и не состоялось во сне. И куда-то все это исчезло.
Потом там еще какой-то другой сон был. Ну, здесь с этим индусом мне понятно, поразительно как быстро это все во сне реорганизовывается или преобразовывается. Оля мне сказала, что она идет к индусу, Викасу на работу сейчас. Это было где-то в шесть часов утра. А вот этот второй последний сон с этим индусом и с коровой, снился мне уже после того, как Оля ушла. И я опять заснул. И это обычная история вот между... соньем каким-то. Да, я просыпался и опять засыпаю и обязательно снится какой-то сон. И притом, я его запоминаю легко, потому что это я уже прямо просыпаюсь и он только что, как бы, прервался или закончился. И вот отсюда возник этот индус. Хотя, я их видел очень много и здесь, в Чикаго, и на Devon, и здесь, возле Дома Книги. Я их тысячами видел. И они меня уже знали и я их знал. Но вопрос в том, что почему он снился сейчас этот сон, вот в эту минуту, в этот... как говорится, в это утро? Это только связано с тем, что она сказала:
- Я иду к индусу.
Они сейчас делают проект вместе. И поэтому я под... это сразу... преобразовался индус, священная корова, Джурин. А похороны, похороны – я как-то сейчас сразу не смогу, не могу... А может быть, может быть, все-таки мне... Я буквально читал на днях о похоронах Ахматовой. Это описывала Ида Рубинштейн, Ида... Эпельбаум. Она жила на улице Рубинштейна, поэтому я... Ида Рубинштейн. А тем более, Ида Рубинштейн - это балерина у Серова. Короче, вот этот сон я думаю... отсюда эти похороны, потому что меня очень страшно поразило, как ее хоронили, как ее просто отпевали, как бы сказать, еще в Москве, когда она еще была в Москве, ее еще не перевезли в Ленинград... Это было просто позорище, что

не было вообще почти никого... И все это было очень скомканно, это было недостойно такого высокого имени, как Ахматова. Короче, и вот такой сон мог мне вдруг преобразоваться вот похороны Эммануиловича, как я его называю. Очень милого и доброго человека, прожившего где-то девяносто и при том, очень активного, занимающегося каким-то... всего... собирательством. И он написал даже какие-то воспоминания, которые я так принял очень хорошо. Вот такой вот сон, вот такой вот сон.

21-е июня

20-ое, а может уже и 21-е июня. Завтра начало войны. Это никогда для нас не забудется и никогда не уйдет из нашей памяти, никогда. Так вот, о войне мне что-то и снилось кажется, но и были совсем другие, другие сны. Но потом они как бы улетучились и я не могу вспомнить ни одного.
Снилось мне, что я нахожусь в каком-то городе. И гостиница какая-то... даже такая большая и богатая. И там есть туалет и он весь из мрамора, кажется, так выстроен. Но он настолько загажен и запах настолько удушающий, что несмотря на то, что он, как бы, и из мрамора, хочется скорей оттуда убежать. И там работают две девчушки, довольно симпатичные, юные, очень мордочки... ну, такие чудные. Но они вот в этом ужасающем, как бы сказать, месте и вместе. И я как-то вдруг подхожу к ним и говорю:
- Слушайте, девчонки! Ну что же вы тут сидите? Убегайте! Сядьте на поезд и поезжайте куда угодно. Ну, устроитесь в каком-то месте и выбирете намного лучше место, чем это. Вы юны, красивы, молоды и вот это надо сделать.
То есть, моя... мое доброе такое чувство и желание, видно сыграло очень такую нужную в тот момент... нужное решение. И они говорят:
- Да, вы знаете, мы не думали об этом. Думали, но как-то не решались и вот вы нам подсказали.
Вот такой вот сон. Там еще какие-то детали были. Но в принципе, это такое вот желание, чтобы они там не погибали.

****

Потом, потом мне еще снилось несколько снов ... Ты посмотри, я же все-таки их запомнил даже как будто, но не записывал на бумажке и запомнил. А теперь я не могу... И так еще может вспомню. Там было пару интересных, но... Но мы будем жалеть мозг, но когда я вспомню – запишу.
Вот сон, который действительно совершенно подтверждает, как зарождается он, как он неожиданно появляется и возникает из какой-то

детали и развивается изобразительно, как бы на экране с такой ясностью, с такой неожиданностью, фабульностью, что диву даешься, диву можно даваться. Итак, снится мне эпизод, который происходит где-то в песках такая... Но я не вижу пространства еще пока. Пока я вижу только какие-то крупные планы. И в первую очередь, Джигарханян и какой-то необычайный, большой, громадный актер, человек... Тут пока еще непонятно, что это фильм. Или снимается, или уже идет готовый. Но там идет борьба не на жизнь, а на смерть, при том, необычайно жестокая. И вот этому громадине, человеку, мужчине вырезают куски мяса на теле. И крупно все это, это очень видно, как бы, я вижу это на экране, я вижу это, как бы в жизни, как будто я присутствую там и вот это все вижу. Но все-таки, это как бы экран, это квадрат, в котором все это совершается. И такого ужасного кадра, я никогда в жизни не видел. Показывается какой-то один план и он, этот человек громадный, вот еще как бы, полулежа или полусидя и детородный орган, как бы так... еще свисает. А потом, в следующее уже мгновение, показывается, как все это вырезается. И громадная кровоточащая рана. И это все... и получается такая, как бы полое вдруг все там, абсолютно все... И страшный крик этого человека, что ... И он как бы кричит, что:
- Я все равно... Я отомщу тебе! Я тебя...
То есть, он настолько сильный и громадный, и здоровый, что он даже выдержал вот эту экзекуцию. Притом, это не экзекуция, это просто ужасающая такая... как на бойне, как на бойне ножами полощат по горлу и по всему быку или там корове. И вот еще раз это повторяется и это, видно уже совершенно оголенное там... причем страшно разорванное... И этот крик... И потом следующий кадр – мы видим ноги верблюда и хвост. И он заплелся и так... заплетен хвост какой-то такой... И на нем какая-то такая табличка... не табличка, а такая кожаная какая-то... что-то такое свисает. И вот эти такие... они перешли так, как обычно так, верблюды переставляют ноги, мы видим это в кадре. Потом это все усиливается. И Джигарханян сидит наверху, на одном из верблюдов. И они уходят куда-то туда в песок, в пески, вдаль. И этот человек, мы возвращаемся к нему в этот же самый... в кровавый... в кровавое месиво в этом... Он с таким криком и еще с такой озлобленностью, он говорит:
- Если бы я, конечно, был не в этом состоянии, как сейчас, я бы их догнал и все... И зарезал бы и прочее...
И они исчезают, этот караван с этим Джигарханяном, исчезает этот человек тоже.

И я попадаю вот на это поле, попадаю на это место. И десяток мустангов, черные, очень яркие и красивые... Но они с таким бегом мчатся вот на какую-то небольшую... очень участок. И я стою... И я понимаю, что они могут меня просто сбить и это, это, это – конец. И я начинаю искать место, куда бы можно было бы все-таки спрятаться. И я вижу, что только колючки какие-то и нету, нету места. А они, они мчатся и на маленьких каких-то площадочках они так разворачиваются неожиданно. То есть, это очень красиво, но страшно устрашающе, потому что это смертельно. И я начинаю убегать и думаю, что:
- Может быть, это их привлечет. Так значит, надо каким-то образом найти место, где можно просто спрятаться.
И я вижу впереди городской пейзаж такой возникает. И там какая-то такая площадка... скульптуры какие-то детские... Ну, парковые скульптуры. И я думаю:
- И там где-то между ними, можно было бы как-то спрятаться.
Там трое фигур каких-то... И я думаю:
- Вот это, типа Мура, скульптура.
И я думаю:
- Я вот туда вот спрячусь и тогда смогу спасти себе жизнь.
И я туда направляюсь. И, и... А эти мустанги, лошади постоянно... продолжают вот так эти... этот бег, эту красивую игру. Но она опасна для меня. И я еле – еле как-то дополз уже до этих фигур, для того, чтобы там спрятаться. И я вдруг я слышу возникакет еще где-то детские голоса, то есть, дети где-то играют. И я думаю:
- Скорей всего, что я спасен.
Вот такой сон. Но если его проанализировать, так снился он мне очень недолго. Я проснулся в четыре часа и сорок восемь минут было на часах, на электронных. Я разбудил Олю. Она стала собираться. И я еще не спал. И вот когда она ушла где-то из комнаты, где-то в сорок минут, я думаю, шестого... И вот между шесть сорок, когда я, как бы, в дреме вот в такой был, до минут пятнадцати – двадцати седьмого, то есть, всего за тридцать пять минут вот это... вот в этот период снился вот этот сон. Вот снилось... вот такая вот, такая ситуация была. Теперь, как говорят, как я люблю говорить, как я люблю повторять, откуда ноги растут?
Первое. Джигарханян где-то играл в каком-то... я не знаю, в «Белой пустыне», играл ли он в «Белое солнце пустыни»... Кажется, он играл тоже. Значит, потом я смотрел спектакль, где он играл в «Разгроме» играл Левинсона, тоже бродит где-то... то есть, по пескам, где-то там. Короче, это ясно, почему именно он, почему, так сказать, образ этот возник. Вот этот громадина – человек, это тоже, как бы из «Белой пустыни», но, может

быть, этот Павел... этот актер... Хотя, я лица... Не видно этого человека в этом сне у меня. Но виден только его... нижняя часть тела его, его крик, его громадность – это все ощущается. И вот, вот отсюда... Почему именно эта кастрация, вот это такое страшное издевательство и такое жестокое притом? Почему, это именно, вот это? Я сейчас сразу не могу вспомнить, что-то я видно увидел или какие-то картины, или что-то могло возникнуть вот такое вот. Лошади, мустанги – я недавно смотрел фильм о диких лошадях. И, конечно, там блестящий фильм о женщине, которая следила там за продолжением долгого времени, следила за такой стаей диких лошадей и за таким главным... борьбой между двумя лидерами в этой стае. Это очень фильм... ну, просто настолько волнующий даже, что это лучше даже, чем любой детектив или что-то другое. И я восторгался. И Оля смотрела и мы были в восторге. И я все время был как-то возбужден даже, настолько меня это трогало, настолько это было... природа и человеческая, и животная. И все это было очень здорово. Так вот, это то, что со мной вот случилось, что я попал в это.... Но самое главное во всем этом совершенно другое. Я написал стихотворение:

Не перестает мне снится гетто,
Погони, огороды, лес.
Как хорошо, что еще лето
В подраспустившейся я куст залез.

Вот этот распустившейся куст смутил Олю. Она говорит:
- Что это за какой-то... ?
Я говорю:
- Ну что искать?
Это вечно во сне мне снится, что мне надо где-то спрятаться, а негде. И ты вот ищешь это место. И вот я, как маленький мальчик, я залез где-то под куст. И вот это засело в голове. И я думаю:
- Может надо найти еще какой-то другой ход. Не ход, а другую метафору или образ какой-то или... найти в этом стишке.
Но я... и вот оно сразу... вот этот... четверостишие немедленно отразилось во сне вот таким вот образом.

22-ое июня

Сон такой, я бы сказал, кинематографический, притом, что это 22-ое июня, начало войны. А снилось мне, что я... Но это находится все-таки здесь, где-то в Америке... А, может быть, даже и в Джурине. Во всяком случае, ситуация такая, что я нахожусь на каком-то водном пространстве. Это не глубокое море или река, река, а просто как-то не очень такая глубокая... Поэтому я как-то подумал, что:

- Это в Джурине.
И вот такой какой-то луг громадный. И перед этим лугом вот такой домик. И там я нахожусь с каким-то... Мне даже трудно понять, или это араб, или какой-то Маджа... как они там называются эти... Не маджахиты... Я имею ввиду... или этот человек должен взорвать себя. Но каким образом я там оказался, я не знаю. Но я дал знать об этом каким-то... тоже непонятно, потому что в дальнейшем, у меня выясняется во сне и получается так, что я находясь там, в беседе или как-то обезоружил его, но не конкретно, но не забрал у него оружие или там взрывное какое-то устройство, а что я убедил его, что:
- Это бесполезно. Сейчас нас всех освободят или заберут и поэтому...
Короче, там мысль такая была. И разговора этого я не помню. Я помню только одно, что вдруг открывается как бы окно или дверь и я вижу вот все это пространство, которое в окне, оно усеяно израильскими солдатами. Наперевес автоматы и они направлены вот прямо в это окно. И я тогда понимаю, что сейчас, может быть, и какое-то неповторимое... Я не знал, что такое количество людей придет. Я не знал, что вот так они расположены и готовы немедленно все это выполнить. И я выхожу из двери, как бы выхожу вот на этот... Это такая терраса, как бы что ли, и я говорю, что... и так... ну, рукой, как бы, говорю:
- Подождите! Не спешите! Как будто все благополучно закончилось, и вы можете спокойно, без каких-то там...

****

Mix

***

Мы стоим на платформе. Нас только что высадили из какого-то там поезда... Я и Алик. И у нас какой-то там чемодан, типа Михоэлса, который я там возил с собой. И какие-то еще пару... и спальный мешок громадный. И мы стоим и вдруг подходит другой поезд. Подходит другая... подходит другой поезд и прямо перед нами... как бы перед этим местом, где мы стоим... И такой окрытый... как вагон, в котором набросаны матрасы, спальные матрасы вот этого вагона, то есть, этого поезда. Кондуктор, который там... или который кондуктор... вдруг я забыл. Да, кондуктор он стоит возле двери своего вагона, рядышком. И я так думаю:
- Может быть все-таки сесть в этот вагон и не ждать, чтобы нас...
И я его спрашиваю:
- Можно туда войти и вы нас подвезете?
Он говорит:
- O'K, давайте.
И мы забрасываем туда свои вещи. И я говорю:
- Эрик! (или Алик). Давай быстрей, потому что мы не успеем.
И я помню, в тоже самое время, что мне болит, что у меня грыжа и я не могу ничего поднять. Ну, он как-то так медленно... и все-таки успевает забросить эти наши причиндалы. И в это время подходит этот самый... кондуктор и говорит:
- Да, но вы... пятнадцать долларов...
И я говорю:
- Пожалуйста.
И я даже думал, что:
- Я ему двадцать долларов дам.
Но я думаю:
- Нет, я ему дам пятнадцать долларов.
И мы... и я себе представляю и думаю:
- Да неплохая, в принципе, мягкая такая атмосфера. Имеется ввиду, что здесь десятки матрасов и наш еще. И вот так можно будет лежать, и отдохнуть, и приехать как будто в Одессу.
Я не знаю, мне даже трудно понять, куда мы едем. А с другой стороны, я тут же подумал:
- Да, вот интересно, что там чужие матрасы, что которые там лежали... Чтобы хотя бы не заразиться чем-то.

То есть, вот эта мысль, беспрерывна, она даже во сне, реально работает. И я об этом думал.

***

А стихотворение, которое я там как-то написал, я думаю, что окончательный вариант все-таки должен быть таким:

Я всеми силами за жизнь борюсь,
Хоть никогда она не пророчится
Не бойся смерти! Не боюсь,
Но умирать не хочется

То есть... но здесь больше, чтобы было бы противопоставление, как бы в противовес. Вот такая вот ерунда.

***

Да, любопытное, любопытное состояние, и физическое и душевное, конечно. Да, сон, конечно... Сегодня сны мне снились такие очень... есть такие очень... Если я сейчас их вспомню. Ну, один такой эпизодик с нашим Мишкой. Мы где-то на юге или у него где-то в Hampshire, я не знаю, я никогда не был там. Ну, как-то там возле водного какого-то места, возле озера или возле чего-то водного. Но я нашел... или возле себя уже в чемодане или где-то... или купил... И принес какие-то очень красивые трусы и майку одного и того же покроя, в смысле, одного и того же цвета, как бы раскраски. И так... мне оно очень нравится и я подумал, что:
- Для бани, для моря, для океана, оно так очень подходит.
Ну, я себе ее, как бы, взял. Но он когда это увидел, ему страшно это понравилось. И он как-то так говорит:
- Я возьму это себе.
И я говорю ему:
- Ну, если ты это хочешь – возьми.
Но он как-то так безапелляционно, то есть, он не просил, а как бы утвердительно это как-то так... Я думаю:
- Я не жалею, не жалел бы, но что вот это так, ну... в какой-то мере, в такой... в приказательной, как бы какой-то форме что ли...
Вот это такой вот кусочек.

***

А потом, потом мне снилось... Да, Марина из Таллинна... что мы стоим на каком-то... возле здания какого-то или театра, или чего-то такого. И со мной еще кто-то из актеров... или Евтушенко. Ну, я сейчас не могу вспомнить,

кто это был. Или я замешан в организации там этого выступления, или Евтушенко, или кого-то другого. И в это же время, я как-то так приглашаю ее, Марину как бы, как гостью и все. Она как-то очень так довольна, ну, не то, что гордится, но ей приятно. И в это время появляется... ну, как-то так не то, что издали, но я его узнаю сразу, появляется Осип Бронштейн. И я:
- Боже!
Я с такой радостью и все... И я... как бы забыл об этой самой... о Марине, и о Евтушенко, или о ком-то там... И я устремляюсь к нему навстречу. И он бежит ко мне:
- Люсик!
И бросается ко мне на шею. И я рыдаю и он. И мы рыдаем, как дети, как будто бы мы только что встретились... через такое количество лет. Так оно и было первый раз, когда я...
А здесь надо сделать маленькую такую вставочку, что самым моим близким другом в Джурине, был Осип и его младший брат Морик. Я дневал и ночевал там в их доме. И вот... я уже об этом, кажется, писал или рассказывал, ... которая по-моему, у меня никогда не стиралась. И я прибегал к ним в воскресенье, в субботу, когда мы в школу не ходили, в воскресенье, когда еще в школу не ходили. И играли, и вообщем, это было, мы были очень дружны. А потом, потом он... потом...

29-ое ноября

29-ое ноября. Снова отъезд, снова отъезд не отпускает, не отпускает меня ни на секунду. Какая-то толпа, которая где-то возле... чуть ли ни там в каком-то, в Джурине, в нашем... там, где «Чайная». Очень много людей ждут отъезда, евреи, которые собрались там на отъезд. Но почему именно там? Это для меня неясно. Мы тоже уже давно готовимся. И я как-то иду и думаю:
- А где же наши?
Я никого не могу найти. Подхожу туда и все-таки вижу седую голову Наума Израилевича. Он так обрадовался. Оказывается, что еще все ждут, но пока нету каких-то там справок, нету каких-то там... чего-то. И единственное, я это самое... Мы идем как-то с ним и вдруг оказываемся в совершенно уникальном месте. Море, море и идет пароход, подходит. И почему мы его ждем или что, почему это взаимосвязано с нашим отъездом? Я это не понимаю. Это советский какой-то пароход. И вот он должен причалить к этому берегу и там какая-то водная коса какая-то, прямо которая она... и разлилась вода больше, чем обычно она бывает там. И оно как-то так... И я вижу этот пароход. И спрыгивает прямо с трапа какой-то лейтенантик – пограничник. И идет прямо вот так... Но как он потом...

прямо появился на берегу, прямо возле нас. И мы, как бы уже притихли и ничего не говорим. Но это как-то он так посмотрел, не то, что подозрительно, а безразлично просто так, как будто нас там просто нету. И я говорю:
- Наум Израилевич, странно, как вода сюда прямо, прямо к берегу, прямо к тротуару, будем так говорить, где-то так разлилась.
И он говорит:
- Да – говорит – это так интересно.
И мы проходим мимо и там написано: «Таможенная». То есть, все взаимосвязанно с этим отъездом, с этим страхом, с этим предчувствием какого-то... неясности. И я, особенно для меня, и я...
И опять там какой-то городок, в котором я думаю, что:
- Может быть, мне даже придеться здесь остаться.
И я думаю:
- Ну, что же, я тогда, как бы говоря....
Да, и там еще одна деталь была, что у меня голая совершенно голова, без... Я где-то забыл берет или...
И я думаю:
- Где-то же должна быть какая-то хотя бы фуражка или что-нибудь, чтобы прикрыть голову?
Потому что я никогда не ходил под солнцем с открытой головой. И тоже какая-то тревога, что у меня ничего нету на голове сегодня вот в этом сне. Потом там было очень много, столько разных других снов и деталей. Но я все – все позабыл. Когда я проснулся среди ночи, я как будто даже и запомнил кое-что. А потом подумал:
- Ну, если, как говорится, есть какой-то запрет на запоминание этого сна, значит, не буду я его вытаскивать из кладезя или из колодца памяти. Значит, там он должен и остаться.
Вот так и с этими снами тоже. А вообще, как говорил... Львович Каплан, как бы так сказать:
- Как здоровье проворонил, так и...
Я бы сказал, что есть какое-то понятие тоже.

***

Я вчера с Костей говорил. И он меня просто как-то так очень огорчил. Он звучал тихо, безразлично и совершенно такой, так сказать, нету желаний никаких. То есть, абсолютное анемение души. А еще месяца полтора, даже месяц тому назад, он был агрессивно темпераментен, не мог остановиться и всех крушил и громил. И так сказать, все запомнил, все, так сказать, обиды

и все время их повторял. И слушаешь это, и слушаешь это... И вдруг – такое совершеннейшее безразличие. А это действительно, необычайно сложно бороться с этим душевным расстройством. Попробуй найти душевные силы, чтобы привести это все в порядок. И вот я когда о себе тоже думаю, что где-то и меня это трогает так, может быть, не в той мере. Но что-то где-то иногда тоже вдруг бывает так трудно, но я причину... так примерно знаю. Связано было это ... мы позавчера так... с разговором, насчет о моем Social Security. И вдруг выяснились какие-то такие неприятные для меня... И это, конечно, все где-то засело. Но это надо превозмочь, потому что безусловно, что здесь нет такого... здесь нет выбора. Только надо что-то делать - душа обязана трудиться.

***

Да, необъяснимо, абсолютно необъяснимо, что вдруг из снов начинаются какие-то... связанные с отъездом, с той жизнью. Конечно, это естественно, если я там прожил сорок два года, а здесь только еще двадцать три. Понятно, что в два раза больше там. И не смотря на то, что там я был счастлив во многом и, безусловно, это за счет молодости, темперамента, характера, я вопреки, я бы сказал, вопреки всей этой системы, я бывал счастлив. Но все те негативные состояния, они все врезались, врезались в подсознание настолько, что здесь уже, казалось бы, так сказать, отдохнул от всего и почувствовал свободу и почувствовал... Как говорил когда-то Колтунов, когда я появился после десяти лет отсутствия в... на киностудиии... Он говорит:
- Илья Эзравич, от вас пахнет свободой.
Так вот, несмотря на это, все-таки вот те ....

***

Снится мне какой-то сон очень... Жаль, что я его...(смех), что он не запечатлелся на пленке... что я в каком-то... газете, в какой-то газете должна была... или появился мой какой-то рассказ абсолютно, так сказать, несоответствующий... И это не здесь, а там. И какой-то крючок, похожий, к сожалению, он похож на Ефима Петровича Чеповецкого. Такой, какой-то редакторишка. И он все время говорит:
- Да, это какой-то был... или ошибка или что, она появилась и его надо изъять...
Или что-то такое. И я уже думаю:
- Боже мой! Изымайте! Делайте, что хотите!

Но надо мной висит как бы какой-то топор, какое-то ощущение, что теперь у меня нет никакого, так сказать, выхода. И я, у меня ничего нет такого. Это с одной стороны.
Почему мне это снилось? Я это могу объяснить. Я вчера получил письмо, где меня опять вызывают быть членом жюри суда. И я не хочу. Зачем мне там как-то терять время? При том, что я совершенно не подготовлен к такой роли кого-то там судить. И там, может быть, и языковые проблемы, языковые преграды, безусловно, большие, чтобы понять тонкости каких-то там дел и ситуаций. А они меня тащат быть членом жюри, хотя мне это совершенно не нужно. Ну, вот такое. И потом вот этот... то, что SSI, когда я пошел тоже... Может быть, тоже какие-то вещи надо сейчас... как бы давлеют и может оно вот так... Но оно не на американсую мою жизнь, как бы сказать, перебросилось или в данном случае, в этом сне, а именно на ту, на жизнь прошлую, где я там жил. Потом там интересные очень были сны, которые я совершенно растерял. Просто даже, когда я там проснулся, я подумал:
- Запомню – запомню, нет – значит, не надо.
Возле себя я карандаша не имел и не записывал основные, так сказать, какой-то один, как говорится, намек, чтобы потом это все вспомнить. Этого не было. Потом оно, все конечно... это трудно, трудно.

***

Что еще? Ну, почитал Мураками, как я шутя, тут вырвалась такая шуточка:

Между нами дураками
Всех умнее Мураками.

Ну что? Это интересно, тут ничего не скажешь. Я даже бы сказал, что это не ново, в конце концов, такие... Но это идет где-то от японской.... от японского фантастического рассказа, от новеллы, от такой... перемешивания... перемешка жизни и фантастики и все. И в этом есть, конечно, интерес. То есть, оно как бы вначале даже захватывает, но заканчивается как-то и остается какой-то не очень... не, то есть, метаморфоза Кафки... То есть, он в тоже время, он хотя и убийственная, так сказать, и ситуация и придумка и разрешение всего этого. Ну что-то за этим кроется, во-первых, необычное из самого сюжета. И в тоже время, характеры человеческие довольно как-то проявляются в этом. Безысходность есть и в тоже время, есть какое-то... ну, чувство... все-таки катарсиса какого-то, есть что-то... И вот встретился с таким вот... гениальной придумкой, будем так говорить. Она все-таки, есть такое ощущение, оно у меня всегда было. Здесь же есть восхищение, есть. Но оно как-то... оно как-то... там нету заключительной какой-то коды, нету. Но, его

воспринимают как-то все... читают его, интересуются. И в это же время, я прочитал «О красоте и о поисках красоты». Такое эссе у Калобаты,

Йесунари Калобата. И он, конечно, такой лукавый, лукавый старик, который говорит, что:
- Ну, я то сам, фактически очень слаб там в этом, в этом. И пишу там, пишу хокуль танк пишу. Но не настолько это так талантливо.
То есть, он себя все время там лукаво, лукаво... Но все остальное, что он пишет об ощущениях красоты, о возникновении красоты японской в литературе, в японской живописи, в японской жизни – оно как-то больше запомнилось мне. Оно как-то остается у меня в памяти больше, чем тоже самое... Очень хороший рассказ там «Зверь», который там выходит из под дуба и влюбляется в свою... Это больше похоже на сказку, вот такую вот фантасмагорическую сказку, но с элементами конкретной жизни. Но таких сказок было очень много, даже и в русской литературе и где угодно. Но я не хочу больше... Я еще, конечно, должен более внимательно все-таки его, более серьезное такое прочесть, чтобы понять его больше. Вот. Что японцы, конечно, очень, в данном случае, то, что я читал и, конечно, моего любимого Акутагаву и в данном случае, Исикава Токувоку, я очень его прочувствовал и ясно понимаю тонкости и.... поэзии и литературы японской.

1-ое декабря
1-ое декабря. День убийства Кирова. Запомнилось это, потому что такая важная была дата. Но об этом почему-то помнила вся страна. И даже дети знали это. Да, а снились мне совершенно другие сны. Значит, снится мне, что к нам приезжает Марина из Таллинна. И приезжает она ко мне, как будто, она моя жена. И это настолько шокирует меня, что я просто... Потому что она по характеру совершенно не агрессивная и абсолютно не... И вдруг она как-то так у меня, без никаких, так сказать, шумов, криков, а как-то очень спокойно, очень величественно, она появляется в доме, как бы на правах того, что вот она со мною. И я настолько шокирован и не могу даже как-то понять этого ее поступка. Но в тоже время Оля как-то так реагирует неадекватно. И в тоже время, она еще... все выясняется. Потом Сема присутствует и тоже как-то так... То есть, непонятный совершенно, непонятный, как бы момент.
Потом я с Эриком где-то на пляже, с ним где-то на морском берегу. И она тоже там с нами. И как-то я вот так... у меня перед Эриком непонятно, как все это объяснить, как все это выстроить. И я думаю, что:
- Это очень опасно для семейного уюта, для семейной жизни.

Может... Да, потом мы появляемся... там появляется такой момент, что я в студии, в моей. И она туда приходит тоже. И сидит со студентами моими. И

я просто опять думаю что:
- Как будто, для меня она что ли меня компрометировать, как бы компрометировать.
И я очень недоволен, и я очень возмущен и считаю, что это совершенно неэтично по отношению ко мне. В действительности, такого я не заслужил. И я, во всяком случае, как-то выражаю это очень... ну, словесно, своим выражением, своим настроением. Но это абсолютно не... как говорится, непробиваемо и абсолютно спокойно. И настолько спокойно и уверенно, что я чувствую себя очень обеспокоенно. Вот такой вот какой-то сон.
Он уже где-то бывал... вот в таком состоянии. Но интересно, что я вчера читал такую одноактную пьесу «Анечка», это Леонида Пантелеева. Это любопытный такой писатель. Все-таки в нем было больше от старого... времени осталось. Он, конечно, больше на это время... и пришлось входить в советский быт, в советскую литературу. И вот он там, она построена не самым худшим образом. Там актеры могут играть довольно неплохо. И вот там есть, как бы такой ход. В этом что-то вырывается и ревность, и неверие, и чувство предательства, которое есть в семье, которое оказалось совершенно напрасным и не таким, как представил себе этот ревнивец. Просто обстоятельства так складывались, что все казалось бы, что в действительности там есть измена, там есть... и все. А в действительности, это было все очень – очень трогательно и даже комедийно. Вот. И вот, может быть, отсюда и родился вот этот сегоднишний сон. Потому что там он говорит:
- Ну вот так, чтобы если в семье наступает такая вот... момент – он говорит – как будто решает кроссворд – и как это все назвать? Что делать, если вдруг жена изменила?
Ну и ему подсказывает там какой-то Евгений Исаакович, что:
- Ну как? Это и самоубийство, и мордобой. Сколько букв там в этом кроссворде по этому поводу?
- И развод, наконец.
Ну вот, в этом смысле, оно могло немедленно где-то как бы отложиться. А почему именно Марина? Мне очень трудно даже и понять.

***

Дальше. Но я как-то так... мозг работал и даже не могу понять – это было во сне или когда я просыпался и как-то и лежал. Я подумал о таком ходе для пьески. Значит, действительно, эта пьеса меня...

- Что вот приезжает в гости, приезжает в гости какая-то знакомая еще по Союзу, приезжает и после отъезда оттуда, когда они встречавшиеся, но никогда не общавшиеся больше. В данном случае, пускай это будет, ко мне приезжает вот эта... герой этой пьесы, женщина, с красавицей дочерью. Женщине этой уже лет сорок пять, а дочке лет восемнадцать. И она... и она приезжает. А ее... а здесь есть уже и дочка, и сын у этого героя пьесы. И здесь даже есть какая-то у самого героя, что:
- Это вот просто чудно. То есть, просто чудо, эта девочка, как бы из провинции, совершенно чистая и такой светлый лучик. И было бы даже бы неплохо, чтобы сын познакомится с нею.
А она была замужем и потом муж ушел от нее и родилась вот эта вот девочка, это... да, девочка. И таким образом, здесь завязка такая, что может быть, было бы даже и неплохо, чтобы они подружились. А в будущем стали бы мужем и женой. Но вдруг оказывается, что когда у них завязываются некоторые такие симпатии и все прочее, женщина эта признается, что в принципе, это его сестра. И таким образом, это невозможно. Это один вариант. Второй вариант, что это хотел бы так отец, чтобы у них был такой... А мальчик этот, юноша влюбляется не в нее. Вот здесь вот такой момент, что несмотря на то, что она была гораздо старше его, что когда-то она была близка с его отцом, он... для него это не преграда. Он чувствует необычайную страсть к ней. И она понимает, что это просто трагично и даже неэтично и все. Но она не может тоже, как бы уйти от этого. И оказывается, что они могут быть счастливы. Вот этот юноша, который годится ей в сыновья, который годился бы ей в зятья, вдруг становится для нее любимым человеком. И вот такая вот завязка. Я не знаю, что еще из этого может получиться, но во всяком случае, можно что-то из этого выстроить такую драму или в тоже время, это может быть не драма, а какой-то такой интересный ход. Вот такая вот появилась мысль.

2-ое декабря

Да, 2-ое декабря. Сны были даже интересные. Такой сон, что мы должны переселиться или поменяли какой-то... какой-то дом, который прямо у моря. И очень красивый такой. Но это все в Одессе все-таки так получается. И там любопытный такой вход туда и очень интересно архитектурно. На кухне что-то... как бы совсем в другом месте. Вообщем, я туда... смотрю и хожу. И меня это как-то очень... С одной стороны, я думаю, что:
- Это очень неплохо, тут совсем неплохо.
А с другой стороны, там какие-то есть неудобства. Но это где-то над морем, я вижу это море внизу. И это очень приятно для глаз, для самочувствия.

А потом я, вдруг получается, что я иду по этому же берегу, или как-то по бульвару что ли. И там на скамейках сидят старики, пожилые такие. И среди них один очень высокий какой-то такой, необычайно интеллигентный. И как будто я знаю, что это какой-то француз, который оказался у нас. «У нас» – это или в Одессе, или в России. И он остался. И его даже фамилию какую-то очень... что ему придумали фамилию не Придворов, а... И он вообщем, так... в каком-то очень красивом берете вот так... сидит. И мне интересно с ним пообщаться, но... В это время, я вижу идет или выходит из дома в этом же... рядом, там, где я как бы должен поменяться или мы поменялись или что... выходит девушка. Такая блондинка с короткими, но очень так... Я эту прическу вижу хорошо. Она такая короткая... ну, до шеи такие... Но очень красиво так, как «канадка» сделана так, как будто, мы стриглись. Обрубленны все волосы очень красиво. И она... и лицо у нее довольно широкое как будто. И тоже время, очень такое привлекательное. И я тут же обратил внимание на нее. И так смотрю. И она ухватила этот взгляд и она на меня смотрит. И вот это идет, как фильм, очень долго идет какой-то... И крупно я ее вижу... И она все время оглядывается, медленно поворачивает голову и смотрит – смотрю ли я на нее и за ней. И я смотрю. И вот она... И я вдруг спохватываюсь и думаю:
- Подожди! А куда же, где же мой берет?
Я его снял. И я начинаю его искать возле этого самого... возле скамейки там. И натыкаюсь на какой-то совсем чужой берет, который... это не мой. Это берет как будто вот этой... этого человека что ли. А потом я думаю:
- В принципе, она может быть... Я ей, в моей седине и сократовской лысине, может быть даже, может быть, для нее более привлекателен, чем просто быть в берете.
И вот это, вот эта игра взглядов и вот этой молодой, юной женщины или девушки... Все-таки это девушка такая... Он как бы так продолжается и потом этот сон куда-то улетучивается. И я так просыпаюсь как бы и вспоминаю вот эту игру.
То, что меня это заинтриговало и заинтересовало это любопытно, но детали, это просто в отношении того, что было во сне и когда они преобразились. Вот я вчера смотрел, читал в журнале там о Пресли и его... его дом, как он построен, я подумал:
- Это неплохой дом, тем более, если бы он на океане где-то был.
Может быть отсюда вот и появилось вот это вот... вот этот обмен квартиры или что-то связанное... Или рядом с морем. Это один момент. В отношении вот этого человека, которого я никогда не видел, и не слышал, и не знал о нем, какого-то оставшегося там француза в Одессе... Ну, это, так сказать, и

бывало и было и немало. Но я конкретно такого человека не видел. Здесь мне трудно сразу сориентироваться, но что-то читаешь за день и просматриваешь, что оно вполне могло где-то отразиться. Вот берет – это любопытный... Я все время... я его потерял, когда в магазине... и долго не мог найти. Куда-то положил его и наткнулся совсем... на Олин берет, который был... она была в этом... И я подумал:
- Вот же какие бывают совпадения, что ищешь этот берет, а находишь другой.
И может быть, отсюда вот и появилось вот это вот, с этим беретом.

***

Но потом там еще был какой-то сон. Я его даже, кажется, запомнил, но потом... Сейчас... нет, не могу вспомнить. Да, а все мысли, конечно, крутятся вокруг того... хочется, безусловно, какого-то покоя и отдыха полного, чтобы не быть зависимым ни от чего, чтобы ничего над тобой не давлело. А с другой стороны, я понимаю, что надо, надо, все довести до какого-то... доделать то, что я задумал доделать. Но для этого нужны и физические силы. А иногда этого не хватает. Иногда это очень – очень сложно бывает, сложно и потому тревожно. Я вчера получил там роспись книг зарубежных изданий, поэтических сборников и все прочее. Для того, чтобы моя книжка «Эмиграммы», «Стишата», «Каламбуры». И вот Миша ее сделал. Но у него совсем другая, так сказать, конструкция. Он один, у него нет никаких обязанностей, кроме того, чтобы делать то, что ему хочется. Хотя, я точно так же хочу делать то, что мне хочется, но оказывается все-таки, что он очень организован, во-первых, страшно организован при всей его такой... при всей его, как бы сказать, безалаберности. Но он приспособился к этому, к этой жизни. Он сумел ее, как бы так сказать, все взять, что можно американского, так сказать, и SSI, и высосать все, что можно. И таким образом, он здесь приспособился. Но надо мной тоже не давлеет вот это, хотя какие-то вещи безусловно тоже давлеют.

***

Я очень долго не записывал сны, но очень много снов, неожиданных таких, как говорится, слишком очень тревожных. Какие-то там проблемы, что-то там случилось. Очень многие детали я уже забыл и не хочется к ним возвращаться. А вот сегодня мне снился сон, несколько десятков разных снов, прерывались. Но вот один сон мне снился опять с Кирой Муратовой. Просто какое-то наваждение! Опять с каким-то чувством такой любви. Мы на какой-то улице там, в Одессе, скорее всего. А может даже и в Джурине,

похоже. И я... она как-то там наверху. Каким-то образом она мне там бросает какой-то мяч, такое... как... ну, послание мне, такое в любви. Послание такое... , как послание такого... Я его перехватываю, мячик этот... Или яблоко, или что-такое, брошенное мне издали. И она еще такая юная в то время, времен «Долгих проводов». И она меня, во-первых, ну... с такой улыбкой и как бы:
- Я жду, жду ответа на мое послание.
А студийцы, все мои студийцы меня ждут. И где-то рядом находится какое-то помещение и они меня там ждут. Я должен туда придти и начать уроки. И вдруг я думаю:
- Что я даже не знаю, что я сегодня должен с ними делать. И какова, так сказать...
И я тяну время, чтобы туда заходить. А Кира как бы ждет все-таки вот этого ответа на это послание. Я должен бросить яблоко это как бы обратно. И вот это такая, как бы игра. Вот такой сон.
Ну, кроме этого, были десятки других снов, которые снились, конечно. Я их все не запомнил, потому что надо записывать сразу, если действительно, продолжать эту игру со снами и с записью этих снов. Потому что они пропадают и исчезают. С одной стороны, мне очень это жалко, потому что ситуация необычная. Мне самому придумать просто невозможно. А с другой стороны, когда это все охватить, как это все перевести вот в этот... с комментариями сон и явь – это, пожалуй, я не знаю и сомневаюсь. И еще выступления. Я сейчас еще должен пойти... Я практически устно, уже написал этот рассказ. Но как только я его пытаюсь рассказывать... Это связано с Алоном, Александром... Это сегодня такой вечер, посвященный ему. Но во всяком случае, я сейчас пойду попробую, сяду и запишу его.

23-ое ноября
Снились ужастики! Сегодня 23-ое ноября. Первый такой сон. Значит, я попадаю в какой-то такой типа... склеп, антикварный магазин. Но там какой-то такой американец, хозяин и его жена. И они как-то там... Это какой-то такой полуподвал... такой. И я все-таки думаю:
- Я хочу попасть все-таки туда, где находятся все эти антикварные вещи. Но я почему-то их не вижу. Но хочу все-таки и стараюсь, где-то так брожу по каким-то закоулкам. И слышу, как они там что-то записывают, как бы подсчитывают. И Нонна появляется со мной тоже, где-то она как бы тоже где-то вдруг здесь находится. И она куда-то тоже уходит в какой-то... И очень она как-то так... чего-то недовольна этим... отношением этих людей к нам или к себе. И уходит в какой-то тоже коридорчик. И ... да, и эти... как

бы что-то, как будто, как бы:
- Что же вы? Ходите и ничего не оплачиваете.
Ну, она так бросает им двадцать долларов... так и говорит:
- Нате, возьмите.
Ну, при виде денег те сразу, как будто успокоились. И она уходит. Потом я начинаю искать уже искать ее. Я ее никак не могу... то есть, она никак не приходит и где-то я не могу ее увидеть. И я как-то открываю какую-то дверь, как бы в чулане. И там оскал такой, маска ее, растянутое лицо и с открытым ртом, как в греческой трагедии. Вот такая точно маска. И лицо все в каких-то таких красных этих самых... И в тоже время, оно как бы живое и в тоже время, как маска, как... как мумия. И я аж вздрагиваю и... Вот такой вот сон. Отчего это вдруг снилось? Я сразу это могу понять. Первое. Вчера Гриша подбежал и говорит:
- Илья Эзравич, надо разменять двадцать долларов. К сожалению, я с собой не взял бумажник.
Ну, мы пошли там и разменяли, это на вечере Алона, вот эта двадцатка появилась. Второе. Раиса Аркадьевна, эта язва, она вчера говорит:
- Ну, Нонна! Нонна, вообще, же белоручка. Вы видели ее ручки? У нее же ручки, как у ребенка. Она видно, ничего не делает этими руками, не притрагивается ни к чему и они у нее такие беленькие, чистенькие и пухлые, как у ребенка. А лицо, а лицо! Сколько она краски накладывает! – она говорит. – И конечно, она выглядит очень хорошо.
Вот отсюда, видно, и появилась вот эта маска с make up, с Mary Kay. Вот отсюда оно, видно, и появилось. И вот этот полуподвал, вот это то, что здесь когда-то я даже думал, чтобы Нонна... Да, вот тогда даже шел разговор об этом... И оно как-то все, все, постепенно, как бы так сказать, и вырисовывается. Я думал, чтобы:
- Нонна и Гриша даже, может быть, переселились бы вот в этот домик, когда его продавали, вместе со всем этим антиквариатом и все прочее. И таким образом можно было бы этот магазин, как бы... ну, как бы его содержать.
Такая мысль была. Но, может это и хорошо, что это не осуществилось, а может, и нет.

***

А теперь дальше. С другой стороны, с другой стороны, снился мне еще невероятно любопытный сон. Мы на берегу моря или озера громадного. И вдруг такая над озером, летит, как громадная стрекоза, какой-то планер или какая-то этажерка, которая в каком-то сне мне уже снилась. И с крыльями

такими, но больше похожа на стрекозу, на бабочку какую-то. И она так, как бы складывается, как крылья. И она летит так красиво вот над этим озером. И сама, без никаких там... никого там нету и никто ей не управляет, просто от ветра или такая вот способность полета. Я и Оля находимся на берегу этого озера или на террасе возле этого... А... и там получается так, что этот планер летит, летит и вот на террасе, на какой-то... типа или балкон, или что-то, вдруг он как бы приземляется. А потом, потом он – раз! Поднимается и прямо Оле на щеку садится и превращается в маленькую какую-то такую бабочку, маленькую... с коконом что ли. Оля так хватается за него, и он как бы рассыпается. Это очень как-то было даже страшно, потому что как будто что-то прилепилось. И мы заходим в эту... перемещаемся в какой-то дом, где прекрасная девочка, индуска. Она и родители ее, видно, там присутствуют, но я их не вижу нигде. И она так лежит, ну, лет пяти – шести, лежит голенькая прямо. Разложилась на кроватке или на полу даже. И я... от подбородка вот так... что-то я ей рассказываю или говорю и пальцем вот так веду, веду, прямо такую линию от пупа до ее щелочки. И говорю:
- Вот это вот такая ровненькая – ровненькая линия.Точно, как у меня, разрезали мне живот во время операции.
Но почему вдруг? Я даже...мне даже трудно понять, при чем тут индуская девочка и все, мне трудно сразу... Но, может быть, какие-то и есть ассоциации. Вот. И я... Вот это такой сон был.

***

Потом мне снилось... Я попадаю в какой-то буфет и... Да, буфет. И там столики рядом стоят. А в буфете такая открытая, как бы витрина. И там стоят пирожные или пироги даже, такие уже готовые, такой очень красивой формы. И две старухи сидят рядышком так, берут себе и лопают. И я говорю:
- А что это можно вот так себе... ?
Они говорят:
- Да, можно.
Но в это же время, они себе так почти все захватывают и я думаю:
- Я хотел бы что-нибудь такое взять. Но я не знаю, годится ли это по макробиотике.
Все-таки мысль эта мелькает.
- Но если это так, то я бы себе это взял.
Но к сожалению, они там это расхватали и я остался без вот этого... без этой еды.

***

Дальше, там, как говорится, там были еще десятки снов, которые я вначале как будто и запомнил, а потом они удалились, ушли. И я, честно говоря, ничего не запомнил.

Вчерашний вечер Алона... Была Белла Изерская, конечно, постаревшая, конечно, грузная. Но... что меня обрадовало и даже поразило, когда она рассказывала, речь у нее была очень гладкая, довольно... как-то логичная, без заиканий, без никаких, так сказать, лишних слов. Очень разумно, значит, мысль работает. Я ей подарил книжечку. Хотел написать:

«Интервью нашей дерзкой
Беллочке Изерской»

Но сдержался и подумал:

- Нет, не стоит.

И написал ей намного там:

- Белла Тбилисьевна... – или что-то такое.

Короче:

– Из Тбилисины, Белла из Тбилисины...

Вот. Вечер прошел гладко, тоже, если второй раз... слово «гладенько». Прошел так... Дело в том, что там публика, которая там собралась, она соответствовала этому звучанию. И поэтому, в данном случае, можно сказать, что это было хорошо. Какое-то представление об этом юноше было. Ну, излишнее захваливание, конечно, земля ему пухом, ему, конечно, уже это не нужно. Но это, видно, нужно тем, кто этим занимается, кто его там продвигает, делает какие-то там вещи, связанные с ним и больше для себя и так подсознательно «на себя». Я прочитал рассказик такой, новеллочку, которую я буквально написал за день до этого, специально для этого вечера. Она имела успех. Но я не считаю... это просто моя, так сказать... уже умение в очень краткой форме найти какие-то пружины, которые трогают. И просто сделать очень короткий, но емкий или такой даже трогательный сюжетик. И так что... я не, как говорится, не сфальшивил, не лукавил, а просто вспомнил два эпизода из моего детства, связанные с гитарой. И второй эпизод с гитарой, связанный с Алоном. Связал их вместе, как бы две гитары, вот в этот рассказик. И я чувствовал, как зрительный зал был очень точно... Я и читал, видно, не худшим образом. Оно было... Но оно не делает для меня, как говорится... Ну, это еще один просто такой штрих, который я сумел написать для того, чтобы себя, как бы тоже еще проявить. Вот. А публика, публика была та же, очень грустная, если бы так, честно говоря. А с другой стороны, если бы я был на сцене один и это был бы мой творческий вечер, я бы тоже был бы рад

любой публике и даже такой, которая там приходит. Пожилых очень много людей и какая-то часть молодежи очень такой, я бы сказал, неприкаянной или такой... такой интересующейся бардами, интересующейся поэзией, но в действительности, не крепко стоящей на этой американской земле. Те, кто делают деньги и те, кто крепко стоят, они идут на попсу, они идут на такие вечера, где собираются их тысячи. Вот такая вот мысль.

24-ое ноября

24-ое ноября уже. Это можно с ума сойти! Так, сон был не один, но запомнился только один. Выступление идет, какой-то большой зал. И интересные детали. И я как бы... Открывается это выступление моим рассказом, который я написал к вечеру Алона. И вот эти листочки я передаю моей сокурснице когда-то по институту, Людмиле, Люде Титаренко. Вот она должна его читать. Почему так? Я не знаю, но именно она. Я зал не вижу, я сижу как бы близко возле сцены и возле так, как бы стола, за которым... Но не на сцене... а ну, как-то получается вот какой-то такой специальный стол и кресло возле сцены. А она вот на сцене должна вот читать. И вот она читает вот этот рассказ. И я, как бы и слышу, и в тоже время, я как бы не узнаю ни одного слова. Потому что это как-то так глухо и отдаленно так. Но я понимаю, что она что-то там читает. Потом она даже начинает как-то... как-то путаться и ищет... или перепутала страницы... И какая-то пауза. И я думаю:

- Может быть, подойти и самому почитать как нужно, как можно, и чтобы это было...

Но в тоже время, я как-то думаю:

- Ну уж, пусть она это доведет до конца это.

И в тоже время, я вдруг вижу себя со стороны зала, что я только, как бы крупный план, как бы, как кадр такой, только одну голову, крупную. Это при том, что я сижу к публике как бы... ну, спиной... И я думаю:

- Что же они будут видеть? Они будут видеть мою только седую лысину, лысую голову с сединой и с завитушками сзади.

И я, как бы, начинаю поворачивать голову в сторону зрительного зала, но я его все-таки не вижу этот зал. А вот этот... Но я подумал вот об этом, что вот они крупно увидят и скажут:

- Да, вот это сидит там Рудяк.

А в чем тут, так сказать, идея? Мне трудно понять. Первое. Конечно, это было взаимосвязанно с вечером Алона. Второе, что когда я появился в зале, я увидел и услышал как... ну пару человек там говорили:

- Ну, вон там Рудяк идет.

А я шел с палкой и в черном пальто, в черной такой... в черном берете. И конечно, это такой... И в белом шарфе. Безусловно, я понимал, что это так и обсуждается. Ну, как говорится:
- Чего ты хотел, того ты и дождался.
Дальше. Я... и когда я прошел, она говорит:
- Мама, мама, это Рудяк идет.
Там такая... с пожилой мамой женщина, которую я знаю. Она там иногда заходит ко мне туда. И я поздоровался, и она была очень так счастлива. Ну это все, как говорится, это на мелкую рыбешку охота, это может... ну, охотник или рыбак может изловить так. Но я понимал, но я просто думаю о тщеславии и каком-то таком вот... об узнаваемости. Но как бы там ни было, но это где-то срабатывает, но надо суметь совершенно уйти от этого настолько, чтобы это тебя не то, что не волновало, а может быть, даже вообще, не хотелось бы этого и ощущать. И вот, возможно, вот это вот передалось вот в этом сне, но вот в таком вот, совершенно в другом варианте. А почему я отдал читать мои... мой рассказ кому-то? Мне даже это непонятно. Хотя... потому что я прекрасно знаю, что лучше меня никто этого не почитает. Мне трудно... Может быть, потому что я это читал и читаю стихи его по бумажке. И меня вот это может быть, смутило. Читали выспренно, очень как-то так... Может быть, может быть... Такой вот сон.

25-ое ноября
Да, послушаем, что снилось мне сегодня 24-ое, нет подожди или 25-ое вроде уже получается, 24-ое ноября. Так 25-ое ноября. Значит, первый сон. Очень такая любопытная... Я как будто... как будто еду с Галей Колбанович и еще какая-то эмигрантка. И мы... как будто выехали в поле возле Джурина, такого широкого, просторного, такого широкого поля, которое я очень хорошо помню. Но в это время... А они мне или я им, так сказать, решил их прокатать или... А они с собой взяли быка какого-то очень любопытного... с короткими ногами, необычайно крупного. И шея у него просто могучая такая. Но очень доброго, как такого, знаете, как будто это... ну, как будто, это ручной какой-то такой бык. Но он очень большой, большой и на коротких ногах. И на него очень легко взлезть. И вот я пытаюсь как-то так... ложусь на него и он медленно – медленно как бы идет... туда на гриву его, на загривок. И я держусь за голову. И он как-то так... абсолютно не беспокоясь и спокойно... И я думаю:
- Неужели он сейчас как... начнет бегать?
Хотя ноги у него, как у гиппопотама. И вокруг это поле и впереди как будто лес маячит... Так, значит, вот этот сон. И вот я на этом быке. И потом вдруг

появляется какой-то американец и предлагает ему сделать пробежку:
- А чего, мол, надо ездить? Надо бегать.
И они вот так вприпрыжку туда уходят вперед. А я себе сижу на этом быке и медленно – медленно как-то тянусь. Красивая... ландшафт красивый и какой-то такой хороший и я вот на этом быке.
В чем тут дело? Ну, Колбанович недавно выступала и тут мне трудно даже понять, почему вдруг она попала в этот сон, так как бы сказать. Ну, я с Олей разговаривал в отношении каких-то сверхсил, которые появляются у человека в какие-то редкие такие минуты. И я рассказал ей, что когда я был мальчишкой, я пас корову. И чего-то так задумался и она ушла так вперед. И я когда пошел за ней, то вдруг из стада, которое там было, был бык... Я не знаю, откуда он появился. Кстати, это или колхозное стадо там было, или... Короче, он помчался там за этой коровой. Я побежал или за коровой, или хотел, или... Я начал убегать от него и он за мной. То есть, это был какой-то страх, который меня обуял. Но я мчался быстрее пули, я настолько убегал от него. И я перебежал через шоссе это, которое возле кладбища. И там был забор возле ветбольницы, довольно такой... Ну пускай, даже будет метр с чем-то. И я мальчишка был, мне лет десять, может быть, было. И я перепрыгнул через этот забор, как будто для меня это было, как пушинка. То есть, вот появились вот страх и желание, как говориться, выжить или что... и дало вот такую громадную силу. И вот отсюда вот и вдруг в этот же вечер снится вот этот бык, совсем другого... Он мирный, спокойный. Может быть, тоже время ушло, успокоилось и вот мне снился этот бык.

***

Дальше мне снился сон тоже любопытный такой. Снится мне, что я еду в автомобиле. Это такой автомобиль, в котором есть сзади, как бы сказать, ну, такое большое пространство. И там спит или лежит, или отдыхает, Леня... не Файбишевский... Я забыл его фамилию. Но вообщем, друг Бори Цихановского. И он так отдыхает там. А женщина там, очень такая миловидная одна эмигрантка, которую я так бы и знаю в лицо, но никогда с ней никаких у меня не было, так сказать, ну что ли, прикосновений и отношений. Я сижу за... Но она ведет машину, а я рядом. И она меня... И она вдруг как-то так игриво положила руку на мою руку и я почувствовал такое тепло и даже, так сказать, понял ее симпатию ко мне. И мы едем. И вдруг уже мы оказываемся... Сон этот у меня или прервался, или он потом продолжился, или как бы смонтированный после этого кадра, после которого мы немедленно оказались в Джурине, в доме нашем. И она лежит на кушетке. Вот это такая, как кровать больше, больше даже похожа на

американскую такую. Да... И она меня как бы пригласила... Ну, вообщем, получилось, как будто я должен я туда к ней... Тоже ложусь рядом и начинаю ее ласкать. И я весь в возбуждении. И она тоже вся пылает и так жаждет, как бы сказать... Ну, там была еще какая-то пред... игра... А в этом самом, в кухоньке Феликс, Феликс из Ленинграда, Аронович по пояс так... приводит себя в порядок. Вот так моется. И я все-таки, какое-то чувство, что это... что мы не... в интимном положении, состоянии, что мы не одни, меня это смущает все-таки. И я... А она... для нее это, как бы неважно. Ну, и она домогается, чтобы я был в ней, чтобы я был с ней близок.
Вот такой вот, такой сон странный, конечно. И в тоже время, он был очень приятный и какие-то такие ощущения и чувства.
Ну здесь, это взаимосвязанно, может быть, с тем, что когда Леня вчера пришел и он мне начал рассказывать, что фактически, говорит:
- Самые лучшие моменты в моей жизни были связанны только с сексом. Только с тем, что он, так сказать, был охотником, любил он. Другого, ничего, так сказать, выше этого у него ничего не было.
Я так ухмылялся и говорил, что:
- Безусловно это так. Но вспоминать о прошлом, это – я говорю – не очень, так сказать, достойно.
Это с одной стороны. А с другой стороны, само воспоминание, как бы говоря, прошлого, оно недостаточно, оно чисто такая... это все... Важно, что было вчера и то, что будет... будет сегодня. Или то ожидание, которое есть, если в тебе еще есть вот такая сила и такая страсть. А то, что было, она как бы... Да, ты можешь это вспомнить, но без какой-то конкретной химической реакции в тебе, в самом, я бы так сказал. И потому что ты иногда не помнишь ни имен, не запомнил даже цвета глаз... с теми, с кем ты был близок, и это все ушло в прошлое. И оно, как бы покрылось туманом. Хотя, казалось бы, самое – самое высокое, что может быть в смысле, доверия и любви – это именно быть близким. Но так, как это все бывали случайности или просто... и оно ушло. И я не знаю, может быть, у кого-то оно оставило и такой след, который, когда вдруг ты это вспомнил, тебя всего вдруг передернет или будет какое-то ощущение или радости, или... или сожаления, или грусти и прочее. Но я, честно говоря, просто не могу, так сказать, вспоминать именно вот в таком варианте. Мне важно то, что есть сегодня. Вот такие пироги.

***

Уникальный, конечно, был сон сегодня. Любопытно, что раньше мне этого никогда не снилось. Значит, я начну с этого, а потом перейду в другой сон.

Мне снилось... Правда, там он взаимосвязан. Первый сон был – я иду по... в Дворец какой-то попадаю, типа Леси Украинки. Какое-то там должно быть событие. И идет большое количество людей по каким-то таким... ну, как в метро, каким-то таким переходам. И идут туда, в какой-то зал, где будет какое-то представление. И я тоже иду с кем-то из моих даже знакомых, но я не знаю, кто это со мной идет. И вот перед залом, как бы что ли, какая-то... или ресторанчик или какой-то буфет... какой-то. И я туда подсаживаюсь. И так это получается, что я оказываюсь прямо возле холодильника, который стоит в углу этого буфета. Пока... эти еще нерасторопные официанты... они пока еще не появляются, их не видно, я скорей открываю холодильник. И там стоит такой холодный борщ типа. И с огурчиками как-то там. И я начинаю накладывать в этот самый... в тарелку этого борща. Он очень какой-то вкусный, с каким-то таким приятным весенним запахом. И я почти доедаю вот весь этот борщ. И остается внизу целых два... огурец... огурчик такой небольшой и помидор. Но они тоже какие-то такие очень сохранившееся. И я думаю:
- Вот это для моей диеты. Это прекрасная, так сказать, еда.
И я их съедаю. И вместо того, чтобы попасть куда-то на... И я так тихонечко, и так выхожу и никто меня не спрашивает, ничего. И я никого не вижу, никаких там официантов, ничего. И я так выхожу, иду из этого буфета и попадаю опять в этот поток людей, которые как бы возвращаются обратно. И я думаю:
- Надо в конце концов, отсюда выйти. Но как?
И я иду, иду и не могу удостовериться в правильном ли направлении. И я вижу сидят такие работяги. И там в каске, на каком-то таком парапете. И рядом женщина с ними какая-то там... Тоже такая строительница, строительница в одежде такой. Ну, вообщем, во всяком случае, именно работяги. И я говорю:
- Скажите, я, если я прямо туда иду, я выйду из этого как бы здания или туннеля?
А один говорит:
- Да, да. Можете вот так идти.
И я иду, иду и наконец, я как бы выхожу на воздух. Но для того, чтобы попасть на землю, на тротуар что ли, надо сойти вниз по лестнице какой-то. Но лестница, она очень узкая такая. Каменная, узкая, настолько узкая, что там я, когда и встречный... я очень, я первый, как бы, впереди меня никого нет, кто идет вниз. А все идут вверх. И я вот так иду. Но в связи с тем, что я худ, меня никто как бы... Я могу пройти мимо этих.. Идет какая-то женщина с кошелкой, девочка... И все они идут вверх вот так. Но надо немножечко

посторониться для того, чтобы они разминулись. Но я так благополучно, но все-таки так это длинно и скучно, но ничего не сделаешь, надо вот так двигаться. И вот я иду, иду, иду, иду... и как-то сон этот рассеивается.
И я попадаю на какую-то площадь, Театральную типа и где написано, что: «Здесь будет встреча с Пушкиным, с Александром Сергеевичем Пушкиным».
- Боже мой! – думаю – Вот это удача! Вот это вообще, совершеннейшее какое-то чудо.
И я начинаю так отсчитывать:
- Подожди, сколько же ему лет?
И не могу вспомнить, что даже недавно было двухсотлетие со дня рождения его. Но я как-то так... И я думаю:
- Он должен быть уже очень старым, под девяносто...
Вот такое у меня ощущение.
- И как же он выглядит, интересно? Совсем облысел...
Иду я, а там какой-то транспорант и вход в театр. И там как бы светятся огни. Но это днем. Это не вечером. Но в тоже время, я там думаю:
- Туда же попасть будет невозможно.
И вдруг хватаюсь, что у меня нету аппарата.
- Господи! – думаю. – Как же? Вообще, надо чтобы... А куда мчаться, чтобы я этот аппарат достал?
И я в страшной растерянности. Но все-таки думаю:
- Надо хотя бы все-таки увидеть. В крайнем случае, я опишу это.
И иду. А впереди на этом транспоранте написано:
«Чэго» и «Еще»...
И «Еще» такое по-украински. И стоит большая такая... столы стоят. И на нем разложены какие-то такие экологически чистые продукты. И там вода и в ней плавают какие-то камешки. И помидорки, и огурчики. Но я когда подхожу туда и смотрю на них, мне это что-то... как-то не очень оно меня впечатляет. А дальше, я все-таки прохожу там дальше и о Пушкине я уже забыл почему-то. И иду дальше и смотрю:
- Вот бы чего-нибудь выпить.
Но вот ту воду, которую они предлагают, она у меня не вызывает доверия. И я вижу такие кувшины с капустой, только что, как бы засоленной или что. И я думаю:
- Это было бы неплохо вот такой немножко, вот такой... капустного рассола там выпить.
И я спрашиваю:
- Сколько это стоит?

Или что я не знаю... И она мне дает вот эту чашечку вот с этим рассолом. И Расул, Расул Гамзатов, полностью рассеивается. И я ничего не помню больше.
А в отношении Расула, есть очень хорошая такая шуточка у меня получилась. Пришел американский журналист Расул, Рассел и его жена с дочкой, с мальчиком Левушкой, только три недели ему. Это только в Америке... Тоже был такой дождливый вечер и они его привезли и зашли к нам в Дом Книги. Ну, я уже с ним встречался до этого. Он решил взять интервью. И я говорю:
- Ну как его зовут?
И он говорит:
- Лев.
И я говорю:
- Ох, какой Лев Расулович!
И это было очень приятно, чудный такой мальчишка. Вот так рождаются такие неожиданные, я бы сказал, и каламбуры, и та жизнь только, только если есть общение и появляются вот такие вот ситуации.
В отношении Пушкина это, конечно, очень... не очень то для меня объяснимое. И то, что еда часто стала мне сниться, это мне просто, это все-таки моя макробиотика, она не то, что недостаточна, вполне достаточна для того, чтобы попитаться, для того, чтобы иметь все калории, так я думал. Но иногда хочется чего-то совершенно такого другого, чтобы почувствовать иногда такое резкое отличие. И поэтому, может быть, может быть, вот мне часто снятся вот такие сны с едой и с другой едой, с чем я ем. Вот. Вот эти переходы и театры – ну, это я взаимосвязан был с ними и, может быть, они как-то не выходят из моей... из моего подсознания, из памяти. Вниз идущий вот этот... ну, это какой-то Фрейдистский какой-то сон, когда идешь вниз. Я часто поднимался и вверх, а здесь такая узкая лестница вниз. Ну, может, это, как угасание, но я не знаю, не чувствую пока. Ну, вот такие вот пироги.

27-ое ноября

27-ое ноября. Сегодня День Благодарения. Так как мы вегетарианцы и turkey у нас, как таковой, не будет, придется сделать turkey из риса. И я даже шутя придумал:

Из риса индюка
Едят у Рудяка.

Да, теперь что? Теперь, конечно, интересный такой... Я вчера был вдруг впервые SSI, там Social Security Service. И оказалось там, что у меня не хватывает там каких-то лет для получения Medicare или Medicate, я так и не

смог разобраться. Грустная это штука. И я как-то не так даже ее воспринял. Но когда Оля стала меня просвещать и говорить, я, конечно, понял, что очень грустная такая, беззащитная ситуация. И хотя есть, конечно, выход, но просто подумалось другое:
- Как вдруг это все, как будто хорошо и идет, как будто все в порядке и вдруг вот такая вот неожиданная одна деталь и один вот такой вот разговор и все – и может все рухнуть.
Все, в смысле твоего выстроенного, благодушного состояния. Может вдруг придти просто тревога, которая... с которой можно не справиться, если не иметь силы воли. Поэтому в действительности, начинаешь думать, как это непросто, когда тебе тебе рассказывают о том, что человек не может выйти из этого состояния. Казалось бы понимая и все, а выйти никак не может. Меня это иногда гнетет и доводит до самых, самых невероятных состояний душевного расстройства и всего прочего. Так что это не так просто себе сказать:
- Нет, это не настолько серьезно, не настолько важно, где в действительности, так и есть.
Ну, вот такое.

***

А снился мне сон, совершенно не взаимосвязанный с тем, что вышло...

****

К07.1

8 –ое января

8 –ое января 2007-го года. Иду вдоль как бы Кремлевской стены. А перед этим, а перед стеной какой-то такой помост большой. И на нем хор Краснознаменный, имени Александрова, с оркестром и с танцевальной группой. И вот эта танцевальная группа... Это очень громадная все-таки, как бы сцена, на Красной площади. А я прохожу... ну, если бы... я все-таки так разбираюсь в Москве и вспоминаю, я прохожу где-то на уровне... как ГУМ, но параллельно вот этой площадке. И иду... И пока я прохожу вот этот участок, я смотрю, как они там... репетиция какая-то идет. Они там так здорово... танцоры перемещаются с одного угла до конца другой сцены, как бы, этой воображаемой сцены. И как будто перекатываются и очень легко. И издали это как какой-то такой мультипликационный фильм, в котором участвуют такие разные... не знаю, зверюшки или что-то... Издали это очень – очень красиво выглядит.

Этот сон мне снился только потому, что я вчера нашел, именно вчера, еще нашел очень редкую фотографию Краснознаменного этого ансамбля, который во всем цвете там стоит, длинная там такая группа стоит. И над ними разные знамена, там ордена такие большие, как бы. Вот такая...

Я ее хочу для книжки моей «На фоне вождей и оленей», я хочу это туда поместить. И вот отсюда родился вот этот... вот как-то сон, связанный с этим ансамблем Александрова.

***

Потом я перемещаюсь в Староконстантинов. Это частая такая ситуация, где в школе мне дают возможность на большом каком-то праздничном концерте, целое отделение, чтобы я читал свои рассказы. Я очень обрадовался. И я прихожу в школу. И вот там, как бы говоря, будет это выступление... Ну, зал такой школьный для выступлений... И там ничего не подготовлено. Я думаю:

- Времени то ведь мало.

Но там бродят какие-то мальчишки и девчонки, там дурачатся. И я решил быстро сорганизовать это все. И я говорю:

- Ребята, давайте вот все эти скамеечки поставим ровненько, чтобы люди могли сидеть на них. И все, что на сцене лишнее, тоже давайте, разберем и отнесем в разное это самое...

Ну, они послушно это выполняют, как будто, это мои студийцы. Но в действительности, в этом сне, я тоже, как бы школьник. Я тоже, как бы школьник в этой же школе. Но вот в сязи с тем, что у меня есть книги... То

есть, вот эта ситуация совершенно читается и считается, как бы нормальной. Я издал книги, то, то, то и я могу эти рассказы почитать им. И вот я думаю:
- Надо подготовиться, во-первых, когда весь уже этот зал будет, как бы подготовлен для выступления.
Я мчусь домой, для того, чтобы переодеться и для того, чтобы книжки взять, по которым я буду читать.
- Все-таки – я говорю это – я их наизусть не знаю, это для меня позволительно.
Это повторяется часто во сне. И я выхожу из этой школы и думаю:
- Как же скорей? Как же короче путь выбрать?
И я фактически попадаю в Одессу, попадаю в Одессу на Молдованку, где такие сквозные дворы. И я думаю:
- Вот я через этот двор я быстро сумею добраться к себе, где я жил когда-то. Не дома, где я с Олей жил, а когда я был один. И я вижу, что там открыта дверь как если бы я... Там надо обойти весь этот, как бы квартал.
- А если я попрошусь и они меня пропустят вот через эту дверь прямо на улицу, так я выиграю очень большой кусок расстояния.
И там сидят две женщины, такие еврейские, как бы. И я говорю:
- Я хотел бы... Вы мне разрешите выйти через ваш... через вашу дверь, которая выходит на улицу, как бы.
И они говорят:
- Конечно!
И я ... Они открывают дверь, а там виноградные лозы. И они сверху вьются до самого низу. И видно, что этой дверью они не пользовались. Это какая-то дверь такая, она прямо выходит как бы... ну, на эту... Ну, на улицу, которая называлась потом Богдана Хмельницкого. А в действительности, она называлась Костецкая. И вот она... и я на улицу выхожу, но еле – еле проталкиваюсь через эти виноградные лозы, сухие. И наконец, я думаю:
- Ну вот, я им там наделал, они, конечно, там как бы и недовольны уже.
Но я выскакиваю и бегу. И бегу уже в этот самый... в Джурин. Бегу уже в Джурин, где наш дом для того, чтобы я там... Там оказывается находится вся моя одежда и находятся книги. И я думаю:
- Но оттуда, мне же еще надо добраться до школы, до школы Староконстантиновской.
И я нахожу какую-то одежду, напяливаю быстро. И когда я уже выхожу, далеко как бы уже отошел... И там стоит машина. И я говорю:
- Слушайте! Довезите меня, пожалуйста, до школы.
Они говорят:
- Какой школы?

Я говорю:
- Ну, в Староконстантинове.
- О, - они говорят – Так это же далеко.
Я говорю:
- Но я должен успеть. Потому что у меня там выступление.
Но он услышал выступление и как-то так говорит:
- А чей ты сын?
Я ему говорю, чей я сын. И он говорит:
- А, то Илья Эзравич, знаю.
И он говорит:
- Сядай!
И я сажусь в кабину. И мне так вспоминается сразу детство, когда я так любил сидеть в кабине, рядом с шофером. И они меня везли там в лес, не меня, а мы ездили с ними туда, или в карьер, где камни добывали, или в песочный карьер, где песок насыпали полную машину. Короче, я очень рад этому чувству. И мы что-то очень долго – долго едем. И я думаю... И уже начинает смеркаться. И я говорю:
- Так мы же не попадем туда никогда, в школу.
И вообщем, как будто, я вдруг все-таки переместился в эту школу. И там еще не началась вся эта процедура, вся эта процессия. Там люди собрались. И никто меня не спрашивает, готов я или нет. И вдруг я смотрю – у меня два разных ботинка, как у Леонида Ильича Брежнева. Я думаю:
- О, господи! Как же я не увидел?
И оба ботинка мне знакомы по моей обуви. И я думаю:
- Как же? Как же это сделать?
И я бегу, выхожу как-то во двор и вижу там много людей разных, и эмигрантские какие-то лица. И я смотрю на ноги. Но они тоже так подозрительно:
- Чего же этот человек даже не в глаза, не в лица, а на ноги смотрит?
И я значит... И наконец, я вижу, что подходящие ботинки. И я спрашиваю:
- Какой номер у тебя?
Он говорит:
- Тридцать седьмой.
Я говорю:
- Да какой там... Мне надо сорок второй, минимум.
И я начинаю опять искать. Наконец, нахожу у одного какого-то... такой приличный, здоровый парень и я говорю:
- Слушай! Выручи меня. Я тебе дам на время вот эти мои два разных ботинка. А у меня выступление в школе, я читаю, я писатель.

Он так подозрительно смотрит на меня и говорит:
- Ну, если ты писатель, так...
И я говорю:
- Ну так, давай! Идем тоже туда. И ты посмотришь, а я тебе потом сразу отдам ботинки.
Он говорит:
- Ну, пойдем!
И вот он дает мне ботинки, я переодеваюсь и все... И я уже, как бы и экипирован. И когда мы подходим туда, уже в школу, я смотрю, а там уже идет какой-то концерт. И какие-то дети там что-то читают. Потом чуть ли не с барабаном там какой-то вышел... То есть, какая-то уже идет такая самодеятельность. И я думаю, что:
- К кому-то же надо подойти, когда же я буду выступать?
Но выступать то я буду. А где книги? И начинается вторая серьезнейшая проблема. Так прочитать и рассказать я могу, а вот чтобы это цельный, как рассказ... Я еще думаю:
- С чего начать? Какие рассказы?
Они все еврейские. А здесь, я не знаю, насколько публика это все воспримет. И я все-таки думаю:
- Надо что-то придумать. Ну, я могу им почитать и стихи, могу почитать каламбуры, могу почитать... Но я не знаю, насколько... И потом это тоже не очень уверенно. Где-то я начну заикаться...
И я в очень таком грустном состоянии думаю:
- А что же? Я же не могу так далеко идти, чтобы найти эти книги.
И я выхожу во двор. И там смотрю во дворе большая такая группа ребят стоит. И они построили какой-то такой большой помост. И на этом помосте стоят разные какие-то... как причиндалы, которые мне неясны. Но они играют в очень такую серьезную как бы performance, как они тут говорят. И там они, значит, как бы вот этот помост, он олицетворяет какое-то зло, или арабскую какую-то... террористическую какую-то организацию или что. И они читают какие-то очень, выразительно читают какие-то стихи. Там играет какая-то музыка, сопровождение. Все молоды, все очень активны, то есть, это как моя студия, в которой я мог себе позволить делать вот такие вот вещи. И в это время... вот они кричат... Да, питарды начинают взрываться. И я думаю:
- Ты смотри! Как они еще... И кто-то им разрешил эти питарды взрывать.
И они с таким шумом взрываются, с таким грохотом и поднимается дым и пыль куда-то. А потом они говорят:
- А теперь, все свои силы на этот помост!

И они нажимают на какие-то кнопки, держат в руках... типа телефонов или что-то, нажимают на эти кнопки. И вот этот помост взрывается и он весь – весь вверх летит. И я подумал:
- Господи! Это намного лучше performance, если бы я читал свои рассказы и тем более, что я еще не знаю, насколько бы они понравились.
И вот такой вот сон. Притом, там было, конечно, ну как всегда, во сне, было намного больше деталей любопытных, намного интереснее сам фон, на котором это происходило. Но это очень трудно вот так подробно и с тонкостями, очень трудно запоминать. Хотя, я записал тогда, записал себе основные какие-то штуки, но это как будто, их тоже не глядя... Но я их запомнил, но это... как будто все забыл и рассказал.

****

Вчера я прочитывал такую книжку «Три тысячилетия мудрости»... Ну, о мудрецах в мире. Ну, дошел до Будда, ну, прочитал все. Потом Сократа, ничего не дали, включили его туда, но там никаких... А уже в Платоне есть какие-то диалоги с Сократом. Но во всяком случае, Платон – это громадный, громадный отдел в этой книге «Три тысячилетия мудрости». Это все равно интересно. Я убеждаюсь, что в любой момент, в любом возрасте абсолютно не мешает взглянуть вот в такие вот аналоги, для того чтобы... несмотря на то, что есть сомнения – стоит ли еще этот сосуд наполнять мудростью? Но я понимаю, что этот сосуд неиссякаем и сколько возможно и как тебе позволяет время, надо заглядывать, надо познавать и надо мудреть, если это только возможно. И я как бы, стремлюсь все-таки к этому, несмотря на то, что мне через дней шесть стукнет шестьдесят восемь. Трудно даже поверить, но это именно так, подкрадывается так, подкрадывается старость. Хотя мозг работает, дай бог, так и дальше так...
А вот все-таки, все-таки сомнения душу тревожат.

9 –ое января

9 –ое декабря, 9 –ое декабря. Значит, 9 –ое января. И значит, снится такой очень печальный какой-то сон. Я нахожусь в каком-то полуподвальном как бы помещении. Это не морг, хотя там происходят события совершенно неожиданные. Какая-то студенческая, как бы сказать, молодежь. И вдруг... или произошел терракт или какое-то отравление. И вдруг несколько молодых людей, очень просто красивых юношей, они погибают, умирают. И я вот нахожусь вот в этом месте. И как бы стараюсь как-то чем-то помочь, потому что какая-то растерянность среди людей. И я как бы организовываю так, чтобы это не было хаотично и не распространилось

дальше. Вообщем, какая-то такая мысль. И укладываю вот этих, тела вот этих юношей на какие-то такие топчаны, такие, как были у нас в местечке. И я смотрю, что начали приходить люди и как бы прощаться. Какой-то такой момент. И приносят и кладут цветы возле окна. А окно такое, как бы в полуподвале. Я вижу, как на улице люди проходят и видны их ноги только. И потом стали как бы они... И я так подхожу к одному из окон и смотрю люди кладут прямо к окну, кладут букеты цветов. Ну, так принято в Америке.
Вот это какой-то такой сон, бессмысленный, конечно. И не настолько бессмысленный, потому что я все-таки все время интересуюсь, что происходит в Ираке. И когда я слышу, что погиб еще один американский юноша и молодой человек, меня почему-то это и возмущает, что допускается такая вот затяжная война и уходят из жизни молодые люди. Уже три тысячи человек. Ну, вот это, скорее всего, меня и привело вот к этому сну. Потому что действие происходит именно в таком варианте.

***

Второй сон через какое-то время был совсем другого характера. Там я нахожусь в гостях у Гарика Басса, моего когда-то приятеля в Одессе. У него прекрасная такая спальня и там громадная кровать. И так как я у него в гостях, он предлагает, чтобы я вот на этой одной, вот на этой кровати, спать он будет где-то в одном углу, а я во втором. Но я вообщем-то, не люблю такие симбиозы. Но в тоже время, я думаю, что:
- Это очень... действительно, кровать такая громадная, такая шикарная, что я могу, как бы спать на углу с одной стороны, а он с другой.
Но подсознательно, я уже знаю, что он вообще, питает ко мне не просто какие-то приятельские чувства, а именно даже и физические, которые я никак не могу даже в голове своей уместить. И я поэтому как-то так смущаюсь этого всего. И он как бы уловил этот мой испуг и говорит... Или не то, что испуг, а мое неприятие. И он уходит в какую-то другую комнату и возвращается... ну, не уродица, а какое-то такое бесполое существо. И в тоже время, это девочка, девушка, девочка, скорее даже. Но что-то все как-то так... А, да... и входит она совсем голенькая. На лобке никаких признаков растительности... Но это не девочка двенадцати – тринадцати лет или там девяти лет, а это вот такая непонятно... непонятный возраст такой. Возраст может быть, и тридцать лет и... Но это что-то гибкое такое, как будто гуттаперчевый мальчик вот такой вот, именно гуттаперчевый мальчик. Но это девочка с признаками... только там пупочки вместо груди. И эта промежность тоже как какая-то... такая дырка... Ну дырочка такая как... я не

знаю... Она видна, и как бы подразумевается, что она уходит туда вглубь. И вот они падают на пол и начинается такая какая-то оргия непонятная даже для меня. Я сел на постель и думаю:
- Что же это такое? Почему он решил...? Он решил меня подразнить или решил меня наказать за то, что я как-то так не принимаю его ко мне, его любовь.
Видно вот такого как бы характера месть такая, что:
- Ах, ты не хотел быть со мной и как-то даже отодвинулся и стесняется и все прочее... Так я тебе покажу, что, мол, я стою и что я могу делать.
И эта девчонка – это бесенок, самый настоящий бесенок. Она такое вытворяет. И потом они хохочут и чего-то шепчут, шепчутся. И она прыгает прямо... Вот я сижу на этой постели и она прыгает прямо на меня. Я ошарашен. Во-первых, для меня самое стеснительное при всей моей, как бы сказать, при всей моей эротичности и все прочее, для меня самое стеснительное, если кто-то присутствует. То есть, для меня это даже невозможно представить себе. А она... А он ее и в этом, как бы сказать, направил на меня для того, чтобы меня в этом испытать или как бы, так сказать, и наказать и прочее. И она ерзает на мне... И она на мне такое вытворяет... Ну, и на постель валит... И я думаю:
- Нет, нет, я... это для меня исключено.
И я ее как-то так очень резко как-то отбрасываю. А она совершенно, как перышко, как бы так... И она далеко – далеко как-то упала. И я как бы хочу убежать отсюда и... просыпаюсь. Спасительный такой, как бы обычный вариант.
Это интересный сон, только я не могу его объяснить, именно потому, что там за этим, крылась еще одна такая любопытная ситуация. У него жили две лилипуточки, такие маленькие женщинки. И я когда приходил к нему, они были в восторге от моих шуток, от моего... от моих... от игры, от театральности, от актерства моего. Они были... они могли просто вот так подбежать ко мне, обнять меня за шею, там поцеловать или сесть на колени. Но во всяком случае, они были очень ко мне привязаны. Но где-то подсознательно какая-то, конечно, могла возникнуть... могло возникнуть какое-то такое... Но я даже и... даже и в какой-то мере реальности, я даже не представляю себе никаких там пошлостей и вот... Но подспудно мог быть... А Гарик очень, ему было очень приятно, что я... И ревниво, и в тоже время... Да, а к чему это я – то что он относился к этому очень ревниво, потому что его они не интересовали, с точки зрения физической и эротической абсолютно. А вот те... И вот поэтому, они меня как бы... Ну, я для них был более интересным объектом, для этих лилипуток. И вот отсюда

видимо и вот это сон. Но вот эта девочка, она была не лилипутка, это было какое-то исчадие ада, какой-то бесенок, какой-то... что-то совершенно гуттаперчивое. И голова уродливая, а тело вот какое-то, как у мальчика, вот такое вот. Но с дыркой.

15-ое января

Сегодня 15-ое января. Вчера отмечали мой день рождения, шестьдесят восемь лет. Довольно немало уже. А ночью снились вот такие сны. Первый. Я на каком-то, типа похоже на такой... базарная площадь, может это и в Джурине. Сидят прямо на земле, там был и асфальт, по-моему, какой-то есть. Сидят много – много старух и именно старухи. Одеты ужасно бедно, грязные, безумные какие-то с всклокоченными волосами. И вот они сидят, видно, очень голодны, потому что совершенно какие-то беспомощные, немощные скорее. И я вот так вижу их. И я смотрю, недалеко от всей этой группы на асфальте лежит птичка или мышь, мне трудно сразу определить, я все-таки далеко от этой... от этого предмета, но он лежит. И вдруг старуха одна заметила. И она ринулась туда и за ней другие. И она ногтем прижала хвостик мыши и обрубила его как бы. И мышь быстро выскочила из под рук как бы, и побежала. Там какие-то кусты были и все старухи за ней помчались. И она мчится так быстро к этим кустам, и юркнула куда-то и исчезла. А вот та, которая этот кусочек хвостика обрубила, она его быстро схватила и – в рот. И я подумал:
- До чего же «голод не тетка», когда даже мышиный хвостик тоже еда.
И это как-то так улетучилось.

****

Затем мне снится, что я иду похоже тоже, по Джурину. И я в какой-то спецовке такой... Или где-то я работал. И я вижу там недалеко по улочке такой кран, там колодец и вода. Ну, уже подвели. Когда-то это был колодец, а сейчас там уже подвели такой кран, на который нажимаешь рукоятку и течет вода. И я вот туда... и я думаю:
- Я пойду туда и помою руки.
И я засунул в карман руку, для того, чтобы проверить есть ли там платочек, чтобы потом вытереть. И попадается мне кусочек пениса. И я думаю:
- Неужели это мой?
И он так обрублен, не кровит, ничего. Но видны так, как бы жилы, все видны... но все без крови. Я в ужасе! И он весь, как бы в песке в каком-то там, в крошках. И я так оглядываюсь – и никого нету. И я так открываю, как бы ширинку и смотрю – там точно по таким же, как бы следам и по абрису

остатка пениса, там точно так же, как бы оборван, именно оторван вот этот кусок, который у меня в руках. Я в ужасе! И я думаю:
- Что же это такое? Я раньше даже и не подозревал, что у меня этого... Что? И когда это случилось? Я тоже не знаю.
И я иду думаю:
- Надо помыть это во-первых, и немедленно поехать в госпиталь, в наш, сюда, в Норсбрук, для того, чтобы его пришили, потому что это же ужас какой-то, остаться без такого удовольствия.
И потом я иду к этому... к этому... к этой помпе, к воде и думаю:
- А можно ли это все...? Может быть, это все-таки не надо обмывать, для того, чтобы что-то не смыть, чтобы не ушло там что-то нужное?
И я в такой растерянности и еще по дороге думаю:
- Ну, хорошо, а во время эрекции, если даже и пришьют, соединится ли это все и будет ли все это вместе и, как бы так сказать, работать.
Вообщем, ужасающая какая-то такая... и тревожная ситуация... И я просыпаюсь. Слава богу, все на месте, но откуда такой сон? Почему вдруг? Конечно, здесь могут... такой фрейдист, включая самого Зигмунда. Не знаю, как его по отчеству, вдруг забыл... Михаэльевича. И был ли он... Он бы, конечно, вот он связал бы это все с потенцией, связал бы с мыслями о каких-то там, так сказать, уже ухода такого из активной, супер активной жизни. И я... но это все не так. И я подумал и вспомнил, вспомнилось, что в принципе:
- Это очень прозрачный, явный намек на то, что происходило вчера на именнинах.
Я спросил Костю:
- А где рожала мама меня?
Он говорит:
- Кажется, тебя она рожала уже в больнице.
«Кажется» - он не был точно уверен. А потом, когда он меня поздравлял при всех, он вдруг, как всегда вспоминает, что он присутствовал при моем... это самое... при моем обрезании. Но он так любит говорить, что он бежал, побежал в эту самую... в аптеку за ватой и за йодом или калий помарганикум. Вот он побежал туда и принес. И вот этот Ноэйл, это так по-древнееврейски, который совершает вот этот обряд обрезания, он его значит это самое... развел вот этот калий помарганикум, ваткой помочил,обрезал крайнюю плоть и положил ее в карман. Так он сказал.
Вот это меня... Я когда-то написал рассказ «В поисках утраченного конца». И вот интересно, что я... И это была просто моя шутка, догадка, но он это так подчеркнул и это вспомнил, что я это написал:

- ... и положил в карман.
И вот отсюда и родилась вся эта история. Родилась история, что он мне положил... что тот положил в карман... что я его вынул из кармана. Но он был обрезан не крайняя плоть, а чуть ли не пополам. И таким образом, вот вырисовалась эта история, которая, может быть, фрейдистская, вот теория фаллоса такого. Ноэйл имеет отношение, но с другой стороны, может можно и найти здесь какие-то такие тоже ассоциации. А мышка, вот то, что в начале они ей отрезали, как бы ногтем, это может быть, как бы предверие вот этого моего второго сна, который мне снился раньше. И может быть, это именно, так сказать, такая подготовку к тому, чтобы быть уже, как бы сказать, и подготовленными, и чтобы не было неожиданностей от того, что у меня в кармане лежит отрезанный пенис. И вот, во всяком случае, оба сна довольно необычные и, конечно, фантасмагоричны, но и имеют какую-то подоплеку под собой.

***

Затем мне еще снились в этот же вечер, снились еще, я записал только начальные, так сказать, ситуации. Вот это гаражная дверь – тут написано. И... ага, да, гаражная дверь. Там была какая-то ситуация, что я должен уйти из дома, а дверь не закрывается. И она, как бы так повисла и я чувствую так, что я не смогу ее исправить. И к тому же, там кто-то у нас как бы и проживает. И я вот не знаю, что делать с этой дверью.

***

Там третий сон был, что я стою у какого-то рекламного щита. А сперва, там такая была ситуация. Сперва была ситуация, что я или... на Словистской конференции какой-то. И там такая пара словистов. И что-то заговорили о каком-то стихотворении или Тютчева или что... И она как-то вдруг решила его там прочесть. И начинает его читать и оббегает всю комнату. Это как будто, как какая-то мезансцена. И она бежит туда по кругу этой, как бы круглой какой-то комнаты и читает нараспев вот эти стихи. Но это, по-моему, Тютчева. И я не могу вспомнить, что именно. Или что-то там было типа как-то... «... что-то склонил...».... «клонишь ивушка...». Там какой-то есть такой вот... И она бежит и читает, и это, как какое-то безумие, это какая-то... ну, просто несуразица. Бежать и читать. И потом она прибегает обратно к этому своему мужу. Он такой высокий и лысый юноша. И она так счастлива и спрашивает у него:
- Ну как?
Я растерялся, чтобы так сказать, правду. Это мне надо было бы так

рассмеяться. Я так ухмыльнулся и говорю:
- Вы знаете, любопытно.
Чисто так дипломатично. И потом мы выходим из этого здания, где Словистская конференция эта была и попадаем вот в такой, как типа, перед театром атриум или что-то такое вот. Там какая-то такая... но это не похоже на... так как перед театром. Там скорее, какая-то там стена. Это похоже на какую-то парижскую... Вот там, где продавали всякие книжки на берегу Сены. Что-то похоже, вот как будто, что это стена и там прилепленны вот эти все такие гаражные, как бы помещения, как в России, где они книжки эти держат и там закрывают на замок и уходят. Вот и там стоит такая, как бы... ну, афишная тумба что ли и на ней какие-то афиши. И стоит Каганович Слава. И там идет разговор о рекламе. И он держит в руках какую-то очень толстую такую, как бы... журнальчик. И вот там все - и спектакли с громадным количеством фотографий, почти сотни, сотни фотографий. Ну... и я почему-то... не то, что дал им совет какой-то, я не знаю. Во всяком случае, там смешная какая-то была ситуация, о которой я не могу вспомнить. А рекламный вот этот журнал, он меня поразил тем, что они издали вот такую тоже рекламную... ну, рекламную такую как бы... журнальчик, где они действительно, каждого актера дали одну – две страницы. И это все вот так, как-то очень провинциально, очень банально. И в тоже время, как будто это Народные артисты СССР, у которых сотни и сотни ролей проиграли. Это как открытки были когда-то - в центре голова Орловой, а сверху донизу тянется такая лента из ее фильмов. Там «Весна», «Волга – Волга», там «Встреча на Эльбе». Ну вообщем, вот такой вот какой-то провинциальный и очень провинциальный такой старомодный... И потом это все одно на другое накладывается. И... то есть, это похоже, похоже на настоящую, как бы так сказать, театральную программу. Вот это, вот это то, что я всегда говорил, что:
- Вообще, это как бы такой плюмаж вместо живых цветов.
Вот, вот такие вот сны.
Много размышлений по поводу, конечно, было во время этой... такой встречи. Но в принципе, если честно говорить, это потерянное время и оно не восстанавливается. И уже это не нужно. И с годами это все уже абсолютно не нужно. И это трата громадная времени и до этого и после этого. И я это осознаю и думаю, что:
- Этого не нужно делать.

***

Не записывал пару дней сны интересные. Что-то запоминается, что-то

уходит. Вот такой сон. Очень красивый, но я его, конечно, весь не запомнил, только часть его. Что я пробираюсь, пробираюсь куда-то, мне надо попасть в... Какой-то театральный сон. И я иду по каким-то таким порогам. Вода стекает с одной плиты на другую и я где-то рядом так иду. И это очень красивое место. И я... и вот оно меня выводит именно прямо к заливу. И он очень какой-то спокойный такой. Но это, с одной стороны, как будто и в Одессе, как будто Черное море, а с другой стороны, как будто океан, как будто это где-то во Флориде. Но в тоже время, я там встречаю наших эмигрантов. Это не богатый район. Там домишки такие старые, даже ветхие какие-то. Но в тоже время, это настолько прекрасное view, как здесь они говорят, и за это платят большие деньги. И я думаю:
- Надо было бы лучше здесь приобрести какой-то домик, даже пусть будет он небольшой, но каждое утро вставать и видеть океан. Это намного больше, чем видеть из окон дорогу и мчащиеся машины.
И там даже такой интересный эпизод был, что я слышу там какие-то пожилые люди, как бы на какой-то такой террасе сидят и говорят:
- А вот посмотри, вот Рудяк идет по берегу. А что же он...?

19-ое января

Уже сегодня 19-ое января. Дело в том, что вот когда я услышал, что они говорят:
- А что же он тут делает, Рудяк?
Я понял, что это взаимосвязано... ну сейчас, конечно, что это взаимосвязано с моими сейчас подготовкой лекций в университете или в community. И я поэтому... Оно как-то так отразилось сразу во сне. А мысль о том, чтобы побыть у океана – вчера мы разговаривали, что может надо будет, Олю, как будто снова приглашают на работу, если это получится, что это на Гавайях, это очень приятный момент. Я как-то сразу так увидел Гавайи, увидел причал, увидел эту красоту и было как-то очень приятно. Отсюда, может быть, вот такой вот сон.

****

Вторая часть сна – я... Опять интересно, что какая-то взаимосвязь любопытная. Я нахожусь возле какого-то театра. Там очень большое столпотворение людей. И я в таком красном, ярком, даже может быть, и вишневом, красном каком-то, берете и пальто. И в руках у меня зонтик тоже такого близкого цвета. Я никогда так не одеваюсь в жизни, так ярко. Даже противник этого. Это Евтушенко любит такую яркость. Я этого не делаю. Хотя, какие-то аксессуары, детали в одежде... И они у меня могут

быть такие, ну как бы сказать, красочные. Но здесь – это совершенно такое... И, конечно, все обращают внимание и я вообще-то так, даже смущаюсь. Мне это не нужно, но вот почему-то я так одет. И папа мой где-то тоже рядом находится. И я даже как-то так думаю:
- Как он это воспринимает?
Но он даже ко мне не подошел. Ко мне подошла Марина. И вот интересно, что вот во втором или в третьем сне, Марина и папа где-то вдруг всегда рядом. То есть, они, как бы, в одном сне присутствуют. Вот это, я вообще, не могу... абсолютно объяснить и не прокомментировать, что папа никогда о ней не слышал, никогда ее не видел. Он умер до того, как я познакомился в Москве с Лидой и с Мариной, хотя мы стали потом очень хорошими друзьями. А вот... ну, что-то тут не... надо покопаться. Может быть, есть какая-то тайна. И вот мы... как бы стоит... а ей очень приятно воспринимать меня вот таким какаду. И я, и я... Но все-таки я кого-то жду. Или Олю с Эриком. Во всяком случае, я кого-то жду, но так бы все-таки не комфортно мне, что я... ну, вот они бы пришли... И я как-то вдруг исчезаю из этого... из этой толпы и иду, как бы искать Олю. И вот я иду по какой-то такой узкой, между двумя домами, такой узкой улочке, даже совсем узкой, тут даже протиснуться почти невозможно. И вижу стоит такая группа молодых людей. Это ребята, молодые совсем, лет по двадцать два, двадцать лет. И один меня спрашивает:
- А вы разве не были там, возле театра с Кирой?
Я говорю... А может быть, они другое имя назвали? Но мне почему-то показалось, что с Кирой. И я говорю:
- Нет.
Я понял, что они именно думают о Марине. Но я как-то так не выдал себя. И я говорю:
- Нет, я женщину там с таким именем не слышал и не видел.
Но он говорят:
- Я Леопольд – он говорит.
Я говорю:
- Я вас не знаю. Но я, к сожалению, там я не видел вашей Киры.
А у людей есть какое-то чувство, что это ребята, которые с ней дружат или может быть, даже и другие связи. И я подумал, что:
- Не стоит в это вмешиваться.
И я выхожу из этой, как сказать, из этой улочки и как по кругу опять выхожу вот к этому вот театру. Но там Марины нет, но просто вся эта струйка людей идет вниз куда-то. И среди них опять много эмигрантов. И я вот с ними как-то так опять вмешался в эту толпу. И тоже ухожу куда-то из

этого сна. Там было, конечно, много... Сон невозможно даже записать. Хотя, конечно, бывают такие сны очень прозрачные, тут же запоминающиеся. Но я стал сейчас их в какой-то мере забывать и особенно, интересные детали. Поэтому я не могу сказать, что этот сон я записал таким, каким он мне виделся.

***

Да, мне снился сон, что я стою возле старого дома нашего в Джурине. И подъезжает какая-то машина, с очень большим кузовом. Вообще, громадная машина. И на ней стоит старинный комод, метров три на три, вот такой. И он как-то так стоит на нем... стоит на этой, как на платформе. А на нем еще какая-то мебель. Тоже очень высокая и большая. И это вообщем, целая какая-то пирамида. И эта машина вот подъехала прямо к нашему балкону. И там она, как бы стоит и я думаю, что:
- Это сейчас упадет все. Оно не может так долго держаться.
И когда машина как-то так чуть – чуть стала двигаться вперед, все это свалилось на наш вот этот... Там был такой... не балкон, а на... И все это порушенно. И главное, я стою и думаю, что:
- Слава богу, что я просто отскочил и меня это не задело.
И я думаю:
- Что же? Что же он делает вот этот шофер? Безумец какой-то.
И подъезжает кран, для того чтобы поставить этот... эти упавшие... мебель на машину. И она уже вся разбила... и разбила балкон, и все остальное возле... прямо до двери. И эта такая целая разруха. И я очень огорчен. И самое главное, что я вижу, что никакой... ничего не поможет, чтобы там ругаться или каким-то образом, чтобы они это восстановили. И я думаю, что:
- Это просто невозможно.

22-ое января

21 –ое, а может уже и 22-ое января 2007-го года. Я нахожусь, похоже в Белом доме, в каком-то помещении Белого Дома. Там большая – большая такая... большое такое фойе. И я в руках держу букетик цветов, то есть там три цветка. Две веточки необычайно красивой сирени. И третий цветок похож на тюльпан. И сочетание вот этих красок красного и сиреневого как-то так... оно очень красиво. Я должен его кому-то вручить. Или это для первой леди... Но во всяком случае, я как бы туда направляюсь. И когда я уже подхожу к какому-то... к какой-то такой мраморной лестнице, которая должна поднять вверх, оттуда сходят две красивые женщины, восточного

такого типа. В старинных платьях, с перьями шляпы какие-то. И они вот так мимо меня проходят и оглядываются. И я думаю:
- Это же страшно... Я их... я их.. Одну из них, я точно знаю.
И я не могу никак сразу вспомнить, кто же это такие. И они еще так идут дальше и опять оглядываются. И я просто растерян, что даже цветы у меня падают на ступеньку. Я начинаю их собирать и не той стороной положил этот тюльпан. Но наконец, я тоже его поправил и держу эти цветочки и думаю:
- Может быть, я вот этой женщине, которая так оглядывалась на меня, должен их и вручить.
А так они исчезают и я тоже. И так сон куда-то улетучился.
Откуда он? Я знаю теперь на сто процентов, откуда этот сон и почему он родился. Мы перевесили картину в доме. Сперва она упала, это целая история. И порвалась. Потом ее реставрировали и мы ее недавно снова повесили на то же самое место. И я с третьего, как бы этажа, когда я выхожу по лестнице вверх в master bedroom, у нас есть такой, как я его называю, «балкон Ксешинской». И я оттуда иногда так шутя, произношу речи в образе Ленина. Вот такой балкончик. И я когда встал на него и увидел эту картину сверху, она мне еще больше понравилась. Она даже была не сверху, она на уровне этого балкона. Там изображена красавица - женщина в такой одежде очень приятной. Это осенняя, весенняя такая пора. И она одета в такую шляпку, очень такую модную, с перьями. И держит какую-то легкую муфточку и в сапожках на шнурках. И вся она такая элегантная... элегантная. И она стоит на фоне фонтана, а старик с палкой за ней стоит, и так повернулся и наблюдает. И она как бы чуть – чуть наклонила голову в ту сторону. Ну, там еще есть какой-то фаэтон за ней. Это прекрасная работа. Это, кстати, диптих такой. Этот же самый фонтан, это в испанском городе, это испанского художника работа. Есть она на другой картине, которая напротив. Там зима. И она в зимних сапожках, эта же самая красавица. И другой старик тоже оглядывается на нее. То есть, они немедленно обращают внимание. Это своего рода такая Сусанна и старцы на этих картинах. Ну и я, в какой-то мере, уже видно такое тоже с палкой и правда, с цветами, которые я был должен кому-то преподнести. И вот отсюда, видно, и родилась вот эта картина. А почему в Белом Доме? Это мне тоже очень ясно. Вчера выступала Клинтон Хилари, которая мне как-то неприятна, даже и как женщина. Это что-то такое необаятельное и неженственное, обросшее мхом, лицо. И я вот как-то к ней отношусь с какой-то неприязнью. И мне она как-то неприятна. И я когда она там выступала и там они столько о ней говорили, что у нее есть столько

прекрасных данных и все и все... Для меня это даже, как просто это тоже самое, что второй раз в эту же воду войти. Она уже в этом кабинете жила, она уже в этом доме жила. И в этом доме происходили не самые благоприятные для нее и для всего, для всей страны, события. Так я вот подумал:
- Вот, может быть, есть смысл. Он уже опять теперь будет с ней, как муж, как первый... первый... Она была там первая леди, а он будет там первый, как можно сказать там, как первый джентельмен или что-то... в Белом Доме. И, конечно, для полной, так сказать, картины надо было бы туда еще взять и Монику Левински. И таким образом, как бы повторится, еще раз вот то, что казалось бы, невозможно, снова войти в одну и ту же воду.
Вот такая мысль у меня мелькнула. И если бы я даже для фельетона... тем более, что после этого показывалось такая... ну, такая заставка лица, целый такой блок об известном фельетонисте... этого... Арт... Ой, забыл я, как его зовут, Арт... Бухольд, Арта Бухольда. Кстати, очень грустно, грустно, я бы никогда не позволил себе, будучи уже почти при смерти, чтоб его сняли вот в этом виде. Он был ужасно красивый юноша, потом показывали его в разных... И вдруг оказывается ужасающий старик, который еле –еле ворочает челюстями. И все и весь помят и... Короче, это неприятнейший, как бы сказать, кадр, когда человек фактически угас. Хотя, мозг у него работает, он еще пытался там как-то шутить. И это было даже, как будто смешно. Но внешне – в коляске, его ведет сам репортер – это очень – очень, я бы сказал, неэстетично просто, видеть угасшего, погасшего все-таки, хотя, ум... Лучше бы это просто было записано на пленку и он бы говорил... И мы бы видели какой-то портрет его пускай будет... Правда, там и о смерти говорили и там говорили и «Good bye», как бы, перед уходом из жизни. Но во всяком случае, это кощунственно, на мой взгляд, кощунственно. Поэтому, это тоже самое, что я слышал, что там передача такая какая-то возникла после смерти Хусейна, после его, как говорится, экзекуции, что «Репортаж с петлей на шее». Но это же вообще, кощунство ужасающее. Связывать с Фучеком смерть этого злодея при всем при том. Хотя, я не очень сам был за такую... тем более, показывать эту смерть. Это дело закона, это дело палача и закона. Если бы мы видели вообще... Сейчас война превращается в какое-то театрализованное действо. Ты немедленно видишь, как все это происходит, как погибают, как... Это кошмарно, это... В этом есть какая-то... Я даже считаю, что это какое-то кощунство, для того, чтобы это все видеть и тем более, что могут родители видеть это. Прекрасная песня «Алеша, Алешенька», когда мать увидела в каких-то кадрах старой хроники, увидела своего сына там, который погиб. И она

просит повторить еще раз, повторить, потому что она узнала в нем сына, который мчится там в атаку «За Родину, за Сталина!» и погибает на глазах. В этом есть, в этой песне есть хотя бы катарсис какой-то, ощущение сочувствия громадного, громадного притом. И... а тут, в этом... как его... в «Репортаж с петлей на шее», это в Москве какая-то такая передача была, связанная тоже... Но это, это большое кощунство и даже преступного так .... показывать и думать.
Расскомментировался я слишком много.

23-е января
Да, ради такого сна, который мне снился сегодня... Это 23-е января... Все-таки стоило записывать на протяжении этих двадцати пяти лет, сны. Сон был такой. В каком-то помещении театра или принадлежащей к... я имею ввиду этот объект, где происходит действие, принадлежащий театру, нахожусь я. И можно было бы начать – находится Владимир Семенович Высоцкий. И после выступления Лаймы Вайкуле... И я нахожусь в этом, в каком-то... чуть ли не альков какой-то после этого... Она в халатике, она переоделась, потому что она только что из под... как бы сказать, душа. Это имеется ввиду, после выступления своего. И она вся была видно, разгоряченная и вот она приняла душ. А Владимир Высоцкий сидит в таком кресле, а я почему-то, как бы, на вот такой широкой тахте. И вот какая-то идет такая... Во сне никогда это не нужно объяснять, почему и как. И вот она забегает туда и прямо на эту тахту, там где я, она прямо там, как бы располагается. И в какой-то миг, я даже не понял, она так смотрела на меня, как бы, я бы даже сказал, влюбленно или... И она вдруг... Да, и она как-то... И я тоже в халате, потому что так... не могло быть по-другому. И она как-то так – раз! И меня разложила вот это... на этой тахте. И как бы, сверху вот так бросилась. И я увидел юное, прекрасное тело. И почему-то мне показалось, что это Мадонна, а не Вайкуле. И она именно такая светлая, такая, как я ее последний раз видел на экране. И мне показалось, что она даже лучше, чем была когда-то. И потом там очень был прекрасный... я там знаю, макияж видно, и прекрасная прическа, и все это было. И она была с такой громадной улыбкой. И груди обнаженные, очень такие юные, я бы сказал. И она как-то вот так надо мной нагнулась. И я с какой-то, может быть, излишней торопливостью, а может даже, излишней какой-то... ну, не грубостью... Но во всяком случае, какой-то такой мужской жаждой обладать, я ее, как бы так, сверху взял за плечи и резко потянул на себя. И вот это вдруг... и Высоцкий наблюдает. Я его не видел в это время и не думал, что он даже тут есть. Этот сон, действие происходит именно

выборочно, как бы сказать, как в кино, и можно выбрать тот кадр или этот. И вот он... Да... И вот она так возмутилась этому резкому моему движению и как-то так... И тот тоже сказал:
- Нет, - он мне говорит – это очень грубо, это просто невозможно.
И она тоже. И я подумал, что:
- Я как бы нарушил какой-то воровской закон, что вот так нельзя. Ни в любви, ни в этом состоянии, ни в этом положении. Хотя, не я был, как бы сказать, зачинщиком вот этого всего.
То есть, у меня вот такая вот промелькнула... что это какой-то... что есть такие правила, которые я просто нарушил. Я их не знал. И я извиняюсь, и я как-то так очень... Ну, меня это очень... ну, как бы, вывело из такого радостного состояния. И я почувствовал, что я несчастен из-за того, что я сделал какую-то ошибку. Но как ее исправить? Я уже не знаю. И в это время вдруг превращение совершенно уникальное. Апулею даже не могло такое присниться или придуматься так. Вот эта Вайкуле и больше похожая на эту самую... на певичку, на эту Мадонну, она вдруг... вдруг она как бы... как бы она, она туда попадает, я тоже это не знаю, я во сне этого не вижу, она попадает в громадную бутылку. Вот такая бутылка, прозрачная, громадная, и она оказывается в этой бутылке. И ей очень тошно, ей плохо. Она много ела и вот этот вот вариант, что где-то еще была и эта еда... Я во сне не видел, я это как бы пропустил... Но ее тошнит, ей хочется вырвать или что... И я говорю:
- Подождите, подождите. Вы знаете, надо обязательно попить или с марганцовкой воду, или хотя бы минеральную воду. Но какую-то воду надо попить. Я сейчас вам принесу.
И я в такой... И я бегу из этого помещения, бегу искать, где же здесь воду можно найти. И я попадаю к Ривчику в магазин на Devon, который был. Попадаю к нему в кухню. И там идет какой-то сабантуй. Там много людей и Роза, и все остальные. И они говорят:
- О! А вот и Рудяк прибежал!
Я говорю:
- Послушайте! Мне очень важно, мне очень нужно для Вайкуле, мне нужна бутылка минеральной воды.
- Илья! Возьмите вон там.
И мне там быстро дают бутылку воды. И я бегу обратно и попадаю все-таки там, где Высоцкий... и в бутылке находится Мадонна – Вайкуле. И я говорю:
- Давайте, давайте, возьмите.

И она, как бы так, сужается и подходит к этому горлышку. Оно не такое большое, но все-таки горлышко. И я туда даю эту воду, лью. И она выпивает и буквально... И я говорю:
- До конца выпейте, до конца. Потому что это очень важно, чтобы побольше было там воды, влаги.
И как только она выпила эту воду, она, как соска такая получилась, как будто она, как ребенок, вот так выпила эту всю воду. И буквально через пару секунд из нее вышло все, что только там накопилось. И это какой-то как... всякая еда, дрянь какая-то. И Высоцкий говорит:
- Да! Как это прекрасно!
И употребил слово, которое я не запомнил. Ну, оно как бы... это как такое... абсистенция или что-нибудь такое вот, что... Нет, это была мысль какая-то. Я... нет, мне показалось, что это слово такое. Но это имелось ввиду, что вот пришел тот момент, когда все должно выйти из желудка. Вот такое как бы. Я думаю:
- Вот есть, оказывается, такое определение, которое я даже и не знал.
Но я его и не запомнил. И таким образом, я как бы замолил свой грех, который я совершил. И как-то стало легче. И я не знаю, вышла ли из бутылки Мадонна – Лайма, этого я не знаю. Но я как-то снял с души вот такой грех.
И вот интересная деталь, теперь интересен момент, откуда это все происходит? Первое. Я... это все было вчера. Я вчера слушал песни Лаймы Вайкуле. Это было где-то часов в одиннадцать вечера. И это известная песня про Акопулько. И я подумал:
- Голос прекрасный, очень милый.
Песня бессмысленная, в смысле, эти слова, хотя, может их и Резник написал. Но это очень какая-то такая банальная.... Но не в этом дело. Ее голос настолько привлекает и ритм какой-то. И я подумал, что:
- Все- таки она своеобразная. Она имеет свое «Я», она имеет свой стиль. И поэтому, она не похожа на других. И ее приятно слушать. И пускай это будут «таверни», их уже тысячи, наверное. И она все-таки в этом интересна.
И вспомнился мне эпизод, что когда она была здесь, организаторы этого вечера сказали... Я подошел, я хотел поблагодарить ее и принес даже .... Это было весной, принес этот букетик... этих... Ну, я наломал это, ну не черемуху, а ... О, боже мой, я вспомню. И я принес с собой, это было очень красиво так. И они говорят:
- Нет, она никого – там сказал человек – она никого не пропускает.
И я говорю:
- Нет, я попробую.

Я подошел к двери, где ее... в комнате, где она переоделась уже. И она была полуоткрыта. И она стояла у двери, а человек... а женщина, которая стояла возле двери сказала:
- Нет, только если она скажет, что можно пройти.
Я так постучал тихонечко и она оглянулась и увидела меня. Просто только увидела. Седого человека, я был тогда с палкой, это после... и цветочки в руках. Она говорит:
- Заходите, заходите. Только подождите, я сейчас только...
Я поблагодарил так и стал так и наблюдал, как она еще заканчивала там... вытирала лоб или что. И она говорит:
- Да, слушайте, я вообще, не даю интервью.
И я говорю:
- Никакого интервью мне нужно. Я просто хотел вас поблагодарить за тонкость, за стиль.
Я ей сказал пару каких-то очень таких точных слов приятных. Она говорила:
- Я очень тронута.
Подала мне руку. Я ей ее поцеловал. И она сделала такую надпись на афишке и говорит:
- Я тоже рада, что я вас увидела.
Тут какой-то куда... Да, и вот эта женщина, ну которая там была, у нее был фотоаппаратик и я попросил ее сфотографировать нас. И она сфотографировала. То есть, вот этот момент, что она все-таки, увидев такого седого ливня, увидела в дверях и согласилась, чтобы я к ней зашел, так как-то запомнилось и мне было приятно, будем так говорить. Хотя, сейчас для меня это и смешно. Поэтому я все это назвал, эту книжку, которую я сейчас собираюсь издать «Автографоманией». И вот, вот отсюда пошел... и то, что я слушал песню. И вот эта ситуация, что она меня... ну, вдруг, в миг к себе «приголубила», вот это как раз, все это связано вот с той встречой, связано с той песней, которую я сейчас только слушал. Почему тут появился Высоцкий? Тоже мне абсолютно ясно. Дело в том, что в том же «вчера», я правил альбомчик, который я сейчас подготовил «Высоцкий и Одесса». И там много фотографий, где он с Мариной Влади в Одессе. Но он как-то все время в голове у меня, конечно, сидит этот этот сон. И поэтому я.... А вот минеральную воду, конечно, да... а где достать? Да, тут еще один интересный момент. Конечно, это в каком-то русском магазине. И я попадаю к самому ближайшему к моему другу, земля ему пухом. Он уже умер, к Ривчику, который держал этот магазин. И я всегда там мог взять минеральную воду, которую я именно у него покупал. Но тут еще

интересно другое, что Оля приболела. Первый раз за всю жизнь, что я с ней живу тридцать восемь лет и до этого, я никогда не видел ее заболевшей. Она простыла. И я молил как-то бога и все, что может быть, я зря иногда так часто говорил, что она никогда не заболевает. И вот она заболела. И это очень тяжело для нее, потому что она ничего не принимает. Только каким-то усилием воли и мыслей, она хочет это все вылечить. Но ей было нехорошо и голова болела. И я сказал, что:
- Надо сделать марганцовый такой раствор и выпить и вырвать.
И она согласилась в этот раз. И она выпила и вырвала и ей стало намного легче. И вот это немедленно отразилось в этом варианте, что вот Мадонна – Лайма тоже должна вырвать. Так что:
- Уважаемый господин Фрейд! Как я смогу связать вот эту эротику, то, что случилось с Мадонной – Лаймой и со мной, с тем сном, который я видел? То есть, он отражает только, конечно, мысли. Ну, правда тут есть безусловно... Тут есть и желание, есть то, что как бы говоря, присутствует в сознании, в подсознании, конечно.
И поэтому, я думаю, что:
- Теория ваша, конечно, во многом и многое сделала для культуры, для психологии, для психоанализа, для всего, для литературы, в первую очередь, я бы даже сказал. Но не всегда так это можно трактовать. Поэтому есть возможности и с вами поспорить, и противоречить. И в тоже время, это может быть, и каким-то доказательством вашей теории.

***

Снился мне... я долго не записывал сны, но я их просто отметил. Что вспомнится, то я и запишу. Значит, снился такой сон – я выхожу на берегу океана. И вдруг я смотрю громадные такие... Ну, я их называю этажерками такими, какие-то странные такие машины... Мне когда-то снился сон, но это было какая-то этажерка, как бы с неба сошла, железная. Но это построено по принципу этажерки, но она громадного размера. И она так плавно погналась за мною по саду школьному. Этот сон я записал.
А вот сейчас совсем другая ситуация. Берег моря, я стою там и вижу, что две вот такие необычайные... высоты, корабельные такие, роста, этажерки железные. Они, как бы там, просвечиваются, то есть, это не сплошное железо. Но они поставлены на какой-то остов такой. И там стоит, значит, типа рулевой. Ну, и он держится за какой-то, может быть, руль или что-то другое. И каким-то нажатием кнопки или вот там вот... рванул мотор, зажигает этой веревкой или что-то. И эти этажерки начинают такой бешеный... с такой бешеной скоростью мчаться по океану. И главное, оно

варьируют и так легко – легко, между какими-то там скалами, между всякими другими какими-то другими... Там стоят корабли еще что ли... И они так легко – легко все это делают и один и второй вот такой моторист, будем так его называть, который управляет вот этими громадинами. Они так, в тоже время, и изящны, и это не глиссеры, не корабли, не лодки, ничего... А именно такое нараможднение какого-то... друг с другом соединенного какого-то такими большими рельсами, будем так говорить. И вот они мчатся по этому океану с такой бешеной скоростью. И так же легко причаливают обратно и становятся на якоре, становятся недалеко от берега. И впечатление очень сильное и в тоже время, устрашающее, потому что я начал думать:
- А может быть, эти... они служат ему для каких-то совершенно уникальных операций? Могут корабль протаранить, могут что угодно сделать.
И всего один человек этим всем управляет. И я стою и думаю:
- Что же это такое?
И я иду по берегу и попадаю в какую-то... ну, такую лабораторию что ли. И она вся сияет белизной. И там тысячи труб, трубок каких-то... Они соединены друг с другом. Я вижу только одно такое помещение. Как я туда попал? Меня никто не проверил и пропустил и ни одного человека там нету. И я начинаю теряться и думаю:
- Надо же еще отсюда выйти.
И я нахожу какой-то... типа турникет такой. И я думаю:
- Ну, вот я сейчас попробую туда... А он сейчас поднимет какой-то... серены возникнут и...
И я так осторожно начинаю трогать этот турникет рукой и думаю:
- Пропустит он меня или нет?
Пропустил. И я выхожу опять как бы в какой-то... на какую-то такую площадку. А с этой площадки ведет такой мостик в другое помещение. И я направляюсь туда. Там было... и это уже на воздухе, не в закрытом помещении. И я думаю:
- Никуда уже не буду заходить, я просто посмотрю куда уже можно выйти, на тот же берег океана.
И вдруг идет со стороны, как бы океана, идет группа людей. Это русские какие-то... или ученые. И я думаю:
- Может это, может это лаборатория Ферми?
Я даже, я даже никогда там не был и не знаю, как она там... как она там устроена. И я слышу русскую речь. И они меня узнают, как будто. И они говорят:
- Слушайте, А вы книги с собой не взяли для продажи?

А я говорю:
- А вы какие имеете ввиду книжки? Мои книжки? Для автографа?
- О! – говорит.- Может быть и для автографа.
Я говорю:
- Я, к сожалению, не взял. Ну, если вы будете еще тут в городе, вы можете зайти даже сейчас прямо ко мне просто домой.
Ну, они так благодарно... уходят вот в этот же турникет, уходят туда. И я с такой радостью выхожу обратно так, как бы к океану. Но там уже совсем другой пейзаж, нету вот этих устрашающих этажерок. И сон куда-то улетучивается.

***

Этот сон в Одессе происходит. И я иду по Садовой как будто... Нет, не по Садовой, а по Короленко, по Ольгиевской. Иду, может быть, к себе даже домой. И со мной рядом, она появляется как-то неожиданно, с ребенком, с девочкой, очень красивая женщина. И она явно как-то так со мной... ну, что ли близка была или есть, я не знаю... Мне трудно даже сейчас вспомнить, как во сне это было. Но она настолько приятная, что мне, конечно, это лестно, что... Но она как бы принадлежит мне или со мной хочет быть, или была, или будет – тут трудно... Я... Но появляется Бардов-Скляренко, вот этот актер, который имел... Он хорошо начинал там в театре Оперетты. И он... И я его потом часто встречал. И он мне говорит:
- Илья, а вы знаете, что это моя жена?
Я говорю:
- Ваша жена ж ведь Жадушкина Галя. Это же я знаю. А это же совершенно другая женщина, которая если ваша жена, так... ради бога... Но почему-то она ко мне там благоволит и я не могу ничего другого сказать.
Он говорит:
- Мне, конечно, я понимаю, что вы не виноваты. Но так оказалось, что это мой ребенок...